

Вестник Европы
1907
т. 3.

№ 6 - Июнь

ЗАПИСКИ С. М. СОЛОВЬЕВА

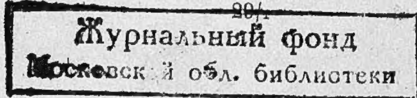
Мои записки для дѣтей моихъ,

а если можно, и для другихъ.

XVII *).

Первою непріятностью для насъ въ университетѣ была перемѣна ректора. Прежній ректоръ дослужилъ (въ 1847 г.) свой срокъ, и вотъ анти-Строгановская, черная партія, которая стала называть себя Уваровскою, начала выдвигать своего кандидата, Перевощикова, человѣка чернаго, грубаго... Строгановъ не терпѣлъ его за его черноту, но держалъ, какъ хорошаго профессора; видя нерасположеніе Строганова, Перевощиковъ, вмѣстѣ съ Давыдовымъ, Погодинымъ и Шевыревымъ, подлѣзъ къ Уварову; теперь онъ торжествовалъ съ выходомъ Строганова и стремился въ ректоры. Мы, разумѣется, противились избранію Перевощикова всѣми силами, но насъ было мало; мы опирались на то, что Перевощикова нельзя выбирать, ему остается до заслуженнаго профессора гораздо менѣе четырехъ лѣтъ, на которыя выбирается ректоръ; но большинство выбрало Перевощикова; относительно же незаконности выбора, написали въ протоколѣ, что совѣтъ проситъ министра утвердить избраннаго и мимо законности; но совѣтъ никогда не думалъ просить, и мы протестовали противъ этой статьи въ протоколѣ. Уваровъ утвердилъ

*) См. выше: май, стр. 5.

Перевощикова, какъ своего, но понятно, что въ новомъ ректорѣ мы получили злого врага, который сталъ хлопотать, какъ бы выжить молодыхъ Строгановскихъ, которые покрупнѣе, а другихъ скрутить. Онъ сталъ провозглашать, что мы—опасные либералы, что насъ нельзя терпѣть; дѣйствовалъ въ этомъ смыслѣ у Уварова, у новаго генералъ-губернатора Закревскаго (какъ утверждали,—я самъ, разумѣется, не слыхалъ его докладовъ); мнѣ лично сдѣлалъ онъ гадость осенью же 1848 года, убѣдивъ Уварова взять назадъ данное мнѣ позволеніе читать публичныя лекціи. Это было мнѣ крайне тяжело въ томъ отношеніи, что я крайне тогда нуждался, женившись и обзаводясь хозяйствомъ въ тяжелый голодный годъ, когда все было очень дорого; потомъ, въ генварѣ 1849 года, онъ уговорилъ Уварова взять назадъ утвержденіе мое ординарнымъ профессоромъ, придирался къ моимъ лекціямъ, сказалъ декану Шевыреву (выбранному вмѣсто Давыдова, перешедшаго въ директоры педагогическаго института), что я на первыхъ лекціяхъ, читая обзоръ русской исторической литературы, бранилъ всѣхъ писателей, бывшихъ до меня, и такимъ образомъ старался, будто бы, показать, что до меня не было сдѣлано ничего по русской исторіи. Справедливо ли это было, мнѣ не нужно говорить, ибо эти лекціи напечатаны въ „Архивѣ Калачова“,—всякій, слѣдовательно, можетъ видѣть, какъ обруганы мною Татищевъ, Щербатовъ, Болтинъ и Платонъ. Говорятъ, что нѣсколько разъ пытался онъ представить Уварову необходимость меня выжить, но Уваровъ всякій разъ отмалчивался: я уже выдавался впередъ, обо мнѣ много кричали, а придраться было не къ чему; пострадалъ менѣе извѣстный, менѣе видный, Бодянскій, какъ жертва гнуснаго мщенія Уварова Строганову. Въ „Обществѣ Исторіи и Древностей“, гдѣ Строгановъ остался предсѣдателемъ, а Бодянскій секретаремъ, напечатали въ „Чтеніяхъ“ переводъ Флетчера. Уваровъ сдѣлалъ изъ этого исторію, донесъ царю, что это сочиненіе страшно антицензурное, и вотъ что дѣлаетъ Строгановъ! Я не знаю, какъ отписался Строгановъ, но Уваровъ спѣшилъ нанести ему самый чувствительный ударъ: онъ велѣлъ Бодянскаго перевести изъ Москвы въ Казань, а на его мѣсто—тамошняго профессора славянскихъ нарѣчій, Григоровича, въ Москву. Бодянскій, поддержанный Строгановымъ, не поѣхалъ, вышелъ въ отставку, и какъ только Уваровъ вышелъ изъ министерства, Строгановъ настоялъ у новаго министра Ширинскаго-Шихматова, чтобъ тотъ отмѣнилъ приговоръ предшественника своего; Бодянскій опять получилъ свою каѳедру въ московскомъ университетѣ, а Григоровичъ былъ поворочепъ назадъ въ Казань.

Въ это время, когда подъ прикрытіемъ правительственнаго направленія черная Уваровская партія въ университетѣ торжествовала надъ Строгановскою, мы представляли гонимую церковь; но и въ этомъ печальномъ состояніи было не безъ утѣшеній. Мы всѣ, молодые профессора, опредѣлили сблизиться тѣсно, ничего не дѣлать безъ взаимнаго совѣта, собираться у каждаго по очереди на вечера и толковать. Кто же составлялъ это общество? Катковъ, я, Шестаковъ и пріѣхавшіе изъ-за границы Кудрявцевъ, Леонтьевъ и Пеховскій; послѣ уже примкнулъ къ намъ Грановскій и еще нѣсколько молодыхъ. Грановскій не былъ отпущенъ министерствомъ въ отставку подъ предлогомъ, что еще не дослужилъ казеннаго срока, но Кавелинъ и Рѣдкинъ вышли. Я долженъ сказать нѣсколько словъ о членахъ нашего кружка, о которыхъ еще не было рѣчи. Катковъ, какъ уже было упомянуто, былъ выбранъ въ одинъ день со мною въ профессора и получилъ каѳедру философіи. У этого человѣка была престранная природа. Это былъ человѣкъ чрезвычайно даровитый, съ блестящимъ талантомъ публициста; талантъ его обнаруживался во время движенія, спора; чтобъ выжать у него этотъ талантъ, надобно было задѣть его колоссальное самолюбіе,—иначе этотъ человѣкъ предавался совершенному бездѣйствію, просиживалъ дни и ночи на диванѣ въ халатѣ, почесывая голую грудь, или расхаживая по комнатѣ. Онъ вступилъ въ университетъ по филологическому факультету, блистательно кончилъ курсъ, съѣздилъ за границу, прожилъ года два въ Берлинѣ, слушалъ Шеллинга, потомъ возвратился, написалъ прекрасную филологическую диссертацію и былъ выбранъ въ профессора философіи,—а почему, до сихъ поръ остается это для меня темнымъ; вѣроятнѣе всего потому, что не было другой каѳедры свободной. Каѳедра была не по немъ, какъ и вообще всякая каѳедра была бы не по немъ. Какъ даровитый человѣкъ, разумѣется, онъ не могъ читать дурно; лекціи исторіи философіи возбуждали сочувствіе въ слушателяхъ, но лекціи логики и психологіи совершенно пропадали: ни одинъ студентъ ничего не понималъ въ нихъ, и вина была не на одной сторонѣ студентовъ. Эта обязанность читать предметъ, къ которому не имѣлъ большого сочувствія, предметъ, котораго не понимали слушатели, вообще противная природѣ его обязанность потрудиться срочно надъ составленіемъ лекцій, и лекцій неблагодарныхъ, эта обязанность была страшно тяжела для Каткова; другіе имѣли блестящій успѣхъ, о другихъ кричали, другіе выставлялись на первый планъ, а онъ былъ въ тѣни, о немъ не говорили или отзывались неблагосклонно, какъ о человѣкѣ, не-

способномъ къ своему дѣлу, не приготовленномъ по крайней мѣрѣ. Каково же это было для такого громаднаго самолюбія! И вотъ Катковъ поникъ, изнемогъ, по цѣлымъ полугодіямъ сказывался больнымъ, и велъ ужасную жизнь, — сидѣлъ взаперти въ своей комнатѣ, ничего не дѣлая, и не будучи боленъ физически; напротивъ, у него была прекрасная натура, ибо кто другой могъ бы вынести такое положеніе, не разрушившись физически или не сойдя съ ума? Къ послѣднему, впрочемъ, онъ нѣкогда былъ близокъ: однажды вечеромъ ко мнѣ пріѣзжаетъ братъ его и съ встревоженнымъ видомъ проситъ, чтобъ я пріѣхалъ къ нимъ, поговорилъ, разговорилъ брата его Михайлу; я отправился, нашелъ философа въ сильной хандрѣ, говорилъ, что умѣлъ, въ такомъ затруднительномъ положеніи, но могъ ли я помочь ему! Помогла благодѣтельная судьба. Уваровъ, при всемъ своемъ лакействѣ, не могъ оставаться министромъ, при учащенныхъ ударахъ, наносимыхъ просвѣщенію, вышелъ въ отставку; министромъ былъ назначенъ товарищъ его князь Ширинскій-Шихматовъ. Много терпѣла древняя Россія, Московское государство, отъ нашествія татаръ, предводимыхъ его предками—князьями Ширинскими, самыми свирѣпыми изъ степныхъ наѣздниковъ; но память объ ихъ губительныхъ опустошеніяхъ исчезла; а вотъ во второй половинѣ XIX-го вѣка новый Тамерланъ наслалъ степного витязя, достойнаго потомка Ширинскихъ князей, на русское просвѣщеніе. Человѣкъ ограниченный, безъ образованія, писатель, т.-е. фразеръ, бездарный, Ширинскій славился своимъ благочестіемъ, набожностью. Дѣйствительно, онъ былъ исполненъ страха предъ Богомъ и предъ помазанникомъ Его, исполненъ страха предъ архіереями, особенно же исполненъ страха предъ діаволомъ и „аггелы“ его, исполненъ страха до того, что по ночамъ обкладывалъ себя дровами, дабы не стать добычею домового. Ставши министромъ просвѣщенія, онъ началъ прежде всего дѣйствовать противъ духа невѣрія: для этого представилъ императору о необходимости уничтожить каѳедру философіи въ университетахъ, поручивъ чтеніе логики и психологіи священникамъ-профессорамъ богословія, не позаботясь прежде о томъ, чтобъ эти профессора богословія были порядочные люди, могшіе прилично являться на каѳедрѣ предъ слушателями, съ научнымъ образованіемъ, съ даровитостью и теплотою, быть проповѣдниками Евангелія, а не диктовальщиками сухихъ параграфовъ такъ называемаго догматическаго и нравственнаго богословія. И вотъ этимъ-то людямъ дали теперь еще читать философію. Нашъ бездарный, сухой, но умный и

добросовѣстный Терновскій со слезами отмаливался отъ новой каѳедры, выставлялъ свою совершенную неприготовленность къ ней; ему выставили высочайшее повелѣніе, и старикъ долженъ былъ приниматься за логику и психологію. Катковъ такимъ образомъ потерялъ каѳедру философіи. Для вознагражденія этихъ профессоровъ философіи, потерявшихъ свои каѳедры, Ширинскій создалъ новую каѳедру педагогіи. Какъ будто люди, вредные на каѳедрѣ философіи, могли быть невредны, преподавая педагогію? Но Катковъ не получилъ и каѳедры педагогіи, какъ увидимъ впослѣдствіи.

О Шестаковѣ (Сергѣѣ Дмитріевичѣ) мнѣ сказать нечего, ибо я не знаю случая, въ которомъ бы онъ могъ рѣзко выставиться, и я съ нимъ тѣсно не сближался; считался онъ человѣкомъ умнымъ, хорошимъ, былъ образованъ, трудолюбивъ, но большихъ способностей не имѣлъ. Онъ былъ курсомъ старше меня, занимался древними языками, по окончаніи курса отличился, какъ учитель латинскаго языка, и былъ опредѣленъ преподавателемъ въ университетъ.

Петръ Николаевичъ Кудрявцевъ—высокій, худощавый, плѣшивый, съ болѣзненнымъ, грустнымъ, привлекательнымъ лицомъ, тихимъ пріятнымъ голосомъ; онъ былъ изъ числа даровитыхъ, съ высшими стремленіями людей, надорванныхъ нравственно семинаріею. Всѣ выходцы изъ духовныхъ училищъ въ свѣтскія дѣлились на три класса: одни, натуры спокойныя, не очень даровитыя, оставляли духовное поприще или случайно, или по разсчету, выходили въ медики, служили по учебной, ученой, судебной и административной части, дослуживались, наживались, не относясь враждебно къ мѣстамъ прежняго своего воспитанія, къ духовнымъ училищамъ, а скорѣе съ сочувствіемъ, благодарностью; другіе, люди съ сильными и безпокойными натурами, вырывались изъ семинарій и академій, люди даровитые, но шумные, крикуны, относившіеся обыкновенно враждебно къ своему прошлому и отличавшіеся противоположными церковному стремленіями, впадавшіе въ другія крайности; наконецъ, третьи, натуры мягкія, впечатлительныя, они чувствовали сильнѣе другихъ всю черную сторону семинарщины, но скрадывали все это въ себѣ, и если имъ удавалось выбраться на просторъ въ свѣтское званіе, то они очень враждебно относились къ своему прошлому, но не высказывали этого, по крайней мѣрѣ очень рѣдко и не рѣзко: Кудрявцевъ принадлежалъ къ третьему изъ этихъ разрядовъ. Мягкая и болѣзненная его природа сильно оскорблена была грязью и жесткостью семинарскаго быта; онъ былъ сынъ мо-

сковскаго (кладбищенскаго) священника; это дало ему большія, сравнительно, удобства для того, чтобъ почаще выглядывать изъ оконъ своей темницы на широкій міръ; онъ почитывалъ, почувствовалъ въ себѣ дарованіе, началъ писать повѣсти, сблизился съ Бѣлинскимъ и, разумѣется, легко пошелъ по покатой дорогѣ отрицанія ненавистнаго прошлаго; но самая мягкость, нѣжность и болѣзненность природы не допустили его до крайностей, или, по крайней мѣрѣ, до рѣзкаго выраженія этихъ крайностей. Кудрявцевъ перешелъ въ университетъ въ историко-филологическій факультетъ, гдѣ не могъ, разумѣется, не прильнуть къ самому симпатичному изъ профессоровъ, Грановскому; тотъ, въ свою очередь, не могъ не отмѣтить симпатичнаго, даровитаго и трудолюбиваго, начитаннаго Кудрявцева, и представилъ его къ отсылкѣ за границу по каѳедрѣ исторіи. Въ университетѣ, во время студенчества, я видалъ Кудрявцева мелькомъ: онъ былъ курсами двумя старше меня, и сблизился съ нимъ только тогда, когда онъ возвратился изъ-за границы и поступилъ преподавателемъ въ университетъ. Я сказалъ, что Кудрявцевъ былъ даровитъ, но талантъ его былъ легкаго свойства; въ своихъ лекціяхъ и сочиненіяхъ онъ не отличался ни силою и самостоятельностью мысли, ни художественностью изложенія (какъ Грановскій); вялость, натянутость и обиліе иностранныхъ словъ бросались въ глаза; особенно непріятно поражало послѣднее и обличало отсутствіе силы, способности вполнѣ овладѣть предметомъ, сдѣлать его совершенно своимъ. Но какъ человѣкъ, какъ товарищъ, Кудрявцевъ былъ чрезвычайно привлекателенъ: въ немъ было что-то святое, и это святое было самаго мягкаго, снисходительнаго свойства, въ немъ видѣлось отсутствіе страстей, но безъ холодности, напротивъ—какая-то очень пріятная ласкающая теплота. Сильно привязывались всѣ къ Грановскому, но при немъ, какъ при человѣкѣ крупномъ, все же, несмотря на его гуманность, должны были держать руки по швамъ въ извѣстномъ отношеніи; при Кудрявцевѣ этого было не нужно, и его очень любили близкіе къ нему люди.

Павелъ Михайловичъ Леонтьевъ—маленькая, двугорбая фигура съ четвероугольнымъ матово-блѣднымъ лицомъ, густыми русыми волосами, карими, холодными, не проницательными, но внимательными, старающимися проникнуть, и потому очень непріятными глазами. Первое, что̀ поражало въ Леонтьевѣ внимательнаго человѣка, это—напряженное вниманіе, съ какимъ онъ обращался ко всему, желаніе проникнуть, изучить человѣка, дѣло, отношеніе. Все это было бы прекрасно въ человѣкѣ даровитомъ,

съ благородными, чистыми, свѣтлыми стремленіями; но въ Леонтьевѣ этого ничего не было. Онъ былъ способенъ заниматься пустяками безъ устали, причемъ ему помогала необычайная медленность въ словахъ и дѣлѣ. Начнетъ говорить—тянетъ, тянетъ и утомляетъ слушателя, но самъ не утомляется; студенты смѣялись, что на лекціяхъ онъ дѣлалъ обыкновенно движенія руками, какъ бы загребалъ ими, помогая этимъ выходу словъ изо рта, которыя шли чрезвычайно медленно, съ крайнимъ затрудненіемъ. Заговорившись, т.-е. затянувшись, а не заболтавшись, онъ опаздывалъ со всѣмъ во всемъ: онъ постоянно опаздывалъ на лекціи, на желѣзныя дороги; во время экзаменовъ всегда нужно было посылать за нимъ солдата. Цѣпкость была отличительнымъ качествомъ Леонтьева: вцѣпится во что-нибудь — не отстанетъ; „собака" (репейникъ) есть лучшее для него подобіе. Эта цѣпкость въ каждомъ дѣлѣ была драгоцѣннымъ его качествомъ для Каткова, когда они вмѣстѣ издавали журналъ, газету, завели лицей: нетерпѣливый, впечатлительный, Катковъ приходилъ въ отчаяніе отъ каждой неудачи, отъ каждой ошибки, отъ каждаго препятствія; но Леонтьевъ вцѣпился крѣпко въ дѣло, и ничѣмъ нельзя было его отцѣпить; всякую бѣду онъ надѣется переждать, всякое препятствіе преодолѣть, всякую ошибку поправить; онъ вездѣ ровенъ, выдержливъ; бѣшеный Катковъ опрокинется на него съ упреками; Леонтьевъ выдержитъ спокойно и успокоитъ. Та же цѣпкость—въ привязанности и во враждѣ. Хвалили его привязанность къ роднымъ; привязанность его къ Каткову и семейству послѣдняго была изумительна; и вовсе не нужно объяснять ее чѣмъ-нибудь корыстнымъ. Но, какъ сказано, Леонтьевъ былъ цѣпокъ во враждѣ, и здѣсь онъ былъ отвратителенъ по мелкости взгляда, по стремленію копаться въ отхожихъ мѣстахъ натуры человѣческой, обходя мѣста чистыя,—это былъ художникъ клеветы; всякій совершенно случайный поступокъ непріятнаго ему человѣка онъ перетолковывалъ въ дурную сторону и тутъ не робѣлъ ни передъ чѣмъ; наглость, до какой онъ могъ доходить въ клеветѣ, ошеломляла; честный человѣкъ поникалъ, окончательно падалъ духомъ на первое время; тутъ Леонтьевъ являлся совершенно адскимъ существомъ, ибо заставлялъ вѣрить въ силу зла. Интрига—было первое и послѣднее слово Леонтьева; все, по его мнѣнію, интриговало, ничто не дѣлалось просто; каждое движеніе, каждое слово искусно подводилось подъ извѣстную интригу, каждый камешекъ искусно обтачивался и служилъ для мозаической работы. Но когда Леонтьевъ появился среди насъ, то эти качества его вовсе не высказывались; мы приняли его какъ

умнаго, честнаго и знающаго свое дѣло человѣка, видѣли въ немъ хорошаго товарища. Онъ жилъ вмѣстѣ съ Кудрявцевымъ и Шестаковымъ; и тотъ и другой, какъ мы всѣ, имѣли объ немъ самое выгодное мнѣніе; только жена Кудрявцева, женщина очень умная и привлекательная (не наружно, потому что была дурна собою), позволяла себѣ въ дамскомъ обществѣ отзываться не очень хорошо о Леонтьевѣ по отношенію къ его не физическимъ, а нравственнымъ горбамъ. Острое чутье женскаго существа, живущаго болѣе чувствомъ, чѣмъ головою!..

Дружескій кружокъ и молодость, еще полная надеждъ, помогли намъ пережить то тяжелое время. Что мы были отданы подъ надзоръ полиціи—это насъ не безпокоило и не мѣшало нашимъ дружескимъ собраніямъ. Грановскій, тѣснѣе сблизившійся съ нами вслѣдствіе отъѣзда Герцена за границу, естественно по своему значенію, какъ общій учитель, сталъ душою кружка; къ нашему же кружку примыкалъ человѣкъ, о которомъ нельзя не отозваться съ благодарностью за тѣ минуты чистаго, молодого и трезваго веселья, которыми онъ насъ дарилъ въ нашихъ собраніяхъ,—минуты драгоцѣнныя особенно потому, что дарились въ тяжелое, безотрадное время: то былъ Сергѣй Петровичъ Полуденскій, старше меня курсомъ по университету. Несмотря на свои связи, которыя могли бы доставить ему сильное служебное движеніе, онъ взялъ скромное мѣсто университетскаго библіотекаря; его тянуло къ высшимъ интересамъ, которыми жили лучшіе представители науки. Этотъ человѣкъ обладалъ неистощимымъ запасомъ веселости и остроумія; въ послѣднемъ онъ уступалъ развѣ Герцену, но зато у Полуденскаго не было Герценовской колючести, нетерпимости и односторонности; онъ былъ неподражаемъ въ придумываніи сценъ, въ которыхъ дѣйствовали очень знакомые всѣмъ люди, вносившіе каждый комическую сторону своего характера и быта. Кромѣ урочныхъ собраній, бывало, послѣ лекціи идешь въ библіотеку, и тамъ въ отдаленной комнатѣ найдешь милаго библіотекаря и съ нимъ одного или двоихъ изъ нашихъ: тутъ узнаешь всѣ новости, и отдохнешь въ умномъ, серьезномъ разговорѣ, и посмѣешься вдоволь отъ комическихъ разговоровъ и остротъ Полуденскаго. И этотъ человѣкъ, виновникъ нашей веселости, долженъ былъ готовиться къ скорой смерти: всѣ братья его одинъ за другимъ умирали чахоткою, и доходила уже очередь и до нашего Сергѣя Петровича. Нашъ кружокъ расширялся, благодаря Грановскому, который дѣлалъ иногда обѣды, вечера и, приглашая насъ, приглашалъ и людей изъ другого своего кружка, который чувствительно опустѣлъ, ли-

шившись Герцена; приглашались и молодые подростки, будущіе ученые дѣятели, профессора Бабстъ, Чичеринъ и другіе. Изъ этого кружка, сводимаго съ нашимъ у Грановскаго, виднѣе или собственно слышнѣе всѣхъ былъ Кетчеръ. Студентъ московской медико-хирургической академіи, Кетчеръ до глубокой старости сохранилъ студенческій образъ жизни; добрый малый, отличный товарищъ, готовый на услугу, крикунъ, буянъ, вовсе не пьяница, но, дорвавшись до шампанскаго, перепьетъ всѣхъ, неряшливый, беззаботный — вотъ Кетчеръ при поверхностномъ знакомствѣ. Будучи медикомъ и служа по медицинской части, онъ не былъ практическимъ врачомъ, и вмѣсто медицинской практики сталъ заниматься литературою, вслѣдствіе чего и сблизился съ литераторами и вообще съ людьми, имѣвшими сферу пошире; онъ былъ извѣстенъ какъ переводчикъ Шекспира, котораго, по его собственному, выраженію онъ не переводилъ, а *перепиралъ*; онъ слѣдилъ за легкою литературою, особенно за театромъ, и при тогдашнихъ небольшихъ требованіяхъ получилъ въ кружкѣ людей, занимавшихся литературою, почетное мѣсто и сильный голосъ, и какъ обыкновенно бываетъ въ слабомъ обществѣ, разступающемся передъ силою, сталъ мужикомъ-горланомъ. Я нашелъ Кетчера уже совершенно сформировавшимся. Собирается общество разсуждать о чемъ-нибудь, спорятъ тихо; вдругъ изъ передней раздается трескучій голосъ и является человѣкъ довольно высокаго роста, съ круглою, гладко обстриженною головою, очень некрасивымъ, но замѣчательнымъ лицомъ, въ истертомъ сюртукѣ, безъ бѣлья, лѣтомъ въ бѣлыхъ панталонахъ безъ подштанниковъ. „Что, о чемъ идетъ дѣло?“ Ему говорятъ — о чемъ. — „А, — кричитъ Кетчеръ, — это ты (тотъ или другой изъ собесѣдниковъ) все толкуешь объ этой дряни!“ (книга, пьеса или человѣкъ) — и дѣлается стремительное нападеніе, сопровождаемое насмѣшками и остротами, иногда порядочными, возбуждающими общій хохотъ, иногда тупыми; но насмѣшки пересыпались и безцеремонною бранью, напримѣръ: „вѣдь, это отъ того, что ты глупъ, ничего не понимаешь!“ или: „такъ говорятъ только такіе дураки, какъ ты!“ Обыкновенно Кетчеръ выбиралъ себѣ жертву, кого-нибудь изъ присутствующихъ, и цѣлый обѣдъ или вечеръ, по поводу какого-нибудь событія или слова, издѣвался надъ несчастнымъ, на потѣху публикѣ; я уже сказалъ, что было принято на Кетчера не сердиться, крикомъ и бранью его не оскорбляться. Увидѣвши разъ человѣка, Кетчеръ при другомъ свиданіи говорилъ уже ему *ты* и считалъ себя вправѣ выбирать его себѣ жертвою на обѣдъ или ужинъ.

XVIII.

Такъ мы проживали самое тяжелое время конца Николаевскаго царствованія. Бѣда, общій гнетъ—сближаютъ людей, и это сближеніе, соединеніе силъ даютъ имъ возможность легче переносить горе. Литературный интересъ былъ силенъ. Несмотря на то, что мысль была въ опалѣ, скована цензурою, книжки журналовъ ожидались съ нетерпѣніемъ и прочитывались съ жадностью; но мнѣ эти журналы часто приносили и горе. Съ самаго вступленія на каѳедру я предался сильнѣе литературной дѣятельности по страсти къ предмету, по любопытству, съѣдавшему меня съ дѣтскихъ лѣтъ, по крайней необработанности предмета моего преподаванія. Разумѣется, я могъ бы ограничиться чтеніемъ, выписываніемъ, составленіемъ хорошихъ лекцій; но кромѣ общаго людямъ стремленія заявлять свою умственную дѣятельность, у меня были еще и другія побужденія печататься какъ можно скорѣе и какъ можно больше. Во-первыхъ, отличительною чертою моего характера была торопливость: я спѣшилъ во всемъ—скоро ѣлъ, скоро ходилъ, всегда являлся первый; называли это аккуратностью, но это была торопливость; мнѣ не сидѣлось дома, я не могъ ничѣмъ заняться, когда нужно было куда-нибудь ѣхать; понятно, что я точно такъ же торопился писать и издавать. Во-вторыхъ, и безъ этой врожденной торопливости я побуждался какъ можно больше и скорѣе издавать: я добылъ себѣ мѣсто съ бою и долженъ былъ его удерживать боемъ, долженъ былъ въ короткое время сдѣлать столько, чтобъ не смѣли сказать, что университетъ проигралъ, замѣнивши стараго профессора Погодина новымъ. Наконецъ, къ сильному труду побуждали меня семейныя обстоятельства: я женился въ началѣ 1848 года, и каждый годъ у меня пошли дѣти: профессорскаго жалованья было мало. Съ самаго начала моей литературной дѣятельности два первые журнала-соперника—„Современникъ“ и „Отечественныя Записки“ просили моего сотрудничества, и я сталъ участвовать въ нихъ обоихъ: въ „Современникъ“ сталъ давать статьи подписанныя: обзоръ смутнаго времени, царствованія Михаила Ѳедоровича; въ „Отечественныя Записки“, кромѣ статей, подписанныхъ съ осени 1847 года, я взялся писать рецензіи о книгахъ и изданіяхъ по русской исторіи, и эти статьи являлись безъ подписи. Помню, что съ особенною злостью я разбиралъ исторію русской церкви Филарета за его односторонне-славянофильскій и клерикальный

взглядъ. Но эта-то журнальная дѣятельность и причиняла мнѣ часто горе. Являлся нумеръ журнала, гдѣ помѣщена моя статья; по моему разсчету должно выйти столько-то печатныхъ листовъ — смотрю, выходитъ меньше: цензоръ вымаралъ! Оскорбленіе было тѣмъ чувствительнѣе, что смолоду я обращался съ наукою уважительно, не позволялъ себѣ тенденціи, передавалъ факты, связывая и освѣщая ихъ; передавалъ факты, почерпая ихъ изъ источниковъ печатныхъ, самимъ же правительствомъ бо́льшею частію изданныхъ. И тутъ невѣжественный и желающій непремѣнно что-нибудь вычеркнуть цензоръ вычеркивалъ! Однажды онъ вычеркнулъ изъ моей статьи донесеніе Годуновскаго шпіона, что Филаретъ Никитичъ жилъ съ своимъ слугою душа въ душу, и поэтому отъ вѣрнаго слуги нельзя ничего вывѣдать. Я справился черезъ редакцію, зачѣмъ выключена такая прекрасная черта изъ жизни родоначальника Романовыхъ. Цензоръ объяснилъ, что вычеркнулъ изъ опасенія, чтобъ не подумали, будто между Филаретомъ и слугою была противоестественная связь. Съ 1848 года я началъ заниматься „Исторіею Россіи“. Дѣло сначала шло медленно, лекціи не были еще всѣ приготовлены, много надобно было писать постороннихъ статей изъ-за куска хлѣба; кромѣ того, задерживали нелюбимыя мною изслѣдованія о начальныхъ временахъ, такъ что первый томъ могъ выйти только въ августѣ 1851 года.

А между тѣмъ въ университетѣ произошли важныя перемѣны. На мѣсто Голохвастова, явившагося совершенно неспособнымъ къ управленію, вслѣдствіе своей медленности, нерѣшительности, привычки много говорить и не дѣлать, назначенъ былъ генералъ Назимовъ, пользовавшійся особеннымъ расположеніемъ императора и еще бо́льшимъ—наслѣдника. Назимовъ былъ человѣкъ добрый, простой, необразованный, со всѣми привычками тогдашняго *енарала:* при первомъ удобномъ случаѣ любилъ нашумѣть, распечь подчиненнаго, но послѣдній не долженъ былъ этимъ оскорбляться, потому что его превосходительство, распекши, потомъ и обласкаетъ его. Самая дурная привычка въ немъ — это была привычка къ казнокрадству, которую оправдывали всегдашнею нуждою, бѣдностью. Но, несмотря на это, я, какъ всегда говорилъ, такъ и напишу, что назначеніе Назимова было благодѣяніемъ для университета въ то время гоненія. Его главное правило, общее генеральское правило, состояло въ томъ: „Будьте покойны, в. в., у меня все покойно и хорошо“. Его послали попечителемъ, чтобъ онъ по военному скрутилъ университетъ, согнулъ въ бараній рогъ профессоровъ, этихъ злонамѣренныхъ либераловъ,

бунтовщиковъ. Но вмѣсто бунтовщиковъ генералъ нашелъ людей очень скромныхъ, почтительныхъ, робкихъ. Генералъ изумился: „Все наврали,—сказалъ онъ, никакого бунта нѣтъ въ университетѣ!“ Тщетно ему внушали, чтобъ онъ не смотрѣлъ на наружность, что эти тихони содержатъ въ себѣ скрытый ядъ, обманываютъ начальство. „Что же это такое,—отвѣчалъ Назимовъ на эти внушенія:—все подлецы да подлецы, гдѣ же честные-то люди?“ Наша судьба, судьба опальныхъ профессоровъ, быстро перемѣнилась къ лучшему при Назимовѣ. Новый попечитель искалъ въ университетѣ человѣка, котораго совѣтами могъ бы пользоваться въ совершенно новой для него сферѣ. Этотъ довѣренный человѣкъ, разумѣется, не могъ быть изъ профессоровъ, какъ людей, съ которыми Назимову было все же неловко, какъ неловко бы было съ какимъ-нибудь иностраннымъ путешественникомъ; довѣренный человѣкъ долженъ былъ быть изъ своихъ, изъ военныхъ. Такого онъ нашелъ въ инспекторѣ студентовъ изъ моряковъ, Ив. Абр. Шпейерѣ, человѣкѣ очень ловкомъ, готовомъ служить доброму начальнику, даже насчетъ казеннаго имущества, особенно во время построекъ, къ которымъ Шпейеръ былъ большой охотникъ и считался знатокомъ, почему и носилъ названіе „Ивана Строителя“. Въ университетѣ былъ обычай, что инспектора студентовъ, зависѣвшіе, по старому уставу, прямо отъ попечителя, враждовали съ ректоромъ, по пословицѣ, что два медвѣдя въ одной берлогѣ не уживутся, и дѣйствительно вина была на уставѣ, который сажалъ двоихъ медвѣдей въ одну берлогу. Шпейеръ сейчасъ же сталъ во враждебныя отношенія къ Перевощикову, и естественно сталъ ухаживать за нами, какъ находившимися въ оппозиціи ректору. Мы отвѣчали любезностью за любезность, ибо ничего не знали о строительныхъ наклонностяхъ Ивана Абрамовича, а видѣли въ немъ добраго, честнаго моряка, который сближается съ нами по сочувствію къ людямъ напрасно гонимымъ. Отсюда — дружба между молодыми профессорами и Шпейеромъ. Ко мнѣ онъ былъ особенно расположенъ по знакомству съ тестемъ моимъ, также морякомъ. Послѣ назначенія Назимова попечителемъ, я какъ-то сдѣлалъ визитъ генеральшѣ Тимоѳеевой, женѣ начальника военнаго корпуса, у котораго Назимовъ былъ начальникомъ штаба. Разговоръ пошелъ о назначеніи Назимова; генеральша говорила, что Назимовъ очень добрый человѣкъ, въ университетѣ будутъ имъ довольны; но, по совершенной неприготовленности къ дѣлу, попечитель нуждается въ человѣкѣ благонамѣренномъ, который бы познакомилъ его съ порядками новаго мѣста, далъ ему понятіе о людяхъ и проч.

Я отвѣчалъ, что такой человѣкъ есть, именно инспекторъ Шпейеръ. Мое указаніе принято было къ свѣдѣнію, и Шпейеръ сталъ довѣреннымъ человѣкомъ у Назимова. Благодаря ему, Назимовъ утвердился въ мысли, что все было наврано на молодыхъ профессоровъ, которые вовсе не бунтовщики, а ректоръ Перевощиковъ—негодяй, который гонитъ достойныхъ людей. Когда кто-то сказалъ ему про меня, что ходятъ слухи о моей неблагонамѣренности, то онъ отвѣчалъ: „Пустяки! я знаю его тестя, прекрасный человѣкъ!“ Въ этомъ отвѣтѣ Назимовъ высказался вполнѣ; но дѣло извѣстное, что „Dei providentia et hominum confusione Ruthenia ducitur“, и мы были выведены изъ опаснаго и тяжелаго положенія „енараломъ“ Назимовымъ, вѣрнѣйшимъ слугою императора Николая. Императоръ, съ цѣлью подтянуть университетъ и держать въ рукахъ бунтовщиковъ-профессоровъ, уничтожилъ выборныхъ ректоровъ и сдѣлалъ коронныхъ; но это распоряженіе послужило, по крайней мѣрѣ нашему университету, во благо, ибо удалило Перевощикова: Назимовъ, предубѣжденный противъ него разсказами Шпейера и находясь въ первое время подъ вліяніемъ Строганова, слышать не хотѣлъ о Перевощиковѣ, какъ постоянномъ коронномъ ректорѣ, и представилъ на это мѣсто прежняго ректора, Альфонскаго. Это было, разумѣется, наше торжество, ибо Перевощиковъ былъ нашъ врагъ, а за Альфонскаго мы стояли въ пользу его противъ Перевощикова. Альфонскій, дѣйствительно, оказался на это время прекраснымъ короннымъ ректоромъ: холодный, апатичный, любившій прежде всего спокойствіе и гранъ-пасьянсъ, онъ, чтобъ не нарушить собственнаго спокойствія, никогда не рѣшался нарушить спокойствіе другихъ, если только соблюдался внѣшній порядокъ, оказывалось внѣшнее уваженіе къ его превосходительству. „И прекрасно!“—была его любимая фраза. Удаленіе Уварова изъ министерства, врага Строганова, покровителя Давыдова, Погодина, Перевощикова, Шевырева, не могло опечалить меня, равно какъ и всѣхъ Строгановскихъ. Но и преемникъ его Ширинскій не замедлилъ показать намъ свое татарство. Въ 1850 году, въ августѣ мѣсяцѣ, онъ явился въ Москву и прежде всего, разумѣется, сталъ осматривать университетъ, ходить по лекціямъ. Пришелъ ко мнѣ; лекція была первая въ курсѣ; я говорилъ объ источникахъ русской исторіи, о лѣтописи, утверждалъ ея достовѣрность, опровергалъ скептиковъ, но закончилъ тѣмъ, что она дошла до насъ въ формѣ сборника, причемъ первоначальный текстъ, приписываемый Нестору, возстановить трудно. Что же? на другой день Ширинскій призываетъ меня къ себѣ и дѣлаетъ

самый начальническій выговоръ за мое скептическое направленіе, что я слѣдую Каченовскому: „Правительство этого не хочетъ! правительство этого не хочетъ!“ —кричалъ разъяренный татаринъ, не слушая никакихъ объясненій съ моей стороны. Погодинъ могъ радоваться выговору, полученному мною отъ министра; но радовался не долго: тотъ же Ширинскій выхлопоталъ высочайшее повелѣніе не подвергать критикѣ лѣтописнаго извѣстія о смерти Димитрія-царевича,—слѣдовательно, волею-неволею нужно было утверждать, что Димитрій убитъ Годуновымъ; точно также запрещено было подвергать критикѣ вопросъ о годѣ основанія русскаго государства, ибо-де 862-й годъ назначенъ *преподобнымъ* Несторомъ; запрещено произносить греческія слова по Эразму, ибо новогреческое произношеніе утверждено православною церковью введеніемъ въ духовныя училища. Понятно, какъ должна была вести себя цензура, подчиненная такому министру. Бывало, съ трепетомъ ждешь нумера журнала, гдѣ помѣщена моя статья: сколько-то выпущено цензурою? И всегда найдешь выпуски и недоумѣваешь, что̀ могло бы заставить выпустить то или другое мѣсто, тотъ или другой отрывокъ изъ акта, уже напечатаннаго въ правительственномъ изданіи. Но какъ догадаться о побужденіяхъ невѣжды, который, спѣша играть въ карты, мараетъ, что̀ ему угодно, ибо знаетъ, что за вымаранное не подвергается отвѣтственности. А у несчастнаго автора разстраивается здоровье отъ этого, ибо кромѣ разбойничьяго похищенія умственной собственности, искаженія литературнаго произведенія, отнималось и матеріальное имущество, отнимался кусокъ хлѣба у семейства.

Я уже упоминалъ объ уничтоженіи философскихъ каѳедръ Ширинскимъ. Катковъ остался безъ каѳедры; ему слѣдовало получить каѳедру педагогіи; но въ это время подбился къ Назимову Шевыревъ и получилъ сильное вліяніе, какъ *преподаватель христіанскій*. Въ это время Шевыревъ былъ деканомъ историко-филологическаго факультета на мѣсто Давыдова, переведеннаго Уваровымъ еще въ директоры педагогическаго института. Шевыреву возмнилось, что педагогія должна быть главнымъ руководящимъ предметомъ въ факультетѣ, и потому ее нельзя отдать какому-нибудь Каткову, надобно взять себѣ. Онъ успѣлъ убѣдить въ этомъ Назимова, тотъ успѣлъ убѣдить въ этомъ Ширинскаго, и каѳедра педагогіи отдана была Шевыреву, который оставилъ за собою и каѳедру словесности, самъ получилъ двѣ каѳедры, а Катковъ остался безъ мѣста.

Эта продѣлка Шевырева возбудила къ нему страшную ненависть въ нашемъ кружкѣ, и когда подошли деканскіе выборы,

то Шевыревъ былъ забаллотированъ, и въ деканы выбранъ Грановскій. Но Шевыревъ не хотѣлъ снести такого пораженія, и Назимовъ съ Ширинскимъ рѣшили, что Грановскій—человѣкъ подозрительный, либералъ извѣстный, и потому не можетъ быть деканомъ, вслѣдствіе чего наши выборы были кассированы, и Шевыревъ былъ назначенъ отъ министра деканомъ. Ненависть къ *казенному* декану стала еще сильнѣе.

XIX.

Между тѣмъ я началъ „Исторію Россіи". Давно, еще до полученія каѳедры, у меня возникла мысль написать исторію Россіи; послѣ полученія каѳедры дѣло представлялось возможнымъ и необходимымъ. Пособій не было; Карамзинъ устарѣлъ въ глазахъ всѣхъ; надобно было, для составленія хорошаго курса, заниматься по источникамъ; но почему же этотъ самый курсъ, обработанный по источникамъ, не можетъ быть переданъ публикѣ, жаждущей имѣть русскую исторію полную и написанную, какъ писались исторіи государствъ въ западной Европѣ? Сначала мнѣ казалось, что исторія Россіи будетъ обработанный университетскій курсъ; но когда я приступилъ къ дѣлу, то нашелъ, что хорошій курсъ можетъ быть только слѣдствіемъ подробной обработки, которой надобно посвятить всю жизнь. Я рѣшился на такой трудъ и началъ съ начала, ибо, какъ уже сказано, предшествовавшіе труды не удовлетворяли. Къ веснѣ 1851 года я приготовилъ первый томъ и отдалъ его въ цензуру. Когда вѣсть объ этомъ распространилась, попечитель Назимовъ, встрѣтивъ меня не помню гдѣ, спросилъ меня, почему я не хочу посвятить своей книги императору, а если не хочу посвятить императору, то посвятилъ бы наслѣднику. Я отвѣчалъ, что не имѣлъ бы ничего противъ посвященія императору, но не считаю себя вправѣ ходатайствовать объ этомъ,—дѣло трудное; притомъ же, пожалуй, отдадутъ мою книгу въ академію наукъ для оцѣнки, достойна ли она чести посвященія, академикъ же Устряловъ уже обнаружилъ ко мнѣ свое нерасположеніе, объявивъ, что моя докторская диссертація не стоитъ Демидовской преміи, на которую я ее представилъ; еслибъ я былъ увѣренъ, что дѣло обойдется безъ академіи?.. „Вы ординарный профессоръ университета,—сказалъ Назимовъ,—вы имѣете полное право просить о посвященіи; напишите мнѣ письмо, я ѣду въ Петербургъ и попрошу министра, чтобъ онъ прямо доложилъ государю". Я поблагодарилъ добраго „енарала" и написалъ ему письмо,

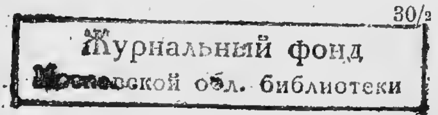
которое онъ и повезъ въ Петербургъ. Когда онъ возвратился, я отправился къ нему, и по лицу его сейчасъ увидалъ, что добрякъ не успѣлъ оказать мнѣ услугу. „Министръ,—сказалъ онъ,—никакъ не согласился доложить государю о посвященіи: нельзя, говоритъ онъ, посвящать первый томъ; неизвѣстно, успѣетъ ли онъ кончить; когда кончитъ сочиненіе, тогда я доложу. Послѣ не разъ со смѣхомъ вспоминалъ я объ этомъ обѣщаніи доложить: когда умеръ Ширинскій, умеръ Николай I-й, перемѣнилось много министровъ просвѣщенія,—а „Исторія Россіи" все не оканчивалась, выходя каждый годъ. Съ радостью вспоминаю я и о томъ, что книга не была посвящена Николаю. Впрочемъ, дѣло этимъ не кончилось. Первый томъ оканчивался печатаніемъ къ августу 1851 года. Въ это время Москва находилась въ сильномъ движеніи; ждали пріѣзда императора, который хотѣлъ въ первопрестольной столицѣ праздновать двадцатипятилѣтіе своего царствованія. Назимовъ опять говоритъ мнѣ: „Хотя посвященіе и не дозволено, но приготовьте подносные экземпляры: я поднесу ихъ императору и всѣмъ членамъ царской фамиліи, которые пріѣдутъ въ Москву". Я приготовилъ экземпляры и отвезъ попечителю. Императоръ пріѣзжаетъ, и скоро разносится слухъ, что онъ мраченъ, недоволенъ: онъ ждалъ болѣе торжественнаго пріема, ждалъ поднесенія титуловъ за двадцатипятилѣтнее славное царствованіе, и ничего не было. Какое вліяніе это неудовольствіе монарха имѣло на судьбу моей книги, я не знаю; знаю, что Назимовъ передалъ мнѣ письменную благодарность наслѣдника (впослѣдствіи государя Александра II), устную благодарность другихъ членовъ фамиліи, а объ экземплярѣ для императора сказалъ, что ген.-губернаторъ гр. Закревскій взялъ его у него для поднесенія императору; но что̀ сталось съ этимъ экземпляромъ—мнѣ неизвѣстно: побоялся ли Закревскій подносить профессорскую книгу, швырнулъ ли ее раздраженный царь — ничего не знаю; знаю одно, что Назимовъ въ присутствіи приближенныхъ людей горевалъ, что я не получилъ подарка за поднесенный экземпляръ.

Но дѣло и этимъ не кончилось. Весною 1852 года выходилъ изъ печати второй томъ „Исторіи Россіи". Я спрашиваю Назимова, приготовлять ли подносные экземпляры; тотъ отвѣчаетъ, что приготовлять: „Я,—говоритъ онъ,—отошлю ихъ для поднесенія министру, съ увѣдомленіемъ, что первый томъ поднесенъ". Экземпляры приготовлены, отправлены въ Петербургъ. Какія же слѣдствія? Не помню, въ маѣ или іюнѣ мѣсяцѣ меня требуютъ въ канцелярію попечителя, останавливаютъ у загородки, отдѣлявшей столы чиновниковъ отъ мѣста, гдѣ должны были стоять

просители, и правитель канцеляріи читаетъ мнѣ бумагу министра, гласящую, чтобъ я не смѣлъ безпокоить его сіятельство присылкою подносныхъ экземпляровъ моей „Исторіи", что они подносимы быть не могутъ до окончанія сочиненія, присланные же экземпляры будутъ до этого времени храниться въ министерствѣ. Рѣшительно не понимаю, что заставило Назимова, котораго не перестану называть добрымъ человѣкомъ, сдѣлать мнѣ такой аффронтъ: развѣ онъ не могъ показать мнѣ бумагу у себя дома, или переслать ко мнѣ копію? Но среди такихъ любезностей одно мнѣ нѣсколько польстило. Изъ членовъ царской фамиліи въ 1851 году не было великаго князя Константина Николаевича. Вскорѣ послѣ отъѣзда царскаго изъ Москвы я получаю письмо отъ секретаря великаго князя, Головнина, въ которомъ онъ пишетъ, что ген. Муравьевъ указалъ великому князю на мою книгу, великій князь прочелъ ее съ большимъ удовольствіемъ и проситъ присылать къ нему слѣдующіе томы, даже за границу, куда великій князь отправляется.

До сихъ поръ написаніе русской исторіи считалось у насъ, какъ нѣкогда составленіе лѣтописи, дѣломъ государственнымъ. При изъявленіи намѣренія оказывались всевозможныя пособія. Карамзину данъ былъ титулъ исторіографа вовсе не въ томъ смыслѣ, въ какомъ онъ употреблялся на Западѣ, но данъ былъ для того, чтобъ написанію и древней русской исторіи дать значеніе труда государственнаго. Устряловъ точно также принялся за написаніе исторіи Петра Великаго съ богатыми субсидіями отъ правительства. Полевой сдѣлалъ свой наѣздъ на русскую исторію не на счетъ государства, а на счетъ общества. Я предпринялъ свой трудъ съ чисто-научною цѣлью выучиться самому, чтобъ быть въ состояніи читать сколько-нибудь достойный университета курсъ русской исторіи и дать средство другимъ знать основательно свою исторію, а не толковать вкось и вкривь о ней, и чтобъ отнять занятіе у людей-охотниковъ въ мутной водѣ рыбу ловить. Но при этомъ я не либеральничалъ, и когда правительственное лицо предложило мнѣ отдать мой трудъ подъ покровъ государя, посвятивъ императору, хотя и антипатичному мнѣ, я согласился. Посвященіе и даже поднесеніе книги было отвергнуто, государство отказалось отъ моего труда; какъ же отнеслось къ нему общество?

Сначала появленіе книги было принято очень радушно; 1.200 экземпляровъ перваго изданія разошлись быстро; книгопродавецъ Салаевъ купилъ у меня большинство экземпляровъ и послѣ самъ мнѣ признавался, что покупка была для него очень

выгодна. Но скоро ополчился легіонъ, съ тѣмъ, чтобъ стереть съ лица земли дерзкаго профессоришку, осмѣлившагося стать на высоту Карамзина. Это мое выраженіе, можетъ быть, не совсѣмъ будетъ понятно молодымъ поколѣніямъ. Въ литературахъ сильныхъ, развитыхъ, гдѣ много обширныхъ и важныхъ историческихъ сочиненій, начало обширнаго и важнаго историческаго труда встрѣчается сочувственно, не нарушая правъ другихъ знаменитостей, правъ законно пріобрѣтенныхъ. Въ нашей литературной степи было не такъ. Послѣ ставшаго неудобоваримымъ Щербатова, внутренними и внѣшними средствами поднялась знаменитость — Карамзинъ. Явленіе не прошло безъ завистливыхъ протестовъ со стороны ученой братіи и со стороны шумливыхъ и невѣжественныхъ либераловъ, этой язвы нашего земскаго общества, убивающей въ немъ всякое правильное движеніе къ свободѣ. Карамзинъ свысока, аристократически равнодушно взглянулъ на чернорабочихъ копотуновъ, да и нельзя было иначе, когда они, выругавшись, протягивали къ нему руку за милостынею, какъ Ходаковскій; но шумливый протестъ либераловъ затронулъ исторіографа, тѣмъ болѣе, что съ крикунами надобно было встрѣчаться въ великосвѣтскихъ салонахъ; чтобъ помирить ихъ съ своею исторіею, онъ бросилъ имъ искаженный, разсѣченный пополамъ трупъ Ивана Грознаго; но умилостивительная жертва не помогла; либераламъ нужно было пожертвованіе не случайностью, не лицомъ, а принципомъ. Впрочемъ, Карамзинъ понапрасну тревожился, прикрытый щитами кружка, сильнаго дарованіями чиновъ, ихъ общественнымъ и государственнымъ положеніемъ, прикрытый и отношеніями къ императору. По смерти Карамзина, кружокъ сдѣлалъ изъ него полубога, и горе дерзкому, который бы осмѣлился поставить свой алтарь подлѣ божества. Неудавшаяся попытка Полевого еще болѣе утвердила кружокъ въ томъ мнѣніи, что идолъ его останется навсегда на недосягаемой высотѣ и блескомъ своихъ лучей будетъ освѣщать ихъ и давать имъ значеніе. Легко теперь понять, съ какимъ чувствомъ Блудовъ и Вяземскій встрѣтили появленіе перваго тома „Исторіи Россіи“, тѣмъ болѣе, что они имѣли основаніе опасаться успѣха: трудъ ученый, являющійся черезъ двадцать-пять лѣтъ послѣ Карамзина; авторъ могъ воспользоваться всѣми успѣхами исторической науки и далъ уже въ прежнихъ трудахъ своихъ задатокъ, что способенъ ими воспользоваться, способенъ удовлетворить настоящимъ потребностямъ образованныхъ русскихъ людей, — такой трудъ могъ отдалить „Исторію государства россійскаго“ на второй планъ не по значенію его въ исторіи русской

литературы, а для настоящихъ потребностей публики, и этого опасенія уже было очень достаточно для жрецовъ Карамзина. Блудовъ, человѣкъ вообще очень привѣтливый, хорошаго тона, рѣшился сказать мнѣ въ лицо, что мое предпріятіе очень смѣло— писать русскую исторію послѣ Карамзина; другое дѣло, еслибъ я издалъ лекціи о русской исторіи, которыя я читаю въ университетѣ. Я отвѣчалъ, что заглавіе лекцій было бы странно для труда, который грозитъ быть очень обширнымъ, многотомнымъ. Это еще болѣе озлило Блудова, и онъ сказалъ нелѣпость, показавшую все его невѣжество. „Да,—сказалъ онъ,—и въ Англіи пробовали писать многотомныя исторіи, а до Юма-то не досягнули". Здѣсь кстати сказать нѣсколько словъ о Блудовѣ, ибо онъ представляетъ явленіе, возможное только въ русскомъ обществѣ второй половины XIX вѣка. Вездѣ такъ называемое счастіе играетъ важную роль, но нигдѣ оно не играетъ такой громадной и такой безобразной роли, какъ у насъ на Руси (о, Русь! o, rus!), и Блудовъ представляетъ баловня этого безобразнаго счастія. Небогатый, незнатный, непригожій, недаровитый, онъ достигъ высшей степени чести, до какой только можно достигнуть подданному; человѣкъ съ самымъ поверхностнымъ образованіемъ, которое впослѣдствіи стерлось вслѣдствіе общей нашимъ знатнымъ людямъ привычки не читать, по недостатку времени, тратящагося на множество пустяковъ, Блудовъ до самаго конца слылъ самымъ образованнымъ человѣкомъ, что объявлялось на весь свѣтъ въ императорскихъ рескриптахъ. Эта репутація происходила отъ того, что онъ сначала принадлежалъ къ литературному кружку, имѣвшему значеніе наверху, терся около Карамзина, Жуковскаго, Вяземскаго, Пушкина, и потомъ, поднявшись по служебной лѣстницѣ, сталъ меценатствовать. Но, какъ уже сказано, изъ этого покровительства исключался несчастный московскій профессоръ, осмѣлившійся писать „Исторію Россіи". Блудовъ, который, конечно, не прочелъ ни одной страницы этой исторіи, пользовался своимъ значеніемъ, чтобы топтать ее, а легко понять, какое значеніе имѣли публичные презрительные отзывы о моей книгѣ въ устахъ государственнаго мужа и образованнѣйшаго человѣка. Другой жрецъ Карамзина, кн. Вяземскій, также счелъ своею обязанностью вооружиться за монополію своего культа: его отношенія ко мнѣ видны всего лучше изъ того, что когда, впослѣдствіи, я былъ приглашенъ преподавать цесаревичу, то Вяземскій счелъ своею обязанностью протестовать у императрицы, выставляя, что я буду держаться взглядовъ противоположныхъ Карамзину, взгляды котораго по русской

исторіи одни суть истинные и достойные внушенія царственному отроку. Строганову стоило труда настоять на своемъ; но затруднительное положеніе Строганова высказалось: съ необыкновеннымъ въ немъ волненіемъ началъ онъ мнѣ вдругъ говорить, чтобъ я ни подъ какимъ видомъ не говорилъ Наслѣднику ничего противъ Карамзина. Когда я посмотрѣлъ на него изумленными глазами, то онъ принялъ это изумленіе за несогласіе и съ новымъ жаромъ началъ настаивать; тогда я разсердился и сказалъ, что напрасно онъ такъ безпокоится, у меня нѣтъ никакого побужденія и нѣтъ времени занимать Наслѣдника критикою „Исторіи Государства Россійскаго".

Легко понять, какъ эти жрецы полубога Карамзина обрадовались, когда увидали, что все, что̀ претендовало на какое-нибудь занятіе русскою исторіею, съ ожесточеніемъ накинулось на „Исторію Россіи". Этимъ господамъ было легко до сихъ поръ: на безрыбьи всѣ раки были рыбы, привыкли къ равенству при отсутствіи авторитетовъ; мертвый Карамзинъ не стѣснялъ; живые Погодинъ и Устряловъ—также, ибо всякій мальчуганъ считалъ для себя позволеннымъ пройтись на ихъ счетъ съ насмѣшкою, при очень небольшомъ уваженіи къ нимъ въ обществѣ. Успѣхъ двухъ моихъ диссертацій смутилъ, покоробилъ; сильно обрадовались, когда Погодинъ началъ полемизировать противъ нихъ, но все не было дружнаго ожесточеннаго нападенія; молодой профессоръ написалъ двѣ диссертаціи пописываетъ въ журналахъ—этимъ пожалуй все и кончится, и вдругъ дерзкій выдаетъ „Исторію Россіи"—первый томъ, значитъ, будутъ и другіе томы,—дерзкій, которому исполнилось только тридцать лѣтъ, въ Карамзины лѣзетъ, хочетъ быть господствующимъ авторитетомъ! Это нельзя было перенести равнодушно. Но, разумѣется, прежде всѣхъ не могъ перенести этого равнодушно Погодинъ. Просидѣлъ двадцать слишкомъ лѣтъ на каѳедрѣ, пріобрѣлъ авторитетъ перваго знатока Русской Исторіи, и на повѣрку что̀ сдѣлалъ?— написалъ двѣ диссертаціи о Варягахъ и Несторѣ. А этотъ молокососъ не только въ два года своего профессорства написалъ двѣ диссертаціи, и теперь приступилъ къ изданію обширной исторіи, хочетъ быть Карамзинымъ. Что̀ же ему, Погодину, въ гробъ, что-ли, ложиться? Лучше въ гробъ, чѣмъ стушеваться предъ какимъ-нибудь Соловьевымъ. Одна надежда, что дерзкое предпріятіе рухнетъ, какъ рухнула „Исторія Русскаго народа" Полевого; но надобно ускорить это паденіе, ополчиться и разнести по камешкамъ зданіе при самомъ его началѣ, разнести фундаментъ. Сотрудниковъ много. Съ шипѣніемъ, съ пѣною у

рта собирается около почтеннѣйшаго Михаила Петровича, ставшаго чрезвычайно популярнымъ, дружина, и походъ объявленъ. „Москвитянинъ“ открылъ свои страницы ругательными статьями противъ меня. Выступилъ какой-то Мстиславцевъ,— но кто его знаетъ и помнитъ? Выступилъ Бѣляевъ, которому я до тѣхъ поръ доставлялъ уроки, но который теперь нашелъ гораздо пріятнѣе и выгоднѣе для себя пристать къ кружку, могущему много сдѣлать для него, благодаря покровительству Блудова; Бѣляевъ, дѣйствительно, награжденъ былъ щедро по архиву юстиціи, гдѣ служилъ, и потомъ, по настоянію Погодина и Шевырева предъ Назимовымъ, попалъ въ профессора московскаго университета по каѳедрѣ исторіи русскаго права. Бѣляевъ, по своей способности борзописанія, взялъ на себя задачу по косточкамъ разбирать „Исторію Россіи“, не оставить ни одной строки безъ возраженія. Камни возопили; Калачовъ написалъ нѣчто; Погодинъ и дружина его могли разсчитывать на успѣхъ: постояннымъ ругательствомъ, исходящимъ отъ людей, считающихся спеціалистами, ошеломить русскую зеленую публику, остановить успѣхъ книги, ходъ ея, раздражить и утомить автора, который, видя себя окруженнымъ врагами и не видя ни откуда помощи, откажется отъ безполезной борьбы. Дѣйствительно, я пережилъ тяжелое время зимою 1851—52 года; я счелъ нужнымъ отписываться и отъ Бѣляева, и отъ Калачова,—трудъ страшно непріятный; трудъ защиты и трудъ одинокій. Но сила Божія въ немощи совершается; никогда не приходила мнѣ въ голову мысль отказаться отъ своего труда, и въ это печальное для меня время я приготовилъ и напечаталъ 2-й томъ „Исторіи Россіи“, который вышелъ весною 1852 года. Какъ видно, я защищался удачно не полемическими статьями, но именно томами исторіи, постоянно ежегодно выходившими; 3-й и 4-й томы не опоздали. Книга шла, несмотря на продолжавшуюся руготню въ „Москвитянинѣ“. Своею твердостью—я выигрывалъ дѣло въ глазахъ публики, а Погодинъ проигрывалъ—усиленіемъ ругательствъ, такъ что пріятели его сочли нужнымъ внушить ему, чтобъ онъ остановилъ ругательства, сильно ему вредившія.

XX.

Въ 1853 году, раннею весною, я поѣхалъ въ Петербургъ въ первый разъ, для сбора матеріаловъ въ Публичной Библіотекѣ, и былъ очень доволенъ, особенно напавши на тверскую лѣто-

пись. По пріѣздѣ, сдѣлалъ визитъ министру просвѣщенія; швейцаръ отвѣчалъ: „Князь у насъ очень боленъ, никого не принимаетъ". Чрезъ нѣсколько дней я узналъ о кончинѣ сего князя Ширинскаго. Передъ отъѣздомъ я отправился съ визитомъ къ его преемнику, Норову, отъ котораго пахнуло на меня сейчасъ же сильною оттепелью. Норовъ поразилъ меня своею противоположностью покойному министру. Прекрасное, симпатичное лицо съ грустнымъ оттѣнкомъ, добродушная привѣтливость, отсутствіе всего казарменнаго и департаментскаго — вотъ черты, которыя пріятно поражали въ Норовѣ. Но съ первыхъ же словъ поразило меня въ Норовѣ и неумѣнье избѣжать крайностей, характеризующее всѣхъ нашихъ господъ, наверху стоящихъ, и въ Норовѣ, по мягкости его натуры, видное болѣе, чѣмъ въ комъ-либо.— „А, чай, какъ вы насъ, Сергѣй Михайловичъ, ругаете, ругаете!" —обратился вдругъ ко мнѣ Абрамъ Сергѣевичъ. — „За что, в. п—ство?" — спросилъ я съ удивленіемъ.— „Да за цензуру-то; но вѣдь вы не знаете, съ какими препятствіями мы должны бороться", и проч. Удивительное дѣло! Защитники Николая толковали и толкуютъ, что цензурныя безобразія не отъ него происходили, что онъ не зналъ объ нихъ, и еслибъ зналъ, то не позволилъ бы. Но почему же императоръ объ нихъ не зналъ? Почему люди близкіе къ нему и привязанные къ нему не дали ему знать объ нихъ, какъ о явленіяхъ противныхъ его славѣ и пользѣ народа, почему позабыли свою присягу? Дѣло въ томъ, что Николай стоялъ спиной къ литературѣ; это знали и подлаживались изъ подлости къ положенію господина, не имѣя никакого сочувствія къ литературѣ,— провались эта дрянь, а понадобится что-нибудь прочесть отъ скуки, прочтемъ и французскую книжку; а другіе, немногіе, которые не такъ смотрѣли на дѣло, не смѣли подступиться къ деспоту съ непріятными для него представленіями, изъ робости,— слѣдовательно, тоже изъ подлости. Но понятно, что эти люди, замерзѣлые въ подлости, привыкшіе преклоняться предъ силою, привыкшіе не смѣть своего сужденія имѣть, при перемѣнѣ правленія, при появленіи новыхъ силъ, будутъ не въ состояніи вести дѣло систематически, правильно, разумно, станутъ трусить и подличать предъ новою силою, и такъ какъ старая сила еще оставалась, то будутъ двувѣрниками, представлять явленіе постыднаго служенія и нашимъ и вашимъ, рабство во дворцѣ, исканіе всѣми средствами милости владыки и въ то же время либеральничанья, заискиванья у литературныхъ и всякихъ демагоговъ.

Время, въ которое должны были обнаружиться эти печаль-

ныя явленія, приближалось. Надвигалась страшная туча надъ Николаемъ и его дѣломъ, туча восточной войны. Приходилось расплатиться за тридцатилѣтнюю ложь, тридцатилѣтнее давленіе всего живого, духовнаго, подавленіе народныхъ силъ, превращеніе русскихъ людей въ палки, за полную остановку именно того, что нужно было болѣе всего поощрять, чего къ несчастію такъ мало приготовила наша исторія,—именно самостоятельности и общаго дѣйствія, безъ котораго самодержецъ самый геніальный и благонамѣренный остается безполезнымъ, встрѣчаетъ страшныя затрудненія въ осуществленіи своихъ добрыхъ намѣреній. Нѣкоторые утѣшали себя такъ: „Тяжко! всѣмъ жертвуется для матеріальной, военной силы; но по крайней мѣрѣ мы сильны, Россія занимаетъ важное мѣсто, насъ уважаютъ и боятся". И это утѣшеніе было отнято въ доказательство, что духъ есть иже живитъ, плоть ничтоже пользуетъ, въ доказательство гибельности матеріализма, въ доказательство, что сила и матерія—не одно и то же.

Въ то самое время, какъ сталъ грохотать громъ надъ головою новаго Навуходоносора, когда Россія стала терпѣть непривычный позоръ военныхъ неудачъ, когда враги явились подъ Севастополемъ, мы находились въ тяжкомъ положеніи: съ одной стороны, наше патріотическое чувство было страшно оскорблено униженіемъ Россіи; съ другой, мы были убѣждены, что только бѣдствіе, и именно несчастная война, могло произвести спасительный переворотъ, остановить дальнѣйшее гніеніе; мы были убѣждены, что успѣхъ войны затянулъ бы еще крѣпче наши узы, окончательно утвердилъ бы казарменную систему; мы терзались извѣстіями о неудачахъ, зная, что извѣстія противоположныя приводили бы насъ въ трепетъ. Въ массѣ народной замѣтно было равнодушіе; причина войны не была ясна, правительственнымъ извѣстіямъ не вѣрили, причины неудачи не понимали, жертвовали машинально, патріотическія писанія въ стихахъ и прозѣ отличались поддѣльнымъ чувствомъ, не производили впечатлѣнія, все отличалось казенностью, какъ и слѣдовало.

Я находилъ отвлеченіе отъ тяжелыхъ думъ въ трудахъ надъ пятымъ томомъ „Исторіи Россіи"; были и другія занятія. Университетъ готовился праздновать столѣтній юбилей 12-го января 1855 года. Была назначена коммиссія для приготовленія къ торжеству—изъ декановъ Шевырева и Баршева (декана юридическаго факультета) и изъ профессоровъ Морошкина, Грановскаго и меня. Исторію университета взялся написать Шевыревъ; но я долженъ былъ участвовать въ словаряхъ профессоровъ и замѣ-

чательныхъ воспитанниковъ университета; кромѣ того, долженъ былъ написать рѣчь на актъ о Шуваловѣ. Самодержецъ, умягченный бѣдою, явился благосклоннымъ къ университету, при чемъ не безъ вліянія былъ благодушный новый министръ просвѣщенія, Норовъ. Человѣкъ, потерявшій ногу при Бородинѣ, являлся безпристрастнымъ и правдивымъ оцѣнщикомъ благонамѣренности русскихъ ученыхъ, болѣе безпристрастнымъ и правдивымъ, чѣмъ блестящій ученый и потому подозрительный Уваровъ и трепещущій подъячій Ширинскій. Норову удалось выхлопотать позволеніе представлять императору лучшія произведенія русскихъ ученыхъ и литераторовъ; моя „Исторія Россіи“ была представлена, вслѣдствіе чего я удостоился получить монаршее благоволеніе осенью 1854 года. Смягченіе Николая и вліяніе Норова высказались и на самомъ юбилеѣ въ ласковомъ рескриптѣ, въ очень щедрыхъ по тому времени наградахъ; Норовъ сдѣлалъ такъ, что получили награды только выдающіеся по своимъ способностямъ и учено-литературнымъ заслугамъ профессора; Грановскій и я получили орденъ Анны 2-й степени, но потомъ Назимовъ, уже послѣ юбилея, представилъ гуртомъ почти всѣхъ ординарныхъ профессоровъ къ той же наградѣ и хвастался своимъ подвигомъ: „Когда это бывало въ университетахъ, чтобъ ордена профессорамъ ящиками возили?“ —не думая по своей простотѣ, что значеніе отличія уронено. Моя рѣчь о Шуваловѣ не была произнесена на актѣ. Шевыревъ истомилъ публику своею рѣчью, очень длинною; давка и духота были невыносимыя; профессора должны были стоять около каѳедры, сѣсть было негдѣ, а тутъ Норовъ безпрестанно вызываетъ меня къ себѣ, прося, чтобъ я что-нибудь сократилъ въ своей рѣчи. Я исчеркалъ весь свой экземпляръ карандашомъ, отмѣчая, что̀ выкинуть; наконецъ, Норовъ вызываетъ меня и объявляетъ, что рѣчь вовсе не можетъ быть произнесена по недостатку времени и истомленію публики. Послѣ, когда рѣчь была напечатана, я былъ изумленъ отзывами, что она производитъ сильное впечатлѣніе своею смѣлостью и либеральностью. Я нарочно привожу это для того, чтобъ читатели поняли, что̀ въ Николаевское время считалось смѣлымъ и либеральнымъ. Самаринъ, пресловутый либералъ и страдалецъ за смѣлость, встрѣтивъ меня гдѣ-то, поздравилъ съ успѣхомъ моей рѣчи между либералами и объявилъ, что самъ Чаадаевъ такъ восхитился ею, что переводитъ ее на французскій языкъ. Но переводъ не былъ оконченъ, и впечатлѣніе моей рѣчи исчезло: раздался свистокъ судьбы, декораціи перемѣнены, и я изъ либерала, нисколько не мѣняясь, сталъ консерваторомъ.

Послѣ 15-го февраля, стали ходить слухи, что императоръ боленъ. 19-ое число было воскресенье; я пошелъ къ обѣднѣ въ свой приходъ (Николы-на-Пескахъ на Арбатѣ), въ которомъ былъ прихожаниномъ также и Хомяковъ; онъ подошелъ ко мнѣ и сказалъ: „Теперь, должно быть, уже присягаютъ въ сенатѣ: умеръ!“ Эти перемѣны царствующихъ лицъ при нашей формѣ правленія производятъ особое какое-то, ошеломляющее и отупляющее вначалѣ впечатлѣніе. Конечно, я не былъ опечаленъ смертью Николая, но въ то же время чувствовалось не по себѣ, примѣшивалось безпокойство, опасеніе: что̀ если еще хуже будетъ!? Человѣка вывели изъ тюрьмы, хорошо, легко дышать свѣжимъ воздухомъ; но куда ведутъ?—можетъ быть, въ другую, еще худшую тюрьму? Хорошо, если выпустятъ на свободу. Возвратясь домой, я нашелъ повѣстку—явиться въ мундирѣ въ университетскую церковь, для принесенія присяги. Пріѣхавши въ церковь, я встрѣтилъ на крыльцѣ Грановскаго; первое мое слово ему было: „умеръ!“ Онъ отвѣчалъ: „Нѣтъ ничего удивительнаго, что онъ умеръ; удивительно то, что мы съ вами живы“. То тревожное, ненормальное состояніе, въ какомъ мы тогда находились, располагаетъ къ суевѣрію. Такъ какъ это было воскресенье, то по обычаю я поѣхалъ обѣдать къ старику-отцу, и тутъ пришло извѣстіе, что во время звона на Ивановской колокольнѣ часть ея внутри обрушилась и задавила людей. Само по себѣ печальное событіе въ этотъ день произвело на всѣхъ особенно непріятное впечатлѣніе. Люди надѣются лучшаго, а тутъ въ первую же минуту черное предвѣщаніе! Но это впечатлѣніе, разумѣется, было непродолжительно, стали жить надеждою. Какъ-то я зашелъ къ Хомякову. Тотъ надѣялся по-своему: „Будетъ лучше,—говорилъ онъ;—замѣтьте, какъ идетъ родъ царей съ Петра,—за хорошимъ царствованіемъ идетъ дурное, а за дурнымъ—непремѣнно хорошее: за Петромъ I, Екатерина I—плохое царствованіе, за Екатериною I Петръ II—гораздо лучше; за Петромъ II Анна—скверное царствованіе; за Анною Елисавета—хорошее; за Елисаветою Петръ III — скверное; за Петромъ III Екатерина II — хорошее; за Екатериною II Павелъ — скверное; за Павломъ Александръ I — хорошее; за Александромъ I, Николай—скверное; теперь должно быть хорошее. Притомъ,—продолжалъ Хомяковъ,—нашъ теперешній государь страстный охотникъ, а охотники всегда хорошіе люди; вспомните царя Алексѣя Михайловича, Петра II“. Въ разговорахъ съ Хомяковымъ я обыкновенно улыбался и молчалъ; Хомяковъ точно также улыбался и трещалъ. „А вотъ,—продолжалъ онъ,—Чаадаевъ никогда со

мною не соглашается, говоритъ объ Александрѣ II:—развѣ можетъ быть какой-нибудь толкъ отъ человѣка, у котораго такіе глаза!"—И Хомяковъ залился своимъ звонкимъ хохотомъ. Вотъ какъ главы двухъ противоположныхъ московскихъ кружковъ отзывались о новомъ главѣ Россіи!

Первое время новаго царствованія умы были заняты печальнымъ исходомъ восточной войны. Александръ II прежде всѣхъ другихъ распоряженій по громадному наслѣдству долженъ былъ заплатить страшный долгъ, заключить постыдный миръ, какого не заключали русскіе государи послѣ Прута. Новый императоръ чувствовалъ всю тяжесть этого дѣла, весь позоръ его. Не знаю, оправдывалъ ли онъ себя внутренно, складывая всю вину на родителя, но историкъ, не оправдывая и не обвиняя, долженъ объяснить дѣло. Въ этомъ первомъ актѣ выразился характеръ новаго властителя и его положеніе, его окруженіе. Рожденный безъ выдающихся способностей, безъ энергіи, онъ получилъ образованіе самое одностороннее и, при умственной лѣни, не подумалъ употребить долгое время наслѣдничества на пополненіе недостатковъ образованія чтеніемъ и обращеніемъ съ людьми живыми и знающими: послѣднее, впрочемъ, если и не невозможно, то крайне трудно для наслѣдниковъ русскаго престола. Кромѣ обычныхъ военныхъ упражненій, Николай поручилъ своему наслѣднику начальство надъ военно-учебными заведеніями, что могло имѣть одну пользу — закрѣпить въ памяти будущаго государя предметы общаго образованія по учебникамъ кадетскихъ корпусовъ, ибо наслѣдникъ усердно посѣщалъ экзамены. Въ римской имперіи императоры восходили на престолъ изъ разныхъ званій; въ Россійской имперіи Александръ II вошелъ на престолъ изъ начальниковъ военно-учебныхъ заведеній. При восшествіи Александра II на престолъ, внѣшнія дѣла были вовсе не въ такомъ отчаянномъ положеніи, чтобъ энергическому государю нельзя было выйти изъ войны съ сохраненіемъ достоинства и существенныхъ выгодъ. Внутри не было изнеможенія, крайней нужды; новый государь, котораго всѣ хотѣли любить какъ *новаго*, обратясь къ этой любви и къ патріотизму, непремѣнно вызвалъ бы громадныя силы; война была тяжка для союзниковъ, они жаждали ея прекращенія, и рѣшительный тонъ русскаго государя, намѣреніе продолжать войну до честнаго мира непремѣнно заставили бы ихъ попятиться назадъ. Для отнятія предлога къ продолженію войны нужно было уступить Европѣ совокупное право распоряжаться турецкими дѣлами, но не уступать ничего болѣе — ни Дунайскаго устья, ни черноморскаго флота. Англичане одни не

могли вести войны, вся сила союза была у Франціи: нужно было прямо сблизиться съ Наполеономъ, что *новому* императору русскому было легко сдѣлать безъ всякаго униженія,—нужно было обѣщать Наполеону все относительно Италіи и Австріи. Пусть бы при содѣйствіи русскаго оружія Франція взяла Савойю и Ниццу, которыя взяла и безъ русскаго содѣйствія; но тогда французское пріобрѣтеніе уравновѣшивалось бы сохраненіемъ устьевъ Дуная, черноморскаго флота и пріобрѣтеніемъ Галиціи; ничто не могло быть популярнѣе войны съ Австріею,—Пруссія тогда не двинулась бы за Австрію, Пруссію можно было бы легко приманить. Но для этого, кромѣ широты взгляда, необходимы были смѣлость, способность къ почину дѣла, энергія. Ихъ недоставало у новаго императора, какъ у одного человѣка; ихъ бы достало у него, еслибы онъ былъ поддержанъ окруженіемъ, но около него не было ни одного человѣка силы умственной и нравственной. Его окружали тѣ же люди, съ которыми и Николай, изъ ложнаго страха воевать съ цѣлою Европою, сталъ пятиться назадъ и этимъ навязалъ себѣ на шею коалицію; и теперь раздавались одни возгласы: „Миръ, миръ, во что бы то ни стало!“—и миръ былъ заключенъ послѣ паденія Севастополя, тогда какъ Севастополь игралъ тутъ именно ту же роль, какую играла Москва въ 1812 году: тутъ-то, послѣ этой жертвы, и надобно было объявить, что война не оканчивается, а только начинается, чтобъ именно заставить союзниковъ ее кончить. Несмотря на то, что новый императоръ исполнялъ свято сыновнія обязанности, относясь благоговѣйно къ памяти Николая, котораго всюду величалъ незабвеннымъ,—съ перваго же раза почувствовалась реакція, перегибаніе дуги. Самъ императоръ естественно желалъ быть популярнымъ, какъ добрый, хорошій человѣкъ; кромѣ того, внутренними популярными преобразованіями желалъ заставить забыть позоръ внѣшнихъ отношеній. Въ природѣ его не лежало столько твердости, чтобъ самому умѣрять эти два сильныя стремленія, и, главное, недоставало широты взгляда, а этотъ недостатокъ проистекалъ отъ незнанія Россіи, ея настоящаго и прошлаго, незнанія умоначертанія своего народа и положенія различныхъ общественныхъ слоевъ; онъ дѣйствовалъ въ потемкахъ, часто шелъ не туда, спотыкался, озадачивался и трусилъ тамъ, гдѣ нечего было бояться, и шелъ прямо, бодро туда, гдѣ была дѣйствительно опасность. Изъ окружающихъ не было никого, кто бы освѣтилъ для него эту тьму; все это были слѣпые; нѣкоторые изъ нихъ могли не одобрять стремленій императора, желали остаться при старомъ, Нико-

лаевскомъ; нѣкоторые желали идти потише, поосторожнѣе, но они обнаруживали свое неодобреніе тайнымъ или явнымъ ворчаніемъ, и никто не смѣлъ, а главное, не умѣлъ, высказать свое мнѣніе предъ императоромъ: все это были лакеи, привыкшіе предъ господиномъ только льстить и поддакивать, говорить одно пріятное, для заискиванія добраго расположенія и ласки барина. Но, что̀ хуже всего, эти господа, воспитанные въ Николаевскомъ рабствѣ, не имѣли никакого гражданскаго мужества; они привыкли преклоняться предъ всякою силою, и когда Александръ II, по своей внутренней слабости и отсутствію внѣшней подпоры, не могъ сдержать реакціи, ослабилъ пружины власти и этимъ далъ просторъ такъ называемому отрицательному направленію, когда снизу раздались громкіе крики,—царская дворня, привыкшая только къ крикамъ команды, приняла и эти крики за крики команды, смутилась, не знала, что̀ дѣлать, попавши между двухъ огней,—и началось постыдное двоедушіе, двувѣріе, начали ставить свѣчи обоимъ богамъ, несмотря на ихъ противоположность; и кто чѣмъ болѣе подличалъ, льстилъ, заявлялъ свою преданность власти, тотъ всего сильнѣе подличалъ, льстилъ, заявлялъ свою преданность предъ представителями новой силы, всѣхъ больше либеральничалъ, и все это—въ одно и то же время.

У всѣхъ, начиная съ самого императора и его семейства, было стремленіе вырваться изъ Николаевской тюрьмы; но тюрьма не воспитываетъ для свободы, и потому легко себѣ представить, какъ будутъ куралесить люди, выпущенные изъ тюрьмы на свѣтъ, сколько будетъ обмороковъ у людей отъ непривычки къ свѣжему воздуху. Первымъ дѣломъ было бѣжать какъ можно дальше отъ тюрьмы, проклиная ее; слѣдовательно, первое проявленіе дѣятельности интеллигенціи должно было состоять въ ругательствѣ, отрицаніи, обличеніи, и все, что̀ говорило и писало, бросилось взапуски обличать, отрицать, ругать; а гдѣ же созиданіе, что̀ поставить вмѣсто разрушеннаго? На это не было отвѣта, ибо некогда было подумать, некому было подумать, не было привычки думать, относиться критически къ явленію, сказать самимъ себѣ и другимъ: „Куда же мы бѣжимъ, гдѣ цѣль движенія, гдѣ остановка?" Для подобныхъ вопросовъ требовалась твердость, гражданское мужество; но на эти качества давнымъ давно спроса не было, ихъ давно перестали поэтому предлагать, они вывелись; была мода—молчать и не думать; теперь пришла мода—кричать и отрицать, бранить все существующее; и желавшіе жить по модѣ принялись кричать, бранить, отрицать существующее. Въ концѣ-концовъ должны были придти къ одному рѣшенію: создать

мы не умѣемъ, насъ этому не учили, а существующее скверно, и потому надобно разрушить сплошь все—вотъ наше дѣло, а тамъ новое, лучшее, создастся само собою.

Хотя было мало, очень мало, но все же были люди съ авторитетомъ, люди науки, люди мысли и опыта, которымъ было не подъ-стать бѣжать, какъ угорѣлымъ, невѣдомо куда, которые могли поднять голосъ противъ такого бѣгства, пригласить остановиться, подумать, поусумниться въ пользѣ и необходимости безцѣльной бѣготни. Такихъ людей было мало, и главное, для укрѣпленія ихъ авторитета не было почвы, ибо въ Николаевское время все стремилось уничтожить эту почву; человѣкъ мысли и знанія былъ гонимъ. Если онъ имѣлъ вліяніе въ небольшомъ кружкѣ, то вслѣдствіе оппозиціи правительству, существующему порядку, вслѣдствіе того, что онъ необходимо относился отрицательно къ существующему. Бѣда была въ томъ, что въ это несчастное время самый положительный человѣкъ былъ отрицателемъ, и своимъ авторитетомъ пріучалъ къ отрицанію. Да и такихъ людей, повторяю, было очень мало, а большинство людей, стоящихъ наверху и долженствующихъ быть авторитетами, было таково, что подрывало всякій авторитетъ: это были глупцы, или, по крайней мѣрѣ, невѣжды и некрасивые въ нравственномъ отношеніи; надъ ними смѣялись, ихъ презирали, предъ ними преклонялись только физически, служебно, съ ненавистью въ сердцѣ, съ проклятьемъ на устахъ: гдѣ же тутъ могла быть привычка къ авторитету, нравственная дисциплина?

XXI.

Я сказалъ, что все, начиная съ самаго верха, стремилось выйти изъ положенія, созданнаго Николаемъ. Прежде всѣхъ стремился императоръ, который хотѣлъ быть популярнымъ, хотѣлъ громкими дѣлами внутренняго преобразованія загладить позоръ Парижскаго мира. Миръ былъ заключенъ, чтобъ поскорѣе имѣть возможность заняться внутренними дѣлами, разстройству которыхъ приписывалась военная неудача; слѣдовательно, возстановленіе народныхъ силъ черезъ перемѣну системы посредствомъ внутреннихъ преобразованій дастъ возможность Россіи подняться опять и во внѣшнемъ значеніи, и утвердить его прочно. Этотъ естественный, правильный, необходимый выводъ повторялся всюду и долженъ былъ торопить государя. Но какъ, съ чего начать? Сначала ничего опредѣленнаго не было. Необходимость осво-

божденія крестьянъ вовсе не сознавалась, тѣмъ болѣе, что Александръ II былъ связанъ съ наслѣднической стариной: будучи наслѣдникомъ, онъ высказывался рѣшительно противъ освобожденія; вотъ почему, ставши императоромъ, изъ самолюбія, желая быть послѣдовательнымъ, онъ, въ обращеніи къ дворянству, также высказывался противъ освобожденія. При неимѣніи системы, опредѣленныхъ цѣлей, какъ обыкновенно бываетъ, начали распускать, ослаблять вообще, пошла на это мода, началось либеральничанье. Но ясное дѣло, что какъ скоро почувствовали отсутствіе цѣлей, такъ начались движеніе и шумъ, странныя тѣлодвиженія съ цѣлью размять члены, дать крови правильное обращеніе, послышались разныя рѣчи, которыхъ прежде не слышно было. Стали бранить прошедшее и настоящее, требовать лучшаго будущаго. Начались либеральныя рѣчи; было бы странно, еслибъ первымъ же главнымъ содержаніемъ этихъ рѣчей не стало освобожденіе крестьянъ. О какомъ другомъ освобожденіи можно было подумать, не вспомнивши, что въ Россіи огромное количество людей есть собственность другихъ людей (причемъ рабы одинаковаго происхожденія съ господами, а иногда и высшаго: крестьяне—славянскаго происхожденія, а господа—татарскаго, черемисскаго, мордовскаго, не говоря уже о нѣмцахъ). Какую либеральную рѣчь можно было повести, не вспомнивши объ этомъ пятнѣ, о позорѣ, лежавшемъ на Россіи, исключавшемъ ее изъ общества европейскихъ, цивилизованныхъ народовъ? Такимъ образомъ, при первомъ либеральномъ движеніи, при первомъ вѣяніи либеральнаго духа, крестьянскій вопросъ становился на очередь. Волею-неволею надобно было за него приниматься. Кромѣ указаннаго нравственнаго давленія, указывалась опасность для правительства: крестьяне не будутъ долго сносить своего положенія, станутъ сами отыскивать свободу, и тогда дѣло можетъ кончиться страшною революціею. Освобожденіе совершилось. Сто лѣтъ тому назадъ, Екатерина, спросившая Россію относительно освобожденія крестьянъ, услыхала отвѣтъ рѣзко, рѣшительно отрицательный. Я въ „Исторіи Россіи“ изложилъ причины этого явленія. Александръ II не спрашивалъ объ этомъ у Россіи, и конечно, еслибъ вопросъ былъ подвергнутъ тайной всеобщей подачѣ голосовъ (исключая, разумѣется, крѣпостныхъ), то отвѣтъ, надобно полагать, вышелъ бы отрицательный. Въ экономическомъ отношеніи, особенно въ сѣверной Россіи, народонаселеніе въ сто лѣтъ не увеличилось до такой степени, чтобъ обязательный трудъ могъ быть замѣненъ вольнонаемнымъ; сѣверные землевладѣльцы должны были пострадать и сильно пострадать. Но дѣло въ томъ, что въ сто лѣтъ западное

давленіе чрезвычайно усилилось; русскій человѣкъ, по отношеніямъ къ остальной Европѣ, сталъ похожъ на человѣка съ маленькими средствами, но случайно попавшаго въ высшее, богатѣйшее общество, и для поддержанія себя въ немъ онъ долженъ тянуться, жить не по средствамъ, долженъ отказывать себѣ во многомъ, лишь бы быть прилично одѣтымъ, не ударить лицомъ въ грязь въ этомъ блестящемъ, дорогомъ ему обществѣ. Голоса помѣщиковъ были заглушены либеральными криками литературы, сосредоточенной въ столицахъ. Дѣло было произведено революціоннымъ образомъ: употребленъ былъ нравственный терроръ; человѣкъ, осмѣлившійся поднять голосъ за интересы помѣщиковъ, подвергался насмѣшкамъ, клеймился позорнымъ именемъ крѣпостника,—а развѣ у него была привычка поддерживать свое мнѣніе? Пошла мода на либеральничанье; люди, не сочувствовавшіе модѣ, видѣвшіе, что нарушаются ихъ самые близкіе интересы, пожимали плечами или втайнѣ яростно скрежетали зубами, но противиться потоку не могли, не смѣли и молчали. Какъ бы то ни было, переворотъ былъ совершенъ, съ обходомъ самаго труднаго дѣла—земельнаго. Крестьянъ надѣлили землею, заплативши за нее помѣщикамъ. Красные торжествовали: у прежнихъ землевладѣльцевъ отняли собственность и подѣлили между народомъ, замазавши дѣло выкупомъ, но выкупъ былъ насильственный! Глупые славянофилы торжествовали, не понимая, на чью мельницу они подлили воды: имъ нужно было провести общинное землевладѣніе! Во многихъ мѣстахъ съ самаго начала уже крестьяне не были довольны надѣломъ,—что же будетъ съ увеличеніемъ народонаселенія? Для простого практическаго смысла крестьянъ естественное и необходимое рѣшеніе вопроса представлялось въ новомъ надѣлѣ, и они стали его дожидаться, какъ чего-то непремѣнно долженствующаго послѣдовать. Стали дожидаться. Сначала дѣло обошлось спокойно, хотя на верху струсили, боялись народнаго возстанія; въ Петропавловской крѣпости приготовлены были средства къ защитѣ; положили обмануть ожиданіе: манифестъ былъ обнародованъ не 19-го числа февраля, а позднѣе, въ послѣднее воскресенье къ посту. Мѣры напрасныя, происходившія отъ незнанія состоянія народа вообще и русскаго въ то время въ особенности. Крестьяне приняли дѣло спокойно, хладнокровно, тупо, какъ принимается массою всякая мѣра, исходящая сверху и не касающаяся ближайшихъ интересовъ—Бога и хлѣба. Интеллигенція, по недостатку вниманія, изученія умоначертанія низшаго класса, изумлялась этому равнодушію, приписывала его или великимъ качествамъ народа, или его тупости,

кипятилась своимъ собственнымъ жаромъ, подзадоривая себя опьяняющимъ словомъ: „свобода“; а мужичокъ оставался спокойнымъ, не обращая вниманія на происходившее около него бѣснованіе. Простого человѣка свободою опьянить нельзя, ему надобно показать осязательно, что̀ выгоднѣе; но этого вдругъ показать было нельзя; цѣлаго установленія, сколько-нибудь сложнаго, онъ не пойметъ, онъ не приготовленъ къ этому привычкою обращенія мысли въ широкихъ сферахъ, школьнымъ и книжнымъ образованіемъ; онъ озадачитъ васъ вопросомъ, который покажется вамъ страннымъ и мелкимъ, но этотъ вопросъ его прежде всего занимаетъ, онъ объ немъ думалъ, а вы не думали и не хотите признать за мужикомъ права мысли, думанія, только не о тѣхъ предметахъ и отношеніяхъ, о какихъ вы думаете. У насъ, напримѣръ, толкуютъ о томъ, что англичане привязаны къ свободѣ, французъ къ равенству; но простой человѣкъ всегда привязанъ къ равенству, а не къ свободѣ, потому что свобода отвлеченнѣе равенства. Скажите простому человѣку: „ты свободенъ“, и онъ станетъ въ тупикъ; что онъ будетъ такой же, какъ его баринъ—это онъ пойметъ, но сейчасъ спроситъ: „а имѣніе-то какъ же? пополамъ, или все мнѣ?“—и тутъ не теоретическій коммунизмъ, котораго онъ не понимаетъ и никогда не пойметъ: ему нѣтъ дѣла до барина; тотъ можетъ получить отъ царя (который, по мнѣнію мужика, можетъ все сдѣлать) богатѣйшее вознагражденіе; онъ ему завидовать не станетъ, ему нужно только обезпечить себя насчетъ ближайшихъ земельныхъ отношеній. Крестьянинъ зналъ, что и прежде его братья становились вольными, чрезъ выкупъ и отпускъ на волю; но тутъ главною была возможность жить хорошо на волѣ, средства человѣка; человѣкъ накопилъ денегъ и откупился, чтобъ еще удобнѣе торговать и промышлять; когда самъ баринъ отпускалъ на волю, то первый вопросъ былъ: чѣмъ будетъ жить отпущенный? безъ денегъ воли не надобно. Чтобы крѣпостной крестьянинъ понялъ, въ чемъ дѣло, надобно было ему просто сказать: „ты будешь, какъ государственный крестьянинъ“. Крестьянинъ это понялъ бы, но почесалъ бы затылокъ, а не сталъ бы плясать отъ радости. Скажутъ: не могъ же крестьянинъ не обрадоваться, узнавъ, что онъ не будетъ болѣе зависѣть отъ произвола помѣщика, что его семейство и собственность будутъ безопасны. Отвѣчаю: тѣ крестьяне обрадовались, которыхъ семейство и собственность были въ опасности; но это были не всѣ крестьяне и не большинство. Злоупотребленія помѣщичьей власти продолжались до послѣдняго времени, иногда обнаруживались въ ужасномъ видѣ; но это было

иногда и преимущественно относительно дворни. *Иногда* крестьяне и убивали своихъ помѣщиковъ; крестьяне наиболѣе зажиточные, которые, по извѣстному закону, могли бы скорѣе и сильнѣе другихъ поднять вопль и голосъ противъ притѣсненій, ибо имѣли, что защищать,—такіе не имѣли побужденій тяготиться своею участью, потому что были наиболѣе обезпечены: это были оброчные крестьяне богатѣйшихъ землевладѣльцевъ, гр. Шереметева и другихъ.

Какъ бы то ни было, дѣло первой важности было совершено, и совершено на первыхъ порахъ спокойно. Теперь должно было обратить вниманіе на слѣдствія переворота, на переходъ отъ обязательнаго труда къ вольному въ странѣ, гдѣ при этомъ должно было встрѣтиться сильнѣйшее препятствіе—недостатокъ рабочихъ рукъ. До сихъ поръ работникъ находился въ опекѣ; опекунъ принуждалъ его работать и, разумѣется, иногда принуждалъ болѣе, чѣмъ сколько слѣдовало. Это зло опеки, зло крѣпостничества теперь уничтожилось; но надобно было имѣть въ виду другое зло, зло свободы,—когда человѣкъ, свободный отъ принужденія, станетъ работать меньше, чѣмъ сколько слѣдуетъ, предоставленный одному принужденію, идущему отъ стремленія поддержать свое благосостояніе. Но чтобъ это стремленіе было сильно, надобно извѣстное развитіе, знакомство съ потребностями, которыя очень желательно удовлетворить, привычка къ свободному и правильному труду, нравственное вліяніе семейства и общества и т. д. Но въ какой степени всего этого можно было ожидать отъ русскаго крестьянина, вступившаго въ самое опасное положеніе, переходное положеніе изъ неволи къ свободѣ, когда является необходимое стремленіе воспользоваться отсутствіемъ принужденія и работать какъ можно меньше. Всего важнѣе было, чтобы при такомъ опасномъ положеніи, при возможности сдѣлать самыя дурныя привычки, крестьянинъ могъ сохранять въ цѣлости свои умственныя, нравственныя и физическія силы, чтобъ онъ былъ трезвъ,—и тутъ, какъ нарочно, даютъ ему возможность пьянствовать. Съ полнымъ безсмысліемъ, при отсутствіи всякаго внимательнаго отношенія къ дѣлу, литература пошла въ походъ противъ откуповъ, съ требованіемъ удешевленія хорошей водки для народа, требуя легчайшей и дѣйствительнѣйшей отравы для него. Откупа представляли большія злоупотребленія; нужно было уничтожить злоупотребленія, уничтожить самое учрежденіе, за которое никто бы не сталъ заступаться, хотя легко было замѣтить, что въ основѣ яростныхъ нападковъ на откупа и откупщиковъ лежали зависть и ненависть къ

людямъ, необыкновенно быстро наживавшимъ огромныя состоянія. Нужно было уничтожить злоупотребленія; можно было уничтожить учрежденіе, замѣнивъ его лучшимъ, и при этомъ поддержать значительно высокую цѣну водки, чтобъ не дать крестьянину быть пьянымъ очень часто, чтобъ попрежнему ограничить случаи пьянства особенными днями, праздниками. Вмѣсто того вдругъ удешевили водку, которая чрезъ это пріобрѣла названіе скверной памяти въ исторіи русскаго общества, названіе *дешевки*. Тяжело сказать: появленіе дешёвки было принято простымъ народомъ гораздо съ большею радостью, чѣмъ освобожденіе; интересъ былъ ближе; являлась возможность дешево добыть наслажденіе опьяненія и пользоваться имъ часто. И вотъ пьянство быстро распространилось въ ужасающихъ размѣрахъ; человѣкъ, который для достойнаго пользованія свободою долженъ былъ явиться въ полнотѣ физическихъ и нравственныхъ силъ, явился пьяный. Хозяйство крестьянское получило страшный ущербъ, ибо пьянство неразлучно съ праздностью; стали увеличивать число праздниковъ, чтобъ больше имѣть предлоговъ предаваться пьянству; слова апостола: „не упивайтесь виномъ, въ немъ же есть блудъ“, разумѣется, должны были оправдаться, и сифилисъ страшно распространился, уничтожая въ корнѣ физическія силы народонаселенія; но важны были безпорядки нравственные. Пьяный отецъ не могъ запретить пить своимъ сыновьямъ, женѣ, снохамъ и дочерямъ; начали пить молодые люди обоего пола, едва вышедшіе изъ дѣтства; стали пить женщины и забывать въ пьяномъ видѣ всякій стыдъ, всякое приличіе; къ чему привыкли въ пьянствѣ, отъ того не могли отстать и въ трезвомъ состояніи, и привыкли публично и громко ругаться такъ, что прежде и мужику было зазорно. Пьяному море по колѣно: пьянство пріучило къ дерзости, къ забвенію всѣхъ нравственныхъ, священныхъ отношеній, къ уничтоженію семейной дисциплины; молодые перестали слушаться старшихъ, дѣти начали браниться, драться съ родителями, ни во что ихъ ставить, стремиться къ выдѣлу, къ освобожденію изъ узъ семейныхъ. Скоро послышались громкія жалобы на совершенное ослабленіе семейной дисциплины; всѣ крестьянскія общественныя отправленія, хозяйственныя распоряженія, судъ—подчинились господствующему стремленію къ пьянству; явилось взяточничество цѣлымъ міромъ, продажа правды за ведро вина.

Въ городахъ та же язва напала на рабочій классъ. Отличные работники и слуги, напивавшіеся прежде очень рѣдко, и потому сносно для хозяевъ, не устояли предъ искушеніемъ и бро-

сились на дешёвку; вовсе не стало сладу съ поварами, лакеями и кучерами; наниматели стали сидѣть безъ обѣда, какъ нарочно, въ самые большіе праздники, ибо повара лежали пьяные въ кухнѣ; стали трепетать за безопасность своихъ женъ и дѣтей, когда они куда-нибудь ѣхали съ кучеромъ и лакеемъ, напившимися въ то время, когда господа сидѣли въ гостяхъ. Кончилось тѣмъ, что люди средняго состоянія отказывались отъ порядочнаго стола, прогоняли поваровъ и нанимали кухарокъ, тѣмъ болѣе, что грабительство поваровъ, вслѣдствіе потребности постояннаго опьяненія, достигло высшей степени; продавали лошадей и брали наемныхъ, что стоило гораздо дороже; требовали только отъ поставщиковъ лошадей, чтобъ кучеръ былъ трезвый, хотя бы и не очень хорошій въ другихъ отношеніяхъ, неряшливый и т. п. Почти такъ же искали и лакея—какого-нибудь, только бы не пьяницу, или замѣняли лакея женскою прислугою. Но гораздо хуже было положеніе содержателей разныхъ ремесленныхъ заведеній, портныхъ, сапожниковъ, прачекъ и т. п. Работники пьянствовали, не стѣсняемые прежнею необходимостью платить оброкъ господину и надзоромъ послѣдняго, работа останавливалась, заказы не поспѣвали ко времени; для отвращенія этихъ неудобствъ, хозяинъ долженъ былъ увеличивать издержки производства, искусный работникъ сталъ рѣдокъ и очень дорогъ, отсюда—необходимое увеличеніе цѣны на произведенія его труда, дороговизна, начавшая возрастать страшно. Хорошій рабочій, хорошій слуга сталъ требовать большой платы вслѣдствіе своей рѣдкости; это подняло плату вообще всѣхъ мастеровыхъ, всей прислуги, ибо тутъ опредѣлить строго различіе между хорошими и дурными было нельзя. Большая плата уничтожила въ этомъ классѣ прежнюю бережливость и умѣренность въ пищѣ и одеждѣ, явилась небывалая роскошь; лакеи и горничныя стали одѣваться почти такъ же, какъ господа; горничныя стали носить шолкъ и шерсть, шляпы съ цвѣтами, зонтики; обувь покупали такою же дорогою цѣною, какъ и госпожи ихъ. Легко понять, какъ чрезъ такое увеличеніе потребителей увеличилась цѣнность потребляемаго, увеличилась дороговизна.

XXII.

Но сейчасъ же явилась и другая причина дороговизны въ странѣ, гдѣ относительно такъ мало было рабочихъ рукъ,—явилась судорожная промышленная дѣятельность, стремленіе къ осво-

божденію капиталовъ, къ пріобрѣтенію на нихъ какъ можно большихъ барышей, процентовъ. До сихъ поръ сбереженія сохранялись въ правительственныхъ кредитныхъ учрежденіяхъ; съ нихъ получались очень умѣренные проценты, но при дешевизнѣ они были достаточны; съ другой стороны, эти учрежденія поддерживали сословіе землевладѣльцевъ, дворянъ, доставляя имъ возможность выгоднаго закладыванія имѣній. Теперь землевладѣльцы, въ самую критическую для нихъ минуту, потеряли поддержку знаменитаго опекунскаго совѣта, который былъ опекуномъ не сиротскимъ, а общедворянскимъ; капиталы были вытѣснены изъ государственныхъ кредитныхъ учрежденій ничтожностью процента—надобно было, волею-неволею, помѣщать ихъ въ болѣе выгодныя предпріятія. Первое изъ такихъ предпріятій было построеніе желѣзныхъ дорогъ, предпріятіе необходимое для страны, гдѣ надобно искусственно противоборствовать вредному вліянію неизмѣримыхъ пространствъ, препятствующихъ страшно общественному развитію. Послѣдняя война показала ясно необходимость желѣзныхъ дорогъ для защиты государства отъ внѣшняго врага. Слѣдовательно, противъ усиленнаго строенія желѣзныхъ дорогъ не могло быть возраженія. Но и здѣсь скоро перейдена была граница. Предпріятіе найдено выгоднымъ, посредствомъ него можно было легко обогатиться, и вотъ явилась манія желѣзнодорожная. Для пріобрѣтенія концессій стали употребляться разныя неблаговидныя средства наверху. Стали проводиться желѣзныя дороги и тамъ, гдѣ были ненужны или гдѣ можно было съ ними пообождать: обогащеніе посредствомъ желѣзныхъ дорогъ замѣнило обогащеніе посредствомъ откуповъ; явились желѣзнодорожные тузы, возбудившіе своимъ богатствомъ сильную зависть и соревнованіе; матеріальный интересъ выдвинулся, горячка обогащенія начала овладѣвать; послѣ желѣзныхъ дорогъ пошли промышленныя предпріятія, явились банки, платившіе огромное жалованье служившимъ въ нихъ; началась биржевая игра, распалившая особенно страсть къ обогащенію, утвердившая господство матеріальнаго интереса. А тутъ еще два выигрышныхъ займа. Четыре раза въ годъ множество людей обоего пола—въ распаленномъ лихорадочномъ состояніи вслѣдствіе возможности обогатиться вдругъ, безъ всякаго труда, усилія съ своей стороны, по волѣ безсмысленной судьбы; страшный нравственный и даже физическій вредъ отъ нервнаго напряженія, отъ безсонныхъ ночей.

Крестьянинъ пьянствуетъ и терпитъ нужду, не имѣетъ, чѣмъ уплатить податей; онъ уже испыталъ правительственный или революціонный способъ дѣйствія для перемѣны своей судьбы, и

надѣется, что такимъ же способомъ произойдетъ и новая перемѣна: правительство, царь нарѣжетъ крестьянамъ еще земли. А между тѣмъ для многихъ изъ нихъ подъ руками—способъ кормиться: отовсюду требованія работника — на желѣзную дорогу, на фабрику, въ кабакъ; крестьянинъ, крестьянка—покидаютъ деревню, семью; но этого рода заработки не способствуютъ къ улучшенію нравственному крестьянина: возвращаясь въ деревню, если онъ и приноситъ нѣсколько денегъ, зато приноситъ и сильнѣйшую привычку къ пьянству, кутежу, разврату, приноситъ сифилисъ и распространяетъ его въ деревнѣ, гдѣ, по недостатку средствъ, народъ гніетъ отъ гнусной болѣзни; приноситъ роскошь: до сихъ поръ крестьяне носили то, что сами дешево приготовляли дома,—теперь пошли люди носить фабричныя произведенія. На фабрикѣ, въ заведеніи, на какихъ-нибудь постройкахъ крестьянинъ входитъ въ зависимость отъ хозяина или подрядчика, своего брата, разбогатѣвшаго всѣми неправдами и стремящагося всякими средствами выжать изъ работника лишнюю копѣйку. При злоупотребленіяхъ крѣпостного права, въ дурномъ помѣщикѣ крестьянинъ видѣлъ барина, человѣка, высоко надъ нимъ стоящаго, начальника, имѣющаго право управлять, владѣть крестьяниномъ; это была внѣшняя сила, гнетъ, который удручаетъ, но не озлобляетъ, развѣ въ крайнихъ случаяхъ. Но хозяинъ—это свой братъ мужикъ, богатый мужикъ, притѣсняющій бѣднаго мужика, притѣсняющій мелкими средствами; тутъ права никакого, кромѣ права сильнаго, и это право основано на деньгахъ. Такія отношенія могли возбуждать только озлобленіе, ненависть.

Землевладѣлецъ, особенно въ сѣверныхъ губерніяхъ, разорился вслѣдствіе уничтоженія крѣпостного права. Ему оставалось или продать все имѣніе, или, по крайней мѣрѣ, лѣсъ. Охотниковъ покупать много, потому что дрова нужны на усиленную промышленность, особенно на желѣзныя дороги,—и вотъ началась страшная вырубка лѣсовъ, которая скоро возбудила вопли, вопли безполезные, ибо причину отстранить не могли.

Съ одной стороны—дороговизна, нужда въ деньгахъ, уменьшеніе доходовъ, неудобство положенія, даже разореніе людей, которые, въ какой бы то ни было степени, были представителями духовнаго развитія въ народѣ; съ другой—примѣры быстраго обогащенія людей, которые успѣли, обдуманно или случайно, употребить выгодно свои капиталы; съ третьей—шумъ, суетня преобразовательнаго движенія, крикъ печати,—все это должно было произвести страшную смуту между людьми нисколько неприготовленными, сжатыми въ своей дѣятельности царствованіемъ Николая,

или затянувшимися въ это царствованіе въ мелкихъ интересахъ, покорно повиновавшимися командѣ: „не разсуждать!"—или между развитыми, разсуждавшими, но въ этихъ разсужденіяхъ развившими только отрицательное направленіе, отрицательное отношеніе къ дѣятельности нравственной; въ болтовнѣ, въ словопрепирательствахъ, они нисколько не пріучили себя къ дѣятельности положительной, способность къ которой пріобрѣтается не на словахъ, а на дѣлѣ. Къ тому же, вслѣдствіе привычки дрожать предъ Николаемъ и его орудіями, русскіе люди дрожали предъ каждою силою, предъ каждымъ окрикомъ, громкимъ словомъ, и потому не были способны мужественно высказывать свои убѣжденія, упираться; при видѣ начавшейся кутерьмы, многіе поняли опасность положенія и втихомолку сѣтовали на неправильность, революціонность движенія, но не могли громко заявить своего мнѣнія, чтобъ не прослыть ретроградами, жалѣющими о крѣпостномъ правѣ и т. п. Да и въ трудномъ положеніи они находились. Крайности—дѣло легкое; легко было завинчивать при Николаѣ, легко было взять противоположное направленіе и поспѣшно-судорожно развинчивать при Александрѣ II; но тормазить экипажъ при этомъ поспѣшномъ судорожномъ спускѣ было дѣло чрезвычайно трудное. Оно было бы легко при правительственной мудрости, но ея-то и не было. Преобразованія производятся успѣшно Петрами Великими; но бѣда, если за нихъ принимаются Людовики XVI-ые и Александры II-ые. Преобразователь, вродѣ Петра Великаго, при самомъ крутомъ спускѣ держитъ лошадей въ сильной рукѣ—и экипажъ безопасенъ; но преобразователи второго рода пустятъ лошадей во всю прыть съ горы, а силы сдерживать ихъ не имѣютъ, и потому экипажу предстоитъ гибель.

Сумятица, шумъ, возня въ обществѣ, нисколько не приготовленномъ къ повороту на новую дорогу, жившемъ долгое время одними желаніями перемѣны, но не опредѣлившемъ своихъ желаній, въ чемъ именно должна состоять перемѣна, при чемъ въ сферѣ, которой принадлежало руководство и которая упорно удерживала его въ своихъ рукахъ,—совершенная неспособность къ руководству, совершенное непониманіе самыхъ первыхъ вопросовъ: что̀, откуда и куда? Сильные энергіею, способностями, самостоятельностью люди были уничтожены системою Николая. Отыскать такихъ людей для новой дѣятельности былъ совершенно неспособенъ преемникъ Николая, по своей необразованности, лѣни, по страху предъ новыми людьми, по сознанію своего неумѣнья извлечь изъ нихъ пользу, обсудить ихъ мнѣнія, разобраться въ томъ разнообразномъ матеріалѣ, который бы они предложили,

откуда проистекало стремленіе вращаться только въ привычномъ кружкѣ людей издавна извѣстныхъ, посредственностей, не представлявшихъ никакой опасности для самолюбія, людей, передъ которыми не нужно было держать себя застегнутымъ, охорашиваться умственно и нравственно. Судьба не послала ему Ришельё или Бисмарка; но дѣло въ томъ, что онъ не былъ способенъ воспользоваться Ришельё или Бисмаркомъ; у него были претензіи, страхъ слабаго человѣка казаться слабымъ, несамостоятельнымъ;—подъ внушеніями этого страха онъ въ одно прекрасное утро прогналъ бы Ришельё или Бисмарка. Отсюда—страшная бездарность наверху, одинъ выборъ хуже другого; каждый выборъ возбуждалъ непріятные толки, насмѣшки; уваженіе ко власти рушилось въ самодержавномъ государствѣ: никакой системы, никакого общаго плана дѣйствія, каждый министръ самодержствовалъ по-своему,—совершенная смута,—вмѣсто того, чтобъ править, судорожно задергивали, выводили изъ терпѣнія; но какъ же выражалось это нетерпѣніе? Для уясненія этого вопроса надобно обратиться къ воспитанію, которое стали получать новыя поколѣнія съ 1855 года.

XXIII.

При Николаѣ воспитаніе въ общественныхъ заведеніяхъ было подорвано фальшивостью, двоедушіемъ. Съ низшихъ классовъ дѣти привыкли различать науку казенную отъ настоящей, которая представлялась имъ въ видѣ запрещеннаго плода. Молодые учителя, если не всѣ, то нѣкоторые, желая облегчить для себя скуку, тяжесть преподаванія и пріобрѣсти популярность, пользовались случаями заявить предъ воспитанниками объ этой quasi-настоящей и у насъ запрещенной наукѣ; отсутствіе всякихъ педагогическихъ правилъ, системы приготовленія всего больше содѣйствовало этому. Старый учитель былъ синонимомъ негоднаго учителя; чѣмъ моложе былъ учитель, тѣмъ болѣе цѣнился; онъ недавно еще слышалъ въ университетѣ новыя лекціи, послѣднее слово науки, и не было никому нужды, что онъ самъ еще ребенокъ, до такой степени неопытный, что предъ учениками гимназіи готовъ былъ выкладывать эти университетскія лекціи, иногда дурно записанныя и все болѣе и болѣе забывающіяся. Вообще, у насъ такъ-называемое высшее образованіе играетъ жалкую роль. Молодой человѣкъ отлично кончитъ курсъ въ университетѣ, поступитъ на службу и перестаетъ читать,

такъ что, по прошествіи извѣстнаго времени, онъ выходитъ хуже невѣжды, ибо самъ считаетъ себя образованнымъ и другіе считаютъ его такимъ, а между тѣмъ изъ прежняго образованія, не обновляемаго и не развиваемаго чтеніемъ, у него остались только какія-то смутныя понятія; станетъ говорить о научныхъ предметахъ—говоритъ чепуху, клянется какими-то старыми богами, остались у него однѣ претензіи, не имѣющія никакого основанія; если онъ что-нибудь и прочтетъ, то выхватитъ на удачу, безъ связи, или увлечется, восхищается безъ толку, или вдругъ, не понявши, станетъ безъ толку же ругать прочитанное, и все съ видомъ знатока, особенно если успѣлъ попасть по службѣ въ большіе чины. Учителя не составляли въ этомъ отношеніи исключенія. Они поступали на службу; чтобъ получить больше удобствъ жизни, занимались уроками и были съ утра до ночи на урокахъ. Пріѣдетъ несчастный съ уроковъ совершенно истомленный, отупѣвшій — гдѣ же ему читать! Такимъ образомъ, выходитъ, что если у насъ всѣ люди съ высшимъ образованіемъ очень мало читаютъ и поэтому высшее образованіе является скоро у нихъ въ видѣ какихъ-то безобразныхъ развалинъ, то учителя читаютъ меньше всѣхъ. Въ будни некогда, откладываютъ на вакацію; но тутъ, послѣ томительныхъ экзаменовъ, спѣшатъ физически отдохнуть и имѣютъ нужду въ отдыхѣ; идетъ день за днемъ въ обычныхъ развлеченіяхъ въ семействѣ или безъ семейства, и не видно, какъ вакація приходитъ къ концу, и книга остается раскрытой на первой страницѣ. Такимъ образомъ, и молодой учитель скоро дѣлается старымъ задавателемъ и спрашивателемъ по учебнику; если же иному хотѣлось поддержать живость, интересъ преподаванія, поддержать расположеніе къ себѣ учениковъ, то пускался въ либеральничанье, позволялъ себѣ насмѣшки надъ казенными выраженіями учебника и подрывалъ довѣріе учениковъ къ источнику ихъ знанія: каково было ученику зубрить осмѣянное, объявленное ложью! Или, прочтя урывкомъ какую-нибудь журнальную статью, учитель съ важнымъ видомъ возвѣщаетъ о новомъ взглядѣ на предметъ, тогда какъ этотъ новый взглядъ—сущій вздоръ. Всякій пойметъ, что я говорю преимущественно о преподаваніи исторіи; но исторія есть единственная политическая наука въ среднемъ образованіи, и потому ея преподаваніе—чрезвычайной важности: отъ направленія ея преподаванія зависитъ политическій складъ будущихъ гражданъ. При взглядѣ на такую трудность преподаванія исторіи, особенно у насъ въ Россіи, естественно приходитъ на умъ объ исключеніи исторіи изъ предметовъ общаго образованія; но, во-

первыхъ, что же это будетъ за общее образованіе безъ знанія исторіи; во-вторыхъ, гимназисты разойдутся по математическимъ, медицинскимъ и юридическимъ факультетамъ, гдѣ они никогда не услышатъ исторіи.

Легко понять послѣ этого, съ какими взбудораженными головами выходили ученики изъ среднихъ заведеній, пропитанные неуваженіемъ къ авторитетамъ, ибо книга, руководство—должны были являться для нихъ въ продолженіе всего курса высшимъ авторитетомъ, и этотъ авторитетъ былъ осмѣянъ, обвиненъ во лжи. Но авторитетъ подрывался еще другимъ способомъ, особенно въ военныхъ училищахъ, чрезъ назначеніе въ начальники людей необразованныхъ, глупыхъ, но отличавшихся выправкою, точнымъ исполненіемъ военно-служебныхъ обязанностей. Какъ ни неразвиты были старшіе воспитанники, все же они стояли выше подобныхъ начальниковъ, ибо все же они находились въ процессѣ какого-то развитія, тогда какъ почтенные начальники давно уже почили въ умственномъ отношеніи. Отсюда—смѣшныя выходки начальниковъ въ классахъ, на экзаменахъ, цѣлый рядъ разсказовъ о ихъ глупости и невѣжествѣ, подрывавшихъ всякое уваженіе къ нимъ, подрывавшихъ авторитетъ, нравственную дисциплину въ корню. Но стремленіе занять начальническія мѣста фельдфебелями въ генеральскихъ эполетахъ было ощутительно и въ гражданскомъ учебномъ вѣдомствѣ. Таковы были „енаралы“, назначавшіеся попечителями; таковъ былъ въ Москвѣ Назимовъ, о которомъ въ округѣ ходили удивительные разсказы: напримѣръ, когда во время университетскаго юбилея Шевыревъ предлагалъ, чтобъ для обстановки пригласить девять актрисъ, которыя бы изображали девять музъ, то Назимовъ отвѣчалъ: „Зачѣмъ же только девять?!—сколько угодно пригласимъ“. Или его помощникъ Муравьевъ требовалъ отъ университетской типографіи, чтобъ она соблюдала экономію, набирала старымъ, избитымъ шрифтомъ, а набѣло печатала хорошимъ, новымъ. Надобно было послушать, какъ эти господа объяснялись съ воспитанниками, студентами, чтобъ понять, какъ въ молодыхъ людяхъ подрывалась дисциплина.

Дисциплина въ школахъ поддерживалась уваженіемъ только къ товарищамъ болѣе способнымъ, усердно занимающимся и потому болѣе знающимъ, хотя и тутъ, по слабости общаго развитія, люди болѣе дерзкіе, болѣе способные къ словоистеченію, не разбиравшіе средствъ въ спорахъ при самомъ поверхностномъ знаніи, выхваченномъ изъ журналовъ или пріобрѣтенномъ по наслышкѣ, часто брали верхъ надъ людьми серьез-

ными, дѣйствительно что-нибудь знающими. Но вотъ съ 1855 года пахнуло оттепелью; двери тюрьмы начали отворяться; свѣжій воздухъ производилъ головокруженіе у людей, къ нему непривыкшихъ, и въ то же время замерзшія нечистоты начали оттаявать, и понеслись міазмы. Въ то время какъ люди серьезные, мыслящіе, знающіе, внимательно вглядывались и вслушивались для уясненія себѣ положенія дѣлъ, усердно занимались важными вопросами преобразованія,—люди, которые знали, что неспособны выйти впередъ способностями, знаніями, тяжелыми, усердными занятіями, выступили въ походъ первые. У нихъ было огромное преимущество—смѣлость или дерзость, качества, которыя въ обществѣ благоустроенномъ ведутъ къ висѣлицѣ, но у насъ, въ описываемое время, могли повести только къ выгодамъ. Первому произнести громкое слово, обругать, проклясть прошлое, провозгласить, что спасеніе состоитъ въ движеніи къ новому, въ движеніи впередъ во что бы то ни стало, было очень выгодно; вниманіе обращалось на передового человѣка; онъ пріобрѣталъ значеніе героя, человѣка, отличавшагося гражданскимъ мужествомъ, тогда какъ теперь никакого мужества въ этомъ не было; при Николаѣ его бы сослали куда Макаръ телятъ не гонялъ, да при Николаѣ онъ бы и не заговорилъ; онъ заговорилъ теперь, когда произошло неправильное поступательное движеніе по опредѣленному плану, руководимое сильною рукою при помощи многихъ другихъ сильныхъ рукъ. Началась смута, когда наверху люди ходили какъ шальные, ничего не понимая, не зная, что̀ хочетъ самодержецъ, какъ ему угодить, и гдѣ сила, къ которой надобно забѣжать и поклониться. Теперь было безопасно говорить, обличать; заговорила, явилась цѣлая обличительная литература, слѣдствіемъ чего было усиленіе пагубной привычки къ отрицанію, дѣлу чрезвычайно легкому, приходившемуся какъ нельзя лучше по лѣнивой натурѣ неразвитого народа и особенно россійскаго благороднаго дворянства, привыкшаго жить чужимъ трудомъ, ничего не дѣлая. Людьми, способными къ труду, производились извѣстныя преобразованія; но люди, неспособные къ такому положительному труду, пустились во всю прыть по легкой дорогѣ отрицанія, обличенія, и остановки имъ не было никакой. Безнравственная и глупая цензура очумѣла окончательно при новыхъ условіяхъ—рѣшительно не знала, что̀ дѣлать, что̀ запрещать и что̀ пропускать; заправляли ею люди попрежнему неспособные и невѣжественные; въ ней господствовалъ полный произволъ: въ одно и то же время запрещалась вещь самая невинная, какой-нибудь историческій фактъ изъ временъ давнопрошедшихъ, и допускался явный при-

зывъ къ возстанію низшихъ классовъ противъ высшихъ. Партій не было, которыя бы выставили разныя знамена, вступили въ борьбу другъ съ другомъ и этою борьбою сдерживали другъ друга, сохраняли равновѣсіе и уясняли взглядъ общества на извѣстные вопросы. Для однихъ людей, идущихъ отрицательнымъ путемъ, трудъ былъ легкій и выгодный; толпа ихъ поэтому постоянно увеличивалась; они говорили по невѣжеству страшный сумбуръ, ругались другъ съ другомъ, но все же у нихъ было единство направленія, все же они имѣли одинъ общій цвѣтъ, тогда какъ люди противоположнаго направленія, люди серьезные и достаточно образованные, были разсѣяны, не составляли партіи съ определенными уже давно принципами; каждый изъ нихъ занимался однимъ своимъ какимъ-нибудь серьезнымъ дѣломъ и не могъ его оставить; самая серьезность ихъ не позволяла имъ быстро и дружно выступить противъ безумныхъ отрицаній всего; они привыкли обдумывать дѣло прежде начатія, приготовляться, спѣваться, тогда какъ ихъ противники въ этомъ вовсе не нуждались; они выступили налегкѣ, казаками (какъ и сами себя называли) и заняли мѣстность, утвердились на ней. Но, разумѣется, при всемъ своемъ невѣжествѣ, они инстинктивно понимали, что выступили въ походъ очень налегкѣ, что при первой встрѣчѣ съ „регулярнымъ“ войскомъ имъ можетъ быть очень нехорошо, и потому должны были принять мѣры. Мѣры эти естественно должны были состоять въ предупрежденіи враговъ и въ наступательности... . . . .
. . . . [1]).

[1]) Этими словами рукопись, происхожденіе которой мы объяснили при началѣ ея печатанія (см. мартъ, стр. 68 и 69), не кончается, а только прерывается на ея 132-й страницѣ. Къ сожалѣнію, въ семьѣ покойнаго Сергѣя Михайловича не нашлось продолженіе этихъ его „Записокъ“; но хорошо уже и то, что случайно уцѣлѣла хотя небольшая ея часть, по которой можно теперь судить о томъ, какъ много потеряно, вслѣдствіе утраты ея продолженія: дальнѣйшее должно было относиться къ новой, особенно интересной эпохѣ, открывавшейся 1855-мъ годомъ, когда, по словамъ автора „Записокъ“, „пахнуло оттепелью; двери тюрьмы начали отворяться“.—*Ред.*

А. Н. РАДИЩЕВЪ

ДО ССЫЛКИ

Бiографическiй очеркъ.

I.

Родъ Радищевыхъ ведетъ свое начало отъ татарскихъ братьевъ-князьковъ Куная и Нагая, которые, при покоренiи Казанскаго царства, добровольно подчинились Ивану Грозному, приняли православiе и были награждены многими землями. Дѣдъ Радищева—Аѳанасiй Прокофьевичъ—былъ бѣдный калужскiй дворянинъ. Онъ сначала былъ въ потѣшныхъ Петра Великаго, потомъ служилъ солдатомъ въ гвардiи и, дослужившись при Аннѣ Iоанновнѣ до чина полковника, уже довольно пожилымъ женился на молоденькой и богатой дѣвушкѣ, а потомъ долгое время былъ командиромъ одного изъ малороссiйскихъ драгунскихъ полковъ. Своему сыну, Николаю Аѳанасьевичу, отцу Александра Николаевича, онъ далъ по тому времени хорошее образованiе. Николай Аѳанасьевичъ зналъ языки, въ томъ числѣ и латинскiй, обладалъ нѣкоторыми познанiями по исторiи, но съ особеннымъ интересомъ углублялся онъ въ науки богословскiя, и вообще былъ человѣкомъ очень религiознымъ, хотя, несмотря на всю свою образованность, онъ всю жизнь вѣрилъ въ разныя примѣты и предзнаменованiя, и вообще далеко не чуждъ былъ всякихъ суевѣрiй, широко распространенныхъ въ тогдашнемъ обществѣ, и въ этомъ отношенiи онъ ничѣмъ не выдѣлялся изъ общаго уровня помѣщичьей среды своего времени.

Но зато по отношенію къ крестьянамъ онъ представлялъ явленіе довольно рѣдкое въ то время. Относясь къ нимъ чрезвычайно гуманно, онъ, несмотря на свой вспыльчивый и неровный характеръ, пользовался ихъ безграничной любовью и слылъ добрымъ бариномъ. И впослѣдствіи, во времена пугачевщины, когда многихъ помѣщиковъ постигла жестокая участь, Николая Аѳанасьевича спасли его крестьяне. Укрывъ его вмѣстѣ съ семьей въ лѣсу и забравъ къ себѣ его маленькихъ дѣтей, они готовы были съ оружіемъ въ рукахъ защищать добраго помѣщика, но мятежники удовольствовались тѣмъ, что, не найдя Радищева, разстрѣляли его портретъ и разгромили усадьбу. Николай Аѳанасьевичъ былъ женатъ на Ѳеклѣ Степановнѣ Аргамаковой, женщинѣ кроткой и любящей. У нихъ было одиннадцать человѣкъ дѣтей, изъ которыхъ старшимъ былъ Александръ Николаевичъ.

Онъ родился въ Москвѣ 20-го августа 1749 года. Раннее дѣтство А. Н. провелъ въ саратовской деревнѣ своего отца, окруженный нѣжною заботливостью матери, любимцемъ которой онъ былъ. Онъ рано научился читать, при чемъ первоначальное обученіе его грамотѣ не уклонялось отъ обычнаго тогда способа— читать учили его по часослову и псалтырю. Когда же Александру Николаевичу было шесть лѣтъ, къ нему выписали учителя француза. Это былъ типичный гувернеръ-иностранецъ того времени. Человѣкъ грубый и совершенно необразованный (впослѣдствіи онъ оказался бѣглымъ солдатомъ), французъ немногому, конечно, могъ научить впечатлительнаго ребенка. Впрочемъ, руководствомъ этого француза Радищевъ пользовался недолго. Въ тотъ же годъ отецъ отвезъ его въ Москву, къ своему родственнику М. Ф. Аргамакову, человѣку очень умному и образованному, бывшему тогда кураторомъ московскаго университета. Здѣсь, въ семьѣ Аргамакова, Радищевъ росъ подъ наблюденіемъ неизбѣжнаго француза-гувернера, на этотъ разъ, впрочемъ, человѣка вполнѣ интеллигентнаго — раньше онъ былъ совѣтникомъ руанскаго парламента, но, вслѣдствіе преслѣдованій правительствомъ Людовика XV, долженъ былъ покинуть родину и искать пріюта въ Россіи. Вмѣстѣ съ дѣтьми Аргамакова, Радищевъ пользовался уроками профессоровъ молодого московскаго университета, такъ что и элементарное научное образованіе Радищева находилось въ надежныхъ рукахъ и было поставлено довольно хорошо. Въ этой интеллигентной и образованной семьѣ Радищевъ прожилъ до тринадцатилѣтняго возраста, когда рѣшено было отдать его въ пажескій корпусъ.

Во время коронаціи императрицы Екатерины, Аргамаковъ записалъ Александра Николаевича въ пажи, и осенью онъ былъ отвезенъ въ Петербургъ, въ пажескій корпусъ. Въ то время программа преподаванія въ пажескомъ корпусѣ отличалась чрезвычайнымъ разнообразіемъ и обиліемъ предметовъ. Къ этому времени относится планъ преподаванія, составленный академикомъ Миллеромъ. Изъ него видно, что „для обученія пажей потребны“: 1) учитель математики, ариѳметики, геометріи, тригонометріи, геодезіи, фортификаціи, артиллеріи и механики; 2) учитель философіи, морали, естественнаго и народнаго права. При этомъ прибавлялось, что „для лучшаго упражненія можно сіе преподавать на латинскомъ языкѣ“. Кромѣ перечисленныхъ предметовъ, пажи изучали еще: 3) исторію, географію, генеалогію и геральдику; 4) юриспруденцію, гражданское и государственное право и церемоніалы; и, наконецъ, для обученія пажей еще требовался учитель россійскаго языка, который „долженъ быть непремѣнно русской націи, и такой, который бы писалъ хорошею рукою, ибо онъ долженъ также учить россійской каллиграфіи“ [1]). Особенное вниманіе должно было обращаться на нравственное воспитаніе пажей, ибо „пажи обыкновенно вступаютъ на службу въ весьма молодыхъ лѣтахъ и для того стараться должно съ самаго начала вкоренить въ нихъ истинную любовь къ добродѣтели и ненависть къ порокамъ“, а для этого рекомендовалось преподавать имъ правила жизни „въ примѣрахъ и притчахъ Соломона или Сираха. За столомъ небезполезно читать каждый день главу изъ какой-нибудь нравоучительной книги, дабы чрезъ то подать поводъ къ полезнымъ разговорамъ“. Не послѣднее мѣсто отводилось также сочиненію „короткихъ и по вкусу придворному учрежденныхъ комплиментовъ“, такъ какъ пажи несли при дворѣ императрицы нѣкоторую службу — они должны были прислуживать за царскимъ столомъ. Что касается до нравственнаго воспитанія, то, насаждаемое такимъ искусственнымъ и наивнымъ путемъ, оно, конечно, существовало только на бумагѣ. Обиліе же и разнообразіе предметовъ дѣлало программу настолько обширной и громоздкой, что и она выполнялась лишь на половину. И конечно, четырехлѣтнее пребываніе Радищева въ пажескомъ корпусѣ не только не дало ему законченнаго и цѣльнаго образованія, но и тѣ обрывки знанія, которые получилъ онъ, при такой постановкѣ преподаванія, не могли быть особенно цѣнными. Однако способностями своими

---

[1]) Сухомлиновъ, Изслѣдованія и статьи, т. I, 1889.

Радищевъ обратилъ на себя вниманіе. И когда въ 1766 году Екатерина задумала отправить двѣнадцать молодыхъ дворянъ въ заграничные университеты, чтобы „получить людей, къ службѣ политической и гражданской способныхъ“ [1]), то въ число шестерыхъ наиболѣе способныхъ пажей былъ выбранъ и Радищевъ.

Это былъ первый опытъ Екатерины отправлять молодыхъ людей заграницу для дальнѣйшаго образованія, и потому съ особеннымъ вниманіемъ отнеслась она къ составленію инструкціи, въ которой давалась не только детальная программа занятій, но и предусматривались всѣ подробности заграничной жизни молодыхъ людей. Содержаніе имъ было отпущено щедрое—800 руб. на каждаго, а это была въ то время сумма довольно значительная; впослѣдствіи она и еще была увеличена до 1.000 рублей. Надзоръ за занятіями и поведеніемъ и всѣ хозяйственныя заботы были возложены на наставника или „гофмейстера“ пажескаго корпуса, маіора Бокума. А чтобы молодые люди не остались безъ религіозно-нравственнаго вліянія, съ ними былъ отправленъ инокъ Павелъ.

На первыхъ же порахъ, однако, не обошлось безъ нѣкоторыхъ непріятностей. Дѣло въ томъ, что выборъ наставниковъ нельзя было назвать особенно удачнымъ. Что касается до инока Павла, то онъ не только не могъ оказать никакого воспитательнаго вліянія на своихъ питомцевъ, но не сумѣлъ даже внушить къ себѣ уваженія. Человѣкъ онъ былъ довольно добродушный, но недалекій, и отличался такой необыкновенной смѣшливостью, что съ первыхъ же шаговъ сдѣлался мишенью для всевозможныхъ остротъ и шутокъ. Радищевъ потомъ разсказывалъ [2]), что даже богослуженіе инокъ Павелъ совершалъ съ зажмуренными глазами, боясь увидѣть что-нибудь смѣшное и внезапно расхохотаться. Впрочемъ это былъ человѣкъ въ общемъ безобидный и скорѣе самъ являлся страдающимъ лицомъ. Зато другой „наставникъ“ — маіоръ Бокумъ — вызвалъ цѣлую исторію, которая дошла до Екатерины, и въ концѣ-концовъ его отставили. На всю эту заграничную командировку маіоръ Бокумъ смотрѣлъ, какъ на очень выгодную денежную операцію, и забиралъ себѣ бо̀льшую часть денегъ, предназначенныхъ для студентовъ. Впрочемъ въ Лейпцигѣ, гдѣ они поселились, всѣ, кто только могъ, обирали русскихъ студентовъ, но большая часть денегъ все-таки уходила въ карманъ маіора Бокума. Всюду, гдѣ только было

[1]) Сборникъ Имп. Русскаго Историческаго Общ., т. X., стр. 116.

[2]) Радищевъ, Житіе Ѳед. Вас. Ушакова.

можно, онъ соблюдалъ въ свою пользу экономію. Онъ нанялъ для студентовъ какую-то сырую и грязную квартиру, и кормилъ ихъ до того скверно, что этимъ привелъ въ негодованіе кабинетъ-курьера Яковлева, который въ своихъ донесеніяхъ изъ Лейпцига писалъ, что у студентовъ „во всякомъ кушаньѣ масло горькое, тожъ и мясо старое крѣпкое, да случалось и протухлое. А г. Радищевъ за болѣзнію къ столу ходить не могъ, и отпускалось ему кушанье на квартиру, и за отпускомъ ему худого кушанья прямой претерпѣваетъ голодъ“ [1]). Но не въ этомъ, однако, крылась причина все обострявшихся отношеній между Бокумомъ и студентами.

„Если кто изъ дворянъ—говорилось въ одномъ изъ параграфовъ инструкціи, данной Екатериной,—явится въ поступкахъ неисправнымъ или въ ученіи нерадивымъ, то надлежитъ увѣщевать прежде наединѣ. А послѣ того, если не исправится, выговаривать при всѣхъ дворянахъ; если же и симъ не удовольствуется, — объявлять профессору“. Наконецъ, еслибы и эта мѣра оказалась недѣйствительной, маіоръ Бокумъ долженъ былъ обращаться къ русскому посланнику, и при первомъ же удобномъ случаѣ отправлять провинившагося студента въ Россію, „дабы втунѣ государственная казна не была на него трачена [2]). Этимъ ограничивались всѣ полномочія Бокума по отношенію къ провинившимся студентамъ, и никакихъ другихъ взысканій и наказаній онъ не могъ налагать на нихъ. Однако, несмотря на вполнѣ опредѣленныя указанія инструкціи, маіоръ Бокумъ никакъ не могъ привыкнуть смотрѣть на вчерашнихъ школьниковъ, воспитанниковъ пажескаго корпуса—какъ на студентовъ, людей болѣе или менѣе полноправныхъ и взрослыхъ. Человѣкъ грубый и рѣзкій, онъ не только нимало не стѣснялся въ обращеніи съ ними, но нерѣдко пускалъ въ ходъ даже и тѣлесныя наказанія; случалось даже—сѣкъ ихъ розгами. Первое время молодые студенты, попавъ изъ пажескаго корпуса прямо подъ начало маіора Бокума, и сами не совсѣмъ еще перестали чувствовать себя школьниками, и потому такая жестокая воспитательная система вызвала среди нихъ лишь глухое недовольство. Съ своей стороны, они мстили своему „гофмейстеру“, какъ могли. И подмѣтивъ слабую струнку маіора Бокума, который воображалъ себя необыкновеннымъ силачомъ, они устраивали надъ нимъ всевозможныя проказы. Подстрекая его самолюбіе, они заставляли его

[1]) Сухомлиновъ, Изслѣд. и статьи, т. 1.

[2]) Сборникъ Р. Истор. О—ва, X, 107—111.

выпивать сразу по нѣскольку стакановъ воды, таскать всевозможныя тяжести, испытывали надъ нимъ силу электрической машины, или, призвавъ лакея, громаднаго и сильнаго мужчину, устраивали ихъ борьбу, въ которой Бокуму всегда сильно доставалось, при общемъ неудержимомъ хохотѣ студентовъ, нисколько даже не старавшихся скрыть насмѣшки. Однако, мало-по-малу, отношенія обострились, и дѣло приняло серьезный оборотъ. Дошло до того, что Бокумъ придумалъ для своихъ питомцевъ какое-то совсѣмъ ужъ инквизиторское наказаніе. Кабинетъ-курьеръ Яковлевъ доносилъ объ изобрѣтенной Бокумомъ клѣткѣ, „въ которую намѣренъ онъ былъ запирать и сажать дворянъ въ такомъ тѣсномъ и переломномъ и тѣмъ самымъ для здоровья ихъ опасномъ весьма положеніи, что въ ней ни стоять, ни сидѣть на остроконечныхъ перекладинахъ прямо не можно. И чтобъ хитрому замыслу сему ничего недоставало, то похвалялся его высокоблагородіе клѣтку сію и въ оной заключеннаго, поднявъ на блокѣ, держать чрезъ опредѣленное къ тому время подвѣшеннымъ на воздухѣ" [1]). Дѣло принимало, очевидно, серьезный оборотъ, и студентамъ становилось уже не до шутокъ. Пробовали они жаловаться, но и жалобы ихъ перехватывалъ Бокумъ, и положеніе ихъ ухудшалось еще болѣе. Наконецъ, ими овладѣла рѣшимость во что бы то ни стало избавиться отъ всего этого ужаснаго режима. Это была рѣшимость отчаянія. И разъ какъ-то, когда маіоръ Бокумъ, вспыливъ, ударилъ по лицу студента Насакина, тотъ въ свою очередь далъ Бокуму пощечину, поддерживаемый общимъ негодованіемъ товарищей. Бокумъ растерялся. Въ первую минуту ему почудился бунтъ, покушеніе на его жизнь, и онъ всѣхъ студентовъ засадилъ подъ арестъ. Не видя впереди ничего хорошаго и ожидая самыхъ тяжелыхъ для себя послѣдствій, студенты рѣшили уже бѣжать изъ-подъ ареста и, отказавшись навсегда отъ мысли возвратиться на родину, покинуть Лейпцигъ и пробраться въ Америку. Но въ это дѣло вмѣшался русскій посланникъ въ Дрезденѣ, кн. Бѣлосельскій, и, разобравъ всю эту исторію, освободилъ студентовъ изъ-подъ ареста, а Бокуму сдѣлалъ внушеніе. Послѣ этой исторіи Бокумъ совсѣмъ оставилъ въ покоѣ студентовъ, и заботился лишь о томъ, чтобы сохранить въ свою пользу какъ можно больше изъ денегъ, присылаемыхъ для студентовъ: „онъ рачилъ о своемъ карманѣ — вспоминалъ потомъ Радищевъ, — а мы жили на волѣ и не видали его мѣсяца по два" [2]).

[1]) Сборникъ Русск. Ист. О—ва, X, 123.
[2]) Сочиненія, т. V, 1806—11.

Однако, совсѣмъ освободиться отъ маіора Бокума имъ удалось лишь въ концѣ своей лейпцигской жизни, когда старшіе студенты, въ томъ числѣ и Радищевъ, уже кончали курсъ.

Слухъ обо всѣхъ этихъ столкновеніяхъ поздно дошелъ въ Россію. И только въ концѣ 1770 года императорскій кабинетъ получилъ свѣдѣнія объ обращеніи Бокума со студентами. Тотчасъ же было отправлено къ нему длинное посланіе, въ которомъ говорилось, что кабинетъ не только „съ несказаннымъ удивленіемъ, но и съ крайнимъ ужасомъ" узналъ о его „неслыханномъ дерзновеніи неоднократно наказывать на тѣлѣ гг. Зиновьева и Олсуфьевыхъ". Далѣе, посланіе заключало въ себѣ строгое внушеніе и заканчивалось категорическимъ требованіемъ вести дѣло воспитанія такъ, чтобы „всякая лютость въ нравахъ, неучтивость, свирѣпость и непристойность всемѣрно отъ глазъ и ушей дворянъ россійскихъ оставались сокровенны" [1]). Неизвѣстно, однако, подѣйствовало ли это внушеніе на Бокума, но только быстро разнесшіеся по Петербургу слухи о его насиліяхъ и жалобы родителей вынудили, наконецъ, Екатерину отправить въ январѣ 1771 года кн. Бѣлосельскому порученіе провѣрить всѣ эти слухи. И произведенное слѣдствіе не только подтвердило слухи о всѣхъ жестокостяхъ и насиліяхъ Бокума, но и съ первыхъ же шаговъ обнаружило такое беззастѣнчивое его казнокрадство, что лишь только объ этомъ донесено было Екатеринѣ—Бокума немедленно отставили.

Такимъ образомъ, лейпцигскіе стипендіаты, хотя и слишкомъ поздно, но все-таки освободились отъ грубой и назойливой опеки своего гофмейстера, доставившаго имъ столько горькихъ минутъ, и, по словамъ Радищева, отчасти даже бывшаго причиной того, что русскихъ студентовъ въ Лейпцигѣ упрекали въ нравственной распущенности.

„Должно признаться — писалъ потомъ Радищевъ, — что городъ Лейпцигъ—мѣсто соблазнительное, и что такихъ довольно здѣсь находится, кои, молодыхъ людей слабость видя, ко всему склонить ихъ умѣютъ"... И при отсутствіи правильнаго надзора и руководительства, прямо изъ школьной обстановки пажескаго корпуса, очутившись въ свободной атмосферѣ нѣмецкаго университета и, главное, нѣмецкихъ студентовъ, Радищевъ и его товарищи, не успѣвъ еще какъ слѣдуетъ оріентироваться въ своихъ новыхъ впечатлѣніяхъ, на первыхъ порахъ легко втянулись въ веселую и разгульную жизнь нѣмецкой студенческой молодежи.

---

[1]) Сборникъ Русск. Ист. О—ва, X, 114—121.

„Во все время нашего пребыванія (въ Лейпцигѣ)—писалъ потомъ Радищевъ—кто имѣлъ свои деньги, тотъ употреблялъ ихъ не токмо на необходимыя нужды, какъ-то: на дрова, одежду, пищу, но даже и на ученіе, на покупку книгъ. Не утаю и того, что деньги, нами изъ домовъ получаемыя, послужили къ нашему въ любострастіи невоздержанію, но не они возрожденію въ насъ онаго были причиною или случаемъ. Нерадѣніе о насъ нашего начальника и малое за юношами въ развратномъ обществѣ смотрѣніе были онаго корень" [1]). И по нѣкоторымъ словамъ Радищева можно заключить, что ихъ кутежи и попойки доходили дѣйствительно до очень внушительныхъ размѣровъ, а для Радищева даже послужили причиною тяжелой болѣзни, отъ которой онъ долго лечился у лучшихъ лейпцигскихъ профессоровъ, но и потомъ это было несчастьемъ всей его жизни. Здоровый организмъ, однако, перенесъ это потрясеніе. Тѣмъ не менѣе, это обстоятельство хотя и не надолго удерживало Радищева въ сторонѣ отъ широкой жизни товарищей, но, конечно, не могло не произвести сильнаго впечатлѣнія на его воспріимчивую натуру. И можно думать, что именно подъ вліяніемъ своего личнаго несчастья—Радищевъ началъ интересоваться медициной, и въ концѣ концовъ за время своего пребыванія въ Лейпцигѣ онъ пріобрѣлъ такія обширныя познанія по медицинскимъ наукамъ, что смѣло могъ бы выдержать экзаменъ на врача.

Когда первыя впечатлѣнія лейпцигской жизни нѣсколько поулеглись, быстро пробудились и дремавшіе умственные интересы. Выроставшіе вопросы и сомнѣнія, стремленіе къ широкому знанію—все это искало себѣ выхода и находило его въ лекціяхъ профессоровъ, въ товарищескихъ бесѣдахъ и спорахъ. Мало-помалу среди нашихъ студентовъ организуется кружокъ съ самообразовательными цѣлями, иниціаторомъ и душою котораго является Ѳ. В. Ушаковъ. Онъ былъ значительно старше своихъ товарищей. На родинѣ онъ уже занималъ видную должность при статсъ-секретарѣ Тепловѣ, а впереди передъ нимъ открывалась блестящая служебная карьера. Но, какъ видно, это не особенно привлекало его, и когда онъ узналъ, что рѣшено послать молодыхъ дворянъ въ заграничные университеты, то выхлопоталъ и для себя разрѣшеніе отправиться въ ихъ числѣ. Въ Лейпцигѣ среди своихъ товарищей Ушаковъ пользовался большимъ вліяніемъ, и въ своемъ кружкѣ онъ былъ главнымъ руководителемъ.

Первымъ толчкомъ, пробудившимъ у нашихъ студентовъ живой

---

[1]) Сочиненія, т. V, стр. 38—39, 1811.

интересъ къ знанію, была случайно попавшая къ нимъ книга Гельвеція „О Разумѣ", съ которой ихъ познакомилъ какой-то русскій сановникъ, проѣзжавшій черезъ Лейпцигъ: „Онъ возбудилъ (въ насъ)—писалъ потомъ Радищевъ, вспоминая объ этомъ заѣзжемъ русскомъ сановникѣ,—великое желаніе къ чтенію, давъ намъ книгу Гельвеціеву „О Разумѣ". Мы читали его книгу, читали со вниманіемъ, и по ней мыслить научилися" [1]). Какъ видно изъ этихъ словъ Радищева, книга Гельвеція, этого крайняго представителя философскаго радикализма, имѣла большой успѣхъ въ кружкѣ русскихъ студентовъ. И ею-то былъ данъ первый толчокъ къ ихъ самостоятельной умственной работѣ. Отъ Гельвеція Радищевъ и его товарищи переходили къ другимъ корифеямъ современной имъ философской мысли. Ихъ увлекаетъ своими блестящими и смѣлыми идеями Руссо, этотъ яркій представитель политическаго демократизма, вліяніе котораго на Радищева впослѣдствіи сильно сказывалось. Сочиненіе Мабли: „Droit public de l'Europe fondé sur les traités", производитъ на Радищева и его товарищей глубокое впечатлѣніе и кажется имъ настолько совершеннымъ, что нѣкоторые изъ нихъ, въ томъ числѣ и Радищевъ, отказываются слушать объявленный профессоромъ Бёме курсъ политическаго права европейскихъ державъ, такъ какъ образцовое сочиненіе Мабли содержитъ въ себѣ „несравненно болѣе поучительнаго, чѣмъ какія бы то ни было лекціи" [2]). Занятія нашихъ студентовъ философіей не ограничивались однако знакомствомъ съ французской философской литературой. Въ лейпцигскомъ университетѣ курсъ философіи велъ тогда Платнеръ, молодой, только-что начинавшій профессоръ, пользовавшійся среди студентовъ большою популярностью. Горячій послѣдователь Лейбница, Платнеръ въ своихъ живыхъ и увлекательныхъ лекціяхъ знакомилъ студентовъ съ системой знаменитаго нѣмецкаго философа. Лекціи его, не отличавшіяся большою послѣдовательностью и систематичностью, но всегда блестящія и содержательныя, неотразимо дѣйствовали на слушателей. И съ нихъ-то начинается знакомство Радищева съ философіей Лейбница, котораго онъ основательно проштудировалъ, и своими философскими познаніями даже обратилъ на себя вниманіе Платнера, который потомъ, двадцать лѣтъ спустя, при встрѣчѣ съ Карамзинымъ, отзывался о Радищевѣ, какъ объ одномъ изъ самыхъ способныхъ своихъ учениковъ [3]).

---

[1]) Ibid., стр. 60—61.

[2]) Сухомлиновъ, Изслѣд. и статьи, т. I.

[3]) Карамзинъ, Письма русскаго путешественника (Письмо изъ Дрездена, 16 іюля 1789 г.).

Кромѣ философіи, Радищевъ много вниманія удѣлялъ и другимъ наукамъ. Въ инструкціи, данной Екатериной, программа занятій русскихъ студентовъ въ лейпцигскомъ университетѣ была предусмотрѣна въ общихъ чертахъ. Студентамъ предписывалось „обучаться латинскому, нѣмецкому, французскому и, если возможно, славянскому языкамъ; всѣмъ обучаться моральной философіи, гисторіи, а наипаче праву естественному и всенародному и нѣсколько и Римской имперіи праву". Кромѣ этихъ обязательныхъ занятій, каждому студенту предоставлялось право заниматься и другими науками по собственному выбору. Тотчасъ по пріѣздѣ русскихъ студентовъ въ Лейпцигъ, профессорами лейпцигскаго университета была составлена соотвѣтственно инструкціи программа занятій, и въ первые годы Радищевъ и его товарищи обучались логикѣ, естественному праву, народному праву, кромѣ того—„универсальной гисторіи, генеральному, политическому праву, исторіи всѣхъ государствъ и о состояніи оныхъ" [1]).

Занятія эти шли настолько успѣшно, что уже черезъ полтора года кн. Бѣлосельскій писалъ изъ Дрездена: „Всѣ генерально съ удивленіемъ признаются, что въ столь короткое время они оказали знатные успѣхи и не уступаютъ въ знаніи самымъ тѣмъ, которые издавна тамъ обучаются. Особливо же хвалятъ и находятъ отмѣнно искусными: во-первыхъ, старшаго Ушакова, а по немъ Янова и Радищева, которые превзошли чаянія своихъ учителей" [2]).

Для послѣднихъ двухъ лѣтъ была выработана такими знаменитостями, какъ профессора Гоммель, Бёме, новая программа, по которой дальнѣйшія занятія студентовъ распредѣлялись на четыре полугодія и заключались, главнымъ образомъ, въ изученіи юриспруденціи и философіи.

Отдавая много времени этимъ обязательнымъ наукамъ, Радищевъ въ то же время усердно изучалъ медицину и много занимался химіей. Вся обстановка университетскаго преподаванія, находившагося въ рукахъ выдающихся ученыхъ того времени,—много способствовала горячей любознательности молодого Радищева, и за время своей университетской жизни онъ пріобрѣлъ дѣйствительно обширныя и разностороннія знанія.

Но не только въ смыслѣ научнаго образованія студенческіе годы дали Радищеву такъ много,—умственное движеніе Запада

---

[1]) Сухомлиновъ, Изслѣд. и статьи, т. I.

[2]) Ibid.

не могло не оказать сильнаго вліянія и на выработку его этическихъ идеаловъ. Увлекаясь французской литературой, Радищевъ воспринималъ идеи раціонализма. И подъ вліяніемъ этихъ идей складывалось его міросозерцаніе. „Помни, что въ жизни нужно имѣть правила, дабы быть блаженнымъ, и что нужно быть тверду въ мысляхъ, дабы умирать безтрепетно“ [1]). Это были послѣднія слова умирающаго Ушакова, и они нашли себѣ живой откликъ въ душѣ Радищева. Закрывая глаза умиравшему другу, Радищевъ далъ торжественное обѣщаніе свято помнить всю жизнь его завѣщаніе. И много лѣтъ спустя, вспоминая объ этомъ, Радищевъ писалъ: „Слезы и рыданія были ему въ отвѣтъ, но слова его громко раздались въ моей душѣ и неизгладимой чертой запечатлѣлись въ памяти. Поживутъ они всецѣло, доколѣ дыханіе въ груди моей исчезнетъ и не охладѣетъ въ жилахъ кровь. Даждь небо, да мысль присутственна мнѣ будетъ въ преддверіи гроба и да возмогу важное сынòмъ моимъ оставить наслѣдіе — послѣднее завѣщаніе умирающаго вождя моей юности“...

Послѣ пятилѣтняго пребыванія въ Лейпцигѣ, Радищевъ уже вполнѣ сложившимся человѣкомъ уѣзжалъ въ Россію. За время своей лейпцигской жизни онъ уже началъ нѣсколько забывать русскій языкъ, но Россію онъ не могъ забыть. Всей душой стремился онъ на родину, съ восторгомъ мечтая всю жизнь посвятить ей. Долго помнилъ онъ то восторженное чувство, которое охватило его, когда, наконецъ, онъ „узрѣлъ межу, Россію отъ Курляндіи отдѣляющую“ [2]).

II.

Въ 1771 году Радищевъ возвратился въ Россію. На первыхъ порахъ онъ поступилъ, вмѣстѣ съ двумя своими товарищами, протоколистомъ въ сенатъ, и сразу попалъ въ душную атмосферу низкопоклонничества, всякаго крючкотворства и тѣхъ своеобразныхъ и узкихъ интересовъ, которые царили въ обществѣ приказныхъ средней руки. Начальство обращалось съ Радищевымъ и съ его товарищами ничуть не лучше, чѣмъ съ другими приказослужителями, и вообще все время Радищевъ рѣзко чувствовалъ, насколько вся эта обстановка не соотвѣтствовала его мечтамъ послужить родинѣ своими знаніями и своими си-

---

[1]) Соч., т. V, стр. 80.
[2]) Ibid., стр. 51.

лами. Его близкій другъ и товарищъ по Лейпцигу — Кутузовъ, съ которымъ они вмѣстѣ поступили въ сенатъ, также быстро разочаровался въ такого рода дѣятельности, и первый вышелъ въ отставку и поступилъ въ гвардію. За нимъ и Радищевъ, прослуживъ около двухъ лѣтъ протоколистомъ, въ концѣ-концовъ бросилъ эту службу и перешелъ въ штатъ главнокомандующаго въ Петербургѣ, гр. Брюса, въ качествѣ оберъ-автдитора.

Служба эта сама по себѣ не могла, конечно, приносить Радищеву никакого нравственнаго удовлетворенія, но здѣсь, по крайней мѣрѣ, не было той затхлой канцелярской обстановки, отъ которой бѣжалъ онъ изъ сената. Состоя при гр. Брюсѣ, Радищевъ вообще велъ жизнь свѣтскую и довольно безпорядочную. Человѣкъ широко образованный, Радищевъ былъ и хорошимъ собесѣдникомъ; при томъ же онъ недурно игралъ на скрипкѣ, обладалъ довольно красивой внѣшностью,—все это дѣлало его вездѣ желаннымъ гостемъ, и въ обществѣ Радищевъ пользовался большимъ успѣхомъ. Въ петербургскомъ обществѣ Радищевъ нашелъ то же увлеченіе западной литературой и наукой, то же поклоненіе энциклопедистамъ, какъ и въ своемъ студенческомъ кружкѣ,—и это какъ нельзя болѣе соотвѣтствовало его собственному настроенію. Сочиненіями энциклопедистовъ зачитывались, книги ихъ переводились на русскій языкъ и печатались не только на частныя средства, но и на средства правительства. Екатериной было образовано общество, задачей котораго было переводить и издавать на русскомъ языкѣ наиболѣе выдающіяся произведенія западной литературы. Къ участію въ работахъ этого общества были привлечены самые образованные люди того времени, въ томъ числѣ былъ приглашенъ и Радищевъ, которому досталось переводить сочиненіе Мабли: „Observations sur l'histoire de la Grèce, ou des causes de la prospérité et des malheurs de la Grèce. Радищевъ съ увлеченіемъ принялся за переводъ, и скоро этотъ первый его литературный трудъ былъ оконченъ и напечатанъ. Въ 1773 году онъ вышелъ въ свѣтъ вмѣстѣ съ примѣчаніями, которыя сдѣлалъ къ нему Радищевъ. Въ этихъ примѣчаніяхъ Радищевъ является рѣшительнымъ сторонникомъ народнаго представительства и съ увлеченіемъ развиваетъ идеи естественнаго права. Интересное примѣчаніе дѣлаетъ онъ, поясняя слово „despotisme", которое онъ перевелъ словомъ „самодержавство". У Мабли, въ переводѣ Радищева, встрѣчается такое мѣсто: „Каково состояніе Македоніи ни было, но болѣзни ея не были неисцѣлимы... а какъ монархіи не пришли еще въ самодержавство, отъемлющее у души всѣ

ея пружины, то гражданинъ соблюдалъ чувствованія добродѣтели и мужества"... Поясняя встрѣчающееся здѣсь слово „самодержавство", Радищевъ дѣлаетъ такое примѣчаніе: „Самодержавство есть наипротивнѣйшее человѣческому естеству состояніе. Мы не токмо не можемъ дать надъ собой неограниченной власти; но ниже законъ извѣтъ общія воли, не имѣетъ другого права наказывать преступниковъ опричь права собственныя сохранности. Если мы живемъ подъ властію законовъ, то сіе не для того, что мы оное дѣлать долженствуемъ непремѣнно; но для того, что мы находимъ въ ономъ выгоды. Если мы удѣляемъ закону часть нашихъ правъ нашея природныя власти, то дабы оная употребляема была въ нашу пользу; о семъ мы дѣлаемъ съ обществомъ безмолвный договоръ. Если онъ нарушенъ, то и мы освобождаемся отъ нашея обязанности. Неправосудіе государя даетъ народу, его судіи, тоже и болѣе надъ нимъ права, какое ему даетъ законъ надъ преступниками. Государь есть первый гражданинъ народнаго общества" [1]).

Этотъ переводъ былъ первымъ литературнымъ трудомъ Радищева, увидѣвшимъ свѣтъ, но писать, собственно говоря, Радищевъ началъ гораздо раньше.

Человѣкъ чрезвычайно воспріимчивый, Радищевъ обладалъ нѣкоторымъ творческимъ воображеніемъ, и у него всѣ впечатлѣнія жизни, складываясь въ опредѣленные образы и картины, тотчасъ же выливались на бумагѣ. И Радищевъ писалъ обо всемъ, что волновало его или производило на него нѣкоторое впечатлѣніе. Этимъ своимъ наброскамъ и отдѣльнымъ отрывочнымъ замѣткамъ, большая часть которыхъ по собственнымъ его словамъ была обращена на „нѣжные предметы", Радищевъ не придавалъ никакого серьезнаго значенія. Нѣкоторую пользу, впрочемъ, онъ признавалъ за этими писаніями въ смыслѣ упражненія въ слогѣ и вообще въ умѣньи правильно и литературно выражать свои мысли. Послѣднему Радищевъ придавалъ большое значеніе, и съ этой же цѣлью „много читалъ книгъ церковныхъ, слѣдуя совѣту Ломоносова",—„ибо,—писалъ онъ впослѣдствіи—имѣя малое знаніе въ россійскомъ письмѣ, я старался пріобрѣсти достаточныя въ ономъ свѣдѣнія, дабы въ состояніи быть управлять перомъ" [2]).

---

[1]) Размышленія о греческой исторіи или о причинахъ благоденствія и упадка грековъ. Сочиненіе г. аббата де-Мабли. Переведено съ французскаго. Иждивеніемъ общества старающагося о напечатаніи книгъ. Въ Санктъ Петербургѣ. При Имп. Академіи Наукъ. 1773 г. Стр. 125—127.

[2]) Сухомлиновъ, Изслѣд. и статьи, т. I.

Среди этихъ занятій Радищевъ много читалъ и книгъ общеобразовательнаго характера; главнымъ образомъ читалъ онъ книги „до словесныхъ наукъ касающіяся“ [1]).

Служа при гр. Брюсѣ, Радищевъ постоянно вращался въ обществѣ, заводилъ много знакомствъ и, между прочимъ, черезъ своего товарища по Лейпцигу, Рубановскаго, познакомился съ семьею его старшаго брата, Вас. Кир. Рубановскаго, бывшаго членомъ придворной конторы, и на его дочери, Аннѣ Васильевнѣ, женился. Но, прежде чѣмъ свадьба могла состояться, Радищеву большого труда стоило получить согласіе на бракъ родителей Анны Васильевны, которые, мечтая пристроить свою дочь за кого-нибудь изъ придворной знати, очень неблагосклонно относились къ ухаживаніямъ Радищева, незамѣтнаго чиновника, и притомъ человѣка очень небогатаго. Въ концѣ-концовъ, однако, свадьба была рѣшена, и въ 1775 г. Радищевъ, выйдя въ отставку съ чиномъ секундъ-маіора, вмѣстѣ съ невѣстою и ея родными отправился въ Москву, къ своимъ родителямъ, гдѣ и состоялась его свадьба. Проживъ еще нѣкоторое время послѣ свадьбы въ Москвѣ у своихъ родителей, Радищевъ, однако, долженъ былъ снова возвратиться въ Петербургъ и искать тамъ службы, такъ какъ ни у него самого, ни у его жены, только-что лишившейся отца, не было почти никакихъ средствъ.

Въ 1776 г., Радищевъ поступилъ асессоромъ въ коммерцъ-коллегію, во главѣ которой стоялъ тогда гр. А. Р. Воронцовъ, одинъ изъ самыхъ передовыхъ людей того времени. Онъ неохотно принялъ къ себѣ Радищева, не разсчитывая найти въ немъ хорошаго работника и считая его не болѣе, какъ свѣтскимъ человѣкомъ, поверхностнымъ и легкомысленнымъ, поступающимъ въ службу исключительно подъ давленіемъ денежныхъ обстоятельствъ,—можетъ быть, прокутившись и запутавшись въ долгахъ.

Однако скоро онъ сталъ смотрѣть совсѣмъ иными глазами на молодого подчиненнаго.

Первое время Радищевъ ничѣмъ не проявлялъ себя, и только работалъ усердно и добросовѣстно. Но въ то же время онъ всѣ свободные отъ службы часы посвящалъ чтенію и разбору прежнихъ дѣлъ коммерцъ-коллегіи, разныхъ журналовъ и постановленій, много также читалъ книгъ по вопросу о промышленности и торговлѣ, и вообще къ новымъ своимъ обязанностямъ отнесся очень серьезно и старался, вникнувъ въ самую сущность дѣлъ

[1]) Тамъ же.

коммерцъ-коллегіи, усвоить себѣ правильный взглядъ на русскую торговлю. „Когда я опредѣленъ былъ въ коммерцъ-коллегію, — пишетъ объ этомъ Радищевъ, — то за долгъ мой почелъ пріобрѣсть знанія, до торговой части вообще касающіяся, и для того, сверхъ обыкновеннаго упражненія въ дѣлахъ, я читалъ книги, до коммерціи касающіяся... и старался пріобрѣсти знанія въ россійскомъ законоположеніи, до торгу вообще относящіяся". Мало-по-малу въ коммерцъ-коллегіи стали смотрѣть на Радищева, какъ на не совсѣмъ обыкновеннаго чиновника. Не говоря уже о его обширныхъ познаніяхъ въ своей спеціальности, но и неподкупная его честность была для коммерцъ-коллегіи дѣломъ не совсѣмъ обычнымъ. Съ непоколебимою твердостью отстаивалъ Радищевъ дѣла правыя и нерѣдко рисковалъ быть уволеннымъ со службы за свое несогласіе съ начальствомъ.

Разъ какъ-то случилось, что онъ одинъ возсталъ противъ всѣхъ и даже противъ самого гр. Воронцова. Обвинялись въ какихъ-то упущеніяхъ по должности пеньковые браковщики, и всѣ члены коллегіи единогласно признали ихъ виновными и приговорили къ соотвѣтствующему наказанію. Президентъ коллегіи, гр. Воронцовъ, вполнѣ раздѣлялъ общее мнѣніе, и одинъ только Радищевъ, который былъ тогда младшимъ членомъ коллегіи, остался при особомъ мнѣніи. Напрасно убѣждали его сослуживцы и даже самъ вице-директоръ, что, идя одинъ противъ всѣхъ и возставая противъ самого гр. Воронцова, Радищевъ, человѣкъ безъ всякихъ связей и протекцій, губитъ себя, — ничто не могло поколебать его твердости. Долго не рѣшались доложить президенту о неслыханномъ упорствѣ молодого чиновника. Наконецъ, вице-президентъ, считая Радищева окончательно погибшимъ, представилъ его особое мнѣніе гр. Воронцову. Подозрѣвая, что Радищевъ защищаетъ провинившихся браковщиковъ не совсѣмъ безкорыстно, гр. Воронцовъ былъ очень разсерженъ и приказалъ позвать къ себѣ Радищева. Разговоръ ихъ продолжался долго и окончился, къ удивленію всѣхъ, тѣмъ, что приговоръ былъ отмѣненъ, дѣло вновь пересмотрѣно, и пеньковые браковщики оправданы. Съ этихъ поръ гр. Воронцовъ сталъ съ большимъ уваженіемъ относиться къ Радищеву, и послѣ этого случая Радищевъ мало-по-малу настолько сблизился съ гр. Воронцовымъ, что сдѣлался въ домѣ его своимъ человѣкомъ, и гр. Воронцовъ навсегда остался его близкимъ другомъ и покровителемъ.

Черезъ нѣсколько лѣтъ, когда открылась петербургская губернія по новому образованію, — петербургская таможня и всѣ

таможенныя дѣла отданы были въ вѣдѣніе совѣтника таможенныхъ дѣлъ, которымъ былъ назначенъ старикъ Даль, человѣкъ очень ученый и знающій, но совершенно не владѣвшій русскимъ языкомъ. Въ помощники къ нему былъ опредѣленъ Радищевъ. Постепенно, однако, Радищевъ сдѣлался фактическимъ управляющимъ таможни, тогда какъ постоянно болѣвшій старикъ Даль только разъ въ мѣсяцъ докладывалъ императрицѣ о таможенныхъ дѣлахъ. На Радищевѣ, такимъ образомъ, лежали большія и довольно сложныя обязанности, къ которымъ онъ относился, какъ и раньше, крайне добросовѣстно. Исключительно для того, чтобы лучше слѣдить за теченіемъ таможенныхъ дѣлъ и не быть въ нѣкоторой зависимости отъ переводчика, когда приходилось имѣть дѣло съ англійскими коммерсантами, Радищевъ въ свободное время прилежно занялся изученіемъ англійскаго языка, и скоро могъ уже обходиться безъ переводчика. Англійскимъ языкомъ онъ овладѣлъ настолько, что могъ въ подлинникѣ читать Мильтона, Шекспира.

Черезъ нѣкоторое время дѣла у Радищева еще прибавилось. Когда была учреждена коммиссія для составленія новаго общаго тарифа, въ число членовъ ея былъ назначенъ и Даль. Радищевъ, хотя и не былъ членомъ коммиссіи, но большую часть работы по составленію тарифа выполнилъ онъ, помогая Далю. Когда тарифъ былъ выработанъ, всѣ оффиціальные участники коммиссіи были щедро награждены. О Радищевѣ также доложили императрицѣ, и ему былъ пожалованъ перстень.

Въ 1773 году, на Радищева обрушилось тяжелое несчастье. Умерла его жена. Радищевъ былъ убитъ горемъ. Долго не могъ онъ снова войти въ свою колею и приняться попрежнему за свои книги и занятія. Цѣлые дни проводилъ онъ на службѣ, стараясь механической и непрерывной работой усыпить свое горе. Всѣ свои домашнія дѣла онъ оставилъ на попеченіе свояченицъ, которыя взялись и воспитывать его дѣтей, трехъ сыновей и дочь, оставшихся послѣ матери.

Около этого времени старикъ Даль вышелъ въ отставку, и вмѣсто него начальникомъ таможенъ петербургской губерніи былъ назначенъ Радищевъ. Здѣсь ему открывалась дѣятельность болѣе широкая и самостоятельная, но долго еще мысль о смерти жены не давала ему спокойно заниматься своимъ дѣломъ, и не раньше, какъ года черезъ два, горе его улеглось настолько, что онъ могъ съ прежнимъ рвеніемъ отдаться и служебнымъ своимъ обязанностямъ, и прерванному чтенію, и „упражненію въ словѣ“, какъ называлъ онъ свои первые литературные опыты.

Эти „упражненія въ слогѣ“, носившія характеръ случайныхъ набросковъ, по мѣрѣ того, какъ углублялся взглядъ Радищева на окружающее, все болѣе пріобрѣтали публицистическій оттѣнокъ. Однако выступить въ печати съ какимъ-нибудь законченнымъ произведеніемъ Радищевъ все это время, повидимому, не думалъ. Правда, существуетъ предположеніе, что онъ принималъ участіе въ Новиковскомъ „Живописцѣ“. Отрывки изъ „Путешествія въ ** и Т.“, напечатанные въ 1773 году въ „Живописцѣ“, приписывали-было одно время Радищеву, но это предположеніе, однако, никакими позднѣйшими данными не подтверждается. Первая мысль писать для печати явилась у Радищева, по собственнымъ его словамъ, гораздо позже. Поступивъ въ помощники къ Далю, Радищевъ съ особеннымъ усердіемъ погрузился въ изученіе торговли и вопросовъ, съ нею связанныхъ, и случайно, между другими книгами, онъ пріобрѣлъ Рейналя „Философскую и политическую исторію колоній и торговли въ обѣихъ Индіяхъ“ [1]). Энергическое обличеніе ужасовъ рабовладѣльчества, потрясающія картины насилій, совершаемыхъ европейцами въ Индіи, горячая проповѣдь освобожденія невольниковъ—все это было такъ понятно и близко Радищеву, въ которомъ крѣпостное право возбуждало всегда глубокое и искреннее негодованіе. И при чтеніи Рейналя у Радищева зародилась первая идея его будущаго „Путешествія изъ Петербурга въ Москву“. Но это время совпало какъ-разъ съ тяжелымъ временемъ для Радищева, когда умерла его жена, и Рейналь, вмѣстѣ съ прочими книгами и занятіями, не относящимися къ службѣ, былъ отложенъ въ сторону. И только спустя нѣсколько лѣтъ, оправившись послѣ пережитого несчастья, Радищевъ опять взялся за свои забытыя книги, и въ томъ числѣ за Рейналя, котораго онъ снова перечиталъ. И снова всѣ ужасы крѣпостного права съ новой силой встали передъ нимъ, и подъ впечатлѣніемъ книги Рейналя Радищевъ началъ писать повѣсть о крестьянахъ, проданныхъ съ публичнаго торга, положивъ этою повѣстью начало своему будущему „Путешествію изъ Петербурга въ Москву“, въ число главъ котораго она потомъ и вошла. Впрочемъ, эту повѣсть Радищевъ писалъ, не помышляя еще о болѣе крупномъ и серьезномъ трудѣ, какимъ является это „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву“.

Планъ этого произведенія возникъ у Радищева нѣсколько позже. Да и вообще эту повѣсть онъ не готовилъ сначала для

---

[1]) G. Th. Raynal, „Histoire philosophique et politique des établissements et du commerce des européens dans les deux Indes“. Amsterdame. 1770. I—IV v.

печати и писалъ ее, какъ говоритъ онъ самъ, „для упражненія въ слогѣ", точно такъ же, какъ въ слѣдующемъ году, подъ впечатлѣніемъ Гердера, онъ началъ повѣсть о цензурѣ. „Но все не было докончено",—прибавляетъ Радищевъ, разсказывая впослѣдствіи объ этихъ первыхъ зачаткахъ своего „Путешествія".— „А какъ случилось мнѣ,—говоритъ онъ далѣе,—читать переводъ нѣмецкій Іорикова путешествія, то и мнѣ на мысль пришло ему послѣдовать". Такимъ образомъ, мысль создать самостоятельное и крупное произведеніе зрѣла у Радищева постепенно, и сначала онъ самъ не предполагалъ объединить всѣ эти неоконченные отрывки, повѣсти, въ одно цѣлое. „Сентиментальное путешествіе" Стерна дало ему окончательный толчокъ, указавъ ему такой способъ изложенія, при которомъ всѣ эти отдѣльные отрывки, не имѣя между собой никакой внѣшней связи, могли быть соединены вмѣстѣ и составить одно цѣлое. И „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву" носитъ на себѣ явные слѣды вліянія Стерна. Та же форма отдѣльныхъ дорожныхъ очерковъ, составляющихъ главы, которыя озаглавлены названіями почтовыхъ станцій, лежащихъ на пути. Такая форма изложенія не требовала никакого единства между отдѣльными главами, и описанія дорожныхъ встрѣчъ и впечатлѣній у Радищева мирно уживаются съ философскими размышленіями, историческими очерками, воспоминаніями. Въ концѣ 1788 г. „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву" было окончательно написано и сдано для просмотра въ управу благочинія, а въ 1790 г. Радищевъ началъ печатать его въ своей домашней типографіи, которую онъ завелъ, воспользовавшись указомъ императрицы Екатерины о вольныхъ типографіяхъ.

Но нѣсколько раньше „Путешествія изъ Петербурга въ Москву", какъ будто предчувствуя, что скоро ему надолго придется прекратить всякую литературную дѣятельность, Радищевъ выпускаетъ въ свѣтъ одно за другимъ и еще два свои произведенія. Въ 1789 году онъ напечаталъ „Житіе Ѳ. В. Ушакова", а въ слѣдующемъ году—„Письмо къ другу, жительствующему въ Тобольскѣ". Въ „Житіи Ѳ. В. Ушакова", которое имѣетъ важное автобіографическое значеніе, Радищевъ подробно и правдиво описываетъ жизнь своего студенческаго кружка въ Лейпцигѣ, душою котораго былъ Ушаковъ. Рядомъ съ чисто біографическимъ повѣствованіемъ Радищевъ затрагиваетъ и общественныя темы, и здѣсь онъ все тотъ же горячій поклонникъ Руссо и просвѣтительной философіи, какимъ былъ и пятнадцать лѣтъ тому назадъ. И даже самый тонъ его, смѣлый, мѣстами вызывающій и

рѣзкій, сильно напоминаетъ автора примѣчаній къ книгѣ Мабли. Заканчиваетъ „Житіе“ Радищевъ описаніемъ смерти Ушакова, который умиралъ въ страшныхъ мученіяхъ и умолялъ товарищей дать ему яду, чтобы смерть прекратила его страданія. Но товарищи отказали ему, и теперь Радищевъ находитъ это неправильнымъ и, обращаясь къ своему товарищу Кутузову, который тоже былъ тогда около умирающаго Ушакова, говоритъ: „Если еще услышишь голосъ стенящаго твоего друга, если гибель ему предстоять будетъ необходимая и воззову къ тебѣ на спасеніе мое, не медли, любезнѣйшій мой: ты жизнь несносную скончаешь и дашь отраду жизнью гнушающемуся и ее возненавидѣвшему“ [1]).

Кромѣ этихъ двухъ произведеній, къ этому же времени относится и написанная Радищевымъ „Исторія Сената“, которую онъ впослѣдствіи уничтожилъ, и о ней не сохранилось никакихъ свѣдѣній.

Вообще эти послѣдніе годы были для Радищева временемъ наиболѣе сильнаго подъема литературной дѣятельности. Работая надъ отдѣльными произведеніями и выпуская ихъ одно за другимъ въ свѣтъ, Радищевъ въ то же самое время принимаетъ довольно близкое участіе въ „Почтѣ Духовъ“, выходившей въ 1789 году подъ редакціей Крылова. Существовало даже мнѣніе (Массонъ) [2]), приписывающее цѣликомъ все изданіе Радищеву. Однако, различіе въ стилѣ и въ содержаніи отдѣльныхъ писемъ слишкомъ рѣзко, чтобы приписывать все изданіе перу одного автора. И позднѣйшими изслѣдованіями установлено съ достаточной ясностью, что въ этомъ сатирическомъ журналѣ, „самомъ философическомъ и самомъ ѣдкомъ изъ всѣхъ, какіе только когда-либо осмѣливались издавать въ Россіи“ [3]), Радищеву принадлежатъ лишь нѣкоторыя письма, и притомъ письма наиболѣе смѣлыя, отличающіяся серьезнымъ общественнымъ характеромъ сатиры. Къ такимъ письмамъ, носящимъ слишкомъ явные признаки и стиля, и идей Радищева, принадлежатъ нѣкоторыя письма Астарота (V, XVIII) и письма сильфа Дальновида.

---

[1]) Собр. соч., т. V, стр. 84.

[2]) „Mémoires secrets sur la Russie et particulièrement sur la fin de règne de Catherine II et le commencement celui de Paul I“.

[3]) Ibid.

III.

Впослѣдствіи самъ Радищевъ говорилъ, что будь его „Путешествіе“ издано нѣсколькими годами раньше, оно бы встрѣтило только самый лестный и милостивый пріемъ у Екатерины, и уже, конечно, не вызвало бы тѣхъ роковыхъ послѣдствій, которыя обрушились на Радищева. Но за послѣдніе годы произошли большія перемѣны. Между Екатериной-авторомъ „Наказа“ и Екатериной, читающей книгу Радищева, легла пропасть. Въ 1790 г. французская революція уже разгорѣлась, и зарево пожара, охватившаго Западную Европу, угрожающе стояло и передъ Екатериной, всецѣло отнесшей революцію на счетъ просвѣтительной философіи, яркой сторонницей которой она была прежде, и въ которой теперь она видѣла источникъ всѣхъ золъ, „отъ которыхъ Франція вверхъ дномъ поставлена“. И не читателя-друга нашелъ въ Екатеринѣ Радищевъ.

Тотчасъ же, какъ только „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву“ появилось въ продажѣ, былъ арестованъ купецъ Зотовъ, въ лавку котораго Радищевъ отдалъ на пробу тридцать экземпляровъ, быстро раскупленныхъ и возбудившихъ оживленные толки въ обществѣ. Вслѣдъ за нимъ былъ подвергнутъ допросу таможенный надсмотрщикъ, носившій книгу въ цензуру. Хотя оба они и не назвали имени автора, однако Радищевъ сильно встревожился, и, ожидая каждую минуту ареста, собралъ и пожегъ почти всѣ бумаги, имѣвшія отношеніе къ „Путешествію“, и всѣ остававшіеся у него экземпляры, числомъ около шестисотъ.

Опасенія Радищева были непапрасны. Однимъ изъ первыхъ читателей его книги оказалась сама императрица Екатерина. И съ первыхъ же страницъ она пришла въ сильнѣйшее негодованіе. Секретарь ея Храповицкій, 26 іюня 1790 г., записалъ въ своемъ дневникѣ: „Говорено о книгѣ: „Путешествіе отъ Петербурга до Москвы“. Тутъ разсѣваніе заразы французской, отвращеніе отъ начальства. Авторъ—мартинистъ. Я прочла тридцать страницъ. Посылка за Рылѣевымъ [1]). Открывается подозрѣніе на Радищева“.

Прежде всего, конечно, у Екатерины явился вопросъ, кто авторъ этой книги? Съ самаго начала у нея возникло подозрѣніе на двухъ лицъ—на Радищева и на Челищева, такъ какъ

---

[1]) Оберъ-полицiймейстеръ, цензуровавшій книгу Радищева.

авторъ „Путешествія“ упоминаетъ вскользъ о „знаніи, которое онъ, къ счастію своему, имѣлъ случай узнать“, а оба они, и Радищевъ, и Челищевъ, были въ лейпцигскомъ университетѣ, и къ тому же Екатерина слышала, что и у того, и у другого имѣются домашнія типографіи. Но знакомство автора съ подробностями „купецкихъ обмановъ“—„чего у таможни приглядѣться можно“—окончательно утвердило подозрѣніе Екатерины на Радищева, тѣмъ болѣе, что еще не такъ давно Радищевъ уже зарекомендовалъ себя съ невыгодной стороны, какъ авторъ „Письма къ другу, жительствующему въ Тобольскѣ“, и „Житія Ѳ. В. Ушакова“.

И въ одинъ прекрасный день—это было 30 іюня 1790 г.—къ Радищеву явился полицейскій офицеръ и, арестовавъ его, повезъ къ главнокомандующему гр. Брюсу. Но едва они вошли въ переднюю, какъ вслѣдъ за ними появился посланный отъ Шешковскаго. Услыхавъ это страшное имя, Радищевъ упалъ въ обморокъ.

Въ тотъ же день онъ былъ посаженъ въ Петропавловскую крѣпость, и слѣдствіе, порученное Шешковскому, началось.

А. А. Гавриленко.

„КУРСОВЫЕ“

ПОВѢСТЬ.

ЧАСТЬ II *).

Окончаніе.

I.

Въ одинъ изъ жаркихъ іюльскихъ дней въ Желѣзноводскѣ, съ самаго ранняго утра, замѣтно было особенное оживленіе. О причинѣ его нетрудно было догадаться, взглянувъ на громадныя разноцвѣтныя афиши на стѣнкахъ курзала, домовъ и даже заборовъ. Афиши гласили о предстоящемъ любительскомъ концертѣ „съ благотворительною цѣлью“, а въ заключеніе — „маленькій конфетти-балъ“...

Въ этотъ день Ида Борисовна тоже суетилась и волновалась: она участвовала въ концертѣ, и ей предстояло исполнить дуэтъ съ молодымъ красавцемъ-сыномъ „безногаго калѣки“, Валеріаномъ Романовичемъ Примовымъ... Ежеминутно она, мелко нарѣзывая, вмѣстѣ съ молчаливой и сосредоточенной Ксеніей Владиміровной, пеструю бумагу для „конфетти“, то напѣвала какой-нибудь мотивъ изъ назначенной для концерта программы, то тревожно, торопливо закидывала Чудновскую вопросами.

— А что, тетя, какъ ты думаешь, не провалюсь ли я съ своимъ пѣніемъ? Вѣдь почти цѣлый годъ, со дня выхода изъ института, какъ я не пѣла... передъ публикой... А здѣсь такая масса народа, и, конечно, найдутся настоящіе, строгіе цѣнители...

---

*) См. выше: май, стр. 49.

— Богъ знаетъ, чего ты, Идочка, тревожишься: сойдетъ прекрасно... Вчера на репетиціи у васъ... съ этимъ Валеріаномъ Романовичемъ... дуэтъ выходилъ такъ хорошо, что тебѣ положительно нечего безпокоиться... Нужно, чтобы случилось что-нибудь особенное, помѣшавшее тебѣ пѣть хорошо... А безъ этого успѣхъ твой обезпеченъ... Вы хорошо спѣлись...

— Да, вотъ ты, тетя, меня поддерживаешь, успокаиваешь, даже хвалишь, а Рисковéцъ вчера—вотъ мнѣ что̀ сказалъ, когда я его спросила, какъ у насъ выходитъ дуэтъ: „То-есть, доложу вамъ, — сказалъ онъ мнѣ пресерьезно и по обыкновенію сильно жестикулируя: — еслибы, по повелѣнію Божію, на эстраду желѣзноводскаго курзала вывести „валаамскаго осла", то и онъ бы лучше спѣлъ, чѣмъ этотъ вашъ длинноносый пѣвецъ!.. Да и вы, Ида Борисовна, тоже недалеко отъ него ушли"...

— Ну, охота тебѣ слушать Рисковца! Онъ вѣдь всегда всѣхъ и каждаго хулитъ.

— И какъ онъ чего-то не взлюбилъ Валеріана Романовича!—задумчиво произнесла Ида Борисовна.—Въ тотъ вечеръ, когда я познакомилась съ Примовымъ на репетиціи въ курзалѣ, докторъ Буяновъ рекомендовалъ мнѣ этого молодого инженера, какъ самаго милаго и воспитаннаго человѣка, — а Рисковецъ... Знаешь, что̀ онъ сказалъ почти вслѣдъ уходящему Буянову?..

— Ну... что̀?..—глухимъ шопотомъ спросила Чудновская, не подымая глазъ на оживленное лицо дѣвушки.

— „Разсказывай! Знаю я этихъ „воспитанныхъ человѣковъ"!.. Какой-нибудь „бессарабскій помѣщикъ"—и больше ничего!.."—Что̀ вы подразумѣваете,—спросила я его,—подъ этимъ эпитетомъ?.. — „Что̀? Это значитъ: — темная личность, перецъ, арапъ!.." — ажитировался Рисковѐцъ. — Какой „арапъ"?—удивилась я. — „Вы не знаете, что̀ такое „арапъ"? Не знаете, что̀ такое — „пустить арапа"?.." — Нѣтъ, не знаю...— „Это значитъ: — занять деньги безъ отдачи!.. Теперь понимаете?..—кричалъ, выпучивъ глаза, Рисковѐцъ, и такъ громко, что на насъ стали обращать вниманіе.—Вотъ на что̀ способны эти „воспитанные человѣки"!.. Я бы его съ эстрады спустилъ съ большимъ удовольствіемъ, угостилъ бы его „жандарскимъ" ударомъ въ его жирную спину!.." И Рисковéцъ тогда такъ расходился, что Жоржъ еле-еле унялъ его...—съ сіяющей улыбкой и оживленіемъ, говорила Ида Борисовна.—И за что̀?.. За что̀ онъ его такъ возненавидѣлъ?..

— Да это не ненависть, а ужъ просто такая привычка — все хулить; это скорѣе — зависть.... Мнѣ кажется, что къ нему

вполнѣ примѣнима пословица: „ненависть смягчается, но зависть—никогда“, —задумчиво проговорила Чудновская, тревожно взглянувъ на раскраснѣвшееся красивое лицо дѣвушки.

— Теперь онъ... Валеріана Романовича постоянно называетъ,—сквозь тихій смѣхъ сказала Ида Борисовна,—то „пучеглазымъ“, то „подслѣповатымъ“... А Валеріанъ Романовичъ, на самомъ дѣлѣ, такой... милый, красивый, такой умница и даже... талантливый: чудно поетъ и прекрасно рисуетъ... Вчера онъ мнѣ показывалъ на репетиціи акварельный снимокъ своей работы: „За́мокъ коварства и любви“, въ Кисловодскѣ... Прелесть что̀ такое!.. И мнѣ, тетя, теперь такъ хочется поѣхать въ Кисловодскъ и посмотрѣть эту причудливую, но очаровательную скалу... Хорошо, тетя, поѣдемъ?.. Поѣдемъ туда всѣ... всей компаніей... съ Мусей и Валеріаномъ Романовичемъ... Хорошо, тетя?.. Какъ ты находишь ихъ... Мусю и ея брата?..

Ида Борисовна выжидательно, смущенно и взволнованно смотрѣла на Чудновскую, а та молча, дрожащей рукой торопливо нарѣзывала „конфетти“...

— Что̀ же ты... не отвѣчаешь, тетя?..—еще больше краснѣя и смущаясь, дрогнувшимъ голосомъ спросила Ида Борисовна.— Развѣ они... не нравятся тебѣ?..

— Нѣтъ, я тоже нахожу Валеріана Романовича умнымъ и красивымъ... Муся мнѣ тоже нравится... Что-жъ, можно устроить прогулку... всей компаніей, въ Кисловодскъ, но... ты же уговаривалась съ Жоржемъ раньше поѣхать на Машукъ?

— Это—послѣ... Ну, вотъ и хорошо, тетя!—съ необычайнымъ оживленіемъ и радостью произнесла молодая дѣвушка.— Сначала мы всѣ поѣдемъ въ Пятигорскъ—осмотрѣть „Провалъ“ и „Машукъ“, а затѣмъ—поѣдемъ въ Кисловодскъ... хорошо?..

— Хорошо... —очень тихо и задумчиво произнесла Ксенія Владиміровна, и ножницы выскользнули изъ ея дрогнувшей руки...

„Что̀ же я больше могу сказать ей?—тревожно думала Чудновская: —имѣю ли я право разбивать ея молодыя, чистыя и свѣтлыя грёзы?.. Могу ли я теперь, когда такъ радостно, восторженно она увлекается этимъ молодымъ человѣкомъ... могу ли я разсказывать ей о моемъ далекомъ и тяжеломъ прошломъ?.. Да и къ чему?.. Зачѣмъ омрачать ея настоящее, когда оно освѣщается глубокой, свѣтлой надеждой на что-то хорошее, прекрасное и безкорыстное?.. Да и имѣетъ ли мое прошлое какое-нибудь значеніе для Идочки?.. Отецъ—и сынъ!.. Вѣдь это лишь одинъ предразсудокъ, суевѣріе и осадокъ собственной эгоистичной... неудовлетворенности личнаго счастья, въ самомъ узкомъ

смыслѣ; осадокъ... жизненной неудачи... Не смѣшно ли предполагать въ сынѣ что-то дурное, недостойное, порочное?.. Не смѣшно ли сына заподазривать въ какихъ-то наслѣдственныхъ недостаткахъ, дурныхъ наклонностяхъ, переданныхъ ему отцомъ?.. Да и что̀ такое былъ его отецъ?.. Развѣ могу я его осуждать, громить... презирать за то, что... что жизнь его сложилась... неудачно?.. что онъ былъ... человѣкъ минуты?.. что онъ случайно... неумышленно заставилъ страдать... меня и семью?.. Вѣдь и я виновата... Но при чемъ же здѣсь интересы, увлеченіе... и радости Идочки?.. Нѣтъ, нѣтъ, нужно отрѣшиться отъ предразсудковъ, побороть... неосновательную какую-то... осторожность, боязнь, какое-то выслѣживаніе!.. Нѣтъ, нужно смотрѣть на жизнь другихъ смѣлымъ, правильнымъ взглядомъ!.. Не мѣшать и не... подозрѣвать"...

Концертъ начался очень рано, почти при дневномъ свѣтѣ. Первое отдѣленіе было небольшое и неинтересное: „дѣтское",— какъ его называлъ главный иниціаторъ и распорядитель концерта, докторъ Буяновъ. Во всемъ этомъ отдѣленіи произвели только эффектъ: прехорошенькая дѣвочка, дочь Буянова, пропѣвшая тоненькимъ голоскомъ „Восточную пѣсенку", и симпатичный, напоминающій молодого, неоперившагося пѣтушка,— петербургскій гимназистъ „Поль Слѣпцовъ", какъ гласила афиша, — прекрасно, выразительно продекламировавшій стихотвореніе „Идеалъ" — „неизвѣстнаго автора".

— Это его собственное произведеніе!—послышалось довольно громко среди публики, послѣ чего апплодисменты стали еще громче, а „bis"—еще искреннѣе и настойчивѣе...

Послѣ перваго отдѣленія, послѣдовалъ длинный антрактъ. Публика изъ зала поспѣшила въ паркъ, „на свѣжій воздухъ", и, завидя двѣ большихъ урны съ мѣшечками, наполненными „конфетти", какъ по мановенію волшебнаго жезла, окружила нарядныхъ „благотворительницъ", щедро платя имъ за цвѣтныя бумажки...

— Но какъ удержать въ рукахъ мѣшечки завязанными?— громко прозвучалъ въ толпѣ чей-то мужской голосъ:—Неужели, придерживаясь программы, ждать танцевъ?..

— Къ чему?.. Зачѣмъ?.. Нѣтъ, нѣтъ, можно сейчасъ развязать!—послышался въ отвѣтъ металлически-звенящій женскій голосъ.—Вечеръ такой чудный, лица такія оживленныя, веселыя... такъ и хочется бросить цѣлую горсть въ того... кто милъ, кто дорогъ, кто... близокъ, кто, просто, нравится, или симпатичнѣе, пріятнѣе другихъ!.. Я дѣлаю начало...

— А я послѣдую вашему примѣру!..—произнесъ кто-то весело, громко заливаясь раскатистымъ, заразительнымъ смѣхомъ...

И фантастичный пестрый потокъ мелкихъ бумажёнокъ, подъ звуки дразнящаго оркестра, мелькнулъ въ воздухѣ и разсыпался частымъ крупнымъ дождемъ надъ черными, бѣлокурыми волосами, ослѣпляя блестящіе глаза, розовыя, смѣющіяся лица, свѣтлые туалеты дамъ, модные сюртуки, папахи, бешметы, черкески, фуражки и кителя мужчинъ...

— Идетъ, идетъ дѣло на ладъ!—радостно потирая руки, говорилъ докторъ Буяновъ другому распорядителю-„группному врачу" Михайлову:—и сборъ хорошъ, и конфетти продаютъ прекрасно!.. Будетъ у насъ, въ Желѣзноводскѣ, на будущій годъ, Степанъ Марковичъ, публичная библіотека!.. Будетъ!.. Соберемъ, какъ мнѣ кажется, порядочно „д'аржановъ"!.. Пора, пора намъ имѣть свою собственную библіотечку для нашихъ больныхъ... Пока вѣдь на этотъ счетъ у насъ... „скудость"...

— Положимъ, библіотечка, о которой мы съ вами, Павелъ Ивановичъ, ратуемъ—вещь хорошая и необходимая,—протяжно отвѣчалъ Михайловъ,—но, откровенно говоря, когда же больнымъ есть время читать?.. Да и не за этимъ они сюда пріѣзжаютъ... Они и такъ цѣлый день заняты:—бѣгаютъ, какъ угорѣлые, по докторамъ, по источникамъ, по ваннамъ, по паркамъ, да по горамъ... Когда же имъ читать-то?..

— Э! вы опять, опять свое затянули, Степанъ Марковичъ! Если такъ разсуждать, то не нужно двигаться впередъ ни на одинъ шагъ въ благоустройствѣ нашихъ кавказскихъ минеральныхъ водъ... А по моему—совсѣмъ не такъ... Находятъ же время больные пѣть, играть, танцовать, такъ найдутъ время и читать... Я не говорю о систематическомъ, серьезномъ чтеніи—Богъ съ нимъ!—ну, а слѣдить за текущими изданіями, журналами—всегда найдется время у нашихъ больныхъ... Вѣдь большинство изъ „курсовыхъ"—люди интеллигентные, интересующіеся литературой и текущей жизнью; такъ не возить же имъ съ собой цѣлый ворохъ книгъ!.. Нѣтъ, библіотека нужна; вотъ и устроимъ мы съ вами, Степанъ Марковичъ, при нашемъ курзалѣ собственную библіотечку! Хорошо будетъ... И многіе, многіе больные скажутъ за это „спасибо"!...

Третій звонокъ напомнилъ всѣмъ присутствующимъ о неоконченномъ концертѣ...

Ида Борисовна, сильно раскраснѣвшаяся, взволнованная, крѣпко пожала руку Ксеніи Владиміровны и, направляясь въ уборную, чуть слышно, дрогнувшимъ голосомъ, шепнула ей:

— Тетя, милая, дорогая, хорошая... помолись за меня...

Залъ снова наполнился публикой... Впереди всѣхъ, передъ первыми рядами, виднѣлось кресло „безногаго больного“ и стройная, красивая фигура его дочери, одѣтой въ бѣлое легкое платье, подколотое натуральными бѣлыми лиліями... Отецъ и дочь, составляющіе полный контрастъ, но удивительно напоминающіе одинъ другого своими красивыми блѣдными лицами, невольно обращали на себя вниманіе и приковывали взоры нарядной толпы.

Ксенія Владиміровна сидѣла такъ близко отъ кресла Романа Валеріановича, что могла слышать каждое его слово, обращенное къ Мусѣ.

...Онъ такъ нетерпѣливо ждалъ выхода сына, такъ хотѣлъ услыхать, какъ у него выйдетъ дуэтъ!.. Онъ самъ когда-то давно, давно... пѣлъ этотъ дуэтъ „Горныя вершины“... только музыка была не Рубинштейна, а Варламова... Эти давно минувшіе дни онъ и теперь еще помнитъ. Онъ пѣлъ тогда этотъ дуэтъ съ одной прекрасной, идеальной дѣвушкой... въ одномъ имѣніи... профессора, знаменитаго профессора... когда онъ строилъ желѣзную дорогу...

Второе отдѣленіе концерта началось со струннаго квартета. Затѣмъ какой-то „джигинъ“ сыгралъ что-то... „восточное“... на флейтѣ и заслужилъ громкіе апплодисменты,—не за игру, конечно, потому что онъ игралъ очень плохо,—а за свой „смѣлый, жгучій взоръ и плѣнительный нарядъ“... Особенно „плѣнялись“ имъ дамы, жаждущія веселаго флирта во время „курортнаго“ отдыха... Когда смолкнули игривые приступы общаго снисходительнаго поощренія „плѣнительному джигину“, на эстрадѣ появилась Ида Борисовна подъ-руку съ Валеріаномъ Романовичемъ...

Ноты дрожали въ ея рукахъ, она была блѣднѣе обыкновеннаго, но стройная, высокая, въ легкомъ голубомъ платьѣ, съ вьющимися свѣтлыми волосами, съ большими черными глазами, она была такъ эффектна, такъ красива, что сразу со всѣхъ сторонъ послышался восторженный шопотъ...

Валеріанъ Романовичъ, повидимому, чувствовалъ себя совершенно спокойно, судя по его ровнымъ, увѣреннымъ движеніямъ и едва уловимой улыбкѣ, скользившей на его красивомъ, выразительномъ лицѣ...

— Какая красивая... подходящая пара!—произнесъ кто-то за спиной Ксеніи Владиміровны:—и, вѣрно, влюблены другъ въ друга, потому... бросаютъ такіе нѣжные взгляды одинъ на другого... Вѣрно, хорошо у нихъ выйдетъ дуэтъ...

Ксенія Владиміровна была сильно взволнована; она не могла

отдать себѣ отчета, что ее больше волнуетъ въ данный моментъ: близость ли Романа Валеріановича, говорящаго дочери о „давно минувшихъ дняхъ"?—онъ помнитъ о ней и вспоминаетъ, какъ о „прекрасной, идеальной дѣвушкѣ"!—или... или появленіе на эстрадѣ Иды Борисовны... рядомъ съ Валеріаномъ Романовичемъ?.. Какое странное совпаденіе!.. Какая капризная игра судьбы!..

Чудновская слушала пѣніе Иды Борисовны и Примова, но совершенно не понимала, что они и какъ поютъ?.. Она пристально, въ упоръ смотрѣла на ихъ молодыя, красивыя лица, но не соображала, почему это они стоятъ на эстрадѣ рядомъ, такъ близко другъ подлѣ друга, и отчего они такъ долго не уходятъ отъ любопытныхъ чужихъ взоровъ веселящейся толпы?.. Только оглушительно-громкіе аплодисменты вывели ее изъ какого-то оцѣпенѣнія... Ксенія Владиміровна вся вздрогнула, безпокойно оглянулась кругомъ себя, а затѣмъ снова перевела задумчивый взоръ на эстраду...

Публика неистово кричала „bis", и на эстрадѣ снова появились Ида Борисовна и Валеріанъ Романовичъ, снова послышалось ихъ пѣніе...

Ксенія Владиміровна силилась вслушаться въ мелодичные звуки стройнаго, увѣреннаго пѣнія, и на ея блѣдномъ, взволнованномъ лицѣ показалась, наконецъ, счастливая улыбка... Пѣніе незамѣтно для нея самой успокаивало ея непослушные нервы... Она искренно радовалась успѣху Иды Борисовны и... Валеріана Романовича... и почти безъ волненія, остраго, мучительнаго, взглянула на кресло „безногаго больного"...

Пѣніе на эстрадѣ замолкло, и снова раздались аплодисменты, вызовы, похвалы и восхищенія...

— Они хорошо спѣлись... Они спѣлись...—негромко произнесъ Романъ Валеріановичъ, обращаясь къ раскраснѣвшейся Мусѣ, когда на эстрадѣ появились въ третій разъ Ида Борисовна и Примовъ.

Весь красный, пыхтя, какъ паровикъ, торопливо пробравшись среди многочисленной публики, докторъ Буяновъ преподнесъ Идѣ Броисовнѣ отъ лица всѣхъ распорядителей роскошный букетъ магнолій... И она, смущенная, но счастливая, прижимая нѣжные цвѣты къ высоко подымающейся груди, кланялась както неумѣло, по-институтски, отыскивая глазами Ксенію Владиміровну, какъ бы желая сейчасъ же подѣлиться съ ней своимъ неожиданнымъ торжествомъ... Но, вмѣсто Ксеніи Владиміровны, глаза ея встрѣтили восторженный взоръ Валеріана Романовича, предлагавшаго ей свою руку, желая помочь молодой дѣвушкѣ сойти съ высокой эстрады.

— Поздравляю и... радуюсь за вашъ успѣхъ, Ида Борисовна! — просто и искренно произнесъ онъ, пожимая ея руку.

— Но... этимъ успѣхомъ — я обязана и вамъ, а потому я должна этотъ букетъ раздѣлить пополамъ! — краснѣя и улыбаясь, сказала Ида Борисовна, торопливо отдѣляя щедрой рукой часть магнолій и отдавая ихъ Валеріану Романовичу. — Возьмите... Эта половина — ваша...

Примовъ молча, серьезно взялъ цвѣты и, взглянувъ на ея раскраснѣвшееся, смущенное и счастливое лицо, чуть слышно задумчиво произнесъ:

— Благодарю... Но эти цвѣты — ваши; вы ихъ заслужили, а не я... Я принимаю ихъ отъ васъ не по своимъ заслугамъ тамъ... на эстрадѣ, а какъ... какъ что-то болѣе симпатичное и пріятное для меня...

— Концертъ вышелъ, какъ и нужно было ожидать,—Крыловскимъ „квартетомъ"! — громко говорилъ Рисковецъ, выходя изъ залы подъ руку съ Жоржемъ: — Еслибы не эта „бѣлая симфонія" у кресла „безногаго", успокаивающая своимъ античнымъ ликомъ мои нервы, — я способенъ былъ бы всѣхъ ихъ, кричащихъ и визжащихъ, — вымести метлой!... Не переношу всѣхъ этихъ доморощенныхъ талантовъ! Отъ нихъ я всегда бѣгу и затыкаю уши!... А не знаете, кто эта „бѣлая симфонія" съ натуральными лиліями?—спросилъ онъ Жоржа много спокойнѣе и тише,—она сидѣла подлѣ кресла какого-то больного...

— Да это родная сестра „валаамскаго осла", Марія Романовна Примова!—пресерьезно, съ неизмѣримымъ лукавствомъ, произнесъ негромко Жоржъ: — а что̀, она произвела на васъ пріятное впечатлѣніе?..

— А-а!... Вотъ какъ!.. Не ожидалъ!... Да, чортъ возьми, ужъ больно она изящна, точно.... Сикстинская мадонна!.. Жаль, если ее царапнетъ какой-нибудь нижегородскій набобъ, плѣнившійся ея цвѣтущимъ корпусомъ!... Въ ней меня болѣе всего поражаетъ какая-то особенность, чистота и молодость, не тронутыя еще „жаломъ жизни"... Просто, настоящая мадонна!...

— Ну, кто же вамъ мѣшаетъ ее, эту „мадонну" — „царапнуть"?—съ прежнимъ лукавствомъ, спросилъ Жоржъ Рисковца.— Попробуйте!...

— Да,—попробуйте!.. Вѣрно, ей „папенька" и „маменька" съ самыхъ пеленокъ нашипѣли о презрѣнномъ металлѣ!... Посмотритъ она на меня, у кого въ карманѣ... мѣдный грошъ, да и того иногда не бываетъ!...

— „Маменьки", насколько мнѣ извѣстно, — у нея давно

нѣтъ, а „папенька" — больной... видѣли?—совсѣмъ безъ ногъ... Право, попробуйте—„царапнуть"... и уяснить ей, что „деньги— великій преступникъ и виновникъ всего жестокаго и грязнаго"!.. Попробуйте!...

Рисковецъ неопредѣленно улыбнулся и, молодцевато покручивая растрепанные усы,—многозначительно прищурилъ глаза и сквозь зубы негромко процѣдилъ:

— Гм... Съ кѣмъ чортъ не шутитъ!...

Въ залѣ было теперь почти пусто, и нѣсколько лакеевъ суетливо двигали стулья и приводили въ порядокъ загрязненный полъ для предстоящихъ танцевъ. Романъ Валеріановичъ и Муся, поджидая прихода молодого Примова, тихо разговаривали, дѣлясь переживаемыми впечатлѣніями. Ксенія Владиміровна тоже была еще въ залѣ и молча слѣдила съ какой-то затаенной грустью за отцомъ и дочерью... Что-то властно приковывало ее теперь къ этому человѣку, и ей такъ хотѣлось заговорить съ нимъ, услыхать изъ его устъ еще хотя нѣсколько словъ, обращенныхъ къ ней лично, и попрощаться навсегда съ тѣмъ, о чемъ случайность заставляла ее теперь думать и мучиться... И она, съ сильно бьющимся сердцемъ и раскраснѣвшимся лицомъ, рѣшительно подошла къ Мусѣ, подала ей руку и любезно проговорила:

— Позвольте мнѣ, Марія Романовна, замѣнить васъ на время... Я посижу здѣсь съ Романомъ Валеріановичемъ, а вы тѣмъ временемъ поспѣшите отыскать брата...

— Ахъ, благодарю васъ, хорошо!... Отца, дѣйствительно, пора уже отвезти домой...

Молодая дѣвушка легкой поступью направилась къ выходной двери, а Ксенія Владиміровна, теряясь и волнуясь, близко подошла къ больному.

— Романъ Валеріановичъ!... Господи, въ какомъ видѣ я встрѣчаю васъ, послѣ... послѣ двадцати лѣтъ!..—голосъ измѣнилъ ей, и она, опустившись па стулъ подлѣ его кресла и тяжело дыша, смотрѣла на него скорбнымъ, потухающимъ взоромъ. — Помните... Артиховку?.. Обрывъ?.. — какъ бы мучительно торопясь и волнуясь, заговорила она и опять замолчала, точно голосъ ея снова оборвался...

Онъ поднялъ голову и широко открытыми, недоумѣвающими глазами долго всматривался въ ея лицо, какъ будто силясь припомнить что-то знакомое, далекое... и давно похороненное...

— Ксенія!... — вырвалось у него послѣ продолжительной паузы какимъ-то болѣзненнымъ глухимъ стономъ, и онъ, низко опустивъ голову, не проронилъ болѣе ни одного слова.

Казалось, онъ замеръ, уснулъ и совершенно забылъ, гдѣ онъ и что̀ съ нимъ?... Но крупныя слезы, медленно катившіяся по его блѣднымъ, осунувшимся щекамъ, и нервное вздрагиваніе худого, немощнаго тѣла—говорили о его внутреннемъ тяжеломъ состояніи...

Ксенія Владиміровна, безъ кровинки въ лицѣ, съ сухими, воспаленными глазами, сидѣла подлѣ него, не шевелясь, и съ безпредѣльной жалостью и тоской смотрѣла на этотъ страдающій, жалкій остатокъ человѣческаго тѣла...

— Вы не спрашиваете меня...—заговорилъ онъ, наконецъ, глухо, овладѣвъ собой и подымая на нее затуманенные еще слезами, прекрасные, выразительные глаза:—что̀ я пережилъ за эти... двадцать лѣтъ?... И вы правы... Къ чему?.. Я весь передъ вами... Живой трупъ, безногій, больной... калѣка... Я — весь здѣсь... Вы спро̀сите, что̀ же было со мной... раньше, до моего изуродованія?... Первыя пять лѣтъ, когда я... покинулъ „Артиховку"... прошли для меня въ сильныхъ нравственныхъ... мученіяхъ... Укоры совѣсти... исканіе васъ... заботы о дѣтяхъ... Жена моя умерла черезъ годъ, послѣ... послѣ того, какъ я уѣхалъ... отъ васъ... Затѣмъ... какое-то отчаянное киданіе изъ стороны въ сторону... исканіе—забвенія въ дѣлѣ... Я началъ... строить невозможные заводы, началъ изобрѣтать... сумасшедшія машины.... и... вотъ до чего я достигъ...

Онъ дрожащей рукой указалъ на то мѣсто своего тѣла, гдѣ долженствовало быть ногамъ.

— Судьба наказала какъ будто меня за то, что я... забылъ мудрое изреченіе: „садись за жизненный пиръ, но... не облокачивайся"... Да, каждый долженъ получить отъ жизни лишь то, что̀ ему... назначено... Но это „назначенное" нужно умѣть взять... а я не сумѣлъ и... И вотъ, — пятнадцать лѣтъ... цѣлыхъ пятнадцать лѣтъ!—мои физическія страданія—заглушаютъ... нравственныя... И я теперь... живой трупъ... Всѣ мои душевныя страданія забываются подъ давленіемъ физическихъ и выражаются лишь... какъ у самыхъ малодушныхъ и безпомощныхъ людей... лишь слезами... А прежній Романъ Валеріановичъ — не существуетъ уже цѣлыхъ пятнадцать лѣтъ... Я—жалкій, слабый, безпомощный и... плачущій... калѣка... Я не могу воспринимать внѣшнія впечатлѣнія... самъ по себѣ... я всегда завишу отъ своего искалѣченнаго тѣла... А потому... ничто меня не поражаетъ, не вдохновляетъ, не радуетъ, не печалитъ—когда я... чувствую острую боль въ жалкихъ остаткахъ моихъ... ногъ... Вотъ я теперь... какой... совсѣмъ лишній человѣкъ... въ мірѣ...

Онъ долго молчалъ, точно совсѣмъ забылъ, что подлѣ него, такъ близко, сидитъ та, которую онъ любилъ, искалъ долго и мучительно, и ради которой онъ превратился въ „безногаго калѣку“, желая найти „забвеніе въ дѣлѣ“...

Ксенія Владиміровна, блѣдная и неподвижная, всматривалась въ его страдальческое лицо съ такимъ скорбнымъ чувствомъ, съ какимъ смотрятъ на дорогого покойника... И все ея прошлое какъ будто само собой уходило теперь вмѣстѣ съ нимъ куда-то далеко, далеко, чтобы никогда болѣе не возвращаться...

— А вы, Ксенія?... Какъ вы... прожили вашу жизнь?... — точно изъ-подъ земли услыхала она глухой, надорванный голосъ...

Она непріятно вздрогнула и, блѣднѣя еще больше, чуть слышно отвѣтила медленно, вдумчиво, точно ей было трудно собраться съ мыслями:

— Я?... Я отвѣчу вамъ коротко... Всю свою жизнь я старалась руководиться вотъ какимъ принципомъ: — жить для другихъ, и этимъ, хотя немногимъ, „другимъ“ — быть полезной.... Ну, а удавалось ли мнѣ это въ моей одинокой, обездоленной жизни—не мнѣ судить...

II.

Совершенно незамѣтно у Чудновской и Иды Борисовны образовался въ Желѣзноводскѣ довольно тѣсный кружокъ знакомыхъ: изъ дамъ — Муся, „сердобольная генеральша“, Магдалина Алексѣевна, и ея падчерица, веселая Надинъ; а изъ мужчинъ—неизмѣнный Жоржъ, Рисковецъ, чувствовавшій себя, какъ онъ думалъ, много лучше, Валеріанъ Романовичъ и Клеоникъ Ивановичъ Кирпотенко, дядя гимназиста, — Поля Слѣпцова. Вся эта компанія, вдоволь накупавшись въ желѣзной водѣ, устраивала теперь каждый день прогулки по окрестностямъ всѣхъ четырехъ курортовъ. Прежде всего они отправились на цѣлый день въ Пятигорскъ. Пріѣхавъ туда съ утреннимъ поѣздомъ, всѣ они размѣстились попарно въ фаэтонахъ и направились съ вокзала по пыльной, немощеной улицѣ прямо въ городъ. При этомъ не обошлось безъ курьёза: каждый изъ присутствующихъ, какъ будто бы случайно, очутился въ фаэтонѣ рядомъ съ тѣмъ, съ кѣмъ ему было пріятно и интересно: Примовъ усѣлся съ Идой Борисовной, Жоржъ поспѣшилъ занять мѣсто подлѣ Муси; а Поль раньше другихъ укатилъ съ молоденькой Надинъ... Ксенія Владиміровна должна была сѣсть въ фаэтонъ со старикомъ Кирпотенко, а Рисковцу—досталась Магдалина Алексѣевна. Но

онъ, желая ѣхать только съ „бѣлой симфоніей“, такъ возмутился, разозлился и такъ громко кричалъ на всю улицу, что обращалъ на себя вниманіе всѣхъ проходящихъ и проѣзжающихъ, а Чудновскую и свою отвергнутую даму, Магдалину Алексѣевну, поставилъ въ крайне неловкое положеніе...

— Да что вы, въ самомъ дѣлѣ, распоряжаетесь мной! — кричалъ онъ оставшимся дамамъ:—Не поѣду я съ вами!.. У васъ, Ксенія Владиміровна, есть уже свой кавалеръ: Клеоникъ Ивановичъ; а генеральша пусть себѣ ѣдетъ со своей блошивой собачонкой!.. Не поѣду я съ вами!..

И онъ, быстро сплюнувъ въ сторону и не смотря ни на кого, развалился одинъ въ фаэтонѣ и погнался за „бѣлой симфоніей“... Клеонику Ивановичу пришлось разыскивать четырехмѣстный фаэтонъ для оставшихся двухъ дамъ.

— Ну, что же!—добродушно смѣясь, говорилъ онъ:—я хотя и старъ, но мнѣ достались двѣ дамы...

— И Мимишка въ придачу!—улыбаясь, замѣтила Магдалина Алексѣевна, гладя бѣлой рукой недоумѣвающую собачонку, недавно подобранную ею гдѣ-то въ паркѣ.

— И что же, вы довольны, Клеоникъ Ивановичъ, такимъ тріумвиратомъ?—шутливо спросила Чудновская.

— Да я-то доволенъ, но вы—сомнѣваюсь! Охъ, плохой вамъ, mesdames, достался спутникъ!—со вздохомъ произнесъ Клеоникъ Ивановичъ, усаживаясь въ фаэтонъ. — Старость — не радость!.. Врядъ ли даже Кавказъ способенъ породить во мнѣ запросы желаній чего-то хорошаго, ласково-нѣжнаго, какъ его прозрачный утренній воздухъ, буйнаго, какъ его горные потоки, опьяняющаго, какъ сама сила его чарующей страстной природы...

— О, да вы, Клеоникъ Ивановичъ, поэтъ!—оживленно замѣтила Ксенія Владиміровна, разсматривая румяное, моложавое лицо добродушнаго и симпатичнаго старика.

— Былъ когда-то, а теперь—я давно отжилъ... свое!

И съ этими словами, раскрывъ серебряную табакерку, онъ началъ усердно набивать носъ нюхательнымъ табакомъ.

— И хорошо вы сдѣлали, Клеоникъ Ивановичъ, что запаслися табачкомъ: противный сѣрный запахъ — уже даетъ себя знать! Я бы не могла жить въ Пятигорскѣ: какой тяжелый и пыльный воздухъ!—серьезно и недовольно произнесла Чудновская.

Проѣхавъ мимо бульвара, красиваго бьющаго фонтана и Ермоловскихъ ваннъ, они стали подыматься на красивую скалу— къ „Гроту Лермонтова“. Здѣсь поджидало ихъ все остальное общество.

Надинъ и Поль съ большимъ увлеченіемъ собирали красивые камешки у самаго „Грота“ и, сортируя ихъ по цвѣту, дѣлали на нихъ какія-то надписи карандашомъ.

— Вотъ, смотрите, Поль, нѣкоторые камешки на солнцѣ совсѣмъ, совсѣмъ кажутся синими!.. Отчего бы это?—оживленно спрашивала его хорошенькая Надинъ.

— Да они и безъ солнца—синіе: это отъ сѣры... отъ сѣрнаго ила... Должно быть, они когда-нибудь лежали на днѣ сѣрнаго источника!—неувѣренно отвѣчалъ Поль.

— Что̀ вы говорите! Я видала много вещицъ, пролежавшихъ нѣсколько дней въ сѣрномъ источникѣ, но онѣ покрыты не синимъ налетомъ, а бѣлымъ... Ну, какъ будто посыпаны сахаромъ...

— Лучше скажите, Надинъ, что эти вещицы напоминали вамъ тѣ конфекты-помадки, которыми вы постоянно себя угощаете... да?

— Ну, да!.. Ахъ, противный Поль, не перебивайте! Вотъ я и забыла, о чемъ еще хотѣла сказать... Только помѣшали!..

Остальные—Ида Борисовна, Муся, Жоржъ и Примовъ—сидѣли на камняхъ въ самомъ „Гротѣ“ и громко, перебивая другъ друга, прочитывали очень длинное стихотвореніе, написанное золотыми буквами на большой отвѣсной каменной плитѣ, занимавшей почти всю стѣнку противъ самаго входа въ „Гротъ“:

„Гроту Лермонтова“.

„Подъ сѣнію твоей Онъ часто находилъ
„Пріютъ для сладкаго мечтанья;
„И ты одинъ свидѣтель былъ
„Его сердечнаго страданья...
„Угрюмый видъ твоей скалы
„Служилъ душѣ Его отрадой...“ и т. д.

...„Доска, на которой написано это стихотвореніе, сооружена помѣщикомъ Тамбовской губерніи, Ильей Васильевичемъ Алексѣевымъ, въ 1870 г., іюля 20-го дня, во время его пользованія Пятигорскими минеральными водами“...—тихо прочла Ксенія Владиміровна и въ глубокой задумчивости опустилась на камень въ самомъ „Гротѣ“... И здѣсь, живѣе, чѣмъ когда-либо, въ ея воображеніи рисовались одна картина за другой изъ жизни нашего безсмертнаго поэта...

Рисковецъ долго и молча бросалъ недовольные взгляды на всѣхъ присутствующихъ и наконецъ, презрительно махнувъ рукой, неожиданно для всѣхъ, быстро сошелъ со скалы, сѣлъ на свою

одноконку и укатилъ въ Пятигорскъ, не проговоривъ ни съ кѣмъ ни слова...

— Я думалъ, „Гротъ“ — что-нибудь очень поэтичное, красивое, а это совсѣмъ какъ мой маленькій погребокъ въ деревнѣ, гдѣ я храню драгоцѣннѣйшій напитокъ: наливку! — съ неподдѣльнымъ юморомъ бормоталъ Клеоникъ Ивановичъ, запыхавшись послѣ небольшого подъема къ „Гроту“ по широкой аллеѣ, огороженной невысокой изгородью. — Только и прелести въ этомъ „Гротѣ“, что не такъ какъ будто несетъ... сѣрой...

— Ну и Клеоникъ Ивановичъ! Вы, какъ видно, только чувствительны къ этой одной сѣрѣ!—шутливо говорилъ Валеріанъ Романовичъ.—Вспомните, что здѣсь, гдѣ вы теперь стоите,—нашъ великій поэтъ находилъ отдыхъ отъ житейской суеты... Онъ вдохновлялся здѣсь!.. И этого уже для насъ довольно, чтобы видѣть въ этомъ „Гротѣ“, такъ капризно пріютившемся въ горѣ Машукѣ,—въ этомъ холодномъ, мрачномъ уголкѣ, окутанномъ ползучими растеніями и оберегаемомъ по сторонамъ листвой горныхъ деревъ,—чтобы видѣть въ немъ поэзію и красоту...

— А что мнѣ, хохлу, поэтъ Лермонтовъ!.. Вотъ, еслибы здѣсь вдохновлялся нашъ „любый“ Тарасъ Шевченко... О, тогда бы и я сказалъ, что здѣсь и поэтично, и красиво, а то—что мнѣ вашъ Лермонтовъ! — лукаво улыбаясь, говорилъ Клеоникъ Ивановичъ.

— Ну, не ожидалъ! Какой же вы завзятый хохолъ!.. Но развѣ для людей интеллигентныхъ существуетъ „нашъ“ и „вашъ“ поэтъ?—горячо спросилъ его Примовъ.

И здѣсь между ними завязался довольно оживленный споръ, впрочемъ скоро и незамѣтно прекратившійся при поднятіи всей компаніи по крутой тропинкѣ къ бесѣдкѣ „Эолова Арфа“...

Подъемъ къ этой бесѣдкѣ былъ довольно крутой и продолжительный, но вся компанія за свою усталость была вознаграждена прекраснымъ видомъ. Съ одной стороны, у подошвы Машука и Горячей горы, раскинулся во всей своей красѣ городъ Пятигорскъ; а дальше, влѣво отъ „Грота“, виднѣлась большая казачья станица, озёра, луга и опять какая-то небольшая гора и скалы...

— А что же въ этой бесѣдкѣ не слышно ни звука?—довольно тихо спросила Марія Романовна Жоржа, давно забывшаго не только хорошенькую „пермячку“, но и свою цвѣтущую „полтавскую“ невѣсту; онъ теперь усердно и неотступно ухаживалъ „за блѣдной петербургской институткой“...

— Очень просто, Марія Романовна: эта „Эолова Арфа“ —

безмолвна!—съ особеннымъ оживленіемъ отвѣчалъ Жоржъ:—волшебные звуки издаетъ лишь ессентукская „Эолова Арфа“... А эта—дорога намъ, какъ тоже одно изъ любимыхъ мѣстъ Лермонтова... Онъ даже упоминаетъ о ней гдѣ-то... кажется, въ „Героѣ нашего времени“...

— Да, да!—подхватилъ Поль:—я теперь изучаю Лермонтова... Вотъ смотрите, на страницѣ 65-ой!..

Поль быстро вынулъ изъ кармана очень измятую, безъ переплета книгу и, торопливо перелиставъ ее, бѣгло и громко прочелъ:—„На крутой горѣ, гдѣ построенъ павильонъ, называемый „Эоловой Арфой“, торчали любители видовъ и наводили телескопъ на Эльборусъ“...

— Вотъ такъ и видно, что вы, Поль, любите поэзію, что вы—поэтъ! Прекрасно вызубрили всего Лермонтова!—съ легкой ироніей въ голосѣ, замѣтила Надинъ.

— Я, дѣйствительно, люблю поэзію и не разстаюсь съ Лермонтовымъ... А здѣсь, въ Пятигорскѣ, все такъ напоминаетъ о немъ, что невольно вспоминаешь каждое его слово!—полуобиженно, серьезно отвѣтилъ Поль и покраснѣлъ, какъ маковъ цвѣтъ.

— Ну что-жъ, господа,—телескопа у насъ нѣтъ, Эльборуса что-то не видно, такъ чего же мы здѣсь сидимъ?.. Годи!—сказалъ Клеоникъ Ивановичъ:—пойдемъ-ко дальше!

— Вотъ какъ мы расходились!—смѣясь, сказала Надинъ.—Право, Клеоникъ Ивановичъ, вы прекрасно сохранились: такой бодрый, подвижной!.. Въ ваши годы я, вѣрно...

— А вы почемъ знаете мои годы?.. Я еще, слава Богу, не старый!—полуобиженно замѣтилъ онъ, пріосаниваясь.

— Сознайтесь, когда Николай I вступилъ на престолъ, то вы уже, вѣрно, хорошо бѣгали?—донимала его Надинъ.

— Богъ знаетъ, что вы говорите!.. Когда Александръ II началъ царствовать, то у меня тогда прорѣзался только первый зубокъ!—серьезно, но лукаво произнесъ Кирпотенко.

Всѣ искренно расхохотались, а Надинъ, держась за одну изъ колоннъ „Эоловой Арфы“, раскачивалась во всѣ стороны и громко напѣвала:—Нашъ Клеоникъ—молодой!.. Нашъ Клеоникъ—удалой!

Кирпотенко притворно сердился и, долго посматривая на нее исподлобья, наконецъ махнулъ рукой и быстро сталъ спускаться со скалы, пробираясь подъ густыми вѣтками виноградника по узкой тропинкѣ, усыпанной желтымъ пескомъ.

Налюбовавшись отсюда вдоволь чуднымъ ландшафтомъ и кра-

сивой бесѣдкой „Флагъ-Штокъ“, или, какъ ее здѣсь называютъ, „Грибокъ“, — возвышающейся на открытой площадкѣ Горячей горы, все общество послѣдовало дальше, къ предполагаемому мѣсту дуэли Лермонтова. Но всѣхъ ихъ непріятно поразила запущенность этого отдаленнаго уголка на горѣ Машукъ. Ни цвѣтовъ, ни аллеекъ, ни малѣйшаго проблеска чьей-нибудь заботы о сохраненіи печальнаго памятника мѣста смерти великаго поэта... Одинъ простенькій камень, испещренный разными неумѣстными надписями праздныхъ посѣтителей,—и только...

Къ „Провалу“ вся небольшая компанія проѣхала по прекрасной экипажной дорогѣ по южному склону горы Машукъ, подъ аркой красивой большой Елизаветинской галереи, выстроенной въ стилѣ „Колизея“...

У „Провала“, подлѣ павильона-ресторана, четыре грузина въ національныхъ костюмахъ играли и пѣли. Одинъ изъ нихъ, совершенно слѣпой, но очень красивый молодой и смуглый грузинъ, обладалъ прекраснымъ теноромъ. Пѣли они на грузинскомъ языкѣ, и пѣсня ихъ была такъ захватывающе-прекрасна, мелодична, то съ грустными замирающими переходами, то съ потрясающе-энергичными, звонкими нотами, что всѣ присутствующіе невольно заслушались и долго не двигались дальше... Мужская половина, умиленная чуднымъ пѣніемъ, щедро сыпала серебро въ деревянные національные кувшины грузинъ, напоминающіе „кувшины Тамары“ въ оперѣ „Демонъ“...

— Прекрасно, прекрасно поютъ... Этотъ слѣпой поетъ даже лучше нашего... лирника!—шутливо говорилъ Клеоникъ Ивановичъ, бросая монету за монетой въ кувшинъ слѣпого грузина.

Даже Мимишка, выспавшаяся за все время на рукахъ Магдалины Алексѣевны, теперь совсѣмъ расчувствовалась: она подняла вверхъ свою некрасивую мордочку и жалобно, протяжно завывала...

— О комъ же вы такъ хорошо пѣли?—спросилъ Валеріанъ Романовичъ умолкнувшихъ пѣвцовъ.

Грузины, какъ оказалось, плохо понимали русскій языкъ и кое-какъ объяснили ему, что они пѣли про царя Давида и про царицу Тамару.

— Да, да, это естественно... Понимаю!—вдумчиво замѣтилъ Валеріанъ Романовичъ.

— А что это за цари такіе? — съ большимъ интересомъ спросила Ида Борисовна.—Разскажите, пожалуйста...

— Если все общество не противъ этого, — съ удовольствіемъ, — отвѣтилъ серьезно Примовъ, окинувъ всѣхъ присутствующихъ вопрошающимъ взглядомъ.

— Очень рады будемъ послушать вашъ разсказъ!—отвѣтила Ксенія Владиміровна, прочтя на лицахъ присутствующихъ полнѣйшую солидарность.

— Видите ли...—началъ довольно громко Примовъ:—послѣ того, какъ въ IV вѣкѣ Грузія понемногу утверждалась въ христіанствѣ, она, съ одной стороны, подпадала подъ вліяніе Византіи, съ другой стороны—подвергалась нападеніямъ персовъ и аравитянъ. Затѣмъ, ее безпощадно опустошали разные турки-сельджуки, сарацины и другіе. Грузія долго бѣдствовала, пока не явился царь Давидъ III въ XI-мъ вѣкѣ, а затѣмъ, въ XII-мъ в., царица Тамара: при нихъ, благодаря ихъ умѣнью править, ихъ гуманности и энергіи, Грузія заняла первое мѣсто въ западной Азіи... Это была для грузинъ самая свѣтлая эпоха. Вотъ отчего они до сихъ поръ воспѣваютъ царя Давида и царицу Тамару...

— Теперь знаю... благодарю,—тихо сказала Ида Борисовна, слушавшая Валеріана Романовича все время очень серьезно и не спускавшая съ его красиваго, умнаго лица блестящихъ, ласкающихъ глазъ...

— А какъ называется вашъ маленькій оркестръ? Музыка, музыка? Что̀ это за инструменты... такіе странные? — продолжалъ Примовъ разспрашивать грузинъ, стараясь объяснить имъ свои вопросы болѣе жестами, чѣмъ словами.

— Музыка — сазандàри... нашъ музыка! — отвѣтилъ одинъ, сѣдѣющій, загорѣлый грузинъ: — мой музыка — дайрà (бубенъ), братъ музыка — дудýки (труба), другой музыка — зурнà (тоже труба), слѣпой музыка—тимпеля, тимпали (тимпаны)...

За это объясненіе Валеріанъ Романовичъ опустилъ нѣсколько монетъ въ кувшинъ симпатичнаго грузина, и вся компанія, въ какомъ-то пріятно-безмолвномъ настроеніи, направилась къ воротамъ „Провала“... Но здѣсь, при входѣ въ „Провалъ“, на всѣхъ произвела непріятное впечатлѣніе надпись, какъ предостереженіе отъ падающихъ со стѣнъ камней въ самомъ „Провалѣ“... Боязливо и молча двигались всѣ гуськомъ по темному туннелю (около ста шаговъ) и... наткнулись на какую-то громадную спящую собаку; кто-то наступилъ на нее, споткнулся, вскрикнулъ и неожиданно произошло маленькое смятеніе, отразившееся даже на Мимишкѣ, залаявшей визгливо, оглушительно-громко на весь туннель...

Пройдя, наконецъ, туннель, они очутились въ подземномъ гротѣ съ верхнимъ отверстіемъ... Что-то рѣдкое, новое, никогда неиспытанное охватило всѣхъ при видѣ голубого неба,

смотрящаго въ фантастическую небольшую пещеру (ширина пещеры семь саженъ, длина — восемь саженъ), съ причудливыми высокими стѣнами (двѣнадцать саженъ вышины) изъ природныхъ пластовъ крѣпкаго наслоенія известняка и камней... Лучи солнца почти не проникали сюда. Свѣтъ былъ ровный, мягкій, пріятный... Наверху, по краямъ отверстія, вѣтерокъ колыхалъ вѣтки деревъ и кустарниковъ, и онѣ, трепеща своими зелеными листьями, осторожно заглядывали во внутрь пещеры... А зеленая травка, ползучія растенія и душистые горные цвѣты, какъ бахрома, какъ живой вѣнокъ, украшали оконечности стѣнъ, придавая имъ еще больше новизны и очарованія. Быть можетъ, здѣсь, послѣ дождя, гдѣ-нибудь сверху обрывался небольшой камень и, быстро скользя и прыгая по стѣнѣ этого подземнаго грота, спугивалъ заснувшихъ въ трещинахъ и ущельяхъ не одну семью летучихъ мышей. Но теперь кругомъ было все тихо, покойно и торжественно. Только изрѣдка, громко жужжа, вылетали изъ ущелій большія дикія пчелы и медленно, съ отдыхами, поднимались вверхъ, какъ бы заслышавъ сильный ароматъ душистыхъ горныхъ цвѣтовъ... Прожужжатъ—и снова непробудная мертвая тишина...

Неподвижна поверхность сѣвернаго озера, пріютившагося въ сѣверо-западной части грота... Это небольшое озеро уходитъ куда-то въ глубину горы, къ трещинѣ, становясь здѣсь очень глубокимъ (четыре сажени). Маленькій мостикъ, перекинутый въ этой части озера, упираясь въ скалу, такъ манитъ пройти ближе къ трещинѣ, заглянуть въ глубь пещеры и провѣрить водомѣръ!..

Въ восточномъ углу грота, не доходя до „глазного“ сѣрнаго колодца, въ скалѣ виднѣлись два образа: Божіей Матери и очень большой образъ св. Пантелеймона-цѣлителя... Зажженная лампадка и нѣсколько мерцающихъ восковыхъ свѣчей, какъ яркія звѣздочки, освѣщали строгій ликъ святителя, навѣвая на вѣрующую душу тихое, мирное и благоговѣйное настроеніе. Здѣсь, въ „Провалѣ“, среди тишины этого величественнаго явленія природы, при видѣ скорбнаго лика Божіей Матери и св. Пантелеймона, слабо освѣщенныхъ мерцающимъ свѣтомъ лампадки и свѣчъ, невольно хочется молиться... И всѣ присутствующіе здѣсь, искренно поддаваясь охватившему ихъ чувству, молча перекрестились. Только Магдалина Алексѣевна, съ Мимишкой на рукахъ, смущенная, покраснѣвшая, тихо отошла отъ образа и, крестясь на ходу, спѣшила отдать одному изъ извозчиковъ свою собачонку.

— Тетя, какъ ты думаешь: не подкрашена ли вода въ озерѣ?— тихо спросила Ида Борисовна Чудновскую: — вода вѣдь синяя, какъ синька...

Но этотъ тихій, смущенный вопросъ все же долетѣлъ до слуха Валеріана Романовича, и онъ серьезно сказалъ:

— О, нѣтъ, Ида Борисовна! Это сѣрное озеро очень глубокое: въ узкой части его, подлѣ трещины въ скалѣ, болѣе четырехъ саженъ глубины. Избытокъ же іода въ источникѣ окрашиваетъ воду такимъ характернымъ синеватымъ цвѣтомъ. Поверхность всего бассейна,—присмотритесь!—подернута какъ бы пленкой... Это—муффъ, продуктъ разложенія въ немъ водорослей... Бросьте въ озеро, Поль, этотъ камень, что у васъ въ рукахъ... Смотрите, сколько показалось на поверхности воды пузырьковъ!.. Это выходитъ сѣрнистый газъ, съ рѣзкимъ специфическимъ запахомъ, отъ котораго теперь бѣдный Клеоникъ Ивановичъ спасается своимъ нюхательнымъ табачкомъ...

— Какое! Запахъ сѣры, дѣйствительно, специфическій, и даже мой табакъ оказывается безсильнымъ! Просто—вонь!—говорилъ недовольно Клеоникъ Ивановичъ, закрывая носъ платкомъ.

— Скажите, пожалуйста, какія нѣжности! — воскликнула громко Надинъ: — мы, „особы нѣжнаго и слабаго сложенія“, переносимъ этотъ запахъ, а вы, „нестарый“ мужчина, не можете! И совсѣмъ здѣсь нѣтъ никакого „специфическаго“ запаха сѣрнаго газа! Это Валеріанъ Романовичъ говоритъ вообще, а не о „Провалѣ“...

— Ну, и язычокъ! Что-то будетъ, какъ вы подростете!—добродушно замѣтилъ Клеоникъ Ивановичъ и, отъ щедрой порціи нюхательнаго табаку, чихнулъ на всю пещеру.

— Курить и нюхать табакъ здѣсь строго воспрещается: видите—иконы?—не унималась Надинъ.

Клеоникъ Ивановичъ молча и флегматично махнулъ рукой, но, замѣтя нѣсколько пчелъ на берегу озера, умиленно-ласково проговорилъ:

— Пчелочки, пчелочки!.. А что-то мои пчелочки!.. Какъ-то онѣ безъ меня на хуторѣ медокъ собираютъ...

— Пятигорскій муффъ еще мало разслѣдованъ,—между тѣмъ говорилъ Валеріанъ Романовичъ: — а вотъ заграницей, въ Италіи, напримѣръ, тамъ уже спеціально лечатъ муффами...

— А не знаете ли, Валеріанъ Романовичъ, отчего этотъ сѣрный колодезь названъ „глазнымъ“?—спросила Ксенія Владиміровна замолкнувшаго Примова.

— А это народъ его такъ называетъ. Они увѣрены, что вода изъ этого колодца вылечиваетъ разныя глазныя болѣзни. Это мнѣніе укоренилось здѣсь еще, какъ я слыхалъ, со временъ Бата-

лина, нашего русскаго ученаго, который въ пятидесятыхъ годахъ дѣлалъ здѣсь разныя геологическія и бальнеологическія изслѣдованія и, между прочимъ, нашелъ цѣлебныя свойства сѣрной воды... Народъ очень вѣритъ въ помощь источника при глазныхъ страданіяхъ...

И какъ бы въ подтвержденіе этихъ словъ, молодая казачка, усердно до сихъ поръ молившаяся передъ образами, подошла къ колодцу и, зачерпнувъ кружкой теплой сѣрной воды, стала ею промывать свои красные, воспаленные глаза.

III.

День былъ жаркій и душный. Въ раскаленномъ пыльномъ воздухѣ особенно разило сѣрой. Вся небольшая компанія нашихъ „курсовыхъ" расположилась въ открытомъ павильонѣ и пила холодное молоко. Здѣсь имъ всѣмъ нужно было хорошо отдохнуть, чтобы запастись силами для восхода на вершину горы Машукъ.

Магдалина Алексѣевна, стѣсненная Мимишкой, должна была уѣхать къ своимъ знакомымъ въ Пятигорскъ, а всѣ остальные, даже „нестарый" Клеоникъ Ивановичъ, послѣ непродолжительнаго „конгресса",— рѣшили подняться на Машукъ пѣшкомъ, а обратно — поѣхать въ экипажахъ, послѣдовавшихъ за ними на вершину по другой, экипажной, дорогѣ.

Гора Машукъ представляетъ собой исполинскій конусъ въ 1.696 футовъ высоты. Съ трудомъ вѣрилось, чтобы можно было всей компаніи, какъ предполагалось, подняться на самую вершину этой высокой горы въ какихъ-нибудь два-три часа... Всѣ они волновались, суетились и, неизвѣстно какъ, по чьему совѣту и настоянію, усѣлись каждый въ свой экипажъ и снова очутились въ знакомомъ уже имъ мѣстѣ, между „Елизаветинской галереей" и „Гротомъ Лермонтова"... Почему необходимо было начать имъ восхожденіе на эту гору именно отсюда — никто изъ нихъ не могъ рѣшить: это случилось какъ-то само собой...

— Вотъ такъ всегда бываетъ, когда собирается много „распорядителей" и „совѣтчиковъ"! — громко, недовольно говорилъ Клеоникъ Ивановичъ:—и чего это мы опять сюда явились?

— Да успокойтесь, дядя! Валеріанъ Романовичъ былъ уже на Машукѣ, онъ знаетъ дорогу! — замѣтилъ раскраснѣвшійся Поль. — Вотъ здѣсь, говорятъ, за „Михайловской галереей", начинается тропа, по которой мы и пойдемъ...

— Ну васъ, съ вашей „тропой“! Жара страшная, а они сдѣлали такой кругъ! Думали прежде подняться гдѣ-то подлѣ „Провала“, а теперь полѣзай по какой-то тамъ „тропѣ“!

— Да чего вы раскричались!—улыбаясь, замѣтила Надинъ:—ноги—молодыя, выдержатъ...

— И выдержатъ! Ну и что же, полѣзу и я по „тропѣ“!—много спокойнѣе произнесъ Клеоникъ Ивановичъ, нюхая табакъ.—Ну, ищите, ищите дорогу...

И дѣйствительно, скоро „тропа“, была найдена, и они всѣ двинулись въ путь. Восхожденіе на Машукъ казалось имъ гораздо труднѣе, чѣмъ восхожденіе на Желѣзную гору, куда они подымались нѣсколько дней тому назадъ. Тамъ все приходилось идти въ прохладной тѣни сплошного лѣса, по довольно гладкой, ровной и широкой дорогѣ, лишь изрѣдка переходящей въ узкую тропинку, усыпанную щебнемъ. Лѣсомъ идти было, правда, скучнѣе, чѣмъ здѣсь, по совсѣмъ почти открытой, а потому жаркой дорогѣ, мѣстами очень щедро усѣянной природой скользкимъ, колючимъ камнемъ и пескомъ.

Они всѣ, утомленные жарой, молча, сосредоточенно и медленно двигались впередъ, отдыхая на каждой попутной скамейкѣ. Особенно плохо дѣйствовала жара на усталую Ксенію Владиміровну, ослабѣвшую послѣ большого пріема соленыхъ ваннъ и, вообще, послѣ серьезнаго курса леченія. Она какъ-то недовольно и даже боязливо посматривала по сторонамъ, и ей чудились со всѣхъ сторонъ змѣи, лягушки и ящерицы... Всѣхъ этихъ „гадовъ“ она очень боялась и при одной мысли о нихъ вздрагивала.

Общее пасмурно-молчаливое настроеніе продолжалось у всѣхъ недолго: чѣмъ выше они подымались, тѣмъ становились оживленнѣе, невольно восхищаясь причудливо-дикой, чудной природой и прекраснымъ видомъ окрестностей, открывающихся передъ ихъ глазами на необозримо-далекомъ пространствѣ. Они теперь какъ-то сразу всѣ заговорили и, громко перебивая и разспрашивая другъ друга, смотрѣли вдаль въ бинокли съ большимъ интересомъ, тѣмъ болѣе, что всѣ они, кромѣ Валеріана Романовича, первый разъ восходили на Машукъ... Весь Пятигорскъ, съ его длиннѣйшимъ бульваромъ, начинающимся у самой „Елизаветинской галереи“ и кончающимся недалеко отъ вокзала, съ красивымъ Николаевскимъ цвѣтникомъ, фонтаномъ, Казеннымъ садомъ, соборомъ, памятникомъ Лермонтова, „Гротомъ Діаны“ и массой домовъ, магазиновъ и гостинницъ—былъ теперь у нихъ какъ на ладони... Затѣмъ, дальше, виднѣлась большая Горячеводская

казачья станица, живописно расположенная въ долинѣ рѣки Подкумокъ и утопающая въ зелени деревъ... А тамъ, еще дальше, серебристой лентой вилась рѣка Юца, виднѣлись озера, луга, безконечныя степи, возвышенности, скалы, цѣлый городъ Георгіевскъ и, наконецъ, бѣлоснѣжная длинная и причудливая цѣпь Кавказскаго хребта...

— Солнце жгетъ немилосердно, деревья кругомъ насъ такія зеленыя, надъ нами носятся орлы...—говорила съ неподдѣльнымъ восторгомъ Муся, крѣпко сжимая руку раскраснѣвшейся Иды Борисовны, съ которой она за послѣднее время очень подружилась:—Ароматный, опьяняющій воздухъ знойнаго дня... кружитъ даже мнѣ голову... А тамъ, далеко, далеко, за какихъ-нибудь сто верстъ отъ насъ, возвышается снѣжная вершина, отдѣляя насъ отъ всего Закавказья!.. Это что-то... волшебное!..

— Да, да, Муся!.. Это и меня... поражаетъ!..—прерывающимся, взволнованнымъ голосомъ произнесла Ида Борисовна.— Просто не вѣрится, что это дѣйствительность, а не сонъ... Волшебный, чудный сонъ!.. Въ такой жаркій день — вдругъ мы видимъ снѣгъ... Настоящій снѣгъ!.. И правда, Муся, какая разница въ ощущеніяхъ: читать описаніе этого и — самой все видѣть!.. Но это-то и есть самая вершина Машука?

— Ну, да! Куда же идти еще дальше?.. И такъ забрались подъ самое небо! А вотъ и хата какая-то... просто диво! Ей Богу, здѣсь лучше и краше, чѣмъ даже у меня въ полтавскомъ хуторѣ!..—говорилъ Клеоникъ Ивановичъ, опускаясь на большой камень скалы.—Вотъ только немного, какъ будто, ноги мои болятъ... Ой-ой!.. Не думалъ я, прости Господи, что здѣсь такъ хорошо!..

Остальная компанія, все еще съ биноклями въ рукахъ, не отрываясь, смотрѣла съ возрастающимъ восторгомъ на далекія, недоступныя горныя вершины снѣжнаго хребта, переливающіяся на солнцѣ то радужными красками, то неуловимо-ослѣпительнымъ блескомъ безчисленныхъ крупныхъ бриллiантовъ...

— Однако, что же это я: совсѣмъ забылъ, что сегодня моя очередь хозяйничать!.. Пойдемъ, Клеоникъ Ивановичъ, въ баракъ: тамъ удобнѣе вамъ будетъ отдохнуть... а я займусь приготовленіемъ чаю и закусокъ... Устрою импровизированный обѣдъ...

— Да и я такъ думаю, Валеріанъ Романовичъ! Давно бы пора чаю напиться, а то у меня совсѣмъ въ горлѣ пересохло...

Они направились къ довольно большому бараку шведской системы, красовавшемуся здѣсь на самой вершинѣ горы одиноко и гордо. Его-то и назвалъ пораженный и восхищенный Клеоникъ Ивановичъ „какой-то хатой“.

Пока вся молодежь все еще любовалась прекрасными видами, Чудновская, очень усталая, но вмѣстѣ съ тѣмъ чрезвычайно заинтересованная устройствомъ барака, тоже отправилась за ними. Здѣсь она нашла номера, устроенные въ небольшихъ комнатахъ, маленькій залъ и помѣщеніе сторожа, отставного унтеръ-офицера, живущаго здѣсь постоянно со своимъ небольшимъ сыномъ...

Скоро въ залѣ на столѣ зашипѣлъ самоваръ и появилась прекрасная, обильная закуска, присланная сюда по распоряженію Валеріана Романовича съ верховымъ горцемъ, за изрядную плату, изъ Пятигорска...

— И какъ это вамъ не страшно жить здѣсь одному только съ сыномъ?—спрашивала Чудновская сторожа:—развѣ здѣсь не опасно?

— Чего? Кому охота лазить такъ высоко, зная, что ему здѣсь нечѣмъ поживиться... что у меня ничего нѣту-ти!

— Что же вы здѣсь дѣлаете? Чѣмъ занимаетесь цѣлый день?

— Днемъ на солнышкѣ грѣемся... Грамотѣ сынишку учу, или сапоги шью, да господъ-гостей поджидаю; ну, а ночью, извѣстное дѣло: спимъ себѣ покойно!

— Какъ же вы сюда попали?

— Своей охотой! Начальство, значитъ, администрація водъ, дало мнѣ вотъ этотъ баракъ въ пользованіе безплатно. А сама администрація заплатила за него тыщу рублевъ... Онъ прежде стоялъ въ Желѣзноводскѣ, привезли его туда изъ Нижняго... Ну, а я его по частямъ свезъ на гору, сложилъ, какъ слѣдуетъ, въ 1897 году и, значитъ, содержусь на счетъ этого самаго барака...

— И что же—выгодно?

— Благодарить Господа! Мнѣ съ сыномъ не много нужно, да и въ нынѣшній сезонъ, слава Богу, любопытствующихъ „курсовиковъ“ таки довольно посѣщаетъ Машутку... А въ прошломъ году, какъ поставилъ баракъ, такъ страсть сколько перебывало здѣсь господъ! Новинка, значитъ, всякому антиресно посмотрѣть, какъ человѣкъ на горѣ промышляетъ и живетъ. Да и чайку, молочка можно всласть напиться... Вотъ и живемъ себѣ здѣсь помаленьку на вышкѣ, глазъ-на-глазъ съ самимъ Господомъ Богомъ... Потому намъ и не страшно!

— Ну, а змѣй здѣсь много?

— Змѣй? Не видать что-то. Сказывали, что раньше ихъ здѣсь было страсть какъ много, а теперь—не видать. Поутекали, должно быть, отъ людей! Ящерицъ, лягушекъ, извѣстное дѣло, много, жуковъ тамъ всякихъ, черныхъ и синихъ... большихъ,

ядовитыхъ... бабочекъ—множество; ну, а птицъ что-то малость... Орловъ ли онѣ боятся что-ли, Богъ ихъ вѣдаетъ!—или онѣ такъ высоко не летаютъ, только здѣсь почти нѣту-ти птичекъ... Ну, а змѣй—не видать.

— Да что змѣи! Ихъ не страшно, а вотъ злыхъ людей, такъ тѣхъ можно бояться!—философски, серьезно замѣтилъ Клеоникъ Ивановичъ, усаживаясь съ ногами на небольшую кушетку, поставленную въ самомъ углу залы.

— Нѣтъ, ваше благородіе, отъ злыхъ людей у меня есть хорошая штучка: всегда возлѣ себя держу съ зарядомъ! Еслибы, къ примѣру сказать, кто-нибудь только вздумалъ пошаливать здѣсь, грабить, такъ я бы ему прямо, безъ стѣсненія, пулю въ лобъ пустилъ!

— Ой ли?—протяжно, зѣвая, спросилъ Клеоникъ Ивановичъ.

— Именно, ваше благородіе!..

— Вы простите меня, Ксенія Владиміровна,—страшно спать хочется... На правахъ „странствующихъ и путешествующихъ"—позвольте маленько... прикурнуть...

— Сдѣлайте одолженіе!—снисходительно улыбаясь, отвѣтила Чудновская.

Клеоникъ Ивановичъ, свернувшись „клубочкомъ" и прижавъ свое усталое раскраснѣвшееся лицо къ маленькой подушкѣ,—скоро захрапѣлъ на весь баракъ... Онъ даже не проснулся и тогда, когда вся остальная компанія, веселая, оживленная, восторженно дѣлилась богатыми впечатлѣніями только-что видѣннаго Эльборуса и Казбека, и шумно, съ большимъ аппетитомъ принялась за чай и закуски...

Достаточно отдохнувъ и подкрѣпивъ свои силы,—еще веселѣе и пріятнѣе стало всѣмъ на душѣ! Неудивительно, что на предложеніе сторожа записать свои имена и фамиліи въ книгу—вся молодежь начала вносить туда различную чепуху... Впрочемъ, въ этой толстой книгѣ и безъ этого было уже много курьезныхъ записей. Подъ храпъ Клеоника Ивановича, Жоржъ и Ида Борисовна громко прочитывали нѣкоторыя записи и торопливо переписывали ихъ на клочкахъ бумаги...

— Охота вамъ это дѣлать!—замѣтила, улыбаясь, Чудновская.

— Нѣтъ, тетя, это очень интересно!—весело произнесла Ида Борисовна.—И создалось все это на самой вершинѣ Машука, въ разрѣженномъ воздухѣ, быть можетъ, въ цѣломъ морѣ облаковъ и тумана!.. А для того, чтобы достать эти строки—нужно...

— Во-первыхъ, пріѣхать на Кавказъ!—перебилъ ее оживленно Жоржъ: а во-вторыхъ—побывать на самой вершинѣ Машука!

— Какъ память, какъ воспоминаніе о Машукѣ—эти строки мнѣ дороги, тетя... Очень дороги!.. А я сама вотъ что напишу... изъ Лермонтова... Вѣдь лучше его, поэтичнѣе—никто не изобразитъ картину этого очаровательнаго Кавказа!..

...„Кто посѣщалъ вершины дикихъ горъ
Въ тотъ свѣжій часъ, когда садится день?
На западѣ—свѣтило видитъ взоръ,
А на востокѣ—близкой ночи тѣнь...
Внизу—туманъ, уступы и кусты,
Кругомъ—все горы чудной высоты,
Какъ послѣ бури, облака стоятъ
И странные верхи въ лучахъ горятъ“...

— И все это такъ! Взгляните, Ида Борисовна, на небо, на горы, на облака! — восторженно воскликнулъ Поль, обожавшій Лермонтова.

— Да, дѣйствительно, картина нашимъ поэтомъ схвачена замѣчательно вѣрно и поэтично! — оживленно проговорила Муся, цѣлуя Иду Борисовну. — Вы удачно выбрали стихотвореніе.

— А я, Ида Борисовна, словами нашего дорогого поэта, выражу свои ощущенія, переживаемыя мною сегодня здѣсь, на вершинѣ Машука, въ нашемъ симпатичномъ кружкѣ, вотъ какъ! — задумчиво, взволнованно и серьезно сказалъ Валеріанъ Романовичъ, близко подходя къ молодымъ дѣвушкамъ:

„...Когда степей безбрежный океанъ
Синѣетъ предъ глазами,—каждый звукъ
Гармоніи вселенной, каждый часъ
Страданія иль радости—для насъ
Становится понятенъ, и себѣ
Отчетъ мы можемъ дать въ своей судьбѣ...“

Онъ замолчалъ, а затѣмъ тихо, но рѣшительно проговорилъ, не спуская ласковыхъ глазъ съ хорошенькаго смущеннаго личика Иды Борисовны:

— И дѣйствительно я, какъ будто здѣсь только, „близъ небесъ“, совершенно сознательно и ясно могу дать отчетъ въ своихъ чувствахъ, „въ своей судьбѣ“... И я покоряюсь ей, и думаю, почти увѣренъ, что она посылаетъ мнѣ безповоротно-счастливое будущее... Что вы скажете на это, Ида Борисовна?..

Онъ крѣпко пожалъ руку молодой дѣвушки и выжидательно, тревожно смотрѣлъ на нее; но она, смущенная, поблѣднѣвшая, низко опустила голову и, не проронивъ ни слова, дрожащей рукой перелистывала книгу.

— Да и мнѣ кажется, что ты, Валера, „близъ небесъ“ — сраженъ „земнымъ“, и думаю... не пожалѣешь объ этомъ!..—

тихо замѣтила Муся, ласково обнимая Иду Борисовну, оправившуюся теперь совершенно и улыбающуюся счастливой улыбкой.

— Да, Муся, вы очень наблюдательны и... очень любите своего брата...—чуть слышно произнесла она, цѣлуя Мусю.

Валеріанъ Романовичъ молча, окинувъ благодарнымъ взоромъ сестру, пожалъ крѣпко руку Иды Борисовны и еще съ бо̀льшей энергіей и торопливостью принялся за свое „хозяйственное дѣло".

— Ну, теперь позвольте и мнѣ книгу!—весело сказалъ Поль, подходя къ Идѣ Борисовнѣ и не подозрѣвая, какія она теперь переживала тревожно-счастливыя и важныя для нея минуты: — нужно и мнѣ что-нибудь записать!...

Мы на Машукъ взобрались
И, сидя здѣсь въ компаніи своей,
Не столько чуднымъ видомъ любовались,
Какъ милымъ изреченьемъ въ книгѣ сей...

— Погодите, Поль, и я что-нибудь напишу!—сказала очень повеселѣвшая Муся и, взявъ въ руку карандашъ, быстро написала:

Мнѣ говорили: „Шутки—
Добраться до Машутки!"
А я скажу: „Не даромъ—
Сижу за самоваромъ..."

— Хорошо, Марья Романовна, ей Богу хорошо!—говорилъ, смѣясь, Поль.

— Ну что-жъ, нужно и тебѣ удариться въ поэзію, хотя я не прочь скорѣе послѣдовать примѣру „дяди Клеоника"!—сказалъ Жоржъ.—Ну, такъ и быть, напишу что-нибудь...

Милая моя гора... Машурочка...
Былъ я здѣсь и болѣе—не буду!
Но никогда тебя не забуду.
Твой полусонный Жоржъ.

— Нѣтъ, не такъ!.. Не то!.. Погодите, я придумала! — быстро, громко заговорила Надинъ.—Давайте скорѣе карандашъ, а то уйдетъ мое вдохновеніе, улетитъ на холодный... холодный Эльборусъ!.. Давайте скорѣе!..

Лысый Жоржикъ...
Съ сонными глазами
Сидитъ на Машукѣ...
Съ распухшими ногами...

— Не нужно было вамъ такъ торопиться! У васъ не проявилось никакой способности писать стихи, даже „въ минуты вдохновенія“!.. И зачѣмъ вы въ этой книгѣ увѣковѣчили мою... лысину?.. Не слѣдовало вамъ этого дѣлать!

— Ну, запишите и за меня тамъ что-нибудь, Ида Борисовна! — сказалъ вдругъ, протирая глаза, хриплымъ голосомъ Клеоникъ Ивановичъ.

— Какъ, вы уже не спите? — спросила она ласково. — Ну что жъ такое написать?

— А вотъ що...—сказалъ онъ, зѣвая:

И я на Машукѣ былъ,—
Но... чаю ще не пилъ...
А какъ напьюся,
То и опять...

— Спать завалюся!.. Да?—подхватила Надинъ.

— Эхъ, подождите! А впрочемъ, пускай будетъ такъ!... А теперь, дорогой хозяинъ, дайте мнѣ чайку! — обратился онъ къ Валеріану Романовичу.—А когда есть у васъ еще и ромъ, то... я совсѣмъ забуду, что я сегодня чортъ знаетъ куда залѣзъ!.. Ой-ой, теперь и ноги, и всѣ мои кости... болятъ!.. Ну и Машурочка—хай тоби бісъ!..

Молодость веселилась отъ души, отдыхая отъ утомительной прогулки,—шуткамъ и остротамъ не было конца.

Валеріанъ Романовичъ всецѣло принялъ на себя всѣ хлопоты по угощенію и положительно отказывался отъ предлагаемой уже нѣсколько разъ помощи Чудновской „въ бабьемъ дѣлѣ“... Любезный, заботливый, милый и веселый, онъ при каждомъ удобномъ случаѣ подходилъ къ Идѣ Борисовнѣ и, смотря на нее влюбленными, нѣжно-ласковыми глазами, оказывалъ ей столько вниманія!.. А Ида Борисовна, въ свою очередь, какъ будто случайно, обращалась съ вопросами только къ нему одному, краснѣла, когда ихъ взгляды встрѣчались, и, внимательно вслушиваясь въ его голосъ, слѣдила за каждымъ его движеніемъ съ большимъ интересомъ и съ плохо скрываемой симпатіей и лаской.

Все это не ускользало отъ наблюдательныхъ глазъ Чудновской, но она теперь была совершенно покойна. И часто довольная, счастливая улыбка освѣщала ея блѣдное, доброе лицо. Съ каждымъ днемъ этотъ серьезный молодой человѣкъ казался ей все симпатичнѣе и достойнѣе, и она теперь часто совсѣмъ забывала, что Валеріанъ Романовичъ—сынъ того человѣка, который разбилъ всю ея жизнь...

IV.

— Ахъ, вы представьте себѣ, Ксенія Владиміровна, какимъ оказался... жалкимъ этотъ бѣдный чиновникъ, Стефановъ, у патрона котораго я собиралась купить для Надины имѣніе!—взволнованно говорила Магдалина Алексѣевна, входя въ квартиру Чудновской, спустя нѣсколько дней послѣ ихъ поѣздки въ Пятигорскъ.

— Ну, а что?—спросила Ксенія Владиміровна, ясно припоминая плутовскую физіономію чиновника, такъ униженно и, вмѣстѣ съ тѣмъ, нахально сумѣвшаго у нихъ „угоститься" чаемъ...

— А вотъ послушайте...

И „сердобольная генеральша" въ самыхъ патетическихъ картинахъ изобразила положеніе вдовца-Стефанова, обремененнаго многочисленнымъ семействомъ и существующаго на самыя скудныя средства.

— И этотъ бездушный его патронъ еще эксплоатируетъ его, чѣмъ можетъ!.. Бѣдный Стефановъ даже плакалъ... Онъ такое произвелъ на меня удручающее впечатлѣніе, что я ему... дала на его необходимые расходы... такъ, бездѣлицу... И представьте себѣ, какой онъ благородный человѣкъ!.. Онъ даже не хотѣлъ брать отъ меня денегъ!.. Еле-еле уговорила его... Да, не хотѣлъ брать, а... а все плакалъ... Бѣдный! Я очень жалѣла, что не могла дать ему еще больше: очень я теперь израсходовалась здѣсь, на курортѣ, но... я ему и его жалкимъ сиротамъ непремѣнно помогу!.. Я позабочусь о нихъ, бѣдныхъ...

Магдалина Алексѣевна говорила прерывающимся голосомъ, со слезами на глазахъ, и производила теперь на Ксенію Владиміровну впечатлѣніе какой-то „блаженной".

— Но... а какъ же насчетъ имѣнія?—смущенно спросила Чудновская:—вы его покупаете?..

— Нѣтъ! Представьте, какой Стефановъ хорошій, честный!.. Онъ сказалъ мнѣ откровенно, что это имѣніе—очень плохое: одинъ песокъ и болота... Спасибо ему, онъ предупредилъ меня во-время, а то я непремѣнно хотѣла купить для Дины это имѣніе...—произнесла протяжно Магдалина Алексѣевна, утирая набѣжавшія слезы.

— Но... этотъ же самый Стефановъ уговаривалъ васъ прежде купить это имѣніе и... расхваливалъ его?..

— Ахъ, это онъ дѣйствовалъ подъ давленіемъ своего ужас-

наго патрона!.. Но, какъ человѣкъ честный, онъ сегодня сказалъ мнѣ откровенно, что это имѣніе очень, очень плохое... „одна грусть“!..

— Гм... А что, Магдалина Алексѣевна, если этого имѣнія вовсе не существуетъ?—вдругъ громко, какъ бы пораженная внезапно явившеюся мыслью, спросила Ксенія Владиміровна:—а что если этотъ Стефановъ—курортный шантажистъ?..

— Что вы, что вы, Ксенія Владиміровна!.. Развѣ можно такъ дурно думать о бѣдныхъ людяхъ!.. Стефановъ—такой честный, откровенный, но такой жалкій, несчастный!.. И его бѣдныя дѣтки... такія жалкія!..

— Позвольте, Магдалина Алексѣевна!.. Мнѣ что-то помнится, что Стефановъ говорилъ намъ, что онъ не женатъ... и дѣтей у него... совсѣмъ нѣтъ...—припоминая весь разговоръ съ чиновникомъ, медленно произнесла Чудновская.—Нужно будетъ спросить Идочку, она, вѣрно, припомнитъ все... Мнѣ кажется, что Стефановъ, судя по его же словамъ, холостой...

— Не повѣрю этому, Ксенія Владиміровна!.. Право, не повѣрю!.. Онъ, бѣдный, обремененъ громаднымъ семействомъ... Кромѣ дѣтей, при немъ живетъ еще старуха-мать... совсѣмъ дряхлая и притомъ... калѣка!.. Нужно, нужно помочь этому бѣдному человѣку... Пойду, кстати, запишу его адресъ... Необходимо сейчасъ же написать въ имѣніе моему управляющему, чтобы онъ поспѣшилъ выслать мнѣ въ Желѣзноводскъ лишнюю сотню рублей...

Съ этими словами Магдалина Алексѣевна, съ прежнимъ волненіемъ и озабоченностью, утирая все еще набѣгающія слезы, быстро направилась къ дверямъ, но на порогѣ остановилась и, съ неподдѣльнымъ упрекомъ въ дрогнувшемъ голосѣ, произнесла:

— Вотъ вы какая, Ксенія Владиміровна, недовѣрчивая и... какъ вы... безразлично, хладнокровно относитесь къ чужому горю!.. Какъ вы мало сочувствуете... бѣднымъ, несчастнымъ людямъ!.. Такъ и видно, что вы сами не испытывали никакого горя... Жизнь ваша, вѣрно, течетъ счастливо и покойно... А все же нужно, Ксенія Владиміровна, помнить о бѣдныхъ людяхъ... Да, видно, что вамъ хорошо живется...

Чудновская молча, печально смотрѣла на Магдалину Алексѣевну, и когда за ней негромко захлопнулась дверь, она тихо сказала:

— Блаженная, но... она—хорошій человѣкъ... Она выше, лучше меня...

Въ глубокой задумчивости, низко опустивъ голову на блѣдныя руки, Чудновская смотрѣла на расшатанныя перила балкона, и ея мысли уносили ее отсюда далеко, далеко... Богъ вѣсть, сколько времени она просидѣла бы въ полной неподвижности и мучительной задумчивости, еслибы не вошелъ быстро, шумно въ комнату веселый, оживленный Жоржъ съ цѣлымъ коробомъ новыхъ впечатлѣній.

— Вы одна, Ксенія Владиміровна? А гдѣ же Ида Борисовна? Здравствуйте!

— Она уѣхала съ Примовыми и Диной въ Кисловодскъ...— какъ бы очнувшись, тихо произнесла Чудновская.

— А вы что̀ же не поѣхали съ ними?

— Я тоже предполагаю поѣхать въ Кисловодскъ сегодня, только—когда немного жара уменьшится: послѣ обѣда...

— Вотъ и хорошо, а то дѣйствительно сегодня очень жарко! Поѣдемъ вмѣстѣ...

Въ кисловодскомъ паркѣ играла музыка; чрезвычайно элегантная, нарядная публика наполняла всю площадь передъ галереей „Нарзана“ и густо помѣщалась на многочисленныхъ скамейкахъ у павильона, откуда неслись чудные звуки увертюры изъ „Демона“...

Чудновская и Жоржъ, не найдя Иды Борисовны и Примовыхъ въ гостинницѣ „Зипалова“, гдѣ они остановились, отправились разыскивать ихъ въ паркѣ; но, вмѣсто нихъ, они натолкнулись прямо на Рисковца̀, гуляющаго съ красивой брюнеткой, одѣтой чрезвычайно изящно и оригинально и окруженной массой оживленной и шумной молодежи... Съ тѣхъ поръ, какъ Рисковѐцъ „бѣжалъ“ изъ „Грота Лермонтова“ отъ „бѣлой симфоніи“, не обращавшей на него никакого вниманія, Ксенія Владиміровна не видала его, и очень удивилась, что онъ теперь, встрѣтившись съ нею и съ Жоржемъ, совершенно неожиданно покинулъ всю свою шумную компанію и подошелъ къ нимъ.

— Что̀, какова штучка!—довольно громко, махнувъ головой въ сторону брюнетки, хвастливо проговорилъ онъ. — Это — прелестная „черная симфонія“, вакханка, гурія, ради которой полѣзешь въ самый адъ!.. Что̀, одобряете, Георгій Аркадьевичъ?..

— Да, только... Вы-то, кажется, тамъ... пятая спица въ колесницѣ!..—шутливо замѣтилъ Жоржъ.

— Что̀, развѣ... развѣ я стушевываюсь?—заволновался Рисковѐцъ и какъ-то смущенно взглянулъ на свой несвѣжій сюртукъ, украшенный академическимъ значкомъ, и на загорѣлыя, безъ перчатокъ руки.

— Да, что-то незамѣтно, чтобы эта „черная симфонія“ плѣнялась вами!—произнесъ, саркастически улыбаясь, Жоржъ.

— Чортъ возьми, вы правы!.. отчасти правы!—сердито воскликнулъ Рисковѣцъ.—И виноваты всему эти вотъ „донъ-жуаны“, „оболтусы“, „альфонсы“ и разные глупые джигиты, не отстающіе отъ нея ни на минуту и отвлекающіе все ея вниманіе!.. Налетѣли сюда, въ Кисловодскъ, чортъ знаетъ откуда, какъ саранча, и не даютъ хода человѣку... человѣку порядочному, съ опредѣленными занятіями и... и съ положеніемъ!..

— И даже съ академическимъ значкомъ,—улыбаясь, замѣтила Чудновская.

— Но, можетъ быть, эта гурія прилетѣла вмѣстѣ съ этой „саранчой“? Почемъ вы знаете? Во всякомъ случаѣ, вся эта компанія одного пошиба... А вы какъ думаете, Александръ Николаевичъ?—спросилъ, иронизируя, Жоржъ.

— А чортъ ихъ знаетъ!.. Одно достовѣрно знаю, что они, эти „капульщики“, мѣшаютъ мнѣ!..

Съ этими словами Рисковѣцъ, сдѣлавъ въ воздухѣ какой-то неопредѣленный, но чрезвычайно энергичный взмахъ, быстро помчался за „черной симфоніей“.

— Вотъ чудакъ! — улыбаясь, тихо замѣтила Ксенія Владиміровна, смотря вслѣдъ уходившему Рисковцу, забывшему даже попрощаться съ ними. — Однако, какъ здѣсь много этихъ... „гурій“!..

— О, да! Кисловодскъ, по составу своихъ сезонныхъ обитателей и вообще по нравамъ,—передовой курортъ! Можно принять его за... за Парижъ... Вотъ посмотрите, Ксенія Владиміровна, на эту блондинку...—понизивъ голосъ, сказалъ Жоржъ, указывая на высокую, нарядную даму съ всклокоченными волосами и умѣло-нарумяненнымъ лицомъ.—Вотъ эта „гурія“ получила вторую премію за красоту. Собственно говоря, за черезчуръ откровенное décolleté... На прошломъ кисловодскомъ „балу-конфетти“ ее окружали все больше лысые, „пронарзанившіеся“ старички съ туго-набитыми карманами, которые, не стѣсняясь присутствіемъ остальной публики, сладострастно гладили ея обнаженныя плечи, а она, заливаясь звонкимъ хохотомъ, похлопывала ихъ по лоснящейся лысинѣ и игриво подергивала за ихъ „ослиныя уши“... Какъ видите, Рисковѣцъ здѣсь не можетъ имѣть успѣха... Вы согласны со мной?..

— Ну, конечно!—протяжно отвѣтила Чудновская:—онъ совсѣмъ неинтересный „кавалеръ“ для такихъ дамъ; да и вообще, право... онъ... онъ совсѣмъ ненормальный человѣкъ!

— Это правда.

— Какъ Кисловодскъ рѣзко отличается во всемъ отъ всѣхъ остальныхъ группъ, это удивительно!—замѣтила Ксенія Владиміровна, разсматривая гуляющую публику.—Здѣсь все порхающее, ничѣмъ нестѣсненное, почти все здоровое и бьющее жизнью... Здѣсь всѣ подчиняются лишь однимъ желаніямъ—жить, веселиться и развлекаться, не разсуждая, не взвѣшивая!.. Такъ, прямо, — очертя голову!.. И курзалъ, и паркъ, и „Нарзанъ“, и наплывъ „гурій“ и „донъ-жуановъ“ — все здѣсь толкаетъ брать отъ жизни то, что она только можетъ дать!.. А здѣсь она можетъ почти каждому дать... хоть на часъ... хоть на одинъ мигъ—полное, опьяняющее и безумное забвеніе!.. Здѣсь все невольно „веселитъ душу“... А вотъ, напримѣръ, Пятигорскъ—наоборотъ: онъ потрясаетъ безотраднымъ видомъ своихъ больныхъ! Въ немъ дышется какъ-то тяжело... Сидящіе, лежащіе въ креслахъ и на носилкахъ больные, ихъ блѣдныя, измученныя лица, ихъ подавленные вздохи, стоны... несчастные паралитики на костыляхъ, съ вывороченными руками, висящими, какъ плети, съ непослушными, дрожащими, тяжелыми ногами—вся эта страшная картина человѣческихъ недуговъ, страданій и жизненныхъ драмъ—не можетъ не дѣйствовать удручающимъ образомъ!.. Да, въ Пятигорскѣ—слезы, а въ Кисловодскѣ—смѣхъ...

— Это вѣрно, Ксенія Владиміровна. А въ Желѣзноводскѣ, добавлю,—лишь непробудная монотонность и почти монастырски-строгій, серьезный режимъ леченія!—смѣясь, подхватилъ Жоржъ.

— Да. Теперь остается послѣднее слово за Ессентуками... Но что же можно сказать объ этомъ курортѣ?.. Страданій въ немъ—не замѣтно; веселость — не бьетъ въ глаза; а монотонность — замѣняется степенностью, выдержанностью и даже... если хотите, важностью... Ну, а въ общемъ — всѣ четыре кавказскіе курорта представляются мнѣ теперь смѣсью здоровья съ болѣзнью, веселья съ страданіями, радости съ горемъ, смѣха съ плачемъ, молодости со старостью... И все это здѣсь незамѣтно переплетается и образуетъ одно общее цѣлое,—но такое серьезное, важное и грандіозное!

Въ это время они подходили къ очень красивому зданію мавританской архитектуры, съ галереей „Нарзана“, — занимающему самый центръ Кисловодска, между тѣнистой тополевой аллеей и роскошнымъ паркомъ. Съ этой стороны парка галерея „Нарзана“ заканчивается совершенно открытой стѣной, дающей возможность входящимъ въ галерею зрителямъ любоваться дивной естественной декораціей изъ могучихъ молодыхъ деревьевъ...

Здѣсь же, въ этомъ поэтическомъ уголкѣ, подъ стекляннымъ громаднымъ колпакомъ, уставленнымъ на высокомъ фундаментѣ и окруженнымъ живыми цвѣтами, точно причудливый круглый памятникъ, — находится и самъ „Нарзанъ“ — „богатырь-источникъ“... Справа и слѣва, у стѣнъ мраморнаго резервуара, стояло по двѣ источницы, и каждая изъ своего крана наливала въ стаканы „студеную влагу“ желающимъ пить... Налѣво отъ „Нарзана“, у самаго входа въ галерею изъ парка, возвышается небольшой кіоскъ съ образами и слабо мерцающими лампадками и свѣчами... Многіе, подходя къ источнику, невольно осѣняютъ себя крестомъ, и часто здѣсь безпечно-веселыя лица, озаренныя еще улыбкой общаго довольства,—на мгновеніе становятся серьезными и вдумчивыми... Богъ вѣсть, какія мысли, ощущенія и чувства овладѣваютъ ими при видѣ кіоска и тутъ же — бьющаго, кипящаго, пѣнящагося и покрытаго безчисленной массой пузырьковъ бурнаго источника, заключеннаго, какъ узникъ, въ тѣсныя оковы!.. Что общаго между покойнымъ, неподвижнымъ ликомъ святыхъ и этимъ страстнымъ, непокорнымъ, бушующимъ узникомъ?..

Ксенія Владиміровна съ Жоржемъ спустились по небольшимъ каменнымъ ступенькамъ къ первому попавшемуся крану источника и неожиданно увидали, среди толпившихся посѣтителей, Кирпотенко, оживленно разговаривающаго съ молодой, хорошенькой источницей...

— Какъ, и вы здѣсь?—громко смѣясь, спросилъ Клеоника Ивановича Жоржъ.

— А то что же, по вашему, мнѣ уже нельзя наслаждаться „Нарзанчикомъ“... и... жизнью?.. О, я думаю, въ Кисловодскѣ сдѣлать еще большой запасъ для моей, быть можетъ, недолгой зимы!..—задорно, съ большимъ воодушевленіемъ и съ напускной торжественностью, отвѣтилъ онъ, выпивая залпомъ прозрачную, пѣнящуюся воду. — Кругомъ все влюбленныя парочки, объятья въ укромныхъ уголкахъ, поцѣлуи... объясненія въ любви... Ну, а я что же, не человѣкъ, по вашему?.. Я, я тоже... еще могу влюбиться!..

— Ай да Клеоникъ Ивановичъ!.. Браво!.. Помолодѣлъ, по крайней мѣрѣ, лѣтъ на двадцать!.. Удивительный подъемъ духа!.. И что это на васъ такъ подѣйствовало: горный воздухъ, „Нарзанъ“... или окружающая, бьющая по нервамъ, кипучая жизнь?..

— Все вмѣстѣ, Георгій Аркадьевичъ, и плюсъ—моя сокрытая мощь, вырвавшаяся на свободу послѣ долгаго затворничества!.. Нѣтъ, не шутя, — здѣсь прекрасно!.. Дышешь полной

грудью, чуднымъ горнымъ воздухомъ, пьешь „Нарзанъ", любуешься оживленно-задорными лицами кисловодскихъ красавицъ, забавляешься ихъ беззаботно-пикантной болтовней, ихъ захватывающимъ весельемъ, невольно ловишь влюбленный шопотъ парочекъ и... и молодѣешь, ей Богу, молодѣешь!..

— А не встрѣтили вы, Клеоникъ Ивановичъ, здѣсь въ паркѣ нашихъ?—спросила, улыбаясь, Чудновская, немного удивленная излишней возбужденностью Клеоника Ивановича.

— Какъ не встрѣчалъ! Я вѣдь въ Кисловодскъ пріѣхалъ вмѣстѣ съ Идой Борисовной и Примовыми... Шустрая Надинъ тоже „увязалась" къ намъ, а за ней уже, конечно, поскакалъ и Поль... Ну, а мнѣ чего сидѣть одиноко? Дай, думаю, и я „поскачу" въ Кисловодскъ!.. Зачѣмъ терять удобный случай побывать лишній разъ въ атмосферѣ „коварства и любви"!.. Теперь они всѣ поѣхали любоваться окрестностями Кисловодска, а я остался въ паркѣ... Такъ вотъ цѣлехонькій день здѣсь и шатаюсь! Перехвачу въ павильонѣ чего-нибудь... растегая или форельку, пройдусь разокъ вдоль проказницы Ольховки и... къ „Нарзанчику"... Ахъ, что это за чудный напитокъ!.. Съ какимъ удовольствіемъ я пью его!..

— Ну, что въ немъ особеннаго?!—все равно, какъ сельтерская вода!—шутливо замѣтилъ Жоржъ.

— Какъ можно, Георгій Аркадьевичъ! Какъ двѣ, три, какъ десять сельтерскихъ водъ, взятыхъ вмѣстѣ!.. Я съ такимъ наслажденіемъ пью этотъ жизненный эликсиръ!.. Онъ такъ веселитъ мою душу и бодритъ тѣло! Просто, чувствуешь, что не ногами ходишь, а летаешь, точно на крыльяхъ!

— Однако, Клеоникъ Ивановичъ, будьте поосторожнѣе съ этимъ предательскимъ „богатыремъ"! Откажитесь отъ него!—серьезно замѣтила Чудновская.—Недавно въ Кисловодскѣ былъ случай съ однимъ старенькимъ отставнымъ генераломъ, который, какъ мнѣ разсказывали, здѣсь же, у источника, послѣ нѣсколькихъ стакановъ „Нарзана",—отдалъ Богу душу...

— Да, да! это фактъ! Этотъ генералъ въ своемъ леченіи вообще очень пересаливалъ. Я его зналъ, — оживленно заговорилъ Жоржъ: — его даже съ трудомъ можно было выпроводить изъ кабины „Скальковскихъ ваннъ". Просидитъ свой опредѣленный часъ, затѣмъ занимаетъ слѣдующую очередь; и такъ безъ конца! Ужъ сколько его ни просили, ни уговаривали, что вредно долго сидѣть въ ваннѣ, а онъ все свое: „Чѣмъ дольше, тѣмъ крѣпче!.. Это-то и есть основательное леченіе"...

— И послѣ „основательнаго леченія" отправился, такъ ска-

зать, на тотъ свѣтъ?—съ нѣкоторымъ смущеніемъ спросилъ Кирпотенко:—и такъ скоро?..

— Ну, да! Кажется, послѣ пятаго стакана „Нарзана“— умеръ отъ разрыва сердца, что-ли, здѣсь въ паркѣ, подъ звуки какого-то восточнаго марша...

— Гм... странно!—упавшимъ голосомъ произнесъ Клеоникъ Ивановичъ, отдавая недопитый стаканъ „Нарзана“ прехорошенькой источницѣ:—Возьмите, душенька! что-то того... невкусно...

Чудновская и Жоржъ громко расхохотались, а сконфуженный Кирпотенко поспѣшно сталъ набивать носъ нюхательнымъ табакомъ, дѣлая уморительныя гримасы.

Въ это время какой-то фотографъ, уставивъ противъ галереи „Нарзана“ свой аппаратъ, направилъ его прямо на Клеоника Ивановича... И тотъ, съ застывшей на лицѣ гримасой и съ новой щепоткой табаку въ рукѣ, стоялъ нѣкоторое время не шевелясь, какъ бы позируя.

— Надоѣли мнѣ эти фотографщики!—замотавъ головой, протяжно сказалъ Кирпотенко.

— Ну, этого не видно! Вы такъ хорошо позировали!—замѣтила, смѣясь, Чудновская:—того и гляди, что попадете въ изящный альбомъ какой-нибудь красавицы: „Воспоминанія о Кавказѣ“...

— Не про меня то писано, Ксенія Владиміровна! Смѣйтесь себѣ... Эти фотографщики, какъ въ Желѣзноводскѣ, такъ и здѣсь: гдѣ ни сядешь, гдѣ ни станешь—сейчасъ тебѣ приставятъ прямо къ носу трубу!.. Ого, прости Господи, пакостный народъ! Такъ и таскаетъ за собой свою бандуру...

Едва замолчалъ Клеоникъ Ивановичъ, какъ къ нимъ шумно стали приближаться Ида Борисовна, Примовы и Надинъ подъ-руку со своимъ кавалеромъ, Полемъ. Ихъ голоса звучали громко, оживленно, а лица были веселыя, улыбающіяся: видно было, что они всѣ очень остались довольны своей прогулкой...

— Тетя, тетя! — весело говорила Ида Борисовна. — Какая это чудная скала—„Замокъ коварства и любви“! Представь, я по канату взобралась на самый верхъ скалы, такъ что даже оба „барана“, поставленные на ея уступахъ, были удивлены!.. Сама скала — дикая, покрытая кустарниками и деревьями, и совершенно напоминаетъ собой какой-то фантастичный, очень-очень высокій замокъ!.. Особенно издали, когда къ ней подъѣзжаешь со стороны рѣки Алихановки, которую мы нѣсколько разъ переѣзжали вбродъ...

— А я какъ испугалась, когда нашъ экипажъ чуть не опрокинулся въ воду!—смѣясь, воскликнула Дина.

— Да, концертъ былъ потѣшный! — сквозь смѣхъ сказалъ Поль: — зато какой-то горный пастушокъ, любитель дикихъ звуковъ, бросилъ въ вашъ экипажъ букетъ полевыхъ цвѣтовъ... И такъ ловко, что этотъ букетъ какъ-разъ очутился у васъ на колѣняхъ!..

— Мы тоже получили букетъ, и не дававши концерта!—весело замѣтила Муся.

— А вотъ послушайте, Ксенія Владиміровна, какую поучительную легенду, давшую названіе этой скалѣ, разсказалъ Идѣ Борисовнѣ какой-то грузинъ!—оживленно сказалъ Примовъ.

— И эту легенду, Валеріанъ Романовичъ, навѣрно, выдумалъ мужчина, потому что изображаетъ женщину слишкомъ коварной!—полусерьезно возразила молодая дѣвушка. — Вотъ послушай, тетя, что̀ онъ разсказывалъ... У одного богатаго купца была дочь, и она избрала себѣ въ женихи любимаго ею молодого бѣднаго красавца; а отецъ ея прочилъ ей другого жениха, старика, но богатаго... Тогда влюбленная парочка отправилась на скалу и рѣшила умереть вмѣстѣ... Они рѣшили броситься съ отвѣсной скалы въ глубокое ущелье, въ которомъ шумѣлъ бурный потокъ... Но здѣсь, по словамъ грузина, произошло что-то невѣроятное... Право, тетя, этого быть не можетъ, чтобы такъ коварно поступила женщина!..

— Ну, что̀ же такое?—улыбаясь, спросила Чудновская.

— Будто бы женихъ первый бросился въ пропасть, — продолжала торопливо Ида Борисовна,—а невѣста, разсудивъ, что она еще очень молода и хороша для того, чтобы умирать, возвратилась и вышла замужъ... Такого коварства въ женщинѣ, а особенно въ любящей дѣвушкѣ—я не допускаю!..

— Что же, вы, вѣрно, склонны вѣрить больше другой легендѣ, разсказанной старой армянкой?—смѣясь, спросилъ Примовъ.

— Конечно, Валеріанъ Романовичъ! Эта легенда болѣе подходитъ къ дѣйствительной жизни!—горячо возразила Ида Борисовна.

— Въ чемъ же дѣло?—весело спросилъ Жоржъ.

— А вотъ что̀: армянка разсказала, — съ прежней горячностью говорила молодая дѣвушка,—что женихъ измѣнилъ своей невѣстѣ самымъ коварнымъ образомъ, а она, продолжая его безумно любить и горевать, съ отчаянія бросилась съ самаго высокаго уступа скалы въ шумящій потокъ и тамъ погибла... Это болѣе жизненно и правдиво...

— Ни, то неправда!—комично воскликнулъ Клеоникъ Ива-

новичъ:—дивчина скрутыть кому угодно голову, а соби—ни-ни!.. О, дивчата,—то хитрый и коварный народъ!..

V.

Кисловодскъ такъ понравился Идѣ Борисовнѣ, что Чудновская рѣшила переѣхать сюда изъ Желѣзноводска и тѣмъ закончить леченіе; впрочемъ, и докторъ Буяновъ совѣтовалъ имъ послѣ всѣхъ изнурительныхъ купаній—непремѣнно переѣхать въ этотъ чудный, жизнерадостный уголокъ.

За ними послѣдовали прежде всего Примовы и Жоржъ, а затѣмъ—Магдалина Алексѣевна съ Надинъ и Кирпотенко съ Полемъ. Такимъ образомъ, ихъ кружокъ курортныхъ знакомыхъ и здѣсь былъ тотъ же, что и въ Желѣзноводскѣ; отъ нихъ только совершенно отсталъ Рисковѐцъ, бѣгавшій весь день въ паркѣ, какъ угорѣлый, и ухаживавшій напропалую за кѣмъ попало...

Ида Борисовна была въ восторгѣ отъ парка, казавшагося ей много привѣтливѣе и многолюднѣе желѣзноводскаго,—а особенно она восторгалась кисловодскимъ курзаломъ, изящнымъ, красивымъ, съ роскошными залами для вечеровъ и театра, съ ослѣпительнымъ электрическимъ освѣщеніемъ, съ симфоническимъ оркестромъ и чрезвычайно интересной, изысканно-нарядной публикой...

Молодая дѣвушка часто забывала, что она на „дикомъ“ Кавказѣ, и воображала, что какая-то шаловливо-услужливая фея перенесла ее, какъ она нерѣдко выражалась: „въ самый волшебный уголокъ міра“.

Чудновская же, какъ женщина вполнѣ практичная, немолодая и не увлекающаяся лишь „поэтической“ стороной Кисловодска,—называла его вполнѣ благоустроеннымъ курортомъ, не только „бьющимъ по нервамъ“, эффектнымъ, элегантно-праздничнымъ, но и дающимъ всѣ жизненныя удобства, на недостатокъ которыхъ не могъ бы пожаловаться даже самый взыскательный, избалованный больной или туристъ. Электричество, телефонъ, извозчики, магазины, опера—какъ въ любомъ губернскомъ городѣ; прелестныя отдѣльныя дачи, масса домовъ съ меблированными комнатами и гостинницъ съ роскошной обстановкой и со всѣми удобствами! Мало того: цѣны на квартиры—значительно ниже, чѣмъ въ Желѣзноводскѣ... Ксенія Владиміровна поражалась, что теперь, въ самый разгаръ лечебнаго се-

зона, въ центрѣ курорта, онѣ платили за прекрасную, свѣтлую комнату—тридцать рублей въ мѣсяцъ, а можно было, немного подальше отъ парка, имѣть такую же комнату и за двадцать рублей. Продукты и обѣдъ — не дороже другихъ курортовъ, а между тѣмъ, куда ни посмотришь, всюду вѣетъ чѣмъ-то европейскимъ и роскошно-удобнымъ... Не говоря уже о томъ, что на всемъ и на всѣхъ живущихъ въ Кисловодскѣ лежитъ отпечатокъ какого-то общаго веселья и довольства, точно люди здѣсь совершенно забывали о мірскихъ невзгодахъ, о тяжкомъ людскомъ горѣ... Всюду, въ паркѣ, въ курзалѣ, на улицахъ,—лица ликующія, здоровыя...

То же самое Чудновская наблюдала и въ зданіи „Скальковскихъ ваннъ": это небольшое деревянное зданіе, блещущее чистотой своихъ кабинъ и корридоровъ, съ молодой, здоровой и привѣтливой надзирательницей, съ жизнерадостными ванщицами и съ публикой, цвѣтущей здоровьемъ,—напоминало ей какой-то веселый клубъ, гдѣ менѣе всего думаютъ о серьезномъ леченіи.

„Да и „курсовыхъ", больныхъ здѣсь что-то совсѣмъ мало",—думала Чудновская, входя въ свѣтлое и привѣтливое зданіе:—такъ и видно, что здѣсь лишь освѣжаются въ прохладной ваннѣ „Нарзана" въ жаркій лѣтній день, чтобы набраться бодрости для прогулокъ въ самомъ паркѣ, въ курзалѣ или въ окрестностяхъ Кисловодска... Не думаю, чтобы здѣсь кто избавлялся отъ „тяжкихъ недуговъ"!.. Эти „недуги" оставлены уже на предыдущихъ курортахъ, или ихъ вовсе никогда не было".

И невольно Ксеніи Владиміровнѣ снова представились картины страданія въ Пятигорскѣ и безкровныя лица желѣзноводскихъ больныхъ... Но среди массы недавно-видѣнныхъ ею страдальческихъ лицъ, въ ея вображеніи живо рисовался теперь, точно на первомъ планѣ, образъ симпатичной, изнуренной и блѣдной Аглаи Михайловны, надзирательницы „Островскихъ ваннъ".

Эта немолодая, измученная непосильнымъ трудомъ женщина съ ужасомъ говорила какъ-то Чудновской о пяти тяжелыхъ годахъ, проведенныхъ ею въ Пятигорскѣ, въ „Николаевскихъ ваннахъ", въ должности тоже надзирательницы... Весь сезонъ курорта Аглая Михайловна вставала въ пять часовъ утра, находясь безотлучно въ зданіи ваннъ до девяти часовъ вечера... Цѣлый день безпрерывнаго метанія изъ стороны въ сторону по всѣмъ корридорамъ и кабинамъ, напряженное наблюденіе за обычными получасовыми сроками купающихся, часто непріятные переговоры съ посѣтителями, споры, жалобы и неосновательныя требованія.

— И все это было было бы еще ничего, еслибы не приходилось дышать цѣлый день сѣрными парами!—со вздохомъ говорила Чудновской Аглая Михайловна, устало опустившись на мгновеніе подлѣ нея на скамейку въ одномъ изъ корридоровъ „Островскихъ ваннъ“. — Эта сѣрная специфически-удушливая атмосфера ужасно вредно дѣйствуетъ на легкія!.. При сѣрныхъ ваннахъ я не выдержала болѣе пяти лѣтъ службы, потому что страшно начала кашлять кровью... Всѣ думали, что я не поправлюсь... Но, какъ видите, поправилась! Только теперь—силы уже не тѣ... Страшно пошатнулось мое здоровье!.. Проболѣвъ болѣе года, я не могла больше жить безъ мѣста, такъ какъ у меня средствъ—никакихъ, а на моихъ рукахъ—старуха-мать... Нужно работать!.. А потому... пришлось хлопотать о прінсканіи какихъ-нибудь занятій... И вотъ, слава Богу, опять назначили меня надзирательницей въ Желѣзноводскъ... И я очень рада, очень... теперь хорошо...

Но Аглая Михайловна не договорила: большой наплывъ купающихся увлекъ ее въ самый конецъ корридора. Поспѣшно, но несуетливо, она громко, толково давала приказанія ванщицамъ, провѣряла свободные часы въ кабинахъ и безъ всякой неумѣстной развязности или излишней слащавости,—ровнымъ, спокойнымъ голосомъ отвѣчала на разспросы и требованія „курсовыхъ“.

Чудновская не могла теперь точно припомнить цифру мѣсячнаго содержанія Аглаи Михайловны; ей казалось, что цифра эта колебалась между двадцатью-пятью и сорока рублями, но во всякомъ случаѣ — не больше. Жила Аглая Михайловна со своей матерью здѣсь же, въ зданіи, занимая очень маленькую комнатку рядомъ съ двумя-тремя темными конурками, въ которыхъ ванщицы хранили лечебную соль, щетки, швабры и прочіе аттрибуты своего „дѣла“... Обѣдала она здѣсь же, „какъ попало“ и „когда попало“, ограничиваясь больше сухими и холодными закусками и яйцами, вареными въ самоварѣ, потому...

— Некого и некогда разсылать намъ за обѣдами:—дѣло—не стоитъ, а купающіеся—не ждутъ!—отвѣчала какъ-то Аглая Михайловна на вопросъ Чудновской, гдѣ она съ матерью обѣдаетъ?—Старушка моя, какъ маленькій ребенокъ: яйцо въ смятку, да стаканъ чаю съ молокомъ — и сыта; она, моя родная... не прихотлива!.. Да и откуда намъ быть прихотливыми? — мы не избалованы... судьбой!..—задумчиво, грустно улыбнувшись, проговорила она и замолчала; а затѣмъ, какъ бы спохватившись, заторопилась и серьезно, громко сказала:—Однако, заговорилась я

съ вами!.. Извините!.. Марія, у тебя купальщица очень засидѣлась въ кабинѣ: цѣлыхъ пять минутъ прошло лишнихъ... въ ущербъ другой очередной купальщицѣ! Иди, готовь ванну для слѣдующей!.. Дуня, а у тебя кто же это мылся съ мыломъ?.. Какъ же ты не усмотрѣла? Почему не предупредила, что здѣсь совсѣмъ нельзя употреблять мыла?.. Вамъ что угодно?.. Позвольте вашъ билетъ... Дуня, звонятъ въ 20-ой кабинѣ, иди скорѣе...

„...И такъ безъ конца!..—думала Чудновская.—Большая труженица эта Аглая Михайловна!.. Нельзя не сочувствовать такой незамѣтной, скромной, а между тѣмъ такой полезной и неутомимо-дѣятельной женщинѣ... Жаль только, что ея здоровье—очень плохое, слабое...“

Иногда Аглая Михайловна бывала такъ блѣдна, а ея глаза, походка и движенія говорили о такомъ сильномъ переутомленіи, что Чудновская боялась, какъ бы она не упала въ обморокъ, или совсѣмъ не слегла... Но она, дѣлая неимовѣрныя усилія, то присаживаясь на мгновеніе въ корридорѣ на попутную скамейку, то прикладывая холодные компрессы къ головѣ,—опять двигалась дальше, наблюдала и распоряжалась, точно здоровая и неутомленная.

„Господи! Ей бы самой нужно полечиться, отдохнуть, укрѣпить свои силы хорошимъ питаніемъ, чистымъ воздухомъ и этими же желѣзными ваннами, а здѣсь — такой непосильный трудъ!.. Хотя бы на недѣлю, на двѣ смѣнилъ ее кто-нибудь“...—подумала Чудновская, съ большимъ сожалѣніемъ слѣдя за Аглаей Михайловной.

— Вы бы отдохнули немного, Аглая Михайловна!—обратилась она къ ней, помогая перемѣнить компрессъ.—Ну, попросите кого-нибудь изъ знакомыхъ подежурить за васъ хотя немного...

— Ахъ, Ксенія Владиміровна, за это нужно заплатить, а лишиться мнѣ даже одного рубля—большая потеря!.. — произнесла она съ горькой улыбкой.—Да и администрація водъ посмотритъ на это недружелюбно... И что жъ: она будетъ права!—не можешь работать, такъ уходи... Вѣдь имъ нужны—работницы, а не больныя, ни къ чему негодныя клячи!.. Нѣтъ, какъ-нибудь... обойдусь, поправлюсь, дастъ Богъ... А отдыхать теперь нельзя... невозможно... Для этого зима наступитъ...

— А зимой вы на жалованьи, Аглая Михайловна? — спросила Чудновская.

— За что же администрація будетъ платить зимой-то?..—удивилась она. — Зимой вѣдь всѣ ванныя заведенія закрыты; тогда имъ нужны сторожа, а не мы...

— Въ такомъ случаѣ, на какія же средства вы живете съ матерью зимою?

— Не живу, Ксенія Владиміровна, а маюсь!—съ глубокимъ вздохомъ, совсѣмъ тихо отвѣтила Аглая Михайловна.—На зиму обыкновенно мы переселяемся въ Ессентуки, къ нашимъ добрымъ знакомымъ. У нихъ я нанимаю крохотную комнатку, вотъ не больше моей, что здѣсь при ваннахъ... Хожу поденно шить на машинѣ, куда позовутъ; или, если случится, за какой-нибудь больной ухаживаю... Заработаю рубль-другой въ недѣлю—и слава Богу... А бываетъ, что и этого не заработаю... Тогда намъ съ матерью-старухой приходится... очень плохо...

Послѣднія слова Аглая Михайловна произнесла отрывочно, разсѣянно, смотря въ другой конецъ корридора. Затѣмъ она торопливо сбросила компрессъ съ головы и быстро, не проронивъ больше ни слова, направилась къ кассѣ, у которой стоялъ высокій пожилой офицеръ, завѣдывающій желѣзноводской группой.

Трудно было сказать, посмотрѣвъ теперь на Аглаю Михайловну, что это та же, за минуту разслабленная, удрученная, крайне-усталая женщина, съ тихимъ, упавшимъ голосомъ и близкая къ обмороку... Теперь стояла у кассы бодрая, энергичная, всей душой любящая и преданная своему дѣлу надзирательница и громкимъ, отчетливымъ голосомъ передавала завѣдывающему группой офицеру о состояніи своего ваннаго отдѣленія... И какъ она толково, дѣльно говорила!..

Чудновская съ глубокимъ уваженіемъ смотрѣла на эту скромную труженицу, способную часто, ради общественнаго интереса, забывать свои болѣзни, свое горе и самоотверженно отдавать свои послѣднія силы полезному дѣлу... Она, неказистая, блѣдная, худая и крайне бѣдно одѣтая, насколько она была выше и достойнѣе тѣхъ раздушенныхъ и шумящихъ шелками „курсовыхъ" барынь, которыя часто считали для себя униженіемъ какой-то надзирательницѣ ваннаго заведенія не только подать руку, но и наградить ее хотя бы небрежнымъ мимолетнымъ кивкомъ головы!..

И вспомнила Ксенія Владиміровна съ большимъ удовольствіемъ, что не всѣ „курсовыя" барыни были таковы... Почти въ послѣдніе дни пребыванія Чудновской въ Желѣзноводскѣ, устроилась нѣкоторыми дамами, купающимися въ „Островскихъ ваннахъ", подписка въ пользу Аглаи Михайловны.

„Пусть этотъ скромный даръ будетъ хотя небольшой поддержкой, во время зимнихъ долгихъ мѣсяцевъ, этой неимущей, больной труженицѣ и ея „неприхотливой" старухѣ-матери!" —

думала Чудновская, отдавая и свою лепту въ пользу симпатичной, полезной, но жалкой, скромной женщины...

Аглая Михайловна, какъ узнала Ксенія Владиміровна, что-то ужъ очень давно служитъ надзирательницей при различныхъ ванныхъ заведеніяхъ: чуть ли не пятнадцать лѣтъ,—и она очень интересовалась однимъ изъ ванныхъ жизненныхъ вопросовъ: будетъ ли Аглаѣ Михайловнѣ выдана впослѣдствіи „за выслугу лѣтъ“, или за „усердную службу“, какая-нибудь субсидія или пенсія?—Но она такъ ничего и не добилась... Не было, говорятъ, какъ будто „этого“ до сихъ поръ!

„Что же ожидаетъ впереди Аглаю Михайловну и ея мать?.. Чѣмъ онѣ будутъ существовать, когда больная и слабая дочь не способна уже будетъ работать?.. Кто позаботится о ихъ „насущномъ“ хлѣбѣ?.. Кто поддержитъ ихъ матеріально въ трудныя, безъисходныя минуты ихъ нищеты?.. А вѣдь эта скромная, невзрачная женщина неусыпно трудилась много лѣтъ, щедро отдавая, безъ разсчета, свои силы и здоровье общественному дѣлу!.. И какъ она всегда умѣло, терпѣливо успокаивала капризно-раздражительныхъ больныхъ!.. Съ какимъ тактомъ удовлетворяла всѣмъ требованіямъ этого купающагося громаднаго курортнаго общества!.. Чѣмъ же это тысячное равнодушно-холодное общество вознаградитъ ее за непосильный тяжкій трудъ?.. Чѣмъ облегчитъ въ будущемъ ея тяжелое положеніе?..“

Эти размышленія Чудновской были прерваны громкимъ хохотомъ веселой Дины, устроившей, по обыкновенію, какую-то „шалость“ въ пріемной залѣ „Скальковскихъ ваннъ“...

VI.

Ида Борисовна очень рано вышла изъ дому и, пройдя часть тополевой аллеи, направилась прямо къ галереѣ „Нарзана“. Ее невольно тянуло въ паркъ, этотъ роскошный, тѣнистый, прохладный паркъ, могущій дѣйствительно служить украшеніемъ любого, даже заграничнаго курорта... Особенно ей нравилась рѣка Ольховка, дикая, бурная, шумная, протекающая черезъ весь паркъ... Эта горная капризная рѣка придавала ему чарующій красивый видъ и дѣлала воздухъ прохладнымъ и влажнымъ...

Шумитъ дикая рѣчонка день и ночь, точно негодуетъ на всѣхъ людей, осмѣлившихся перекинуть черезъ нее мостики и переходить съ одной стороны ея берега на другую, не боясь ни

пѣнящихся волнъ, ни бурнаго журчанія, ни безсильнаго ропота оскорбленной, своенравной капризницы...

Ида Борисовна легкой, неторопливой поступью шла вдоль праваго берега Ольховки по широкой, тѣнистой липовой аллеѣ, начинающейся почти у самаго „Нарзана". Она жадно вдыхала свѣжій воздухъ, улыбалась спокойно-довольной улыбкой, наслаждаясь чуднымъ утромъ, и ловила себя на каждомъ шагу на неопредѣленно-счастливыхъ, свѣтлыхъ грёзахъ... И эти грёзы рисовали ей то милый образъ, то горячія рѣчи, намеки, то взгляды, полные нѣги, любви и ласки... То ей казалось, что она была наканунѣ чего-то рокового, но такого пріятнаго и безконечно-счастливаго... Мысли ея летѣли быстро и незамѣтно уносили ее въ тихую семейную обстановку, гдѣ она была окружена ласковой заботой дорогого ей любимаго человѣка... И тогда она, пріятно волнуясь, радуясь и улыбаясь, рисовала свое будущее въ такихъ заманчиво-розовыхъ рамкахъ, граничащихъ чуть не съ высшимъ идеаломъ человѣческаго счастья и довольства, что совершенно забыла о дѣйствительности, забывала даже, гдѣ она... И за этими далекими предѣлами дѣйствительности въ ея воображеніи начиналась для нея какая-то новая, счастливая и полная интереса жизнь, рука-объ-руку съ любимымъ человѣкомъ...

Молодая дѣвушка бодро, съ сіяющимъ лицомъ, перешла красивый мостикъ и очутилась на лѣвомъ берегу Ольховки, подлѣ неказистой „Семиградусной" купальни... Гуляющихъ здѣсь было довольно много, но она, занятая своими мыслями, не обращала на нихъ почти никакого вниманія, и все шла дальше неторопливо-плавной походкой.

У самой „Великокняжеской липы" она медленно опустилась на красивую круглую скамейку и, вынувъ изъ кармана небольшую книжку, стала разсѣянно перелистывать страницы давно начатаго ею романа: „Мимочка на водахъ". Этотъ романъ, какъ ей казалось, особенно долженъ былъ заинтересовать ее здѣсь, въ Кисловодскѣ, но ея собственная жизнь теперь „била ключомъ", и она такъ мало имѣла общаго съ романомъ несчастной, свѣтской и пустой Мимочки!..

Ида Борисовна бѣгло просмотрѣла нѣсколько страницъ и, закрывъ быстро книгу, спрятала ее снова въ карманъ...

„Мнѣ даже становится страшно за эту... Мимочку!.. Но... А что, если и я—лишь игрушка въ глазахъ Валеріана Романовича?.. Нѣтъ, нѣтъ!"—подумала она тревожно и, нервно вздрогнувъ, поблѣднѣла и съ серьезнымъ лицомъ быстро встала со

скамейки и направилась къ „Стеклянной бесѣдкѣ".—„И съ чего это мнѣ вздумалось... подозрѣвать Валеріана Романовича... въ чемъ-то?.. Но въ чемъ же, въ чемъ?.. Онъ такъ откровененъ со мной, такъ ласковъ, что я не должна мучить себя сомнѣніями!.. Ну, а если?.. Если?.."

Молодая дѣвушка сжала свои дрогнувшія руки и близко подошла къ искусственному водопаду, устроенному такъ оригинально, точно онъ былъ неподвиженъ, ровенъ, но блестящъ и прозраченъ, какъ стекло.

„Нѣтъ... Онъ — правдивъ... Его дѣйствія — всѣ чисты и... прозрачны, какъ... какъ это стеклышко!.. А потому... моя будущая жизнь похожа на... этотъ чудный роскошный букетъ живыхъ цвѣтовъ"...

Ида Борисовна улыбнулась и съ особеннымъ интересомъ стала разсматривать букетъ свѣжихъ душистыхъ розъ, красующихся за этимъ миѳическимъ стеклышкомъ, за этимъ причудливымъ водопадомъ-игрушкой.

„Да, жизнь моя мнѣ кажется теперь такой чудной, прекрасной, какъ этотъ букетъ!.. И стоитъ только протянуть руку сквозь эту прозрачную струйку воды,—и я завладѣю любой изъ этихъ розъ!.. Нѣтъ, я возьму всѣ розы, и весь букетъ будетъ мой... мой... Вотъ какъ я близка теперь къ тому, что̀ составляетъ всю мою жизнь... что̀ радуетъ меня, оживляетъ и дѣлаетъ... счастливой... Да, еще одинъ шагъ, и... Валеріанъ Романовичъ... мой!.. Мой... навсегда!.. Но... Что̀ я?.. Что̀ я говорю?.. Какъ же это возможно?.. Почему?.."

И молодая дѣвушка глубоко задумалась.

...Вѣдь между ними ничего не произошло... Кромѣ намёковъ, нѣжныхъ, ласковыхъ словъ, долгихъ влюбленныхъ взглядовъ, крѣпкихъ выразительныхъ рукопожатій—ничего не было... Вотъ все, чѣмъ они обмѣнивались за эти почти три мѣсяца... Всего три мѣсяца, а кажется, что они такъ давно, давно знакомы!.. Столько въ нихъ общаго, столько... обоюдно-интереснаго, пріятнаго, дорогого!.. Безъ рѣшающаго слова, безъ объясненій,—она понимала его, цѣнила и вѣрила... Да, вѣрила, что ея встрѣча съ Валеріаномъ Романовичемъ не простая „курортная" встрѣча, а серьезная, прочная, глубокая... Такъ, одними мимолетными, скоропроходящими пріятными впечатлѣніями — она не должна окончиться... Не должна...

Мысли Иды Борисовны неожиданно прервались и приняли совсѣмъ другой оборотъ... Она сильно покраснѣла и широко-открытыми глазами смотрѣла теперь на небольшой мостикъ,

перекинутый черезъ трещину оригинальной доломитовой скалы... На этомъ мостикѣ, какъ ей показалось, неподвижно стоялъ Валеріанъ Романовичъ и, немного наклонясь надъ перилами, смотрѣлъ куда-то вдаль... Затѣмъ, перейдя мостикъ, онъ быстро направился къ „Царской площадкѣ“, самой возвышенной части кисловодскаго парка, и здѣсь стоялъ долго, обмахивая лицо большой зеленой вѣткой и какъ бы смотря на большой каменный крестъ, поставленный на вершинѣ Крестовой горы, болѣе ста лѣтъ тому назадъ...

Ида Борисовна съ сильно бьющимся сердцемъ все двигалась впередъ и неотступно слѣдила за рослой фигурой молодого человѣка; и съ каждой минутой она убѣждалась, что это дѣйствительно былъ Валеріанъ Романовичъ. Но въ его походкѣ, движеніяхъ, жестахъ—ей теперь казалось столько необычайно-безпокойнаго, тревожнаго и нервнаго, что она, не разсуждая, ускоривъ шаги, торопливо направилась прямо къ скалѣ.

А Валеріанъ Романовичъ, между тѣмъ, какъ бы въ изнеможеніи, опустился на одинъ изъ камней доломитовой скалы, вынулъ изъ кармана какое-то письмо и весь погрузился въ чтеніе.

Блѣдный, встревоженный, онъ все еще сидѣлъ на камнѣ съ низко опущенной головой, точно подавленный какимъ-то неотразимымъ горемъ, и все еще перечитывалъ письмо, дрожавшее въ его рукѣ, когда Ида Борисовна, сильно волнуясь, близко подошла къ нему и молча, тревожно стала всматриваться въ это измѣнившееся, осунувшееся лицо.

Она сразу не рѣшалась окрикнуть его, не рѣшалась заговорить съ нимъ, боясь нарушить теченіе его мыслей, нарушить его мучительное душевное состояніе.

„Имѣю ли я право безпокоить его своимъ присутствіемъ... своимъ непрошеннымъ вмѣшательствомъ, сочувствіемъ?..“ быстро мелькнуло въ ея головѣ и такъ же быстро смѣнилось другой мыслью: „Но... если я пришла сюда, къ нему... безъ зова, то должна ли... могу ли я молчать?.. Молчать и какъ бы подсматривать... подслушивать его... тихіе вздохи страданій?.. Нѣтъ, нѣтъ... Я не могу... не могу молчать...“

Ида Борисовна очень близко подошла къ Валеріану Романовичу, низко наклонилась надъ его опущенной головой и, положивъ на его плечо дрожащую руку, почти шопотомъ заговорила быстро, всецѣло поддаваясь сильному волненію, охватывавшему ее все больше и больше...

— Простите меня!.. Я случайно замѣтила васъ, но... Я не

думала, не предполагала, что я помѣшаю вамъ... Простите, но я не могла больше смотрѣть... на ваши страданія...

Валеріанъ Романовичъ слегка вздрогнулъ отъ этихъ неожиданныхъ, задушевныхъ и искреннихъ словъ, вдумчиво посмотрѣлъ на прекрасное взволнованное лицо дѣвушки и, молча, крѣпко пожалъ ея руку.

— Благодарю... за участіе... наконецъ, тихо произнесъ онъ, какъ бы что-то обдумывая.—Садитесь, Ида Борисовна, подлѣ меня, вотъ здѣсь, на камнѣ...

Мрачная тѣнь попрежнему лежала на его блѣдномъ лицѣ, и онъ, все еще держа въ рукѣ небольшой листокъ почтовой бумаги, исписанный крупнымъ неровнымъ почеркомъ, заговорилъ глухо, медленно, точно ему было очень трудно произносить даже отдѣльныя слова:

— Ида Борисовна, я получилъ сегодня очень тяжелое... мучительное письмо, но... содержаніе его вы непремѣнно должны знать, потому... потому что я не имѣю нравственнаго права скрывать отъ васъ дольше всю свою... интимную жизнь... Наше искреннее сближеніе, наши чувства должны или окончательно... окрѣпнуть, или... Или мы должны будемъ разойтись, если вы... осудите меня, не поймете... не простите...

Онъ все время говорилъ тихимъ, взволнованнымъ голосомъ, держа письмо въ рукѣ, и смотрѣлъ на нее тревожно-испытующимъ и выжидательнымъ взглядомъ.

— Я не знаю, что̀ вы мнѣ хотите сказать... не знаю, что̀ васъ безпокоитъ, мучитъ, но... Я хочу переживать съ вами, Валеріанъ Романовичъ, ваши страданія!.. — горячо, искренно произнесла Ида Борисовна.—Я хочу знать все, все, что̀ тѣсно связано съ вами...

— И узнаете, Ида Борисовна... Не получивъ этого письма, я все равно рѣшилъ открыть вамъ все, но... тогда бы я васъ подготовилъ къ тому, что̀ вы сейчасъ услышите, а теперь... вы дѣйствительно будете... страдать... Но что̀ же дѣлать!.. Быть можетъ, вы совсѣмъ... совсѣмъ разочаруетесь во мнѣ, но... я вамъ все скажу... все...

— Нѣтъ, нѣтъ, Валеріанъ Романовичъ! — горячо, серьезно перебила его молодая дѣвушка:—я чувствую въ себѣ такую душевную бодрость, такую силу, что... ничто не можетъ пошатнуть ни моего нравственнаго строя, ни моего чувства къ вамъ!..

Онъ молча пожалъ ея руку, и горькая, грустная улыбка искривила его блѣдное красивое лицо.

— А если вы узнаете, что я, увлекая васъ, былъ... не сво-

боденъ?.. Что я... связанъ?..—медленно, прерывающимся голосомъ спросилъ онъ, не подымая на нее глазъ.

— Вы?.. Вы... женаты?..—блѣднѣя, чуть слышно спросила Ида Борисовна.

— Нѣтъ, но... я — отецъ... Отецъ — незаконнаго ребенка...

Ида Борисовна медленно поднялась съ камня и, не глядя на Валеріана Романовича, молча, нервно вздрагивая, прошлась какой-то заплетающейся походкой по доломитовой площадкѣ нѣсколько разъ, то измѣняя направленіе, то мучительно останавливаясь, какъ вкопанная, на одномъ мѣстѣ, точно ее что̀ задерживало, не пускало двигаться дальше... Наконецъ, она, какъ бы овладѣвъ собой, неторопливо близко подошла къ Валеріану Романовичу, сидѣвшему неподвижно на камнѣ съ низко опущенной головой, и тихо, упавшимъ голосомъ спросила его:

— А кто же... его мать?..

— Мать...—въ глубокой задумчивости сказалъ Валеріанъ Романовичъ и, еще ниже опустивъ голову, тихо и глухо произнесъ:— Она — бѣдная дѣвушка, швея, но... нѣсколько дней тому назадъ... она умерла... отъ тифа... Вотъ письмо отъ ея подруги...

— Боже!.. А онъ... вашъ ребенокъ?.. Гдѣ же онъ?..—какимъ-то металлическимъ, измѣнившимся голосомъ спросила его Ида Борисовна.

— Онъ тоже... заболѣлъ тифомъ... въ больницѣ... И я... долженъ сегодня же поѣхать... въ Петербургъ...

— Господи!.. Поѣзжайте, какъ можно скорѣе... Поѣзжайте, Валеріанъ Романовичъ!.. Нельзя... медлить!.. Вы же — отецъ... отецъ его!..—произнесла она прерывающимся, взволнованнымъ голосомъ, положивъ ему на плечи обѣ руки, и смотрѣла на него глубокимъ, скорбнымъ взоромъ.

Онъ весь вздрогнулъ отъ этихъ искреннихъ словъ, отъ ея дружески-ласковаго обращенія и, смотря на нее безконечно-благодарнымъ взглядомъ, тихо сказалъ:

— И ни слова упрека, ни слова о томъ, какъ... какъ все это произошло!.. Вы, Ида Борисовна, рѣдкая, чудная дѣвушка... Вы...

Онъ не договорилъ и, крѣпко поцѣловавъ ея похолодѣвшія руки, отвернулся отъ нея, чтобы скрыть свое волненіе.

— Ахъ, до того ли теперь, Валеріанъ Романовичъ, когда вашъ бѣдный... ребенокъ остался одинъ... безъ матери!.. Что̀ вы, Валеріанъ Романовичъ!.. Да и за что же упрекать?.. Нѣтъ, упрекать... я не могу, да и не имѣю права... Не думайте объ этомъ!.. Теперь вамъ нужно думать только... о вашемъ ребенкѣ!.. А мнѣ...

Ахъ, что же теперь мнѣ... остается?.. какъ-то растерянно, дрогнувшимъ голосомъ проговорила она и замолчала.

Но это продолжалось недолго, и она снова заговорила негромко и серьезно, съ какой-то нервной и неестественной торопливостью:

— Не знаю, Валеріанъ Романовичъ, что теперь будетъ дальше... Не знаю, что пошлетъ мнѣ мое будущее, но... знайте, что я въ васъ не разочаровалась и вѣрю вамъ!.. Да, вѣрю... и... Но не время теперь... не время изливать свои чувства, свои... муки!.. Прощайте, Валеріанъ Романовичъ!..

И съ этими словами Ида Борисовна крѣпко пожала руку Валеріана Романовича и очень быстро направилась къ мостику.

А онъ, какъ ошеломленный, все сидѣлъ на камнѣ, всецѣло находясь подъ давленіемъ самыхъ разнообразныхъ чувствъ и желаній, и съ какимъ-то благоговѣніемъ смотрѣлъ вслѣдъ уходящей дѣвушкѣ, сдѣлавшейся ему теперь еще дороже, еще ближе прежняго...

— Ахъ, тетя, я теперь какъ въ чаду, какъ... въ туманѣ!.. Я...—крайне взволнованно начала Ида Борисовна, возвратившись изъ парка домой, но, не договоривъ, въ изнеможеніи опустилась на стулъ.

— Что съ тобой, Идочка?—тревожно спросила Чудновская.

— Дай разобраться... Дай вспомнить... все... —задыхаясь, произнесла молодая дѣвушка, но, не выжидая, точно ее что-то неудержимо толкало на откровенное объясненіе, въ которомъ она могла бы излить всю свою душу, —съ неподдѣльной грустью торопливо продолжала дальше:

— Мнѣ здѣсь было такъ хорошо, такъ хорошо, что на меня иногда находилъ просто какой-то суевѣрный страхъ!.. Мнѣ все казалось, что послѣ этого чуднаго... „праздника веселья“ и... и счастья—наступитъ для меня „жизненный мракъ“... А я такъ страшилась этого!.. И это теперь случилось!.. О, какъ мнѣ теперь тяжело!.. Какъ невыносимо... тяжело...

Ида Борисовна замолчала и, прислонившись къ спинкѣ стула, опустила голову на руки и неудержимо зарыдала.

Чудновская, блѣдная, серьезная, близко подошла къ молодой дѣвушкѣ и, лаская ее своей заботливой, дрожащей рукой, молча, съ возрастающей нервностью смотрѣла на нее; когда же, наконецъ, рыданія смолкли, она негромко, возможно спокойнымъ голосомъ спросила Иду Борисовну:

— Но что же такое случилось, дитя мое?

— Ахъ, тетя... новаго, вѣрно, ничего не случилось...— сквозь слезы, задыхаясь, произнесла Ида Борисовна: — все это, конечно, старое... давно всѣмъ... извѣстное... но такое, чего я не могла примѣнить къ себѣ лично... Не могла этого допустить... Я совсѣмъ... совсѣмъ не ожидала!.. Почему-то я все думала, предполагала, что жизнь моя... меня балуетъ, ласкаетъ, какъ мама, или... какъ ты, моя дорогая... А здѣсь — такая горькая, непоправимая неожиданность!..

— Въ чемъ же дѣло, Идочка?..—сильно блѣднѣя, дрогнувшимъ голосомъ спросила Чудновская.

— А въ томъ, что... сейчасъ, въ паркѣ, Валеріанъ Романовичъ мнѣ сказалъ, что онъ... отецъ... Отецъ... незаконнаго ребенка...—съ трудомъ произнесла она, вытирая поспѣшно набѣгавшія слезы.—Въ этомъ ничего нѣтъ новаго, но... это такъ тяжело переживать, когда любишь!.. Мнѣ хотѣлось бы, чтобы любимый мной человѣкъ—былъ чистъ, непороченъ... И мнѣ казалось, что Валеріанъ Романовичъ вполнѣ подходитъ... къ моему идеалу... А здѣсь, вдругъ, узнаешь, что многое уже имъ пережито... испытано и... быть можетъ, уже самое лучшее, дорогое... похоронено безвозвратно...

— Значитъ, у него есть привязанность?—растерянно спросила Чудновская:—и онъ ее любитъ?..

— Привязанность была—бѣдная дѣвушка... швея, но теперь ея нѣтъ... Она умерла... А любилъ ли онъ ее—я не знаю, не знаю!.. Онъ мнѣ ничего объ этомъ не говорилъ, и я его не спрашивала, но... Я вѣрю ему, тетя, а потому вѣрю, что теперь онъ любитъ... меня... Иначе... Ахъ, нѣтъ!.. Да развѣ можетъ такой человѣкъ, какъ Валеріанъ Романовичъ, обманывать, притворяться, лгать?.. Вспомни его благородное, открытое лицо, его честные глаза... вспомни всѣ его разговоры, его ласковый голосъ... Развѣ онъ можетъ обманывать?..

Молодая дѣвушка оживилась и, поднявшись съ мѣста, съ дрожащими еще слезами на длинныхъ рѣсницахъ, говорила съ глубокой увѣренностью и со вспыхнувшей надеждой во взорѣ.

— Но что же будетъ дальше, Идочка?.. Тебѣ говорилъ что-нибудь Валеріанъ Романовичъ о своихъ планахъ? — осторожно спросила Чудновская, когда она замолчала.

— Нѣтъ, тетя, ничего... — смущенно отвѣтила дѣвушка, и слезы снова задрожали на ея рѣсницахъ.—Да и какіе планы могутъ теперь придти человѣку въ голову, когда онъ сегодня долженъ ѣхать къ своему больному тифомъ ребенку?.. Да еслибы онъ мнѣ и сказалъ что-нибудь опредѣленное, то все равно те-

перь я слишкомъ подавлена... и я бы ему, тетя, ничего теперь не отвѣтила... Я не разочаровалась въ Валеріанѣ Романовичѣ и вполнѣ понимаю, что винить его не въ чемъ, но... эти новыя обстоятельства явились для меня такъ неожиданно, что я... совсѣмъ ошеломлена!.. И какія только чувства во мнѣ борются, еслибы ты знала, моя дорогая!..

Ида Борисовна замолчала, присѣла подлѣ Чудновской на кушетку, обняла ее и снова заговорила прерывающимся шопотомъ:

— Я люблю его, тетя, и... ревную... Еслибы онъ теперь избралъ меня, то я не знаю... какой бы матерью я могла быть этому... ребенку... Ты знаешь, я люблю дѣтей, но... теперь я слишкомъ оскорблена, какъ женщина... Я люблю впервые и... другой любви не знала... А онъ!.. О, этого... ребенка я не могла бы теперь искренно ласкать!.. Какая-то горечь, ревность, обида заглушаютъ во мнѣ другія чувства... хорошія, добрыя...

Она замолчала и сидѣла неподвижно, опустивъ низко голову и не замѣчая, какія глубокія морщины страданія искажали теперь лицо Чудновской...

„Что̀ это?—родъ Примовыхъ, или случайность?.. — думала Ксенія Владиміровна, быстро заходивъ по комнатѣ.—Примовы!.. Что̀ сказали бы мнѣ мои старики, еслибы они были живы, узнавъ, что я допустила знакомство и сближеніе Идочки съ Валеріаномъ Романовичемъ?.. Отецъ вѣдь не простилъ Роману Валеріановичу его проступка!.. Какъ бы онъ отнесся теперь ко всему происшедшему?.. А Соня?.. Какъ я теперь посмотрю ей въ глаза!.. Вѣдь Идочка—ея первенецъ, ея любимица... а я не сумѣла оградить ее отъ такихъ страданій!.. Примовы!.. Соня помнитъ Романа Валеріановича хорошо и... съ какой враждой, негодованіемъ она его вспоминаетъ каждый разъ!.. Но какъ же быть теперь?.. Господи, да чѣмъ же все это кончится?..“

— Тетя...—тихо окликнула ее Ида Борисовна:—ты, бѣдная, волнуешься!.. И всему виновата я!.. Одна я!.. Ахъ, тетя, какъ мнѣ тяжело!.. Сегодня Валеріанъ Романовичъ уѣзжаетъ... А мы?.. Что̀ мы сдѣлаемъ съ собой?.. Куда уѣдемъ?.. Зачѣмъ?.. Вѣдь все равно... и въ Кисловодскѣ, и въ Артиховкѣ, и... вездѣ, вездѣ, гдѣ бы мы ни очутились, мнѣ всюду будетъ мрачно и пусто... Здѣсь началась моя... жизнь... здѣсь и кончилась...

— Жизнь кончилась! Идочка, да развѣ это возможно?.. И ты, такая энергичная, стойкая, да вдругъ впадаешь въ такое отчаяніе!.. Богъ съ тобой, дитя мое!..

— Нѣтъ, тетя, я не отчаяваюсь, а ощущаю пустоту...—съ

глубокимъ вздохомъ произнесла дѣвушка.—Точно у меня было что-то опредѣленно-дорогое, извѣстное, и вдругъ все куда-то исчезло... все сразу рухнуло!.. Я сознаю, что я подавлена всѣмъ случившимся!.. Я потеряла идеалъ человѣка, котораго я могла бы полюбить глубоко... О, теперь нужно много времени, чтобы я... примирилась или забыла все... что меня удручаетъ!.. Или нужно самой переродиться, передѣлать себя, или смотрѣть на все другими глазами...

Она теперь сидѣла блѣдная, серьезная и задумчиво-скорбнымъ взглядомъ смотрѣла въ окно; грудь ея высоко подымалась, а плечи изрѣдка нервно вздрагивали.

— Впрочемъ...—чуть слышно продолжала Ида Борисовна:—можетъ быть, мы больше никогда не увидимся съ Валеріаномъ Романовичемъ, да и къ чему?.. Я вѣдь ошиблась, считая его... чистымъ... Такъ могу же я ошибаться, предполагая, что онъ меня... любитъ...

Молодая дѣвушка снова замолчала, а Чудновская еще быстрѣе заходила по комнатѣ, мучительно сознавая полнѣйшее свое безсиліе помочь въ данный моментъ Идѣ Борисовнѣ. Пустыя фразы утѣшенія и разныя комбинаціи были бы неумѣстны; а существенное, вѣрное что-нибудь сказать она тоже не могла, не зная ни серьезныхъ жизненныхъ плановъ Валеріана Романовича, ни подкладки его прошлой любви,—или увлеченія,—ни глубины его чувства къ молодой дѣвушкѣ...

Было уже далеко за полночь, а Кисловодскъ еще не спалъ...

Ида Борисовна тихо, чтобы не разбудить недавно лишь уснувшую Чудновскую, поднялась съ кровати и, накинувъ легкій бѣлый пеньюаръ, сѣла у открытаго окна и глубоко задумалась... Молодая дѣвушка сама не могла отдать себѣ отчета, о чемъ она теперь думала, о чемъ жалѣла и грустила?.. Въ головѣ у нея была какая-то тяжесть, а въ сердцѣ ощущалась гнетущая тоска, не позволяющая ей ни на минуту забыться и отдохнуть...

Въ курзалѣ громко играла музыка, ясно долетавшая до ея слуха... Изъ парка изрѣдка вырывались съ легкимъ шипѣніемъ ракеты, разсыпаясь въ ночномъ прохладномъ воздухѣ мелкими разноцвѣтными звѣздочками... Мимо ихъ оконъ проносились, однѣ за другими, веселыя шумныя кавалькады, возвращавшіяся послѣ пріятной прогулки по окрестностямъ Кисловодска... А въ садикѣ, подъ террасой ихъ квартиры, слышался сдержанный шопотъ любви, часто прерываемый страстными поцѣлуями...

Но Ида Борисовна ничего не замѣчала, что теперь такъ разнообразно отвѣчало властнымъ запросамъ жизни курорта. Она

была слишкомъ поглощена своими мыслями, становившимися съ каждой минутой все опредѣленнѣе и мучительнѣе.

„Господи! хотя бы еще одинъ часъ, одну минуту быть вмѣстѣ съ Валеріаномъ Романовичемъ и сказать ему... что... его ребенокъ... и мнѣ дорогъ, потому что я... люблю его!..“

VII.

Утро было чрезвычайно сырое и туманное. Движенія на улицахъ Кисловодска почти не было никакого: здѣсь обыкновенно „курсовые“ спали долго, и только большіе любители природы вставали рано, чтобы послушать въ паркѣ музыку или полюбоваться чудными картинами самого курорта и его окрестностей.

Муся почти не спала всю ночь; она съ такимъ нетерпѣніемъ ожидала разсвѣта, чтобы какъ можно пораньше отправиться къ Идѣ Борисовнѣ и подѣлиться съ ней впечатлѣніями всего пережитого за вчерашній день.

Закутавшись плотно въ бѣлую бурку и накинувъ на голову платокъ, Муся быстро сбѣжала по ступенькамъ террасы, прилегающей къ занимаемой ими дачѣ и ведущей въ большой, прекрасный садъ. Не отыскивая ни дорожекъ, ни тропинокъ, она шибко, подобравъ развѣвавшіяся въ воздухѣ складки сѣраго платья, прямо пошла по росистой высокой травѣ.

„Лишь бы ближе и скорѣе!“ —думала она, пробираясь между высокихъ деревьевъ акаціи и кустарниковъ глода... Вчера она не могла вырваться изъ дому ни на одну минуту... А день выдался какой-то особенный, безпокойный... Валера вчера совсѣмъ сбилъ ее съ толку!.. Что такое случилось съ нимъ, что онъ такъ неожиданно уѣхалъ изъ Кисловодска?.. Возвратившись вчера откуда-то домой, крайне взволнованнымъ, онъ даже не поздоровался съ ней, чего никогда не бывало, — а прямо прошелъ въ комнату отца и тамъ долго, долго и взволнованно говорилъ съ нимъ о чемъ-то... должно быть, объ очень серьезномъ, потому что и Валера, и отецъ весь остальной день почти съ ней ни о чемъ не разговаривали... Только за три-четыре часа передъ отъѣздомъ Валеры, отецъ позвалъ ее къ себѣ и такъ загадочно, отрывисто спросилъ:

— Муся, ты желала бы... поѣхать въ Артиховку, погостить... къ Идѣ Борисовнѣ?..

— Ахъ, папа!.. Я вѣдь давно мечтала объ этомъ и просила тебя, но... помнишь? — каждый разъ ты наотрѣзъ отказывалъ мнѣ!.. Почему же теперь... именно сегодня ты меня объ

этомъ спрашиваешь?—взволнованно спросила дѣвушка, недоумѣвая, зачѣмъ отецъ снова заговорилъ о той поѣздкѣ, о которой она уже давно перестала думать.

— Проси... Ксенію Владимiровну... чтобы она взяла тебя съ собой... Я теперь ничего не имѣю противъ этой поѣздки... Въ Артиховку поѣдетъ и... Валеріанъ... — низко опустивъ голову, тихо и глухо произнесъ Романъ Валеріановичъ.

Муся широко открыла глаза и, поцѣловавъ отца, чуть слышно спросила:

— Зачѣмъ же онъ туда поѣдетъ?.. Быть можетъ, Валера... женится на Идочкѣ?

— Ахъ, дитя... почемъ я знаю!... Захочетъ ли еще сама Ида Борисовна... выйти за него?.. Да и вообще это... это—вопросъ всей жизни... Жизнь!.. Это—такая жестокая, неизмѣримая сумма контрастовъ и случайностей!.. Это—безпрерывное, вѣчновертящееся колесо... И люди иногда сами не умѣютъ изъ этого колеса вырвать для себя самое дорогое... самое драгоцѣнное... Вотъ я, Муся, въ ущербъ себѣ, взялъ изъ этого колеса лишь самое... печальное, самое безотрадное... Валеріанъ началъ тоже... плохо, но... Пусть его минетъ та чаша, что̀ меня сгубила!.. Пусть онъ будетъ счастливъ съ Идочкой... если она пожелаетъ раздѣлить съ нимъ... его жизнь!.. Да, съ Идочкой, съ племянницей... Ксеніи Владимiровны... Хорошей, незабвенной... Ксеніи...

Романъ Валеріановичъ говорилъ совсѣмъ упавшимъ, грустнымъ голосомъ и изрѣдка вытиралъ набѣгавшія слезы...

— Папочка, дорогой!.. Чего же ты такъ волнуешься?...—съ недоумѣніемъ смотря на отца и цѣлуя его дрожащія руки, участливо говорила Муся.—Что̀ ты такое сказалъ?... Незабвенная... Ксенія!.. Развѣ ты раньше зналъ Ксенію Владимiровну?..

Романъ Валеріановичъ молча, въ сильномъ волненіи, замоталъ головой и сильно дрожащей рукой указалъ ей на дверь...

Безпрекословно, чтобы не раздражать своимъ присутствіемъ больного отца, Муся безшумно вышла изъ комнаты и, затворивъ за собой дверь, остановилась неподвижно у стѣнки, припоминая все, о чемъ только-что онъ говорилъ съ ней.

— Муся! — тихо окликнулъ ее Валеріанъ Романовичъ изъ сосѣдней комнаты.

Она медленно повернула къ нему голову, но не двигалась съ мѣста, все еще припоминая слово за словомъ...

— Что̀ отецъ?...—такъ же тихо спросилъ онъ.

Какъ тѣнь, не спѣша, она прошла въ комнату брата и взволнованно сказала:

— Плачетъ...

— О чемъ же онъ говорилъ съ тобой?...

— Ахъ, Валера!.. я ничего не понимаю, что̀ дѣлается... съ отцомъ и... съ тобою!.. Отецъ — говоритъ какими-то намеками, полусловами... Ты—какой-то странный... убитый... Господи, да что̀ же это такое съ вами?.. Вы что-то оба скрываете отъ меня!...

Валеріанъ Романовичъ взволнованно заходилъ по комнатѣ и, ничего не возразивъ сестрѣ, протянулъ къ ней письмо.

— Муся, передай, прошу тебя, это письмо Идѣ Борисовнѣ... Я очень занятъ... не могу сегодня никакъ зайти къ нимъ... попрощаться...

— Какъ же такъ?..—растерянно спросила она.

— Я видѣлъ уже сегодня... Иду Борисовну... говорилъ съ ней кое-о-чемъ. А теперь... я не могу, не успѣю... попрощаться... Вѣдь мнѣ нужно уже скоро ѣхать... Но мы еще, вѣрно, увидимся съ Идой Борисовной... въ Артиховкѣ. Ты, Мусикъ, хочешь туда поѣхать?... погостить?... — торопливо спрашивалъ Валеріанъ Романовичъ, разсѣянно перебирая на столѣ какія-то бумаги и стараясь не смотрѣть на сестру.

— Хочу ли?!.. Я такъ полюбила Идочку, такъ сошлась съ ней, а ты спрашиваешь, хочу ли! — со слабой улыбкой произнесла молодая дѣвушка и, замолчавъ на мгновеніе, съ особенной серьезностью спросила:

— Валера, скажи, вѣдь и ты ее любишь?... Я не ошиблась?...

— Ахъ, Муся!... Ну, люблю!...

— Валера, да что̀ съ тобой?... Что̀ же ты говоришь съ такимъ раздраженіемъ? Развѣ я тебя этимъ хотѣла обидѣть или разсердить?... Вѣдь ты мнѣ такъ... дорогъ! Я такъ хочу видѣть тебя счастливымъ!... А Идочка можетъ дать тебѣ много, много счастья!... И она такъ любитъ тебя, Валера!...

Муся близко стояла подлѣ брата и, взявъ его за руку, съ сильнымъ волненіемъ и безпокойствомъ смотрѣла на его осунувшееся, поблѣднѣвшее лицо.

— Муся... не мучь меня!..—простоналъ онъ, закрывъ лицо руками; но, какъ бы опомнившись, онъ порывисто привлекъ къ себѣ встревоженную сестру и заговорилъ съ ней быстро, съ напускной веселостью, но все же избѣгая ея взгляда:

— Ну, Мусикъ, передай же письмо Идѣ Борисовнѣ и скажи ей и... Ксеніи Владиміровнѣ, что я прошу позволенія быть у нихъ въ Артиховкѣ!.. Поѣзжай, Мусикъ, съ ними, а я... заѣду за тобой... А теперь... живо готовь, дорогая, вмѣстѣ съ теткой все, что̀ мнѣ нужно въ путь-дорогу!.. Будь, какъ всегда, молодцомъ

и не воображай никакихъ ужасовъ!.. Не безпокойся, Мусикъ... Ну, живо за работу!.. Книги, конечно, я всѣ уже самъ собралъ, а ты съ тетей похлопочи тамъ... насчетъ разнаго тряпья...

Валеріанъ Романовичъ горячо поцѣловалъ сестру и торопливо, вмѣстѣ съ Мусей, понесъ какія-то вещи въ комнату тетки...

— Это я, Идочка!.. Отворите!.. — съ трудомъ переводя дыханіе отъ скорой ходьбы, громко произнесла Муся, нетерпѣливо надавливая пуговку электрическаго звонка въ передней квартиры Чудновской.

Вмѣсто Иды Борисовны, ее встрѣтила Ксенія Владиміровна, съ блѣднымъ, вытянутымъ лицомъ, и, приложивъ палецъ ко рту, молча указала на спящую дѣвушку.

— Должно быть, только недавно уснула!.. — тихимъ шопотомъ сказала Чудновская: — потому что на разсвѣтѣ, когда я проснулась, сидѣла вотъ здѣсь... у окна и... плакала... Еле-еле я уговорила ее лечь въ кровать...

Муся тихо, съ серьезнымъ и встревоженнымъ лицомъ сдѣлала нѣсколько шаговъ впередъ, пристально всматриваясь въ блѣдное лицо Иды Борисовны, и чуть слышно спросила:

— Что съ ней?.. Ужъ не больна ли?..

— Нѣтъ, но... очень много вчера... волновалась... Отъѣздъ Валеріана Романовича... и прочее... Вѣдь она такая воспріимчивая... впечатлительная! Такъ все близко принимаетъ къ сердцу!..

Едва замолчала Чудновская, какъ Ида Борисовна, спавшая некрѣпкимъ, тревожнымъ сномъ, протяжно застонала и открыла глаза.

Въ комнатѣ было очень тихо и мрачно, такъ какъ солнце все еще пряталось за густымъ туманомъ. Молодая дѣвушка медленно приподнялась съ постели и усталымъ, недоумѣвающимъ взоромъ осмотрѣлась кругомъ.

— Муся... вы?.. здѣсь?..—произнесла она дрогнувшимъ голосомъ, и неопредѣленная улыбка скользнула по ея поблѣднѣвшему, измѣнившемуся лицу.

— Милая Идочка, да, я! Я здѣсь, съ вами!..—радостно заговорила Муся, обнимая дѣвушку.

— А... Валеріанъ Романовичъ... гдѣ онъ?.. Уѣхалъ?..—медленно, точно что-то припоминая и взвѣшивая, спросила Ида Борисовна.

— Да, Идочка, уѣхалъ, но... не надолго... — какъ бы поперхнувшись, сказала Муся; а затѣмъ, не давая ей очнуться, точно кто безпощадно торопилъ ее, быстро, оживленно заговорила:

— Я еще вчера такъ рвалась къ вамъ!—но весь день помогала Валерѣ укладывать его вещи, или такъ безъ толку суети-

лась... и такъ я устала, что еле-еле дотянула до вечера!.. Просто, съ ногъ валилась!.. Валера вчера же уѣхалъ въ Петербургъ... Затѣмъ, пришла Магдалина Алексѣевна... Я нахожу, что она здѣсь, въ Кисловодскѣ, очень поправилась, поздоровѣла... Вчера она была такая веселая, играла съ тетей моей въ дурачки и съ такимъ комичнымъ азартомъ, что даже папу развеселила... А затѣмъ, когда я проводила Валеру на вокзалъ, къ намъ явился раздушенный Жоржъ и... началъ, по обыкновенію, развлекать меня какими-то невозможно-скучными каламбурами... Но, видя, что меня совсѣмъ не интересуютъ эти каламбуры, и я почти его не слушаю — разобидѣлся и ушелъ отъ насъ очень надутымъ!.. Дина и Поль... тоже забѣгали къ намъ... Кажется, эта парочка очень влюблена другъ въ друга! Жаль только, что оба они—недоросли... Да и скоро они должны уѣхать отсюда... Впрочемъ, вѣдь они оба живутъ въ Петербургѣ... значитъ, если захотятъ,—могутъ и тамъ видѣться... Еще забыла!.. Жоржъ очень досадовалъ, что вы его вмѣстѣ съ Рисковцомъ вчера не приняли... Онъ спрашивалъ: здоровы ли вы и Ксенія Владиміровна?.. Рисковецъ, кажется, приходилъ прощаться съ вами, потому что вчера же уѣхалъ изъ Кисловодска...

Муся совсѣмъ устала отъ своей собственной болтовни и, тревожно посматривая на неподвижно лежащую, съ апатично-застывшимъ лицомъ, Иду Борисовну, ломала голову, когда же, наконецъ, наступитъ удобный моментъ вручить ей письмо и заговорить о своей поѣздкѣ въ Артиховку, вмѣстѣ съ ними...

...„А, Господи, да о чемъ же еще ей разсказать?!.. — думала Муся:—это все, о чемъ я ей говорила, совершенно не интересуетъ и не развлекаетъ Идочку... Можетъ быть, будетъ пріятнѣе заговорить съ ней прямо объ одномъ Валерѣ и отдать его письмо... А что, если это письмо встревожитъ ее еще больше вчерашняго?.. Если она... заболѣетъ?.. Можетъ быть, Валера пишетъ ей что-нибудь очень, очень непріятное... Онъ такъ вѣдь неопредѣленно и странно отвѣчалъ ей, при прощаніи на вокзалѣ, на всѣ ея вопросы... Говорилъ, напримѣръ, что еще и самъ не знаетъ, когда онъ пріѣдетъ въ Артиховку... что, можетъ быть, и совсѣмъ не пріѣдетъ... Затѣмъ, подумавъ, сказалъ очень грустно, что онъ предполагаетъ, что его могутъ и не принять въ Артиховкѣ... „Всего можно ожидать!..“ И много еще онъ говорилъ въ этомъ родѣ...“

...Господи, а Идочка все молчитъ!.. Даже ни разу не посмотрѣла въ ея сторону... Хотя бы выручила Ксенія Владиміровна... но она—сама такая растерянная, озабоченная... измученная. А

вѣдь нужно же, нужно непремѣнно передать письмо!.. Ну, пусть будетъ, что будетъ!.. Довольно малодушничать и ждать чего-то, какого-то „удобнаго случая“...

И Муся, точно теперь только вспомнивъ о порученіи брата, быстро порылась въ карманѣ, вынула оттуда небольшое письмо и, торопливо, но рѣшительно отдавая его Идѣ Борисовнѣ, весело сказала:

— Ахъ, да, Идочка, я и забыла!.. Вотъ вамъ письмо... отъ Валеры...

Ида Борисовна поблѣднѣла еще больше прежняго и медленно стала распечатывать конвертъ, точно боялась, что въ немъ для нея приготовлено что-то очень непріятное и безповоротно-рѣшающее... Она даже на мгновеніе закрыла глаза и, сжавъ крѣпко маленькій листокъ бумаги въ рукѣ, откинула на подушку голову и въ глубокой задумчивости смотрѣла въ окно, черезъ которое виднѣлись бѣгущія темныя тучи...

Такъ же медленно, не торопясь, она развернула письмо, погладила его съ глубокимъ вздохомъ рукой и стала тихо читать...

Чудновская, все время слѣдившая за Идой Борисовной съ затаеннымъ страхомъ, стояла теперь у ея изголовья и не спускала глазъ съ ея взволнованнаго лица...

— Тетя, читай... Громко прочти!...—вдругъ долетѣлъ до ея слуха тихій голосъ молодой дѣвушки, въ которомъ послышались ей какъ будто отрадныя нотки...

И дѣйствительно, Ида Борисовна немного повеселѣла и, вслушиваясь въ дрожащій голосъ Ксеніи Владиміровны, радостно ловила каждое дорогое для нея слово, закрывъ лицо руками, точно желала, чтобы внѣшнія впечатлѣнія не мѣшали ей всецѣло отдаться счастливому моменту...

„Тяжело мнѣ уѣзжать, Ида Борисовна, не повидавшись съ вами еще хотя нѣсколько минутъ...—читала, задыхаясь, Чудновская:—но теперь я такъ разстроенъ, что не могу... быть у васъ... А такъ бы хотѣлъ, передъ отъѣздомъ, еще хоть разъ взглянуть въ ваши глубокіе добрые глаза!.. Простите меня, Идочка, и разрѣшите пріѣхать въ Артиховку!.. Изъ Петербурга буду писать вамъ много и откровенно обо всемъ, что вы только пожелаете знать... Мой отецъ далъ мнѣ слово, что отпуститъ Мусю въ Артиховку... Просите добрую Ксенію Владиміровну принять ее... Это меня много поддержитъ нравственно и дастъ мнѣ надежду на что-то лучшее... для меня лично... Дорогая!—позвольте мнѣ такъ назвать васъ!—поймите меня—и простите... В. Примовъ“.

Чудновская замолчала, а Ида Борисовна все еще лежала неподвижно, съ застывшей улыбкой на прекрасномъ блѣдномъ лицѣ, и задумчиво смотрѣла въ окно, откуда виднѣлся темный, мрачный горизонтъ, озаренный едва пробивающимся сквозь тяжелыя тучи первыми привѣтливыми лучами солнца...

И казалось теперь молодой дѣвушкѣ, что эти чудные первые лучи—были предвѣстниками ея собственнаго свѣтлаго будущаго счастья...

Между тѣмъ, время приближалось къ отъѣзду Чудновской, Иды Борисовны и Муси изъ Кисловодска.

Ксенія Владиміровна давно уже чувствовала, какъ она утомлена курортной жизнью; особенно въ послѣднее время ей очень безпокойно жилось, благодаря постоянному волненію Иды Борисовны... И ее съ каждымъ днемъ все сильнѣе и сильнѣе тянуло въ Артиховку, тѣмъ болѣе, что Лидія Степановна, въ одномъ изъ своихъ послѣднихъ писемъ, призывала ее уже къ ихъ „общему дѣлу“...

Чудновская теперь рѣдко принимала участіе въ прогулкахъ по окрестностямъ, а больше просиживала въ паркѣ одна, или вмѣстѣ съ Магдалиной Алексѣевной.

Часто въ прогулкахъ по парку ей составлялъ компанію Клеоникъ Ивановичъ, все еще не рѣшающійся никакъ разстаться съ „Нарзанчикомъ“.

— Ото, знаете, Ксенія Владиміровна, — говорилъ онъ ей чуть не каждый день: — завтра уже я съ Полемъ поіду къ своимъ пчелкамъ, а то я даже прокутывся!.. Право!.. Какъ посчиталъ свои грôши, то дай Богъ, чтобы осталась хотя бы „красненькая“ въ дорогѣ „на мелкіе расходы“... Когда я ѣхалъ на Кавказъ, то на всѣхъ вокзалахъ, особенно въ Таганрогѣ, покупалъ то икру, то осетринку... А теперь даже въ Таганрогѣ—не высуну носа изъ вагона!.. Развѣ подлѣ буфета третьяго класса увижу торговку съ жареной рыбой, то куплю себѣ и Полю судачокъ на пятнадцать копѣекъ, да гарбузикъ за пятачокъ — и только!.. А то иначе и не доѣдемъ до хутора, ей Богу!..

— Отчего же вы, Клеоникъ Ивановичъ, такъ неэкономны въ своихъ расходахъ?—смѣясь, спросила Чудновская.

— Къ чему мнѣ экономничать?.. Развѣ я свои грôши оставляю за границей, у нѣмцевъ, что-ли?.. Все равно, когда-нибудь опять вернутся мои грôши, да въ мой же карманъ, потому отдалъ я ихъ своимъ, въ Россіи же! Вотъ що, Ксенія Владиміровна!.. Да еслибы и не вернулись назадъ мои гроши... то

и то мнѣ не жалко!.. Ужъ очень мнѣ понравился „Нарзанчикъ“ и „Чортово око“!..

— Какое „чортово око“?—удивилась Чудновская.

— А „Кольцо-гора“, забыли?.. Помните, когда въ это „кольцо“ при заходѣ заглянуло солнышко и остановилось... въ горѣ?.. Ну, совсѣмъ, какъ посмотрѣлъ я на ту гору — око, да и только!.. Такое красное, большое, да страшное, что даже я испугался и крикнулъ такъ, что всѣ совы проснулись, а летучія мыши такъ и запищали!.. Ну, совсѣмъ—„чортово око“!.. Волшебна, поразительно-красива эта „Кольцо-гора“ въ самый часъ захода солнца!..

Иногда Ксенія Владиміровна такъ бывала занята своими мыслями, что даже не слушала болтовни добродушнаго Клеоника Ивановича и ничего ему не отвѣчала... Тогда онъ сразу умолкалъ и тихонько, безъ всякой обиды и злобы, уходилъ къ своему любимому „Нарзанчику“...

Ида Борисовна, съ Мусей и Жоржемъ, какъ бы прощаясь съ Кисловодскомъ, каждый день предпринимали прогулки по его окрестностямъ. И это зачастую отвлекало молодую дѣвушку отъ ея безпокойныхъ мыслей о ея будущей жизни. Она теперь снова имѣла бодрый и здоровый видъ, но прежней веселости въ ней уже не было; озабоченное, вдумчиво-сосредоточенное выраженіе лица — незамѣтно преобразило ее изъ безпечнаго ребенка въ солидно-серьезную женщину...

Отъ Валеріана Романовича теперь она очень часто получала письма, носящія характеръ искренней исповѣди въ его прошломъ... Но эти письма ее и радовали, и безпокоили, и часто подымали въ ея душѣ цѣлую бурю... ревности и острой обиды... Подчасъ, въ минуту тоскливыхъ размышленій, Ида Борисовна безконечно жалѣла молодую дѣвушку, труженицу, простенькую, забитую, какой Валеріанъ Романовичъ рисовалъ умершую мать своего ребенка въ своихъ письмахъ, — но искренно-любившую и страдавшую „отъ горькой женской доли“...

И тогда назойливые вопросы не давали ей покоя... За что такъ мучилась эта бѣдная, робкая дѣвушка?.. Зачѣмъ полюбила человѣка, не подходившаго къ ней ни по положенію, ни по уму и развитію, ни по происхожденію?.. Она — благоговѣла передъ нимъ, своимъ властелиномъ, любила его безкорыстно, отдалась безъ разсчета, безъ размышленія... И что же получила она въ награду за все это?.. Онъ не могъ за „глубокое чувство“ полуграмотной, недалекой дикарки-Дуни, не понимавшей и даже подчасъ боявшейся его, какъ своего господина, платить такимъ же „глубокимъ чувствомъ“... Не могъ назвать ее „своей женой“

даже и послѣ рожденія сына... Онъ — „какъ это ни гадко, ни пошло“ — смотрѣлъ на нее, на эту неразвитую, забитую женщину и на связь съ нею — какъ на что-то... неизбѣжное, необходимое, но внушающее ему иногда даже гадливость...

Между тѣмъ сынъ его подросталъ... Онъ привязывался къ нему всей душой...

Тогда, мало-по-малу, мысли его стали принимать другой оборотъ... Онъ часто сталъ призадумываться надъ дальнѣйшей судьбой Дуни, надъ ея развитіемъ... Мучился ея крайней неспособностью ко всему, что̀ могло бы хотя немного приблизить ее къ нему и преобразить въ болѣе или менѣе „приличную и достойную подругу жизни“...

А здѣсь... встрѣча въ Желѣзноводскѣ... съ ней, съ Идой Борисовной...

И съ каждымъ днемъ обстоятельства принимали другой оборотъ, мысли о Дунѣ отодвигались куда-то далеко... а чувства къ молодой дѣвушкѣ, умной, прекрасной и милой, — крѣпли замѣтно и осложняли его душевныя муки...

Что̀ будетъ съ его сыномъ, если онъ оставитъ его, ради Иды Борисовны, когда его собственная жизнь улыбнется ему?.. Или... что̀ будетъ съ Дуней, если онъ, разставшись съ ней навсегда, возьметъ къ себѣ сына и усыновитъ его?..

И подобные мучительные вопросы всегда оставались безъ отвѣта... На что̀ онъ рѣшится?.. Чего достигнетъ?.. Онъ самъ не зналъ, что̀ будетъ съ нимъ!

И вотъ неожиданная смерть Дуни разрѣшила сразу одну часть этихъ мучительныхъ вопросовъ... А другая, новая, очень сложная и теперь самая главная — осталась неразрѣшенной: проститъ ли ему Ида Борисовна его увлеченіе Дуней, примирится ли когда-нибудь съ этимъ скорбнымъ фактомъ и захочетъ ли стать его женой?.. Захочетъ ли, дѣля съ нимъ его „радости и печали“, назвать его сына — своимъ?.. Захочетъ ли замѣнить ему навсегда... любящую мать?..

Всѣ эти вопросы, задаваемые Валеріаномъ Романовичемъ въ каждомъ письмѣ къ Идѣ Борисовнѣ, мучили ее несказанно... И она всегда, долго просиживая надъ бѣлымъ, чистымъ листочкомъ почтовой бумаги, отвѣчала ему одной и той же неизмѣнной фразой: „Подождите, Валеріанъ Романовичъ... Дайте мнѣ вдуматься въ самоё себя и взвѣсить, на что̀ я способна... Что̀ я могу дать вамъ и вашему сыну“...

Юлія Левицкая-Пащенко.

ИЗЪ ПЕРЕЖИТОГО

Окончаніе.

II.—Сибирь *).

Тобольская администрація, или, точнѣе, часть ея, прикосновенная къ ссылкѣ, находилась въ то время (1862 г.) въ довольно непріятномъ, опасливомъ настроеніи. Зимою былъ провезенъ черезъ Тобольскъ Михайловъ, литераторъ, извѣстный тогда всей Россіи, беллетристъ, поэтъ, передовой борецъ за эмансипацію женщинъ, —и тобольское общество отнеслось къ нему съ сочувствіемъ, подъ вліяніемъ котораго мѣстныя власти допустили разныя поблажки. Въ Петербургѣ это не понравилось; послѣдовалъ запросъ; заговорили о предстоящемъ разслѣдованіи. Въ этихъ обстоятельствахъ мой невольный пріѣздъ былъ въ высшей степени досаденъ. Какъ быть? Лично я не имѣлъ никакихъ правъ на вниманіе; но нѣкоторый шумъ вокругъ имени былъ; престижъ званія „политическаго ссыльнаго“, или даже того важнѣе—„государственнаго преступника“, все еще поддерживался; студенческихъ избіеній Россія еще не знала; охотнорядцы, положившіе имъ починъ, еще только нарождались или бѣгали безъ штановъ; порода людей, натасканныхъ на перегрызаніи горла, еще не возникала, и молодечествомъ въ подвигахъ этого рода еще не хвастались въ семейномъ кругу и не очаровывали барышенъ лучшаго общества. Вообще, совсѣмъ другое было время, и разрѣшеніе вопроса представлялось въ данныхъ обстоятельствахъ затруднительнымъ. Рецидивъ поблажекъ былъ, конечно, страшенъ; но могли не похвалить и за излишнюю суровость. Реакція очевидна; но

---

*) См. выше: май, стр. 122.

кто ее знаетъ, не остановится ли? Не для реакціи же поѣхалъ въ Польшу ближайшій совѣтникъ и другъ государя, и великая княгиня одѣвается въ польскіе цвѣта.

Подъ вліяніемъ этихъ противорѣчивыхъ вѣяній меня продержали въ тобольскомъ острогѣ до поздней осени, по-сибирски можно даже сказать—до зимы; тогда какъ гораздо проще было тотчасъ сбыть съ рукъ и переотправить.

Меня помѣстили въ маленькомъ одноэтажномъ флигелѣ для привилегированныхъ, гдѣ было, кажется, всего 6—8 комнатокъ въ одно окно. Спали по-двое, на койкахъ первобытнаго устройства. Флигель выходилъ на дворикъ, гдѣ позволялось гулять. Противъ флигеля была стѣна, а поперечная сторона замыкалась амбаромъ, откуда бабамъ-арестанткамъ производилась какая-то выдача, такъ что ихъ тутъ мимо меня проходило довольно много. Никакихъ инцидентовъ, перебранокъ, расправъ, циническихъ выходокъ при этомъ на моемъ виду не случилось.

Обстоятельства моей жизни въ Тобольскѣ сохранились въ моей памяти чрезвычайно неравномѣрно. Безслѣдно исчезло многое, что̀, казалось бы, нельзя забыть. Свои кандалы подъ койкой помню, но не помню, какъ расковывали,—былъ ли въ кандалахъ, когда повели въ экспедицію о ссыльныхъ; былъ ли вновь закованъ, когда повезли въ Иркутскъ. Не помню совершенно, какъ продовольствовался, получалъ ли казенную ѣду, и какую именно, или разрѣшено было покупать свою, и кто ее приносилъ. Не помню, какъ получалъ и отправлялъ письма, которыя тогда имѣли для меня огромное значеніе, ожидались страстно и писались въ очень возбужденномъ состояніи. Съ большимъ трудомъ возстановилась въ памяти фигура смотрителя, который не принималъ со мной начальственнаго тона и рѣдко къ намъ показывался.

Отчетливо помню двухъ послѣдовательныхъ моихъ сожителей, которые отчасти мнѣ прислуживали. Первый былъ какой-то странный проходимецъ польскаго происхожденія, блондинъ, который иногда облекался въ чекмень желтаго цвѣта. По внѣшнимъ примѣтамъ онъ могъ казаться сожителемъ не безопаснымъ, нечистымъ на руку, опытнымъ въ шантажѣ; но мнѣ онъ не нанесъ никакого ущерба, былъ всегда веселъ, охотно факторствовалъ за скромное вознагражденіе, которое принималъ съ шляхетскимъ достоинствомъ, какъ вещь въ сущности совершенно ненужную. Потомъ его перевели въ другую комнату, а со мной помѣстили молодого скопца, съ красивымъ, благороднымъ лицомъ, умнаго, чиннаго, очень благочестиваго. Онъ былъ изъ сѣверныхъ губерній, оскопленъ уже въ юношескомъ возрастѣ, что̀,

конечно, было возмутительнымъ злодѣяніемъ. Въ немъ уже сказывались признаки перерожденія существа: лицо стало нѣжнѣе, волосы шелковистѣе, тазъ шире, походка не мужская. Но голосъ не измѣнился, и онъ очень хорошо говорилъ. Онъ ходилъ постоянно въ халатѣ изъ грубаго сукна, можетъ быть и въ арестантскомъ, только я не помню—туза. По вечерамъ мы иногда дружески разговаривали, и онъ относился ко мнѣ довѣрчиво.

Посѣтителей ко мнѣ являлось немного,—но человѣкъ десять, вѣроятно, было. Хорошее впечатлѣніе произвелъ докторъ Соколовъ, которому я обязанъ разными льготами и, между прочимъ, разрѣшеніемъ ходить гулять въ садъ, устроенный вокругъ памятника Ермака, въ сопровожденіи переодѣтаго жандарма. Затѣмъ я, можно сказать, подружился съ однимъ изъ караульныхъ офицеровъ, поручикомъ линейнаго батальона Каргопольцевымъ, который прямо полюбилъ меня и велъ со мной большіе разговоры. Очень внимательна ко мнѣ была дочь жандармскаго полковника Колина, замужемъ за докторомъ А. Въ первое время она появлялась довольно часто, то одна, то съ мужемъ; и хотя она была дама очень милая и добрая, но я долженъ сказать, что эти посѣщенія меня утомляли, вслѣдствіе необходимости быть на-сторожѣ и вслѣдствіе страха подать поводъ къ злостнымъ провинціальнымъ сплетнямъ. Еще болѣе тяготили меня, конечно, другіе посѣтители, такъ что я былъ радъ, когда пошли слухи о негодующемъ отношеніи начальства къ этимъ знакамъ вниманія, и меня почти совсѣмъ перестали посѣщать. Жандармскій полковникъ былъ у меня только однажды—и не въ самые первые дни, а вѣроятно по полученіи должныхъ указаній. Это былъ типъ, всецѣло принадлежавшій прошлому. Такихъ людей нѣтъ больше. Ему было подъ-восемьдесятъ; но онъ все еще бодрился, носилъ корсетъ, красился, фабрился и румянился, какъ гр. В. Ф. Адлербергъ, о которомъ теперь, конечно, никто не помнитъ. Въ тѣ дни жандармамъ было предоставлено, въ видахъ менѣе замѣтнаго обращенія въ публикѣ, носить внѣ службы общекавалерійскую форму съ краснымъ воротникомъ и золотымъ прикладомъ. Въ этомъ видѣ полковникъ ко мнѣ и явился, въ парадной формѣ, завитой, раздушенный, блистательный. Въ тѣлодвиженіяхъ—живость поразительная: онъ, какъ вихрь, ворвался ко мнѣ, гремя саблей и шпорами, и порывисто меня обнялъ. Я былъ подготовленъ къ его внѣшности, но, признаюсь, онъ превзошелъ ожиданія. Серьезныхъ практическихъ результатовъ это эффектное свиданіе, къ сожалѣнію, не имѣло; но въ мелочахъ, немаловажныхъ для жизни, протекція, безъ сомнѣнія, сказалась, и жандармы,

съ которыми на пути въ Иркутскъ я дѣлился провизіей и двумя бутылками, полученными отъ полковницкой дочки, конечно чувствовали, что надо мной простерта властная рука, и вели себя соотвѣтственно.

Еще болѣе существенную услугу оказала мнѣ добрая полковницкая дочка по части дорожнаго моего снаряженія. Теплаго платья я не имѣлъ никакого, а деньги были очень небольшія; ѣхать же предстояло въ восточную Сибирь въ концѣ октября, т.-е. въ такое время, когда морозы въ 10 — 20° почитаются нормальными и пурги бываютъ жестокія. И вотъ, въ виду этихъ обстоятельствъ, сооружена была, по мысли и при дѣятельномъ участіи любезной докторши, шуба изъ заячьяго мѣха, крытая темнозеленымъ сукномъ, подшитая легкимъ шолкомъ, съ большимъ воротникомъ длинношерстыхъ овчинъ. Къ сему—валенки, шапка и собственнаго вязанія длинный пестрый шарфъ. Благодаренъ за это снаряженіе тѣмъ болѣе, что собственнымъ умомъ едва-ли пошелъ бы дальше вонючаго, тяжелаго и вовсе не теплаго тулупа, который я потомъ бросилъ бы за безцѣнокъ, тогда какъ изъ верха и подкладки шубы я сшилъ себѣ впослѣдствіи нѣчто вродѣ подрясника, который и былъ моей домашней одеждой въ теченіе многихъ лѣтъ.

Не помню, гдѣ шили шубу, въ острогѣ или внѣ онаго; но несомнѣнно, что я неоднократно имѣлъ сношенія съ арестантомъ-портнымъ Мошкой, типичнымъ малорослымъ рыжимъ жидомъ, въ страшныхъ веснушкахъ, замѣчательно безобразнымъ, но умнымъ, съ несомнѣнно живой человѣческой душой. Я видѣлъ его въ минуту глубокаго возмущенія, послѣ нанесенной ему обиды. Онъ былъ страшенъ и въ изступленіи своихъ чувствъ повторилъ передо мной библейскій жестъ, схватился обѣими руками за воротникъ своей грязной сарпинковой рубахи и разорвалъ ее на себѣ. „И ятся Давидъ за ризы своя, и раздра я“...

Всего болѣе для меня интереснымъ было свиданіе съ Шелгуновыми, которые ѣхали на Нерчинскіе заводы для свиданія съ Михайловымъ. Они оба — и, конечно, въ особенности Любовь Петровна—отнеслись ко мнѣ самымъ дружескимъ образомъ, хотя ранѣе никогда меня не видали, и настояли на томъ, чтобы снабдить меня деньгами, говоря, что современемъ получатъ ихъ отъ сестры.

Продолжительность совершенно безцѣльной задержки моей въ Тобольскѣ, съ начала лѣта до поздней осени, можетъ быть объяснена, мнѣ кажется, единственно неопредѣленностью тогдашняго положенія вещей. Начальникъ экспедиціи о ссыльныхъ Фри-

зель (впослѣдствіи томскій вице-губернаторъ, а еще позднѣе управляющій золотыми промыслами Хатимскаго) сказалъ мнѣ съ самаго начала, что меня въ западной Сибири не оставятъ, но, повидимому, далъ ходъ моему ходатайству и не вдругъ получилъ отвѣтъ, или самостоятельно нашелъ возможнымъ не спѣшить этимъ дѣломъ.

Въ умственномъ отношеніи пребываніе въ тобольскомъ острогѣ было главнымъ образомъ посвящено чтенію Шекспира и усовершенствованію въ англійскомъ языкѣ. Въ русскихъ и въ особенности во французскихъ переводахъ Шекспиръ не производилъ на меня глубокаго впечатлѣнія; а тутъ я былъ прямо восхищенъ, очарованъ...

Много чудныхъ часовъ провелъ я въ тобольскомъ острогѣ въ радостномъ, вдохновляющемъ общеніи съ образами Шекспировскаго міра — всего больше по вечерамъ, конечно, когда острожная жизнь затихала и сквозь завываніе осенняго вѣтра и шумъ дождя изрѣдка доносились лишь далекіе оклики часовыхъ. Все мучительное и тягостное забывалось, тюремный сводъ исчезалъ, душа горѣла и умилялась, и надъ жалкимъ узникомъ стояли разверстыя небеса. Рано пошлѣютъ и тупѣютъ тѣ, кто въ молодые годы не зналъ подобныхъ чтеній. Только ихъ благодатной силой я и живъ до сихъ поръ.

Въ концѣ октября, сомнѣнія экспедиціи о ссыльныхъ, или жандармскаго управленія, относительно меня разсѣялись, и меня переотправили въ восточную Сибирь. Выѣхалъ я подъ вечеръ, такъ что уже совсѣмъ въ темнотѣ простился съ явившейся проводить меня полковницкой дочкой, г-жей А.

Выраженія сочувствія Михайлову и мнѣ не прошли безнаказанно для тобольской администраціи. По предварительномъ истязаніи запросами и волокитой, былъ присланъ въ Тобольскъ генералъ-адъютантъ Сколковъ, и по его докладу виновные подверглись оштрафованію,—кажется, не весьма жестокому. Въ числѣ прочихъ нѣсколько пострадалъ и докторъ Соколовъ. Читатель уже знаетъ, что я лично не желалъ оказанныхъ мнѣ знаковъ вниманія, тяготился ими, и непріятная развязка тобольской исторіи окончательно меня убѣдила въ необходимости рѣшительнѣе уклоняться отъ сближенія съ любопытствующими сплетниками и даже съ самимъ начальствомъ. Пострадавъ случайно, внѣ всякой соразмѣрности съ заслугой, я твердо рѣшился избѣгать всего, что могло—и непремѣнно должно было—отягчить мою участь и закрыть мнѣ возвратъ въ прежнія условія жизни. Всего пагубнѣе въ этомъ отношеніи были бы, конечно, сношенія съ другими по-

литическими ссыльными; но я ѣхалъ первымъ, и мнѣ почти не пришлось съ ними встрѣчаться. Въ Тобольскѣ ко мнѣ заходилъ побесѣдовать разжалованный поручикъ Каплинскій, едва-ли не первый изъ сосланныхъ изъ Царства Польскаго, стройный, щеголеватый молодой человѣкъ, блондинъ съ волнистыми волосами, который пошелъ въ походъ изъ Тобольска въ прежнемъ кепи, башлыкѣ, буркѣ и красивыхъ тѣсныхъ сапогахъ. А холода приближались. Впослѣдствіи, въ Петровскомъ заводѣ, когда пригнали туда поляковъ, я жилъ на свободѣ, а они содержались въ реставрированномъ для нихъ острогѣ декабристовъ, откуда выходили только партіями, подъ конвоемъ, на умѣренныя работы, главнымъ образомъ, на битье щебенки. Письменнымъ путемъ мнѣ дважды выражено было сочувствіе, и я отвѣчалъ также теплымъ выраженіемъ сочувствія; но прибавилъ, что сношенія такого рода не считаю полезными, и просилъ меня извинить. Я не нуждался ни въ чьемъ сочувствіи, и своему доброжелательству не придавалъ никакой цѣны. Позднѣе, въ Иркутскѣ, для меня стала обязательна сугубая осторожность, такъ какъ жандармскимъ штабъ-офицеромъ былъ мой близкій родственникъ, и я все время пребывалъ въ кругу его ближайшаго воздѣйствія.

На пути изъ Тобольска въ Иркутскъ, я встрѣчался на станціяхъ съ нервнымъ молодымъ человѣкомъ, который производилъ довольно странное впечатлѣніе. Онъ называлъ себя студентомъ, пострадавшимъ, обиженнымъ богатыми родственниками—все это несвязно и невѣроподобно. Тѣмъ не менѣе, онъ, очевидно, имѣлъ въ Томскѣ кое-какія связи, такъ какъ выхлопоталъ мнѣ позволеніе провести въ Томскѣ ночь на чьей-то частной квартирѣ— по всей вѣроятности, подвѣдомственной жандармскому управленію. Я никакого мундирнаго человѣка не видалъ; но вѣрно то, что когда молодой человѣкъ вернулся изъ города на почтовую станцію, гдѣ просилъ насъ подождать его, то мои жандармы согласились перевезти меня на сказанную квартиру, гдѣ мнѣ предоставлены были разныя желательныя путнику льготы. Съ разсвѣтомъ мы продолжали путь.

Всего болѣе тягостное впечатлѣніе на этомъ пути производятъ, конечно, арестантскіе этапы, за стѣнами которыхъ совершается столько ужасовъ, и партіи арестантовъ, въ кандалахъ и прикованныхъ къ пруту, въ безобразномъ рубищѣ, скрюченныхъ морозомъ, а сзади—повозки съ несчастными женщинами и дѣтьми. Обгоняешь, видишь ихъ недолго; но лязгъ цѣпей упорно стоитъ въ ушахъ и не скоро исчезаетъ.

Мы пріѣхали въ Иркутскъ 11-го ноября (1862 г.),—кажется,

въ воскресенье, часу въ одиннадцатомъ утра. Повезли меня къ губернатору; но на пути встрѣтился жандармскій полковникъ, въ саночкахъ, запряженныхъ бойкой рыжей лошадкой. Онъ тотчасъ остановилъ свою команду, мы всѣ вышли изъ саней, онъ поздоровался, поговорилъ немного и отпустилъ насъ. У губернатора Щербатскаго мы постояли въ прихожей, или въ пріемной вродѣ прихожей; губернаторъ полюбопытствовалъ, взглянулъ на насъ, и мы прослѣдовали въ острогъ, гдѣ меня помѣстили въ камерѣ довольно большой, высокой, но весьма грязной и мрачной, съ маленькимъ рѣшетчатымъ отверстіемъ подъ самымъ потолкомъ, которое придавало моей темницѣ весьма оперный характеръ. Здѣсь меня въ тотъ же день посѣтило нѣсколько лицъ, въ томъ числѣ казачій офицеръ Станюковичъ,—кажется, сынъ адмирала. Вечеромъ пріѣхалъ жандармскій полковникъ, сидѣлъ довольно долго, бесѣдовалъ по родственному и привезъ мнѣ чаю.

Не помню, сколько времени я просидѣлъ въ оперной темницѣ; вѣроятно, не болѣе двухъ-трехъ дней; но настроеніе духа было самое тоскливое. Потомъ я переѣхалъ на квартиру къ полковнику и вскорѣ былъ переотправленъ на Александровскій винокуренный заводъ, верстахъ въ 50-ти отъ Иркутска. Тамъ я жилъ на квартирѣ у состоятельнаго крестьянина, занималъ отдѣльную избу и ходилъ заниматься въ заводскую канцелярію. Начальникомъ завода былъ совсѣмъ дряхлый старикъ, съ бѣлой головой и чрезвычайно глубокими морщинами, и жилъ онъ на покоѣ, а всѣмъ дѣломъ заправлялъ чиновникъ по найму, бурятъ Денисъ Васильевичъ Гантимуровъ, отлично говорившій по-русски, умный и пріятный въ обхожденіи. Онъ отнесся ко мнѣ очень сочувственно, бывалъ у меня, приглашалъ къ себѣ обѣдать вдвоемъ, привозилъ фляги чудной водки съ привкусомъ вишневыхъ косточекъ. За все сіе онъ былъ впослѣдствіи вознагражденъ, ибо лѣтъ черезъ двадцать-пять вполнѣ неожиданно явился—очень мало постарѣвшій—ко мнѣ въ Петербургъ, и благодаря содѣйствію Плена (вице-директора д-та неокладныхъ сборовъ) мнѣ удалось устроить ему какой-то зачетъ, обезпечившій ему пенсіонныя права, безъ сомнѣнія вполнѣ имъ выслуженныя. И по обѣденной части я также съ нимъ разсчитался.

Съ крестьянской семьей, въ которой я пристроился, я жилъ въ хорошихъ отношеніяхъ. Хозяйка кормила меня сытно; прислуживали племянницы, Надежа и Параня; былъ подростокъ-воспитанникъ, женившійся впослѣдствіи на Паранькѣ; у племянницъ—подруги. Иногда эта компанія собиралась по вечерамъ у меня; затѣвались пѣсни, игры. Всего больше веселья было,

конечно, на святкахъ и на масляницѣ, когда всѣ, старъ и младъ, предавались съ увлеченіемъ главному своему удовольствію, катанію по улицамъ. Выѣзжалъ кто только могъ и на чемъ могъ, но при малѣйшей возможности выѣзжалъ непремѣнно. Себѣ я, однако, ни разу не позволилъ участвовать въ этихъ катаніяхъ и ограничивалъ публичную свою жизнь ежедневными пѣшими прогулками.

Тѣневую сторону существованія заводскихъ дѣвицъ составляло отбываніе ежедневной, весьма тягостной повинности: утромъ, до разсвѣта, и вечеромъ въ самую темень должно было запрячь бочку и ѣхать на заводъ за бардой въ кормъ скоту. Въ жестокую стужу, замотанная въ грязное тряпье, садилась дѣвушка на бочку въ позѣ египетскаго божества и ѣхала въ толпу такихъ же бочекъ, пререкалась и переругивалась тамъ достаточное время и затѣмъ, наполнивъ бочку, отвозила ее домой, послѣ чего стремительно врывалась въ избу, отогрѣться.

Въ Александровскомъ заводѣ жилъ въ то время Владиміръ Ѳедосѣевичъ Раевскій, современникъ декабристовъ и всегда причислявшій себя къ нимъ,—онъ и былъ имъ. О немъ впослѣдствіи много было писано, и я полагаю, что ничего цѣннаго не могу къ этому прибавить. Для меня несомнѣнно, что въ немъ погибла личность, выдающаяся по уму, энергіи и если не поэтическому, то во всякомъ случаѣ стихотворному дарованію; но въ 1862 г. онъ, конечно, былъ уже опустившимся старикомъ, обойденнымъ жизнью, утратившимъ связи, которыя, говорятъ, когда-то были. Путанно, сбивчиво разсказывалъ онъ обстоятельства своей жизни и своихъ отношеній къ людямъ. Не получалось впечатлѣнія достовѣрности и не проявлялось ничего способнаго возбудить симпатію къ личности. Онъ жилъ въ собственномъ, довольно хорошемъ домѣ, держалъ лошадь; но на всемъ лежала печать обѣднѣнія и въ домашнемъ обиходѣ проглядывала скаредность. Не знаю его отношеній къ винному дѣлу и сохранялись ли они въ прежней значительности, но они еще существовали. Мы видѣлись нѣсколько разъ въ первое время, а потомъ свиданія прекратились, и я не умѣю сказать, почему и какъ это произошло. Небольшого роста, довольно плотный, онъ носилъ коротко остриженные волосы и бакенбарды, быть можетъ нѣсколько подкрашенные, но все еще черные. Русская рѣчь—отличная, своеобразная. Минутами, когда онъ читалъ стихи или разсказывалъ что-нибудь возбуждающее, къ нему возвращалась осанка человѣка властнаго, безстрашнаго. Стиховъ онъ мнѣ читалъ много, но я помню только двѣ строки о томъ, какъ въ Новѣгородѣ—

„.. сокрушали всенародно
Князьямъ кичливымъ рамена“.

Всего интереснѣе были его разсказы о недавнемъ сибирскомъ проконсулѣ Муравьевѣ, о сочиненномъ имъ сибирскомъ сепаратизмѣ, его стремленіи унизить сибиряковъ, не давать имъ ходу, и весь составъ чиновниковъ прислать изъ Россіи. Образчики этого наѣзжаго чиновничества, любимцы Муравьевскіе, Беклемишевъ, Гурьевъ и другіе—оказались, однако, неудачными и возбудили общую къ себѣ ненависть. Дуэль Беклемишева съ Неклюдовымъ —или, какъ тогда говорили, убійство Неклюдова Беклемишевымъ— все еще было вопросомъ дня. Архіерей воздѣвалъ руки горѣ и съ чувствомъ говорилъ: „Никогда себѣ не прощу, что самъ его не отпѣлъ“. Жандармскій полковникъ гордился тѣмъ, что несъ гробъ. Когда Муравьевъ возвратился въ Иркутскъ и узналъ объ обстоятельствахъ дуэли, онъ сказалъ Беклемишеву: „Ну, братъ, заварилъ ты такую кашу, что, пожалуй, и мнѣ не расхлебать“. И дѣйствительно не расхлебалъ...

Не знаю, само ли иркутское начальство, подъ вліяніемъ командировки Сколкова, нашло, что Александровскій заводъ слишкомъ отъ Иркутска близокъ, или пребываніе мое тамъ признали неудобнымъ въ Петербургѣ, но во всякомъ случаѣ, послѣ масляницы 1863 г., меня перевезли въ Петровскій заводъ. Мнѣ жаль было уѣзжать: я обжился, привыкъ; а главное, меня огорчало увеличеніе разстоянія отъ дома: въ лучшее время года на недѣлю, а въ распутицу—на двѣ недѣли и болѣе.

Многое изъ того, что̀ касается моей личной жизни въ Петровскомъ заводѣ и позднѣе въ Иркутскѣ, уже разсказано мною въ двухъ очеркахъ: „Расчетъ“ и „Прикащичья внучка“, помѣщенныхъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“ (апрѣль 1880, іюнь и іюль 1882 г., подъ псевдонимомъ Петра Ветлугина и Ив. Бредихина). Но еще ранѣе, въ 1874 году, тотчасъ по пріѣздѣ въ Одессу, я написалъ „Очерки сибирской жизни“, которые ближайшіе мнѣ лица отсовѣтовали мнѣ тогда отдавать въ печать. Часть разсказаннаго тамъ вошла въ помянутые два очерка; а остальное я переработалъ въ концѣ 1883 года и послалъ въ „Отечественныя Записки“. Имѣю въ рукахъ записку М. Е. Салтыкова, который съ обычной добротой сообщилъ мнѣ, отъ 12-го декабря, что „Очерки“ будутъ напечатаны, но что онъ не можетъ опредѣлить, когда именно, въ виду большого накопленія матеріала. Напечатать, однако, не пришлось, такъ какъ журналъ былъ вскорѣ закрытъ, а рукопись затерялась, потому что я около этого времени поступилъ на службу по морскому вѣ

домству и не позаботился получить ее обратно. У меня остались лишь неполные черновые листки.—Но возвращаюсь къ разсказу.

Петровскій заводъ, съ большимъ прудомъ и двумя доменными печами, окруженный лѣсистыми холмами, всѣ тропинки которыхъ впослѣдствіи были исхожены мною, открывается путнику, подъѣзжающему изъ Верхнеудинска, съ пригорка верстахъ въ двухъ или менѣе, и въ ясную погоду, какая была въ то утро, онъ достаточно живописенъ. На противоположномъ выѣздѣ и вправо отъ обывательскихъ строеній привлекаетъ вниманіе высокій потемнѣвшій частоколъ острога декабристовъ; а прямо передъ глазами, на высокомъ безлѣсномъ холмѣ выдѣляется на ясномъ небѣ громадный бѣлый крестъ, вытесанный и поставленный руками Лунина, почему и холмъ называется „Луниной горой“.

Меня привезли къ дому начальника завода, горнаго инженера Н. Н. Дубровина, который принялъ меня вполнѣ оффиціально, буркнулъ весьма немногія слова; но на вопросъ мой, что ему угодно будетъ приказать насчетъ моего помѣщенія, отвѣчалъ: „А это уже какъ вамъ самимъ угодно будетъ распорядиться“. Затѣмъ я представился помощнику начальника завода, тоже горному инженеру, А. Н. Таскину, и получилъ отъ него совѣтъ тотчасъ отправиться къ И. И. Горбачевскому, который мнѣ окажетъ всяческое содѣйствіе.

Скажу сразу все касающееся начальства, ибо это все заключается въ томъ единственно, что Н. Н. Дубровинъ держалъ себя относительно меня чрезвычайно умно. Я былъ увѣренъ въ его благосклонности; но во всю бытность мою на заводѣ я ни разу его не видѣлъ иначе, какъ на улицѣ, издали. Въ столярную мастерскую, гдѣ я работалъ, онъ при мнѣ не заходилъ; да, по чистой совѣсти, не на что было тамъ смотрѣть начальнику завода. Таскинъ обходилъ и эту мастерскую, и безмолвно кланялся. Только разъ въ годъ мы съ нимъ встрѣчались неоффиціально—во время весенняго крестнаго хода къ ветхой часовнѣ на одной изъ горъ. Тутъ мы разговаривали, весьма сдержанно, и пили чай вмѣстѣ съ знакомыми дѣвушками. Съ осени 1863 года, когда острогъ наполнился поляками, начальственный персоналъ дополнился третьимъ лицомъ, комендантомъ, казачьимъ офицеромъ, носившимъ громкую и страшную въ то время на Нерчинскихъ заводахъ фамилію Разгильдѣева. Въ другой обстановкѣ, можетъ быть, и онъ пошелъ бы по слѣдамъ брата; но у насъ онъ не свирѣпствовалъ; а мнѣ, тогда уже заводскому старожилу, съ установившейся репутаціей совершенной корректности,

онъ даже предложилъ, черезъ И. И. Горбачевскаго, давать ему уроки французскаго языка. Это былъ высокій, сильный брюнетъ съ изжелта-смуглымъ лицомъ монгольскаго типа, хотя и съ волнистыми, чрезвычайно густыми волосами. Онъ занимался старательно, къ урокамъ готовился, и тридцать рублей въ мѣсяцъ платилъ аккуратно. Ни однимъ постороннимъ словомъ мы за уроками не обмолвливались, и встрѣчались менѣе оффиціально опять-таки только разъ въ годъ, во время крестнаго хода.

Съ подвластными коменданту ссыльными поляками я не имѣлъ сношеній. Острогъ декабристовъ я засталъ совершенно пустымъ и уже весьма ветхимъ; но вскорѣ его стали капитально ремонтировать, и затѣмъ онъ быстро наполнился. О размѣщеніи и содержаніи ссыльныхъ ничего не знаю. Во дворѣ былъ разведенъ большой огородъ. Письма доставлялись, конечно, просмотрѣнныя комендантомъ. Заводскія дѣвушки не чрезмѣрно строгаго поведенія, которыхъ къ нимъ пускали, называли ихъ „секлетными“ и любили къ нимъ ходить. Собственныхъ денегъ имъ было позволено выдавать на руки не болѣе 25 р. въ мѣсяцъ. По вечерамъ оттуда часто слышалось хорошее хоровое пѣніе. При возвращеніи моемъ съ прогулки по ближайшимъ горамъ, эти звуки часто заставляли меня останавливаться и слушать. Иногда ссыльные пѣли пѣсни, отправляясь на работу или возвращаясь съ нея. Словъ я не могъ разслышать, и даже не въ состояніи былъ бы сказать, на какомъ языкѣ они пѣли. На работу ихъ посылали на настоящую, бить руду и т. п., во всякую погоду, но, впрочемъ, съ такимъ разсчетомъ, который обезпечивалъ отдыхъ. Разъ въ столярную мастерскую, которую я посѣщалъ утромъ и послѣ обѣда, на короткое время, пришли точить инструменты четыре человѣка: одноглазый французъ Андреоли, австріецъ графъ Карольи и два поляка. Андреоли былъ въ общеустановленномъ арестантскомъ полушубкѣ, сверхъ арестантской рубахи, которая тоже не сходилась, такъ что широкая полоса груди была совершенно обнажена. Графъ Карольи, статный мужчина, съ подстриженными баками, былъ одѣтъ хорошо, въ венгеркѣ изъ темнаго крестьянскаго сукна и въ что ни на есть первый сортъ таежныхъ сапогахъ. Конечно, тутъ же конвойные со штыками,—все какъ слѣдуетъ. Я бы весьма предпочелъ не встрѣчаться; но разъ встрѣча произошла, попросилъ у нихъ позволенія помочь имъ и вступилъ въ бесѣду, имѣя прежде всего въ виду исполненіе своей обязанности какъ русскаго и, такъ сказать, хозяина дома по отношенію къ двумъ иностранцамъ. Бесѣдовалъ—о чемъ было прилично. На замѣчаніе мое о необходимости остерегаться си-

бирскихъ морозовъ, Андреоли отвѣчалъ: „Oh, moi, j'ai une santé de fer!“ По наружности этого нельзя бы было подумать; но онъ говорилъ бойко и вообще держался молодцомъ. Единственный глазъ дѣятельно все оглядывалъ. Сибирскую передрягу онъ, дѣйствительно, выдержалъ благополучно и въ ноябрѣ 1866 года былъ провезенъ черезъ Иркутскъ, en route во Францію. Графъ Карольи, казавшійся несравненно его крѣпче, не дожилъ до этого времени и умеръ въ Петровскомъ заводѣ.

И. И. Горбачевскому Андреоли не разъ писалъ записки по разнымъ дѣламъ и получалъ отъ него книги. Чрезвычайно его возмутила слѣдующая штука. Въ заводѣ существовало фортепіано, и Андреоли выпросилъ у проѣзжавшаго губернатора разрѣшеніе перевезти его въ острогъ; но комендантъ все-таки не позволилъ. Хотѣлось также ссыльнымъ выписать „Opinion Nationale“, что̀, повидимому, тоже не удалось. Свою первую записку къ И. И. Горбачевскому (а можетъ быть и не одну первую, не помню) Андреоли подписалъ: „Andréoli, journaliste, à Paris“.

Двухъ-этажный домъ, занимаемый начальствомъ, былъ нѣкогда домомъ Трубецкихъ. Простой, бревенчатый, онъ, однако, выдѣлялся изъ всѣхъ заводскихъ зданій стройностью и красотой размѣровъ. У одного изъ оконъ верхняго этажа, по словамъ И. И. Горбачевскаго, неизмѣнно сидѣла въ былые дни, съ какимъ-нибудь вязаньемъ на длинныхъ спицахъ, типичная большая барыня, вѣчно скучавшая княгиня Трубецкая, рожденная графиня Лаваль. Прежній начальственный домъ вообще пустовалъ; но нѣсколько мѣсяцевъ тамъ прожилъ при мнѣ вызванный изъ Нерчинска по какимъ-то непріятностямъ горный начальникъ Дейхманъ,—человѣкъ съ репутаціей ума и образованности,—и я давалъ уроки его дѣтямъ: барышнѣ Екатеринѣ Оскаровнѣ и мальчикамъ. Барышня тогда же вышла за Н. Н. Дубровина и впослѣдствіи была причастна литературѣ. Не всѣ, однако, уроки оплачивались прилично. Былъ у меня одинъ ежедневный урокъ, по 1 р. 50 коп. въ мѣсяцъ, сыну старшаго заводскаго чиновника; но я этимъ не тяготился, потому что мальчикъ былъ чистенькій, унаслѣдовавшій отъ матери ласковые бархатные глазки, и иногда приносилъ мнѣ отъ этой маменьки гостинцы,—то бутылку наливки, то какое-нибудь пирожное.

Домъ И. И. Горбачевскаго, куда я проѣхалъ послѣ представленія начальству, находился на главной улицѣ и представлялъ изъ себя простую избу, но избу большихъ размѣровъ, сложенную изъ чрезвычайно толстыхъ бревенъ—не знаю, какого

дерева—лиственницы или особенной сосны,—получающихъ отъ времени не нашъ обыкновенный сѣрый цвѣтъ, а искрасна-бурый, очень красивый. Хозяинъ былъ крупный человѣкъ и все у него было крупное. Передняя изба, съ тремя большими окнами, состояла изъ одной комнаты, безъ перегородки. Мебель самая простая — столъ передъ диваномъ, поставленнымъ спиной къ окнамъ, громадный. Книгъ довольно много. Печь голландская бѣленая. Соотвѣтственныхъ размѣровъ была и кухня въ задней половинѣ избы, гдѣ хозяйствовалъ старикъ поваръ-самоучка Калинка. Дворъ, обставленный хозяйственными постройками, былъ очень большой.

Ивану Ивановичу было въ то время шестьдесятъ-три года. Онъ былъ широкій мужчина, нѣсколько выше средняго роста, съ крупной, мало посѣдѣвшей головой, причесанной или растрепанной на манеръ генераловъ Александровыхъ дней, но при пушистыхъ усахъ и бакенбардахъ. По внѣшности онъ былъ бы на своемъ мѣстѣ только въ обстановкѣ корпуснаго командира. И говоръ у него былъ важныхъ старцевъ, барскій, густой, чисто русскій, безъ малѣйшаго слѣда хохлацкаго происхожденія или сибирскаго навыка. Такой же барскій, всегда благосклонный, былъ у него и взглядъ. Во всемъ онъ былъ бариъ, и прежде всего въ щедрости. Онъ могъ не дать совсѣмъ, когда не было—и тогда онъ конфузился, — но дать щепоткой, отсчитать онъ не могъ. Подъ львиною наружностью былъ онъ человѣкъ добрый и нѣжный до слабости, изысканно вѣжливый и деликатный. Въ школѣ, гдѣ онъ учился, воспитателями были іезуиты, и я его дразнилъ, что въ немъ все еще сохраняются разныя, къ обольщенію людей направленныя ухищренія. Костюмъ всегда былъ одинъ: по утрамъ сѣрый халатъ на бѣлыхъ мерлушкахъ, рубашка красная, а затѣмъ суконная черная сюртучная пара, мѣстнаго мастерства, безъ притязанія на современность, двубортный жилетъ съ воротникомъ поверхъ высокаго галстука. Дневной обиходъ былъ неизмѣнно одинъ: утромъ — чай, трубка, хозяйство, почта, посѣтители—и въ числѣ ихъ всегда плутоватый машинистъ, причастный къ исполненію заказовъ, по которымъ Иванъ Ивановичъ коммиссіонерствовалъ. И всегда облака дыма. Затѣмъ, около полудня, надѣвъ картузъ съ прямымъ козырькомъ и черное пальто, старикъ уѣзжалъ обѣдать къ начальству въ присланномъ за нимъ экипажѣ, который въ свое время и привозилъ его обратно. Часика два-три спустя, начальство неизмѣнно являлось къ нему бесѣдовать и читать газеты за вечернимъ чаемъ. Картъ не было. Къ этой компаніи иногда присоединялся сосѣдъ купецъ Бѣло-

зеровъ; бывали и нѣкоторыя другія лица. Читалъ онъ аккуратно „Петербургскія Вѣдомости“ и „Revue Britannique“. Имѣлъ также множество нумеровъ „Revue des deux Mondes“, которые ему присылалъ нашъ дипломатическій агентъ въ Пекинѣ, Бюцовъ. Любимой книгой, которую онъ всего чаще бралъ, ложась въ постель, были Ламартиновскіе „Жирондисты“, и французскія книги онъ вообще значительно предпочиталъ русскимъ. Но французской его рѣчи я не слыхалъ.

Меня онъ принялъ до крайности ласково и любовно, и тотчасъ распорядился помѣстить меня въ передней избѣ одной покровительствуемой имъ крестьянской, или точнѣе, заводской семьи. Эти добрыя отношенія, установленныя имъ въ первый день нашего знакомства, и съ благодарной отзывчивостью принятыя мною, продолжались, безъ малѣйшаго облачка, до послѣдняго дня бытности моей въ заводѣ и поддерживались затѣмъ письменнымъ путемъ до послѣднихъ дней его жизни. Его послѣднее письмо ко мнѣ, написанное уже ослабѣвшей рукой, было отъ 12 декабря 1868 г., а умеръ онъ, послѣ почти двухлѣтней мучительной болѣзни, 9 января 1869 г.

Въ бытность мою въ заводѣ я никогда не вызывалъ его на разсказъ о далекомъ прошломъ; но, конечно, онъ не могъ не касаться этого, также какъ и о недавней Муравьевской эпохѣ. Показывалъ онъ мнѣ также собранные имъ портреты товарищей, вошедшіе въ изданіе Зензинова, и при этомъ, разумѣется, знакомилъ съ болѣе интересными личностями. Понятно, однако, что при частыхъ, почти ежедневныхъ сношеніяхъ, подобный архивный матеріалъ могъ имѣть вообще лишь весьма второстепенное значеніе. Горячую симпатію къ личности Ивана Ивановича, любовное уваженіе къ нему, внушали прежде всего его чрезвычайная доброта, живое, участливое отношеніе ко всѣмъ, отсутствіе всякой заботы о себѣ. Свой правильный, трезвый взглядъ на вещи онъ доказалъ тѣмъ, что не захотѣлъ возвратиться въ Россію. Ему было разрѣшено жить въ Петербургѣ, куда усиленно звала его сестра (въ супружествѣ Квистъ), причемъ ея сынъ, извѣстный профессоръ фортификаціи, поддерживалъ ея настоянія посулами, что они будутъ жить вмѣстѣ и разговаривать. Ничего другого, конечно, и нельзя было написать; но понятно, что это не прельстило старика, который привыкъ быть бариномъ въ своей избѣ и въ сношеніяхъ со всѣми окружающими, и близко сроднился съ хорошо ему знакомымъ, прекраснымъ и въ то время по-своему вольнымъ краемъ. Да, въ то безтелеграфное, безрельсовое время, въ глухихъ углахъ Забайкалья была своего

рода воля,—воля чистаго воздуха, на малыхъ хотя вершинахъ, воля простой жизни, вдали отъ ненужныхъ условностей и всего, что засоряетъ, гадитъ и принижаетъ душу. Даже въ условіяхъ ссылки и я могъ въ томъ краѣ извѣдать эту волю, и за это навсегда его полюбилъ.

Иванъ Ивановичъ постоянно читалъ мнѣ письма, которыя получалъ отъ другихъ декабристовъ, а также свои отвѣты. Всѣхъ чаще писалъ кн. Евг. Оболенскій—всегда очень длинныя письма въ елейно-религіозномъ духѣ; затѣмъ, тоже длинно, но о дѣлахъ земныхъ, писалъ Д. И. Завалишинъ. Довольно аккуратныя сношенія были съ Н. Д. Фонъ-Визиномъ и съ М. А. Бестужевымъ, тоже не пожелавшимъ покинуть свой Селенгинскъ. Однажды Ив. Ив. ѣздилъ съ нимъ повидаться и оттуда проѣхалъ въ Кяхту, къ пограничному коммиссару Пфаффіусу. Очень заботливо снарядили и укутали старика, такъ какъ дѣло было уже въ морозную осеннюю пору. Онъ восхитился кяхтинскими огородами и привезъ оттуда удивительныхъ овощей, а также мороженыя яблоки и очень вкусную пастилу, вродѣ желе или нашей мокрой клюквенной пастилы, но изъ разныхъ хорошихъ ягодъ.

Главнымъ дѣловымъ корреспондентомъ и заказчикомъ Ивана Ивановича былъ золотопромышленникъ или управляющій пріисками горный инженеръ, кажется, отставной полковникъ, Ив. Францовичъ Буттоцъ, умный, образованный человѣкъ, который оказался моимъ истиннымъ благодѣтелемъ, такъ какъ онъ аккуратно присылалъ мнѣ (конные буряты привозили въ сумахъ) газету „The Mail" и разныя хорошія англійскія книги, изъ которыхъ одну—„О свободѣ", Милля—въ подарокъ, съ надписью. Нумера „Mail" постоянно сопровождали меня въ моихъ дальнихъ поѣздкахъ и поддерживали во мнѣ живое общеніе съ міромъ, отъ научныхъ вопросовъ и парламентскихъ преній до туалетовъ высокопоставленныхъ дамъ включительно. Съ англійскими политическими дѣятелями я перезнакомился коротко. Разъ Буттоцъ пріѣзжалъ на заводъ, и мы втроемъ обѣдали и ужинали у Ивана Ивановича, при чемъ Буттоцъ угощалъ меня портеромъ, говоря, что и въ Петербургѣ кислѣе пьютъ.

Иванъ Ивановичъ былъ склоненъ къ несправедливымъ пристрастіямъ, и я горячо возмущался этой слабостью по поводу двухъ слѣдующихъ проявленій. Въ семьѣ, гдѣ я жилъ, были два маленькіе мальчика, трехъ-двухъ-лѣтніе, и вотъ старшаго гораздо лучше одѣвали и каждодневно водили къ старику, гдѣ сажали на диванъ къ его столу и обильно кормили. Онъ никогда не говорилъ, не выражалъ никакихъ дѣтскихъ чувствъ, сидѣлъ не-

подвижно и только ѣлъ, упершись большимъ вдумчивымъ лбомъ въ пространство. А бѣдному младшему никогда не перепадало ни одной крохи. Одинокій, часто обижаемый, онъ бѣгалъ по двору въ затасканной рубашонкѣ, и однажды, поймавъ курицу, сталъ ее топить въ кадкѣ, приговаривая: „Что, не любишь!“ — слова, которыя онъ, безъ сомнѣнія, часто слыхивалъ самъ. Затѣмъ, была во дворѣ маленькая собачка, Мушка, и жила счастливо, пока не подарили ея хозяину борзого щенка, который выросъ въ нескладную, не чистыхъ статей, чрезвычайно трусливую собаку. Мушка сразу все потеряла, а любимцу покупали громадныя порціи мяса, которое бы годилось людямъ. Однажды нелѣпая борзая вырыла передъ домомъ громадную яму. Я указалъ Ивану Ивановичу на это безобразіе; но онъ и тутъ нашелся: толкнулъ бѣдную Мушку ногой и сказалъ: „Это она его научила“.

За время бытности моей въ заводѣ, матеріальное положеніе Ивана Ивановича стало рѣзко клониться къ упадку. Заводъ работалъ плохо, какъ и должно все плохо идти при бѣдственныхъ навыкахъ сибирскихъ рабочихъ; заказы, исполняемые дурно, съ большими просрочками, стали сокращаться. Сократилась, а потомъ и вовсе прекратилась, поставка древеснаго угля на заводъ, которая также давала кое-что. Сначала типичныя угольныя повозки выѣзжали каждое утро со двора на нѣсколькихъ лошадяхъ, при двухъ-трехъ работникахъ; а подъ-конецъ все это исчезло, и печать оскудѣнія легла на сдѣлавшихся ненужными хозяйственныхъ постройкахъ. Въ личномъ обиходѣ все оставалось попрежнему, только помаленьку ветшало, да меньше народа стало кормиться на кухнѣ.

Во все время бытности на заводѣ я боленъ не былъ, и личности заводскаго врача не помню. Говѣлъ всегда аккуратно петровскимъ постомъ, когда меньше народу, вслѣдствіе чего слышалъ при отпускѣ имена непривычныхъ святыхъ. Очень старый, одичалый священникъ неизмѣнно спрашивалъ меня, не занимаюсь ли ворожбой.

Подводя итогъ моей заводской жизни, я долженъ сказать, что добродѣтели въ ней было мало. Но въ заводѣ продолжались начатыя въ крѣпости и тобольскомъ острогѣ старательныя, чуткія чтенія, по ночамъ въ избѣ, днемъ на горѣ, въ глухомъ уголку сибирскаго лѣса; тамъ впервые я изведалъ далекія прогулки съ мыслями, навѣянными этими чтеніями, сознаніе продолжающейся живой связи съ міромъ, отъ котораго я былъ отдѣленъ, и теплое, вѣрующее отношеніе къ далекому дому и другимъ, всегда мнѣ дорогимъ лицамъ. Да, еще разъ и отъ всей

души помяну я добромъ эти заводскіе годы, лучшіе безъ сравненія въ моей жизни. Если живу, такъ только крупицами и остатками того, что тогда сказалось душѣ. Еслибы въ глухомъ сибирскомъ заводѣ я жилъ такъ же благонравно, но и такъ же тупо, какъ жилъ впослѣдствіи, я бы давно утратилъ человѣческое подобіе. Горячія думы, когда имъ нѣтъ исхода или диверсіи, тяжелая вещь. Отъ нихъ близко къ могилѣ или сумасшествію. Возможность потери умственныхъ силъ другимъ путемъ я понялъ гораздо позднѣе,—можетъ быть, слишкомъ поздно.

Но, помянувъ съ такимъ добрымъ, любящимъ чувствомъ мою заводскую жизнь, я долженъ, однако, прибавить, что мучительнѣйшій ужасъ ссылки заключается именно въ сознаніи, что всякое убогое благополучіе, какое себѣ устроишь, ежеминутно можетъ быть разрушено по презрѣнному извѣту, по прихоти пьянаго или непьянаго негодяя, который знаетъ, что ему за это простятъ другія мерзости и его наградятъ. Это сознаніе меня не покидало и все больнѣе давало себя знать, по мѣрѣ того, какъ вѣсти съ запада становились мрачнѣе и „проклятый вопросъ“ озлоблялъ и пріучалъ людей къ звѣрству — на вѣчную пагубу озлобляемыхъ и озвѣренныхъ.

Меня продержали на заводѣ дольше, чѣмъ бы по закону слѣдовало; конечно безъ намѣренія, а по общей административной неисправности. Въ силу закона, мои три года работъ должны бы были сократиться, при условіи добропорядочнаго поведенія, до двухъ лѣтъ восьми мѣсяцевъ (можетъ быть, даже до двухъ лѣтъ четырехъ мѣсяцевъ, не помню). Меня привезли на Александровскій заводъ въ половинѣ ноября 1862 г.; значитъ, слѣдовало бы перевести на поселеніе никакъ не позже половины іюля 1865 г.; а совершилось это лишь въ половинѣ сентября. Напомню по этому поводу о страшной неправдѣ, творившейся надъ всѣми, осужденными на каторгу, строчкой закона, въ силу которой всѣ терзанія многомѣсячнаго, нерѣдко годового и болѣе, этапнаго пути не зачитывались въ срокъ наказанія и претерпѣвались въ жестокую къ нему придачу.

Итакъ, 13 сентября, подъ-вечеръ, при возвращеніи съ двумя пріятелями съ большой прогулки — охоты со стороны Луниной горы, я нашелъ у себя на столѣ бумагу о переводѣ на поселеніе, съ высылкою въ Иркутскъ. Какъ ни привязанъ я былъ ко многому на заводѣ, но тѣмъ не менѣе безъ колебанія рѣшилъ выѣхать на слѣдующій же день, въ праздникъ, мнѣ съ тѣхъ поръ навсегда памятный. Хозяйки моментально принялись за бѣлье (вспоминаю хорошенькую хозяйскую дочь Сашу и ея

подругу Катеньку); раньше чѣмъ стемнѣло, я видѣлъ его уже развѣшеннымъ во дворѣ; а съ утра пошло глаженіе и стряпня дорожной провизіи. Со стороны благосклоннаго начальства препятствій не встрѣтилось, и провожатый казакъ былъ своевременно предоставленъ въ мое распоряженіе. Утромъ я простился со всѣми, съ кѣмъ слѣдовало, обошелъ и всѣ ближайшія любимыя мои мѣста, которыя на прощанье представились мнѣ въ полной красѣ, при чудной погодѣ. Много я тутъ говорилъ стиховъ и пѣлъ, вѣроятно, — возносился душой. Свободно дышала грудь, легки были тогда ноги. Излишне пояснять, что прощанье съ Иваномъ Ивановичемъ было проникнуто искреннѣйшимъ чувствомъ. Не могъ онъ, конечно, не имѣть при этомъ печальныхъ мыслей; но онъ объ нихъ не говорилъ, а только желалъ мнѣ счастья. Мы выѣхали, когда уже совсѣмъ стемнѣло, въ двухъ повозкахъ, такъ какъ оба сына хозяйки и еще одинъ близкій пріятель проводили меня до первой станціи, гдѣ мы дружески поужинали и переночевали. Утромъ, при той же чудной погодѣ, мы простились съ самыми горячими выраженіями чувствъ.

На этотъ разъ я переѣхалъ Байкалъ водою, на пароходѣ „Иннокентій". Изъ инцидентовъ пути помню только харюза, жаренаго на сковородѣ и облитаго яйцами, которымъ хозяйка постоялаго двора угостила меня въ Посольскѣ; возвращавшагося въ Иркутскъ католическаго священника съ Наполеоновскимъ лицомъ, въ нарядной пыжиковой малицѣ съ цвѣтной каймой; снѣгъ, который уже выпалъ въ хребтахъ, и чрезвычайно медленное, неумѣлое приставаніе парохода въ Лиственничномъ. Не помню, какія были мытарства въ Иркутскѣ и какъ я, наконецъ, простился съ своимъ казакомъ въ квартирѣ жандармскаго полковника, откуда, въ скоромъ времени, уѣхалъ уже одинъ „на поселеніе" въ селеніе Урикъ, въ двадцати съ чѣмъ-то верстахъ отъ города.

Ссыльныхъ поляковъ въ Урикѣ было нѣсколько, но я познакомился только съ двумя сосланными по польскимъ дѣламъ французами, которые держали лавку. Мы бывали другъ у друга и артелью стряпали себѣ, разъ или два, bœuf à la mode, мастерствомъ въ изготовленіи котораго одинъ изъ нихъ хвасталъ. Помню фамилію только другого, m-r Cahel, съ которымъ сошелся ближе и до позднихъ пѣтуховъ рѣзался въ преферансъ по сороковой, съ должнымъ аккомпаниментомъ чая, деревенской бабьей стряпни и очищенной. Бесѣда наша была о Парижѣ, объ одной булочницѣ, rue Daufine, объ Европейской Турціи, которой мѣст-

ность его восхитила, когда онъ тамъ былъ въ крымскую войну, и гдѣ одинъ турокъ сдѣлалъ ему оскорбительное предложеніе въ то время, какъ онъ купалъ артиллерійскихъ лошадей: „J'ai le corps très blanc, et il paraît qu'à cette époque je n'avais pas encore beaucoup de barbe. Et alors figurez-vous que cet animal...“ Политическаго, какъ видите, мало. При большихъ ремизахъ мы говорили другъ другу: „chiffre rare!“—и оба смѣялись легко. Разъ, по поводу надвигавшейся австро-прусской войны, побесѣдовали мы насчетъ вѣроятности вмѣшательства Франціи... „Oui, je veux espérer, j'espère... et cependant je tremble“... Эти слова, въ устахъ бывшаго солдата и человѣка вообще понятливаго, конечно, не безъинтересны, такъ какъ мексиканская экспедиція еще не успѣла сказать своего послѣдняго слова, и престижъ императорской Франціи еще стоялъ высоко.

Нѣсколько разъ въ теченіе зимы я ѣздилъ на побывку въ Иркутскъ, гдѣ не видѣлъ никого, кромѣ жандармскаго полковника и его гостей; а весной 1866 г. мнѣ разрѣшено было поселиться въ Иркутскѣ, гдѣ я тогда нанялъ квартирку въ двухъ шагахъ отъ полковницкаго дома, гдѣ обѣдалъ и проводилъ значительную часть дня, причемъ, конечно, занимался съ дѣтьми. Вообще же уроки политическимъ ссыльнымъ были воспрещены.

Все, что мнѣ казалось болѣе интереснымъ въ иркутской моей жизни, изображено мною, двадцать-пять лѣтъ тому назадъ, въ упомянутомъ уже очеркѣ „Прикащичья внучка“. Тогда бо̀льшая часть изображенныхъ была еще въ живыхъ, и потому я счелъ необходимымъ измѣнить имена и собственную личность подмѣнилъ — не безъ нѣкоторыхъ несообразностей — личностью якутскаго купеческаго сынка; подъ видомъ тетки его изображена очень точно моя квартирная хозяйка, вдова священника, Марія Өедоровна Флоренсова. Здѣсь я разскажу немногое, все-таки, по возможности, избѣгая именъ.

Не назову, между прочимъ, и самого жандармскаго полковника, имѣя въ виду существующихъ дѣтей, внуковъ и прочее родство. Онъ былъ мой настоящій двоюродный братъ, сынъ старшей и чрезвычайно уважаемой сестры моего отца. Онъ и два его брата въ свое время служили подъ начальствомъ отца и, разумѣется, были приняты въ домѣ съ самымъ полнымъ радушіемъ. Я помню ихъ въ дѣтскіе мои годы, помню дружескій тонъ обращенія съ ними. Можетъ быть, и въ Иркутскѣ не совершалось по отношенію ко мнѣ никакихъ формальныхъ злодѣйствъ,—кромѣ развѣ того, что онъ задерживалъ по нѣскольку дней мои письма въ ящикѣ своего стола и ловко меня обыгрывалъ при помощи

перемигиванiй и переговоровъ съ хихикающей женой, еще болѣе жадной, чѣмъ онъ. Онъ отъ радости хохочетъ, закинувъ голову, а она хихикаетъ. Были, вѣроятно, какiя-нибудь неблаговидныя урѣзки по части ѣды, хотя я спецiальныхъ случаевъ не помню, и склоненъ такъ думать только потому, что оба супруга не стыдились приходить къ утреннему чаю каждый съ своей порцiей сухариковъ, булочекъ или пирожнаго, которыхъ не давали дѣтямъ. Французу, учителю гимназiи, простодушному человѣку добрѣйшей души, который, на свое несчастiе, у нихъ поселился и пользовался столомъ и кушеткой въ проходной комнатѣ, взамѣнъ ежедневныхъ уроковъ съ троими дѣтьми, которымъ онъ, кромѣ того, дѣлалъ подарки во всѣ праздники и покупалъ гостинцы во время прогулокъ, они подливали въ водку одеколонъ, чтобы онъ какъ-нибудь не увлекся и не выпилъ второй рюмки. А въ карты его обработывали еще чище, нежели меня; такъ что онъ, наконецъ, не выдержалъ и съѣхалъ. За мой столъ платили, если не прямо деньгами — о чемъ не знаю, такъ какъ письма мнѣ не показывались,—то, во всякомъ случаѣ, подарками. Какъ бы ни было, фактъ тотъ, что въ продолженiе года съ небольшимъ, проведеннаго мною въ ближайшей ежедневной зависимости отъ этого человѣка, онъ мнѣ внушилъ такую ненависть, что я не только мучился отъ нея днемъ, но даже сталъ дурно спать. Какъ проснешься, такъ и забродятъ въ головѣ злыя мысли, и не можешь ихъ отогнать и опять заснуть. А между тѣмъ читатель, вѣроятно, замѣтилъ, что я скорѣе склоненъ къ прекраснодушiю, чѣмъ къ злобѣ. Былъ онъ взяточникъ большой руки. По издавна заведенному порядку, онъ получалъ съ каждаго рабочаго на прiискахъ, которые объѣзжалъ каждое лѣто, по два рубля, и, кромѣ того, возвращался, обремененный всякаго рода добычей, которой биткомъ былъ набитъ его тарантасъ. Все въ домѣ у нихъ было дареное, до фортепiано включительно. Припоминаю слѣдующую сцену. Однажды, на дачѣ, возвращался я съ прогулки и подходилъ къ дому. Вдругъ, вижу, съ задняго крыльца вылетаетъ вахмистръ, лицо отъ злобы перекосилось, и, какъ бѣшеный, вскакиваетъ на лошадь, ругаясь: „Деретъ съ живого и мертваго!“ И поскакалъ, даже не взглянувъ на меня.

Въ политическiя бесѣды онъ вступалъ со мной дважды: въ первый разъ—по приказанiю свыше, а во второй—по личному побужденiю, быть можетъ, даже доброжелательному ко мнѣ. Въ Рождество 1866 года скончался мой отецъ, и вскорѣ затѣмъ матушка надумалась, что сжалятся надъ ея одинокой старостью, и рѣшилась ѣхать въ Петербургъ—просить о моемъ возвраще-

нiи или хотя о возможномъ облегченiи моей участи. Графъ Шуваловъ принялъ ее очень любезно, но на ея увѣренiя, что я— „le meilleur garçon du monde", отвѣчалъ: „Je le connais mieux que vous, madame: c'est un fanatique". А вслѣдъ затѣмъ иркутскiй жандармскiй штабъ-офицеръ получилъ бумагу, за подписью самого графа, которою мнѣ предлагалось быть откровеннымъ, съ обѣщанiемъ сохраненiя тайны. Прибавлено было: „Обручевъ меня знаетъ" — повѣритъ. Полковникомъ расточено было, конечно, много цвѣтовъ жандармскаго краснорѣчiя, и я съ своей стороны изъ всѣхъ силъ старался не огорчить; но въ результатѣ пришлось пробыть въ Сибири еще четыре года. Только недавно, совершенно для себя неожиданно, я нашелъ въ старой памятной книжкѣ, куда я заносилъ выписки изъ чтенiй, стихи и т. п., письмо, отъ 6 августа 1868 года, которымъ я отвѣчалъ графу. Помѣщаю его здѣсь.

„Ваше сiятельство, милостивый государь, графъ Петръ Андреевичъ!

„Простите, что я осмѣливаюсь писать вамъ и позвольте мнѣ ввѣриться вашему великодушiю.

„На предложенные мнѣ полковникомъ *** вопросы я сказалъ ему, что по моему искреннему мнѣнiю дѣло „Великорусса" было явленiемъ случайнымъ, и далъ честное слово, что человѣкъ, передавшiй мнѣ для распространенiя въ публикѣ экземпляры этого листка, ни для кого уже не можетъ быть опасенъ. Свое убѣжденiе относительно внутренней пустоты „Великорусса" и его совершенно декоративнаго характера я основываю на слѣдующемъ:

„Настроенiе публики въ 1861 году было далеко не похоже на теперешнее. Мысль разыграть у себя дома какой-нибудь революцiонный фарсъ на иностранный ладъ тогда забавляла многихъ. Этимъ шутили. Въ продолженiе мѣсяца, прошедшаго между распространенiемъ мною листка и моимъ заарестованiемъ, я слышалъ не разъ сомнительные отзывы о томъ, что тамъ говорилось, въ особенности насмѣшки надъ мнимымъ комитетомъ; но за такими сомнѣнiями и шутками все-таки не слѣдовало порицанiя, а говорили: все равно, пускай гуляетъ—веселѣе. Инымъ казалось, что стоитъ только немного поиграть въ эту игру—и всякiя революцiонныя чудеса тотчасъ охватятъ всю Россiю. Рѣшительный врагъ политическихъ агитацiй, чуждаясь, по темпераменту, всякихъ уличныхъ героевъ, вѣря свято, что только строгая наука и искусство могутъ вести народъ къ прогрессу, и что даже удачныя революцiонныя попытки кончаются кровавыми реакцiями, я, однако, принялъ участiе въ пошлой исторiи воро-

ненка, запутавшагося въ шерсти своей мнимой добычи—исторіи на такомъ поприщѣ беззаконной и преступной, потому что тутъ ставилось на карту счастье безсчетныхъ семействъ и даже общее благо народа. Но я тогда былъ начинающій человѣкъ, чернорабочій въ литературной передней, и не смѣлъ выражать свое мнѣніе, боялся, что назовутъ трусомъ. Между тѣмъ никому какъ будто и не снилось, что комедія можетъ сдѣлаться трагедіей,—не снилось этого, конечно, не по геройству, а по нелѣпой, дѣтской несообразительности. И въ публикѣ было такъ мало здравыхъ, протрезвляющихъ силъ, что ни разу, ни одного, мнѣ не пришлось услышать, съ чьей бы то ни было стороны, слова просвѣщеннаго осужденія всему, что тогда творилось. Тогда еще не было несчастій польскаго мятежа, ни нагляднаго ужаса 4 апрѣля, и можно сказать положительно, что есть неизмѣримая разница между настроеніемъ духа, котораго тогда было достаточно, чтобы впасть въ преступленіе, вродѣ сдѣланнаго мной, и тѣмъ, которое требуется для этого теперь. Если вашему сіятельству извѣстны факты, опровергающіе мое мнѣніе объ этомъ предметѣ, то, значитъ, я былъ слишкомъ обманутъ.

„Я знаю, что это показаніе, съ неловко цѣпляющимися за него, никому не нужными оправданіями, не можетъ имѣть въ глазахъ правительства никакой цѣны. Но умоляю васъ позволить мнѣ присоединить къ этому еще нѣсколько словъ — словъ такого рода, что только моя увѣренность въ вашемъ личномъ великодушіи даетъ мнѣ смѣлость ихъ высказать.

„Ваше сіятельство не считаете доказательствомъ раскаянія безукоризненность моего поведенія во все время ссылки, безукоризненность, о которой всего лучше свидѣтельствуетъ вполнѣ незавидная репутація, которой я пользуюсь въ кругу ссыльныхъ. Ваше сіятельство не допускаете также, чтобы постигшее меня наказаніе могло, хотя отчасти, служить искупленіемъ моей вины. То, чего я лишился, общественное положеніе, семейство, свобода, молодость, все это, какъ и самая жизнь моя, безъ сомнѣнія, ничтожно—если смотрѣть сверху, вѣроятно даже смѣшно. Но *свое* каждому дорого; нельзя всего этого лишиться безъ глубокаго страданія; тяжело переживать заключеніе и ссылку, больно выносить въ теченіе долгихъ лѣтъ безсчетныя униженія, и во все это время, какъ всѣ ссыльные, каждый день ждать возвращенія свободы и каждый день обманываться. Но ваше сіятельство не допускаете, чтобы все это могло сколько-нибудь поколебать ту чашу вѣсовъ, гдѣ положено мое преступленіе. Мнѣ опять предлагаются тѣ же вопросы, которые такъ мучили

меня семь лѣтъ тому назадъ, и возможность прощенія представляется мнѣ въ такомъ видѣ, что я принужденъ вторично произнести приговоръ надъ собой и надъ бѣдной моей матерью, освѣжить въ вашей памяти чувство моей виновности и даже, вѣроятно, показаться вамъ тѣмъ болѣе виновнымъ, чѣмъ дольше и мучительнѣе было мое испытаніе. Простите, ваше сіятельство, но мнѣ кажется, что изъ каждаго честнаго простака можно сдѣлать большого преступника, если спрашивать его о томъ, на что честь не позволяетъ отвѣчать, даже въ виду законныхъ требованій правительства и обѣщанія безнаказанности виновнымъ; а если повторять вопросы эти періодически, то бѣдняга все вновь будетъ впадать въ свое преступленіе, съ каждымъ разомъ становясь виновнѣе.

„Я не могу себѣ представить, что я опасный или вредный человѣкъ. Мнѣ кажется, что такіе люди бываютъ непохожи на меня ни по характеру, ни по образу мыслей. Я не могу также думать, чтобы вѣчная справедливость требовала для меня вѣчнаго наказанія. Я бы солгалъ, еслибы сказалъ противное. Но мнѣ остается только преклонить голову передъ суровой необходимостью. Въ виду ея, просьбы мои о помилованіи, безъ сомнѣнія, будутъ отвергнуты съ еще гораздо бо̀льшимъ презрѣніемъ, чѣмъ просьбы моихъ родителей; но я надѣюсь, что ваше сіятельство не отвергнете одной изъ нихъ: я умоляю васъ не ставить передъ моей матерью вопросъ о моемъ прощеніи въ зависимость отъ какого бы то ни было моего дѣйствія. Скажите ей съ почтительною твердостью, что мнѣ не можетъ быть оказано пощады, но не поясняйте, что собственно отъ моей воли зависѣло себя спасти и ее утѣшить. Отказъ вашъ будетъ для нея ударомъ; но онъ покажется больнѣе, если она подумаетъ, что я его направилъ. А пользы отъ этой лишней боли ужъ никому не можетъ быть.

„А затѣмъ, ваше сіятельство, простите, если въ этомъ обращеніи къ вамъ я не сумѣлъ придать должную мягкость выраженію моихъ глубоко безотрадныхъ чувствъ. Я отвыкъ писать и пишу вамъ въ состояніи слишкомъ близкомъ къ отчаянію; будьте великодушны—простите.

„Съ глубочайшимъ уваженіемъ къ особѣ вашей, осмѣливаюсь назвать себя вашего сіятельства покорнѣйшимъ слугою — В(ладиміръ) Обручевъ“.

Въ записной книжкѣ, откуда я извлекаю это письмо, приведены затѣмъ заключительныя строки второго письма, писан-

наго въ декабрѣ 1868 года по особому желанію графа Шувалова и адресованнаго на его имя въ собственныя руки:

„Простите, если въ заключеніе я позволю себѣ упомянуть о глубокой моей благодарности за нѣкоторыя милостивыя выраженія, которыхъ вы меня удостоиваете. Сомнѣніе въ томъ, что вы соизволяете обѣщать для меня, точно невозможно при воспоминаніи о дняхъ вашей блестящей молодости. Но именемъ этихъ дней я прошу васъ допустить, безъ удивленія и гнѣва, что и для самыхъ бѣдныхъ, ничтожныхъ людей требованія чести безусловны“.

Не помню съ точностью времени, когда произошла вторая моя политическая бесѣда съ жандармскимъ родственникомъ; но, вѣроятно, это случилось лѣтомъ 68-го или 69-го года, когда я сталъ бывать въ домѣ лишь очень изрѣдка, или даже вовсе прекратилъ сношенія. Меня пригласили къ полковнику, который провелъ меня въ кабинетъ, заперъ дверь и сказалъ: — „Сюда пріѣхала г-жа Чернышевская, которая ѣдетъ къ мужу. Прошу васъ, не видайтесь съ ней; дайте мнѣ слово“. Какъ я ни старался объяснить ему, что я самъ неизмѣнно держусь правила избѣгать неудобныхъ сношеній, что я цѣню его заботливость обо мнѣ, но что я былъ такъ принятъ въ домѣ Чернышевскихъ, такъ много имъ обязанъ, что не повидаться съ Ольгой Сократовной въ данныхъ обстоятельствахъ мнѣ никакъ нельзя, что это будетъ неблаговидно, набросить на меня тѣнь... Онъ не уступилъ, и я былъ вынужденъ обѣщать, что не пойду, если она сама не дастъ мнѣ знать о своемъ пріѣздѣ. Мнѣ было ясно, что, въ случаѣ отказа, я не только очень поврежу себѣ, но что за мной будутъ слѣдить и, быть можетъ, даже у входа въ домъ задержатъ. Не сомнѣваюсь, что поступилъ благоразумно; но „тѣнь“ до сихъ поръ на себѣ чувствую, и мнѣ тяжело объ этомъ вспоминать.

Покушеніе 4-го апрѣля 1866 года произвело въ Иркутскѣ лишь слабое впечатлѣніе. Торопливая разсылка повѣстокъ, спѣшное облаченіе въ мундиры, устремленіе въ соборъ и въ разныя собранія, наконецъ, пожертвованія съ неслышнымъ, но несомнѣннымъ скрежетомъ зубовнымъ,—все это, конечно, было; но сигнализація флагами не была еще организована какъ должно, а вечеромъ выраженіе чувствъ ограничилось злобовоніемъ немногихъ шкаликовъ.

Постройка часовни была рѣшена въ нѣсколько мгновеній, въ собраніи нотаблей, преимущественно чиновниковъ, въ при-

сутствіи генералъ-губернатора и архіерея. Въ неотразимости каждаго слова, произнесеннаго свыше при такихъ обстоятельствахъ, никто не усумнится: въ слѣдующія немногія минуты было подписано около 25.000 рублей, при чемъ первые четыре коммерческіе пэра подписали 12 тысячъ. Вскорѣ оказалось, что мысль о часовнѣ идетъ въ разрѣзъ съ мыслью всей Россіи, такъ какъ патріотическимъ пожертвованіямъ вездѣ дано было благотворительное или народообразовательное направленіе; а позднѣе всѣмъ до тошноты опротивѣли безобразія, которыми сопровождалась безконечная постройка часовни (болѣе четырехъ лѣтъ), благодаря чему расходъ былъ доведенъ до 45.000 р., и оба иниціатора дѣла, генералъ-губернаторъ и архіерей, стали взваливать одинъ на другого неудачный починъ. Но въ публикѣ неудовольствіе стало выражаться съ самыхъ первыхъ дней, и еслибы рѣшеніе вопроса сколько-нибудь отъ нея зависѣло, то деньгамъ дано бы было другое назначеніе. Описаніе петербургскихъ восторговъ читалось съ сдержаннымъ недоумѣніемъ; а портретъ „супруги спасителя" вызвалъ откровенное зубоскальство.

Для меня лично, выстрѣлъ Каракозова былъ тяжкимъ ударомъ: онъ разрушалъ надежду на облегченіе участи въ ближайшемъ будущемъ. Да и кромѣ того, я все-таки стоялъ въ гораздо болѣе близкомъ душевномъ общеніи съ Петербургомъ, чѣмъ заскорузлый провинціальный міръ далекой въ то время окраины.

Я жилъ въ Восточной Сибири при двухъ генералъ-губернаторахъ: Мих. Сем. Корсаковѣ и Ник. Петр. Синельниковѣ. Первый былъ ничтоженъ, и самое его назначеніе послѣдовало въ силу его ничтожества, по настоянію гр. Н. Н. Муравьева-Амурскаго, которому нужно было, чтобы заведенные имъ порядки не подвергались пересмотру—и тѣмъ болѣе пересмотру недоброжелательному. Дѣла и продолжали идти при немъ попрежнему, но безъ проблесковъ мысли, увлекающейся общегосударственными цѣлями, безъ воздѣйствія властной воли, безъ оторопи передъ возможностью грознаго окрика и расправы. Маленькій, бѣлесоватый, гладко причесанный блондинчикъ, съ усиками, приближенный интимнаго Муравьевскаго круга, извѣстный прежде только лихой курьерской ѣздой и тѣмъ, что иногда удерживалъ Муравьева за фалды, сталъ въ новомъ служебномъ положеніи лишь охранителемъ Муравьевскаго прошлаго и высшей инстанціей для покрытія дѣяній бывшихъ сослуживцевъ и содѣятелей, коихъ подноготная была ему хорошо извѣстна. Эту роль ему было исполнять тѣмъ легче, что значительную часть своего генералъ-

губернаторства онъ прожилъ въ Петербургѣ. Одна такая побывка затянулась на пятнадцать мѣсяцевъ, или даже болѣе.

Я склоненъ думать, что еслибы онъ могъ что-нибудь сдѣлать въ мою пользу, то сдѣлалъ бы. Во всякомъ случаѣ, я благодаренъ ему за разрѣшеніе перебраться изъ Иркутска, гдѣ я задыхался, въ особенности вслѣдствіе родственныхъ отношеній къ жандармской семьѣ, въ дорогое мнѣ Забайкалье, закрытое для политическихъ ссыльныхъ, въ глухія, безначальственныя старообрядческія общины, которыя плѣняли мою фантазію. На меня со всѣхъ сторонъ набросились за эту фантазію, и удержали меня; но я былъ принятъ вѣжливо и разрѣшеніе получилъ. М. С. Корсаковъ сохранилъ власть до конца и умеръ въ Петербургѣ еще молодымъ, отъ болѣзни, которую доктора, говорятъ, не поняли.

Назначеніе старика-генерала, сенатора Ник. Петр. Синельникова, сильно взволновало Иркутскъ. О немъ знали — и съ каждымъ днемъ стали узнавать все больще и больше, что онъ—опытнѣйшій администраторъ, неподкупно честный, крутой до весьма опасной степени, пользовавшійся уваженіемъ высшихъ сферъ. Узнали также и то, что самое назначеніе его послѣдовало въ видахъ искорененія безобразій, и что принятіе должности было съ его стороны жертвой. Весь край сталъ ждать его напряженно, и уже на пути въ Иркутскъ прошенія, жалобы и доносы посыпались обильнымъ дождемъ. Донеслись слухи и о высокомѣрномъ, суровомъ обращеніи его съ мѣстными властями, и о доступности обывателямъ. Иркутскъ встрѣтилъ, конечно, хлѣбомъ-солью, но соотвѣтственно вѣяніямъ, на деревянномъ блюдѣ. Городской голова, Ив. Ст. Хаминовъ, просилъ позволенія прислать на первые дни свой экипажъ, и это было принято. Визитъ ему былъ сдѣланъ изъ числа самыхъ первыхъ, едва-ли не непосредственно послѣ архіерея. Окно нашей конторской комнаты приходилось прямо противъ хозяйскаго крыльца, и пока продолжался визитъ, мы, всѣ приказчики, конечно, столпились у этого окна и ждемъ. Вотъ моложавый кучеръ Матюшка, нашъ товарищъ по игрѣ въ городки, лихо выпаливавшій ругательства при разныхъ случайностяхъ игры, подаетъ коляску,—лицо строгое, на насъ не смотритъ, видимо держитъ ухо востро̀, и сѣрыя стоятъ какъ вкопанныя. Отворяется дверь, и въ сопровожденіи хозяина выходитъ въ шинели высокій, плотный генералъ, лицо съ покрупнѣвшими старчески чертами, еще багровое съ дороги; простившись съ Иваномъ Степанычемъ, онъ грузно поднимается въ коляску, причемъ я съ удовольствіемъ вижу давно невиданный богатый цвѣтъ

Александровской ленты и георгіевскій крестикъ. Вспомнился мнѣ этотъ самый Синельниковъ, когда онъ пріѣзжалъ къ намъ въ корпусъ, къ сыну, моему товарищу, кажется, еще въ полковничьемъ чинѣ. Какъ онъ легко и бодро шелъ по корпусному корридору, какъ весело улыбался. Ахъ! старость, старость! Въ тотъ же день принципалъ спрашивалъ о моемъ впечатлѣніи. Я отвѣтилъ, что трудно ему будетъ разъѣзжать, какъ въ Сибири привыкли.—Да, шестьдесятъ-пять лѣтъ. Онъ мало и разъѣзжалъ.

Очень скоро онъ сталъ популяренъ въ Иркутскѣ, и обыватель освоился съ его высокой фигурой въ длинномъ пальто и фуражкѣ Николаевскаго фасона, съ большимъ козырькомъ, защищавшимъ отъ солнца и мороза ослабѣвшіе глаза. Держался онъ еще прямо, но выступалъ медленно, съ костылемъ, которымъ иногда замахивался, а случалось, что и дрался. Такъ онъ избилъ на пожарѣ какого-то городского пожарнаго человѣка за неисправные рукава, чѣмъ управскіе чины оскорбились. Еще неудачнѣе онъ ударилъ этимъ костылемъ ссыльнаго поляка, отличнаго, интеллигентнаго столяра, до крайности ретиваго, который отвѣтилъ.... Бѣдняга, конечно, недолго жилъ послѣ,—но этотъ случай былъ, конечно, прискорбенъ для честнаго старика не менѣе, чѣмъ для его жертвы. Едва-ли онъ не былъ и рѣшающей причиной преждевременнаго отозванія генерала Синельникова (декабрь, 1873), характерную фигуру котораго долго еще потомъ видѣли на улицахъ Петербурга. Не въ пользу ему послужило и то, что онъ привезъ съ собой сына въ полковничьемъ чинѣ, назначеннаго на должность по таможенной части. У насъ вѣдь вообще, если выдается ненарокомъ честный дѣятель, чуждый личныхъ цѣлей, то взрослые сыновья и племянники всего чаще вредятъ его репутаціи и принижаютъ его личность.

Циркуляры генерала Синельникова засвидѣтельствовали передъ всей Россіей низкій нравственный уровень восточно-сибирскаго чиновничества того времени, вліятельнѣйшую часть котораго составляли пріѣзжіе изъ Россіи добрые молодцы, домотавшіеся до того, что для нихъ двойные прогоны, годовой окладъ жалованья и необходимость отдѣлить себя нѣсколькими тысячами верстъ отъ разныхъ стѣснительныхъ личностей—составляютъ вопросъ жизни и смерти. Всѣ они наслышаны о золотѣ, соболяхъ, о безцеремонности сибирской взятки, о чинахъ и крестахъ, расточаемыхъ дюжинами за курьерскія поѣздки и т. п. Всѣ клянутся, что эти блага не минуютъ ихъ рукъ, и, конечно, эти клятвы принадлежатъ къ числу ненарушимѣйшихъ.

Всѣ состоятельные иркутскіе люди ублажали, конечно, по

мѣрѣ потребности, начальствующихъ лицъ, къ которымъ имѣли касательство; но прикармливали высшихъ чиновъ, до генералъ-губернатора включительно, только два дома: Трапезниковы и Ив. Ст. Хаминовъ.

Я послѣдовательно состоялъ на службѣ въ обѣихъ этихъ фирмахъ, но въ первой—всего лишь нѣсколько мѣсяцевъ. Главу этого дома, Константина Петровича, при которомъ домъ главнымъ образомъ и разбогатѣлъ, я уже не засталъ. Будучи городскимъ головой и отстаивая интересы города (а можетъ быть только думскихъ воротилъ) противъ Муравьева, онъ былъ имъ посаженъ подъ арестъ, чѣмъ стяжалъ сугубое уваженіе согражданъ. Судя по портрету, это былъ почтенный, замѣчательно благообразный старикъ. Вдова его, Зинаида Ивановна, являлась главою дома только по части представительности; хотя путемъ прислуживанія черезъ нее иногда достигались и довольно серьезныя дѣловыя цѣли. Вообще же, дѣлами въ Иркутскѣ управлялъ старшій сынъ, Сергѣй, а представителемъ дома въ Москвѣ былъ второй сынъ, Ѳедоръ, прошедшій, сколько помню, курсъ въ университетѣ, имѣвшій также собственныя свои самостоятельныя дѣла и пользовавшійся въ средѣ московскаго купечества значительнымъ уваженіемъ.

Незадолго до моего поступленія въ контору Трапезниковыхъ, Сергѣй Константиновичъ былъ вовлеченъ въ покупку Николаевскаго желѣзодѣлательнаго завода за цѣну, въ нѣсколько разъ превышавшую его дѣйствительную стоимость и безъ всякаго соображенія съ громадными затратами, необходимыми для возстановленія дѣятельности завода, запущеннаго и обветшалаго. Выставили на видъ громадность заводской дачи, 50.000 кв. верстъ, цѣлое герцогство, гдѣ владѣлецъ—единственная власть, отличное качество руды, облагодѣтельствованіе края, бѣдствующаго безъ желѣза, и т. д. Самъ генералъ-губернаторъ Корсаковъ не побрезгалъ принять въ этомъ дѣлѣ личное участіе, пріѣзжалъ убѣждать неопытнаго юношу и его мать. Юноша прельстился; а вмѣстѣ съ тѣмъ положено было начало разстройству его дѣлъ. Расходы превзошли всѣ ожиданія, рабочихъ и мастеровъ пришлось выписывать изъ Россіи; сбытъ былъ ничтожный; доставка изъ-за двухсотъ, кажется, верстъ отъ большого тракта обходилась непомѣрно дорого, и единственное вознагражденіе за все это заключалось въ томъ, что въ конторѣ появились печатные бланки Николаевскаго завода, и подъ всякими распоряженіями конторщики писали: „Заводовладѣлецъ“,—послѣ чего такъ пріятно было подмахнуть: „Сергѣй Трапезниковъ“. Заводовладѣльцу по-

счастливилось найти хорошаго управляющаго, Гектора Ив. Гуллета, англичанина, отлично говорившаго по-русски и очень популярнаго на Уралѣ, по техническимъ знаніямъ, опытности, умѣнью ладить съ людьми и пріятному характеру, не чуждому нѣкоторой, подкупающей лихости. Прекрасная, дружная семья облегчала ему пустынножительство въ глуши Николаевскаго завода, и онъ принялся за дѣло со всей свойственной ему энергіей. Но владѣлецъ завода подпалъ въ это время подъ вліяніе нелѣпаго петербургскаго слётка, пріѣхавшаго въ Иркутскъ искать счастья и сумѣвшаго очень для себя выгодно подладиться къ Трапезниковымъ, и это пагубно отразилось на положеніи дѣлъ въ заводѣ. Гуллетъ внушалъ владѣльцу, что необходимо сосредоточиться на выдѣлкѣ желѣза возможно лучшаго качества и возможно дешеваго; а пріятель совѣтовалъ облагодѣтельствовать край столь необходимыми ему издѣліями. Для воздѣйствія на Гуллета и, конечно, негласнаго контроля надъ нимъ, пріятель былъ даже поселенъ на заводѣ, въ домѣ владѣльца и съ форменными общирнѣйшими полномочіями. Внѣшность и манеры его были изъ самыхъ дѣйствующихъ на нервы и испытывающихъ терпѣніе собесѣдника. Когда я, по ненависти къ моей тогдашней иркутской обстановкѣ, перепросился изъ конторы на заводъ, отношенія между Гуллетомъ и присланнымъ въ помѣху ему соглядатаемъ были уже крайне обострены. Меня же Гуллетъ сразу полюбилъ — часто звалъ обѣдать и проводить время въ его семьѣ, и не сдерживалъ при мнѣ своей досады на нелѣпое положеніе, въ которое онъ былъ поставленъ. Довольно скоро, не помню, черезъ сколько именно времени, онъ поручилъ мнѣ написать принципалу откровенное письмо по этому поводу. Ко мнѣ были добры въ домѣ Трапезниковыхъ, я зналъ тамошнія личныя симпатіи; такъ что мнѣ слѣдовало, если не вовсе отклонить порученіе, то во всякомъ случаѣ придержаться изложенія возможно безличнаго и попросить, чтобы письмо было перебѣлено другой рукой,—напримѣръ, рукой дочери Гуллета, Дженни. Но я такъ сочувствовалъ Гуллету, что не остерегся, и письмо вышло слишкомъ горячее, такъ что двѣ строки Гуллетъ счелъ необходимымъ выскоблить, что и исполнилъ съ поразительнымъ искусствомъ собственнымъ своимъ ножичкомъ, и только затѣмъ подписалъ. Послѣдствія не заставили себя ждать, и я вскорѣ былъ уволенъ „отъ должности и вовсе отъ службы". Когда я возвратился въ Иркутскъ и разсказалъ объ этомъ одному изъ немногихъ образованныхъ и порядочныхъ людей, пользовавшихся моимъ уваженіемъ, и въ чьемъ домѣ я былъ хорошо принятъ, онъ осудилъ меня: — „Хорошо, что вы

мнѣ это сказали; а то ужъ я хотѣлъ идти объясняться изъ-за васъ съ Трапезниковымъ".—Я еще тогда не пришелъ къ сознанію моей безтактности, и не захотѣлъ оправдываться; мы разстались холодно, и наши отношенія съ тѣхъ поръ измѣнились.

Гуллетъ недолго послѣ этого управлялъ заводомъ. У него объявился ракъ въ желудкѣ. Онъ пріѣзжалъ лѣтомъ посовѣтоваться съ докторами, причемъ я его видѣлъ въ постели, исхудалаго, измученнаго болѣзнью. Онъ принялъ меня попрежнему, дружески, и хотя говорилъ медленно, съ видимымъ усиліемъ, довѣрчиво разсказалъ мнѣ, какъ его угнетаетъ мысль о недостаточномъ обезпеченіи семьи. Вскорѣ послѣ возвращенія домой, онъ умеръ; а дѣла на заводѣ пошли такъ нехорошо, что черезъ шесть лѣтъ послѣ покупки и по затратѣ на него болѣе двухъ милліоновъ онъ былъ проданъ за сто тысячъ рублей, съ разсрочкою платежа на девять лѣтъ.

Я оставался безъ мѣста недолго, и 7-го марта 1867 года поступилъ на службу къ Ив. Ст. Хаминову. Вообще онъ не принималъ ни лицъ привилегированныхъ сословій, ни ссыльныхъ,—но сдѣлалъ въ данномъ случаѣ исключеніе въ мою пользу, быть можетъ, до извѣстной степени, въ пику С. К. Трапезникову.

Замѣчательная, очень характерная личность И. С. Хаминова изображена мною вполнѣ точно въ очеркѣ „Прикащичья Выучка", подъ именемъ Ильи Егоровича Шарапова; тамъ же разсказана во всей подробности и моя у него служба, такъ что распространяться объ этомъ вторично не представляется надобности, и я могу прямо перейти къ моему отъѣзду изъ Иркутска.

Бумага объ этомъ пришла въ іюнѣ 1872 года. Принципалъ убѣждалъ меня остаться, доказывая, что я ничего отъ этого не проиграю, а могу только выиграть; но я отвѣчалъ, что дорожу каждымъ шагомъ, приближающимъ меня къ Россіи и къ родительскому дому. Тогда онъ любезно предложилъ мнѣ доѣхать до Екатеринбурга съ приказчиками, отправляемыми на нижегородскую ярмарку, милѣйшимъ М. В. Зазубринымъ и однимъ изъ племянниковъ.

Когда я пришелъ проститься съ жандармскими родственниками,—къ которымъ очень уже давно не показывался,—полковникъ отвелъ меня въ кабинетъ и съ нѣкоторымъ волненіемъ сказалъ:—„Вы, можетъ быть, думаете, что я дѣйствовалъ противъ васъ; не думайте этого".—Я отвѣчалъ, что ничего подобнаго не думаю, и простился съ нимъ и его семьей какъ съ посторонними.

Послѣ самыхъ любезныхъ проводовъ со стороны хозяина и вполнѣ товарищескаго прощанія съ сослуживцами, я выѣхалъ

изъ Иркутска 27-го іюня 1872 года. М. В. Зазубринъ былъ извѣстенъ какъ отличный ѣздокъ, и я съ удовольствіемъ скажу, что оказался на высотѣ обстоятельствъ и, такъ сказать, даже превзошелъ ихъ. Тарантасъ былъ широкій, такъ что сидѣть втроемъ было удобно; но я большую часть пути, днемъ и ночью, проѣхалъ на любимомъ своемъ мѣстѣ, на облучкѣ, и при перепряжкахъ рѣдко отходилъ отъ лошадей. Погода вообще благопріятствовала, что довольно мучительно искупалось усиленіемъ пыли, которая не страшна при встрѣчномъ или даже боковомъ вѣтрѣ, но ужасна при вѣтрѣ вслѣдъ ѣдущимъ, особенно при тихой ѣздѣ на спускахъ и подъемахъ. На пятисотъ-верстномъ разстояніи, по обѣ стороны Нижнеудинска досаждала мошка, которая тутъ составляетъ истинный бичъ населенія. Она пробирается въ дома сквозь запертыя окна; а на улицѣ, т.-е. повсемѣстно внѣ дома, невыносима. Сѣтка до такой степени не составляетъ прихоти изнѣженныхъ людей, что даже крестьяне въ полѣ работаютъ въ сѣткахъ, которыя продаются въ каждой сельской лавочкѣ. Онѣ состоятъ изъ чернаго волосяного наличника, къ которому пришитъ ситцевый колпакъ или чепчикъ, ниспадающій на грудь и плечи. Въ арестантскихъ партіяхъ на большей части людей были такія же сѣтки. Издали человѣкъ въ такой сѣткѣ — негръ. Женщины носятъ штаны, которые нужно тщательно приматывать къ обуви. Лошадямъ и скоту мажутъ чувствительныя мѣста какимъ-то составомъ, съ участіемъ въ немъ скипидара. А по возможности — и вовсе не выгоняютъ скотъ въ поле. На охоту съ несмазанной собакой нельзя идти. Верстъ за триста, не доѣзжая Иркутска, этотъ адъ кончается.

Еще тягостнѣе, чѣмъ на остальномъ пути, были на этой дистанціи встрѣчи съ арестантскими партіями, которыя тутъ идутъ въ черныхъ волосяныхъ сѣткахъ, издали — будто негры. Чутко, угнетающе отзывался въ моей душѣ знакомый звукъ кандаловъ. Попрежнему, съ отвращеніемъ смотрѣлъ я на ненавистныя, мазанныя охрой, этапныя постройки.

Въ Екатеринбургѣ я простился съ спутниками, и поѣхалъ оттуда уже одинъ, къ югу, въ указанный мнѣ для жительства захудалый городокъ Верхнеуральскъ, куда и прибылъ подъ Ильинъ день, 19-го іюля 1872 года.

В. Обручевъ.

ПИРАТЪ

РОМАНЪ.

„Gorri le Forban“. Roman, par *André Lichtenberger.* Paris. Calmann-Lévy. 1906.

Окончаніе.

XI *).

Маркиза де-Люссэ влетѣла какъ вихрь.

— Я видѣла его! Я съ нимъ говорила!

Феллетэнъ, поэтъ-философъ, котораго она прервала на половинѣ строфы, бросилъ на нее молніеносный взглядъ; помня о впечатлѣніи, произведенномъ его „Стансами къ Ирокезу“, онъ снова открылъ ротъ, оправляя рукою жабо. Но тутъ поднялись радостныя, похожія на птичье щебетаніе, восклицанія; дамы вскочили съ мѣстъ и заговорили всѣ заразъ:

— Вы видѣли его? Какъ вы счастливы!

И съ самыхъ хорошенькихъ губъ въ Парижѣ посыпались вопросы:

— Какъ вы нашли его? Благородный ли у него видъ? Правда ли, что онъ слегка коситъ? Умѣетъ ли онъ держаться? Говоритъ ли по-французски? Что онъ вамъ сказалъ? Гдѣ можно его встрѣтить?

Маркиза де-Люссэ, граціозно опустившись на бержерку, притворно затыкала уши, увѣряя, что ей не даютъ сказать ни слова. На нее посыпался градъ поцѣлуевъ, просьбъ, ударовъ вѣеромъ.

Вдовствующая графиня де Клейрисъ, у которой были парализованы ноги, воскликнула изъ глубины своего кресла:

---

*) См. выше: май, стр. 220.

— Когда вы избавитесь отъ этихъ вертушекъ, моя милочка, сядьте возлѣ меня. Я тоже хочу слышать...

Оскорбленный поэтъ обмахивался манускриптомъ для того, чтобы напомнить о своемъ присутствіи. Наконецъ, онъ спросилъ:

— О комъ идетъ рѣчь?

Вдовствующая графиня съ презрѣніемъ посмотрѣла на него въ черепаховый лорнетъ съ длинною ручкой.

— О комъ же теперь можно говорить, какъ не о Горри, корсарѣ Горри?

Горри! Поэтъ меланхолически свернулъ свою рукопись: теперь онъ уже зналъ, что ему нечего больше ждать.

Это происходило въ самую мрачную эпоху семилѣтней войны, когда пораженія слѣдовали за пораженіями—на сушѣ и на морѣ, когда посрамленіе министровъ и военачальниковъ уже перестало утѣшать народъ въ катастрофахъ, и самыя злыя пѣсенки уже теряли свою остроту. Какъ разъ въ эту пору въ городѣ и при дворѣ распространился странный слухъ. Королевскій фрегатъ „Беллона“, предоставленный исключительно собственнымъ силамъ, совершенно уничтожилъ эскадру адмирала Уальдона, состоявшую изъ семи линейныхъ кораблей, трехъ тысячъ пятисотъ человѣкъ экипажа, шестисотъ пушекъ — общей стоимостью въ нѣсколько милліоновъ фунтовъ стерлинговъ.

„Беллона“ вернулась въ Брестъ наполовину разоруженная, потерявъ двѣ трети экипажа, но—съ призомъ и съ бумагами губернатора Канады.

Происшествіе это казалось столь неправдоподобнымъ, что ему сначала отказывались вѣрить, но величайшимъ скептикамъ пришлось признать истину вслѣдствіе рапорта г. де Буабертело, опубликованнаго во „Французской газетѣ“.

Въ одно мгновеніе, начиная съ закоулковъ Парижа и кончая его будуарами,—всюду пронесся вихрь энтузіазма, и война сразу сдѣлалась модною темою. Восторгъ достигъ своего апогея, когда было удостовѣрено, что герой этого событія не былъ военнымъ по профессіи, но страннымъ существомъ, китоловомъ, баскомъ, плохо понимавшимъ по-французски, дикаремъ, словомъ — тѣмъ первобытнымъ человѣкомъ, котораго только-что открылъ Руссо. Даже философія была заинтересована въ его побѣдѣ. Къ чувству патріотизма и польщенной народной гордости — примѣшалась модная сентиментальность для того, чтобы возвести Манека Горри на пьедесталъ.

Подробности, лично его касавшіяся, переходили изъ устъ въ уста. М-me Дартуа, „торговка модами“, выпустила изъ своей ма-

стерской поясъ à la корсаръ, имѣвшій громадный успѣхъ; Моро, парикмахеръ, нажилъ большія деньги изобрѣтеніемъ прически въ видѣ китоловной лодки. Привратникъ дома въ улицѣ St.-Honoré, завѣщаннаго маркизомъ де-Моннезà m-lle Коризандѣ, наполнилъ три ящика письмами, драгоцѣнностями, сувенирами всякаго рода, присылаемыми на имя Горри; онъ даже пополнилъ приданое своей дочери деньгами, вырученными отъ продажи нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Въ день въѣзда корсара съ актрисою въ Парижъ, на пути, по которому слѣдовала ихъ берлина, собрались такія массы народа, что пришлось прибѣгнуть къ объѣздной командѣ. Изъ оконъ высовывались головы, сыпались цвѣты... Когда берлина остановилась, на подножку ея вскочила одѣтая въ бѣлое, молоденькая дѣвушка, подавшая герою шарфъ, на которомъ было вышито золотомъ: *Горри, сыну природы — отъ чувствительныхъ дамскихъ сердецъ Франціи.*

Общественное любопытство страдало отъ того, что герой нигдѣ не показывался. Онъ не отвѣчалъ на письма, не выѣзжалъ, не посѣщалъ ни салоновъ, ни оперы. M-lle Коризанда соблюдала такую же сдержанность. Съ горя всѣ накинулись на офицеровъ „Беллоны", и гг. де-Сентъ-Ивъ и Тревиллю, уцѣлѣвшимъ отъ англійскаго огня, грозила гибель отъ несваренія желудка. Отцу Мениссье пришлось разставить рясу послѣ обѣдовъ, на которые онъ былъ приглашаемъ, а m-lle Нанонъ — отказывать своимъ воздыхателямъ. Въ тотъ день, когда Горри ѣздилъ въ Версаль, народъ бѣжалъ за нимъ до Suresnes, привѣтствуя его кликами.

За исключеніемъ малаго числа людей, никто не могъ похвалиться знакомствомъ съ Горри; поэтому г-жѣ де-Люссэ позавидовали болѣе, чѣмъ еслибы король подарилъ ее своею благосклонностью.

Сознавая свое преимущество, она позволяла вытягивать изъ себя по словечку... Да, это человѣкъ, стоящій внѣ сравненія. У него—пламенный взглядъ, улыбка его—то строгая, то веселая... Онъ странно говоритъ. Ничто его не удивляетъ. Высокій строй его души ставитъ его выше возможности чему-либо изумляться.

Г-жа де-Люссэ не сказала только, что она лишь мелькомъ видѣла Горри у маркизы де Буабертело. Неожиданный случай вывелъ ее изъ затрудненія. Въ салонъ вошелъ широкоплечій, некрасивый человѣкъ, но лицо хозяйки просіяло, словно при видѣ ангела небеснаго.

— Monsieur Кидоржъ, милости просимъ!

Графиня де-Бранжъ поблѣднѣла отъ зависти. Она отплатитъ соперницѣ, залучивъ къ себѣ отца Мениссье, „краснаго монаха".

Хорошенькія дамы порхали вокругъ доктора, усаживали его въ кресло, и онъ, внутренно потѣшаясь, благосклонно принималъ ихъ любезности.

Въ теченіе пятнадцати лѣтъ докторъ Кидоржъ, вооруженный всѣми научными дипломами, совершилъ бо́льшее чудо, нежели всѣ чудеса его профессіи: онъ не умеръ съ голоду. Случай, сведшій его съ маркизомъ де-Моннезà, завѣщавшимъ его потомъ актрисѣ, положилъ начало его благосостоянію. Оно достигло апогея въ тотъ день, когда, провожая свою госпожу къ колдуньѣ, онъ былъ похищенъ бандитомъ. Теперь, когда Горри сталъ героемъ, и Кидоржъ, его товарищъ по оружію—попалъ въ герои. Его разрывали на части, золото текло къ нему рѣкою: самые высокопоставленные желудки добивались его врачебныхъ услугъ, самыя хорошенькія ручки предоставляли ему право выслушивать ихъ пульсъ, въ надеждѣ, что, быть можетъ, онъ разскажетъ что-нибудь о своихъ отношеніяхъ къ корсару Горри.

Докторъ Кидоржъ отнесся къ благопріятному повороту въ своей судьбѣ такъ же философски, какъ онъ принималъ ранѣе незаслуженные ея удары. Теперь, наслаждаясь близостью очаровательныхъ женщинъ, вдыхая ароматъ ихъ духовъ и отирая свой запачканный табакомъ носъ, онъ, снисходя къ ихъ просьбамъ, принялся въ сотый разъ разсказывать о представленіи Горри ко двору.

— Дѣйствительно, оно такъ и было. Двѣ недѣли тому назадъ, король выразилъ желаніе лично вручить ему почетную шпагу. Манека Горри сопровождали въ Версаль г. де-Буабертело и г. де-Вильморонъ, отъ которыхъ я знаю эти подробности. Они прибыли ровно въ одиннадцать часовъ.

— Постойте!—воскликнула m-me де-Жедръ, поднявъ пальчикъ:—правда ли, что Горри, въ отвѣтъ на извѣщеніе о томъ, что король даруетъ ему аудіенцію, отвѣтилъ: „Очень радъ, что король пожелалъ видѣть меня; я самъ съ удовольствіемъ увижу его“.

— Я не въ состояніи, графиня, поручиться за буквальную точность этихъ словъ, но они вполнѣ въ духѣ нашего корсара.

Поэтъ, принявшій къ сердцу забвеніе, постигшее его стансы, замѣтилъ желчно:

— Трудно не видѣть хвастовства въ этой аффектаціи презрѣнія.

Шопотъ неудовольствія пробѣжалъ среди дамъ, вызвавъ краску на желтое лицо поэта. Г-жа де-Жедръ воскликнула:

— Неужели вы не знаете, что всѣ первобытные, неиспор-

ченные люди презираютъ установленныя людьми сословныя различія?

— Не смѣю утверждать, что Горри вполнѣ олицетворяетъ созданный господиномъ Руссо идеалъ человѣка, но смѣло могу сказать, что мысль объ аудіенціи не испугала его по той причинѣ, что, будучи баскомъ, онъ считаетъ себя на равной ногѣ съ королемъ Франціи. Вырвавшіяся у него слова въ достаточной мѣрѣ опредѣляютъ его чувства. Въ то время какъ господа де-Буабертело и де-Вильморонъ выказывали всѣ признаки волненія, прохаживаясь по китайскому кабинету его величества, и тревожились болѣе чѣмъ подъ выстрѣлами вражеской батареи, Горри, заложивъ руки въ карманы, съ полнѣйшимъ спокойствіемъ любовался невиданнымъ имъ громаднымъ простѣночнымъ зеркаломъ. Когда г. де-Лестокъ, камергеръ короля, подошелъ къ нему съ вопросомъ: не боится ли онъ?—Горри ограничился отвѣтомъ: „Мой предокъ Жанъ де-Урбіета, баскскій рыцарь, не побоялся взять при Павіи шпагу Франциска I, его плѣнника. Почему же я побоюсь принять шпагу, которою Людовику XV-му угодно меня пожаловать?“

— Восхитительно!.. божественно!.. очаровательно!

— И все же тутъ есть рисовка, если только онъ дѣйствительно сказалъ эти самыя слова,—вставила ѣдкое замѣчаніе графиня де-Бранжъ, поддержавшая поэта;—обыкновенно всѣ такія словечки придумываются впослѣдствіи.

— Это бываетъ,—согласился Кидоржъ:—быть можетъ, господа де-Буабертело и де-Вильморонъ кое-что прибавили, но тутъ важна не столько буквальная точность выраженій, сколько то, что они вполнѣ дополняютъ обликъ Манека Горри—насколько я знаю его.

— Правда ли, что корсаръ отказался явиться къ королю въ парикѣ и придворномъ костюмѣ?—освѣдомилась г-жа де-Клервей.

Цѣлый рядъ восклицаній избавилъ доктора отъ отвѣта. Какъ? развѣ она не знала? Горри заявилъ, что если его старый костюмъ годился для битвы, то онъ достаточно хорошъ и для пріема. —Вѣдь это было такъ, monsieur Кидоржъ?

Докторъ отвѣтилъ, что онъ не рѣшится этого утверждать. Фактъ тотъ—что Горри представлялся королю въ національномъ костюмѣ басковъ. Во время аудіенціи, длившейся пять минутъ, онъ былъ удостоенъ самыми лестными знаками высочайшаго вниманія.

— Что же говорилъ Горри?

— До сихъ поръ историческія слова, имъ произнесенныя, еще неизвѣстны мнѣ. Г. де-Вильморонъ далъ понять, что при-

родный умъ и достоинство нашего корсара, въ связи съ крестьянскою смѣтливостью,—позволили ему съ честью выйти изъ испытанія. Быть можетъ, въ слѣдующій разъ мнѣ удастся передать вамъ тѣ сентенціи, которыми нашъ баскъ снискалъ уваженіе монарха и заткнулъ за поясъ философа Руссо...

Ропотъ негодованія и шутливые удары вѣеромъ—были отвѣтомъ на иронію доктора. Но вопросы продолжались.

Правда ли, что король предлагалъ Горри командованіе линейнымъ кораблемъ или даже эскадрою? Какого мнѣнія корсаръ о Парижѣ? Сколько ему лѣтъ? Правда ли, что Латуръ пишетъ съ него портретъ? Гдѣ можно его встрѣтить? Все ли еще онъ влюбленъ въ свою актрису?

Докторъ, съ улыбкою отвѣчавшій на полсотню вопросовъ, отступилъ передъ послѣднимъ. Между тѣмъ, романъ Горри съ Коризандою былъ одною изъ главныхъ причинъ, возбуждавшихъ общественное любопытство. Разговоръ перешелъ на любовь. Г-жа де-Сальвіанъ, имѣвшая двухъ мужей и неограниченное число поклонниковъ, замѣтила, что трудно себѣ представить: какъ можетъ любить подобный человѣкъ? Г-жа де-Люссэ сказала, что у людей первобытныхъ любовь должна выливаться въ особую форму, по случаю чего г. де-Толозэ, натуралистъ, вспомнилъ о папуасахъ, настигающихъ женщинъ въ саваннахъ. Мужчина силою затаскиваетъ жертву въ свой вигвамъ, и она становится на всю жизнь его добычей.

Дамы вскрикнули отъ ужаса. По ихъ усѣяннымъ брилліантами корсажамъ пробѣжала дрожь, но въ глазахъ изъ-подъ опущенныхъ рѣсницъ засверкали искры.

— Побьемся объ закладъ, mesdames, что вы были бы не прочь очутиться въ положеніи папуасокъ?—лукаво предположилъ Кидоржъ, вызвавъ этимъ бурю шутливаго негодованія.

Тѣмъ не менѣе, воображеніе нарядныхъ и раздушенныхъ куколокъ смущалъ образъ не дикаря, но человѣка пылкаго, искренняго, не тронутаго цивилизаціей. Мысль объ актрисѣ и ея возлюбленномъ смущала многихъ дамъ.

Маркиза де-Рессакъ упорно молчала. Это была брюнетка съ гибкой таліей; ея красныя, какъ кровь, губы и матовая кожа обличали полуиспанское ея происхожденіе. Она вдовѣла три года, и ей приписывали много романовъ, послѣдній изъ которыхъ имѣлъ трагическую развязку. Принцесса де-Лирузъ дерзко отбила у нея ея возлюбленнаго, г. де-Салленей, который, три дня спустя, былъ найденъ заколотымъ на улицѣ. Передъ смертью онъ описалъ примѣты своего убійцы: это былъ стройный, женствен-

ной наружности юноша, котораго онъ успѣлъ ранить въ лѣвую руку. Послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ полнаго уединенія, г-жа де-Рессакъ появилась въ обществѣ. Ея жгучіе глаза притягивали мужчинъ, но сердце ея оставалось покуда свободнымъ.

Она заговорила своимъ теплымъ, нѣсколько гортаннымъ голосомъ:

— Я на дняхъ обѣдала у президента де-Трэвъ съ этою актрисою и ея возлюбленнымъ. Въ теченіе вечера я за ними наблюдала, и вотъ мои выводы: она безумно въ него влюблена, а онъ ее не любитъ.

— Возможно ли это?

Всѣ оживились. Конечно, лишь страсть могла бросить корсара въ объятія актрисы, но страсть бываетъ непродолжительна. Актриса—притворщица по профессіи—можетъ ли имѣть власть надъ человѣкомъ, который—сама искренность? Навѣрное, онъ уже скучаетъ съ нею, тяготится ея цѣпями?

Дамы единодушно возмущались противъ безстыдной женщины, монополизировавшей героя. Г. де-Толозэ обратился съ поклономъ къ г-жѣ де-Рессакъ.

— Маркиза, удостойте этого человѣка вашимъ взглядомъ, и я убѣжденъ, что въ первый разъ въ жизни независимый станетъ рабомъ.

Дамы защебетали отъ восторга, но г-жа де-Рессакъ отвѣтила съ искреннимъ паѳосомъ:

— M-lle Коризанда—особа съ такими выдающимися достоинствами, что похитить у нея сердце героя—было бы недостойнымъ поступкомъ. Завоевать его силою—другое дѣло.

Она впилась лѣвою рукою въ атласную обивку кресла. Рука была бѣлая, длинная, мускулистая и на ней краснѣлъ рубецъ отъ раны. Г-жи де-Трэвъ и де-Люссэ обмѣнялись взглядомъ, а разбитая параличомъ графиня де-Клейрисъ поглядѣла на нее въ лорнетъ, какъ смотрятъ ветераны на идущихъ въ огонь новобранцевъ.

Возвращаясь домой, докторъ обдумывалъ слышанныя имъ въ салонѣ рѣчи, сторонясь въ то же время отъ брызгавшихъ грязью экипажей. На улицѣ Сенъ-Дени ему встрѣтилась толпа, окружавшая карету, въ которой докторъ немедленно узналъ экипажъ актрисы. Она и корсаръ сидѣли на задней скамейкѣ, въ глубинѣ.

Повернувъ къ Горри свое тонкое личико, слегка наклонясь въ его сторону, молодая женщина что-то ему говорила, и во всемъ—въ ея нѣжныхъ чертахъ, въ сіяющей улыбкѣ, въ обво-

лакивающей граціи движеній—чувствовалась страсть, обожаніе, беззавѣтное принесеніе въ даръ всей себя. Но Горри молчалъ—неподвижный, съ застывшимъ лицомъ. Изрѣдка съ его губъ срывались короткія замѣчанія или онъ сухо усмѣхался. Онъ оставался сосредоточеннымъ, далекимъ, замкнутымъ.

Но вдругъ взглядъ его загорѣлся, онъ остановился на чемъ-то, и на скулахъ корсара проступилъ мимолетный румянецъ. Онъ замѣтилъ въ нишѣ дома статую Пр. Дѣвы съ Младенцемъ на рукахъ. Рука его поднялась для того, чтобы сотворить крестное знаменіе, но затѣмъ корсаръ рѣзко отвернулся и лицо его снова окаменѣло.

Кидоржъ задумчиво вернулся домой.

XII.

Съ того утра, какъ, опьянѣвъ отъ крови и побѣды, Горри упалъ въ объятія актрисы, онъ жилъ въ какомъ-то кошмарѣ, не узнавая своей души. Переворотъ былъ слишкомъ рѣзокъ.

Горри былъ истиннымъ сыномъ своего народа—одновременно борцомъ и мистикомъ, рабомъ своихъ порывовъ; переходы отъ морскихъ опасностей къ пламенной молитвѣ у подножья алтаря, а оттуда на оргію дикаго разгула—были свойственны его природѣ. Могучая узда религіи одна бывала въ состояніи укротить его инстинкты, но стоило ей порваться—и звѣрь бралъ верхъ надъ человѣкомъ. Вчера онъ жилъ среди приготовленій къ смерти, онъ былъ близокъ къ гавани спасенія. Сегодня онъ снова погрузился въ бурное море, въ водоворотъ соблазновъ и страстей; въ немъ сразу сказалась кровь дикарей, его предковъ. Онъ рубился въ опьяненіи страсти; въ томъ же опьяненіи онъ накинулся на женщину, давшую ему счастье любви; онъ жадно вкушалъ всѣ земныя радости и продолжалъ наслаждаться ими до пресыщенія. Мысль о вѣчномъ проклятіи придавала имъ какую-то особую остроту. Онъ не виноватъ, онъ всѣми силами души стремился къ святости; Господь не допустилъ его, Онъ насильственно толкнулъ его на путь грѣха. Гибель, такъ гибель!

Любитъ ли онъ актрису, безстыдно его завлекшую? Возможно ли назвать однимъ и тѣмъ же словомъ чистое чувство его къ Хуанѣ и это теперешнее его безуміе? Нѣтъ, порою онъ готовъ ее возненавидѣть, но она приковываетъ его къ себѣ очарованіемъ страсти. Она словно опоила его волшебнымъ зельемъ; она олицетворяетъ собою всѣ соблазны, отъ которыхъ онъ желалъ бѣ-

жать, всю нечистоту грѣховную, отъ которой онъ хотѣлъ бы очиститься. Но стоитъ ей раскрыть ему объятія, какъ онъ все забываетъ, и бѣшеная страсть убиваетъ опасенія предстоящихъ ему адскихъ мукъ.

Къ чувственнымъ соблазнамъ присоединился еще соблазнъ гордыни. Всѣ баски благородны, но все же Горри не могъ не подивиться собственному возвышенію. Изъ преступника, заранѣе осужденнаго на смертную казнь, онъ превратился въ вождя. Его могучая рука спасла фрегатъ. Въ теченіе нѣсколькихъ часовъ онъ оказалъ королю бо̀льшія услуги, нежели его генералы и адмиралы. Когда онъ высадился въ Брестѣ, начальствующія лица обнажили головы, народъ привѣтствовалъ его. Съ этой минуты гордость, полная презрѣнія, овладѣла его сердцемъ. Въ Сенъ-Жанъ-де-Люцъ найдутся два десятка людей, которые сдѣлали бы то же, что̀ и онъ. Человѣчество, бѣгущее за нимъ вслѣдъ, осыпающее его похвалами, показалось ему мелкимъ, достойнымъ презрѣнія. И тѣмъ не менѣе, ѳиміамъ славы не могъ не опьянить его. Самъ король пожелалъ видѣть его — Горри, китолова, корсара, преступника.

Преступенъ ли онъ? Въ водоворотѣ ощущеній и мыслей, его закрутившихъ, у Горри явились странныя подозрѣнія. Для него, поднявшагося на такую высоту — обязательны ли тѣ принципы религіи и морали, которымъ онъ ранѣе подчинялся? Для людей исключительныхъ не существуетъ ли право наслаждаться тѣмъ, что̀ воспрещается людямъ обыкновеннымъ?

Изъ оконъ кареты, увозившей его съ актрисою въ Парижъ, — Горри знакомился съ новымъ міромъ. Въ городахъ, черезъ которые они проѣзжали, его встрѣчала не только невѣжественная толпа, но вельможи и сановники, поставленные надъ людьми королевскою или Божьей волей. Знатныя дамы, разодѣтыя и полуобнаженныя, предлагали ему себя съ такимъ же безстыдствомъ, какъ продажныя женщины. Прелаты и епископы кланялись ему и цѣловали руку его возлюбленной.

Въ Реннѣ, гдѣ они пробыли два дня, архіепископъ пригласилъ его и m-lle Коризанду къ обѣду. Набожный прелатъ, о которомъ всѣ говорили какъ о столпѣ католической церкви, пухлый, съ бѣлыми руками, румянымъ лицомъ и плѣнительнымъ обращеніемъ, усадилъ его напротивъ себя, актрису же — рядомъ съ собою. За дессертомъ монсиньоръ произнесъ рѣчь; онъ поздравилъ корсара, прославившаго Господа истребленіемъ враговъ, а m-lle Коризанду — съ тѣмъ, что она явилась очарова-

тельнымъ орудіемъ, посредствомъ котораго Богу было угодно открыть Горри свою волю.

Опьяненный пиршествомъ, Горри почти отказался отъ своихъ крестьянскихъ предубѣжденій, и, съ одобренія примаса, онъ высказалъ въ этотъ вечеръ m-lle Коризандѣ большую, чѣмъ обыкновенно, нѣжность, почти изъятую отъ горечи.

Бурная шумная жизнь Парижа и Версаля научила Горри утонченностямъ и изворотамъ чуждой ему цивилизаціи, но среди этого блеска онъ еще яснѣе понялъ, что все—суета суетъ. Зрѣлище безумнаго честолюбія—заставило его сильнѣе познать равенство людей, и онъ принималъ сыпавшіяся на него почести такъ же невозмутимо, какъ выдерживалъ бурю и натискъ враговъ.

Поразительная смѣна противоположностей и событій столь различнаго характера развила въ немъ своеобразный, отчаянный и насмѣшливый фатализмъ. Человѣкъ является игралищемъ непостижимыхъ силъ: сегодня — преступникъ, завтра — герой, онъ безсиленъ передъ судьбою. Принципы, ученія, формулы — все это слова, на которыя ловятся простаки. „Христіаннѣйшій“ король имѣетъ любовницъ, которыми онъ дѣлится съ князьями церкви. Они, въ свою очередь, попираютъ ногами религію; вельможи злоупотребляютъ властью, смѣются надъ совѣстью и честью. Люди презираютъ долгъ, вѣрность, чистоту, нравственность. Они оскорбляютъ Бога, прикрываясь Его именемъ,—да и есть ли вообще Богъ?

Горри пересталъ ходить въ церковь, и, дойдя до такихъ выводовъ, онъ съ дикой страстью упивался ласками женщины, воплощавшей для него отравленную и мучительную чашу наслажденія.

Со своей стороны, m-lle Коризанда любила Горри со всѣмъ подъемомъ, на какой была способна ея восторженная душа. Когда, въ кровавое утро побѣды, она, обезсиленная ужасомъ и любовью, отдалась ему—великому и отвратительному въ одно и то же время, она захотѣла потомъ, въ порывѣ гордости, оттолкнуть его, но руки ея лишь крѣпче обвились вокругъ шеи побѣдителя. Съ этой минуты она сознала, что принадлежитъ навѣки и безповоротно человѣку, принесшему ей откровеніе любви. Въ объятіяхъ корсара m-lle Коризанда впервые познала божественную, всепоглощающую страсть. Какъ далеки показались ей печальныя воспоминанія первой ея молодости и та старческая нѣжность маркиза де-Моннеза, которою онъ пытался согрѣть ея сердце! Какъ блѣдны и искусственны были всѣ романы, баю-

кавшіе ея скуку! M-lle Коризанда поняла, что она начала жить лишь съ той минуты, какъ увидѣла Горри. До тѣхъ поръ она лишь ожидала его.

Вначалѣ она думала, что ненавидитъ его; она инстинктивно страшилась силы своего чувства, но она уже любила его. Въ немъ она нашла человѣка сильнаго, съ суровыми понятіями о долгѣ и чести, съ пылкими порывами чуждаго ухищреній цивилизаціи человѣка. Онъ—непобѣдимый герой, нѣсколько загадочный и суровый, онъ—тотъ, передъ кѣмъ должны радостно преклониться женская гордость, достоинство, чистота. Онъ — тотъ, передъ кѣмъ все должно пасть и стушеваться. Она родилась для того, чтобы принадлежать ему. Онъ — ея возлюбленный, ея господинъ, ея Богъ. Дни и ночи, проводимыя ею близъ него,—мучительный и сладостный экстазъ.

Съ перваго дня къ блаженству удовлетворенной любви примѣшалась смутная тревога.

Когда, упоенная счастьемъ, она обратилась къ нему съ вѣчнымъ вопросомъ:—„любишь ли ты меня?"—онъ промолчалъ, но его тонкія губы полураскрылись жестокою улыбкою. Онъ не отвѣтилъ и на вторичный молящій ея вопросъ, но только съ новою силою сжалъ ее въ своихъ объятіяхъ.

Такимъ онъ и остался. Глаза его загораются страстью при взглядѣ на нее, ласки его бурны и неистовы, но въ обыкновенное время онъ сдержанъ, молчаливъ, держитъ себя надменно, снисходительно. Онъ коротко отвѣчаетъ на ея разспросы о томъ, что̀ онъ думаетъ, о его жизни. Никогда она не слышала отъ него нѣжныхъ словъ, онъ не допускаетъ ее въ тайники своей души, но, быть можетъ эта самая таинственность всего болѣе плѣняетъ ее. Онъ такъ непохожъ на остальныхъ мужчинъ, такъ рѣзокъ и загадоченъ, что она, какъ женщина, жаждущая подчиненія, сразу признала его своимъ властелиномъ; но именно то невѣдомое, что̀ она чувствуетъ въ немъ, и порождаетъ въ ней глухое безпокойство.

Онъ любитъ ее, страстность его ласкъ служитъ тому доказательствомъ: притворяться онъ не умѣетъ. Но что это̀ за любовь? Долго ли она продлится? Каждый разъ, входя съ нимъ въ салонъ, m-lle Коризанда страдала при видѣ безстыдныхъ улыбокъ женщинъ, слыша двусмысленные комплименты ихъ по адресу Горри. Его осыпаютъ раздушенными записочками. Иногда ею овладѣвало желаніе выцарапать эти наглые глаза свѣтскихъ развратницъ, но, боясь раздражить Горри, она скрывала отъ него свои муки и сама убѣждала его посѣщать общество. Она смутно

чувствовала, что увлеченіе баска свѣтскою жизнью было все же въ ея интересахъ.

Съ тѣхъ поръ какъ тщеславіе проснулось въ немъ и онъ сталъ находить нѣкоторое удовольствіе въ блестящей разсѣянной жизни, нравъ его смягчился. Однажды, когда онъ дружески, почти нѣжно съ нею разговаривалъ, она въ увлеченіи любви предложила ему уѣхать, поселиться гдѣ-нибудь въ хижинѣ. Онъ иронически, но безъ злобы улыбнулся и пожалъ плечами.

— Но вѣдь еслибы вы женились на m-lle Мендіондо, вы стали бы вести такую жизнь?

Тогда онъ окинулъ ее такимъ жесткимъ, тяжелымъ, ледянымъ взглядомъ, что сердце у нея похолодѣло, и она замолчала. Она поняла разницу, которую онъ дѣлаетъ между нею и чистою дѣвушкою. Къ его страсти примѣшивается презрѣніе. Она удерживаетъ его путемъ чувственныхъ наслажденій и тщеславія. Не слѣдовало говорить ему объ уединеніи. Онъ соскучится съ нею и подпадетъ подъ власть прежнихъ своихъ мечтаній.

Съ яснымъ лицомъ m-lle Коризанда стала появляться вмѣстѣ съ Горри въ салонахъ, на прогулкахъ; она граціозно выслушивала отравленныя любезности и коварные намеки. Она посѣщала съ нимъ дома герцогинь и умирала отъ ревности на ужинахъ, видя, какъ знатныя дамы и куртизанки задѣвали его своими платьями и прикасались къ нему обнаженными плечами. Чтобы возбудить въ немъ ревность, она вновь выступила на подмосткахъ.

Онъ видѣлъ, какъ она волновала зрителей ощущеніями жалости, восторга, желанія, появляясь передъ ними въ нескромной одеждѣ, и по возвращеніи изъ театра его собственное влеченіе къ ней разгоралось.

Съ величайшимъ терпѣніемъ и энергіей она пыталась, съ помощью всякихъ ухищреній, окончательно завоевать своего возлюбленнаго; быть можетъ, современемъ она убѣдитъ его, что ея великая любовь такъ же благородна, возвышенна и чиста, какъ любовь той простой дѣвушки, которую онъ еще не забылъ. M-lle Коризанда мечтала о героическихъ подвигахъ, о чудесахъ самоотверженія...

Однажды, за ужиномъ у герцога де-Витри, съ глазъ у нея упала повязка, и она пошатнулась, словно получивъ ударъ прямо въ сердце.

Горри сидѣлъ за столомъ между г-жею де-Жедръ и г-жею де-Рессакъ. Брюнетка съ огненными глазами не отпускала его отъ себя весь вечеръ. Ради нея онъ измѣнилъ обычному своему равнодушію; онъ разсказывалъ ей о своей родинѣ и даже смѣялся

тѣмъ дѣтскимъ смѣхомъ, который бывалъ такъ рѣдокъ у него. Въ теченіе слѣдующихъ дней m-lle Коризанда, упорно слѣдившая за нимъ, убѣдилась, что онъ не видѣлся съ маркизою. Она нѣсколько успокоилась, но пробужденіе было ужасно.

Давали „Жанну д'Аркъ", сочиненіе г-на де-Сентъ-Ипполита, историческую трагедію, отчасти приноровленную, въ цѣляхъ патріотизма, къ тогдашней эпохѣ, и m-lle Коризанда съ удовольствіемъ взяла на себя роль Жанны. Воплощая образъ безхитростной и чистой крестьянской дѣвушки, она заставитъ Горри позабыть о своемъ прошедшемъ, и этимъ какъ бы станетъ ближе къ нему. Онъ увидитъ ее въ роли вдохновенной Господомъ героини, побѣдительницы англичанъ, увлекшей за собою цѣлый народъ. Лотарингская дѣвственница невольно сольется въ его представленіи съ его возлюбленною. Онъ станетъ лучше, чище любить ее...

Въ день перваго представленія самъ авторъ былъ изумленъ жаромъ и благоговѣніемъ, тѣмъ ангельскимъ вдохновеніемъ, съ какимъ одѣтая въ простой холстъ и грубую пряжу актриса произносила стихи, въ которыхъ пастушка изъ Домреми выражаетъ свои чувства.

M-lle Коризанда украдкою слѣдила за своимъ возлюбленнымъ, сидѣвшимъ во второмъ ряду креселъ. Она съ радостью увидѣла, какъ рѣзкія черты на лбу его разгладились, лицо смягчилось и просвѣтлѣло. Для его простой души женщина, взывавшая къ Богу во имя истерзанной родины, была уже не та женщина, которая засыпала каждую ночь у него на груди. Въ моментъ паденія занавѣса, подъ рукоплесканія партера, она, стоя на колѣняхъ, увидѣла, какъ Горри отиралъ слезу.

Во второмъ актѣ выходъ Жанны сразу поднялъ настроеніе. Когда, кинувшись къ ногамъ безпечнаго монарха, она принялась умолять его вооружиться, и затѣмъ звенящимъ отъ страсти голосомъ произнесла призывъ къ его чести, къ мужеству всего королевскаго двора—по залѣ пробѣжалъ трепетъ. Слова о народномъ позорѣ прозвучали страннымъ совпаденіемъ. Не тотъ ли самый врагъ угнеталъ Францію? Не та ли самая безпечность ослабляла сердца вельможъ? Единственный славный подвигъ за всю кампанію былъ совершенъ человѣкомъ незнатнаго происхожденія, народнымъ героемъ. Жанна д'Аркъ была тоже дочерью народа, и публика невольно устанавливала связь между произносимыми актрисою со сцены словами и личностью корсара. Она объединяла ихъ въ выраженіяхъ сочувствія, и m-lle Коризанда, граціозно раскланиваясь, понимала, что ея возлюбленный раздѣ-

лялъ общее настроеніе. Она вдругъ стала ему ближе; увлеченный общимъ энтузіазмомъ, онъ апплодировалъ ей, и его пламенный взоръ проникалъ въ самую глубь ея существа.

Но въ слѣдующемъ актѣ, во время сцены поединка, для которой m-lle Коризанда взяла нѣсколько уроковъ у знаменитаго фехтовальщика, актриса, поднявъ глаза, увидѣла, что Горри не было на его мѣстѣ. Она замѣшкалась и едва не получила ударъ рапирою прямо въ лицо. Реплику свою она произнесла беззвучно и провалила сцену, на которую авторомъ и директоромъ возлагались большія надежды. Ея острый взоръ не замедлилъ найти Горри въ ложѣ г-жи де-Рессакъ, предоставлявшей ему любоваться ея алебастровыми плечами и сіяющей улыбкой. Манекъ, слегка нагнувшись къ ней, внимательно ее слушалъ.

Остатокъ вечера былъ для актрисы пыткою, а для автора — переходомъ отъ надежды къ отчаянію. Она играла неровно, порывисто; порою она старалась привлечь вниманіе Горри своею трагическою мимикою и силою паѳоса, но онъ оставался разсѣяннымъ, и тогда все путалось у нея въ головѣ, она теряла тонъ, дѣлала неловкости. Ропотъ неудовольствія заставилъ ее опомниться. Недоставало только, чтобы ее освистали на глазахъ у соперницы! Въ сценѣ допроса и суда m-lle Коризанда снова покорила себѣ публику. Голосъ ея звучалъ то гордостью, то страстью, то жалобой, и сердца публики сжимались отъ волненія, слезы навертывались на глазахъ. Весь театръ поднялся, тысячи устъ привѣтствовали актрису. У себя въ ложѣ г-жа де-Рессакъ небрежно апплодировала ей; рядомъ съ нею неподвижно стоялъ Горри съ нахмуреннымъ лбомъ; ногти его впивались въ бархатную обивку.

Когда въ послѣднемъ актѣ Жанна д'Аркъ появилась въ цѣпяхъ, окруженная англійскими солдатами, и стала медленно подниматься на костеръ, она, казалось, дѣйствительно изнемогала подъ гнетомъ жестокой судьбы. И когда вокругъ нея поднялось пламя, черты ея выразили столь истинное, ужасающее, глубоко-человѣчное страданіе, что, по выраженію критика, г. Фрерона, она явилась въ этотъ мигъ болѣе женщиной, чѣмъ героиней. Въ ту минуту, когда Жанна умоляетъ небо о состраданіи, въ которомъ люди ей отказали, m-lle Коризанда, поднявъ глаза, увидѣла, что ложа г-жи де-Рессакъ опустѣла. Привязанная къ костру дѣва, покинутая своимъ королемъ, сомнѣвающаяся въ Богѣ, переносящая физическія и нравственныя муки, страдала не болѣе, чѣмъ брошенная актриса въ то время, какъ она съ улыбкою кланялась публикѣ подъ громъ апплодисментовъ.

Горри вернулся поздно ночью и не далъ ей никакого объясненія. Съ того дня онъ еще болѣе замкнулся въ себѣ, сдѣлался еще молчаливѣе. Она не посмѣла ни разспрашивать его, ни удерживать. Она боялась, чтобы онъ совсѣмъ не ушелъ отъ нея. Она предпочитала тревогу, стыдъ, весь ужасъ раздѣла—непоправимой, страшной возможности потерять его. Пытка казалась ей предпочтительнѣе смерти. Случайно ей попалась на глаза выпавшая у него изъ кармана бумажка, и едва лишь дверь заперлась за нимъ, какъ m-lle Коризанда кинулась къ ней, развернула ее... Отъ письма распространялся запахъ духовъ, оно было написано тонкимъ женскимъ почеркомъ.

„Monsieur Горри, не скрою отъ васъ, что ваши достоинства произвели на меня сильное впечатлѣніе. Еще ни одному мужчинѣ не удавалось тронуть такъ сильно мое сердце. Судя по нѣкоторымъ признакамъ, это чувство нашло откликъ и въ васъ; поэтому гордость моя позволяетъ мнѣ писать вамъ эти строки, не боясь униженія. Если мы достойны другъ друга, если наши сердца одинаково благородны — вы не оскверните возвышенную страсть раздѣломъ или жалкимъ притворствомъ. Если это лицо, на которомъ съ удовольствіемъ останавливались ваши взоры, если эта фигура, казавшаяся вамъ совершенствомъ, если страстная любовь, славное имя и значительное богатство—не кажутся вамъ настолько ничтожными, что вы не пожелали бы обладать всѣмъ этимъ, дайте мнѣ доказательство вашей искренности, порвавъ недостойную связь. Спѣшите къ той, которая готовитъ вамъ блестящую, несомнѣнно предназначенную вамъ судьбою будущность.

„Ваша—когда вы этого пожелаете.

„Марія, маркиза де-Рессакъ".

M-lle Коризанда читала и перечитывала эти строки; гнѣвъ и скорбь разрывали ея душу. Презрѣніе соперницы не произвело на нее впечатлѣнія, но если та рѣшается такъ безстыдно предлагать себя, значитъ она заранѣе увѣрена въ отвѣтѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, актриса ощутила облегченіе, узнавъ, что до сихъ поръ она еще не была обманута. Ея возлюбленный еще вѣренъ ей. Надолго ли? Навсегда! Она не дозволитъ отнять его у себя, ея рѣшеніе принято.

M-lle Коризанда накинула плащъ, на голову — кружевную мантилью и поѣхала въ наемномъ экипажѣ къ маркизѣ. Сначала, при видѣ ея небрежнаго костюма, лакей не рѣшался впустить ее, но она повелительно сказала:

— Доложите сейчасъ же вашей госпожѣ, что ее спрашиваетъ отъ имени Горри m-lle Коризанда!

Эти имена служили ключомъ, открывающимъ всѣ двери; лакей, низко поклонившись, провелъ молодую женщину въ будуаръ.

Маркиза де-Рессакъ полу-лежала на бержеркѣ. На ея матовомъ лицѣ кровавымъ пятномъ выдѣлялся красный ротъ, а сверкающіе глаза ея показались актрисѣ двумя кинжалами.

Маркиза граціозно приподнялась, пригласила ее сѣсть и заговорила своимъ низкимъ голосомъ:

— Я счастлива, mademoiselle, что ваше посѣщеніе даетъ мнѣ возможность высказать вамъ, какъ я восхищаюсь вашимъ талантомъ.

Этотъ любезный пріемъ, самообладаніе маркизы, роскошь, ее окружающая,—смутили на минуту m-lle Коризанду, но гордость и искусство актрисы помогли ей овладѣть собою. Она отвѣтила съ изящной скромностью, и покуда обѣ женщины обмѣнивались случайными фразами, взоры темныхъ и голубыхъ глазъ скрестились, какъ два меча. Наступила пауза; затѣмъ m-lle Коризанда, глядя прямо передъ собою, сказала твердо:

— Позвольте мнѣ, маркиза, объяснить цѣль моего посѣщенія. Женщина моей профессіи не явится, какъ вы сами понимаете, безъ важныхъ къ тому поводовъ, къ такой знатной дамѣ, какъ вы.

Г-жа де-Рессакъ поспѣшила протестовать. Талантъ и грація m-lle Коризанды дѣлаютъ ее равною аристократкамъ; притомъ эти предразсудки уже исчезаютъ. Любезность маркизы показалась актрисѣ ироніей. Она поклонилась и продолжала:

— Вамъ извѣстно, маркиза, что Манекъ Горри—мой любовникъ. Я люблю его всѣми силами души. Онъ—моя жизнь, онъ—все для меня. Меня увѣряютъ, что вы тоже его любите. Я пришла узнать: правда ли это?

Маркиза вздрогнула, она не ожидала такого прямого нападенія, но отвѣтила съ оскорбительною холодностью:

— Mademoiselle, другая женщина на моемъ мѣстѣ сочла бы это за обиду. Но я сама просила васъ забыть о разстояніи между мною и—актрисою или простымъ рыбакомъ. Поэтому я отвѣчу вамъ, что вы дурно освѣдомлены.

Въ ея словахъ звучало невыносимое высокомѣріе; m-lle Коризанда почувствовала, что ея плебейская гордость возмутилась. Она отвѣтила рѣзкимъ тономъ и столь же высокомѣрно:

— Не притворяйтесь, маркиза, и взгляните на это письмо! Вы не станете отрицать, что вы писали его?

Маркиза вспыхнула, но оправилась и отвѣтила, играя перстнями на своей рукѣ:

— Такъ какъ переписка вашего возлюбленнаго вамъ извѣстна, я не стану отрицать, что исключительныя достоинства Манека Горри внушили мнѣ желаніе возвысить его до себя. Сейчасъ я изъ чувства жалости къ вамъ сказала неправду.

M-lle Коризанда поднялась, она вся дрожала.

— Я не хочу вашей жалости, я хочу сохранить его любовь. Я запрещаю вамъ отнимать его у меня.

Г-жа де-Рессакъ отвѣтила съ тѣмъ же спокойствіемъ:

— А по какому праву, желала бы я знать?

M-lle Коризанда сдѣлала надъ собою усиліе и сдержалась.

— Простите, маркиза, если я въ своемъ волненіи не взвѣсила своихъ словъ. У меня нѣтъ никакихъ правъ, за исключеніемъ правъ любви. Я пришла не съ тѣмъ, чтобы оскорблять васъ, но для того, чтобы, открывъ вамъ всю глубину моей любви къ Горри, тронуть васъ, и заставить отказаться отъ прихоти, которая, доставивъ вамъ мимолетное удовлетвореніе, разбила бы то, что мнѣ дороже самой жизни.

Маркиза взглянула на актрису съ бо̀льшимъ участіемъ, ея высокомѣріе смягчилось. M-lle Коризанда это почувствовала и съ умоляющимъ видомъ сложила руки.

— Простите, маркиза, вы не знаете, какъ я люблю его!

Наступило молчаніе; г-жа де-Рессакъ провела рукою по глазамъ.

— Mademoiselle, повѣрьте мнѣ, я съ искреннимъ огорченіемъ отказываюсь подчиниться не приказанію вашему, но просьбѣ.

— Вы хотите отнять его у меня?

— M-lle Коризанда, ваша попытка и все, что я о васъ знаю — внушаютъ мнѣ уваженіе къ вамъ; поэтому, забывая о женской стыдливости и привилегіяхъ моего круга, я отвѣчу вамъ откровенно. Еслибы чувство, влекущее меня къ Манеку Горри, было прихотью, я съ радостью отказалась бы отъ него, но у такихъ женщинъ, какъ я, не бываетъ прихотей, а только страсти. Я, какъ и вы, люблю Горри.

— Вы его любите?

Актриса сдѣлала шагъ впередъ, словно готовясь кинуться на соперницу. Онѣ стояли лицомъ къ лицу, съ раздувающимися ноздрями, со сверкающими глазами, изливая въ упоръ свою ненависть другъ къ другу. Маркиза повторила тономъ вызова:

— Да, я люблю его—всѣми силами, всей душой. Для того, чтобы принадлежать ему, я забываю о пропасти, насъ раздѣляющей. Внѣ его для меня ничего нѣтъ. Онъ уже былъ бы моимъ, но гордость мѣшаетъ мнѣ дѣлить съ вами его лю-

бовь. Я хочу, чтобы онъ принадлежалъ мнѣ, мнѣ одной, слышите ли вы?

Передъ яростью соперницы m-lle Коризанда отступила, но кинула ей въ лицо слова:

— Любите его, но вы знаете, что онъ васъ не любитъ, если вы принуждены предлагать ему свою любовь.

Г-жа де-Рессакъ отвѣтила съ коварною улыбкой:

— Что же вы здѣсь дѣлаете, если вы увѣрены, что Горри меня не любитъ?

M-lle Коризанда поняла, что своимъ поступкомъ она обнаружила собственную слабость. Но все же она не сдалась.

— Все равно. Покуда я жива — Горри не будетъ вашимъ.

— Не вижу необходимости въ томъ, чтобы вы жили, — съ жестокостью отвѣтила маркиза.

Вихрь безумія пронесся въ мозгу актрисы. На консоли лежалъ испанскій кинжалъ съ дамасскою рукоятью. Она схватила его, но пальцы маркизы впились въ ея руку. Г-жа де-Рессакъ была выше ея и сильнѣе.

Актриса поблѣднѣла, слезы подступили къ ея глазамъ, она со стономъ выронила оружіе.

Г-жа де-Рессакъ самоувѣренно усмѣхнулась.

— Видите, вы безсильны противъ меня.

M-lle Коризанда удержала слезы, готовыя хлынуть; гордость ея оказалась сильнѣе ея страданія.

Она повторила съ мрачною рѣшимостью:

— Покуда я жива, Горри будетъ моимъ. А я не убью себя.

Маркиза посмотрѣла на нее безъ ненависти, скорѣе—съ сожалѣніемъ, смѣшаннымъ съ ироніей.

— Слова... Пустыя слова! Вы безсильны. Что можете вы сдѣлать? Напоить моихъ слугъ? Подослать убійцъ? Жалкія средства! Одно мое слово начальнику полиціи—освободитъ меня отъ васъ.

Актриса заломила руки. Она отступала, какъ загнанный звѣрь, и, не находя другихъ словъ, отчаянно повторяла:

— Покуда я жива — Горри не будетъ принадлежать вамъ!

Маркиза молча глядѣла на нее. Натура у нея была неумолимая и безудержная, но не лишенная благородства. Упрямая гордость актрисы ей нравилась. Она презирала людей, способныхъ унижаться. Видя, что m-lle Коризанда уходитъ, она остановила ее:

— Mademoiselle, я нахожу, что одна изъ насъ — лишняя на землѣ. Я могла бы устранить васъ безъ всякаго риска для

себя, но подобный поступокъ недостоинъ чувствъ, которыя мы обѣ питаемъ къ Горри. На дняхъ господа де-Наваррё и де-Міолланъ дрались на дуэли изъ-за m-lle Флоримонды, оперной пѣвицы. Г. де-Наваррё былъ раненъ въ грудь, и г. де-Міолланъ добился любви красавицы. Я полагаю, что такъ называемая слабость нашего пола—одинъ изъ предразсудковъ. Восхищаясь вами въ роли Жанны д'Аркъ, я убѣдилась, что вы не чужды искусству владѣть шпагою; я сама не совсѣмъ неопытна въ этомъ дѣлѣ (взоръ маркизы остановился на рубцѣ, перерѣзавшемъ ея лѣвую руку)... Отказавшись отъ мелкой, безплодной борьбы, жалкихъ слезъ и угрозъ, къ которымъ прибѣгаютъ женщины обыкновенныя, не пожелаете ли вы рѣшить нашъ споръ съ оружіемъ въ рукахъ? Не сомнѣваюсь, что, тронутый этимъ необычнымъ доказательствомъ любви, Горри всецѣло отдастъ свое сердце женщинѣ, которая для того, чтобы завоевать его, откинула свойственную ея полу слабость. Побѣжденной не придется влачить жалкое и ненужное существованіе.

M-lle Коризанда съ секунду колебалась. Бой будетъ неравнымъ, соперница ея—сильнѣе, и рука, поразившая г. де-Салленей, не пощадитъ ее. Но актриса помнила, что Горри ускользаетъ отъ нея. Это — единственная возможность удержать его. Она твердо отвѣтила:

— Маркиза, благодарю васъ за ваше предложеніе, я принимаю его.

Г-жа де-Рессакъ попросила ее сѣсть. Она позвонила лакея, который подалъ дессертъ, и обѣ онѣ, кушая лакомства на драгоцѣнныхъ тарелочкахъ, стали сговариваться относительно условій поединка на жизнь и смерть.

XIII.

Было прелестное весеннее утро. Передъ отелемъ m-lle Коризанды остановилась карета, изъ которой вышли герцогиня де-Рейлльи и m-lle Таиса, пѣвица итальянской оперы. Обѣ онѣ, въ качествѣ искреннихъ поклонницъ таланта и личности m-lle Коризанды, предложили ей свои услуги. На нихъ былъ подходящій къ случаю костюмъ. Герцогиня надѣла треуголку, длинный коричневый рединготъ и варшавскіе сапожки; m-lle Таиса драпировалась въ итальянскій плащъ, изъ-подъ котораго виднѣлись бѣлые гэтры.

M-lle Коризанда вышла къ нимъ въ плащѣ изъ сѣраго дро-

гета; онѣ усадили ее въ карету, которая тотчасъ же тронулась, и принялись нѣжно ее успокаивать. Хорошо ли она спала? Актриса поспѣшила отвѣтить, что она совершенно спокойна, хотя мало спала.

— Видите?—Она протянула имъ свои маленькія руки. Онѣ были холодны, но не дрожали.

Ея мужество привело обѣихъ дамъ въ восторгъ. По дорогѣ въ Булонскій лѣсъ m-lle Коризанда грустно улыбнулась. Она дорожила бы жизнью, еслибы Горри любилъ ее. Если она такъ равнодушна, то лишь потому, что внутренній голосъ говоритъ ей, что Горри потерянъ для нея.

Во время безсонной ночи она съ удивительной ясностью, шагъ за шагомъ, возстановила въ памяти событія послѣдняго времени. Съ каждымъ днемъ Горри какъ бы уходилъ отъ нея; онъ сталъ избѣгать ея присутствія, ея ласкъ, и на ея нѣжныя слова отвѣчалъ рѣзко, отрывисто, со сдержанною злобой. Еще вчера, въ эту послѣднюю ночь, онъ замкнулся въ зловѣщемъ молчаніи; глаза его были опущены, словно онъ боялся выдать ихъ тайну; когда она протянула ему губы для поцѣлуя — онъ почти грубо оттолкнулъ ее. Сейчасъ она на цыпочкахъ входила къ нему въ комнату. Онъ спалъ съ нахмуреннымъ лицомъ, и когда она наклонилась къ нему, онъ инстинктивно отстранилъ ее, словно и во снѣ она была ему ненавистна.

Итакъ, для нея лучше всего умереть. Какая прекрасная развязка для пятаго акта драмы—смерть въ лѣсу, опушенномъ молодою листвой, подъ пѣніе птицъ, въ лучахъ восходящей зари! Быть можетъ, у Горри найдется слеза для той, которая умретъ изъ-за него? Она уже видѣла себя распростертою на травѣ, окрашенной ея кровью, и готовила свой послѣдній монологъ.

Карета остановилась. Молодая женщина очнулась отъ своего забытья. Герцогиня шепнула ей на ухо:

— Онѣ уже пріѣхали.

Въ двадцати шагахъ онѣ увидѣли маркизу, окруженную блестящею группою. Г-жи де-Жедръ и де-Траси служили ей секундантами, но кромѣ нихъ явились въ качествѣ публики нѣсколько титулованныхъ дамъ и „лѣсныхъ нимфъ“, старый принцъ де-Ферльё, герцоги де-Соргъ и де-Сентъ-Аррой, нѣсколько петиметровъ и сочинителей. Все это группировалось въ тѣни деревьевъ. M-lle Коризанда, въ виду публики, рѣшила превзойти себя.

Секунданты обмѣнялись поклонами. Принцъ де-Ферльё предложилъ имъ свои услуги относительно подробностей дуэли; мѣсто было отмѣряно, оружіе выбрано. Стальная рукоять показалась

тяжелою для слабой руки актрисы. Но не все ли равно? Г-жа де-Рессакъ заняла указанное ей мѣсто и воткнула кончикъ шпаги въ землю, пробуя гибкость стали.

На ней былъ гусарскій ментикъ, буфчатая юбка и гэтры изъ оленьей кожи; вся ея фигура производила впечатлѣніе увѣренности, ловкости и силы. Она напомнила m-lle Коризандѣ пантеру, готовую прыгнуть. Актриса сбросила съ себя сѣрый плащъ; она казалась совсѣмъ миніатюрной въ своей мужской шолковой рубашкѣ, открывавшей шею, и въ бѣлыхъ бархатныхъ панталонахъ. Шопотъ сочувствія и удивленія встрѣтилъ ее. Рядомъ со своей высокой темноволосой соперницей она производила впечатлѣніе робкаго бѣлокураго мальчика.

M-lle Таиса, готовая лишиться чувствъ, что-то шептала на ухо пріятельницѣ; m-lle Коризанда соглашалась съ нею, но не слышала ея словъ. Все ея вниманіе было сосредоточено на маркизѣ, небрежно игравшей шпагою. По губамъ ея скользила спокойная улыбка,—по ея губамъ, которыя сегодня вечеромъ будетъ цѣловать Горри. M-lle Коризанда чувствовала себя осужденною, и дуэль представилась ей ненужной комедіей. Ей хотѣлось бросить шпагу и подставить грудь подъ ударъ: пусть соперница покончитъ съ нею разомъ, чтобы ей не пришлось слишкомъ страдать. Приготовленія были окончены, всѣ смолкли. Г-жа де-Жедръ, отступивъ на шагъ, сказала:

— Allez!

Словно во снѣ, m-lle Коризанда увидѣла, какъ ея соперница пригнулась, готовясь напасть на нее; она инстинктивно сдѣлала движеніе, чтобы отразить ударъ. А впрочемъ—къ чему? Лучше—скорый конецъ. Она сама подалась навстрѣчу острію шпаги и, закрывъ глаза, протянула руку впередъ. Почти въ ту же минуту она выпустила оружіе, вскрикнула и—отшатнулась.

Маркиза, не шевелясь, стояла передъ нею. Губы ея все еще пытались улыбнуться, но вдругъ она пошатнулась, страшно поблѣднѣла, на губахъ ея проступила кровавая пѣна, и она тяжело повалилась на траву, проколотая шпагою насквозь.

M-lle Коризанду окружили со всѣхъ сторонъ, осыпая ее поздравленіями. M-lle Таиса и герцогиня обняли ее и залились слезами. Она стояла—безчувственная и безмолвная, глядя вслѣдъ тѣлу соперницы, которое поспѣшили унести. Ей казалось, что она находится во власти тяжелаго кошмара, что она сейчасъ проснется. Не ей слѣдовало стать убійцею. Она готова была разрыдаться.

Но внезапно видъ крови напомнилъ ей трагическую минуту ея жизни, связавшую ея судьбу съ судьбою Горри. И вдругъ ею

овладѣла дикая радость. Кровь впервые соединила ихъ уста,— пусть же кровь закрѣпитъ ихъ любовь. Она убила для того, чтобы сохранить возлюбленнаго.

Краснорѣчіе крови убѣдительнѣе для Горри, чѣмъ краснорѣчіе нѣжныхъ словъ и ласкъ. Когда онъ узнаетъ о происшедшей изъ-за него борьбѣ, онъ оцѣнитъ ее по достоинству.

M-lle Коризанда съ расцвѣтшею душою сѣла въ экипажъ. Она съ наслажденіемъ вдыхала восхитительную свѣжесть утра. Солнце сіяло, розы распускались для нея одной... Но вотъ она уже миновала заставу de l'Etoile, потянулись отели. Нетерпѣніе охватило актрису, она высовывалась изъ кареты. Жажда увидѣть Горри, сказать ему, что̀ она сдѣлала ради него—пожирала ее.

Въ это утро, проснувшись на зарѣ подъ бѣлымъ съ золотомъ потолкомъ, расписаннымъ нимфами и купидонами, Горри еще сильнѣе ощутилъ мрачную апатію, овладѣвшую имъ въ предъидущіе дни. Увы! какъ далеки были отъ него чудныя минуты пробужденія на морѣ, когда съ полузакрытыми глазами онъ ощущалъ бодрящее дуновеніе морского вѣтерка, когда шумъ волнъ напѣвалъ ему пѣсню и безграничный горизонтъ открывалъ взору и душѣ безбрежность вѣчности! Не было это похоже и на пробужденіе въ родномъ краю, среди влажныхъ перловъ росы, благоуханія свѣжескошеннаго сѣна, подъ звонкое пѣніе пѣтуховъ, призывающее людей къ святой молитвѣ и здоровому труду.

Здѣсь человѣкъ, просыпаясь отъ тяжелаго, тревожнаго сна, сразу чувствуетъ гнетъ сгущенной атмосферы,—уличный шумъ непріятно отдается у него въ ушахъ, и онъ чувствуетъ себя въ плѣну у громаднаго, кишащаго вокругъ него города, отравляющаго своими міазмами его тѣло и душу. Здѣшній воздухъ не радуетъ сердце.

Неужели Горри, участь котораго такъ завидна, нуждается въ утѣшеніи? Не окруженъ ли онъ всеобщимъ поклоненіемъ? Одна изъ самыхъ красивыхъ женщинъ Парижа — его любовница. А сто̀итъ ему захотѣть, и у него будетъ двадцать другихъ женщинъ. Великолѣпное созданіе, такъ безстыдно предложившее ему свою любовь во вчерашнемъ письмѣ, — это уже не актриса, не куртизанка; она—маркиза, одна изъ знатнѣйшихъ дамъ въ королевствѣ, дочь стариннаго рода. Ея смуглая красота опьяняетъ какъ вино. Сто̀итъ ему протянуть руку—и она будетъ ему принадлежать. При этой мысли корсаръ ощутилъ приливъ гордости, но радости не было въ его душѣ.

Къ чему обманывать себя? Онъ несчастливъ. Чаша наслажденія отравлена; онъ не можетъ забыться въ водоворотѣ наслажденій и просыпается съ тяжелымъ горькимъ чувствомъ. Онъ злится на самого себя; для того, чтобы забыться, онъ унижается до грязнаго разгула, но среди оргій голова у него остается свѣжею, и когда, разбитый тѣломъ и духомъ, онъ ищетъ успокоенія, грызущая мысль неотступно терзаетъ его, превращается въ пытку и вырываетъ у него стоны боли, — у него, которому завидуютъ всѣ люди.

Всѣ? Нѣтъ, не всѣ. Есть человѣкъ, который не позавидовалъ бы ему, еслибы зналъ, какой образъ жизни онъ ведетъ.

Это — старый священникъ, кюрэ Эчепаръ, крестившій маленькаго Манека, преподававшій ему катехизисъ, старикъ, у котораго онъ впервые пріобщался св. таинъ, передъ кѣмъ исповѣдывался въ юношескихъ грѣхахъ. Онъ покачалъ бы своею почтенной головою и сказалъ бы сокрушенно: „Нашъ Горри живетъ въ Парижѣ въ грѣхѣ и нечестіи. Помолимся за него“.

Морякъ вполголоса произнесъ эти слова, но затѣмъ пожалъ плечами. Чѣмъ жизнь его хуже, чѣмъ жизнь славнѣйшихъ людей въ королевствѣ? Не ласкаетъ ли король свою Помпадуръ, нѣтъ ли возлюбленныхъ у самихъ епископовъ? Почему же рыбакъ Горри долженъ служить для нихъ примѣромъ добродѣтели? Положимъ, другіе разсуждаютъ еще лучше. Если новые Содомъ и Гоморра безнаказанно существуютъ, значитъ Бога нѣтъ?

Еслибы онъ могъ быть въ этомъ увѣренъ! Но у него нѣтъ увѣренности. Горри пытался изгнать Бога изъ своей души, и не могъ. Богъ вездѣ. Даже въ этомъ нечестивомъ городѣ Его присутствіе всюду ощущается. Ему возведены громадные храмы, въ которые Горри не осмѣливается войти; на улицахъ встрѣчаются священники въ рясахъ и монахини въ своихъ повязкахъ; въ нишахъ виднѣются статуи Пресвятой Дѣвы съ Младенцемъ, словно предостерегающія прохожихъ. Даже здѣсь въ его комнатѣ стоитъ старинная кропильница, и по утрамъ и по вечерамъ пальцы Горри машинально дѣлаютъ знаменіе креста. Да, Богъ существуетъ. Человѣкъ можетъ зажмурить глаза, чтобы не видѣть солнца, но онъ все же будетъ ощущать его теплоту.

Много разъ Горри хотѣлъ зайти въ исповѣдальню, но у него не хватало духа. И если онъ умретъ, онъ будетъ проклятъ. Что если онъ умретъ?

Горри съ ужасомъ посмотрѣлся въ зеркало, поддерживаемое серебрянымъ фавномъ. Морщины на лицѣ его рѣзче обозначи-

лись, виски его посѣдѣли, онъ похудѣлъ, постарѣлъ. Онъ сталъ ближе къ смерти...

При этой мысли зубы у него застучали. Всего нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, какъ онъ былъ приготовленъ къ смерти; теперь она можетъ застать его врасплохъ! Минута безумія кинула его въ объятія этой женщины, подстерегавшей его; она воспользовалась его мгновенной слабостью для того, чтобы навѣки погубить его. Теперь онъ видитъ ее въ настоящемъ свѣтѣ: она — развратница, обреченная съ дѣтства пороку, воспитанная внѣ церкви; ремесло ея постыдно, она—воплощеніе нечистоты. Ея поцѣлуи отвратительны ему; не нужно ему и ничьихъ другихъ, даже любви этой маркизы съ бархатными вызывающими глазами. Звѣрь еще живетъ въ немъ, но онъ скоро укротитъ его. Еслибы кто-нибудь помогъ ему порвать эти узы, освободиться отъ этихъ чаръ! Да сжалится надъ нимъ Пресвятая Дѣва! Неужели Она не вспомнитъ маленькаго Манека, съ такимъ благоговѣніемъ украшавшаго Ея алтарь цвѣтами?

На столикѣ изъ розоваго дерева лежали принесенныя слугою письма. Горри машинально сталъ перебирать ихъ.

Вотъ почеркъ г-жи де-Рессакъ. Въ глазахъ корсара блеснулъ огонекъ. Онъ пойдетъ къ ней; онъ не любитъ ее, но она, по крайней мѣрѣ, его освободитъ отъ негодяйки, укравшей у него душу, укравшей у него Бога. Прежде чѣмъ прочесть письмо, Горри взглянулъ на надписи. Простой конвертъ со многими марками—привлекъ его вниманіе: должно быть, письмо пришло издалека. Корсаръ распечаталъ его, но при первомъ же взглядѣ на исписанный листокъ онъ смертельно поблѣднѣлъ и задрожалъ всѣмъ тѣломъ.

„Сынъ мой! Господинъ кюрэ пишетъ тебѣ по моему порученію. Когда черезъ шесть мѣсяцевъ „Denak-Bat“ не вернулся въ Сенъ-Жанъ-де-Люцъ, мы подумали, что всѣ вы взяты въ плѣнъ или погибли. Я надѣла трауръ и ежедневно служила обѣдню о здравіи Манека Горри и его освобожденіи, или объ успокоеніи души его. Но вотъ вернулся Арріагъ и другіе съ нимъ, и я узнала отъ него, какъ ты прославился, и порадовалась тому. Но узнала я также, что ты живешь въ грѣхѣ, и горесть моя была такъ велика, что я сожалѣю, что ты не умеръ, ибо жизнь вѣчная предпочтительнѣе той жизни, которую ты ведешь.

„Сынъ мой, мнѣ говорятъ, что ты опьяненъ сатанинскими куреніями и возненавидѣлъ свою родную страну и вѣру Господню; но все же я не могу повѣрить, что ты не послушаешь словъ матери, которая денно и нощно искупаетъ своею скорбью и

молитвами твои грѣхи. И вотъ что̀ Господь внушилъ мнѣ сказать тебѣ. Я, Граціанна Горри, носившая и вскормившая тебя, приказываю тебѣ все бросить и вернуться въ отцовскій домъ. Если же ты ослушаешься моего приказа — я прокляну тебя, а человѣкъ, навлекшій на себя материнское проклятіе, не найдетъ прощенія ни въ этой, ни въ будущей жизни.

„Но ты послушаешь меня, Манекъ, дитя мое! Домъ твой ожидаетъ тебя, вернись въ него. Самъ Господь глаголетъ моими недостойными устами. Въ послѣдній разъ Онъ указываетъ тебѣ путь къ спасенію. Манекъ, милый мой Манекъ, твоя мать тебя призываетъ, твоя мать ждетъ тебя“.

Внизу было выведено каракульками: „Граціанна Горри“, а подъ этою подписью приписано рукою священника:

„Горри, дитя мое! Господь требуетъ тебя. Мы простираемъ къ тебѣ руки“.

У Горри что-то сжалось въ горлѣ, глаза его затуманились. Въ ту самую минуту, когда онъ взывалъ къ Небу о помощи, къ нему донеслись родные голоса; онъ увидѣлъ мысленно эти простертыя къ нему руки, этихъ колѣнопреклоненныхъ, плачущихъ стариковъ, родной домъ, его ожидающій, зеленѣющія поля, яблони въ цвѣту... Онъ услыхалъ веселые голоса земледѣльцевъ, рѣзкіе звуки флажолетовъ, передъ нимъ воскресъ родной край, и его неудержимо потянуло туда.

Горри, пошатываясь, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по комнатѣ. Въ ушахъ его гудѣли колокола, они призываютъ грѣшника къ спасенію. Ему улыбается божественный ликъ Дѣвы; Mater Dolorosa улыбается ему, недостойному, зоветъ его. Старинный храмъ, залитый сіяніемъ, поля благоухаютъ, море чуть колышется. Небо раскрывается ему, и въ немъ—окруженный безчисленными ратями херувимовъ и серафимовъ,—престолъ Господа славы...

Горри провелъ рукою по лбу. Дивное видѣнье исчезло. На стѣнѣ прямо противъ себя онъ увидѣлъ портретъ m-lle Коризанды, писанный пастэлью. Она улыбалась ему — бѣленькая, розовая, съ пушистыми волосами и полуобнаженной грудью. Горри дико уставился не нее и вдругъ у него вырвался крикъ ужаса, лицо его исказилось, кулаки сжались: *онъ увидѣлъ!*

Онъ увидѣлъ изъ-подъ красокъ и холста то, что̀ скрывалось за лживымъ лицомъ куртизанки,—это личина врага рода человѣческаго, злобно смѣющагося надъ грѣшникомъ, окутаннымъ его сѣтями. Глаза его горятъ адскимъ пламенемъ, отвратительная улыбка играетъ на его устахъ. Это—Сатана, князь тьмы, который хочетъ увлечь его въ геенну огненную...

Горри отскочилъ и, схвативъ бронзовую чернильницу, пустилъ ею съ размаха въ стѣну. Стекло зазвенѣло, чернила залили портретъ актрисы. Горри всунулъ въ карманъ нѣсколько выигранныхъ имъ въ фараонъ золотыхъ монетъ и кинулся вонъ изъ комнаты.

Во дворѣ послышался скрипъ колесъ по песку. Вотъ она— врагъ его. Онъ больше не увидится съ нею. Горри прошелъ заднимъ дворомъ, выбрался на улицу и, закутавшись въ плащъ, пустился бѣжать, какъ каторжникъ, которому грозитъ погоня.

M-lle Коризанда постучалась въ комнату Горри; не получая отвѣта, она пріотворила дверь. Прежде всего ей кинулся въ глаза ея разбитый, залитый чернилами портретъ, разбросанныя бумаги, распечатанный конвертъ съ выпавшимъ изъ него письмомъ. „Милое дитя мое"...

M-lle Коризанда прочла письмо, лицо ея измѣнилось, она жалобно воскликнула:

— Горри! Горри!

Отвѣта не было. Не можетъ быть, чтобы онъ ушелъ! Онъ не можетъ быть далеко. Нужно бѣжать за нимъ, догнать его... M-lle Коризанда сдѣлала нѣсколько шаговъ, спотыкаясь какъ слѣпая, натыкаясь на мебель, но вдругъ у нея вырвался отчаянный крикъ, и она замертво упала на полъ.

XIV.

Цѣлую недѣлю во всѣхъ салонахъ и на прогулкахъ темою разговоровъ служилъ поединокъ г-жи де-Рессакъ и m-lle Коризанды; о немъ писали въ газетахъ, на него сочиняли куплеты. Общество раздѣлилось на два лагеря: одни восхваляли геройство маркизы и радовались тому, что она останется въ живыхъ; другіе сожалѣли, наоборотъ, объ участи m-lle Коризанды, особенно— въ виду всѣхъ поразившаго и теперь уже несомнѣннаго исчезновенія Горри.

Что случилось съ Горри? Кто увѣрялъ, что его похитила знатная австрійская дама; кто говорилъ, что король отправилъ его куда-то съ тайнымъ порученіемъ. Нѣкоторые просто предполагали, что m-lle Коризанда прячетъ его у себя, и такъ какъ она никуда не показывалась, этотъ слухъ казался правдоподобнымъ. Болѣе чѣмъ когда-либо отецъ Мениссье и докторъ Кидоржъ служили предметами общаго вниманія и ухаживанія, но они не многое могли сообщить: Горри исчезъ, здоровье m-lle Ко-

ризанды очень плохо. Однако, недѣли черезъ двѣ общественное любопытство сильно притупилось. Къ чему стараться разгадать непроницаемую тайну! Притомъ поэтъ Феллетэнъ только-что выпустилъ въ свѣтъ свою „Апологію порока“, г-жа де-Помпадуръ начала сильно прихварывать, и король подумывалъ о томъ, чтобы разстаться съ нею. Насъ снова побили въ Германіи, но мы утѣшились тѣмъ, что насъ побилъ великій философъ и монархъ Фридрихъ,—и продолжали сочинять эпиграммы и bout-rimés.

Черезъ мѣсяцъ Горри былъ забытъ; приливъ равнодушія поглотилъ невѣдомаго моряка-баска. Г-жа де-Рессакъ осчастливила своею любовью итальянскаго врача, ее вылечившаго, а m-lle Коризанда вернулась на сцену. Въ первый разъ, когда она выступила передъ публикою въ „Аріаднѣ“ г. де-Лафероньери, ее встрѣтили сочувственно, публика сравнивала ея судьбу съ участью покинутой героини; ея блѣдность, исхудалыя руки и глубоко искреннія интонаціи—тронули чувствительныя сердца. Но она не сумѣла подогрѣть интересъ къ своей личности; въ игрѣ ея замѣчалось утомленіе, говорившее объ упадкѣ таланта, и вскорѣ дебюты m-lle Фаншетты, которой покровительствовалъ герцогъ де-Рошбрюнъ,—отодвинули ее на второй планъ. Притомъ m-lle Коризанда сдѣлала ошибку, незамѣтно отклонивъ исканіе стараго принца де-Ферльё; она не показывалась въ модныхъ мѣстахъ, и публика къ ней охладѣла. Однажды она позабыла роль, и изъ партера послышались свистки; лишь немногіе завзятые театралы замѣчали, что она становится все тоньше, блѣднѣе, прозрачнѣе... Мало-по-малу ея роли перешли къ m-lle Фаншеттѣ, а m-lle Нанонъ, за которою сталъ ухаживать принцъ де-Ферльё—въ разрядъ куртизанокъ.

Г-жа де-Жедръ какъ-то сказала своимъ гостямъ:

— Вы знаете, что m-lle Коризанда очень больна?

— Надо навѣстить ее,—сказалъ г. де-Толозэ.

Но онъ забылъ объ этомъ. Единственными собесѣдниками актрисы были отецъ Мениссье и докторъ Кидоржъ, всѣми силами пытавшіеся развлечь ее и вывести изъ состоянія глубокой апатіи. Она проводила цѣлые дни на кушеткѣ, погруженная въ мучительно-сладостныя воспоминанія, перебирая въ памяти послѣдній годъ своей жизни. Врачъ сообщалъ ей послѣднія политическія и научныя новости, но онѣ мало интересовали ее: вѣдь все это не имѣло отношенія къ Горри. Разсказы отца Мениссье, повѣствовавшаго ей съ наивною вѣрою ребенка о чудесахъ святыхъ, о религіозныхъ процессіяхъ — какъ-то успокаивали ее и словно приближали ее къ Горри.

Третьимъ ея собесѣдникомъ былъ не кто иной, какъ вѣрный шевалье де-Тремиссанъ. Послѣ многихъ посѣщеній онъ добился, наконецъ, того, чтобы его приняли. Онъ вошелъ блѣдный, исхудалый.

Онъ лишился руки въ морскомъ сраженіи, и его пустой рукавъ производилъ грустное впечатлѣніе. M-lle Коризанда почувствовала въ немъ брата по страданію: то, что она выстрадала изъ-за Горри, шевалье выстрадалъ изъ-за нея. Она приподнялась, протянула ему руку, которую онъ поцѣловалъ, и прошептала:

— Вы мнѣ прощаете?

Шевалье проговорилъ дрожащими губами:

— Я обязанъ вамъ единственными радостями моей жизни. Мнѣ нечего вамъ прощать.

Это было точнымъ выраженіемъ ея собственныхъ чувствъ по отношенію къ Горри.

Съ тѣхъ поръ его посѣщенія стали дороги ей. Она благосклонно слушала его и время отъ времени отвѣчала ему нѣсколькими словами; присутствіе шевалье вызывало передъ нею образъ Горри. Она съ грустью думала, что большинство людей живетъ и умираетъ, не достигнувъ головокружительныхъ вершинъ страсти, доступныхъ лишь избраннымъ, но ревнивая судьба заставляетъ избранниковъ дорого платиться за отвоеванное у нея счастье. Притомъ, сравнивая свою участь съ участью шевалье, m-lle Коризанда сознавала, что она была счастливѣе его. Потому-то она и спрашивала его: „прощаете ли вы меня?“ И онъ каждый разъ отвѣчалъ утвердительно. Въ теченіе многихъ мѣсяцевъ онъ страдалъ вдали отъ нея; теперь ему доставляло невыразимую сладость страдать въ ея присутствіи. Она была съ нимъ, она улыбалась ему.

Однажды онъ нашелъ ее болѣе блѣдной, чѣмъ обыкновенно; она кашляла и казалась очень утомленной. Во время разговора она неожиданно сказала.

— Когда я умру, вы станете заботиться о моей могилѣ?

„Когда я умру“! Шевалье вздрогнулъ. Онъ не подумалъ о томъ, что она можетъ умереть. Все должно было остаться такъ навсегда. Онъ станетъ приходить къ ней, сидѣть возлѣ ея кушетки, любоваться нѣжнымъ румянцемъ, игравшимъ порою на ея щекахъ. Это было почти счастье.

Шевалье пробылъ у m-lle Коризанды всего нѣсколько минутъ; отъ разстройства онъ не находилъ словъ и, наконецъ, отправился къ Кидоржу.

Отбросивъ философскія разсужденія, которыми изобиловала

рѣчь доктора, шевалье вывелъ заключеніе, что единственною причиною болѣзни обожаемаго существа является бѣгство этого Горри—да разразитъ его Господь!

На слѣдующій день, явясь къ ней, онъ былъ очень разсѣянъ и нѣсколько разъ извинялся въ своей неловкости; она подшучивала надъ нимъ и, наконецъ, сказала:

— Я не сержусь на васъ, такъ какъ знаю причину вашего волненія.

Шевалье сталъ протестовать, увѣряя, что онъ ничуть не взволнованъ, но m-lle Коризанда граціозно погрозила ему пальчикомъ.

— Не лгите, шевалье, вы очень неискусны во лжи. Вы горюете, что я скоро умру, но—напрасно. Мнѣ сладостна мысль, что вы станете жалѣть обо мнѣ.

Она отвернула рукавъ и протянула свою ручку, тоненькую, какъ шея лебедя, испещренную синими жилками. Лицо ея казалось восковымъ, и г. де-Тремиссану показалось, что онъ видитъ почти безплотное существо, жизнь котораго держится на ниточкѣ... Подъ шелковистыми складками пеньюара и одѣяла онъ уже угадывалъ маленькій бѣлый скелетъ, въ который превратится это очаровательное тѣло.

Шевалье вздрогнулъ: онъ все-таки остался въ живыхъ, между тѣмъ какъ она умирала! И вдругъ, осмѣлѣвъ, онъ заговорилъ о лекарствѣ, которое должно излечить ее: ей необходимо рѣшительно объясниться съ человѣкомъ, ее покинувшимъ. Пусть гордость ея не возмущается. Въ любви нѣтъ мѣста гордости.

— Я самъ служу доказательствомъ тому. Другой человѣкъ отнялъ васъ у меня. Я люблю васъ и хочу вернуть васъ ему.

Въ голосѣ его слышалась такая скорбь, взоръ блисталъ такимъ благородствомъ, что m-lle Коризанда была потрясена до слезъ; она протянула ему свою худенькую ручку.

— Другъ мой... Другъ мой... Какъ жаль!

Она созналась, что написала бѣглецу не одно, а цѣлыхъ пять писемъ, умоляя его хотя написать ей словечко на прощаніе, но отвѣта не получила. Теперь она уже не любитъ, она не хочетъ любить его.

Шевалье не сталъ противорѣчить. Пусть она не любитъ Горри, но воспоминаніе о разрывѣ тяготѣетъ надъ нею, какъ кошмаръ. Надо провѣрить свои собственныя чувства для того, чтобы освободиться отъ него. Притомъ ей поможетъ морской воздухъ.

M-lle Коризанда спорила, даже сердилась, но она сразу какъ-то вся ожила. Такая поѣздка — безуміе, ей не слѣдуетъ согла-

шаться, напрасно онъ совѣтуетъ ей это. Однако, призванный на совѣщаніе Кидоржъ заявилъ, что, съ медицинской точки зрѣнія, онъ ничуть не считаетъ этого безуміемъ. Но... дорожная карета очень обветшала. Шевалье предложилъ осмотрѣть ее, и на другой же день объявилъ, что черезъ недѣлю она будетъ исправлена.

— Черезъ недѣлю!—покачала головою m-lle Коризанда.

Она сидѣла въ креслѣ, и при входѣ сама поднялась къ нему на встрѣчу. Щеки ея казались менѣе впалыми, подъ тонкою кожею переливалась кровь. За завтракомъ у нея появился аппетитъ; она вышла въ садъ и съ наслажденіемъ вдохнула въ себя свѣжій воздухъ.

— Какъ отрадно оживать!—замѣтила она.

Въ назначенный срокъ шевалье объявилъ, что экипажъ въ исправности; онъ нанялъ лишнюю пару лошадей. Кучеръ у нея вѣрный, слуги—тоже. Она можетъ выѣхать, когда ей будетъ угодно.

М-lle Коризанда съ оживленіемъ его поблагодарила. Какъ онъ добръ! Да, эта поѣздка принесетъ ей пользу. Быть можетъ, она даже и не доѣдетъ до Сенъ-Жанъ-де-Люцъ. Это—слишкомъ далеко... Но перемѣна воздуха окончательно ее излечитъ. Какъ она благодарна ему!

Шевалье съ отчаяніемъ глядѣлъ на нее. Она казалась расцвѣтшею, какъ бы помолодѣвшею, трогательно прелестною въ своей нѣжной красотѣ и—такою желанною.

Острая боль сжала его сердце, и онъ глухо прошепталъ:

— Неужели я не заслужилъ, чтобы вы не лгали мнѣ?

Онъ закрылъ лицо своею единственною рукою и разразился рыданіями.

Ея голосъ шепнулъ ему на ухо:

— Это правда, другъ мой, это правда. Простите, что я лгала, желая избавить васъ отъ страданія. Да, я люблю его и ѣду къ нему. Простите мнѣ; у васъ такая великая душа, что она лишь въ самой себѣ можетъ найти отраду. Простите мнѣ, мой другъ, и дозвольте мнѣ поблагодарить васъ...

Она взяла его руку и покрыла ее поцѣлуями. Онъ нашелъ въ себѣ силы улыбнуться ей и прошептать:

— Будьте счастливы. Прощайте.

XV.

Въ чистомъ воздухѣ раздается звонъ колоколовъ. Онѣ гудятъ надъ долиной, и къ ихъ призыву никто не остается глухъ; по улицамъ городка, по бѣлымъ, осѣненнымъ тополями, дорогамъ народъ, въ праздничной одеждѣ, стекается отовсюду къ церкви, съ которою у религіознаго и суевѣрнаго баска связаны не только главнѣйшіе моменты его жизни, но и ежедневныя мелочи его существованія. Онъ никогда не забываетъ исполнить извѣстные обряды, начиная съ омовенія пальцевъ въ святой водѣ и кончая исповѣдью, дарующей ему отпущеніе грѣховъ. Церковь—снисходительная мать, не отказывающаяся принимать на свое лоно покаявшихся блудныхъ сыновей.

Въ это утро старинный храмъ представлялъ особенно торжественный видъ. Окрестные жители собрались въ огромномъ количествѣ для того, чтобы присутствовать при церемоніи крещенія сына и наслѣдника славной семьи бароновъ д'Армандариксъ.

Самъ баронъ сидѣлъ въ первомъ ряду; рядомъ съ нимъ помѣщалась красавица Хуана, еще блѣдная отъ родовъ. Она только-что встала съ постели; но ни одна мать изъ земли басковъ не согласится, чтобы ея ребенка окрестили безъ нея. Крестный отецъ сиръ де-Оттюи, крестная мать г-жа Мендіондо — сидѣли по обѣимъ сторонамъ красивой кормилицы, державшей на рукахъ новорожденнаго. Баронъ д'Армандариксъ и его молодая жена обмѣнивались по временамъ нѣжными взглядами. Видно было, что они глубоко любятъ другъ друга.

Въ этотъ же день предстояло крещеніе ребенка одного изъ фермеровъ барона, и воспріемникомъ былъ старый Арріагъ—въ настоящее время уже капитанъ судна.

Перешептыванія стихли, обѣдня кончилась, и кюрэ Эчепаръ разоблачился. Обрядъ крещенія предстояло совершить не ему. Среди благоговѣйнаго молчанія, къ алтарю приблизился въ священническомъ облаченіи, весь проникнутый святостью этой минуты, новый викарій Сибурры—Манекъ Горри.

Онъ помазалъ новорожденнаго святымъ елеемъ, прочиталъ установленныя молитвы. Торжественно прозвучали его слова: „Крещу тебя во имя Отца и Сына и св. Духа!“ Сынъ Хуаны вступилъ въ лоно христіанской церкви. Г-жа д'Армандариксъ была глубоко взволнована; баронъ крѣпко пожалъ руку аббату

Горри и, передавая ему весьма значительное вознагражденіе за совершеніе требы, напомнилъ ему, что они ожидаютъ его въ замкѣ къ обѣду. Не пожелаетъ ли онъ сѣсть съ ними въ карету? Аббатъ Горри поблагодарилъ. Онъ предпочитаетъ пройтись пѣшкомъ.

Проводивъ отъѣзжающихъ, бросавшихъ въ толпу пригоршни сластей и серебряныхъ монетъ, онъ вернулся въ церковь для того, чтобы снять облаченіе и перерядиться въ сутану. Надѣвъ широкополую шляпу, взявъ требникъ и палку, онъ пустился въ путь. Мужчины и женщины, стоявшія у дверей своихъ домовъ, кланялись ему, и онъ привѣтливо имъ улыбался, съ серьезностью, подобающей его сану. Солнце ярко свѣтило, но въ воздухѣ уже чувствовалась осенняя свѣжесть. Викарій проголодался и ускорилъ шагъ, думая не безъ удовольствія о хорошемъ обѣдѣ. Послѣ темноватой церкви небо казалось особенно свѣтлымъ и чаровало своими нѣжными тонами. Викарій наслаждался безоблачнымъ миромъ, исходившимъ изъ полнѣйшаго душевнаго спокойствія и прелести окружающей природы.

Передъ замкомъ д'Армандариксъ, въ тѣни желтѣющихъ платановъ, были накрыты длинные столы, за которыми размѣстились сосѣди барона, его фермеры и служащіе. Аббатъ Горри сѣлъ по лѣвую его сторону, кюрэ Эчепàръ—по правую. Согласно обычаю, г-жа д'Армандариксъ должна была появиться лишь за дессертомъ. Оба священника прочитали молитву, головы обнажились, а затѣмъ приглашенные принялись за ѣду. Обѣдъ былъ очень обильный, состоявшій изъ любимыхъ мѣстныхъ блюдъ, орошаемыхъ лучшими мѣстными винами. Крестьяне быстро освоились съ присутствіемъ дворянства, на нихъ не тяготѣлъ вѣками гнетъ рабства, всѣ баски—знатные и простые—чувствовали себя всегда свободными людьми, равными другъ другу; между ними не было глубокой пропасти, вырытой классовыми различіями. Ихъ внѣшность и душа ихъ во многомъ были схожи.

Аббатъ Горри, бесѣдуя съ барономъ, дѣлалъ честь обѣду; по временамъ онъ задумывался, но размышленія его были отрадныя: ему не въ чемъ упрекать себя: онъ покаялся и вступилъ на путь, ведущій его прямою дорогою въ рай. Съ тѣхъ поръ какъ старый кюрэ Эчепàръ принялъ его, рыдающаго и колѣнопреклоненнаго, въ свои объятія, прошлое умерло для него. Воля Божія совершилась. И другіе чувствовали то же самое, что̀ и онъ. Женщины съ полною вѣрою шли на исповѣдь къ бывшему корсару и любовнику m-lle Коризанды. Его бывшіе сотоварищи по „Denak-Bat" не ощущали ни малѣйшей неловкости при бе-

сѣдахъ съ нимъ, они глубоко уважали его въ его новомъ званіи; даже мать его, Граціанна, благоговѣла передъ „господиномъ аббатомъ“.

Когда Хуана, держа на рукахъ своего сына, стала обходить столы, онъ не ощутилъ ни малѣйшей горечи. Прошедшее умерло. Любовь его къ Хуанѣ была такою же ошибкою, какъ и всѣ другія. Онъ самъ сталъ другимъ человѣкомъ—мягкимъ и привѣтливымъ.

Послѣ обѣда гости пошли полюбоваться игрою въ мячъ, а затѣмъ надо было отправляться къ вечернѣ. По дорогѣ аббатъ зашелъ къ матери; она сама устроила его въ священническомъ домѣ и навѣщала его по вечерамъ, причемъ онъ каждый разъ долженъ былъ упрашивать ее сѣсть въ его присутствіи. Онъ чуть не облизывался при мысли, что онъ самъ будетъ служить по ней заупокойныя обѣдни: ужъ она-то не засидится въ чистилищѣ!

Манекъ поцѣловалъ мать и сталъ разсказывать ей о крестинахъ; она съ восхищеніемъ слушала его, но было уже поздно. Викарій простился и поспѣшилъ въ церковь. И едва вступилъ онъ подъ ея темные своды, едва ощутилъ запахъ ладана и свѣчей, какъ все земное исчезло для него на порогѣ алтаря. Остался лишь священникъ, посредникъ между Богомъ и людьми на землѣ. Существуетъ лишь одно божественное начало, все остальное — ложь и призракъ. И среди глубокаго молчанія Господь глаголетъ собравшемуся народу устами аббата Горри.

XVI.

Уже дня два, какъ это иногда случается осенью, стояла сильная жара; удушливая пыль клубилась въ воздухѣ, море глухо шумѣло, все предвѣщало позднюю грозу.

Аббатъ Горри совершалъ богослуженіе, испытывая, какъ всегда, глубокую, захватывающую радость. Онъ вкусилъ всѣ земныя утѣхи: опьяненіе страстью, войною, тщеславіемъ; онъ знавалъ дивныя минуты возвращенія къ жизни послѣ испытанной опасности, но никогда не знавалъ онъ такого полнаго безоблачнаго блаженства. Всѣ блага міра отравлены и таятъ въ себѣ горечь, но божественная воля, вознесшая его надъ толпою, дала ему власть вязать и разрѣшать. Здѣсь, въ этомъ уголкѣ родной земли, онъ—посолъ Божій, онъ будитъ уснувшую совѣсть, и какъ прежде, среди разъяренныхъ волнъ, люди обращали къ нему взоры, ища у него спасенія, такъ и теперь, среди болѣе гроз-

ныхъ житейскихъ бурь, они ждутъ отъ него словъ мира, ведущихъ къ свѣту вѣчному.

Служба окончилась, и Горри перешелъ въ исповѣдальню. Онъ не былъ суровымъ духовникомъ, но требовалъ полнаго признанія и сердечнаго покаянія. Впрочемъ, въ средѣ этихъ первобытныхъ людей мало встрѣчалось сердецъ истинно ожесточенныхъ. Пылкость нрава и горячая кровь многихъ вводили во грѣхъ, но раскаяніе вскорѣ слѣдовало за проступкомъ.

Отпустивъ исповѣдниковъ, аббатъ Горри прочелъ молитву и собирался уже удалиться, когда дверь снова отворилась. Женщина проскользнула въ исповѣдальню и преклонила колѣни. Горри сѣлъ, но она молчала. Онъ подумалъ, что она нуждается въ словѣ одобренія.

— Сестра моя, не смущайтесь. Вы—въ домѣ Отца небеснаго. Онъ слушаетъ васъ; обратитесь къ нему съ открытою душой.

Онъ замолчалъ и склонилъ голову. Но вдругъ онъ вздрогнулъ. Знакомый, тонкій, опьяняющій запахъ донесся до него—благоуханіе порока и сладострастія. Онъ поднялся, взоръ его пронизывалъ темноту, сердце забилось—учащенными ударами.

Тихій, дрожащій голосъ прошепталъ:

— Господинъ аббатъ, простите меня... Горри, сжальтесь надо мною... Манекъ!

Она! Отравленная волна грязи, приливъ отвращенія—поднялись изъ темной бездны, едва не поглотившей его! Онъ невольно стиснулъ зубы и сжалъ кулаки. До какой степени безстыдства дошла эта женщина, если она рѣшается преслѣдовать до самыхъ ступеней алтаря человѣка, котораго она привела на край гибели! Но священникъ обязанъ подавлять въ себѣ чувства возмущенія. Горри мысленно произнесъ молитву. Снова послышалась страстная жалоба.

— Простите, что я вернулась. Я чуть не умерла... Я должна была увидѣть васъ. И притомъ вѣдь я не знала, я ничего не знала... Мнѣ только-что сказали...

Строгій и безличный—священникъ отвѣтилъ ей черезъ рѣшетку:

— Сестра моя, вы находитесь въ исповѣдальнѣ: здѣсь не мѣсто для суетныхъ мыслей. Если вы явились сюда не для исповѣди, мой долгъ—удалиться отсюда.

Онъ поднялся, но пальцы ея судорожно уцѣпились за рѣшетку, полное отчаянія лицо прильнуло къ ней, и съ устъ ея снова полились жалобы:

— Манекъ... Господинъ аббатъ, простите... Я не была подготовлена... Я не знаю, какъ называть васъ... Выслушайте меня... Я должна васъ видѣть, съ вами говорить... Я не могу уйти, не могу...

Въ словахъ этой женщины слышалось такое безуміе, такое отчаяніе, что викарій побоялся скандала, который осквернилъ бы святость храма. И аббатъ Горри отвѣтилъ:

— Здѣсь не мѣсто для такого разговора. Притомъ я прямо говорю вамъ, что при вашемъ теперешнемъ настроеніи я не вижу, чтобы изъ него вышло что-нибудь хорошее. Тѣмъ не менѣе, долгъ священника и христіанина повелѣваетъ мнѣ выслушать васъ. Я буду васъ ждать въ священническомъ домѣ черезъ полчаса.

— Благодарю васъ, благодарю... Какъ вы добры!

Викарій закрылъ окошечко и вышелъ на улицу. По стемнѣвшему небу неслись тяжелыя облака, море громко ревѣло; у пристани рыбаки крѣпче привязывали лодки.

Приказавъ служанкѣ впустить даму, которая скоро придетъ, аббатъ вошелъ въ комнату—довольно большую, съ навощеннымъ поломъ и выбѣленными стѣнками. Большое Распятіе и картины священнаго содержанія составляли единственное ея украшеніе; мебель состояла изъ шкафа, стола и четырехъ простыхъ стульевъ.

Аббатъ Горри сталъ молиться. Только-что сейчасъ онъ возгордился, забывъ о той глубинѣ паденія, изъ которой извлекло его божественное милосердіе! Господь покаралъ его, явивъ ему воочію зрѣлище его грѣха. Это униженіе исходитъ отъ Господа, и онъ обязанъ покорно снести эту кару. Прежній человѣкъ умеръ въ немъ. Все, что дѣлается по волѣ Божіей, есть благо. И въ то же время Господь даетъ ему возможность выказать твердость его въ вѣрѣ. Ряса и священническій санъ раздѣляютъ ихъ бездною болѣе глубокою, чѣмъ морская пучина. Быть можетъ, несчастная этого не понимаетъ, но она должна понять.

Онъ сдержалъ біеніе своего сердца и снова принялся молиться. Небо все болѣе и болѣе омрачалось; по временамъ раздавалось протяжное рыданіе вѣтра.

Собака залаяла и загремѣла цѣпью. Кто-то стукнулъ въ дверь; аббатъ Горри поднялся. Женщина въ черномъ быстро вошла въ комнату и, машинально протянувъ руки, остановилась. Онъ указалъ ей стулъ, она опустилась на него, и оба они молча глядѣли другъ на друга.

Это онъ, да, это онъ. M-lle Коризанда жадно разсматривала его лицо: онъ немного пополнѣлъ, складки на лицѣ сгладились,

взоръ его сталъ менѣе жесткимъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ духовная одежда дѣлала изъ него другого человѣка.

Въ свою очередь, аббатъ Горри глядѣлъ съ изумленіемъ и презрѣніемъ на это блѣдное, исхудалое, обезображенное лицо; накрашенныя губы рѣзко выдѣлялись на мертвенной блѣдности кожи, глаза были окружены синеватыми кругами и жалобная улыбка походила на гримасу человѣка, подвергнутаго пыткѣ. Неужели ради этого презрѣннаго созданія, столь явно отмѣченнаго печатью порока и низкой профессіи, ради этой бренной, отцвѣтшей плоти, онъ, Горри, могъ забыть свой долгъ и едва не погубилъ души своей?

Передъ безобразіемъ своего грѣха онъ ощутилъ отвращеніе, смѣшанное съ негодованіемъ, и удвоенную признательность къ Творцу за свое спасеніе. Любовникъ этой женщины умеръ. Она не должна оскорблять своимъ присутствіемъ духовное лицо. Онъ жестко спросилъ:

— Вы желали меня видѣть? Чего вы хотите?

M-lle Коризанда вздрогнула, словно пробужденная отъ сна. Чего она хочетъ? Какъ объяснить? Ей хотѣлось одного: его увидѣть. Ей казалось, что какъ только они увидятся, она кинется въ его объятья,—она и не подозрѣвала о томъ, какою преградою между ними явится эта черная одежда. Слова замерли на ея губахъ...

Онъ вторично обратился къ ней еще болѣе рѣзкимъ тономъ. Тогда прерывающимся голосомъ, словно моля о прощеніи, глухо и неловко, запинаясь на каждомъ словѣ, она заговорила.

Когда онъ уѣхалъ, она была въ отчаяніи и едва не умерла. Это было бы лучше, не правда ли? И затѣмъ, друзья подали ей мысль поѣхать сюда... Ей казалось, что произошло какое-то недоразумѣніе. Вѣдь она не сдѣлала ничего дурного своему, своему... она хочетъ сказать—г. аббату... Она хотѣла лишь увидѣть его, объясниться... Ради этого она предприняла подорвавшее ея силы тяжелое путешествіе. Когда она узнала, что онъ сдѣлался священникомъ, это нанесло ей страшный ударъ, но священникъ долженъ быть добръ и милосердъ... Тогда она пошла въ церковь, въ исповѣдальню... Быть можетъ, она была неправа, но пусть онъ проститъ ей. Она была какъ безумная.

Ея горестная улыбка молила его о состраданіи.

Аббатъ внимательно выслушалъ ее. Обычная исторія грѣшницъ, для которыхъ пришелъ часъ расплаты.

Онъ увѣренно отвѣтилъ:

— Примите поразившій васъ ударъ, разрушившій ваше

кажущееся счастье,—подъ которымъ таился ужаснѣйшій грѣхъ,—какъ предостереженіе Господне. Подумайте, что сталось бы съ вашею душою, еслибы вы умерли въ беззаконіи! Пусть примѣръ вашего бывшаго сообщника научитъ васъ цѣнить милосердіе Божіе, спасающее грѣшника. Откажитесь отъ профессіи, справедливо осужденной церковью. Бросьте развратную жизнь. Вложите весь пылъ вашей души, влекшій васъ къ грѣховнымъ наслажденіямъ, въ великое дѣло ея спасенія. Умоляйте Господа,—и посредствомъ молитвъ, поста и бдѣнія омойтесь отъ безчисленныхъ пятенъ грѣха и всякой скверны.

M-lle Коризанда слушала его съ широко раскрытыми глазами. Неужели губы, роняющія эти мрачныя ледяныя слова,—когда-то такъ безумно цѣловали ее? Возможно ли, чтобы за нѣсколько мѣсяцевъ человѣкъ, бывшій ея возлюбленнымъ, сдѣлался этимъ человѣкомъ? Что таится въ этой головѣ съ вдавленными висками, на которой бѣлѣетъ теперь печать церкви — тонзура?

Аббатъ продолжалъ. Единственный совѣтъ, который онъ можетъ дать ей, это — вступить въ обитель кающихся въ Ахетцѣ, настоятельница которой, мать Saint-Irénée, не откажетъ ей въ духовномъ руководительствѣ. Въ стѣнахъ монастыря она искупитъ свои прегрѣшенія. Онъ будетъ ежедневно молиться о ея спасеніи.

„Ваши прегрѣшенія“—вотъ какъ называетъ онъ чудные часы ихъ любви, единственные, ради которыхъ стоило жить на свѣтѣ! Она возмутилась, но не посмѣла возражать ему. Она сложила руки и прошептала:

— Простите... Но моя жизнь не подготовила меня къ суровой монастырской жизни. Я страшусь ея. И все же я желаю оказаться достойною вашего участія. Помогите мнѣ освоиться съ нею. Позвольте мнѣ приходить къ вамъ за совѣтомъ, откройте мнѣ свѣтъ истины, который озарилъ васъ...

Она встала и униженно склонилась передъ нимъ. Но онъ отстранилъ ее рѣшительнымъ движеніемъ.

— Это невозможно.

— Почему? То, въ чемъ вы не отказали бы первому встрѣчному, неужели вы откажете въ томъ женщинѣ, имѣющей нѣкоторыя права на ваше сожалѣніе и не могущей быть вамъ совсѣмъ чужою?

Молнія гнѣва сверкнула въ глазахъ священника. Передъ нимъ стояла женщина во всемъ ея нечестіи. Она имѣетъ права на его состраданіе? Какою развращенною надо быть для того, чтобы напоминать ему, съ цѣлью вызвать состраданіе, о самыхъ позорныхъ часахъ его жизни!

— Это невозможно.

Невозможно? Слово, которое должно было бы привести ее въ отчаяніе, зажгло въ несчастной искру надежды. Значитъ, она для него — не совсѣмъ чужая; онъ смотритъ на нее другими глазами, онъ выдѣляетъ ее изъ среды своихъ духовныхъ дщерей. Значитъ, въ аббатѣ Горри еще живетъ другой Горри, онъ помнитъ все, какъ и она сама. Онъ надѣлъ маску равнодушія, но не потому ли, что боится впасть въ искушеніе? Онъ можетъ проклинать, оскорблять ее, но она вошла въ его плоть и кровь, онъ еще носитъ ее въ своемъ сердцѣ... И m-lle Коризанда нѣжно прошептала:

— Манекъ, Манекъ! Неужели ты дѣйствительно не хочешь видѣть меня?

Священникъ отодвинулся и отвернулъ лицо; онъ отстранилъ ее рукою, но она схватила эту руку, и лихорадочно зашептала:

— Манекъ, невозможно, чтобы ты прогналъ меня! Вѣдь это я—Коризанда, твоя возлюбленная... Ты помнишь наши ласки, наши поцѣлуи... Ты меня любилъ, ты еще любишь меня... Бей меня, ты не можешь убить прошедшаго, оно живетъ въ насъ. Мы еще можемъ быть счастливы. Позволь мнѣ любить тебя... Я вернулась — твоя Коризанда, твоя возлюбленная, твоя раба.

Ея губы прильнули къ его рукѣ. Ея нѣжныя руки пытались обвить его шею, опьяняющій ароматъ ударилъ священнику въ голову. Онъ гнѣвно зарычалъ и такъ рѣзко оттолкнулъ ее, что она упала на колѣни на полъ. Невыносимое отвращеніе преисполнило его сердце. Въ какую глубину разврата впало это жалкое существо, если оно осмѣливается соблазнять служителя Господа? Тутъ снисхожденіе неумѣстно. Подобныя души—гниль.

Аббатъ пальцемъ указалъ ей на дверь.

— Ступайте вонъ!

Она продолжала рыдать, безсвязно молить его, заламывая руки. Она вступитъ въ монастырь, но не теперь, позднѣе... Только бы ей видѣть его время отъ времени хотя издали... Она будетъ лежать у дверей какъ собака... Пусть онъ не гонитъ ее.

Аббатъ подошелъ къ двери, открылъ ее и повторилъ еще рѣзче:

— Уходите!

Она вдругъ поднялась и уставилась на него горящими глазами.

— Чтобы я ушла отсюда! Вѣдь я не безумная, какъ ты. Развѣ я не знаю, что счастье—въ этой комнатѣ, а внѣ ея—мракъ и

пустота? Манекъ, не будь безумцемъ! Я нашла тебя, я остаюсь здѣсь. Сбрось эту одежду, измѣнившую тебя! Тебя обошли, тебѣ внушили эти дикія мысли... Манекъ, прозрѣй, приди въ себя... Богъ, котораго ты создалъ себѣ—чудовищный Богъ, требующій отреченія отъ счастья. Ты считаешь себя его служителемъ; нѣтъ, это я служу ему. Ты искалъ спасенія, я приношу его тебѣ. Оно—на моей груди. Пусть будетъ все попрежнему... Я люблю тебя, ты—мой, пойдемъ со мною...

Съ минуту аббатъ Горри смотрѣлъ на женщину. Это уже было не то хрупкое существо, жизнь котораго, казалось, висѣла на ниточкѣ. Въ сумракѣ ея черная фигура словно выросла до гигантскихъ размѣровъ, выдѣляясь на фонѣ окна, озаряемаго молніями. Глаза ея горѣли, изъ устъ вырывалось пламя, руки тянулись къ нему. Ея страстный голосъ заглушалъ раскаты грома и свистъ вѣтра, въ ней была таинственная сила...

Аббатъ Горри осѣнилъ себя крестомъ: какъ тогда въ Парижѣ—*онъ увидѣлъ*. Передъ нимъ стояла не женщина, но вѣчный врагъ рода человѣческаго, князь тьмы, погубитель душъ, самъ Сатана, дѣлающій послѣднюю отчаянную попытку погубить его!

Но священникъ сумѣетъ защитить себя. Онъ пошелъ прямо на нее, схватилъ ее сильною рукой. Она сопротивлялась, цѣпляясь за его одежду, впиваясь ногтями въ полъ, ломая ихъ до крови. Она защищалась съ помощью Нечистаго, удесятерявшаго ея силы, но онъ все тащилъ ее. Голова ея стукалась объ углы, подъ ногтями проступала кровь. Онъ проволокъ ее по полу до передней и отворилъ входную дверь.

Дождь лилъ какъ изъ ведра, громъ гремѣлъ. Она жалобно простонала:

— О, Горри, въ такую пору!..

Онъ выбросилъ ее на улицу; она упала въ лужу, но все еще продолжала глядѣть на него съ нѣмою мольбой. Что̀ нужно сдѣлать для того, чтобы она ушла? Собака зарычала и загремѣла цѣпью. Аббатъ проговорилъ:

— Если вы не уйдете, я спущу собаку. Она загрызла двухъ цыганокъ.

При свѣтѣ не угасающихъ молній лицо священника показалось ей страшнымъ, безжалостнымъ. Его исказившіяся черты выражали одну свирѣпую ненависть. Все человѣческое исчезло съ этого лица. Собака зарычала.

Съ раздирающимъ крикомъ актриса повернулась и исчезла во мракѣ.

Когда звукъ шаговъ ея замолкъ, аббатъ вернулся въ свой домъ и заперъ дверь. Наступила ночь. Свистъ вѣтра и громовые раскаты—сливались съ лаемъ собаки. Но въ душѣ человѣка царилъ миръ. Онъ побѣдилъ Лукаваго, и ему казалось, что онъ погружается въ источникъ неизреченнаго свѣта.

Съ франц. О. Ч.

ИЗЪ

ПЕРЕПИСКИ

ГЕРЦЕНА и ОГАРЕВА

Внутренняя исторія Россіи, за вторую половину истекшаго XIX-го вѣка, должна будетъ удѣлить немалое мѣсто имени А. И. Герцена: онъ оказалъ большое вліяніе на своихъ современниковъ и въ особенности на молодыя поколѣнія. Съ именемъ Герцена было неразрывно связано направленіе мысли и общественныхъ движеній за послѣднія пятьдесятъ лѣтъ. Въ такомъ именно значеніи Герцена были убѣждены и его современники. Одинъ изъ нихъ, сравнивая вліяніе императора Николая I съ вліяніемъ Герцена на ихъ современниковъ, находилъ послѣднее гораздо болѣе значительнымъ (см. ниже, письмо 28-ое).

Въ наше время, отдѣленное отъ Герцена цѣлымъ поколѣніемъ, о вліяніи его и значеніи существуютъ разныя мнѣнія. Главнымъ, при этомъ, основаніемъ всегда служатъ вообще собственныя дѣла, произведенія самого дѣятеля или писателя; но лучшимъ дополнительнымъ къ нимъ и весьма драгоцѣннымъ источникомъ для оцѣнки такого дѣятеля или писателя служитъ переписка его съ родными, друзьями и пріятелями. Все это вполнѣ справедливо и въ отношеніи А. И. Герцена; а между тѣмъ только съ нынѣшняго года открылась возможность, для всесторонняго сужденія о Герценѣ, ознакомиться съ его перепиской, адресованной одному изъ самыхъ близкихъ къ нему лицъ.

Покойный Александръ Александровичъ Герценъ, профессоръ лозанскаго университета, передалъ Румянцовскому музею пере-

писку своего отца именно съ Н. П. Огаревымъ за послѣдніе годы жизни А. И. Герцена, для вѣчнаго храненія въ музеѣ, съ тѣмъ, чтобы съ 1907 года она сдѣлалась доступною для всѣхъ, согласно правиламъ, принятымъ въ музеѣ. Съ этого времени, можно сказать, является новый исходный пунктъ для документальнаго изученія цѣлой эпохи и для провѣрки установившихся взглядовъ на самого Герцена и на его отношенія литературныя и политическія. Вся переписка, веденная между двумя только лицами, состоитъ изъ 477 писемъ: 314 писемъ Герцена къ Огареву и 163—Огарева къ Герцену.

Герценъ и Огаревъ были не только дѣятелями одного общаго для нихъ дѣла и единомышленниками, но и великими друзьями, въ юности весьма близкими, и до старости неразлучными. Ихъ дружба была рѣдкая и почти безпримѣрная. У нихъ ничего не было сокрытаго другъ отъ друга, какъ то видно изъ писемъ; всѣ не только ихъ дѣйствія и намѣренія, но и сокровеннѣйшія мысли и мечты—все высказывалось ими съ полною откровенностью. Подъ конецъ жизни эта дружба Герцена съ Огаревымъ перешла въ неотразимую для нихъ обоихъ потребность, и бесѣда, если не устная, то письменная, вошла уже въ обиходъ каждаго дня послѣднихъ лѣтъ Герцена и Огарева. Отсюда—обиліе писемъ за эти годы, все-таки не въ полномъ числѣ дошедшихъ до насъ. Они сообщали другъ другу рѣшительно все, что приходилось переживать каждому въ отсутствіи друга, и ничего не предпринимали безъ предварительнаго совѣта и взаимнаго обмѣна мыслей,—не могли въ одиночествѣ переживать ни радостей, ни огорченій.

Такимъ образомъ, переписка Герцена съ Огаревымъ, по содержанію своему, представляетъ собою послѣдовательную и подробную исторію какъ внѣшнихъ обстоятельствъ ихъ жизни, такъ и постепенной смѣны волновавшихъ ихъ думъ, настроеній и убѣжденій. Еслибы эти письма сохранились въ полномъ числѣ, то они, безъ сомнѣнія, были бы лучшей біографіей Герцена и Огарева [1]).

Въ письмахъ прежде всего проходитъ предъ нами множество лицъ, съ которыми Герцену и Огареву, приходилось вступать въ тѣ или другія сношенія, и послѣдовательный рядъ тогдашнихъ событій изо всѣхъ сферъ жизни, которыми въ особенности интересовались друзья. Значительное мѣсто въ перепискѣ

---

[1]) См. Отчетъ Московскаго Публичнаго и Румянцовскаго Музеевъ за 1906 годъ, по Отдѣленію рукописей.

удѣлено тому дѣлу, которому друзья посвятили всѣ свои силы и средства,—и прежде всего „Колоколу“ и его судьбѣ. При этомъ переписка сохранила и тѣ интимныя подробности, которыми дѣлились такіе друзья, какими были Герценъ и Огаревъ. Письма печатаются нами въ томъ порядкѣ времени, въ какомъ они слѣдовали другъ за другомъ, и установить такой порядокъ нерѣдко стоило большихъ усилій. Годы и числа мѣсяца писемъ, не выставленныя самими корреспондентами, заключены въ скобки. Нѣкоторыя письма и части писемъ, исключительно интимнаго содержанія и не имѣющія непосредственнаго литературнаго и историческаго интереса, опущены и обозначены точками. Тамъ, гдѣ было то необходимо, приведены нами краткія примѣчанія къ письмамъ. Форма и содержаніе перваго письма, помѣщаемаго во главѣ переписки, требуетъ болѣе подробнаго объясненія. Оно адресовано къ „сестрѣ Танѣ“ и подписано: „Твоя Emilie“.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что авторомъ его былъ тотъ же Александръ Ивановичъ Герценъ. Въ этомъ убѣждаютъ два весьма рѣшительныхъ обстоятельства: 1) оно писано все собственноручно А. И. Герценомъ, и 2) включено самимъ А. А. Герценомъ-сыномъ въ серію писемъ его отца. Очевидно, до насъ дошло одно изъ тѣхъ писемъ, которыми Герценъ обмѣнивался со своими русскими корреспондентами, остававшимися и жившими въ Россіи, въ то время какъ самъ онъ сдѣлался эмигрантомъ; такія письма онъ подписывалъ вымышленными и условными именами, чтобы не навлечь разныхъ непріятностей на своихъ корреспондентовъ. „Эмилія“, подпись подъ первымъ письмомъ, было однимъ изъ вымышленныхъ именъ Герцена.

Труднѣе опредѣлить корреспондента Герцена,—кому онъ писалъ это письмо. Повидимому, едва ли имъ былъ Огаревъ, который въ это время, т.-е. во время написанія письма, самъ былъ уже эмигрантомъ и жилъ заграницей. Едва ли для нихъ была какая-нибудь надобность переписываться подъ условными именами. Болѣе вѣроятна та догадка, что письмо было адресовано въ Россію. Тѣмъ болѣе, что и содержаніе письма указываетъ не на постояннаго корреспондента, какимъ былъ Огаревъ. Ключъ къ разгадкѣ этого письма, быть можетъ, слѣдуетъ искать въ другихъ письмахъ корреспондентовъ Герцена. Среди нихъ есть одно, которое заслуживаетъ полнаго вниманія. Оно адресовано къ Emilie и подписано весьма загадочными прописными буквами, очень похожими на *Т.* и *П.* Вотъ это письмо: [1])

---

[1]) Письмо это хранится въ Румянцовскомъ музеѣ въ комнатѣ сороковыхъ го-

1858. Генвр. 8/20.

„Что у кого болитъ тотъ про то и говоритъ,—такъ гласитъ русская пословица. Вы, добрая, милая моя старушка Емилія, такъ меня утѣшили и порадовали своимъ отзывомъ о моей повѣсти, что я, право, этого и не ждала. Рискнула я печататься, да ужъ послѣ и сгоревалась,—сама я такъ мало училась всему, что себѣ плохо довѣряю въ этомъ дѣлѣ, а здѣсь мнѣ не съ кѣмъ посовѣтоваться. Я было попробовала сказать одной знакомой, повидимому не глупой, а образованной женщинѣ, а она мнѣ начала читать проповѣдь (не читая еще моей повѣсти), что я страшную отвѣтственность беру на себя, что для этого надо быть Евг. Туръ, и пр., и пр., а когда прочла мое сочиненіе, то сказала, что оно безнравственно, и что воспитатели гораздо добрѣе, нравственнѣе и лучше самой воспитанницы. Ну, признаюсь, я этого не ожидала; я подумала, что, видно, у меня выходитъ вовсе не то, что я хочу высказать, и уже хотѣла отказаться отъ писанья, но братья настоятельно требуютъ, чтобы я продолжала писать, и я теперь, зажмуря глаза и зажавши уши, начинаю переправлять свои статьи, которыхъ у меня набралось въ запасѣ много. Что-то будетъ!

„Прошу васъ, моя добрая Емилія, будьте всегда такъ добры, удѣляйте время на прочтеніе моихъ статей, хотя передъ сномъ, на досугѣ, и пишите мнѣ свое мнѣніе; да, пожалуста, не такъ, какъ теперь, *деликатно*, а просто побраните меня подружески, скажите прямо, что, дескать, то и то скверно, пошло, и пр., а что хорошо, ну, хорошо. Ваши отзывы и ободрятъ, и научатъ меня. Другимъ я не повѣрю, всѣ вѣчно лгутъ, даже лгутъ въ журналахъ, печатно. Ну, напр., зачѣмъ это „Современникъ“ напечаталъ въ ноябрьской книжкѣ, что онъ рекомендуетъ свой журналъ главными статьями, изъ которыхъ, указывая на Щедрина, Толстого, Григоровича, поименовалъ и мою рубрику? Ну, развѣ не смѣшно вообразить, что я могу теперь же стать на одну доску съ этими господами? Конечно, это сдѣлано для того, чтобы заманить къ себѣ дарового писаку—вотъ и все. Мнѣ нѣкоторые господа говорятъ, что моя повѣсть не хуже другихъ. Ну, что жъ изъ этого? Вѣдь эти похвалы хуже брани. Иногда печатаютъ такія пошлости, что Боже упаси! Ну, а я не могу

довъ, среди переписки Герцена и его близкихъ. За сообщеніе этого письма и за любезное отношеніе къ моимъ поискамъ я приношу глубокую благодарность А. І. Калишевскому, завѣдующему комнатой сороковыхъ годовъ.

себя считать такъ, что я могу написать пошлость,—во мнѣ есть къ себѣ нѣкоторое уваженіе.

„А вотъ что мнѣ кажется, что во мнѣ недостаетъ многихъ элементовъ. Вотъ вы говорите, что у меня плохи лирическія мѣста, ну, ужъ они должно быть всегда будутъ такія: все, что касается чувства, мнѣ дается не легко, у меня сдѣлается лихорадка, головная боль, жаръ, я буду краснорѣчиво молчать, а если, по несчастію, меня заставятъ высказывать, непремѣнно, въ это время, скажу глупость, все перепутаю, пересолю... Описывая кого или что-нибудь, у меня всегда вертится главная цѣль, а объ остановкѣ я почти вовсе забываю, такъ что должно быть я никогда не слажу съ романомъ, гдѣ бы мнѣ нужно было вывести пропасть лицъ на сцену и пр.

„Прочитавши ваше письмо, я послала на другой же день другую піесу, тоже въ „Соврем.". Не знаю, напечатаютъ ли. Должно быть, *да*, потому что она тоже *даровая*. Я, однако, писала редактору, чтобы онъ потрудился защитить ее отъ пересмотра, въ противномъ случаѣ она потеряетъ все, и я тогда, пожалуй, закаюсь брать перо въ руки. Вѣдь и 1-ю они угостили, выкинули два мѣста, которыя имѣли большой смыслъ. А вотъ можете себѣ представить, что мы не имѣемъ ничего какъ есть вашего. Ужасно обидно. Ну, такъ бы и впился, да нѣтъ, никакихъ средствъ нѣтъ... Вотъ какъ я не люблю людей, которые всю вѣчность все чего-то боятся. Скучно...

„Вы еще замѣтили, что героиня скучна. Да иначе и не могло быть, и оживить ее мнѣ кажется трудно. Ея жизнь до замужества вся была задушена, въ ней была жива только мимика, и то урывками, пугливая. Жизнь-то, правда, взяла свое, развилась, загорѣлась, но ужъ поздно и некстати. Она легла только тяжелымъ камнемъ на душу, вотъ и все. Вѣчно жизнь придавитъ все, вездѣ цѣпи, и нѣтъ никакихъ силъ порвать ихъ, все уноситъ обыденная жизнь. Знаете, мнѣ очень надоѣло ѣсть, пить, спать... Я бы желала это замѣнить инымъ, вѣдь жизнь пошла бы лучше?

„Ну, моя добрая старушка, я боюсь, что вы испортите себѣ глаза, читая мою болтовню,—да вѣдь, если правду сказать, она скучна должна быть для васъ, — но не будьте эгоистичны, все-таки прочтите и опять что-нибудь напишите мнѣ. Я вѣдь буду ждать съ нетерпѣніемъ. Однако, будетъ.

„Извиняюсь очень, что помѣщу не на мѣстѣ поздравленіе съ новымъ годомъ. Искреннее мое желаніе состоитъ въ томъ, чтобы онъ принесъ намъ всѣмъ болѣе отрадныхъ минутъ, болѣе

искренняго душевнаго перерожденія человѣка, испепелилъ бы всякое фанфаронство...

„Прощайте! Жму крѣпко руку, крѣпко обнимаю. (NN—подпись).

„Сашу люблю, обнимаю и цѣлую крѣпко. Спасибо ему за писанье. Буду послѣ ему писать больше, теперь нѣтъ время, пора на почту.

„Письмо не пошло. Работа придаетъ много интересу жизни и облегчаетъ ея невзгоды, особливо если она приноситъ пользу, а отъ нея пользы (по слухамъ) много. Дай Богъ путь добрый!

„Обнимаю Огар. Ему-то бы надо взглянуть на насъ самому и съ Н. А. [1])

„Помните ли вы, милая моя старушка, 12-е генваря, какъ оно шумно и весело было, и, увы! теперь оно скучно и чинно-родственно, и только.

„А „Дорритъ“ то я не читала, постараюсь достать“.

Письмо это адресовано было, какъ видно изъ содержанія, къ лицу близкому къ Николаю Платоновичу и Наталіи Алексѣевнѣ Огаревымъ. Адресатъ не былъ, конечно, ни Емиліей, ни старушкой: такія ласковыя обращенія не употребительны по отношенію къ лицамъ преклоннаго возраста. Упоминаніе о Сашѣ и о томъ, что корреспондентъ не имѣетъ сочиненій адресата, заставляетъ полагать, что письмо было адресовано именно А. И. Герцену, у котораго былъ сынъ Александръ и сочиненія котораго, дѣйствительно, трудно было въ то время найти, такъ какъ въ Россіи боялись держать ихъ.

Разумѣется, имя Емиліи не случайно было выбрано Герценомъ. Имя это носило гувернантка и близкій другъ жены Герцена, Наталіи Александровны, Эмилія Михайловна Аксбергъ. Весьма возможно, что русскіе корреспонденты Герцена пользовались не только ея именемъ, но и ея адресомъ.

Во всякомъ случаѣ, надо признать несомнѣннымъ, что первое изъ писемъ написано было самимъ Герценомъ. Адресатомъ этого письма, повидимому, какъ и авторомъ только-что приведеннаго, была двоюродная сестра Герцена, Татьяна Петровна Пассекъ.

Впрочемъ, вопросъ этотъ требуетъ еще дальнѣйшихъ изслѣдованій. Пока же можно установить то лицо, которое укрылось подъ именемъ Емиліи, и рѣшеніе этой загадки въ пользу Герцена, думается, въ дальнѣйшемъ найдетъ лишь подтвержденіе.

Краткія наши объяснительныя примѣчанія къ тексту не по-

---

[1]) Наталья Алексѣевна, жена Огарева.

вторяются нами подъ каждымъ письмомъ, гдѣ встрѣчается сокращеніе именъ, но приводятся лишь подъ письмомъ, гдѣ впервые встрѣчается сокращенное имя или иниціалы. Въ заключеніе, замѣтимъ, что для всесторонняго уясненія содержанія печатаемыхъ нами писемъ весьма полезны „Воспоминанія" Т. П. Пассекъ и Н. А. Огаревой-Тучковой и особенно послѣднее изданіе сочиненій самого Герцена въ семи томахъ (1905 г.).

Часть переписки Герцена съ Огаревымъ напечатана Т. П. Пассекъ въ III томѣ ея „Воспоминаній"—„Изъ дальнихъ лѣтъ" (1889 г.). Эти письма также слѣдуетъ имѣть въ виду для полноты комментарій къ нынѣ публикуемымъ письмамъ Герцена къ Огареву.

Румянцовскій Музей
Апрѣль, 1907 г.

Григорій Георгіевскій.

I.

Письма А. И. Герцена къ Н. П. Огареву.

1.

30 іюля 1855 г.

Сестра Таня [1]), твою записочку я получила. Вѣсть о пожарѣ очень печальна. Еслибъ Natalie только хотѣла переѣхать въ нашу деревню, кромѣ путевыхъ издержекъ ничего не нужно — тамъ есть домъ и все хозяйство,.. „и вышли бы вмѣстѣ, какъ взошли“. Вотъ сестра Маша было хотѣла васъ навѣстить... да то то, то сё, у нея теперь маленькой есть и часто хвораетъ.

А твое письмо очень грустно... Ты поминаешь наши молодые годы; дорого, дорого заплатили мы за раскрытую душу.

Сестра пишетъ, чтобъ не вѣрить сплетнямъ... Моя вѣра незыблема и свята, вѣра въ сестру — одна уцѣлѣла изъ всего. И тѣмъ не меньше я очень дѣятельна, я люблю шумъ. Оно будто и лучше—близкаго никого, хоть шаромъ покати, людишки предрянные... Дѣти цвѣтутъ.

И пусть у гробового входа
Младая станетъ жизнь играть.

Прощай, другъ мой, пошли сестрѣ эту записочку. — Цалую тебя.—*Твоя Emilie.*

2.

(1858 г. ?) 30 сентября. Остенде.

Пять часовъ, all right! Саша [2]) спалъ всю дорогу. Сначала качало. Я, разумѣется, былъ здоровъ, какъ рыба, спалъ отчасти и ложусь теперь, съѣвши двѣ котлеты на таможнѣ.

Въ шестомъ часу вечера мы ѣдемъ въ Брюссель, теперь девять и мы уже выспались.

Думалъ я, думалъ я ночью на морѣ о тебѣ, о дѣтяхъ, о Лизѣ, о этой полной неразрывности... Какъ все готово для широкой жизни, но не половиннымъ уже опытомъ. Надѣюсь, я

---

[1]) *Таня*—Татьяна Петровна Пассекъ (?). *Natalie*—Наталія Алексѣевна Огарева. *Маша*—Марія Касперовна Рейхель.

[2]) *Саша* — сынъ Герцена, Александръ Александровичъ. *Лиза* — дочь Н. А. Огаревой.

буду писать еще объ этомъ. Пиши Poste restante. Завтра я напишу изъ Брюсселя.

3.

(1858 г.?) 2 октября. Bruxelles.
Hôtel Belle Vue, ch. № 16.

Вчера я началъ писать къ тебѣ и вдругъ узналъ, что почты въ субботу въ Англію не бываетъ. Я разсердился и бросилъ письмо [1]).

Пріѣхали мы спокойно и живемъ такъ себѣ. Я понимаю, что есть необходимость, очень важная при томъ для психической гигіены, dann und wann оставлять Англію, чтобъ больше уважать ее и больше получить къ ней отвращенія. Меня поражаетъ на каждомъ шагу громкій разговоръ, хохотъ, незнакомые говорятъ въ вагонахъ, курятъ, на станціяхъ вездѣ большіе буфеты, люди бѣгаютъ, ѣдятъ съ хохотомъ пирожки, пьютъ коньякъ, и только англичане также противно не люди, какъ и въ Англіи. Всё въ задумчивомъ столбнякѣ. Да, это большое несчастіе, что нельзя выѣхать (а, разумѣется, нельзя) изъ Англіи. Тумана я не видалъ сошедши съ корабля. Цѣны на всё—врядъ достигаютъ ли половины. Обѣдъ въ отелѣ стоитъ table d'hôte 4 фран., особо—5. Въ первый день, пріѣхавши голодные, мы спросили ужинать. Намъ дали за 8 фр., т.-е. за 7 ш.:

1) Бифштексъ, для двухъ.
2) Котлеты.
3) Лёпомъ.
4) Утки съ трюфелями (превосх.).
5) Курицу жар. съ салад.
6) Сыръ.
7) Quatre mendiants.
8) Груши—удивительныя!

Сочти это на англ. счетъ, выйдетъ навѣрное 25 фр.

Но—но—„долгъ прежде всего"—будемъ жить въ Англіи.

Въ сущности и здѣсь гадко, щедушно, да и гдѣ же намъ будетъ хорошо?! Тѣмъ не меньше я думаю, что здравый смыслъ заставляетъ бѣжать изъ страны, въ которой за неудобную жизнь платится вдвое больше денегъ, и за то нѣтъ ни воздуха, ни чистой воды.

---

[1]) Письмо это назначалось для всѣхъ, оставшихся въ Лондонѣ, Герценовъ и Огаревыхъ. *Мар. Алек.* — Маркевичъ. *Тата* и *Ольга*—Наталія и Ольга Александровны Герценъ.

Въ p. rest. справлялся, письма нѣтъ. Ну, что̀ вы и ка̀къ? Я думаю ѣхать съ середы на четвергъ. Если море будетъ покойно, отправлюсь прямо въ Темзу, если нѣтъ—по старому пути.

Ну, какъ же вы справляете большой обѣденный выходъ сегодня? Не пришелъ ли Миллеръ, узнавъ, что меня нѣтъ? Не пришелъ ли Грассъ, Абихтъ и полк. Верцинскій? Огаревъ en paterfamilias и хозяйкой дома: Natalie кормитъ Лизу весь обѣдъ. Огаревъ хочетъ говорить, Абихтъ говоритъ.

Серьезнаго писать не могу.

Да, въ Остенде мы провели нѣсколько часовъ съ Маріей Александровной. Съ какой радостью, съ какой русской теплотой она насъ встрѣтила—это удивительно. Она очень хорошая женщина. Они еще не уѣхали; можетъ, я застану ихъ на обратномъ пути. Разумѣется, еслибъ они сына держали не вѣчно на глазахъ—было бы лучше. Онъ добрый, но совершенно дико-избалованный мальчикъ.

Ну, что, Лиза замѣтила мое отсутствіе, или нѣтъ? Я жду ее найти уже не млекопитающейся, а отнятой отъ груди. Не правда ли, Natalie? О себѣ я не могу сказать ни хорошаго, ни дурного. Съ одной стороны, быстро несется, мѣняясь и развлекая, панорама, съ другой—старыя боли и старыя упованія—вмѣстѣ это не весело.

Прощайте! П. не могу отыскать.

Татѣ и Ольгѣ сообщаю о томъ, какъ здѣсь говорятъ по-французски. Гарсонъ пришелъ доложить: „La souper est prette". А на улицѣ одинъ носильщикъ зацѣпилъ какого-то, а тотъ ему отвѣчалъ: „Vous ètes *un* bète".

Тата, иди въ садъ и ходи часъ.

Ольга, сиди смирно и пей кофей, какъ онъ налитъ.

Саша кланяется.

4.

(1858 г.?) 3 октяб. Bruxelles.

Твое письмецо пришло. Ты сильнѣе m-me Sevigné въ эпистолярномъ искусствѣ. Письма m-me Sev. надобно было распечатывать и читать, чтобъ смѣяться, а твое заставило нераспечатаннымъ хохотать Сашу, меня и почтоваго чиновника. Съ какой цѣлью ты налѣпилъ на него *1 пенсъ*? Quid significat hoc? А меня-то за разсѣянность изволите жучить, а сами горячку порете.

Пойду узнавать часы отправленія и разочту такъ, чтобы прі-

ѣхать или въ четвергъ вечеромъ, или въ пятницу утромъ, можетъ, даже успѣю къ четв. утру. Если Марк. [1]) пріѣдутъ сюда, они задержатъ.

Я не даромъ ѣздилъ: много насмотрѣлся, и все такъ плохо и скорбно, что бѣжалъ бы куда-нибудь въ степь. Какое великое дѣло монастыри! Можетъ, тѣ, которые сидятъ по тюрьмамъ или вдали, exempli gratia, наши декабристы лучше сохраняются, чѣмъ нашъ братъ.

Я Брюссель назвалъ Недопарижъ и Переницца!

PS. Сигары здѣсь плохи, и обманываютъ ужасно.

. . . .

Мы проводимъ время въ суетѣ. Жаль одного за васъ—что вы не видите этой превосходной, солнечной погоды. Бѣжать бы надо изъ помойнаго тумана, но здѣсь не житье намъ, я думаю. Постараюсь въ четвергъ пріѣхать.

Я привезу „La vie“—это вторая часть Жуванселя, что̀ я читалъ—хорошо.

Дѣтямъ кланяюсь.

5.

(1859 г.) 14 іюня. Ventnor.

Письмо твое изъ Cowes получилъ. Квартира возьмется, какъ сказано. Ѣдемъ въ понедѣльн. въ 11 часовъ. Можетъ, я во вторникъ пріѣду. Посылаю тебѣ письмо ко мнѣ Саши. Теперь я истинно готовъ съ колѣнопреклоненіемъ просить, чтобъ ты на первомъ планѣ занялся имъ не entre mets, а серьезно. Я ему писалъ первое письмо объ этомъ, и буду писать сто. Но именно, пользуясь моимъ отсутствіемъ, ты можешь поправить нашу общую вину.

Твое письмо дурно на меня подѣйствовало. Къ тому же я сначала распечаталъ Каткова отвѣтъ и расположился скорѣе хохотать (онъ ругается и называетъ меня *выболтавшимся вонъ* острословомъ), а тутъ письмо Саши,—его жаль, больно, чувствуешь долю вины,—и потомъ твое письмо. Смотрю я впередъ не весело, — ты это знаешь, — жду и я отъ близкихъ (и это, Огаревъ, не новое чувство у меня, а наслѣдство, доставшееся отъ 1852 года), но того, что̀ ты сказалъ, я тѣми словами не сказалъ бы.

Ну, а затѣмъ, если Солдатенковъ даетъ денегъ, скажи Кельсьеву, чтобъ онъ переименовалъ его въ Прапорщенковы.

---

[1]) *Марк.*—Маркевичи.

Князь-іезуитъ Гагаринъ прислалъ письмо съ большими симпатіями и пишетъ, что отправилъ ко мнѣ Чаадаева *избранныя* сочиненія. Это Жихаревскія бумаги, вѣроятно. Получилъ ли ты?

Есть ли что для будущаго „Колокола“ въ московскихъ бумагахъ?

Лиза вчера мнѣ говоритъ, и я не измѣняю ни іоты въ этой чисто-русской фразѣ:

„Ужъ какъ папа Ага [1]) меня любитъ, какъ шекоятомъ угощаетъ, свегда угощаетъ!“

Минутами тоска, а то ничего. Погода подлая; вчера (въ пятницу) вечеромъ было такъ холодно, что я хотѣлъ-было пуншемъ утѣшиться, чего, однако, не сдѣлалъ.

Отъ Мейзенбугъ письмо. Она замѣчательно молода духомъ. Она не въ дѣвкахъ осталась, а въ дѣвочкахъ.

Неужели я такъ старъ, что Каткова ругательства производятъ во мнѣ одинъ смѣхъ, почти добродушный, или въ самомъ дѣлѣ я себя вообразилъ Цезаремъ?

6.

(1859 г.) 19 августа. Пятница.
Swiss Cottage. Ventnor.

Бѣды въ томъ нѣтъ, что ты написалъ М. Вовчкѣ такъ, какъ написалъ, — но лучше было бы вдвое, еслибъ ты ей сказалъ (благо она спрашиваетъ), что ты мнѣ напишешь. Тогда я могъ бы окончательно пріѣхать съ Natalie и дѣтьми дня два послѣ. Въ воскресенье не найдешь train. Въ понедѣльникъ я выѣду съ первой каретой и, вѣроятно, стало, къ 7 вечера буду дома. Ты ее задержи. Она могла бы остановиться у насъ въ домѣ; а всего-то легче было бы ей пріѣхать въ Вентноръ прямо изъ Остенде. Если можно воскр. вечеромъ ѣхать, поѣду.

Ты все ждешь подробнаго письма. Неужели въ два дня можно окончательно что-нибудь сказать?...

Саша предлагаетъ Тàту отправить съ ними,... но, видишь ли, въ чемъ бѣда. Саша очень хорошо и благородно себя ведетъ, я вообще имъ доволенъ, — но онъ замѣтно перестаетъ быть русскимъ, и еслибъ не самолюбіе, что онъ мой сынъ, онъ отвернулся бы отъ всего русскаго. Живая традиція блѣднѣетъ. То же будетъ съ Татой. Но какъ же принять, чтобъ мои дѣти были

---

[1]) *Папа Ага*—такъ на дѣтскомъ языкѣ назывался Огаревъ. *Мейзенбугъ*—гувернантка Ольги.

швейцарскими нѣмцами? Это ужъ значитъ мою натурализацію принять au sérieux.

А потому ты въ письмахъ и разговорахъ гораздо больше обрати вниманіе на это отношеніе, нежели на наши размолвки: ихъ будетъ меньше, и я истинно въ глубинѣ сердца чувствую столько сожалѣнія и желанія отереть каждую слезу и буравящую мысль, что все пойдетъ дружно и симпатично. Но полнаго покоя и свѣта не будетъ безъ рѣшенія того вопроса; отъ того я не такъ веселъ... Къ тому же тутъ есть и угрызеніе совѣсти: еслибъ всѣ силы мои не были употреблены на наше дѣло, я самъ могъ бы взять въ руки побольше воспитаніе.

. . . .

Вотъ, другъ воробьевскихъ и вентнорскихъ горъ, все. Сегодня я всталъ спокойнѣе. Море ясно. Ольга даетъ обѣдъ въ Бокъ-Чёрчъ. Я расположилъ, чтобъ каждый день кто-нибудь давалъ обѣдъ. Мой былъ первый въ Эспланадѣ удаченъ. Вчера Мейзенб. въ Pelhau house отличилась. Завтра Саша—въ Crabe... Natalie разсказывала о Норовѣ, вслѣд. котораго ты не пошелъ въ это удивительное рыбное заведеніе.

Полагаю, что въ Swiss Cottage не слѣдуетъ больше писать, а адресовать въ Melbourne house на имя Nat. или Саши.

Пулскій нашелъ средство проѣхать такъ скоро, что въ три часа будетъ въ Лондонѣ. Сумлеваюсь.

Погода удивительная.—Прощай.

Лиза такъ и просится на руки ко (мнѣ) и Сашѣ. Боткинъ въ синихъ очкахъ.

Если ты найдешь Марка Вовчку, т.-е. книгу, она въ шкапу у m-me Tassinari въ числѣ книгъ, оставленныхъ Мейзенбугъ, тогда пришли сюда *sous bande*. Это стоитъ 4 пенса.

(Адресъ:) N. Ogareff. Park house. Fulhaw. London.

7.

(1861 г.) Пятница, 30 августа.
Turquay. 1 Engadina.

Мнѣ кажется, что всѣ мы немного спятили съ ума,—вотъ какъ подѣйствовалъ пріѣздъ Татьяны Петровны, съ которой, разумѣется, когда ее видишь, миришься.

Теперь разсуди, почему и какъ ты участвовалъ въ окончательномъ смѣшеніи. Я посылаю 3.000 Ротшильду. Она ихъ не дождалась. Ты пишешь: „Ротш. извѣщаетъ о полученіи 3.000“...

Я Т. П. о Ротш. деньгахъ ничего не говорилъ, а то она подниметъ тревогу. Добавляя, что я ни откуда не жду 3.000, — спрашивается, какъ было иначе понять? Не зная еще письма, я Т. П. перепугалъ, — она хотѣла телеграфировать. Но all is schlod.

Теперь скажи мнѣ, 1-ое, можно ли статью назвать „Зады", вмѣсто: Repetitio est mater? 2-ое. Я написалъ десять страницъ о Марьѣ Львовнѣ (1840—41). Я глубоко увѣренъ, что ты ими будешь очень и очень доволенъ.

Если ты поѣдешь въ понедѣльникъ, то навѣрное не будетъ тѣсно. Тат. Петр. ѣдетъ завтра [1]).

8.

(1861 г.) 1 сентября. 1 Engadina Turquay.

Вѣроятно, это письмо еще застанетъ тебя, а потому bon voyage. Само собою разумѣется, что только и можно ѣхать по желѣзной дорогѣ...

Горе тебѣ, маловѣрный. Какъ же ты издали могъ думать, что я казнилъ Мар. Льв.? Развѣ ты не видалъ, что „Былое и Думы"—вообще реабилитація, коли ничѣмъ другимъ, такъ артистическимъ силуэтомъ? Эти страницы свѣтлы и печальны, ты ихъ прочтешь въ корректурѣ.

Статьи Сер. Сол. [2]) я никакъ бы не напечаталъ. Напиши Чернецк., чтобъ онъ ее прислалъ. Смотри, у меня есть инстинктъ, и до сихъ поръ всякій разъ я, уступая, дѣлалъ бѣду.

Письмо твое... пахнуло на меня печалью. Не вѣрю я въ личныя счастія, — пользуйся настоящимъ и въ даль не заглядывай. Я съ тобой рѣдко говорю объ этихъ отношеніяхъ, но думаю часто.

У насъ не ясно на небѣ. . . . .

Поживи здѣсь. Природа превосходная и окрестности тожъ.

Статьи въ „Колоколъ" посланы („Зады").

Прилагаемое письмо я отдалъ Тат. Петр. Она его забыла. Нельзя ли ей отослать?

Пусть Passinari пришлетъ гуловой расходъ. Не плати ему ничего. Сочтемся послѣ. Передержекъ не было.

---

[1]) *Тат. Петр.*—Пассекъ. *Марія Львовна*—первая жена Огарева.

[2]) *Сер. Сол.*—Серно-Соловьевичъ.

Что̀ Тхужескій [1]) (пора его писать правильно)?
О Вильнѣ попробую завтра.
Воскресенье, 6 часовъ, вечеръ.

9.

(1861 г.) 2 октяб. Engadina Turquay.

„Колоколъ“ получилъ. Все ладно, но „Мингрельское дѣло“, я именно писалъ Чернец. [2]), идетъ въ „Колоколъ“ и по содержанію, и потому что у насъ матеріала нѣтъ. Что̀ будетъ въ будущемъ №? Въ „Смѣси“ есть такіе знаки препинанія, что ничего понять нельзя, exempli gratia, о Лихонинѣ.

Что же ты мнѣ прислалъ письмо какого-то дурака Молдав.? Развѣ не легче было ему послать сказать (я ему это написалъ), что онъ скотъ, и что мы денегъ за помѣщеніе статей не беремъ.

С.-Сол. не спасется перемѣной заглавія. Въ такихъ случаяхъ надобно или впередъ обдумывать, или идти до конца. Я статейку писать не стану, всѣ эти вещи дѣлаются сгоряча. Мнѣ подпись-то его всего дороже, — и онъ воображаетъ, что, разославши своимъ друзьямъ, III отдѣленіе не узнаетъ. Приглашай его сюда.

Но, par le temps qui court, слѣдуетъ сказать о деньгахъ. По теперичн. редакц. „Колок.“ и подъ судъ выходитъ расхода 300 фун., и продается до 450, въ силу чего можно было бы уступить 100 или 125 лив. за редакцію, т.-е. до 2.750 ф.

Мы ѣдемъ въ пятницу (если ничего не будетъ особеннаго) въ *11 ч. 25 м.* Стало, въ *6 съ чѣмъ нибудь* будемъ въ Paddias.

Еслибъ воля да больше характера и эгоизма, я потомъ уѣхалъ бы *одинъ* сюда на мѣсяцъ. Въ этой тревожной жизни я старѣюсь и теряю свою свѣтлость и даже талантъ.

. . . .

A propos, у тебя есть одна препротивная для меня метода выражаться, и ты ее употребляешь часто. Если тебѣ все равно, измѣни ее. „Вы хотѣли писать къ Аст.“. Когда же я хотѣлъ, или почему ты знаешь, что я хотѣлъ? „Вы рѣшили“. Тогда, когда я діаметрально противуположно рѣшаю все или почти все.

Чтожъ въ будущ. „Колоколъ“? Я очень недоволенъ „Мингрел. дѣломъ“. И почему Чернец. мѣняетъ? Я ему именно писалъ.

Вели Жюлю сходить къ Тьери на Reg. Quadr. сказать, чтобъ

---

[1]) *Тхужескій* — Тхоржевскій.
[2]) *Чернецк.* — Чернецкій. — *Аст.*—Астраковъ.

онъ поскорѣе сшилъ пару *точно такихъ* ботинокъ мнѣ, какъ прежнія, а то мнѣ придется босикомъ бѣгать.

10.

(1861 г.) 3 октября. 1 Engadina Turquay.

. . . .

Письмо твое какъ ни больно было мнѣ читать, но я потому не сержусь за него, что чувствую себя невиноватымъ. Мы à force пониманья другъ друга дошли до совершенныхъ непониманій въ частныхъ случаяхъ. Гдѣжъ дальнѣйшій намекъ на *характеръ* твоихъ отношеній? Вольно выдумать чудовищность и разсердиться за нее.

Ты, Огаревъ, можешь одно сказать, и на это возраженія нѣтъ. Въ Turquay была душная скука. А что еслибъ здѣсь была человѣческая жизнь, то дѣйствительно я не понимаю, что человѣкъ не можетъ отлучиться на какой-нибудь мѣсяцъ, — да это хуже всякихъ матримоніальныхъ цѣпей. Помилуй, гдѣ же тѣнь справедливости въ твоихъ оскорбительныхъ объясненіяхъ? Тебѣ просто должно быть совѣстно. Я буду осторожнѣе выражаться. Но не могу отречься отъ того, что̀ сказалъ. Да, caro mio, я три раза Кел. [1]) повторилъ и онъ три раза меня не понялъ, что бракъ вообще самая легкая цѣпь, именно потому, что она внѣшняя. Есть тысячи иныхъ impuls'овъ ненужно-терзающихъ, или ненужно-связывающихъ. Фу,—глупъ человѣкъ, ваше превосходительство!

. . . .

Отдай мнѣ Варааву на пропятіе, и не жалѣй. Подари мнѣ его — кого? Мельгунова. Его письма дѣлаются плантаторской клеветой русскаго народа. Можно быть дуракомъ, кривымъ, блудить... но мужика не тронь. Да еще говоритъ, „что въ Россіи такъ мало честь развита, что никто долговъ не платитъ". Я его въ гробъ Е. М. Демосѳена заколочу.

. . . .

Устрой, чтобъ въ воскресенье не было всей толпы, по крайней мѣрѣ до 8 вечера, также и въ субботу. А то плохо будетъ.

---

[1]) Кел. — Кельсіеву. Въ концѣ говорится о собраніяхъ у Герцена по воскресеньямъ (см., напр., 153 стр. „Воспоминаній" Н. А. Огаревой-Тучковой, М. 1903, и „Сочиненія А. И. Герцена", томъ III, Спб., 1905, 449 стр.).

11.

(1863 г.) 31 янв. Orsetthouse Westb. Sew.

. . . .

Новостей важныхъ нѣтъ, но инсурекція [1]) держится. *Nord* говоритъ *о пушкахъ*, взятыхъ у инсургентовъ. Въ Петербургѣ Государственный Совѣтъ отвергъ законъ о свободѣ книгопечатанія.

Иду обѣдать къ Псевичу, который и тебя приглашаетъ.

12.

№ 3. (1863 г.) 3 февраля. Orsetthouse Westb. Sew.

Письмо твое 2-ое получилъ въ *два часа*, а не вечеромъ, да и какъ же ты могъ предположить, что почта изъ Сиденг. въ Падингтонъ ходитъ часовъ 12. Сейчасъ получилъ и 3-ье съ планомъ. Я помню статую дьявола на выставкѣ, превосходнѣйшую; не знаю, та ли.

О твоемъ письмѣ мертвое молчаніе, ни іоты. Письмо это я пошлю теперь, т.-е. въ 10 утра. Если что̀ будетъ, напишу еще.

Лиза, разумѣется, была въ страшномъ восторгѣ и не могла до половины десятаго уснуть. Я ей совѣтовалъ послать часть игрушекъ Малушѣ, а она говоритъ: „Нѣтъ, ты ей лучше купи, а то съ игрушками можетъ болѣзнь пристать". Это хоть бы Дрюйнъ-де-Люсъ.

Сегодня „Теймсъ" помянулъ меня и Бакунина. Новости сбивчивы. Бак. рѣшительно хочетъ послать Жук. Что̀ тутъ дѣлать? А Ж. хитрый человѣкъ, онъ хочетъ ѣхать и потому отказывается. Впрочемъ, здѣсь его тоже не нужно.

Посылаю 2 „Сѣв. Пчелы" и „Колоколъ".

Вчера я ѣздилъ къ Ротш. получать деньги Мил. по подземному каналу. Мартьяновъ напоролъ дичь, — это и просто, и конфортабельно. Ротш. разспрашивалъ меня о польскихъ дѣлахъ. Какъ они поразительно мало знаютъ и много получаютъ.

Хотѣлось бы „Колоколъ" издать къ 10-му. Я напишу Чернецк., чтобъ онъ тебѣ прямо послалъ корректуру, а ты, не задерживая, пришли мнѣ. Обойдется и безъ Вѣча.

Ну, а потомъ слѣдуетъ отъ тебя статья.

Бьетъ 10. Addio.

---

[1]) Рѣчь идетъ о польскомъ возстаніи; тоже и въ слѣдующихъ письмахъ.

Моя статья о Европѣ скорѣе сблизитъ съ потентатами, чѣмъ разрознитъ, а Польшѣ не народы помогутъ. Объ этомъ послѣ.

13.

(1863 г.) 4 февр. Orsetthouse. Westb. Sew.

Мое письмо опоздаетъ сегодня потому, что я ждалъ отъ тебя, и до сихъ поръ нѣтъ.

Писать ли къ солдатамъ — мудреный вопросъ. Коли такой стихъ найдетъ, можно. Родъ этотъ опасенъ и долженъ быть страшно силенъ и поэтиченъ, чтобъ пройти.

Инсурекція держится славно. Ужъ въ Литвѣ и Волыни есть банды. Молодцы поляки. Фонтень пишетъ, что изъ Брюсселя уѣхали всѣ молодые поляки. „Constitutionnel" насъ (русскихъ революціонеровъ и польскихъ) обругалъ; „Siecle" защищаетъ. Я не читалъ ни того, ни другого, пойду къ Жозо, онъ одинъ держитъ „Const."

Не забывай посмотрѣть домъ или два, три, разныхъ величинъ. Да только у тебя ничего не поймешь въ разстояніяхъ. Exempli gratia, ты пишешь, что твой домъ отъ желѣзной дороги на 5 или 10 мин. Но вѣдь 10 минутъ ровно вдвое; можно сказать часъ или часъ съ четвертью, но нельзя—часъ или два.

Я полагаю, что слѣдуетъ нанять квартиру фунта въ три въ Лондонѣ, да фунта въ $2^1/_2$ на дачѣ.

Впередъ я дальше лѣта не смотрю и считаю, что это умнѣе всѣхъ плановъ, которые никогда не удаются. Если инсурекція будетъ подавлена, безъ малѣйшаго участія въ Россіи, и вся литература будетъ ругать Польшу à la Martianoff и Аксаковъ, да и крестьяне пропустятъ желанный день, то не пора ли и намъ въ отставку. Лѣтомъ, если не будетъ большихъ препятствій, поѣду въ Италію. Двѣ квартиры въ Англіи всего удобнѣе.

Не пиши на адресѣ Paddington, это лишнее, потому что Westb. Sew. одна. A propos, на дняхъ пробовали перебрасывать пневматической машиной письма изъ угла въ уголъ—черезъ весь городъ. Опытъ удался. Кажется, изъ Сити до послѣдней станціи 5 секундъ. Что̀ скажете?

Сегодня придетъ Давыд. и сынъ его Савичъ.

3 часа.

Лиза велѣла сказать, что цалуетъ тебя. У ней насморкъ, можетъ, отъ перемѣны климата. Внизу что-то съ однимъ каминомъ свѣжо.

. . . .

14.

(1863 г.) 5 февраля. Orsetthouse Westb. Sew.

Твое вчерашнее письмо дѣйствительно имѣло дѣйствіе пистолетнаго выстрѣла. Я въ ту же минуту послалъ къ Клинелю Сашу. Вчера Іоганну хоронили; Адла точно также въ свирѣпѣйшей скарлатинѣ. Давно я не былъ ничѣмъ такъ зарѣзанъ, потрясенъ и испуганъ. Я рѣшительно всю ночь не спалъ. Тутъ же у Лизы насморкъ. Минутами засыпая, я просыпался съ холоднымъ потомъ на лбу. Несмотря на все на это, я къ Клинелю не пойду, считая эту демонстрацію даже не деликатной и совершенно нѣмецкой. Я ему напишу нѣсколько словъ. Саша говоритъ, что сбитъ съ ногъ,—какія же тутъ рукопожатья.

О, жизнь! жизнь!

Я никогда не говорилъ, что „Кол.“ выдавать къ 20. Стало, торопиться некуда съ статьей. Насилу отыскалъ „Колок.“ и твою книгу,—пиши лучше поэму. Я чую время, въ которое тебѣ да и мнѣ слѣдуетъ перестать писать, мнѣ — смѣсь, а тебѣ—грузъ „Колокола“. Право, лучше звонить къ проклятію и похоронамъ.

Отъ Милов. письмо. До сихъ поръ, — пишетъ онъ, — ни одного русскаго солдата не перешло, ни одинъ офицеръ не отказался отъ команды противъ поляковъ. Меня обдаетъ ужасомъ: это хуже разстрѣливанія. Ты помнишь, что я былъ дурнымъ пророкомъ въ дѣлѣ адресовъ. Хм., прощаясь, мнѣ сказалъ: „Пот., да, Пот. превосходнѣйшій человѣкъ,—да кромѣ-то его кто?“

Маццини пишетъ, что пріѣдетъ завтра въ пять часовъ потолковать о пол. дѣлахъ. Тряхни-ка стариной.

Если все у насъ будетъ благополучно, въ субботу пріѣду, или въ воскресенье. Псевичъ собирался къ тебѣ, я остановилъ.

12 часовъ. Отправляю письмо. Лиза, кажется, ничего, однако, и не по обыкновенію весела. Погода давитъ теплой вьюгой. На душѣ такъ скверно, что посылаю второе письмо семинариста о мужеложствѣ.

О твоемъ письмѣ—молчаніе.

Въ самомъ дѣлѣ, не пріѣдешь ли на Маццини?

Бак. собирается, но тихо этого не сдѣлаетъ. Au reste онъ печальнѣе обыкновеннаго.—Прощай.

Отъ париж. Ротшильда пришелъ счетъ. Американскіе фонды почти сполна заплачены.

Почты заграничной нѣтъ,—видно, буря задержала.

Жуков., Кельсіева и какого-то Мат. Мат. вызываютъ въ „Теймсъ“.

Въ „Сѣверной Пчелѣ“ статья о книгѣ Чичерина.

Солдатенковы будто хотятъ погодить.

15.

(1863 г.) 15 февр. Orsetthouse.
Воскресенье.

Нашъ юнецъ, несмотря ни на что, хочетъ ѣхать и именно во вторникъ. Можетъ, это необходимо для очистки, для уясненія и для завоеванія денегъ. Но отъ этого я и не знаю, могу завтра пріѣхать или нѣтъ, и могу ли одинъ. Вечеромъ припишу.

Статья твоя хороша, но мнѣ не по сердцу слишкомъ частое поминанье нѣмцевъ. С. ждетъ вторую статью,—онъ тоже хочетъ ѣхать послѣ-завтра, а затѣмъ и П., хотя этого я всего меньше понимаю.

Польское дѣло, вопреки всему, держится и скорѣе идетъ въ гору. Его надобно проповѣдывать, и я совершенно былъ противъ твоего мнѣнія, что о глупой и отвратительной кондуитѣ ихъ слѣдовало печатать. Пусть П. приготовитъ для будущаго промеморію. Въ твоемъ адресѣ къ солдатамъ слѣдуетъ прибавить варіантъ—для находящихся въ Польшѣ.

Съ твоими разсужденіями я тоже несогласенъ. Во-первыхъ, voleo videre quomodo edificatis. Пусть же они докажутъ, что *они сила*. Что мы съ ними и со всѣми, кто идетъ тѣмъ же путемъ,—это они знаютъ. Но, стоя на построенномъ нами фундаментѣ одиноко, пока не убѣдимся, что ихъ прочнѣе, мы не будемъ увлечены въ fiasco или нелѣпость. Служить имъ я буду, но прежде чѣмъ брать солидарную отвѣтственность, хочу видѣть ихъ журналъ, ихъ profession de foi. Вѣдь „Земля и Воля“ не все, и въ „Молодой Россіи“ тоже было. Кстати, Саліасъ въ письмѣ еще и еще повторяетъ, какой вредъ они надѣлали.

„Вдругъ въ 1863 г. оно составилось“. А развѣ въ 1848 году Сазоновъ не основалъ международный клубъ, развѣ не были правильныя засѣданія и пр.?

А поэтому я не знаю, чего именно ты хочешь отъ меня. Смѣшать 0 нашего фонда съ 0 ихъ? Можно. С. говоритъ, что мы можемъ распоряжаться, а С. пріѣдетъ да задастъ не такую гонку. Это даже Бак. не принимаетъ.

Писать они не умѣютъ. Я пишу и буду писать, ты тоже. Миросл. въ пятницу поѣхалъ.

16.

(1863 г.) 29 апрѣля. Orsetthouse.
Westb. on Sew.

. . . .

Теперь къ общему. Больно мнѣ, но скажу, что ты неправъ относительно меня, и именно это мнѣ и мудрено. Мы представляемъ, и въ этомъ я глубоко убѣжденъ, дѣятельный ферментъ русскаго движенія, и во всѣхъ внутреннихъ вопросахъ нами сообщаемое движеніе одинаково. Гдѣ же различіе? Вѣря въ нашу силу, я не вѣрю, что можно произвести роды въ шесть мѣсяцевъ беременности. А мнѣ кажется, что Россія въ этомъ шестомъ мѣсяцѣ. Я увлекаюсь скорѣе тебя и трезвѣю скорѣе. Дай мнѣ не готовую силу, а дай ощупать *живой зародышъ*. Конечно, живой зародышъ носится въ общемъ состояніи, носится въ геніи народа, въ направленіи литературы, въ реформахъ и пр. Но гдѣ онъ до той степени сложился и обособился, какъ, exempli gratia, ты находишь въ „Землѣ и Волѣ"? Я этого не вижу. Ты фанатически сосредоточилъ всѣ твои силы въ одинъ фокусъ; любовь къ дѣлу, мысль, что мало остается жить, даже одиночество мысли (тѣмъ болѣе полное, что ты почти не разсѣеваешься и чтеніемъ чего-нибудь другого), все это вмѣстѣ развило въ тебѣ религіозную страсть, вродѣ Маццини. Ты страстно хочешь,—и не спрашиваешь, достаточно ли для творчества и созданія тѣхъ элементовъ, которые verhanden. Возбудить ты, я, ихъ можемъ, но уже самая организація изъ Лондона—вещь мудреная. Не думалъ ли ты о томъ, что послѣ всего, что было съ крымской войны, въ самомъ дѣлѣ Россіи всего нужнѣе опомниться, и для этого ей нужна покойная, глубокая, истинная *проповѣдь*. Ты на нее способенъ. Проповѣдь можетъ сдѣлать агитацію, но не есть агитація. Вотъ почему я иногда возражалъ на твои агитаціонныя статьи. Вотъ примѣръ: въ твоей послѣдней статьѣ въ „Об. В." ты говоришь: „Еслибы царь былъ земскій, *крестьянскій*, русскій". Въ памфлетѣ это ничего. Въ проповѣди глубоко искреннее чувство тебѣ не позволило бы это сказать. Отрѣзать отъ народа всю часть некрестьянскую—демагогія. Признать нѣсколько человѣкъ очень малодаровитыхъ (представитель которыхъ отрекся отъ нихъ) за зародышъ я не могу. Вспомни,

Огаревъ, что съ начала до конца я васъ предостерегалъ отъ шума объ офицерахъ и солдатахъ, идущихъ на помощь Польшѣ. Ты мнѣ всегда говорилъ, что берешь это на себя. Какъ будто у насъ рѣчь могла быть объ отвѣтственности. Ты ли отвѣчаешь, или любезнѣйшій неспособникъ Бак., а дѣло это намъ повредило, лишило насъ силы. А сила наша только и зиждится на талантѣ да на довѣріи.

То же, что было съ „Землей и Волей" и съ офицерами, ты испыталъ съ Печеринымъ. Я не виню тебя, что ты ему писалъ какъ бы ко мнѣ изъ Кунцова и попа іезуита пятидесяти-пяти лѣтъ принялъ за юношу, а спрашиваю: ну, еслибъ онъ тебѣ написалъ: „я уложилъ мое распятіе, куда надобно идти?"— что же бы ты сдѣлалъ?

Я чувствую еще всю свою силу на проповѣдь, на судъ и осужденіе, на анаѳему. Я чувствую силу mit der Gemeinde носиться по морю взадъ и впередъ, продолжая свою рѣчь. Я готовъ „Колоколу" дать этотъ характеръ. Такая проповѣдь не пропадетъ. Вѣдь въ свое время она много сдѣлала. Будемъ звать юношей,—въ этомъ я пойду съ тобой, какъ шелъ всю жизнь, пойду я и во всемъ остальномъ, но вѣры, чтобъ зародышъ былъ готовъ, что мы можемъ „сдѣлать возстаніе",—у меня еще нѣтъ. А когда я смотрю на такія сильныя движенія, какъ польское, мною овладѣваетъ ужасъ передъ этими путями безплоднаго кровоистеченія.

17.

1 мая 1863. Orsetthouse Westb. Sew.

. . . .

О главномъ предметѣ я скажу одно, что всѣми силами пойду той же дорогой. Но ты хочешь больше, ты хочешь—внутри моего убѣжденія чтобъ не было разномыслія. Думаю, и думаю честно, добросовѣстно, и не вижу, чтобъ мы или „Кол." становились сильнѣе. Если былъ какой-нибудь новый успѣхъ (т.-е. со времени освобожденія крестьянъ), то это Общее Вѣче. Перемѣни мое убѣжденіе, докажи противное, — развѣ я хочу отстаивать мнѣніе? Дѣйствительно, Броунъ насъ хотѣлъ какъ знамя, а не какъ дѣятелей. Это доказано тѣмъ, что Бутовс. и Лугин. читали и знаютъ, что ты и я проповѣдывали, а тѣ не знали. Мы должны были отдаться Смоленской Божіей Матери. Я готовъ жертвовать всѣмъ, даже честнымъ именемъ, но этой абсорбціи не понимаю.

Холить зародышъ (какъ ты говоришь) хорошо, когда онъ есть и притомъ въ маткѣ, а вообразить себѣ его внѣ матки — значитъ отнять истинное холенье у истиннаго зародыша въ пользу какого-нибудь lythopedion'а. Міөъ „З. и В." должно продолжать, потому же, что они сами повѣрятъ въ себя. Но что теперь „З. и В." нѣтъ еще—это ясно. Тебя сильно озадачилъ Броунъ своей исповѣдью Сашѣ. За что же нападки на меня? Ты не оцѣнилъ мой скептицизмъ, предсказавшій тебѣ и Бак., что da ist kein Stoff.

Въ чемъ польза—оф. адреса—*перевѣшивающая* бѣды и нареканія? Вѣрь же, ради Бога, что одна ревниво удерживаемая, свирѣпая истина—страшная сила. Ею, замѣть, только ею я заставилъ Европу призадуматься о своемъ вопросѣ и о русскомъ. Я часто увлекался über die Gränzen, но и оставался въ безумномъ убѣжденіи, что я въ истинѣ. Это дѣйствуетъ рикошетомъ. Всѣ сношенія съ центр. ком. и пр. не имѣли для меня этого характера, я въ нихъ тотчасъ ослабъ. Бак. для меня im Begriff всего, что̀ я бичевалъ въ революціонистахъ; мнѣ досадно, что я съ нимъ не вполнѣ откровененъ. Смерть Потебни хороша въ очистку русскаго имени, а сближенія нѣтъ черезъ нее, да и черезъ Бак. нѣтъ. Вникни въ его послѣднее письмо и даже въ Франц., ты убѣдишься въ этомъ.

Мои статьи о Польшѣ, даже *Плачъ*, который въ Италіи и Швейц. произвелъ фуроръ, совершенно ставятъ *Польскій* вопросъ *чужимъ* (какъ и ты его пост. въ статьѣ о Потебнѣ).

18.

(1863 г. іюня) 29, понедѣльникъ. 10 утра.

. . . .

Читаю романъ Черныш. Господи, какъ гнусно написано, сколько кривлянья... что за слогъ! Какое дрянное поколѣнье, котораго эстетика этимъ удовлетворена. И ты, хвалившій—куртизанъ! Мысли есть прекрасныя, даже положенія,—и все полито изъ семинарски-петербургски-мѣщанскаго урыльника à la Niederhuber.

19.

(1863 г.) 17 іюля. Orsetthouse.

. . . .

Вчера былъ Достоевскій. Онъ наивный, несовсѣмъ ясный, но

очень милый человѣкъ. Вѣритъ съ энтузіазмомъ въ русскій народъ.

Теперь сплетни. Мартыновъ, избранный судьей по дѣлу новой статьи Бакунина, сказалъ мнѣ, что статья очень хороша, что ее напечатать слѣдуетъ, во-первыхъ, чтобъ защитить Бак. отъ нареканій, во-вторыхъ, — что онъ, наконецъ, имѣетъ право высказаться, какъ онъ хочетъ, безъ *посторонняго вліянія.* Предв. Бакунинъ меня извѣстилъ о семъ тріумфѣ и, между прочимъ, запиской, написанной въ очень странномъ тонѣ. Говоря о какомъ-то полякѣ изъ Парижа, онъ добавляетъ: „высокомѣріе", съ которымъ я принимаю, и „презрѣніе" его рекомендаціей, лѣнь и пр. Я дѣйствительно не подалъ ему повода на такой тонъ, и потому отвѣчалъ ему просто, что, я думаю, тутъ ошибка, что мы вовсе не такъ близки, и что я никому и не навязываюсь. Все это было вчера, и онъ не былъ.

Пришелъ послѣдній *Современ.*,—ничего нѣтъ,—и *От. Зап.*,—ихъ не смотрѣлъ.

Въ газетахъ ничего. Только французъ. газеты говорятъ, — Константинополь освободитъ Варшаву. Ceci tuera cela. Макъ-Кл... разбитъ. Теперь извѣстилъ всѣ подробности. Можетъ, придется мнѣ съѣздить самому за Море-Кіанъ.

20.

11 Nov. 1863. Firenze. Hôtel American. Via Vigna nuova.

. . . .

Вчера я былъ у Долфи. Сегодня я буду у Mario (Whit). Долфи молодецъ, Чичеровекіо заткнулъ за поясъ. Мужчина съ Бак. ростомъ, съ лицомъ античной статуи, выражающимъ несокрушимую волю и энергію. У него мускулы не повисли. Настоящій трибунъ и очень уменъ. Говоритъ троху по французски, но больше по итальянски. Я понимаю хорошо. Отъ него я узналъ, что Мордини, проѣздомъ, во Флоренціи. Мордини принадлежитъ для меня къ воспоминаніямъ о 1852. (Это bête noire реакціи, бывшій продиктаторъ Сициліи). Мнѣ говорили, что онъ сталъ важнымъ человѣкомъ,—не знаю, almeno не со мной.

Я его засталъ за обѣдомъ и нарочно взошелъ безъ доклада. Онъ не имѣлъ понятія, что я въ Флоренціи, но тотчасъ узналъ и бросился меня цаловать. Это тоже сила. Италія богата людьми. „Мы съ вами встрѣчаемся,—сказалъ я ему,—какъ старые сол-

даты, оставшіеся вѣрными нашему знамени, а объ знакомыхъ страшно вспомнить".

Гдѣ нашъ старецъ Ланжеронъ?
Гдѣ нашъ старецъ Бенигсенъ?

(Собств. имена замѣни самъ.)

Сегодня обѣдъ, который русскіе мнѣ даютъ. Я откровенно долженъ сказать, что пріемъ здѣсь и отъ своихъ, и отъ итальянцевъ, далеко превзошелъ мои ожиданія... и чего-чего здѣсь нѣтъ: и E. Piggo Esq. изъ „Daily News", и графъ Нессельродъ-aux perl.—и Конст. Ник. ждутъ; видно, хочетъ сдѣлаться артистомъ.

Одинъ Доманже не показывается.

A propos.—Dolfi-Fomaio сидитъ въ лавкѣ съ мукой и крупой и продаетъ ее, какъ нѣкогда великій Боткинъ продавалъ чай, и, продавая ее, онъ одинъ страшнѣе всей франц. оппозиціи правительству. Это самый популярный трибунъ въ Флоренціи.

12. Четвергъ.

Обѣдъ былъ очень приличенъ и очень скроменъ. На немъ былъ и Стюартъ. Онъ, безъ сомнѣнія, глупѣе и тяжеле всѣхъ бывшихъ. Трава эта здѣсь уже недѣли три, не знаетъ ни одного изъ русскихъ, не зналъ, что я здѣсь, и еслибъ Саша его не засталъ у проф. Шифа, а Фрин. не пригласилъ бы участвовать въ обѣдѣ, я его бы не видалъ. Съ такими заграничными Бруновыми недалеко уѣдешь. Я его нарочно столкнулъ съ Мечниковымъ, но онъ и тутъ мямлилъ и пр. Разумѣется, главный интересъ это Касатк., его слова и дѣла. Я предложилъ два тоста, за тебя и за „З. и В.". Саша—за память Потебни. На обѣдѣ былъ одинъ полякъ живописецъ.

. . . .

О Катковѣ подумаю. Не лучше ли просто написать, что это ложь, т.-е. Огар. и Герц. объявляютъ. Но какъ же Бак. скажетъ, что это ложь, когда онъ все тоже говорилъ и даже въ Стоп... миной рѣчи? Пользу, которую онъ принесъ, еще не знаю, а вредъ на лицо. Повторяю, что я его видѣть не хочу.

21.

№ 3 изъ Женевы.
(1863 г.) 1 декабря. Genève.

Касатк. и Черн. прислали телеграмму—они будутъ сегодня вечеромъ. Всѣ русскіе сегодня завтракаютъ у меня: Б., трое

тебѣ извѣстныхъ и молодой профессоръ, который мнѣ нравится. Обѣдаю я съ Б. у Фогта. Еслибы я здѣсь остался недѣлю, то пошло бы какъ въ Флоренціи. Даже содержатель Hôtel'я пришелъ въ такой восторгъ любви,—что я предпочелъ его Hôtel,—что произнесъ мнѣ рѣчь, въ которой упоминалъ, что онъ своей женѣ въ „Gartenlaube“ читалъ мою біографію, и за 14 фр. даетъ фенсервы и ананасы съ сардинками.

Но, Огаревъ, сдѣлалъ ли я что-нибудь въ смыслѣ примиренія? Мнѣ кажется, что Касатк.—мелочной человѣкъ. Всѣхъ русскихъ, не исключая Фелина, я нашелъ лучше, чѣмъ ждалъ. Они страшно озлоблены противъ него. Одинъ работаетъ (Касп.) у переплетчика,—денегъ не хотѣлъ взять. Р. я черезъ Б. оставилъ 4 и Ф. 30 фр. Жук. въ Бернѣ. Я оставилъ еще золотой Б. на случай нужды. Поговоривши съ Касат., я напишу.

Мое путешествіе сюда имѣетъ иную важность и снова подтверждаетъ, что Лондонъ скверное мѣсто. Путешествуя, я могу почти больше сдѣлать, чѣмъ статьями. Я разбудилъ и растолкалъ Ст., которымъ больше доволенъ при отъѣздѣ; Мечниковъ поѣхалъ въ Ливурну искать сбыта, и всѣ расшевелились. Какъ съ одной стороны тебя не обрадуетъ это, такъ съ другой будетъ больно.

Ты хвалилъ мою наблюдательность въ Неаполѣ, она еще лучше въ собственныхъ дѣлахъ. Итакъ, повѣрь мнѣ, что рѣшительно никто (не исключая Б. и Ст.) не вѣритъ ни въ какой центръ, ни въ кого, и всѣ говорятъ то, что въ Парижѣ, два мѣсяца тому назадъ, гов. Хоецкій и поляки: центръ—„Колоколъ“, и нѣтъ центра развѣ его. На этомъ можно много построить, но для постройки надобно, чтобъ „Кол.“ былъ свободенъ, *совершенно свободенъ*. Онъ компрометировался, но благородно, ему это отпустятъ. Non bis in idem, и онъ, какъ его старшій братъ, московскій колоколъ, падетъ. Каждое животное имѣетъ свой процессъ пониманія. Я долго и par saccade разбираю дѣло, а потомъ оно вдругъ становится ясно. Кризисъ во мнѣ прошелъ; боль, униженіе, состраданіе были святы, но я слушаюсь Берга и снимаю трауръ. Если ты объективно вглядишься и повѣришь мнѣ,—дѣло сдѣлано. Но тогда не привязывай гири, да и какія: самъ Раппо не стащилъ бы Бакун. Видно, кое-что надобно подвязывать въ сердце и жертвовать иногда лицами дѣлу. Я Бакун. считаю вреднымъ, и чего ты боишься, что Будб. узнаетъ о разладѣ? Лишь бы не мы говорили; а коли узнаетъ, то это только нулируетъ Бак., а не насъ. Тебѣ его жаль, да вѣдь и Ворцелю было жаль Жабицкаго.

22.

2 янв. 1864. H. g. de la Poste.

Странно провелъ я новый годъ. Я былъ имъ какъ-то взволнованъ и оттого поправился. Часовъ въ 11 явился старецъ съ необыкновеннымъ, величаво энергическимъ видомъ. Мнѣ сердце сказало, что это кто-то изъ декабристовъ. Я посмотрѣлъ на него и, схвативъ за руки, сказалъ: „Я видѣлъ вашъ портретъ".— Я Поджіо.—Этотъ сохранился еще энергичнѣе Волконскаго (который при смерти боленъ). Господи, что за кряжъ людей. Иду сейчасъ къ нему. Но это еще не все. Вслѣдъ затѣмъ является молодой человѣкъ, въ цвѣтѣ лѣтъ, черноволосый, красивый, съ умнымъ видомъ.—Сынъ Дм. Павл. Голохвостова. Живой, дѣльный, онъ самымъ теплымъ образомъ встрѣтился со мной. Женатъ на красавицѣ и пр. Итакъ, два прошедшихъ и двѣ тѣни ввели въ новый годъ, и отъ нихъ возвращаюсь опять къ нашимъ карликамъ. Шлюсь на Л., У., что я больше уступалъ возможнаго и справедливаго, но они все что-то хлопочутъ и интригуютъ.

Въ послѣдніе два дня я увидѣлъ, что, несмотря на Palazzo, пріисканное Касат., Женева невозможна, по крайней мѣрѣ, почти невозможна отъ этихъ праздныхъ интригантовъ. Можетъ, они и добрые люди, но самолюбіе все потемнило.

23.

(1864 г.) 4 янв. H. g. de la Poste.

Здѣсь я покончилъ мирно. Молодые люди отказались (откровенно ли, или нѣтъ?) отъ своихъ требованій и обѣщаютъ горы работъ и корреспонденцій къ 1 мая. Помощи по типогр. и пр. отъ нихъ ждать нечего. Скорѣе Кас. сдѣлаетъ что-нибудь. Мнѣ съ ними ужасно скучно,—все такъ узко, ясно, лично и ни одного интереса, ни научнаго, ни въ самомъ дѣлѣ политическаго, никто ничему не учится, ничего не читаетъ. У. хуже другихъ по безграничному самолюбію. Я до сихъ поръ не могу понять твоего паденія въ Cowes съ нимъ, твоихъ любовныхъ писемъ къ нему, и, грѣшный человѣкъ, отношу $^3/_4$ къ чарочкѣ. Вотъ тебѣ и ревность, о которой ты говорилъ, не говоря о К.,— Л., У. смотрятъ хуже меня. Ков. гораздо лучше другихъ.

Послѣ всѣхъ переговоровъ, „засѣданій" и пр., родилась слѣд.

программа, которую я тебѣ посылаю. Такую программу и подобную можно составить mille e tre въ день. Я на нее совершенно согласился. Что „Кол.“ издавать въ Лондонѣ при новомъ взмахѣ въ Россіи нельзя, это для меня ясно. Здѣсь перекрещиваются безпрерывно ѣдущіе изъ и въ Францію, изъ и въ Италію, здѣсь многіе живутъ и пр. Но что мы будемъ дѣлать съ милой оравой этой—я не знаю.

Гол. читалъ мнѣ актъ изъ своей драмы, составленной изъ былины о Добрынѣ Никитичѣ. Я у него видѣлъ томовъ десять книгъ, о которыхъ мы едва слышали, напр., Сборники Рыбникова. Вчера былъ у старика П.—Титаны!

24.

(1864 г.) 28 февр. Elmfieldhouse. Tedding.

Письмо пришло. Раньше 9 почты въ Вибл. не будетъ, да и то въ понедѣльникъ. Корректуру посылаю. Средній листъ, т.-е. цифры, Чернецкій свѣрилъ и даже нашелъ у тебя или въ тетради ошибки. Печататься будетъ въ понедѣльникъ; старайся какъ можно скорѣе доставить корректуру.

Процесса Мац. мы боялись напрасно; онъ, т.-е. процессъ, совершенно хлопнулся въ грязь. Даже судъ не судилъ Мац. Все это оказалось полицейской продѣлкой. Вчера видѣлъ новаго русскаго—шулеръ и плутъ.

Теперь возвращаюсь къ твоему письму. Разумѣется, и оно на меня, какъ всѣ почти твои письма послѣдняго времени, дѣйствуетъ грустно. Меня ты бранишь за самооправданіе, а самъ вводишь пьянство въ фатумъ и говоришь о немъ, какъ о несчастіи, противъ котораго нѣтъ апеляціи, и за которое вина падаетъ не на тебя. Ты даже придумалъ водяную болѣзнь въ оправданіе. Я ужаснулся этого.

Вотъ что я записалъ въ свою книжку 31 декабря 1863: „Съ 1851 я не переступалъ въ новый годъ съ такимъ ужасомъ. *Пора!* Этотъ голосъ меня преслѣдуетъ не всегда громко, но самое ничтожное обстоятельство будитъ всю его силу. Въ минуты recueillement и въ минуты грусти я слышу: *пора!* Еще шагъ, и груша перезрѣетъ, будетъ невкусна. Въ новомъ году я предвижу 2 мая. Связи, длившіяся всю жизнь, подаются. *Мы понижаемся въ глазахъ другъ друга*,—старость, что-ли? Вѣнки исчезаютъ, остаются старыя лица съ притязаніемъ на молодость. Гармоніи въ семейной жизни нѣтъ, задача сложна, эгоизмы раз-

виваются больше, и *все рухнетъ на несовершеннолѣтнихъ.* Въ общемъ мракѣ и ужасѣ, мы конфортативами натягиваемъ себя на призрачныя вѣры.

„Не предчувствіе ли это конца, примиреніе съ нимъ, гуманное captatio benevolentiae со стороны смерти?“

Послѣднія строки приписаны 8 января.

Не буду длить этотъ разговоръ... Я шумлю, но дѣйствительно у меня радостей не много...... Тогда, когда и въ общемъ я вижу, что единственный человѣкъ, который съ 1826 шелъ въ унисонъ со мной, или я съ нимъ, теряетъ масштабы и переноситъ свои желанія на дѣйствительность, сердясь, что я вижу, что это желанія, а не дѣйствительность...... увѣряю тебя, Огаревъ, что есть отчего бѣжать изъ полку.

У Nat. мысль просить Государя съѣздить въ Россію, съ правомъ возвратиться. Я видѣлъ во снѣ, что Ал. Ал. просилъ послѣ смерти П. Ал. объ этомъ. Можетъ, это и возможно (окрестивши дѣтей). Подумай. Еслижъ нѣтъ, то, можетъ, тебѣ будетъ легче пожить совершенно одному въ Лондонѣ, т.-е. въ іюнѣ, а я всѣхъ устрою въ Амстердамѣ или въ Генуѣ (мы объ ней забыли). Я готовъ на все. Ты опять будешь толковать о гамлетовщинѣ,—разсуди самъ, во мнѣ ли дѣло. Еслибъ я могъ сказать: вотъ треть—въ одну сторону, вотъ треть—въ другую, съ остальной позвольте мнѣ ѣхать не знаю куда и пріѣзжать разъ въ годъ въ гости,—я бы сдѣлалъ. А тутъ наша дѣятельность, „Колоколъ“... Итакъ, надобно тянуть лямку. Я готовъ. И прощай. Если дашь руку на взаимную поддержку, тѣмъ лучше [1]).

25.

(1864 г.) 1 марта. Elmfieldhouse Teddington.

Гончаровъ въ письмѣ пишетъ прямо, что онъ ждетъ отвѣта въ Кон. Пиши и пришли, а я отдамъ Пор.—Кн. Чартор. пріѣхалъ. Онъ говоритъ, что Стиглицъ былъ совершенно осмѣянъ въ Парижѣ за его отвѣтъ, и до того сконфузился, что боялся ходить по бульвару. Тургеневъ печатаетъ новый романъ у Достоевскаго—„Призраки“.

---

[1]) *Nat.*—Н. А. Огарева. *А. А.* и *П. А.*—Тучковы.

26.

(1864 г.) Пятница. 4 марта.

Жаль, что я не былъ вчера, но это къ лучшему: голова болѣть перестала (новое pli, никогда не проходитъ въ одинъ день), да и на душѣ лучше. А новости скверныя. Я получилъ отъ парижскаго Ротшильда отчетъ за 1863 годъ. Читаю, сличаю, денегъ получено меньше: съ 17.000 долларовъ Virginia Stoch, вмѣсто 6%, ни гроша. Поѣхалъ я къ здѣшнему Ротшильду. Тамъ говорятъ, что они рѣшительно ничего не платятъ. Итакъ, тысячи 3 съ 1/2 франковъ изъ дохода вонъ. Рейхенбахъ на дѣла Америки смотритъ самымъ чернымъ взглядомъ. Онъ говоритъ, что мира не будетъ; что упорство южныхъ дошло до манiи [1]). Его совѣтъ ѣхать въ Америку и покупать у правительства земли, даже акцiи желѣзн. дорогъ; онѣ тоже невѣрны, но все же вѣрнѣе правительственныхъ, а ихъ покупать потому, что тогда Un. St. пойдутъ въ американской цѣнѣ. Вотъ тутъ и живи себѣ птицей небесной. Нѣтъ, Огаревъ, вмѣсто замѣчанiй на мое замѣчанiе благослови относительную свободу твою. Глупо потерялъ ты свое имѣнiе, что же въ сущности за бѣда? Ты 6.000 фр. вытянешь...

11 часовъ.

Твое письмо пришло. Я самъ чувствую великую потребность схоронить споръ. Разойтиться послѣ цѣлой жизни нельзя—и грѣхъ. Я глубоко увѣренъ, что ты моимъ письмамъ далъ смыслъ иной. И это я думаю оттого, что и ты, и я, не привыкли, чтобъ насъ судили; мы себя ставимъ всегда above уровня. Врядъ ли справедливо это. Les rois sont ce que nous sommes. Можетъ, даже то, что я писалъ тебѣ изъ замѣтки на новый годъ (мы понизились въ глазахъ другъ друга) — боязнь истины, вовсе не хорошее чувство съ моей стороны. Итакъ, серьезно, безъ излишнихъ надеждъ, но съ вѣрой пойдемъ по жесткому пути старости; я, между прочимъ, поищу средствъ матерiально спасти всѣхъ. Можетъ, для этого мнѣ и будетъ всего нужнѣе, чтобъ морально не было постояннаго безпокойства.

Вотъ моя рука.

Теперь о „Колоколѣ". И тутъ ты призови всю терпѣливость

---

[1]) А ты воображаешь, что главные вегикулы революцiи — эконом. вопросы, и людей вообще—математика!

твою. Я съ Чернец. имѣлъ небольшую стычку. Онъ сдѣлалъ непростительную вещь. Въ 9 вечера прислалъ мнѣ послѣднюю стр. Я поправилъ и надписалъ, или сказалъ черезъ Жюля, чтобъ mise en page прислали. Вдругъ въ 11 1/2 Жюль приноситъ полные (экз.) „Колок.". Ничего не понимая, я сталъ въ постели читать, нашелъ двѣ, три грубыя ошибки и въ 7 1/2 утра послалъ Жюля съ поправкой. Онъ торжественно возвратился съ рапортомъ, что Егоровъ всю ночь печаталъ и отпечаталъ всѣ экземпляры. Я послалъ за Чернецк. Чернец. оказывается столько же виноватымъ: 1-ое, Bon à tirer не было; 2-ое, въ 11 ушедши, онъ сказалъ Егорову, что если что̀ неважное, то онъ поправилъ бы. Чернец. зналъ, что я дома. Чтожъ ему стоило зайти? И самъ говоритъ, что Егоровъ дуракъ. Онъ немного надулся. Но теперь надобно потерпѣть и въ слѣдующемъ листѣ erraty сдѣлать; другого средства нѣтъ. Чернец. одно говоритъ—опоздали, опоздали тремя днями. Можетъ, я и правъ былъ, что тебѣ бы прежде кончить, потомъ идти.

Можно еще одно сдѣлать — отпечатать поправку на листкѣ и разослать книгопродавцамъ для вложенія въ № „Колокола". Если это очень надобно, пиши: я сейчасъ распоряжусь...

27.

(1864 г.) 12 апрѣля. Cannes.

. . . .

„Колоколъ" получилъ и пробѣжалъ, да запнулся за „энцинкливизитику"—вотъ штука-то!—и за „посланныя телеграфическія думы". Катковъ насъ объявитъ спятившими.

Слѣдующія письма: 28, 29 и 30 — говорятъ объ одномъ крупномъ событіи въ лондонской жизни Герцена — свиданіи съ Ю. Ѳ. Самаринымъ. Подробнѣе объ этомъ случаѣ см. „Русь", 1883 года, №№ 1 и 2: „Переписка Ю. Ѳ. Самарина съ А. И. Герценомъ въ 1864 году".

28.

(1864 г.) 22 іюля, пятница. Royal Hôtel.
Blackfriar's bridge.

У меня все еще идетъ кругомъ въ головѣ отъ разговора, который длился отъ 6 до часу безпрерывно. Десять разъ онъ

принималъ ту форму, послѣ которой слѣдовало бы прекратить и его, и знакомство. О сближеніи не можетъ быть и рѣчи, и при этомъ лично С. и уважаетъ, и любитъ меня. Я только взошелъ въ № и спросилъ объ немъ, какъ онъ явился самъ (онъ у человѣка записалъ мое имя, стало, не боится). Я протянулъ ему руку, но онъ бросился обнимать меня.

Вотъ главные тезисы. Что касается до правительства, оно не имѣетъ никакого направленія и идетъ зря; оно съ самаго начала искало руки ведущей, но ея не нашлось, и теперь ищетъ. Терроръ ему приказало общество, и этимъ С. доволенъ (противъ террора въ Петерб. Суворовъ, Валуевъ, Адлерб.). Было время, въ которое „Колоколъ“ могъ вліять громадно. Все потеряно колоссальной ложью въ польскомъ дѣлѣ. Онъ считаетъ теперешнюю дѣятельность окончательно пустой, потому что, кромѣ исключительнаго кружка, никто не хочетъ и не читаетъ „Колокола“. Всѣ увѣрены, что ложные манифесты шли отъ насъ, или по крайней мѣрѣ отъ Бак., и онъ такъ думалъ до разговора. Польшу, поляковъ онъ ненавидитъ, — вещи, имъ разсказанныя, дѣйствительно ужасны. Съ Милютинымъ онъ въ тѣсной дружбѣ, и, кажется, воротится на свое мѣсто послѣ леченія въ Рагацѣ. (У него были два удара паралича, но легкаго; онъ отъ послѣдняго почти совсѣмъ окривѣлъ, но сохранилъ и прежнюю энергію, и удвоенный фанатизмъ, и необыкновенно изворотливый умъ, но за то — кромѣ немножко Бордо — пить не можетъ). Крестьянское дѣло въ Польшѣ онъ считаетъ великимъ, историческимъ дѣломъ. Твою статью винитъ онъ въ томъ, что ты, зная, что польскіе крестьяне не бунтовали, сказалъ, что они бунтовали, и что ты не оцѣнилъ, что уступленная поляками земля минимумъ за отрѣзками, сдѣланными съ 1807—1846 и въ послѣднее время.

По всему сказанному онъ ближе къ Каткову и Муравьеву, чѣмъ къ „Колок.“. „Современникъ“ ненавидитъ. Чернышевскаго тоже. О Мартьяновѣ едва слышалъ.

Затѣмъ начинается другая часть: это детали, т.-е. картины, эпизоды и пр. И душу щемитъ, и смѣшно, и несмѣшно. Хаосъ, безумное, дурманное броженіе. Мысль, у него проявляющаяся или затаенная, та: „Всему этому и вы способствовали“ (онъ считаетъ вліяніе мое на поколѣніе, съ начала царствованія, самымъ главнымъ и сильнымъ, больше сильнымъ, чѣмъ вліяніе Николая Павловича! — Каково!?), — въ то время какъ надобно было всѣ силы, всѣ помышленія устремить на то, чтобъ двинуть машину впередъ.

Я пришелъ въ свою комнату усталый... Общее впечатлѣніе страшно грустное. Какой-то стихійный соціальный переворотъ

идетъ, давя колесами все,—и люди, какъ Самар., съ этимъ примирились, и идутъ возлѣ и тянутъ эту барку по бичевнику, да еще намъ говорятъ: „Да вѣдь вы хотѣли же соціальнаго переворота; ну, онъ и идетъ такъ, а не иначе"!—Прощай.

Сегодня я съ нимъ обѣдаю. „Можетъ,—сказалъ онъ на прощанье,—вы будете спокойнѣе". Я не думаю.

Восемь часовъ—ѣду къ Гено де-Мюсси.

Не знаю, поѣду ли, т.-е., успѣю-ли выѣхать въ субботу. Самар. ѣдетъ въ понедѣльникъ. Можетъ, и я останусь до понед. и пріѣду въ 1-ой train.

Вечеромъ напишу. Все что-то очень печально.

29.

(1864 г.) 23 іюля, суббота. 10 часовъ.
Blackfriar's. Royal Hôtel.

Вчерашняя бесѣда была еще тяжелѣе. Дошло даже до холодно-язвительныхъ замѣтокъ. Я боленъ Самаринымъ. Что же это, наконецъ? Два человѣка, считающіе другъ друга честными людьми, могутъ до такой степени расходиться. А онъ и его кругъ пойдутъ впередъ. Онъ самъ говоритъ почти: „Теперь наше время". Тѣни издали ни малѣйшей на entente съ нимъ. Въ союзъ онъ не вѣритъ съ нѣмцами. Говоритъ свое, что изъ правительства можно было сдѣлать и то, и сё, даже чтобъ мы черезъ годъ или два возвратились, или чтобы я могъ пріѣхать на время, чего бы онъ ужасно желалъ, потому что я не понимаю и не знаю современной Россіи, и такъ далѣе...

Самар. придетъ ко мнѣ прощаться (не смѣшно ли, что мы лично на самой лучшей ногѣ)! Я хочу ему поставить рѣзко вопросъ: „Ну, для чего же мы говоримъ, и что же за результатъ свиданья"? Я ему вчера сказалъ:—Что вы мнѣ постоянно толкуете о Польшѣ, когда я васъ спрашиваю: *куда вы идете?* Вы просто отлыниваете.

Но онъ толкуетъ, что безъ „ла кестіонъ релижіосъ и полонесъ",—и трава не растетъ.

A propos, еще разъ, онъ говоритъ, что моя роль была—роль Немезиды, пророчествующей, и что я пустилъ по міру (по духовному) все поколѣніе моей непослѣдовательностью, что жаръ душевный и талантъ скрыли ядъ, а въ нихъ отрава осталась, а полета нѣтъ...

30.

(1864 г. 24 іюля) Воскресенье.

Письмо отъ Лизы и отъ Ольги получилъ.

Но затѣмъ писать бы не сталъ, а пишу, чтобъ вамъ сказать вещь хорошую послѣ всѣхъ мерзостей, которыя писалъ.

Передъ прощаньемъ у насъ шелъ крупный разговоръ и злой. Потомъ—что-то молчаливый. Потомъ—мнѣ въ самомъ дѣлѣ стало грустно, да и ему. И тутъ я ему сказалъ: „Могу ли я, послѣ всего, что было, просить о личной услугѣ въ пользу несчастнаго человѣка?“

Его это покоробило.—Что же вы хотите?

— Складку для Мартьянова, и пошлите ему.

— Разскажите подробно, въ чемъ дѣло?

Я разсказалъ.

— Что же, вы возьметесь?

Онъ помолчалъ, прошелся, и говоритъ:—Нѣтъ, потому что это слишкомъ ничего не значитъ. Если хлопотать, такъ хлопотать о томъ, чтобъ его выписали изъ Сибири.

— И вы можете что-нибудь сдѣлать?

— Сдѣлаю, что могу. Пришлите его письмо къ Государю.

На этомъ мы поцаловались и разошлись. „Можетъ,—сказалъ я, — и это русское явленіе, что два противника такъ встрѣчаются“.

Онъ для спасенья Мартьянова все сдѣлаетъ. Сейчасъ Тхоржевскій ему везетъ письмо.

Пишу изъ American Hôtel.

Самаринъ ѣдетъ завтра.

31.

(1864 г. 25 ноября) Пятница. Hotêl d'Espagne, rue Toitbon.

Письмо твое пришло. У меня съ самаго пріѣзда и до сей минуты не перестаетъ головная боль. Должно быть, я распростудился на дорогѣ, да и погода здѣсь ужасная. . . . .

У N. была Панчулидзева, дочь Депре, наконецъ Іоганисъ, который желаетъ очень меня видѣть. Гр. Саліасъ живетъ чортъ знаетъ гдѣ, и я не засталъ ни ее, ни сына; опять поѣду. Вчера былъ у Шар. Ед. Онъ требуетъ, проситъ корреспонденціи для

„Temps“ о русскихъ дѣлахъ. Польскій вопросъ исчезъ съ лица земли. Сегодня поѣду къ Бр. Скажи Тхорж., что Франковскій прощенъ и выпущенъ. Отъ Таты премилое письмо.

У Ротшильда еще не былъ. Хочу поговорить о продажѣ дома въ Парижѣ. Это была бы добрая афера...

Вчера „диné“ у Левицк. съ Стадлеромъ. Закуска—икра паюс. и свѣжая, сморчки, рыжики и др. Щи, кулебяка съ рыбой и т. д. Малиновая и вишневая наливки. Квасъ.

Горчаковъ въ восхищеньи отъ моего: „Будь онъ военный, будь онъ статскій, но не Будьбергъ“, и желаетъ имѣть въ свою коллекцію мой аутографъ.

Стадлеръ ничего, довольно „бонпринсипенъ“.

До какой страшной степени мнѣ равнодушенъ Парижъ, ты не можешь себѣ представить. Я могу даже поселиться здѣсь, какъ въ Лиссабонѣ.

32.

(1864 г.) 29 нояб. (вчера я ошибся) Hôtel d'Espagne, г. Т.

Лизѣ лучше—Леля [1]) слегла.

Финансовая новость Ротшильда обдала меня тоже „sui generis“ морозомъ. Противъ случайностей нѣтъ оружій. Какое тяжелое занятіе—жизнь, и какъ страшно думать, что всегда au fond мы сами такъ глупо вели жизнь, такъ усложнили ее, что все-таки подъ-конецъ придется задохнуться въ пыли.

Какой лѣвой ногой сдѣланъ былъ этотъ отъѣздъ въ Парижъ. Ни секунды покоя...

Вчера я былъ у нотаріуса, хочу продать домъ. На этомъ можно поправить Огіо и Виргинію; домъ стоилъ 135 т.; у Ротш. говорятъ, что теперь, можетъ, дадутъ до 200 т. Сегодня иду опять къ нотар. Онъ желаетъ имѣть мои бумаги о домѣ. . . . .

Ротшильды совѣтуютъ, если война продолжится, ѣхать въ 65-мъ году въ Нью-Іоркъ и тамъ купить домá или землю . . .

30 декабря (sic).

У нотаріуса я былъ. Онъ думаетъ, что пока bail не оконченъ (еще года два), домъ продать трудно. Теперь онъ даетъ 8.000 дол., а потомъ, думаетъ онъ, онъ можетъ давать до 13 и 14 т. по нынѣшнимъ цѣнамъ. Онъ совѣтуетъ взять подъ домъ

[1]) *Леля*—дочь Н. А. Огаревой, Елена, черезъ нѣсколько дней послѣ этого умершая отъ дифтерита, а вскорѣ за нею умеръ и братъ ея, близнецъ, Алексѣй. Ихъ смертью и похоронами полны письма и въ этомъ, и въ слѣдующемъ годахъ.—Огіо и Виргинія—желѣзнодорожныя американскія акціи.

50 т., напр. на пять лѣтъ по 5%, а черезъ два года продать, и тогда весь заемъ и проц. покроются возвышеніемъ цѣны. Поѣду совѣтоваться къ Ротшильду. Браницкій увѣренъ, что цѣна дому почти удвоилась...

33.

(1864 г.) 29 ноября. Hôtel d'Espagne, r. Toitbon.

...Теперь по части сплетней. В. Боткинъ отдѣлываетъ себѣ домъ въ Петербургѣ съ разными роскошами. Некрасовъ былъ здѣсь нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ. Онъ бросалъ деньги, какъ слѣдуетъ разбогатѣвшему . . . . .; возитъ съ собой француженку (П. онъ, говорятъ, оставилъ), брата и пр. Въ мѣсяцъ онъ здѣсь ухлопалъ до 50 т. фран. Нѣтъ, caro mio, „Современникъ", во главѣ съ этими слезами о бѣдныхъ людяхъ Некрасова, бросающаго суммы и не платящаго порядкомъ сотрудникамъ,—не можетъ быть органомъ чистой и молодой Россіи, а только петербургскихъ судорожниковъ и желчевиковъ. Неужели не лежитъ на насъ обязанность втоптать въ грязь этого. . .?

Потребность на хорошій русскій органъ снова сильна. „Колоколъ", ты увидишь, двинется впередъ. Письмо къ Самар. сильно попало въ цѣль. Статья о Польшѣ сдѣлаетъ переворотъ. Она мирифически кстати. Стадлеръ не возвращается. Онъ работникъ, пишетъ здѣсь въ журналы и писалъ В. Коршу корреспонденцію.

Твоя записочка отъ 26 пришла 29, или ты ошибся числомъ?

Чтобъ не забыть: читаешь ли ты газеты? Мнѣ хотѣлось бы просто №№ и означеніе статей. Главное—leading'a „Моск. Вѣд." Также и о „Revue". Въ Женевѣ я все это пересмотрю у Касат. Но для этого ненадобно пропускать ни одного №. Нашли ли Манжажа, и отослалъ ли Тхоржевскій Долг—ву [1]) его журналы?

Вчера вечеромъ былъ въ „Gymnase"—это первый дебошъ. Погода ужасная, преступная.

Если ничего новаго не будетъ, то напишу слѣдующее письмо послѣ завтра. Жена Пав. Ал. Тучкова здѣсь. Левиц. дѣлаетъ копію съ его портрета. Фонтенъ здѣсь, и никто его не заткнетъ. Лизу Левиц. желаетъ сдѣлать, но нельзя. Онъ хочетъ мою карточку сдѣлать вновь. А дѣтскіе портр. не удались.—Прощай.

Finale tragico.

Сейчасъ отъ Ротшильда. Ohio заплатило ассигнац., курсъ

[1]) *Долг.* — Долгорукій.

2 фр... вмѣсто 5 ф. 40 сант. Это равняется снова потерѣ 4.000 фр. Я теперь *имъ* долженъ 6.000. Даже сконфузился.

34.

(1864 г.) 1 декабря. Hôtel d'Espagne.

Кажется, всѣ твои письма доходятъ. Пишу наскоро. Леля очень больна. Сегодня я у нихъ провелъ всю ночь и не раздѣвался. Angine и дурного свойства. Блашъ былъ въ 7 утра и будетъ въ три. Ночью она страдала очень и при этомъ ужасно умна: принимаетъ рвотное и пр.

Припишу передъ отправленіемъ на почту. Лиза тоже не совсѣмъ. Докторъ говоритъ, что пуще всего мальчика надобно отдѣлить, потому что болѣзнь заразительна. N., разумѣется, совсѣмъ потеряла голову. Такой каторги я не помню съ 1852 и съ Лизиной скарлатины. *10 часовъ утра.*

Три часа. Повидимому, главная опасность миновала. Она легче дышитъ. Я въ 7 утра ходилъ за Блашемъ. Онъ находитъ значительное улучшеніе.

Насчетъ У. слухи здѣсь, что онъ half сумасшедшій и постоянно у дѣвокъ. Молодого грузина я видѣлъ на минуту, ѣздивши къ Шарьеру за машинкой ирригировать горло.

Еще разъ, кажется, Леля внѣ главной опасности. Завтра напишу.

Адресъ N.: 15 Rue du Colisée. Champs Elysées.

35.

(1864 г.) 2 декаб.

Ничего еще положительно сказать нельзя объ Лелѣ. Опасность огромная, развѣ здоровый организмъ побѣдитъ. Сверхъ Блаша, оказавшагося очень апатичнымъ, ѣздитъ его помощникъ и докторъ Левицкихъ, — онъ вчера въ ночь ей помогъ больше другихъ.

Никого не видалъ, нигдѣ не былъ и ничего не читалъ. Я только отлучался въ четвергъ къ Мишле обѣдать; тамъ былъ одинъ изъ редакт. „Прессы", одинъ „Opin. Nation.", одинъ изъ „С." и Генри Мартинъ. Объ этомъ послѣ. *9 утра.*

2 часа. Твое письмо прошло. Долго ходятъ письма. Леля въ

томъ же положеніи. Есть шансы спасти. Вотъ и все. Пиши мнѣ на адресъ Nat.: 15 Rue du Colisée.

5 вечера. Все тоже. Оба доктора были. Что не хуже, я считаю шагомъ впередъ.

О Бакун. я (кажется) писалъ десять разъ, что я его не засталъ.

До завтра.

36.

(1864 г.) 3 декабря.

Отъ тебя сегодня письма нѣтъ. У насъ бѣда надъ головой. Лелѣ хуже; крошечныя надежды тухнутъ одна за одной. Два доктора бываютъ три раза. Сестра милосердія ходитъ за ней. Дѣлаемъ все, но надежда плоха. Пишу тебѣ съ судорожно-скрытымъ плачемъ. Nat. жаль. Какая страшная казнь! Послѣдніе четыре дня она вела себя съ страшнымъ самоотверженіемъ (за нее боится докторъ).

Часъ.—Будто получше. Она не принимала пищи. Велѣли насильственно кормить, теперь стала. Въ 4 припишу.

Доктора боятся за всѣхъ дѣтей. Я увожу Лизу въ другой этажъ.

Вотъ и Парижъ.

Никакой надежды нѣтъ.—Прощай.

5 часовъ. Сейчасъ Гер. дѣлалъ трахомію. Она жива, можетъ—спасена. Я держалъ голову.

37.

Трактиръ на улицѣ Кастильи.

Еще дрожатъ руки и внутренность. Я затерялъ письмо къ тебѣ и пишу другое, съѣздивши за докторомъ.

У Лели взрѣзали трахею. Я держалъ ея головку—и не смотрѣлъ. Потъ съ меня лилъ. На первую минуту она спасена—въ минуту агоніи. Но если останется живой—это чудо.

И Бой хвораетъ.

Сегодня явилась Саліасъ. Она пришла въ минуту, когда Леля отходила, и осталась во время операціи. Леля жива—вотъ и все.

Одно письмо получилъ твое отъ Левицкаго, другое не могу найти: я его нераспечатаннымъ потерялъ.

38.

(1864 г. 4 декабря.)

Огаревъ, пишу тебѣ страшную вѣсть. Леля скончалась въ 12 часовъ ночи съ 3-го на 4-е. Нат. въ ужасномъ положеніи. Тутъ была вся ея любовь. Писать не могу больше. Все смутно и нелѣпо. Лиза у Саліасъ.

39.

(1864 г.) 4 декабря [1]).

Любезный Тхоржевскій.

Бѣдная Леля скончалась сегодня въ 12 часовъ ночи отъ дифтеріи. Передайте письмо Огареву. Я ему писалъ о ея безнадежномъ положеніи, но все же отдайте записку осторожно и напишите, какъ онъ принялъ вѣсть.

Сегодня занемогъ Бой—не говорите этого.

Вещи пришли. Прощайте.

Нат. Ал. ближе къ смерти, чѣмъ къ жизни.

40.

(1864 г.) 5 декаб. 15 Rue du Colisée.

Я зналъ, что ты будешь рваться сюда, и понимаю это, и не знаю, что̀ лучше. Мученій для тебя и тамъ, и не-тамъ (т.-е. на дорогѣ) много. Только обдумай, торопиться некуда: Бой спасенъ, у него уже начиналась дифтерія, но Каффъ его спасъ; Лиза у Саліасъ, Лели нѣтъ. Повѣсть ея смерти я опишу тебѣ и Татѣ послѣ. C'était un prodige. Съ минуты ея кончины началось раскаянье N. Она сдѣлала все, чтобъ умереть тою же болѣзнью, и трудно сказать, что̀ еще будетъ. Леля лежитъ въ цвѣтахъ съ серьезнымъ личикомъ, мраморнымъ, холоднымъ, насупившимся. Ее свеземъ въ caveau Montmartre—скаго кладбища, тамъ она будетъ стоять до отправленья въ Ниццу. Въ этомъ желаніи N. я не долженъ былъ отказать.

---

[1]) 39-е письмо адресовано Тхоржевскому, но печатается здѣсь, такъ какъ поясняетъ ходъ событій.

Въ эту минуту солнце, котораго не видали недѣли, свѣтитъ на лицо Лели. Я тебѣ оставилъ ея волосъ, Левиц. ее фотограф. Потеря эта безмѣрна, на меня находятъ минуты отупѣнія и минуты бѣшенства, потомъ безконечная тоска и тоска. Итакъ, вотъ ударъ, котораго ждала N. Это ужасно.

Не ѣхать ли въ Лондонъ ей съ дѣтьми? или на югъ? Если ты ѣдешь, отчего же не съ Чернецкимъ?—*8 утра.*

11 часовъ. Принесли гробикъ алый бархатный съ свинцовымъ ящикомъ, который герметически будетъ закрытъ для пути. Она играла бы этимъ ящикомъ... Кругомъ рыданье...

41.

(1865 г.) 7 января. Montpellier.

Мы здѣсь. Пріѣхали въ 7 утра. Лизу засталъ гораздо здоровѣе, чѣмъ думалъ. Были съ ней у моря. Nat. все въ томъ же положеніи.

Женевскіе щенята, въ послѣднюю минуту, отказались отъ всего (по приказу изъ Цюриха), да чортъ же съ ними, наконецъ...

Я ѣду въ Парижъ—черезъ недѣлю...

42.

8 января 1865. Hôtel Nevel. Montpellier.

Письмо твое отъ 4 янв. пришло. Я съ недѣлю пробуду здѣсь и поѣду въ Парижъ, оттуда, вѣроятно, въ Лондонъ, чтобъ готовиться къ переѣзду.

Наконецъ, страхъ передъ „мальчикомъ" у меня прошелъ.

Послѣ ежедневныхъ преній и разговоровъ, въ которыхъ подъ скрытой симпатіей и уваженіемъ крылась мелкая оппозиція и желаніе захватить въ свои руки „Кол." и деньги Б. [1]), послѣ программы, которую я послалъ тебѣ,—за часъ до моего отъѣзда является одинъ изъ нихъ съ заявленіемъ, что цюрихскіе г-да не согласны (С.-Сол. — главный противникъ нашъ, Якоби и Шелгунова), что они стоятъ на своемъ: „Колок." издавать по большинству голосовъ, или издавать свой журн. на Бах. деньги. Итакъ, то, что предвидѣлъ Л., что говорилъ К.—все оправда-

---

[1]) Бахметьевы (см. „Изъ дальнихъ лѣтъ". Воспом. Т. Пассекъ, т. III, стр. 139—144).

лось. Пора же, наконецъ, и тебѣ окончательно вразумиться на ихъ счетъ. У нихъ нѣтъ ни связей, ни таланта, ни образованія; одинъ Мечниковъ умѣетъ писать; имъ хочется играть роль, и они хотятъ насъ употребить пьедесталомъ.

Насчетъ Н. и его помѣщенія все, что узналъ, не очень удовлетворительно; жду письма отъ Жук. А то просятъ много денегъ, отъ 1.500 до 1.600 за пансіонера. Фогтъ гов., что фр. за 800 найти можно, но всѣ спрашиваютъ: „во что готовятъ молодого человѣка?“ А этого-то я и не знаю. Я полагаю, что сперва надобно переѣхать тебѣ одному и потомъ пріискивать.

Про типогр. на акціяхъ я писалъ,—это пойдетъ, но съ другимъ кругомъ. Чернец. не мѣшало бы думать о продажѣ станка. Какая досада, что у него его красавица. Въ домѣ можно бы было помѣстить и типографію, и его. Но съ ней я не могу, несмотря на то, что Nat. соглашается.

Саша ѣдетъ завтра въ ночь (въ часъ утромъ, послѣ завтра будетъ въ Ниццѣ).

Лечись и пиши статьи, я ничего не могу дѣлать.—Прощай.

Если пойдетъ дѣло на ладъ, Тхор. можетъ устроить съ нами papeterie въ Женевѣ. Переплетчикъ идетъ.

Если будешь тотчасъ отвѣчать,—можетъ, письмо твое и застанетъ здѣсь.

43.

(1865 г.) 10 янв. Montpellier.

Новаго мало. Саша вчера уѣхалъ въ ночь черезъ Ниццу во Флоренцію. Физически здоровье Nat. не хуже, а Лизино просто хорошо...

Nat. окружена очень хорошими людьми. Вчера я познакомился съ физіологомъ Ligier или Logier. Онъ живетъ въ томъ же отелѣ; веселый французъ, пріѣхавшій изъ Парижа лечиться. Мы съ нимъ ходили къ Мартенсу, который мнѣ очень нравится. Гдѣ же въ другомъ мѣстѣ Франціи найдешь столько людей? Въ новый годъ проф. Дюпре, Пошилье и Март. прислали Лизѣ корнеты, конфекты и пр.

Жду твоего отвѣта на послѣднія новости о женевскихъ фрондерахъ. Работать не могу. A propos, если хочешь читать что-нибудь очень милое и легкое, попроси у Тхорж. достать Thérèse (1793) и „Les souvenirs d'un Conscr. de 1817“—par Erkmann et Chatrian, — превосходныя вещи по простотѣ, вѣрности и пр.

Надѣюсь, что ты мнѣ отбираешь газеты и отмѣчаешь révues.

Прощай. Кланяйся нашимъ.

Здѣсь іюнь мѣсяцъ, я хожу днемъ въ сюртукѣ безъ пальто, вечеромъ свѣжо. Ни одного облака.

NB. Я никогда не могъ понять, отчего ты *не нашелъ* Хоецк. Мнѣ сдается, что онъ на меня сердится.

44.

12 янв. 1865. Montpellier.

Два письма черезъ К., два вмѣстѣ здѣсь и, наконецъ, одно сегодня (отъ 10-го по лондонскому тимбру) пришли.

Отчего же, говоря въ трехъ письмахъ о типогр. на акціяхъ и о типографіи съ разными шрифтами,—когда мы устроили, ты противъ? Кто тебѣ говорилъ, что Касат. хочетъ властвовать и повелѣвать? При всѣхъ своихъ капризахъ, онъ все-таки не мальчишествуетъ, какъ утята, съ которыми время пришло покончить разъ навсегда. Пожалуста, ты ему не пиши противъ типогр. Кто хочетъ акціи, пусть беретъ у меня; кто хочетъ брать безъ имени, пусть беретъ безъ имени. Завѣдывать морально буду я, голландской сажей—Чернецкій. . . . . [1])

О переплетной ты зналъ прежде. Она идетъ и пойдетъ grâce Лу. Я далъ 200 фр. и пошлю еще. Если типографія пойдетъ, то заведется и papeterie съ книжной лавкой для пана Станисл.

Шапочникову въ долгъ не печатай ни подъ какимъ видомъ. Деньги впередъ, да и только.

Ты правъ, говоря о моей нелюбви къ телеграммамъ. „Кол." выйдетъ 1 февр., куда же торопиться? Я думаю, что анекдоты о цвѣтахъ и о исповѣди можно разсказать, прибавляя: „говорятъ, будто"; важности особой нѣтъ. О Пестер. я начинаю догадываться, можетъ, онъ и правъ (подробности разскажу при свиданьи); я связываю тутъ одинъ его промахъ съ твоей вѣстью о иркутскомъ жителѣ. All right. А только Саша въ Парижъ и не собирался; онъ теперь, вѣроятно, спокойно въѣзжаетъ въ городъ—во Флоренцію, стало, по парижскому адресу пойду я, а не онъ. Но когда, that is the question? И это заставляетъ поговорить о здѣшнихъ мракахъ. Многое, caro mio, меня глубоко огорчаетъ...

---

[1]) Этотъ проектъ—единственное средство, чтобъ не все пало на мои плечи.

45.

14 янв. 1865. H-l Nevel.

Саша пишетъ изъ Ниццы преобидную вещь: отеческое начальство велѣло срубить и вырвать всѣ деревья на кладбищѣ, и наши вырваны всѣ до одного. Это совершенно измѣняетъ дѣло, т.-е. видъ. Мѣсто для дѣтей есть; я писалъ сегодня къ мраморщику, чтобъ онъ купилъ еще пустое мѣсто возлѣ на твое имя (одной семьѣ не позволяютъ безъ платы 9.000 фр.). Кто первый придетъ, тотъ и ляжетъ.

Отчего ты не эксплуатируешь Долг. насчетъ газетныхъ отмѣтокъ? Онъ все читаетъ и все отмѣчаетъ. Очень нужно повнимательнѣе устроить часть новостей. Я рѣшительно не могу ничѣмъ помочь въ этой тревогѣ и вовсе безъ книгъ и журналовъ. Хоец. снова предлагаетъ помѣщать два письма въ мѣсяцъ въ „Temps“, но только онъ требуетъ неминуемо присылать въ срокъ...

Я писалъ въ Cannes къ трактирщику; если онъ возьметъ за мѣсяцъ отъ 650 до 700 фр., то и съ Богомъ; я готовъ въ концѣ января ихъ проводить и потомъ устроить переѣздъ. Отъ Cannes до Ниццы часъ ѣзды, отъ Марсели до Cannes—пять часовъ. Въ Марс. можно ночевать...

Не хочешь ли ты въ „Кол.“ отъ 1-го марта объявить, что, по случаю перемѣщенія, „Колок.“ не будетъ выходить въ продолженіе *трехъ мѣсяцевъ*. При этомъ можно прибавить какую-нибудь фіоритуру.

NB. Если есть особенно важные №№ газетъ по leading'амъ или по новостямъ, то, отобравши пачку, пришли sous bande.

За симъ—до твоего письма.

Письма ходятъ не 4 дня, а 2 отсюда до Лондона. Послѣд. почта идетъ въ 8 вечера, перв.—въ 10 утра.

Иду завтракать съ Nat. и Лизой въ ресторанъ. Погода великолѣпная. Вчера былъ дождь и туманъ, сегодня—синее небо и солнце.

Вечеръ. Суббота.

Твое письмо—непонятное для меня. Какъ же ты могъ не получить мое длинное посланіе, гдѣ я писалъ de rebus omnibus et de quibusdam aliis? Въ Парижъ до 1 февраля врядъ попаду ли я. Саша никогда не собирался туда, и я, вѣроятно, во снѣ писалъ, что онъ туда ѣдетъ. Всѣ здоровы, насколько возможно.

Прощай.

Бюльтень о твоемъ здоровьѣ плохъ. Здѣшніе доктора говорятъ, что заволока очень хороша. Фохтъ ужасно нападаетъ на дикое куреніе. Онъ считаетъ это наравнѣ съ виномъ.

46.

(1865 г.) 28 янв. Montpellier.

Сонъ въ руку, почтеннѣйшій ричмондогорецъ. Твой купецъ у Кас. былъ разъ, письма и статью отдалъ Утину, и этотъ милый господинъ оставилъ все у себя. Не мѣшало бы взмылить голову, если ты хочешь съ ними остаться знакомымъ. Я не хочу. Что̀ ты писалъ въ письмѣ? Не было ли частныхъ дѣлъ? Касатк. пишетъ, что постарается, чтобъ онъ выслалъ все на адресъ Левицкаго. Ты замѣть, что я купцу *писалъ*, чтобъ онъ отдалъ Касаткину...

Говорятъ, что Катковъ хочетъ запереть лавочку. Здѣсь есть одинъ таможенный чиновникъ изъ Польши — услаждаетъ меня анекдотами. О, Русь!

Если не будетъ ничего особеннаго, то отсюда писать не буду.

47.

(1865 г.) 2 февр. Grand Hôtel, 170.
Boul. des Capucines.

Нелатонъ и Райе поѣхали чинить наслѣдника... Если ты не читалъ „Indép. Belge“ отъ 31 янв., то сейчасъ пошли за ней къ Долг. Жаль, что все это поздно для феврал. листа... № „Ind.“ оставь до меня. Карты мѣшаются, пойдетъ новая талія. Вчера я долго писалъ письма, сегодня иду на работу и начинаю съ Геру. Я поправилъ два-три слова, да анекдотъ о барышнѣ, который у тебя вышелъ безъ смысла... Но ты опять долженъ взойти въ колею франц. жаргона. А, можетъ, писать теперь и полезно. Насчетъ квартиры у Ланге я боюсь, что она слишкомъ шумна. Я бы лучше часть времени остановился въ „Rose Cottage“, или вообще въ Ричмондѣ. Моя старая и вѣчная тема: — внѣшняя независимость жизни — великое дѣло, ich schwelge теперь въ ней. Знать, что никто тебя не ждетъ, что нельзя опоздать — даетъ страшную свободу мысли и покой. И за грѣхи наши не будетъ намъ этой жизни. Рвался ты осенью въ одиночество — болѣзнь связала. Думалъ и я иначе вздохнуть — два гробика стали на дорогѣ.

3 февраля.

Былъ у меня Соколовъ. Онъ въ Дрезденѣ подрался съ полицейскимъ и бѣжалъ оттуда. Здѣсь—безъ средствъ, началъ корреспонденцію для Ганеско („L'Europe"); работать хочетъ и, полагаю, можетъ. Самолюбіе его знаемъ. Я ему далъ изъ фонда 100 фр.

У Геру былъ, не засталъ и оставилъ записочку; былъ и у Шарль Ed. Не знаю, что дѣлать. Онъ, по моимъ словамъ, Нефцеру обѣщалъ корр. Завтра, съ утра, поѣду (въ) Замоскворѣчье, къ Мишле, къ Саліасъ, и улажу какъ-нибудь. Е. Утину я откровенно скажу, что поведеніемъ женевскихъ жеребятъ не доволенъ...

Нелатонъ возвратился, но, говорятъ, молчитъ.

Вчера въ „Nord'ѣ" опять статья въ пользу Каткова.

Былъ на кладбищѣ, постоялъ на ихъ временной могилѣ. Видѣлъ, какъ хоронили какую-то даму, объ которой, à la lettre, плакали больше ста человѣкъ и совершенно откровенно. Поговорилъ съ тѣмъ жандармомъ, котораго и ты видѣлъ, и ушелъ съ какими-то внутренними слезами. На Champs Elysées въ ту улицу мнѣ страшно идти. Всѣ подробности живы. Nat. права. Смерть Лели была поэма, Лаокооновская поэма смерти, человѣческаго безсилія и стихійной дури...

12 часовъ.

Письмо твое получилъ. „Колок." посылать не нужно еще разъ. Тотъ ли порядокъ статей, другой ли—не бѣда. И смѣсь оставь какъ есть. Я только прибавилъ бы одну строку къ статьѣ „Изъ могилы", вродѣ: „Благодаря за присылку и вполнѣ оцѣня статью, мы не можемъ сказать, чтобы соглашались съ авторомъ безусловно".

48.

(1865 г.) 10 февр. Вечеръ.

Буря реветъ. Холодъ и морозъ невозможный. Ну, вотъ и уѣхалъ. Nat. пишетъ письмо съ упрекомъ, что я долго остаюсь въ Парижѣ... Странно, какъ всѣ немилосерды ко мнѣ. Я думаю, это оттого, что я слишкомъ здоровъ. Если завтра буря не уймется, я поѣду въ воскр. вечеромъ (на Victoria Staten буду въ понедѣл. утромъ въ 6½); но если и завтра не будетъ лучше, поѣду въ понедѣльникъ. За десять часовъ извѣщу Тхоржевскаго. Вѣтеръ и холодъ раздражаютъ нервы.

Сегодня принесли рамку на большой Лелинъ портретъ.

...Что̀ за красота въ смерти, и что̀ за глупость въ жизни!

На всякой случай, если что̀ нужно, пиши на Левицк. Онъ сегодня пріѣхалъ.

Прощай. Я давно не былъ такъ lowspirited. Ѣду съ Ус. обѣдать къ Саліасъ — далеко, неудобно и будетъ до безконечности скучно. Нѣтъ, она — „герой не моего романа“.

За симъ кланяюсь.

Сегодня у меня были Реклю, Громоръ, Сарвиди, да я былъ у Бамбергера.

49.

(1865 г.) 16 марта. Hôtel des Deux Mondes.
Rue d'Antin.

Post peractam La Manche,
Post molestam Chemin de fer...

Я въ Парижѣ, поѣхалъ въ какой-то неизвѣстный отель, по рекомендаціи англичанина, и нашелъ, что цѣны тѣ же, что̀ и въ Gr. Hôtel. Переправа была превосходная, но толпа на дорогѣ отъ Кале невѣроятная, и сидѣть душно и скверно. Это ты замѣть. Какъ пріѣдешь въ Кале, *прежде* чѣмъ заходить въ Гербери, займи мѣста, а такъ какъ ты и Жюль на это неспособны, то позови коммиссіонера и дай ему 6 пенсовъ. Это рѣшительно необходимо. Ночью былъ снѣгъ.

Велѣлъ подать кофею и, не переодѣваясь, т.-е. не снимая сапогъ, ѣду сейчасъ въ Монмартръ и во все прочее.

Пока прощай.

2 часа.
Пишу у Левицкаго.

Былъ на кладбищѣ. Велѣлъ раскрыть склепъ, видѣлъ красные бархатные гробики. Былъ у Ротшильда; онъ, кажется, дастъ рекоменд. письмо на желѣзную дорогу, для облегченія всего. Думаю, что могу ѣха̂ть въ середу, но объ этомъ послѣ. Левицкій показывалъ письмо Горчакова къ нему, которому онъ послалъ альбомъ ницкихъ портретовъ. Онъ (т.-е. Горчаковъ) въ силѣ.

Ханыковъ говорилъ Левицкому, что Тургеневъ не узналъ меня, и стремится исправить дѣло. — За симъ, прощай.

50.

(1865 г.) 17 марта. Hôtel des Deux Mondes,
8 Rue d'Antin. Ch. № 6.

По очень дѣльному совѣту Тхорж., посылаю двѣ акціи тип.; передай ихъ кн. Долг. на всякій случай: можетъ, и подвернется кто. Письмо кн. Долг. я здѣсь получилъ. Очень важно, что почтамтъ кельнскій отказался отъ пересылки въ Женеву. Тебѣ, несчастному, опять урокъ. Какъ же можно было подписываться на годъ, зная, что ѣдемъ. Отправь Тхорж. къ Трюбнеру уладить это дѣло. Надобно или писать въ Берлинъ, или назначить книгопродавца въ Кельнѣ, которому поручить посылку. . . . . .

Ханыковъ въ восхищеніи отъ моей статьи объ оспопрививаніи. Здѣсь кіевскій Аненковъ, Панинъ (котораго благолѣпный портретъ я тебѣ послалъ), Стюрлеръ (адьют. Конст. Никол., котораго выгнали изъ Англ. клуба за то, что онъ бранилъ Мур.), и все-то это рандевуится у Левиц. Онъ, разумѣется, вчера меня уже ублетворилъ икрой.

Отъ Ротш. досталъ рекомендательное письмо на желѣзную дорогу. Но мраморщика не засталъ. Жена его сказала, что онъ придетъ ко мнѣ между 8 и 10 часами. Теперь 11, а его нѣтъ. Это потеря досадная времени. Все же я думаю въ *середу* ѣхать съ обоими гробиками. Вчера я велѣлъ раскрыть склепъ и видѣлъ бархатныя крышки, и весь страшный декабрь воскресъ...

Ник. Милютинъ помѣшалъ уничтоженію цензуры.

Жду вѣстей о твоемъ здоровьи. Мнѣ кажется, что тебѣ было гораздо лучше послѣдн. 10 дней...

51.

(1865 г.) 17 марта. Передъ грядѣніемъ на сонъ.

Прождалъ Усова въ Grand Café отъ половины 9 до 10 и, разумѣется, пошелъ взбѣшенный домой. A propos, онъ чистѣйшій конституціоналистъ и „Колок.“ сильно ругаетъ. Ханыкова встрѣтилъ на улицѣ—медъ и млеко; идемъ завтра вмѣстѣ обѣдать. Утинъ въ Берлинѣ. Но съ Николадзе фатумъ: былъ на десяти квартирахъ въ Rue de la Seine отъ 30 до 40, нигдѣ не нашелъ. Впрочемъ, можешь же ты дѣло отдѣлать и на письмѣ. Устраивается все, кажется, легко, такъ что во вторникъ или среду не-

премѣнно поѣду въ Ниццу. Но что за грабители—это и вятскіе повытчики удивились бы, только все легально. Ротш. рекомендація облегчила относительно учтивости, но не относительно финансовъ.

Ты пишешь, caro mio, что мы не разговариваемъ сами съ собой даже, чтобъ не тревожиться, или, лучше, прибавлю я, чтобъ не бередить раны. Я такъ думаю, что простору нѣтъ въ нашей жизни (помнишь Gemacht! въ „Фіэско" Шиллера) и полнаго покоя. Странное дѣло, я никогда не чувствую себя такъ собраннымъ, какъ когда я бываю совершенно заброшенъ одинъ, ex. gr., теперь. Ходишь по улицамъ, бродишь, а все какъ-то звонко, и память всего бывшаго такъ ясна, печально ясна. Надобенъ home, покой, и тогда работа,—другого выхода нѣтъ.

Головнинъ писалъ Ханыкову, что Милютинъ все остановилъ по дѣлу прессы. Объ этомъ строчку слѣдовало бы напечатать, разумѣется, ссылаясь на „Indépendance" съ эпиграфомъ изъ Пушкина:

Насъ было двое, братъ и я...

Конст. Ник. безъ всякой силы. Снятіе цензуры рекомендовалъ и на это настаивалъ М. Корфъ. Здѣшній Трубецкой, бельфонтанскій, совсѣмъ разорился, продалъ своихъ англичанъ и коровъ, статуи и фермы, и поѣхалъ въ Россію.

2 часа. Суббота.

Пишу у Левицкаго. Браниц. уѣхалъ, Голынскаго не засталъ; остается еще Грушецкій, чтобы спросить объ Ильинскомъ. Николадзе рѣшительно не нашелъ. Вѣроятно, въ среду уѣду. Касаткину телеграфируй сейчасъ. . . .

52.

(1865 г.) 19 марта. Воскресенье. 8 R. d'Antin.
Hôtel d. Deux Mondes.

Всякій разъ, когда я бываю на континентѣ, я больше и больше убѣждаюсь въ необходимости (для дѣла) переѣзда и во вредѣ, что онъ не былъ сдѣланъ три года тому назадъ. Я въ Парижѣ и Женевѣ узнаю въ три дня больше новостей изъ Россіи, чѣмъ всѣ мы въ мѣсяцъ узнаемъ ихъ въ Лондонѣ. Мудрено ли, что въ самое бойкое время мы попадали не въ тонъ. Вчера я обѣдалъ у Вефура съ Хан. и просидѣлъ съ нимъ часа четыре. Omni casu онъ очень уменъ и очень много знаетъ. Уклончивъ, бережетъ свою позицію, но интересенъ. Онъ мнѣ показывалъ

письмо къ Юр. Сам. въ *десять листовъ* о московскомъ coup de constitution. Всѣ подробности сценическія и закулисныя. Голохвастовъ, безъ сомнѣнія, выше всѣхъ прочихъ головой. (Чуть ли не онъ и составилъ подольскій адресъ). Онъ аристократъ, но скрываетъ это. Въ письмѣ сказано: „самообладаніе этого человѣка 23-хъ лѣтъ удивительно, звонкій голосъ, плавная, увлекающая рѣчь" (онъ говорилъ оба раза больше двухъ часовъ).— Вотъ куда Дм. Павл. выгнуло.

Половина перваго.

Тургенева здѣсь нѣтъ.

Голынск. здѣсь въ страшномъ загонѣ отъ меня за то, что не взялъ акціи,—я его со свирѣпостью тѣсню.

Иду слушать Дюма—Causerie, такъ и быть, заплачу 10 фр.

Ус. взялъ акцію.

Въ Каннъ пиши: Grand Hôtel à Cannes (Alpes Maritimes). . . .

Завтра узнаю, ѣду ли въ среду. Отъ префектуры получилъ дозволеніе exhumation. Это дѣлается при двухъ чиновникахъ, и. . . . на все нужно время.

53.

(1865 г. 20 марта.)

Вчера былъ я на Conversation Дюма. Пошлѣе, глупѣе ничего себѣ нельзя представить. Это гаерство и риторство, доведенныя до чудовищныхъ размѣровъ. Идучи туда, я повстрѣчался съ какимъ-то старичкомъ, съ сѣдыми усами, который, проходя мимо меня, глухимъ голосомъ и не глядя на меня, сказалъ: „Отзвонилъ!" Я взглянулъ, и что же? Самъ Иванъ Головинъ. Я посмотрѣлъ и тихо продолжалъ путь, тоже сдѣлалъ и онъ. . . .

Объ Ильинс. немного узналъ, потому что Бран. нѣтъ въ городѣ. . . .

Вчера обѣденный столъ держалъ съ Стад. у Левицк., сегодня держу съ Ус., съ которымъ идетъ перепалка. Саліасъ тоже моей статьей недовольна, но къ ней я не поѣду. Сер. Л., съ чьихъ-то вліяній, безпрестанно говоритъ о болѣе мирномъ направленіи „Колок." въ сторону Ал. Ник. при томъ же соціальномъ направленіи, какъ и прежде. „Всѣ жаждутъ обновленный „Кол." съ новыми, болѣе практическими статьями". Кажется, того же мнѣнія и Хан. Почему онъ тебя называетъ „утопистомъ, поэтомъ въ политикѣ, пророкомъ, хватающимъ за 1.000 лѣтъ", я не знаю, или почему онъ не такимъ же считаетъ меня?

Мораль всего этого та, что дѣйствительно намъ снова открывается мѣсто. И слѣдственно, надобно сильно приняться за работу. Надобно ошеломить, своихъ и не-своихъ, первой статьей и снова рвануться въ ряды живыхъ. Для всего этого надобно быть на мѣстѣ. Къ половинѣ апрѣля все должно успокоиться.

Затѣмъ прощай. Ѣду опять на кладбище. Если префектъ не задержитъ, я *22 въ 3 часа* уѣду и 24 буду въ Ниццѣ. (Надобно ѣхать съ train-omnibus, который вездѣ останавливается. Вотъ тебѣ было бы счастье, напр., въ Тулонѣ *8 часовъ*. Тогда 25 или 26 Nat. будетъ въ Ниццѣ, а потомъ буду ждать вѣстей о твоемъ отправленіи.

2 часа.

Завтракаю у Vefour'a.

Позволеніе exhumation пришло на кладбищѣ въ 8 утра, въ среду. Слѣдов. въ среду я отправляюсь туда въ половинѣ 8-го и съ чемоданомъ. Въ 3½ отъѣздъ. Напишу еще.

У Николадзе былъ, не засталъ, назначилъ ему rendez-vous. Щербань du Nord просилъ Хан. представить его,—я вѣжливо уклонился. Вотъ еще!

54.

(1865 г. 21 марта.)

Ус. предлагаетъ тебѣ остановиться въ Hôtel Frejus; онъ обѣщаетъ хорошую комнату и прислугу, т.-е. внимательный уходъ. Ему по какому-то таинственному дѣлу надобно отлучиться дней на восемь въ концѣ марта, а поэтому онъ проситъ, чтобы ты ему написалъ притаманно, когда пріѣдешь. Онъ къ 5 апрѣля можетъ вернуться. Напиши ему. Безъ Ус. не стоитъ забиваться въ такую нечестивую даль.

Изъ письма N. ты увидишь, какъ онѣ легко доѣхали.

Писать мнѣ больше нечего. Завтра ѣду. Пожалуй, напишу изъ Марсели или Тулона, если будетъ время.

Сегодня я у Левиц... съ *Тютчевымъ*. Горе ему, если онъ станетъ говорить о „Колоколѣ". Онъ просилъ Левиц. его познакомить. Экая каша!

Что у васъ? Здѣсь третій день крещенскіе морозы и вьюга. Дѣйствительно, на моей памяти съ 1847 г. ничего подобнаго не было. Ты не можешь чувствовать, — не зная, что такое ревматизмъ, — той деморализаціи, въ которую повергаетъ этотъ неистовый холодъ. Кашель у меня удвоился. Еслибъ была честная

возможность, никогда не поднялся бы на сѣверъ дальше приморскихъ Альпъ, и думаю, что рано или поздно придется умереть тамъ.

Посмотри, что Nat. пишетъ о Каннѣ.

Отъ Мейзенб. письмо. Къ нимъ ходитъ Листъ, русскій генералъ *Шубертъ* и русская дѣвица *Штейнъ*.

Затѣмъ прощай. Жду твоего письма.

Выѣзжаю я завтра въ $3^1/_2$ дня, утромъ въ четв., въ 7 ч. въ Ліонѣ, вечеромъ въ Марсели, ночь въ Тулонѣ, въ 11 часовъ $^3/_4$ проѣду по Cannes и въ $12^3/_4$ ночью буду въ Ниццѣ. Въ субботу утромъ тамъ все устрою и поѣду въ Cannes. Въ воскр. или понедѣльникъ похороны, во вторникъ въ Cannes.

Ты можешь, такимъ образомъ, знать, гдѣ я. Пиши въ Cannes.

Николадзе у меня. Онъ отъ тебя ничего не получалъ и желаетъ знать, какія именно подробности ты желаешь знать.— Прощай.

55.

(1865 г. 23 марта) Четвергъ. Тулонъ.

Пріѣхалъ сюда послѣ 32 часовъ безъ отдыха. Завтра въ 6 утра долженъ ѣхать, теперь двѣнадцатый часъ. Съ мѣста напишу подробности: торжественное что-то и въ этихъ похоронахъ на тысячу верстъ, и въ самой exhumation, и много пыли и сору. Я только хотѣлъ тебѣ заявить, что живъ. Гробики ѣдутъ въ особомъ вагонѣ и не въ ящикахъ,—мнѣ этого хотѣлось.

Прощай. Какъ же ты хлопоталъ объ адресѣ. Да весь Cannes съ пол-Ричмонда. Poste rest. довольно.

Пиши Grand Hôtel à Cannes (Dép. du Var).

Тютчевъ еще больше медъ и млеко...

Николадзе провожалъ.

56.

26 марта 1865. Nice. Hôtel des Deux Mondes.

Сегодня утромъ въ 10 часовъ похоронили малютокъ. Какъ они вмѣстѣ взошли въ жизнь, такъ вмѣстѣ ушли изъ нея. И положены въ одну могилу. Рокка убралъ оба гробика сплошь цвѣтами, солнце показалось часа на полтора. Они похоронены возлѣ самой Natalie, и мѣста есть еще на восемь человѣкъ. Лучше этой горы-кладбища въ мірѣ нѣтъ. Всю дорогу, дѣйствительно

утомительную, мнѣ было *въ грусти хорошо* (не упрекай же меня, какъ въ твоемъ письмѣ въ Неаполь въ 1863, въ эпикуреизмѣ горести, тогда меня это сильно обидѣло). . . . .

Чтò значитъ высылка Жуковскаго или отсрочка — не понимаю. Не натурализоваться ли тебѣ? Чернецкій показалъ, что это дѣло простое. Во всякомъ случаѣ имѣй при себѣ старый паспортъ свой, это необходимо. Я спрашивалъ Касаткина. Когда же ты собираешься? И вообще, когда двигается Чернецкій и буквы? Жду подробностей.

На дорогѣ мнѣ много помогла книга, взятая въ Парижѣ и только-что вышедшая—Anacharsis Cloots. Въ послѣдній годъ явились чрезвычайно замѣчательныя вещи о революціи S..., Robesp., Mor. и Cloots—явленія совершенно въ особомъ направленіи.

Прощай. Дождь льетъ, и мнѣ что-то нездоровится, и усталь физическая и нравственная.

27 марта. Понедѣльникъ.

Дождь продолжаетъ лить, такъ что я не знаю, везти ихъ сегодня въ Cannes, или оставить до завтра. Мы здѣсь помѣстились въ дальнемъ отелѣ.

. . . .

57.

(1865 г.) 28 марта. Cannes (Dép. du Var) Grand Hôtel.

Здѣсь очень тихо, очень хорошо и не очень дорого. Море передъ моимъ окномъ; тотъ же видъ, какъ нѣкогда въ Ниццѣ. Кажется, здѣсь можно бы заниматься, и потому я сразу думаю, что двѣ недѣли проживемъ въ Каннѣ. Погода скверная и здѣсь, какъ во всей Европѣ,—raison de plus до половины апрѣля оттянуть Женеву, т.-е. подождать твоего пріѣзда и письма. Русскихъ здѣсь мало, зато есть д-ръ полякъ Бернацкій, который сегодня ко мнѣ явился. Меня приняли какъ стараго знакомаго. Гарсоны—все тѣ же помадные швейцаро-нѣмцы, которые служили у Кюна, въ Glob'ѣ, въ London и т. д. Они за мной ухаживаютъ и повѣствуютъ, что я—illustre. Всего замѣчательнѣе, что одинъ изъ нихъ узналъ Лизу и сказалъ Маріи, что эта барышня, молъ, въ Лондонѣ въ Orsetthouse жила, и у васъ былъ Жакъ.

Въ Ниццѣ sans мелкихъ вещей, все было грандіозно — печально-хорошо. Можетъ, осенью или зимой посѣтишь ты три могилы прошедшія и *n* будущихъ (для тебя *n* matematisch)...

Похороны и вся обстановка были изящны, почти безъ по-

стороннихъ; гробики оставили непокрытыми землей, а сдѣлали только сводъ; на сводѣ будутъ пока цвѣты, а потомъ мраморная доска неполированная, съ надписью en basse, но какую сдѣлать надпись—подумай.

Елена и Алексѣй
Огаревы
младенцы трехъ лѣтъ и близнецы.

29. Середа.

Недѣля, какъ я уѣхалъ изъ Парижа. Я тебѣ писалъ въ пятницу изъ Тулона, въ субботу изъ Cannes и въ понедѣльникъ изъ Ниццы. Ты хорошо сдѣлаешь, если пришлешь особенно важные нумера „Моск. Вѣд." и если есть еще больше важныя письма. Твое письмо отъ субботы пришло; сегодня, вѣроятно, будетъ второе. Какъ-то планы отъѣзда? Отъ Касаткина жду съ нетерпѣніемъ.

12 часовъ. Буря, снѣгъ и стужа. Да что же это, наконецъ?

58.

(1865 г.) 30 марта. Cannes. Gr. Hôtel.

Письмо твое отъ 27 пришло. Помни мои инструкціи на дорогѣ, насчетъ Calais и тихаго train. Для другихъ безусловно надобно брать express и вторыя мѣста, они очень хороши во Франціи, и пусть всѣ ѣдущіе впередъ соображаютъ, что багажа *брать съ собой* можно мало, и приплачивать придется бездну. Надобно посылать все особо. Визировалъ ли Тхорж. паспортъ? Я все жду ключа о Жуковскомъ и вообще письма отъ Кас.

Деньги съ собой бери англійскимъ золотомъ, тутъ еще 4 су выгоды на фунтъ.

Вчера былъ у меня юный Мор. Это наши лучшіе и преданнѣйшіе друзья. Онъ кланяется тебѣ и Тхорж. Отъ твоихъ статей въ восхищеньи, онъ и его товарищи учатся по нимъ. Все требуютъ они общихъ статей, статей, такъ сказать, теоретико-практическихъ, leading'овъ, и я думаю — они правы. По спорамъ съ Ус. я считаю еще больше необходимыми уясненія. Я очень рекомендую потолковать съ ними, послѣ небесной механики, о земной. Тутъ снова растетъ огромная ошибка. Ус. уважаетъ насъ *лично* и tant soit peu любитъ, но онъ ни въ чемъ не согласенъ съ нами, кромѣ въ скептической закраинѣ. Народъ, страну онъ ненавидитъ. Ты можешь ему сказать, что я тебѣ это писалъ, если хочешь.

31 марта.

Вещи въ Женеву пришли, все хорошо. Стало, къ 15-му сборъ. Сегодня небо ясно и солнце блеститъ. Я встаю въ 6 часовъ утра и ложусь около 11. Кормятъ здѣсь порядочно, и цѣны такъ себѣ. Англія здѣсь царитъ. Pale Ale, Дикинсъ, мелочи — все на манеръ англійс. и Англіи; въ самомъ дѣлѣ англичане на каждомъ шагу. Въ отелѣ цѣлая семья русскихъ купцовъ изъ Казани, они меня боятся.

Прощай. Кажется, больше нечего писать. До послѣ-завтра.

59.

15 апрѣля 1865. Ницца.

Сегодня въ 2 и 3/4 ѣдемъ въ Марсель и пріѣдемъ туда въ 9 — 20... Я подалъ голосъ ѣхать завтра 11 — 30 утра въ Ліонъ и, пріѣхавши туда, лечь спать, а въ 9 и 30 въ понедѣльникъ ѣхать въ Женеву и въ 3 быть у васъ. Если же Ал. Ал. захочетъ днемъ опоздать, то omni casu во *вторникъ въ 3 часа.* Наконецъ, предвидится покой, и то еще издали. А и теперичная жизнь крѣпко надоѣла; слишкомъ безплодно перевертываются послѣднія страницы жизни и въ дурной тревогѣ. Я поэзіи камня, т.-е. неподвижности браминской и твоей, не особенно люблю, но двигаться и недвигаться надобно съ покоемъ внутри.

Что-то выйдетъ изъ посѣщенія Ал. Ал.? Вѣроятно, мы съ нимъ ни въ чемъ не будемъ согласны, кромѣ—въ воспоминаніяхъ.

Кладбище, т.-е. могила дѣтей, теперь усѣяно цвѣтами. (Жаль, что ты не отвѣчалъ насчетъ надписи, я бы при себѣ заказалъ).

...Съ М. простился вчера вечеромъ. Онъ славный малый. Старикъ Бернацкій такъ привязался къ намъ, что ѣздилъ провожать въ Ниццу.

Дворъ здѣсь притаился. Государыня уѣзжаетъ тихо, sans adieux. Сегодня уходитъ часть русской флотиліи—не удалось! Говорятъ, что завтра будетъ въ Россіи указъ объ уничтоженіи крѣпостного состоянія литературы и о полюбовной цензурѣ. Затѣмъ прощай и до свиданья.

Если хочешь, достань „La Presse“ отъ 13 апрѣля и прочти leading.

Кланяйся старцу и Виктору.

Вѣроятно въ Каннѣ найдемъ твое письмо. Насъ на станціи будутъ ждать Бернацкій и гарсонъ изъ отеля.

60.

(1865 г.) 15 іюня. Буасьеръ.

Бѣглецъ съ воинственной Женевы. Не вѣрится мнѣ, чтобъ ты дошелъ до Лозанны, да и не очень нужно. Но отъ этой неувѣренности писать трудно. Впрочемъ, все обстоитъ благополучно, кромѣ Турнерши, которая очень больна. У Таты и Ольги 24 часа болѣла голова. Лиза процвѣтаетъ. О Жирарѣ, разумѣется, все было поронье горячки: онъ уѣхалъ въ понедѣльникъ, и я, скрѣпя сердце, послалъ глупый телеграмъ. Вчера вечеромъ былъ Эдгаръ Кине... „Колоколъ" готовъ и полонъ (т.-е. новый 1 іюля), можетъ выйти 22 или 23. Статья твоя, стало, пойдетъ въ слѣдующій.

Грузинская статья очень хороша.

Да, caro mio, вѣрю и знаю, что̀ значитъ тишина и покой, и знаю, что̀ они значатъ тебѣ. Но какъ ихъ согласовать съ болѣзнью? Этого я не знаю. Вѣроятно, ты въ своемъ Ausfluge не пьешь, какъ здѣсь въ послѣднее время, больше безвреднаго количества.

Сверхъ обычной тяжести нашей жизни, ее очень портитъ неизвѣстность въ будущемъ. Я думаю, что такихъ людей на свѣтѣ нѣтъ, которые бы лѣтъ шесть къ ряду жили, не зная, что̀ и ка̀къ будетъ черезъ два мѣсяца.—Прощай.

Статья твоя можетъ занять полколокола, даже колонной больше.

61.

(1865 г.?) 25. Четвергъ, послѣ обѣда.

Писемъ не имѣю, стало, ничего и не знаю ни о дѣлѣ Чернецкаго, ни о чемъ другомъ. Подожду 5 часовъ.

„Голосъ" рекомендуетъ продажу западныхъ земель раскольникамъ съ гарантіей вѣротерпимости и предлагаетъ звать русскихъ изъ Турціи и Пруссіи. Вотъ, какъ поляки узна̀ютъ,—будетъ тебѣ трезвонъ. Какой-то дуракъ прислалъ мнѣ книгу о Польшѣ,—пустѣйшія декламаціи и ругательства à l'adresse Россіи, а мнѣ прислалъ! Дальше ты найдешь строки три для Смѣси. Я въ „Zukunft" написалъ. А пожалуй, мы еще и будемъ въ Россіи. Кошутъ собирается въ Венгрію, и поговариваютъ, что Ос. Ив. ищетъ случая ѣхать въ Италію. Лишь бы безъ ранъ

на спинѣ и не частнымъ проходомъ, а общей дверью. Осиротѣетъ тогда кладбище въ Ниццѣ, а я иногда смотрю *съ удовольствіемъ* на наши мѣста и думаю: вотъ тутъ будетъ Ог., тутъ я,—все же замнутая исторія и даже *точка* будетъ общая . .

Передъ будущимъ я съ трусостью закрываю глаза...

Прощай. Кланяйся своимъ.

НА СТРАСТНОЙ НЕДѢЛѢ

Намъ, русскимъ, не родны законность и свобода;
Мы попирали ихъ, предъ родиной грѣша;
Но мы незлобивы; у русскаго народа
Не черствая душа.

Онъ набоженъ; его духовный міръ не тѣсенъ;
Лишь волю разума сковала рабства цѣпь;
Но въ чувствахъ воленъ онъ, и ширь народныхъ пѣсенъ
Напоминаетъ степь.

На рядъ родныхъ картинъ его похожа дума—
На Волгу-матушку; на тихій синій Донъ;
На жуткую тоску лѣсного въ бурю шума;
На мирный храма звонъ.

О, русскій человѣкъ! ты не былъ безучастнымъ
Къ людскимъ страданіямъ; ты мести не знавалъ
И, милосердья полнъ, преступнаго—несчастнымъ
Печально называлъ.

Такимъ ты мнѣ знакомъ по пѣснямъ, по былинамъ;
Такимъ въ твоемъ быту тебя я знать привыкъ...
Зачѣмъ же исказилъ ты образомъ звѣринымъ
Свой человѣчный ликъ?

Покайся въ дни страстей! Съ молящимся собратомъ
Во храмъ войди и ты—грабитель и палачъ.
Христосъ тебя проститъ; а ты передъ распятьемъ
Повергнись и заплачь!

Алексѣй Жемчужниковъ.

Апрѣль 1907 г.
Тамбовъ.

ВЪ ДНИ КОМЕТЫ

ПОВѢСТЬ.

H. G. Wells. In the days of the Comet.

ПРОЛОГЪ.

Я увидѣлъ сѣдого, очень стараго человѣка; онъ сидѣлъ у стола и читалъ. Казалось, что комната, гдѣ онъ сидѣлъ, находилась гдѣ-то на высокой башнѣ; изъ высокаго окна налѣво видна была далекая полоса моря, очертанія горъ, и смутно сверкалъ, при свѣтѣ заходящаго солнца, далекій городъ. Все въ комнатѣ было акуратно и красиво, и въ нѣкоторыхъ подробностяхъ ново и странно для меня. Стиль мебели былъ совершенно незнакомый мнѣ, и простая одежда старика не напоминала никакой опредѣленной эпохи или страны.

Старикъ писалъ чѣмъ-то вродѣ стилографа, и всякая историческая перспектива отстранялась этой современной подробностью; онъ писалъ быстро и легко и каждую законченную страницу прибавлялъ къ наростающей кипѣ листковъ, которая лежала на маленькомъ столикѣ подъ окномъ. Послѣдніе листки были разбросаны и отчасти покрывали прежніе, акуратно скрѣпленные и составлявшіе маленькія тетрадки.

Онъ, очевидно, не замѣчалъ моего присутствія, и я стоялъ, выжидая, чтобы онъ остановился. Несмотря на свою старость, онъ писалъ очень твердою рукой. Вдругъ я увидѣлъ, что высоко надъ его головой виситъ, покачиваясь, вогнутое зеркало. Взглянувъ въ него, я увидѣлъ въ искаженномъ, фантастическомъ, но яркомъ и прекрасномъ видѣ, дворцы, террасы и большую до-

рогу; по дорогѣ шло множество людей, имѣвшихъ невозможно каррикатурный видъ въ отраженіи качающагося зеркала. Я быстро повернулъ голову къ окну за моей спиной, но оно было слишкомъ высоко; я не могъ выглянуть изъ него, и черезъ минуту опять сталъ глядѣть въ зеркало, гдѣ все принимало искаженный видъ.

Старикъ откинулся въ своемъ креслѣ, отложилъ перо и вздохнулъ съ облегченіемъ, какъ человѣкъ, довольный сдѣланной имъ работой.

— Что это за мѣсто?—спросилъ я—и кто вы?

Онъ съ изумленіемъ оглянулся на меня.

— Что это за мѣсто?—повторилъ я—и кто вы?

Онъ твердо поглядѣлъ на меня изъ-подъ насупленныхъ бровей, и потомъ выраженіе его лица освѣтилось улыбкой. Онъ указалъ мнѣ на кресло подлѣ стола.

— Я пишу,—сказалъ онъ.

— О чемъ?

— О Переворотѣ.

Я сѣлъ. Кресло было очень удобное.

— Если хотите, прочтите,—сказалъ онъ.

Я указалъ на рукопись.

— Тутъ объясненіе?—спросилъ я.

— Да,—отвѣтилъ онъ,—тутъ объясненіе.

Онъ взялъ новый листокъ бумаги, взглянувъ на меня. Я осмотрѣлся въ комнатѣ, потомъ снова посмотрѣлъ на маленькій столикъ подъ окномъ. Взглядъ мой упалъ на тетрадку, съ крупной надписью „I.“. Я взялъ ее, улыбнулся, глядя въ ласковые глаза старика, усѣлся поудобнѣе, а онъ кивнулъ мнѣ головой и продолжалъ писать. Я сталъ читать съ большимъ любопытствомъ.

Вотъ то, что написалъ счастливый съ виду энергичный старикъ, сидѣвшій въ странной башнѣ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

I.

Я сажусь писать исторію Великаго Переворота, насколько онъ коснулся моей жизни и жизни нѣсколькихъ людей, тѣсно связанной съ моей; я пишу главнымъ образомъ для собственнаго удовольствія.

Очень давно, въ моей жалкой, невѣжественной юности, я уже

мечталъ о томъ, чтобы написать книгу, и читалъ съ величайшимъ интересомъ все, что могло познакомить меня съ литературнымъ міромъ и съ жизнью писателей. Конечно, пріятно, даже среди теперешней счастливой жизни, осуществить хоть отчасти старую, казавшуюся безнадежной, мечту. Но я живу теперь въ мірѣ, до такой степени полномъ живого и возрастающаго интереса, гдѣ есть столько дѣла даже для старика, что это одно не заставило бы меня взяться за писаніе. Я пишу только потому, что воспоминаніе о прошломъ становится необходимымъ для моего душевнаго состоянія. Теченіе лѣтъ приводитъ человѣка наконецъ къ желанію оглянуться назадъ; въ семьдесятъ-два года человѣкъ вспоминаетъ о своей молодости гораздо чаще, чѣмъ въ сорокъ лѣтъ. А я совершенно отрѣзанъ отъ моей молодости. Старая жизнь кажется мнѣ совершенно чуждой и неразумной; иногда даже не вѣрится, что все это дѣйствительно существовало. Прошли навсегда тѣ времена, исчезли зданія и мѣста. Я недавно остановился во время прогулки тамъ, гдѣ прежде были грязныя предмѣстья города Сватингли, и подумалъ: „Неужели это здѣсь я когда-то прятался за кучами мусора, приготовивъ револьверъ для убійства? Неужели нѣчто подобное дѣйствительно произошло въ моей жизни? Неужели такія мысли и намѣренія могли зарождаться въ моей головѣ? Ужъ не кошмаръ ли припуталъ это мнимое воспоминаніе къ памяти о моей минувшей жизни“? Вѣроятно, многіе испытываютъ такое же замѣшательство. И я полагаю, что теперешнее подростающее поколѣніе, которое смѣнитъ насъ въ дѣлѣ великаго обновленія человѣчества, должно будетъ ознакомиться со многими повѣствованіями вродѣ моего, чтобы отчасти понять старый міръ, предшествовавшій нашему времени. Моя личная исторія типична для времени Переворота,— поэтому я и разсказываю ее. Я былъ захваченъ событіями среди душевной бури и по странной случайности очутился на время въ самомъ центрѣ новой жизни...

Память уноситъ меня за пятьдесятъ лѣтъ назадъ, въ маленькую, плохо освѣщенную комнату, съ окномъ, открывающимся на звѣздное небо; и я тотчасъ же вспоминаю характерный запахъ той комнаты—запахъ плохо заправленной лампы, въ которой горѣлъ дешевый керосинъ. Электрическое освѣщеніе уже было тогда извѣстно, но большинство людей пользовалось еще керосиновыми лампами. Вся первая сцена связывается въ моей памяти съ запахомъ керосина. Это былъ вечерній запахъ комнаты, а днемъ въ ней чувствовался болѣе тонкій, слегка удушливый запахъ, напоминавшій запахъ пыли.

Я опишу вамъ въ подробностяхъ комнату. Она была величиной въ восемь футовъ и довольно высокая; потолокъ былъ выштукатуренный, но съ трещинами и пятнами отъ копоти; въ одномъ мѣстѣ были даже зеленоватыя пятна сырости, просачивавшейся сверху. Стѣны были покрыты обоями съ красными узорами по сѣрому фону. Въ разныхъ мѣстахъ были большія раны въ стѣнахъ, нанесенныя тщетными попытками Парлода вбить гвозди въ стѣну, чтобы повѣсить на нихъ картину. Одинъ гвоздь попалъ между двухъ кирпичей и сидѣлъ твердо; на него повѣшаны были на веревкахъ книжныя полки, висѣвшія не совсѣмъ твердо. Все это имѣло крайне неустойчивый видъ. Подъ книжными полками стоялъ маленькій столъ, обитый краснымъ сукномъ съ разнообразнѣйшими узорами изъ чернильныхъ пятенъ, а на столѣ стояла и распространяла зловоніе лампа. Лампа эта была изъ какой-то прозрачной массы, — не стекла и не фарфора, — и абажуръ былъ такой же; онъ совершенно не защищалъ глаза читавшаго при такомъ свѣтѣ. Неровный полъ въ комнатѣ былъ изразцовый, темно-коричневый, и только маленькій островокъ среди него покрытъ былъ вылинявшимъ и запыленнымъ ковромъ.

Въ комнатѣ имѣлся маленькій каминъ; огня тамъ не было разведено и за рѣшеткой виднѣлись только клочки разорванной бумаги и поломанная глиняная трубка; въ углу стоялъ ящикъ для угля съ поломанной ручкой. Въ тѣ дни каждая комната отапливалась отдѣльнымъ каминомъ, отъ котораго въ комнатѣ было больше грязи, чѣмъ тепла; расшатанное окно, маленькій каминъ и плохо прикрывающаяся дверь считались достаточной вентиляціей для комнаты.

По одну сторону комнаты стояла кровать Парлода, а въ углу — его умывальникъ, самаго элементарнаго устройства. Большой комодъ съ двумя большими и двумя маленькими ящиками хранилъ запасъ платья Парлода, а на крючки надъ дверью онъ вѣшалъ свои двѣ шляпы. Такова была обычная обстановка „меблированныхъ комнатъ“ до Переворота. Я описалъ ее для того, чтобы вы могли представить себѣ обстановку, среди которой происходило описанное въ моихъ первыхъ главахъ. Но не думайте, что въ то время обстановка комнаты или запахъ лампы малѣйшимъ образомъ привлекали мое вниманіе... Мнѣ все это казалось тогда самымъ естественнымъ. Мысли мои заняты были болѣе важными и волнующими меня вопросами, и только теперь, въ далекой перспективѣ, эти подробности кажутся мнѣ интересными, какъ внѣшнее проявленіе внутренняго неустройства прежней жизни.

II.

Парлодъ стоялъ у открытаго окна съ биноклемъ въ рукахъ; онъ искалъ и находилъ, потомъ опять недоумѣвалъ, опять терялъ изъ виду новую комету, показавшуюся на небѣ. Мнѣ тогда было не до кометы, такъ какъ я пришелъ поговорить совсѣмъ о другомъ; но Парлодъ былъ всецѣло поглощенъ ею. У меня горѣла голова, въ сердцѣ кипѣло негодованіе, мнѣ хотѣлось открыть ему мое сердце, или, по крайней мѣрѣ, облегчить душу, разсказавъ о моихъ страданіяхъ, и я не обращалъ вниманія на то, что онъ мнѣ говорилъ. Я въ первый разъ слышалъ объ этомъ новомъ пятнѣ среди безчисленныхъ пятенъ на небѣ, и оно меня нисколько не интересовало.

Мы были почти сверстники; Парлоду было двадцать-два года, и онъ былъ на восемь мѣсяцевъ старше меня. Онъ былъ клеркомъ у мелкаго адвоката въ Оверкастлѣ, а я служилъ въ конторѣ Роудона въ Клейтонѣ. Мы встрѣтились въ „парламентѣ“, въ союзѣ христіанской молодежи въ Сватингли; оказалось, что мы посѣщали въ Оверкастлѣ одни и тѣ же классы, гдѣ онъ учился естественнымъ наукамъ, а я—стенографіи; мы стали вмѣстѣ возвращаться домой послѣ занятій, и такимъ образомъ между нами завязалась дружба; Сватингли, Клейтонъ и Оверкастль были сосѣдними городами. Мы признались другъ другу въ своихъ религіозныхъ сомнѣніяхъ, признались въ общемъ интересѣ къ соціализму; онъ дважды приходилъ ужинать къ моей матери, и я очень часто бывалъ у него. Онъ былъ въ то время высокій, свѣтловолосый, нѣсколько неуклюжій юноша, съ непропорціонально развитой шеей и кулаками, способный на сильныя увлеченія. Два раза въ недѣлю онъ ходилъ по вечерамъ на естественно-научныя лекціи въ Оверкастлѣ; его любимымъ предметомъ была физіографія и больше всего его интересовала астрономія. Онъ раздобылъ старый бинокль у своего дяди фермера, купилъ дешевую небесную карту, и въ теченіе нѣкотораго времени дневные часы и лунныя ночи казались ему только досадными препятствіями, отвлекавшими его отъ единственно пріятнаго занятія—разглядыванія звѣздъ. Его привлекали безграничныя пространства и таинственныя возможности, скрывавшіяся въ невѣдомой безднѣ временъ. Цѣной упорнаго труда и съ помощью очень точныхъ указаній, вычитанныхъ имъ въ маленькомъ ежемѣсячномъ журнальчикѣ „Небо“, онъ наконецъ увидалъ

чрезъ свой бинокль новую гостью изъ міровыхъ пространствъ. Онъ смотрѣлъ восхищенный на дрожащее маленькое пятно свѣта среди сверкающихъ звѣздочекъ, и не могъ оторвать глазъ. Ему было не до моихъ сердечныхъ волненій.

— Поразительно!—сказалъ онъ, задыхаясь отъ волненія, и повторилъ для большей убѣдительности еще разъ:—Поразительно!

Онъ повернулся ко мнѣ.

— Не хочешь ли посмотрѣть?—сказалъ онъ.

Мнѣ пришлось посмотрѣть въ бинокль, а потомъ выслушать цѣлую лекцію о томъ, какъ это едва видимое пятно превратится въ одну изъ самыхъ большихъ кометъ, какія видѣлъ міръ, какъ это произойдетъ, какъ комета приблизится къ землѣ, отъ которой ее отдѣляетъ теперь всего нѣсколько десятковъ милліоновъ миль—пустяки, по мнѣнію Парлода. Я узналъ, что спектроскопъ уже изучаетъ ея химическія тайны, что ее недавно сфотографировали въ моментъ развертыванія—въ необычномъ направленіи—хвоста, обращеннаго къ солнцу, и что теперь она его опять свертывала. А я, слушая все это, не переставалъ думать о Нетти Стюартъ, о старикѣ Роудонѣ, о его противномъ лицѣ. Я придумывалъ то отвѣты Нетти, то запоздалую отповѣдь моему хозяину, и затѣмъ опять всѣми моими мыслями овладѣла Нетти.

Нетти Стюартъ была дочь главнаго садовника богатой вдовы м-ссъ Вераль; когда мы съ ней обмѣнялись первымъ поцѣлуемъ и поклялись любить другъ друга, и мнѣ, и ей не было еще полныхъ восемнадцати лѣтъ. Моя мать и ея мать были двоюродныя сестры, вмѣстѣ учились въ школѣ, и хотя моя мать рано овдовѣла, и ей пришлось сдавать въ наемъ комнаты (у насъ въ домѣ жилъ клейтонскій пасторъ), такъ что она занимала болѣе низкое общественное положеніе, чѣмъ м-ссъ Стюартъ, все же дружественныя отношенія съ кузиной не прерывались, и мать моя пріѣзжала отъ времени до времени въ гости къ м-ссъ Стюартъ, въ Чекшиль Тоуэрсъ. Обыкновенно она брала меня съ собой. И вотъ, въ ясный іюльскій вечеръ, въ одинъ изъ такихъ вечеровъ, которые не то что уступаютъ мѣсто ночи, а вѣжливо допускаютъ появленіе мѣсяца и немногихъ звѣздъ,—я и Нетти обмѣнялись обѣтами любви у пруда съ золотыми рыбками. Я еще помню—при этомъ воспоминаніи у меня всегда пробуждается нѣжное чувство въ сердцѣ—трепетное волненіе этой минуты. Нетти была вся въ бѣломъ. Волосы ея ложились мягкими темными волнами надъ ея темными лучистыми глазами; на нѣжной шеѣ было ожерелье изъ жемчуга, со средины котораго спускалась маленькая золотая монетка. Я поцѣловалъ ея полусопро-

тивляющіяся губы, и цѣлыхъ три года послѣ того—мнѣ почти кажется, что и всю остальную мою жизнь—я готовъ былъ умереть за нее.

Вы должны понять—и съ каждымъ годомъ понять это становится все болѣе труднымъ,—до чего міръ былъ прежде совершенно инымъ, чѣмъ теперь. Жизнь была мрачная, полная устранимыхъ въ сущности неустройствъ, устранимыхъ болѣзней, устранимыхъ страданій, суровости и нелѣпыхъ, безсознательныхъ жестокостей. И все же, быть можетъ именно вслѣдствіе общей темноты, были минуты рѣдкой мимолетной красоты, которыя теперь мнѣ кажутся невозможными. Великій Переворотъ наступилъ навсегда, счастіе и красота сдѣлались атмосферой нашей жизни, на землѣ царятъ покой и доброжелательство, никому бы не хотѣлось вернуться къ печалямъ прежнихъ временъ, и все же то горестное время пронизывалось такими напряженными радостями, такими острыми ощущеніями, какія, кажется, исчезли теперь навсегда. Не знаю, Переворотъ ли отнялъ у жизни крайности ощущеній, или, можетъ быть, дѣло только въ томъ, что меня покинула юность—и даже оставляетъ теперь сила средняго возраста—и что вмѣстѣ съ нею ушли и восторги, и острота страданій, а остались только разсудительность, чуткость и память о прошломъ? Не знаю. Нужно было бы быть молодымъ теперь, бывши тоже молодымъ въ то время, чтобы рѣшить это.

Можетъ быть, равнодушный наблюдатель, даже въ то время, не нашелъ бы въ насъ ничего красиваго. Передо мной теперь фотографическія карточки насъ обоихъ, и я вижу на нихъ себя неуклюжимъ юношей въ плохо скроенномъ, купленномъ готовымъ, платьѣ, а Нетти—Нетти тоже плохо одѣта и выраженіе лица слишкомъ напряженное. Но я вспоминаю, глядя на портретъ, какова она была въ дѣйствительности, и ея живость и частица ея тогдашняго очарованія снова воскресаютъ теперь для меня. Ея лицо какъ бы побѣждаетъ фотографическій снимокъ,—въ противномъ случаѣ, я бы эту карточку давно выбросилъ.

Красоту, въ сущности, нельзя описать словами. Мнѣ жаль, что я не могу сдѣлать рисунка на поляхъ этой страницы, чтобы возсоздать ея обликъ. Въ глазахъ ея была какая-то особая серьезность, и легкая неправильность въ очертаніи верхней губы придавала особую прелесть ея нѣжной и въ то же время серьезной улыбкѣ.

Послѣ того какъ мы обмѣнялись поцѣлуями и рѣшили не говорить еще нѣсколько времени родителямъ о нашемъ безповоротномъ рѣшеніи принадлежать другъ другу, пришло время раз-

статься, робко попрощавшись въ присутствіи другихъ. Мы съ матерью пошли обратно черезъ паркъ, освѣщенный луннымъ свѣтомъ, на вокзалъ въ Чекшилѣ, а оттуда въ наше жалкое помѣщеніе въ подвальномъ этажѣ нашего дома въ Клейтонѣ, и послѣ того я не видѣлъ Нетти около года,—только въ мечтахъ видѣлъ ее постоянно. При слѣдующемъ свиданіи мы рѣшили переписываться, причемъ предполагалось соблюдать величайшую тайну, такъ какъ Нетти не хотѣла, чтобы кто-либо, даже ея единственная сестра, узнала о нашей любви. Приходилось посылать письма запечатанными черезъ одну школьную подругу Нетти, жившую подъ Лондономъ. Я помню до сихъ поръ адресъ подруги, которой довѣрилась Нетти, и могъ бы обозначить домъ, улицу и названіе загородной мѣстности, хотя теперь всѣ эти мѣста исчезли. Переписка наша послужила причиной нашей размолвки, потому что впервые мы не только глядѣли другъ другу въ глаза, но и стали выражать свои мысли. Вы должны понять, что въ тѣ дни мышленіе было чрезвычайно запутано разными отжившими неудовлетворяющими мысль формулами, затруднялось разными предразсудками, недомолвками, условной ложью. Посторonнія низменныя соображенія мѣшали стремленію къ правдѣ. Мать воспитала меня въ странной, узкой вѣрѣ, навязавъ мнѣ опредѣленныя религіозныя формулы, опредѣленныя правила поведенія, извѣстнаго рода соціальныя и политическія понятія, не отвѣчающія дѣйствительнымъ потребностямъ современной жизни, старыя и ненужныя, — какъ отложенное въ ящикъ за ненадобностью и пересыпанное лавандой бѣлье. Религіозность моей матери тоже была какъ бы надушенная лавандой. По воскресеньямъ она отставляла все обыденное, убирала одежду и даже посуду, употреблявшуюся въ будни, прятала руки, натруженныя работой, въ черныя, тщательно заштопанныя перчатки, надѣвала старое черное шолковое платье и шляпу, и водила меня, тоже необыкновенно чистенькаго и принаряженнаго, въ церковь. Тамъ мы пѣли, слушали, наклонивъ голову, звучныя молитвы, и поднимались съ облегченіемъ, когда пасторъ кончалъ свою краткую, довольно добродушную проповѣдь. Въ религіи моей матери существовалъ адъ—адъ съ красными языками пламени, съ дьяволомъ, который считался по долгу службы врагомъ британскаго короля, обличалась грѣховная плоть; намъ внушали, что большинство живущихъ въ нашемъ горестномъ мірѣ искупитъ здѣшнія заботы и горести еще вдобавокъ вѣчными муками въ загробной жизни, аминь. Все это уже впало отчасти въ забвеніе задолго до моего времени, и въ это уже мало кто вѣрилъ. Если я и боялся ада

въ дѣтствѣ, то забылъ объ этомъ потомъ и вспоминаю теперь о религіи лишь какъ о подходящемъ фонѣ для усталаго, строгаго лица матери.

Теперь я отношусь къ убѣжденіямъ моей матери съ терпимостью и любовью, но молодость отличается во всемъ страстностью, и такъ какъ я сначала принималъ въ серьезъ все это, и пламень ада, и месть Бога за всякую оплошность, считая все это вполнѣ реальной дѣйствительностью, то я съ такой же твердостью и убѣжденностью выбросилъ все это изъ головы.

Пасторъ Габитасъ — нашъ жилецъ — интересовался мною и моей судьбой; онъ рекомендовалъ мнѣ книги для чтенія послѣ окончанія школы, и съ самыми лучшими намѣреніями на свѣтѣ, только для того, чтобы предостеречь меня отъ мірской отравы, одолжилъ мнѣ „Отвѣтъ скептикамъ" Бурбля и направилъ меня въ общественную библіотеку въ Клейтонѣ, совѣтуя мнѣ брать книги оттуда.

Честный Бурбль оказалъ на меня неожиданно подавляющее вліяніе. Изъ его отвѣтовъ скептику явствовало, что все, принимаемое мною до того на вѣру, во что я вѣрилъ какъ въ сіяніе солнца, на самомъ дѣлѣ не имѣетъ никакого значенія. Какъ бы нарочно для укрѣпленія во мнѣ сомнѣній, первой книгой, которую я досталъ изъ библіотеки, было собраніе сочиненій Шелли. Я вскорѣ былъ близокъ къ полному атеизму. А въ союзѣ христіанской молодежи я познакомился съ Парлодомъ, который сказалъ мнѣ, подъ строжайшей тайной, что онъ „соціалистъ". Онъ далъ мнѣ прочесть нѣсколько нумеровъ періодическаго изданія, носившаго громкое названіе „Труба"; оно какъ разъ начинало тогда походъ противъ установленной религіи. Молодость всякаго болѣе или менѣе развитого человѣка открыта для сомнѣній, негодованій и новыхъ идей, и я все это пережилъ въ сильной степени. Это были даже не сомнѣнія, а удивленное отрицаніе возможности вѣры. „Неужели я въ это вѣрилъ?" — говорилъ я себѣ. И какъ разъ въ это время началась у меня любовная переписка съ Нетти.

Теперь, когда Великій Переворотъ осуществился во многомъ, всѣ дѣйствуютъ съ мягкостью, ничуть не умаляющею нашей силы, и трудно понять воинственность, которую вносили въ свою интеллектуальную жизнь молодые люди моего времени. Размышлять объ извѣстныхъ вопросахъ уже считалось проявленіемъ мятежности. Всякая новая мысль должна была начинать съ битья стеколъ. Теперь трудно себѣ представить эту потребность бросать вызовъ всему установленному, которая была у насъ въ молодости. Я сталъ съ жадностью читать Карлэйля, Броунинга и

Гейне, и не только восхищался ими, но старался подражать имъ. Мои письма къ Нетти, послѣ нѣсколькихъ искреннихъ изліяній бурной нѣжности, стали наполняться страннымъ и неуклюжимъ изложеніемъ теологическихъ, соціологическихъ и космическихъ мыслей. Они ее, навѣрное, очень удивляли.

У меня сохранилась нѣжность и даже что-то вродѣ зависти къ моей минувшей юности, но я все-таки не смогъ бы оправдать себя, еслибы меня обвинили за мои письма къ Нетти въ глупой рисовкѣ и въ сентиментальности, въ томъ, что я былъ въ жизни совершенно такой, какъ на старой, выцвѣтшей фотографической карточкѣ. Когда я стараюсь вспомнить, въ какомъ тонѣ я писалъ любимой дѣвушкѣ, я самъ содрогаюсь. А все-таки жаль, что всѣ эти письма погибли.

Ея письма ко мнѣ были довольно простыя, писанныя неумѣлымъ почеркомъ, искреннія. Въ первыхъ письмахъ обнаруживалось стремленіе часто употреблять слово „милый", но когда начали проявляться признаки моего умственнаго броженія, письма ея сдѣлались менѣе нѣжными.

Я не буду утомлять васъ разсказомъ о томъ, какъ мы поссорились письменно, какъ я въ слѣдующее воскресенье отправился безъ всякаго приглашенія въ Чекшиль и еще болѣе испортилъ наши отношенія, какъ потомъ я написалъ письмо, примирившее насъ. Не буду я также разсказывать вамъ о дальнѣйшемъ ходѣ нашихъ несогласій. Всегда я оказывался виноватымъ и просилъ прощенія—вплоть до послѣдней размолвки, которая начиналась теперь. Въ промежуткахъ у насъ были и нѣжныя примиренія. Я ее очень любилъ. Но, къ несчастію, бывало всегда такъ, что, оставаясь наединѣ, въ темнотѣ, я думалъ только о ней, о ея глазахъ, объ очарованіи всего ея существа, но когда садился писать, то думалъ только о Шелли, Бернсѣ и самомъ себѣ. Трудно сочетать любовь съ умственнымъ броженіемъ. Наши письма принимали обостренный тонъ. Потомъ вдругъ она написала мнѣ, что едва-ли можетъ любить соціалиста, не вѣрующаго въ церковь, и вслѣдъ за этимъ пришло совершенно неожиданное письмо: она писала, что мы, очевидно, не подходимъ другъ къ другу, что у насъ разные вкусы и мысли, и что она давно уже собирается освободить меня отъ моего слова. Словомъ, хотя я сразу былъ слишкомъ пораженъ, чтобы понять это, я получилъ полную отставку. Письмо пришло какъ-разъ въ то время, когда я вернулся домой послѣ того, какъ старикъ Роудонъ довольно рѣзко отказался повысить мое жалованье. Въ тотъ вечеръ, о которомъ я пишу, я очутился лицомъ къ лицу съ двумя совершенно

ошеломившими меня фактами: оказалось, что во мнѣ не нуждаются ни Нетти, ни Роудонъ. А вдругъ мнѣ говорятъ о кометахъ...

Я такъ привыкъ считать Нетти своей неотъемлемой собственностью, — всѣ традиціонныя понятія о „вѣрной любви" укрѣпляли меня въ этой вѣрѣ,—что меня глубоко поразила легкость, съ которой она заговорила о разрывѣ послѣ того, какъ мы обмѣнялись поцѣлуями и нѣжными увѣреніями. Старикъ Роудонъ тоже можетъ обойтись безъ меня. У меня было такое чувство, точно вся вселенная отвергла меня и угрожаетъ мнѣ полнымъ уничтоженіемъ, и я чувствовалъ, что необходимо прежде всего какъ-нибудь утвердить свою личность. Я не находилъ утѣшенія для моего оскорбленнаго самолюбія ни въ религіи, къ которой охладѣлъ, ни въ своемъ атеизмѣ, смѣнившемъ прежнюю вѣру.

Что дѣлать? Оставить сейчасъ же мѣсто у Роудона и поступить къ его конкурренту Пробишеру? Первая часть этого плана была легко исполнима. Не трудно было пойти къ Роудону и сказать: „вы еще услышите про меня!" Но относительно Пробишера неизвѣстно было, возьметъ ли онъ меня. Но все это было теперь на второмъ планѣ; главное было рѣшить, какъ поступить съ Нетти. У меня въ головѣ носились обрывки мыслей и благородныхъ фразъ для отвѣтнаго письма ей. Презрѣніе, иронія, нѣжность— на чемъ остановиться?

— Ахъ, чортъ возьми!—вдругъ сказалъ Парлодъ.

— Что случилось?—спросилъ я.

— На литейномъ заводѣ у Бладона взрывъ, и дымъ застлалъ нужную мнѣ часть неба.

Этотъ перерывъ въ астрономическихъ объясненіяхъ Парлода пришелся кстати для меня; я могъ, наконецъ, поговорить съ нимъ о своихъ дѣлахъ.

— Знаешь, Парлодъ,—сказалъ я,—мнѣ, кажется, придется уѣхать отсюда. Старикъ Роудонъ не хочетъ дать мнѣ прибавки, и уже разъ я ее попросилъ, то не могу остаться на прежнихъ условіяхъ. Придется уѣхать изъ Клейтона.

III.

Парлодъ положилъ бинокль на окно и посмотрѣлъ на меня.

— Теперь не подходящее время мѣнять мѣсто, — сказалъ онъ, помолчавъ. Роудонъ сказалъ въ сущности то же самое, только менѣе дружелюбнымъ тономъ.

Но въ присутствіи Парлода у меня всегда являлось желаніе выказывать геройство.

— Мнѣ надоѣла будничная пошлость, — сказалъ я. — Пусть лучше голодаетъ плоть, чѣмъ томится душа.

— Ужъ не знаю, право, — медленно началъ Парлодъ, и у насъ завязался одинъ изъ нашихъ безконечныхъ споровъ на личныя и общечеловѣческія темы, одинъ изъ споровъ, которые такъ любятъ молодые люди всѣхъ временъ. Переворотъ въ этомъ смыслѣ ничего не измѣнилъ. Я, конечно, не могу припомнить всего потока нашихъ рѣчей, даже не помню никакихъ словъ, хотя обстоятельства и общая атмосфера той бесѣды совершенно ясно запечатлѣлись въ моей памяти. Я, по своему обыкновенію, нѣсколько позировалъ и велъ себя навѣрное очень глупо, подъ вліяніемъ задѣтаго эгоизма, а Парлодъ исполнялъ свою роль философа, занятаго глубинами бытія. Мы вышли изъ его дома, и еще болѣе увлеклись бесѣдой, выйдя на воздухъ въ теплый лѣтній вечеръ. Одно я помню изъ того, что̀ говорилъ тогда.

— Мнѣ иногда хочется, — сказалъ я съ жестомъ, направленнымъ къ небу, — чтобы эта твоя комета или что-нибудь подобное уничтожило міръ и стерло бы съ лица земли все, всѣхъ насъ, всѣ наши стачки, войны, волненія, любовь, ревность и все горе жизни.

— Нѣтъ, — сказалъ Парлодъ, помолчавъ: — столкновеніе съ кометой сдѣлало бы жизнь только еще болѣе тяжелой. Оно бы отодвинуло все назадъ, и жизнь немногихъ, уцѣлѣвшихъ отъ катастрофы, была бы еще болѣе дикой, чѣмъ теперь.

— Надѣюсь, что никто и ничто не уцѣлѣло бы, — сказалъ я въ отвѣтъ.

Таковъ, приблизительно, былъ характеръ нашего разговора, въ то время, какъ мы шли по узкой улицѣ и затѣмъ по поднимающейся вверхъ дорогѣ за городъ.

Но мои мысли такъ ушли въ прошлое, что я забылъ, до чего со времени Переворота все измѣнилось до неузнаваемости. Узкая улица и видъ съ клейтонскаго холма, и весь міръ, въ которомъ я родился и выросъ, все совершенно исчезло во времени и пространствѣ и даже въ воображеніи людей, смѣнившихъ насъ. Вы не можете себѣ представить, какъ себѣ представляю я, темную улицу между маленькими домами, освѣщенную тусклыми газовыми фонарями на углахъ, жесткую мостовую подъ ногами, тускло освѣщенныя окна въ домахъ и тѣни на уродливыхъ спущенныхъ занавѣсяхъ. Вы не представляете себѣ пивныхъ, освѣщенныхъ ярче, чѣмъ другіе дома, ужасный винный запахъ и ругатель-

ства, несущіяся изъ дверей, жалкихъ дѣтей, сидѣвшихъ на порогѣ.

Мы прошли по длинной улицѣ, по которой взбиралась вверхъ, пыхтя, оглушая своимъ шумомъ, паровая конка; по обѣимъ сторонамъ улицы сверкали окна магазиновъ, по тротуару непрерывно двигались люди. Вы не представляете себѣ вида этихъ большихъ улицъ и большихъ стѣнъ, разукрашенныхъ огромнѣйшими пестрыми афишами, возвѣщавшими о пользѣ всевозможныхъ пилюль, мылъ и консервовъ, пишущихъ и швейныхъ машинъ, о разнообразныхъ зрѣлищахъ, театрахъ и концертахъ. Дальше, за домами большой улицы, были пустыри съ огромными лужами стоячей воды, въ которыхъ отражались звѣзды. Наконецъ, пройдя еще мимо огородовъ, мы вышли на большую дорогу, которая поднималась вверхъ, мимо нѣсколькихъ домовъ и кабаковъ; сверху открывался видъ на долину, въ которой лежали прилегающіе одинъ къ другому четыре промышленныхъ городка. Съ наступленіемъ вечера и до зари—этого нельзя отрицать—все пріобрѣтало величественный видъ. Все жалкое въ подробностяхъ было затуманено, не видать было самихъ домовъ, множества дымовыхъ трубъ, уродливыхъ пятенъ жалкой растительности, огороженной заборами; все преображалось ночью. Насыщенный пылью воздухъ, такой удушливый днемъ, превращался на зарѣ въ таинственную гармонію прозрачныхъ тоновъ, синяго и пурпурнаго, темно и ярко-краснаго, прозрачно-зеленаго и желтаго. Фабричныя трубы послѣ заката солнца надѣвали вѣнцы изъ пламени, темныя груды золы превращались въ живое пламя. День смѣнялся царствомъ пламенѣющаго угля. На дорогахъ, перерѣзывающихъ равнину, зажигались блѣдно-желтые газовые фонари; сквэры и улицы озарялись холоднымъ сіяніемъ электрическаго свѣта. Перекрещивающіяся желѣзнодорожныя сѣти поднимали свѣтовые сигналы, красные и зеленые; поѣзда извивались какъ черныя змѣи, извергающія пламя... А надъ всѣмъ этимъ, какъ нѣчто недосягаемое и почти забытое, Парлодъ на-ново открылъ царство, не озаряемое ни солнцемъ, ни пламенѣющими фабричными трубами,—міръ звѣздъ...

Таковъ былъ пейзажъ, среди котораго мы часто бесѣдовали вдвоемъ. Днемъ мы иногда переходили черезъ вершину холма, и смотрѣли на западъ, гдѣ виднѣлись фермы, парки и большіе дома, шпицъ далекой церкви, а иногда, въ ясную погоду, линіи далекихъ горъ. Тамъ, вдали, куда не доходилъ взоръ, былъ Чекшиль,—въ темнотѣ я яснѣе чувствовалъ это, чѣмъ днемъ. Чекшиль и Нетти...

И намъ обоимъ казалось, когда мы гуляли, разсуждая о

своихъ дѣлахъ, что передъ нами разстилается весь міръ. Тамъ, въ сгущающейся темнотѣ, вокругъ уродливыхъ фабрикъ и мастерскихъ тѣснились рабочіе, скученные, плохо одѣтые, плохо питающіеся, не увѣренные даже въ своемъ скудномъ дневномъ заработкѣ, и среди ихъ жалкихъ домовъ возвышались часовни, церкви и кабаки. А съ другой стороны, на широкомъ просторѣ жили, отвернувшись отъ тѣсныхъ жилищъ рабочаго населенія, хозяева, землевладѣльцы, собственники кабаковъ, фабрикъ, фермъ и рудниковъ. Вдали выступали изъ маленькой группы лавокъ дома священниковъ. Затѣмъ виднѣлись гостинницы захудалаго городка, который прежде былъ центральнымъ торговымъ мѣстомъ, и шпицъ церкви въ Лочестерѣ. Намъ казалось тогда, что весь міръ устроенъ по этому плану.

Мы смотрѣли на все очень просто. У насъ были готовыя рѣшенія на все, и тотъ, кто сталъ бы возражать противъ нихъ, казался бы намъ союзникомъ грабителей. Для насъ было ясно, что все это—грабительство: въ большихъ домахъ притаились хозяинъ и капиталистъ, два главныхъ разбойника со своимъ гнуснымъ сообщникомъ-адвокатомъ и другимъ союзникомъ, обманщикомъ-попомъ, а мы всѣ—жертвы ихъ преступленій. Они, навѣрное, смѣются, распивая дорогое вино въ обществѣ нарядныхъ порочныхъ женщинъ, и обдумываютъ новые способы ограбить бѣдняковъ. И среди жалкихъ условій, среди грубости невѣжества и пьянства страдаетъ жертва—рабочій. Мы, конечно, это знаемъ и нужно только съ достаточной силой и краснорѣчіемъ высказать все ясное для насъ, чтобы міръ измѣнился. Рабочіе поднимутся и образуютъ рабочую партію, выберутъ въ члены парламента такихъ людей, какъ я и Парлодъ, и отвоюютъ все, что имъ принадлежитъ. Разбойникамъ придется плохо, и все уладится наилучшимъ образомъ. Мы не сомнѣвались въ близкомъ торжествѣ нашихъ идей и возмущались только испорченностью и глупостью людей, которая мѣшаетъ столь простому способу возстановить въ мірѣ порядокъ и равновѣсіе. Насъ это возмущало до того, что мы готовы были идти на баррикады и совершать страшные акты насилія. Я былъ особенно озлобленъ въ тотъ вечеръ, о которомъ разсказываю; гидра капитализма и монополіи представлялась мнѣ улыбкой, напоминавшей точь въ точь улыбку старика Роудона, когда онъ отказался платить мнѣ болѣе чѣмъ двадцать шиллинговъ въ недѣлю. Я чувствовалъ, что долженъ, для огражденія своего достоинства, какъ-нибудь отомстить ему. Самое лучшее—это убить гидру и сказать Нетти: „Ну, что, каковъ я по-твоему?“ Этимъ разрѣшилась бы наша

ссора. Таковъ, приблизительно, былъ смыслъ того, что̀ я думалъ тогда,—а вы ужъ сами представьте себѣ, какъ я жестикулировалъ и волновался, высказывая свои мысли Парлоду въ тотъ вечеръ. Представьте себѣ насъ въ видѣ двухъ невзрачныхъ черныхъ фигуръ среди вечерняго пейзажа, въ обстановкѣ чисто промышленной жизни, — вообразите себѣ меня возбужденнымъ, протестующимъ, размахивающимъ руками.

Всѣ эти представленія моей юности покажутся вамъ вздорными, въ особенности если вы принадлежите къ младшему поколѣнію, родившемуся уже послѣ Переворота. Теперь всѣ мыслятъ ясно, разумно, и вы не думаете даже, что возможно нѣчто иное. Я вамъ скажу, какъ перенести себя въ условія нашего прежняго существованія. Прежде всего—разстройте здоровье неразумными питьемъ и ѣдой, отсутствіемъ физическихъ упражненій, затѣмъ наполните свою жизнь множествомъ хлопотъ и непріятностей, поработайте дней пять по многу часовъ въ день безостановочно надъ чѣмъ-нибудь слишкомъ ничтожнымъ, чтобы возбуждать какой-либо интересъ, и слишкомъ сложнымъ, чтобы это можно было дѣлать механически,—надъ дѣломъ, не представляющимъ, къ тому же, никакого личнаго интереса для васъ самихъ. Послѣ того, пойдите въ непровѣтренную, душную комнату, тамъ сядьте и задумайтесь надъ какимъ-нибудь очень сложнымъ вопросомъ. Черезъ короткое время у васъ начнутъ путаться мысли, вы почувствуете раздраженіе, будете разсуждать наперекоръ очевидности, дѣлать самые случайные выводы. Попробуйте играть въ шахматы въ такихъ условіяхъ, и вы увидите, какъ глупо вы будете выходить изъ себя каждую минуту.

Такъ вотъ вся жизнь передъ Переворотомъ проходила въ такомъ лихорадочно возбужденномъ состояніи: всѣ были переутомлены, измучены задачами, которыхъ не могли разрѣшить, всѣ жили въ удушливой атмосферѣ, и никто почти не имѣлъ возможности спокойно и трезво обдумывать свои мысли. Все сводилось къ полу-правдѣ, къ поспѣшнымъ заключеніямъ, иллюзіямъ. Ничего другого не было.

Я знаю, что это кажется неправдоподобнымъ, что люди помоложе начинаютъ даже сомнѣваться въ томъ, что въ мірѣ произошелъ дѣйствительно большой переворотъ; но почитайте газеты того времени. Каждая эпоха, отошедшая въ прошлое, кажется болѣе свѣтлой и благородной на разстояніи. Нужно поэтому, чтобы люди, которые, какъ я, могутъ разсказать о минувшемъ, описывали дѣйствительную правду, развѣнчивающую чрезмѣрное обаяніе старины.

IV.

Въ разговорахъ съ Парлодомъ я всегда ораторствовалъ больше, чѣмъ онъ. Я теперь могу судить о себѣ въ прошломъ съ полнымъ безпристрастіемъ; все такъ измѣнилось, что я дѣйствительно сталъ другимъ человѣкомъ, не имѣющимъ почти ничего общаго съ хвастливымъ юношей, горести котораго я теперь разсказываю. Я вижу теперь этого юношу, какимъ онъ былъ въ дѣйствительности,—эгоистичнымъ, неискреннимъ, и вовсе не желаю представить его симпатичнымъ въ силу моей невольной привязанности къ нему, созданной нашей непрерывной близостью. Такъ какъ я былъ самъ этимъ юношей, то могъ бы объяснить психологическія причины всего, что дѣлало его непривлекательнымъ для всякаго теперешняго читателя, но зачѣмъ мнѣ оправдывать его слабости и защищать его?

Итакъ, изъ насъ двоихъ больше ораторствовалъ я, и еслибы кто-нибудь сказалъ мнѣ тогда, что я вовсе не выше моего собесѣдника, меня бы это крайне удивило. Парлодъ былъ спокойный, сдержанный юноша, въ противоположность мнѣ, обладавшему драгоцѣннымъ въ глазахъ молодежи и демократическаго общества даромъ краснорѣчія. Парлода я втайнѣ считалъ нѣсколько ограниченнымъ, и мнѣ не нравилась его „научная осмотрительность". Я не замѣчалъ, что мои руки годились только для ораторскихъ жестовъ, или для того, чтобы держать перо, въ то время, какъ руки Парлода были пригодны для самыхъ разнообразныхъ работъ, и я не думалъ, что ловкость рукъ связана съ выдающимися умственными способностями. Я постоянно хвасталъ своими литературными знаніями, тѣмъ, что я отличный стенографъ, что Роудонъ почти не можетъ обойтись безъ меня, а Парлодъ почти не упоминалъ о своихъ занятіяхъ на естественно-научныхъ курсахъ. А между тѣмъ Парлодъ теперь знаменитъ; его работа о пересѣкающихся радіусахъ имѣетъ большое научное значеніе, а я, который въ лучшемъ случаѣ—простой дровосѣкъ въ интеллектуальномъ мірѣ, могу только вспоминать съ улыбкой, какъ я возносился надъ нимъ въ тѣ далекія времена полной умственной слѣпоты.

Въ тотъ вечеръ мое краснорѣчіе превосходило всякія границы. Конечно, главной темой моихъ разглагольствованій былъ Роудонъ. Я говорилъ о „рабствѣ заработной платы", о возмутительности условій, въ которыхъ мы принуждены жить. Но

отъ времени до времени я переходилъ къ другому. Мысли мои были заняты главнымъ образомъ Нетти и загадочностью ея поведенія со мной. Я гордился передъ Парлодомъ своей сердечной драмой, и драпировался въ тогу байронизма, говоря всякій вздоръ.

Я не буду утомлять васъ подробнымъ пересказомъ рѣчей безразсуднаго юноши, очень огорченнаго въ душѣ и искавшаго утѣшенія для своего оскорбленнаго самолюбія. Я даже не помню въ точности, что̀ я говорилъ ему именно тогда, и что̀ было сказано во время другихъ моихъ бесѣдъ съ Парлодомъ. Я забылъ, напримѣръ, тогда ли, или въ другой разъ, я какъ будто случайно намекнулъ на то, что употребляю наркотическія средства.

— Не дѣлай этого, — сказалъ мнѣ Парлодъ. — Это можетъ притупить умственныя способности.

А мои умственныя способности казались чѣмъ-то очень важнымъ для насъ обоихъ. Вѣдь предполагалось, что я долженъ играть видную роль въ грядущей соціальной революціи.

Одно я помню точно изъ нашей бесѣды въ тотъ вечеръ. Когда мы вышли изъ дому, я внутренно рѣшилъ не оставлять службы у Роудона. Мнѣ только хотѣлось выругать моего хозяина и облегчить этимъ душу. Но я договорился до того, что всѣ разумныя основанія, побуждавшія меня не бросать службы, улетучились, и приближаясь къ дому, я уже безповоротно рѣшилъ не мириться съ хозяиномъ.

— Я не могу остаться у Роудона, я его не выношу! — воскликнулъ я.

— Но вѣдь скоро наступитъ тяжелое время, — сказалъ Парлодъ.

— Да. Зимой трудно будетъ достать работу.

— Нѣтъ, еще раньше. Въ Америкѣ огромное перепроизводство во всѣхъ областяхъ промышленности, и будетъ большой застой въ дѣлахъ. Скоро наступитъ безработица. Ты бы лучше не уходилъ отъ Роудона—другого мѣста не достанешь.

— Ни за что не останусь у него,—отвѣтилъ я съ негодованіемъ.

— Но вѣдь будетъ хуже, если не достанешь работы.

— Не все ли равно? — отвѣтилъ я. — Пусть будетъ худо: все равно теперешній строй долженъ пойти къ чорту рано или поздно. Эти проклятые капиталисты съ ихъ трëстами ускорятъ кризисъ. Зачѣмъ мнѣ торчать въ конторѣ у Роудона, какъ трусливой собакѣ, въ то время какъ по улицамъ будутъ ходить толпы голодныхъ? Голодъ — великая революціонная сила. Когда

приходитъ голодъ, нужно пойти ему на встрѣчу и привѣтствовать его. Я во всякомъ случаѣ такъ и сдѣлаю.

— Все это прекрасно,—началъ было Парлодъ.

— Мнѣ надоѣла такая жизнь,—прервалъ я его. Я вступлю въ борьбу со всѣми Роудонами въ мірѣ. Когда я буду самъ голоденъ, я сумѣю сказать то, что̀ слѣдуетъ, голоднымъ людямъ.

— А что̀ же будетъ съ твоей матерью?—спросилъ Парлодъ со свойственнымъ ему благоразуміемъ.

Въ этомъ и заключалось главное препятствіе. Но я обошелъ его, отдѣлавшись риторической фразой.—Развѣ можно,—воскликнулъ я,—жертвовать будущимъ міра,—развѣ можно жертвовать своимъ будущимъ — во имя матери, лишенной всякаго воображенія?!

V.

Было уже поздно, когда я разстался съ Парлодомъ и пришелъ домой. Нашъ домъ стоялъ по близости клейтонской церкви, въ маленькомъ, довольно красивомъ сквэрѣ. М-ръ Габитасъ, приходскій пасторъ, занималъ нижній этажъ, а въ верхнемъ жила старая дама, миссъ Гольройдъ, которая занималась рисованіемъ цвѣтовъ по фарфору и содержала жившую вмѣстѣ съ ней слѣпую сестру; мы съ матерью жили въ подвальномъ этажѣ, а спали наверху, въ мансардѣ. Поднимаясь на крыльцо, я увидалъ въ окнѣ м-ра Габитаса, который печаталъ при свѣчкѣ фотографическіе снимки. Главнымъ развлеченіемъ въ его жизни было занятіе фотографіей. Онъ уѣзжалъ во время каникулъ со своимъ аппаратомъ и возвращался съ множествомъ туманныхъ снимковъ, сдѣланныхъ въ красивыхъ и живописныхъ мѣстахъ. Онъ давалъ проявлять ихъ по дешевой цѣнѣ, а потомъ весь годъ проводилъ вечера̀ въ печатаніи фотографій, которыя потомъ дарилъ своимъ знакомымъ. Цѣлая коллекція его фотографическихъ снимковъ имѣется въ клейтонской національной школѣ. Въ этомъ занятіи заключалась его единственная радость въ жизни. Я различалъ, глядя въ окно, его острый маленькій носъ, его блѣдные маленькіе глаза за очками и сжатыя губы.

— Наемный лжецъ!—пробормоталъ я.—Вѣдь онъ тоже былъ участникомъ всего разбойничьяго строя, въ которомъ я и Парлодъ были „рабами заработной платы“; правда, его участіе въ грабительствѣ было очень небольшое, но не все ли это равно...

— Наемный лжецъ!—повторилъ я, стоя въ темнотѣ.

Мать открыла мнѣ дверь. Она посмотрѣла на меня и ни-

чего не сказала, чувствуя, что произошло что-то неладное, и зная, что напрасно спрашивать, въ чемъ дѣло.

— Спокойной ночи, мама, — сказалъ я, поцѣловалъ ее не очень привѣтливо, потомъ зажегъ свѣчу и направился вверхъ по лѣстницѣ, не оглянувшись на нее.

— Я приготовила тебѣ ужинъ, милый.

— Я не хочу ужинать.

— Почему?..

— Спокойной ночи,—сказалъ я еще разъ, пошелъ наверхъ, закрылъ за собой дверь, легъ на постель, затушилъ свѣчу и долго лежалъ, не раздѣваясь. Это безмолвное умоляющее выраженіе на лицѣ матери временами раздражало меня до крайности. Въ тотъ вечеръ оно было мнѣ болѣе невыносимо, чѣмъ когда-либо. Я чувствовалъ, что долженъ бороться противъ него, что не могъ бы жить, еслибы уступилъ ея мольбамъ, и необходимость борьбы причиняла мнѣ невыносимое страданіе. Я сознавалъ совершенно ясно, что долженъ самъ для себя рѣшить всѣ религіозныя и соціальныя задачи, самъ рѣшать, какъ слѣдуетъ поступать,—что ея жалкая, простая вѣра не можетъ помочь мнѣ, — что она даже не понимаетъ меня. Она исповѣдывала общепринятую вѣру; ея соціальныя убѣжденія сводились къ слѣпому подчиненію существующему порядку—къ признанію законовъ, докторовъ, священниковъ, адвокатовъ, хозяевъ и всѣхъ почитаемыхъ свѣтомъ властей, — и вѣра сводилась у нея къ страху. Она чувствовала по тысячѣ признаковъ,—хотя я иногда все же ходилъ съ нею въ церковь,—что я отрекся отъ всѣхъ правилъ, управлявшихъ ея жизнью, и примкнулъ къ чему-то невѣдомому и страшному. Она чувствовала мою близость къ соціализму, чувствовала мой протестъ противъ существующаго строя, чувствовала мое безсильное возмущеніе всѣмъ, что было свято въ ея глазахъ. И въ сущности она не столько отстаивала свои кумиры, какъ боялась за меня. Ей какъ бы хотѣлось сказать мнѣ:—Дорогой мой, я знаю, жизнь очень тяжела,—но еще тяжелѣе возставать противъ того, что есть. Не вступай въ борьбу,— не возстановляй противъ себя: тебѣ будетъ отъ этого только хуже.

Она покорилась, какъ большинство тогдашнихъ женщинъ, грубой силѣ существующаго и стала поклоняться тому, что поработило ее. Жизнь сломила ея силы, состарила ее, отняла у нея зрѣніе, такъ что въ пятьдесятъ-пять лѣтъ она лишь смутно различала мое лицо, глядя въ дешевые очки; она привыкла къ тревогамъ и заботамъ, и руки ея—о, эти бѣдныя руки!.. Теперь

не найдется нигдѣ на свѣтѣ женщины съ такими изможденными, загрубѣлыми отъ работы, натруженными руками... Одно только я могу сказать въ мое оправданіе, что озлобленіе противъ людей и судьбы вызвано было не только моими собственными, но и ея страданіями.

Въ тотъ вечеръ, однако, я обошелся съ ней неласково. Я рѣзко оборвалъ ее и ушелъ къ себѣ, захлопнувъ за собой дверь и оставивъ ее въ горестномъ недоумѣніи. И послѣ того я еще долго лежалъ и размышлялъ о жестокости жизни, о презрительномъ и грубомъ поведеніи со мной Роудона, о безсердечіи Нетти, о моемъ собственномъ безсиліи и ничтожествѣ, о невыносимыхъ обстоятельствахъ, о невозможности бороться съ несправедливостью. Голова у меня горѣла; я не могъ справиться съ нахлынувшими на меня горькими мыслями. Нетти... Роудонъ... Моя мать... Габитасъ... Нетти...

Наконецъ, я обезсилѣлъ отъ наплыва чувствъ. Гдѣ-то пробило полночь. Но молодость взяла свое, — и одно душевное состояніе быстро смѣнялось другимъ. Я быстро всталъ, раздѣлся, не зажигая свѣчи, и не успѣлъ положить голову на подушку, какъ уже крѣпко заснулъ. Но какъ спалось въ ту ночь моей матери, я не знаю.

Страннымъ образомъ я не осуждаю себя за свою тогдашнюю рѣзкость съ матерью, но чувствую сильныя угрызенія совѣсти за пренебрежительность къ Парлоду. Мнѣ больно вспоминать до сихъ поръ о томъ, что я причинялъ страданія матери въ тѣ времена, предшествовавшія Перевороту, но я вижу, что это было неизбѣжно въ прежнихъ условіяхъ жизни. Въ тѣ смутныя, темныя времена люди становились жертвами заботъ, непосильнаго труда и раздраженія, не имѣя предварительно хоть года времени для того, чтобы спокойно подумать и подготовиться къ жизни. Имъ сразу приходилось приступать къ исполненію какихъ-то непосредственныхъ опредѣленныхъ обязанностей, и всякое духовное развитіе прекращалось. Они застывали на своихъ узкихъ путяхъ. Рѣдкія женщины способны были созрѣть для новой мысли послѣ двадцати-пяти лѣтъ, рѣдкіе мужчины мѣнялись послѣ тридцати. Недовольство существующимъ считалось безнравственнымъ, хотя всѣ были недовольны. Но противъ тяготѣвшаго надъ всѣми зла возставала только жестокая въ своемъ увлеченіи молодежь. Суровый законъ тѣхъ временъ требовалъ, чтобы мы или подчинялись старшимъ и заглушали свои порывы, или же отстраняли ихъ, забывали ихъ, чтобы сдѣлать хоть маленькій шагъ впередъ по пути прогресса, прежде чѣмъ въ свою

очередь окаменѣть и становиться на пути смѣняющему насъ поколѣнію.

Мое поведеніе съ матерью въ тотъ вечеръ, — то, что я отстранилъ ее и ушелъ къ себѣ, чтобы предаться тамъ одинокимъ размышленіямъ, — было, какъ я вижу теперь, типичнымъ образцомъ тогдашнихъ отношеній между родителями и дѣтьми. Другого пути не было; этотъ постоянный разладъ былъ необходимымъ элементомъ прогресса. Мы тогда не представляли себѣ, что духъ можетъ созрѣвать, не становясь неподвижнымъ, или что дѣти могутъ почитать родителей и все же самостоятельно думать и дѣйствовать. Мы жили торопливо и злобно, потому что томились въ удушливой атмосферѣ. Сознательная живость ума, свойственная теперь всѣмъ людямъ, сила, соединенная съ благоразуміемъ, предпріимчивость и довѣріе къ другимъ, которые теперь царятъ всюду, были невѣдомы въ тогдашнемъ строѣ жизни.

На этомъ кончалась первая тетрадь. Я отложилъ ее и сталъ искать вторую.

— Ну что?—спросилъ старикъ, продолжая писать.

— Это выдумано?

— Это исторія моей жизни!

— Но вы—окруженный красотой—неужели вы тотъ жалкій, несчастный юноша, о которомъ здѣсь говорится?

Онъ улыбнулся. — Вѣдь потомъ произошелъ Переворотъ, — сказалъ онъ.—Развѣ это не сказано?

Я хотѣлъ было предложить одинъ вопросъ, но въ это время увидѣлъ вторую тетрадь и принялся ее читать.

VI.

Я не могу припомнить (такъ начиналась вторая тетрадь), сколько времени прошло между тѣмъ вечеромъ, когда Парлодъ впервые показалъ мнѣ комету, — я, кажется, только представлялся, что дѣйствительно увидѣлъ ее,—и воскресеньемъ, проведеннымъ мною въ Чекшилѣ.

За это время я успѣлъ оставить мѣсто у Роудона, тщетно искалъ другой работы, наговорилъ много непріятностей матери и Парлоду и пережилъ много очень тяжелыхъ часовъ и дней. Была, кажется, очень бурная переписка съ Нетти, но подробности ея я уже забылъ. Помню только, что я написалъ ей очень гордое

прощальное письмо, гдѣ говорилъ, что разстаюсь съ нею навѣки; затѣмъ получилъ въ отвѣтъ раздраженную записку, въ которой она писала, что если даже все кончено между нами, то все же не слѣдуетъ писать дерзостей. На это я послалъ ей въ отвѣтъ нѣчто очень ироническое—и уже не получилъ никакого отвѣта. Въ промежуткѣ прошло, по всей вѣроятности, недѣли три или четыре, потому что комета, которую въ первый разъ, когда Парлодъ указалъ на нее, можно было видѣть только черезъ увеличительное стекло, превратилась теперь въ большое бѣлое пятно, болѣе яркое, чѣмъ Юпитеръ, и отбрасывающее собственную тѣнь. Теперь она заняла мѣсто въ мысляхъ всѣхъ людей, всѣ о ней говорили, всѣ высматривали ее послѣ захода солнца, всюду только и была рѣчь о ней,—въ газетахъ, въ кафешантанахъ, въ собраніяхъ.

Да, комета уже начинала властвовать въ мірѣ, прежде чѣмъ я пошелъ объясняться съ Нетти. Парлодъ истратилъ сорокъ шиллинговъ изъ своихъ сбереженій на покупку спектроскопа, для того, чтобы каждый вечеръ наблюдать самому за движеніемъ кометы. Ужъ не знаю, сколько разъ я смотрѣлъ на это дрожащее пятно, возвѣщавшее о наступленіи событій изъ невѣдомой бездны, но въ концѣ концовъ я возмутился и сталъ упрекать Парлода за то, что онъ теряетъ время на астрономическое дилеттантство.

— Подумай,—сказалъ я,—мы на порогѣ великаго кризиса въ исторіи нашей страны; приближаются голодъ и нужда, весь капиталистическій строй—точно воспаленная рана, а ты проводишь время, глядя на эту глупую полоску на небѣ.

Парлодъ растерянно взглянулъ на меня. — Да,—сказалъ онъ медленно, точно эта мысль впервые поразила его. — Почему я занимаюсь этимъ?

— Я хочу устроить митингъ рабочихъ.

— А ты думаешь, они будутъ слушать тебя?

— Теперь будутъ.

— А вѣдь прежде не слушали,—сказалъ Парлодъ, глядя на свой любимый инструментъ.

— Въ воскресенье была демонстрація безработныхъ въ Сватингли.

Парлодъ молчалъ нѣсколько времени, а я продолжалъ ораторствовать. Онъ о чемъ-то задумался.

— А знаешь ли,—сказалъ онъ, взглянувъ въ сторону спектроскопа,—въ концѣ концовъ, это что-нибудь да означаетъ.

— Комета?

— Да.

— Что она можетъ означать? Ужъ не думаешь ли ты, что я способенъ вѣрить въ астрологію? Что намъ за дѣло до огней на небѣ, когда люди голодаютъ на землѣ?

— Это касается науки.

— Науки! Намъ теперь нуженъ соціализмъ, а не наука.

Ему все-таки, повидимому, не хотѣлось отказаться отъ кометы.—Конечно, соціализмъ правъ,—сказалъ онъ,—но если эта штука столкнется съ землей, то ужъ намъ будетъ до этого дѣло.

— Наше дѣло только—люди.

— А что, если она смететъ всѣхъ людей?

— Глупости!—сказалъ я очень увѣренно.

— Ну, я не знаю,—сказалъ Парлодъ.

Онъ взглянулъ на комету. Я чувствовалъ, что онъ опять собирается прочесть мнѣ лекцію о близости путей земли и кометы и о томъ, къ чему это можетъ привести. Я поэтому прервалъ его словами, вычитанными у забытаго теперь писателя, по имени Рёскина,—его великолѣпными фразами и безсмысленными доводами, которые въ то время имѣли сильное вліяніе на молодыхъ людей. Помню, что я говорилъ что-то о ничтожномъ значеніи науки и о высокомъ значеніи жизни. Парлодъ слушалъ, наполовину обернувшись къ небу, держа кончики пальцевъ на спектроскопѣ. Онъ, видимо, пришелъ къ какому-то твердому выводу.

— Нѣтъ, я съ тобой не согласенъ, Лидфортъ,—сказалъ онъ.—Ты ничего не понимаешь въ естественныхъ наукахъ.

Парлодъ рѣдко говорилъ съ такой рѣшительностью. Я такъ привыкъ властвовать въ спорахъ, что его рѣзкое возраженіе подѣйствовало на меня какъ ударъ.—Ты несогласенъ со мной?—повторилъ я.

— Нѣтъ,—сказалъ Парлодъ,—я считаю, что наука важнѣе соціализма. Соціализмъ—теорія, а наука—нѣчто большее.

Больше ничего онъ не сумѣлъ сказать. Начался одинъ изъ тѣхъ нелѣпыхъ споровъ, которыми такъ увлекается молодежь. Наука или соціализмъ? Конечно, это то же самое, какъ споръ о томъ: что хуже—быть лѣвшой или любить лукъ. Но я своимъ краснорѣчіемъ вывелъ изъ себя Парлода, а онъ, въ свою очередь, разсердилъ меня своимъ отрицаніемъ моихъ заключеній, такъ что споръ кончился крайне враждебно.—Ну, что жъ,—сказалъ я,—по крайней мѣрѣ я знаю, каковы теперь твои убѣжденія.

Я ушелъ, хлопнувъ за собой дверью, и быстро пошелъ по улицѣ, зная, что прежде еще, чѣмъ я заверну за уголъ, онъ уже

опять будетъ стоять у окна и высматривать свою полоску. А мнѣ нужно было пройти около часа, прежде чѣмъ я достаточно успокоился, чтобы вернуться домой.

Вотъ какъ говорилъ Парлодъ, — а вѣдь онъ первый обратилъ меня въ соціализмъ! Вѣроотступникъ!... Самыя необычайныя мысли спутались у меня въ головѣ въ тѣ дни. Въ тотъ вечеръ, послѣ ссоры съ Парлодомъ, у меня возникали планы революціи по самымъ лучшимъ французскимъ образцамъ. Я воображалъ, что засѣдаю въ комитетѣ общественной безопасности и сужу отступниковъ. Среди нихъ находился Парлодъ, наибольшій отступникъ изъ всѣхъ, слишкомъ поздно сознавшій свою ошибку. Руки его закручены за спину, а изъ открытой двери слышится голосъ правосудія, суроваго народнаго правосудія. Мнѣ грустно, но я долженъ исполнить свой долгъ.

— Если мы судимъ каждаго изъ тѣхъ, которые хотѣли предать насъ монархамъ,—говорю я съ печальной рѣшимостью,—то тѣмъ болѣе мы должны карать тѣхъ, которые отказываются отъ служенія государству во имя безполезнаго знанія.—Сказавъ это, я съ мрачнымъ торжествомъ велю вести его на гильотину.

— Ахъ, Парлодъ, Парлодъ! Зачѣмъ ты не послушался меня?!

Но, все-таки, эта ссора очень огорчила меня. Парлодъ былъ моимъ единственнымъ пріятелемъ, и мнѣ было тяжело не видаться съ нимъ и проводить вечеръ за вечеромъ, не открывая никому свою душу.

Это время было для меня очень тяжелымъ, хотя еще не наступило самое печальное: мое послѣднее свиданіе съ Нетти. Тяжелые часы безъ работы тяготили меня. Я проводилъ весь день внѣ дома, отчасти для того, чтобы поддерживать иллюзію, будто я ищу мѣста, а отчасти для того, чтобы не видѣть постояннаго безмолвнаго вопроса въ глазахъ матери: „Почему ты поссорился съ Роудономъ? Что̀ ты сдѣлалъ? Почему ты ходишь съ злымъ лицомъ и вызывающимъ видомъ?“ Все утро я проводилъ въ зданіи общественной библіотеки и писалъ невозможныя письма съ просьбами принять меня на самыя неподходящія должности. Помню, напримѣръ, что я предложилъ свои услуги фирмѣ частныхъ сыщиковъ — этотъ родъ эксплуататоровъ низменной ревности теперь, къ счастію, исчезъ съ лица земли. Днемъ и вечеромъ я бродилъ по окрестностямъ и чувствовалъ ненависть ко всему существующему. Эти скитанія прекратились наконецъ, когда я замѣтилъ, что мои сапоги почти совсѣмъ износились отъ неустанной ходьбы...

Я самъ вижу, что былъ тогда капризнымъ, недобрымъ юно-

шей, преисполненнымъ ненависти ко всему,—но я долженъ сказать, что эта ненависть была до нѣкоторой степени объяснима...

Конечно, я былъ неправъ, питая ненависть къ людямъ и желая вымещать на нихъ злобу; но нельзя же было переносить все безъ протеста. Теперь я вижу ясно и спокойно то, что тогда представлялось мнѣ лишь смутно,—что условія моей жизни нестерпимы. Работа моя была скучная и трудная, и отнимала у меня чрезмѣрно много времени. Я былъ плохо одѣтъ, плохо питался, недостаточно образованъ; воля моя была задавлена; въ жизни не было ничего, удовлетворяющаго чувство собственнаго достоинства, и у меня была полная невозможность сдѣлать что-либо для исправленія окружающаго зла. То, что большинство людей вокругъ меня были не счастливѣе, а многіе даже находились еще въ худшемъ состояніи,—это ничего не значило. Въ подобной жизни быть довольнымъ было бы позоромъ.

Если нѣкоторые дѣйствительно удовлетворялись своей участью, то ихъ можно было только пожалѣть за это. Конечно, я поступилъ безразсудно, отказавшись отъ мѣста, но все казалось такимъ очевидно-безцѣльнымъ и нелѣпымъ въ нашемъ общественномъ устройствѣ, что я не упрекаю себя за это,—и мнѣ только непріятно, что я причинялъ столько огорченій матери.

Подумайте, какъ складывалась общественная жизнь все время. Это былъ годъ экономическаго разстройства во всемъ мірѣ. Трёстъ американскихъ желѣзопромышленниковъ — союзъ предпріимчивыхъ, но неразвитыхъ собственниковъ фабрикъ и заводовъ, — предположилъ, что во всемъ свѣтѣ будетъ большій спросъ на желѣзо, чѣмъ въ дѣйствительности оказалось. Въ тѣ дни не умѣли опредѣлять заблаговременно размѣры спроса на какой-нибудь продуктъ. Изготовляли желѣзо, не справляясь у торговцевъ желѣзомъ въ другихъ странахъ. За время большого производства они привлекли къ дѣлу огромное количество рабочихъ и создали громадныя фабричныя поселенія. Совершенно справедливо, чтобы люди, поступающіе глупо, несли потомъ за это наказаніе, но въ старомъ мірѣ обыкновенно дѣйствительные виновники почти совершенно не терпѣли отъ послѣдствій своихъ ошибокъ. Никто не осуждалъ промышленниковъ, которые довели дѣло до перепроизводства въ изготовленіи какого-нибудь опредѣленнаго продукта, если они потомъ бросали дѣло и распускали рабочихъ, и ничѣмъ нельзя было предотвратить случайнаго искусственнаго пониженія цѣнъ на какой-нибудь товаръ со стороны фабриканта, желающаго уничтожить своего соперника. Это какъ разъ происходило въ то время, о которомъ я разсказываю, въ производствѣ

желѣза. Американцы наводнили имъ англійскій рынокъ; англійскіе же капиталисты, конечно, старались выгадать свои потери на работникахъ, пытались воздѣйствовать законодательнымъ путёмъ противъ такого рода промышленныхъ тормазовъ, но не думали о томъ, чтобъ уничтожить причину перепроизводства и вызываемыхъ имъ кризисовъ, а старались только предотвратить послѣдствія; создалась цѣлая партія протекціонистовъ, занятыхъ не истребленіемъ зла, а разными финансовыми авантюрами, которыя только ухудшали дѣло. Главнымъ образомъ, понижалась при этомъ заработная плата и увеличивались толпы безработныхъ, неспособныхъ ни на что, кромѣ безпомощныхъ протестовъ. Вы не можете себѣ представить, какъ люди не умѣли тогда организовать трудъ. Было время, когда люди умирали въ Индіи отъ голода, между тѣмъ какъ въ Америкѣ сжигали пшеницу, которую некуда было дѣть. Это представляется какимъ-то безуміемъ, не правда ли? И дѣйствительно, это былъ кошмаръ, отъ котораго никто на землѣ не надѣялся проснуться.

Мы, молодые люди, никакъ не представляли себѣ, что всѣ эти стачки и локауты, перепроизводство и нужда, происходятъ главнымъ образомъ отъ невѣжества и недомыслія. Мы видѣли во всемъ болѣе глубокія причины, чѣмъ этотъ умственный туманъ. Мы вѣрили поэтому въ злую волю, въ заговоры противъ бѣдняковъ. Вы можете судить о томъ, какъ все это намъ представлялось, если разсматривать въ какомъ-нибудь музеѣ каррикатуры на капиталъ и трудъ въ нѣмецкихъ и американскихъ соціалистическихъ изданіяхъ того времени.

VII.

Я отрекся отъ Нетти въ краснорѣчивомъ письмѣ, и дѣйствительно считалъ, что все между нами кончено.—Я не желаю больше имѣть дѣло съ женщинами,—сказалъ я Парлоду, и послѣ этого цѣлую недѣлю не говорилъ ему ничего о Нетти... Но еще до конца этой недѣли я сталъ безпокоиться о томъ, что будетъ. Оказалось, что я неустанно думаю о Нетти, представляю ее себѣ иногда съ злорадствомъ, иногда съ сочувствіемъ къ ней, печальной и жалѣющей о разрывѣ. Въ глубинѣ сердца я, конечно, не вѣрилъ, что между нами все кончено—или можетъ кончиться. Вѣдь мы обмѣнялись поцѣлуями и обѣтами. Конечно, она была моя, и я принадлежалъ ей, и всякіе разрывы и ссоры

не могли измѣнить этого вѣчнаго факта. Такъ я, по крайней мѣрѣ, думалъ, что бы ни говорилъ и ни дѣлалъ.

Какъ только я отдавался воображенію, сейчасъ же мысли мои обращались къ ней, и я постоянно видѣлъ ее во снѣ. Въ субботу вечеромъ она приснилась мнѣ очень явственно. Лицо ея покраснѣло и было мокрымъ отъ слезъ, волосы были въ безпорядкѣ, и когда я хотѣлъ заговорить съ ней, она отвернулась. Этотъ сонъ преисполнилъ меня тревоги, и на утро мнѣ безумно захотѣлось повидать ее.

Въ это воскресенье мать моя очень просила меня, чтобы я пошелъ съ нею въ церковь. У нея была двойная причина желать этого: во-первыхъ, она думала, что это окажетъ благопріятное вліяніе на мои поиски занятій на слѣдующей недѣлѣ, а кромѣ того, м-ръ Габитасъ таинственно обѣщалъ похлопотать за меня, и она хотѣла, чтобы онъ сдержалъ свое обѣщаніе. Я уже было согласился, но желаніе повидаться съ Нетти такъ овладѣло мной, что я отказался пойти въ церковь съ матерью, и часовъ въ одиннадцать отправился пѣшкомъ въ Чекшиль, который былъ въ семнадцати верстахъ отъ насъ.

Идти было тѣмъ болѣе трудно, что у меня сейчасъ же порвалась подошва, и когда я отрѣзалъ оторвавшійся кусокъ, то выступилъ гвоздь, причинявшій мнѣ сильную боль. Но внѣшній видъ сапоговъ былъ приличный послѣ этой операціи. Я купилъ хлѣба и сыра въ маленькой харчевнѣ по дорогѣ и пришелъ въ Чекшиль около четырехъ часовъ. Но я не пошелъ по большой дорогѣ, а направился болѣе короткимъ путемъ, по дорожкѣ, которую Нетти звала своей дорожкой. Она вела въ маленькую рощу, гдѣ мы обыкновенно встрѣчались, и по которой можно было пройти въ садъ ихъ дома.

Я ясно помню, какъ я шелъ по парку и думалъ о томъ, какъ я съ ней встрѣчусь и что ей скажу. Я уже раньше спрашивалъ себя объ этомъ и не находилъ отвѣта. А теперь эти вопросы поднимались все настойчивѣе, и у меня не было на нихъ никакого отвѣта. Идя къ Нетти, я не понималъ, что отношусь къ ней эгоистически; она казалась мнѣ чѣмъ-то совершенно отдѣленнымъ отъ меня, чѣмъ-то таинственнымъ, какимъ-то сфинксомъ.

Мнѣ трудно описать понятнымъ для теперешнихъ читателей образомъ, какъ въ то время смотрѣли на любовь. Мы въ юности были совершенно неподготовлены къ пробужденію юныхъ чувствъ. Вокругъ подростающихъ дѣтей составлялся какой-то заговоръ молчанія. Въ книгахъ говорилось условно объ идеальной сто-

ронѣ любви, но многое изъ реальныхъ сторонъ чувствъ тщательно скрывали. Все это мы читали въ дѣтствѣ, и, подростая, начинали испытывать странныя, тревожныя желанія; потребность самопожертвованія странно примѣшивалась къ эгоистическимъ чувствамъ мальчиковъ и дѣвочекъ. Мы чувствовали желаніе выказывать рыцарскую преданность къ любимому существу, мы чего-то стыдились и чего-то желали.

Подъ вліяніемъ книгъ, которыя мы читали, подъ вліяніемъ всего, что̀ мы слышали, мы считали, что любовь соединяетъ сердца на всю жизнь. Только потомъ оказывалось, что другое существо полно своихъ эгоистическихъ желаній, не совпадающихъ съ нашими. Такъ было со всѣми, такъ случилось и со мной. Когда я пошелъ къ Нетти въ то воскресенье, и увидѣлъ ее передъ собой, легкую, стройную, съ нѣжнымъ молодымъ лицомъ, выглядывавшимъ изъ-подъ полей соломенной шляпы, я твердо рѣшилъ въ душѣ, что она должна быть моей на всю жизнь.

Она стояла предо мной, идеально женственная, воплощающая мое земное счастье. Она держала въ рукахъ книгу, дѣлая видъ, что читаетъ ее. На самомъ дѣлѣ, она глядѣла въ сторону сѣрой стѣны и, повидимому, прислушивалась къ чему-то и улыбалась.

VIII.

Я ясно помню, какъ она вздрогнула, услышавъ шорохъ моихъ приближающихся шаговъ, и съ какимъ удивленіемъ и даже ужасомъ взглянула на меня. Я помню каждое слово, которое она произнесла во время нашей бесѣды, и помню все, что̀ я ей сказалъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, мнѣ кажется, хотя я, можетъ быть, и ошибаюсь. Но я не передамъ этого. Мы оба не умѣли говорить искренно, выражали наши чувства банальными, общими фразами, и вы, привыкшіе говорить открыто, не поняли бы насъ. Я только передамъ наши первыя слова, потому что тогда я ихъ не понялъ, а потомъ они пріобрѣли для меня большое значеніе.

— Это вы, Вилли?—сказала она.

— Я пришелъ, — отвѣтилъ я, сразу забывъ все, что̀ намѣревался сказать ей замысловатаго:—мнѣ хотѣлось сдѣлать вамъ сюрпризъ и посмотрѣть...

Она посмотрѣла на меня съ непонятнымъ выраженіемъ лица, засмѣялась, почему-то поблѣднѣла, но потомъ опять оправилась.

— Что́ вы хотѣли посмотрѣть?—спросила она, слегка возвысивъ голосъ.

Я былъ слишкомъ взолнованъ, чтобы заподозрить какой-нибудь особый смыслъ въ ея словахъ.

— Я собственно хотѣлъ сказать вамъ, что то письмо написано было такъ, не въ серьёзъ.

Когда мнѣ и Нетти было по шестнадцати лѣтъ, мы были и съ виду дѣйствительно ровесниками. Но теперь намъ было около восемнадцати, и въ ней уже произошла полная метаморфоза, въ то время какъ я еще былъ почти мальчикомъ.

Она въ ту же минуту овладѣла положеніемъ и, слѣдуя своимъ скрытымъ соображеніямъ, сразу нашла подходящій тонъ.

— Какъ вы пришли сюда?—спросила она.

Я объяснилъ ей, что пришелъ пѣшкомъ.

— Пѣшкомъ? — Она тотчасъ же повела меня въ садъ, говоря, что я навѣрное усталъ, настаивая, чтобы я пошелъ къ нимъ въ домъ, что теперь время пить чай, и что всѣ будутъ такъ рады меня видѣть. Вѣдь подумать—пройти пѣшкомъ такое разстояніе! — Но, конечно, — говорила она, льстя моему самолюбію, — для мужчины семнадцать верстъ ничего не значитъ... И когда это вы вышли изъ дому?—спросила она.

Все это время она держала меня на разстояніи, даже не давая мнѣ дотронуться до ея руки.

— Нетти, я пришелъ поговорить съ вами.

— Прежде всего, напьемся чаю, дорогой мой мальчикъ. А кромѣ того вѣдь мы уже говоримъ.

„Дорогой мальчикъ“ прозвучало какъ-то странно и ново для меня. Она нѣсколько ускорила шагъ.

— Я хотѣлъ бы объяснить...—началъ я.

Но у меня не было возможности объяснять. Я что-то сталъ бормотать, на что̀ она тоже отвѣтила какими-то звуками, а не словами.

Когда мы вышли изъ-за деревьевъ и пошли по аллеѣ въ саду, она слегка замедлила шаги и стала глядѣть мнѣ прямо въ лицо своими ясными, открытыми глазами. Можно было подумать, что она все время такъ на меня смотрѣла; но теперь я знаю, хотя тогда я этого не замѣчалъ, что она время отъ времени оглядывалась назадъ и все время о чемъ-то думала, говоря отрывистыя слова. Платье ея подчеркивало совершившійся переходъ отъ ребенка къ дѣвушкѣ. Я могу описать ея одежду, но, кажется, опишу не тѣми выраженіями, какія употребила бы женщина. Ея блестящіе каштановые волосы, которые прежде

спускались толстой косой, съ вплетенной въ нее красной лентой, теперь были подняты и ложились красивыми волнами вокругъ ушей, щекъ и мягкихъ линій шеи. Бѣлое платье спускалось до полу, тонкая талія пріобрѣла теперь гибкость. Годъ тому назадъ, она была хорошенькой дѣвочкой, носившейся на быстрыхъ ножкахъ въ коричневыхъ чулкахъ. Теперь плавно двигалась стройная женщина, и каждое движеніе было новымъ очарованіемъ для взора. Зеленый шарфъ изъ тонкой, какъ паутина, ткани охватывалъ извивающіяся линіи ея фигуры; концы его развѣвались по воздуху и касались моей руки, точно хотѣли нашептать мнѣ какую-то тайну.

Она отдернула сейчасъ же непокорную ткань.

Мы вошли черезъ зеленую калитку въ высокой стѣнѣ сада. Я открылъ калитку, чтобы пропустить ее, и она на минуту очутилась близко отъ меня. Такъ мы подошли къ цвѣточнымъ клумбамъ около домика главнаго садовника, затѣмъ прошли мимо пруда съ золотыми рыбками, у котораго мы обмѣнялись обѣтами вѣрности, и наконецъ подошли къ дому.

Дверь была широко раскрыта, и она вошла первая.

— Угадайте, кто пришелъ?—сказала она.

Отецъ ея отвѣтилъ что-то неясное изъ гостиной, и кресло его заскрипѣло. Его, вѣроятно, потревожили среди послѣобѣденнаго сна.

— Мама! — позвала она звонкимъ молодымъ голосомъ. — Пусъ!

Пусъ была ея сестра.

Она имъ сказала, съ изумленіемъ въ голосѣ, что я пришелъ пѣшкомъ изъ Клейтона, и они всѣ собрались вокругъ меня и стали удивляться.

— Присядь, Вилли,—сказалъ ея отецъ,— разъ ты дѣйствительно пришелъ сюда. Какъ поживаетъ твоя мама?

Онъ взглянулъ на меня съ любопытствомъ.

Онъ былъ одѣтъ въ воскресное платье, но жилетъ былъ разстегнутъ для послѣобѣденнаго отдыха. У него были темно-русые волосы съ золотистымъ отливомъ, коренастая фигура и огромная борода и усы. Нетти унаслѣдовала отъ него все, что въ немъ было красиваго, его прекрасный цвѣтъ кожи, блестящіе каріе глаза, и соединяла это съ живостью своей матери. Мать ея, насколько я вспоминаю, была удивительно дѣятельная женщина. Она постоянно или приносила, или уносила ѣду, или дѣлала что-нибудь въ комнатѣ, и всегда очень радушно принимала меня съ матерью. Пусъ было лѣтъ четырнадцать. Всѣ они были

очень милы со мной и всѣ считали меня умнымъ, что̀ мнѣ льстило.

Но теперь они были точно смущены моимъ присутствіемъ.

— Садись!—сказалъ ея отецъ.—Дай ему стулъ, Пусъ.

Разговоръ былъ нѣсколько натянутый, — они были, видимо, удивлены моимъ внезапнымъ появленіемъ, блѣднымъ, усталымъ лицомъ, запыленнымъ платьемъ, но Нетти не осталась, чтобы поддержать разговоръ.

— Ахъ!—воскликнула она вдругъ, какъ будто бы что-то ее встревожило. — Какъ это я забыла!.. — и она быстро выбѣжала изъ комнаты.

— Господи, что̀ за дѣвушка!—сказала м-ссъ Стюартъ.—Не понимаю, что̀ съ нею.

Нетти вернулась только черезъ полчаса; мнѣ отсутствіе ея показалось чрезвычайно долгимъ, но она, очевидно, бѣжала... Тѣмъ временемъ я упомянулъ, что отказался отъ мѣста у Роудона.

— Я могу найти болѣе подходящее занятіе,—сказалъ я.

— Я оставила книгу въ рощѣ,—сказала Нетти, задыхаясь.— А чай готовъ?

Вотъ все, что̀ она сказала въ свое оправданіе.

Прибытіе чая не возстановило уютности. Чай въ домѣ у садовника былъ серьезной ѣдой, съ множествомъ пирожныхъ, вареній и фруктовъ. Меня тревожило что-то непонятное въ Нетти; я ничего не могъ говорить и имѣлъ какой-то растерянный видъ; все, что̀ я готовился ей сказать, вылетѣло у меня изъ головы. Отецъ Нетти попробовалъ вызвать меня на разговоръ. Ему нравилось мое краснорѣчіе, и онъ любилъ слушать, когда я излагалъ свои взгляды. Я былъ даже болѣе разговорчивымъ въ ихъ домѣ, чѣмъ съ Парлодомъ, хотя вообще я былъ очень застѣнчивъ.

— Ты бы это написалъ въ газетѣ,—говорилъ онъ.—Непремѣнно напиши. Я никогда не слыхивалъ такой ерунды.

Или же онъ говорилъ:

— Да ты положительно обладаешь даромъ краснорѣчія. Нужно тебя сдѣлать адвокатомъ.

Но въ то̀ воскресенье я былъ неразговорчивъ даже съ нимъ. Онъ сталъ говорить о томъ, какъ бы мнѣ пріискать занятіе, но и это не развлекло меня.

IX.

Я уже думалъ, что придется вернуться въ Клейтонъ, не поговоривъ съ Нетти, до того она какъ будто и не подозрѣвала о моемъ желаніи остаться съ нею наединѣ. У меня мелькало даже безумное рѣшеніе сказать ей при всѣхъ, что пришелъ поговорить съ ней. Наконецъ, мать Нетти пожалѣла меня и послала насъ обоихъ съ какимъ-то порученіемъ въ одну изъ оранжерей. Не помню, что̀ мы должны были сдѣлать тамъ,—можетъ быть, только закрыть дверь или открыть окно,—но, кажется, мы и этого не исполнили.

Нетти колебалась сначала, но все-таки поднялась и вышла со мной изъ комнаты. Она провела меня въ оранжерею. Мы шли по низкому проходу съ теплымъ, влажнымъ воздухомъ, съ кирпичнымъ поломъ. По обѣимъ сторонамъ стояли на подставкахъ горшки съ папоротниками, а за ними возвышались растенія съ большими листьями, образовавшія нишу изъ зелени. Когда мы подошли туда, она остановилась и обернулась ко мнѣ какъ бы съ нѣсколько виноватымъ видомъ.

— Правда, этотъ папоротникъ очень красивъ?—сказала она и поглядѣла на меня глазами, въ которыхъ я ясно прочелъ:— Ну, что̀ же ты скажешь?

— Нетти,—началъ я,—я знаю, что сдѣлалъ глупость, написавъ вамъ въ такомъ тонѣ.

Я былъ пораженъ, увидавъ на лицѣ ея спокойное подтвержденіе моихъ словъ. Но она ничего не сказала и стояла, выжидая, что̀ я скажу дальше.

— Нетти,—сказалъ я, собравшись съ духомъ,—я не могу жить безъ васъ. Я... я люблю васъ.

— Еслибы вы любили меня,—сказала она холодно, разглядывая свои тонкіе пальцы, перебирающіе зелень вьющихся по стѣнкѣ растеній,—какъ бы вы написали мнѣ такія письма?

— Да я вовсе не думаю всего того, что̀ писалъ,—возразилъ я.—Во всякомъ случаѣ, не всегда это думаю.

Я былъ увѣренъ, что въ сущности письма были отличныя, очень умныя, и что Нетти глупа, если этого не понимаетъ,—но какъ бы я могъ доказать ей это?

— Однако, вы ихъ писали.

— Но я вѣдь прошелъ пѣшкомъ семнадцать верстъ, чтобы взять назадъ свои слова.

— А все-таки, можетъ быть, вы дѣйствительно такъ думаете, какъ писали.

Я совершенно не зналъ, что сказать, и повторилъ не совсѣмъ внятно: —Нѣтъ, не думаю.

— Вы думаете, что любите меня, Вилли. Но вы не любите.

— Люблю, Нетти. Вы сами это отлично знаете.

Она только покачала головой въ отвѣтъ.

Я готовъ былъ на все—лишь бы вернуть ея расположеніе.

— Нетти,—сказалъ я:—я предпочитаю отказаться отъ моихъ убѣжденій, чѣмъ отъ васъ.

Она все еще не могла высвободить своихъ рукъ изъ вѣтокъ зелени.

— Это вамъ только теперь кажется,—сказала она.

Я сталъ протестовать.

— Нѣтъ,—отрывисто сказала она.—Теперь все измѣнилось.

— Но что можетъ измѣниться отъ двухъ писемъ?—сказалъ я.

— Дѣло не только въ письмахъ. Все дѣйствительно перемѣнилось—навсегда.

Она запнулась на секунду при послѣднемъ словѣ, поглядѣла мнѣ въ глаза и сдѣлала легкое движеніе, какъ бы давая понять, что нашей бесѣдѣ наступилъ конецъ.

Но я вовсе не хотѣлъ покончить на этомъ.

— Навсегда?—сказалъ я.—Нетти... это невозможно. Вы хотите просто попугать меня.

— Я говорю совершенно серьезно, — сказала она, опять взглянувъ на меня съ явнымъ намѣреніемъ положить конецъ разговору. Она какъ бы подготовилась къ взрыву негодованія, который долженъ былъ послѣдовать за этимъ съ моей стороны. Я, конечно, сталъ горячиться, но она умѣло защищалась и побивала меня. Я помню, что весь разговоръ свелся къ нелѣпому спору о томъ, влюбленъ ли я въ нее, или нѣтъ. И я стоялъ передъ нею совершенно растерянный, съ невыразимымъ отчаяніемъ въ душѣ, не понимая, какъ это она тутъ передо мною, болѣе очаровательная, чѣмъ когда-либо, и не хочетъ понять моихъ чувствъ и какимъ-то непонятнымъ образомъ сдѣлалась далекой, недоступной для меня. Прежде, когда мы оставались наединѣ, мы всегда были нѣжны другъ съ другомъ, всегда чувствовали невинное радостное волненіе,—а теперь вдругъ все измѣнилось. Я старался побѣдить то, что мнѣ казалось упрямствомъ Нетти. Я объяснялъ ей, что мои рѣзкія письма вытекали изъ желанія духовной близости съ нею. Я говорилъ въ нѣсколько преувели-

ченныхъ выраженіяхъ о томъ, какъ я тосковалъ вдали отъ нея, о томъ, какъ я теперь безгранично страдаю оттого, что она вдругъ сдѣлалась такой холодной и чужой. Она смотрѣла на меня съ сочувствіемъ, не раздѣляя, однако, моего волненія. Я говорилъ тогда убѣдительно и горячо, потому что дѣйствительно очень страдалъ. Я хотѣлъ убѣдить ее въ полной искренности моей любви, старался побѣдить ея равнодушіе, и это воодушевляло меня. Ея лицо медленно мѣнялось, озаряясь, какъ ясное небо на разсвѣтѣ. Я чувствовалъ, что тронулъ ее, что она смягчается, что ея намѣренная суровость слегка поколебалась. Привычка къ установившейся между нами нѣжности обращенія брала верхъ,—какъ мнѣ казалось. Но она все-таки отстранила меня, когда я приблизился къ ней.

— Нѣтъ,—сказала она и остановила меня, положивъ руку на плечо.

Голосъ ея вдругъ сдѣлался мягкимъ и добрымъ.

— Оставьте, Вилли,—сказала она.—Теперь все стало другимъ. Забудемъ о томъ, что было. Мы ошибались—мы были неразумными дѣтьми. Теперь все измѣнилось—навсегда.

Она отвернулась и пошла къ выходу.

— Нетти! — крикнулъ я и бросился за нею. Она не отвѣчала мнѣ, но я все-таки чувствовалъ, что она смягчается и не такъ рѣшительно отстраняетъ меня. Въ глазахъ ея, когда она поднимала ихъ на меня, слушая мои взволнованныя объясненія, появилось новое выраженіе—какого-то удивленія; она точно сама поражена была своимъ неожиданно-теплымъ чувствомъ ко мнѣ. И все же она продолжала держаться оборонительно.

Когда мы вернулись домой, я могъ уже болѣе непринужденно разговаривать съ ея отцомъ о національизаціи желѣзныхъ дорогъ. Я пріободрился, видя, что еще сохранилъ вліяніе на Нетти, и сталъ даже играть съ Пусъ. Но Нетти погрузилась въ какія-то невѣдомыя мнѣ глубины мыслей, ничего не говорила и черезъ короткое время вышла изъ комнаты.

X.

Я, конечно, слишкомъ усталъ тогда, чтобы и обратно пойти пѣшкомъ въ Клейтонъ. У меня было немножко денегъ, и я могъ проѣхать часть дороги въ поѣздѣ, какъ я и рѣшилъ сдѣлать. Когда я собрался уходить, Нетти изумила меня необычайной заботливостью обо мнѣ. Она требовала, чтобы я пошелъ по боль-

шой дорогѣ, такъ какъ въ саду и въ рощѣ будетъ слишкомъ темно.

Я возразилъ на это, что теперь лунная ночь.—Да еще съ кометой на небѣ,—прибавилъ м-ръ Стюартъ.

— Нѣтъ, — настаивала она. — Идите непремѣнно большой дорогой.

Я продолжалъ доказывать свое, но тогда она подошла ко мнѣ.

— Сдѣлайте это ради меня!—тихо проговорила она. Я не понималъ ея настойчивости.

Я бы уступилъ ей, еслибы она не прибавила:

— Въ рощѣ совершенно темно. И къ тому же тамъ собаки.

— Я не боюсь темноты, — сказалъ я,—и не боюсь собакъ.

— Но вѣдь эти собаки страшнѣе всякихъ другихъ. Что если хоть одна изъ нихъ спущена съ цѣпи?

Она говорила по-женски, и мнѣ пришлось объяснить ей, что страхъ подобаетъ только дѣвушкамъ, а не молодымъ людямъ. Я вспомнилъ о дѣйствительно злющихъ собакахъ, о томъ, какой они поднимутъ лай, заслышавъ мои шаги, и тѣмъ болѣе не захотѣлъ уступить просьбѣ Нетти. Какъ многіе люди съ очень впечатлительной натурой, я былъ подверженъ страхамъ и всегда боролся противъ нихъ, такъ что ни за что не хотѣлъ отказаться отъ болѣе короткаго пути изъ-за полдюжины собакъ, которыя къ тому же навѣрное были на цѣпи. Я поэтому настоялъ на своемъ и ушелъ, радуясь, что выказалъ храбрость, но жалѣя, что огорчилъ Нетти отказомъ исполнить ея просьбу.

Легкое облачко застилало луну, и дорога подъ деревьями была неясно видна въ темнотѣ. Я былъ не настолько поглощенъ моими сердечными горестями, чтобы не принять нужныхъ предосторожностей при путешествіи черезъ пустынный паркъ: я поднялъ довольно большой камень, завязалъ его въ платокъ, положилъ въ карманъ, и тогда только отправился въ путь. Вдругъ, выходя изъ-за деревьевъ въ концѣ рощи, я самымъ неожиданнымъ образомъ наткнулся на молодого человѣка, очень изящно одѣтаго, который курилъ сигару.

Я шелъ по травѣ, такъ что моихъ шаговъ не было слышно. Онъ стоялъ въ лунномъ свѣтѣ, сигара его свѣтилась какъ красная звѣздочка, и я не подумалъ о томъ, что приближаюсь къ нему невидимой тѣнью.

— Это кто?—крикнулъ онъ ласковымъ голосомъ.—Я пришелъ первый.

Я вышелъ въ полосу свѣта.

— Кому какое дѣло, пришли ли вы первымъ или нѣтъ?—

отвѣтилъ я. Я сразу придалъ его словамъ опредѣленный смыслъ. Я зналъ, что существовалъ постоянный споръ между обитателями дома, гдѣ жила Нетти, и деревенскимъ населеніемъ о правѣ пользоваться этой дорогой, и нѣтъ надобности объяснять, на чьей сторонѣ я былъ въ этомъ спорѣ.

— Что̀ такое?—спросилъ онъ съ удивленіемъ.

— А вы думали, что я убѣгу,—сказалъ я и подошелъ къ нему ближе.

Вся моя ненависть къ высшему классу общества вспыхнула во мнѣ при видѣ его костюма, при звукахъ его голоса. Я сейчасъ же узналъ молодого человѣка. Это былъ Эдуардъ Вераль, сынъ умершаго собственника большихъ земель въ нашихъ мѣстахъ. Онъ былъ красивый юноша, и всѣ говорили, что онъ очень уменъ. Говорили, что его уже прочатъ въ парламентъ, несмотря на его молодость. Онъ блестяще занимался въ университетѣ и пользовался теперь большой популярностью во всемъ околоткѣ. Онъ принималъ какъ должное счастливыя обстоятельства, за каждое изъ которыхъ я готовъ былъ выстрадать сколько угодно, а я считалъ себя выше его въ умственномъ отношеніи. Видъ его поэтому вызывалъ во мнѣ недоброе чувство. Онъ однажды остановился противъ нашего дома, проѣзжая мимо въ автомобилѣ, и я помню, съ какимъ бѣшенствомъ я подмѣтилъ восхищенное выраженіе въ глазахъ матери, выглянувшей изъ-за опущенной занавѣски на него.

— Это молодой м-ръ Вераль,—сказала она.—Говорятъ, онъ очень уменъ.

— Ну и пусть говорятъ,—отвѣтилъ я.—Чортъ съ ними и съ нимъ!

Я вспомнилъ это, увидавъ его. Онъ, видимо, былъ крайне пораженъ встрѣчей съ незнакомымъ прохожимъ. Тонъ его голоса измѣнился.

— Чортъ возьми!—сказалъ онъ.—Кто вы такой?

Я отвѣтилъ тѣмъ, что дерзко повторилъ его вопросъ:

— А вы, чортъ возьми, кто такой?

— Ну, это что̀ значитъ?

— Я пошелъ по этой дорогѣ, потому что хотѣлъ,—сказалъ я.—Поняли? Эта дорога—общая собственность, какъ и земля эта была общей собственностью. Вы похитили землю, вы и всѣ ваши, а теперь хотите отнять право ходить по этой дорогѣ. Вы скоро потребуете, чтобы мы совсѣмъ убрались съ лица земли, чтобы вамъ было просторнѣе. Я вамъ этого удовольствія не доставлю. Понимаете?

Я былъ ниже его ростомъ и, вѣроятно, года на два моложе, но у меня въ карманѣ былъ камень для обороны, и я готовъ былъ вступить съ нимъ въ бой. Но онъ отступилъ на шагъ, когда я подошелъ къ нему.

— Вы соціалистъ, я полагаю,—сказалъ онъ спокойно, слегка шутливымъ тономъ.

— Да, одинъ изъ многихъ.

— Всѣ мы теперь соціалисты,—замѣтилъ онъ съ философскимъ спокойствіемъ,—и у меня нѣтъ ни малѣйшаго намѣренія оспаривать у васъ право идти по этой дорогѣ.

— Хорошо дѣлаете, что не оспариваете,—сказалъ я.

Онъ снова закурилъ сигару и заговорилъ:—Вы спѣшите на поѣздъ?

Было бы нелѣпо не отвѣтить.—Да, на поѣздъ,—сказалъ я.

Онъ сказалъ еще, что въ такой вечеръ пріятно пройтись.

Я постоялъ еще съ минуту; онъ отступилъ въ сторону. Мнѣ оставалось только продолжать свой путь.

— Спокойной ночи,—сказалъ онъ, когда я пошелъ.

Я пробормоталъ сердито:—Спокойной ночи.

Мнѣ хотѣлось въ эту минуту разразиться ругательствами, до того я былъ взбѣшенъ. Въ нашей встрѣчѣ онъ велъ себя съ бо̀льшимъ достоинствомъ, чѣмъ я.

XI.

Я съ полной ясностью помню, что вдругъ былъ пораженъ сразу двумя самыми противоположными мыслями.

Прежде всего, проходя по открытому лугу по дорогѣ на вокзалъ, я увидалъ, что у меня двѣ тѣни.

Это меня поразило и на минуту остановило ходъ моихъ взволнованныхъ мыслей. Я быстро повернулся и посмотрѣлъ на луну и на большую бѣлую планету, которая въ эту минуту выплывала изъ-подъ облаковъ. Комета была въ разстояніи, можетъ быть, двадцати градусовъ отъ луны. Она казалась чѣмъ-то совершенно поразительнымъ, выступая блѣдно-зеленоватымъ видѣніемъ на темно-синемъ небѣ. Она казалась болѣе яркой, чѣмъ луна, потому что была меньше, но ея тѣнь, хотя и болѣе рѣзкая, была блѣднѣе, чѣмъ тѣнь луны. Я съ удивленіемъ глядѣлъ на мои двѣ тѣни, разстилавшіяся предо мной.

Я никакъ не могу дать отчета, какъ это собственно случилось, но вдругъ я совершенно забылъ о кометѣ, и меня потрясла

всего совершенно новая мысль. Можетъ быть, именно видъ двухъ тѣней—одной какъ будто болѣе женственной и блѣдной, чѣмъ другая—возбудилъ во мнѣ послѣдовавшій за этимъ ходъ мыслей. Но фактъ тотъ, что я въ эту минуту понялъ совершенно ясно, что̀ привело молодого человѣка въ рощу.

Онъ пришелъ на свиданіе съ Нетти.

Какъ только эта мысль мелькнула во мнѣ, все остальное раскрылось само собой. Сразу найденъ былъ ключъ ко всѣмъ загадочнымъ происшествіямъ этого дня; я понялъ, что̀ именно встало между мной и Нетти и чѣмъ объяснялась странная перемѣна въ ней.

Теперь я зналъ, почему у нея былъ такой виноватый видъ при моемъ появленіи, почему она очутилась въ рощѣ, почему она поспѣшно увлекла меня за собой въ домъ, за какой „книгой" она убѣжала, почему она требовала, чтобъ я пошелъ по большой дорогѣ, и почему ей стало жаль меня. Все вдругъ раскрылось. Вы должны представить себѣ меня маленькой черной фигуркой, остановившейся посреди дороги, а потомъ дѣлающей отчаянные жесты ужаса; двѣ маленькія тѣни на лугу какъ бы передразнивали меня; я стоялъ на большомъ лугу, освѣщенный луною, и надо мной разстилался спокойный сводъ вечерняго неба.

На минуту я окаменѣлъ и совершенно не могъ собрать мыслей. Я машинально пришелъ на станцію, купилъ билетъ, сѣлъ въ вагонъ, и пришелъ въ себя, уже очутившись одинъ въ грязномъ вагонѣ третьяго класса. Тогда я вскочилъ съ мѣста, какъ бѣшеный звѣрь, и крѣпко ударилъ кулакомъ о деревянную дверцу. Не знаю, какъ это подѣйствовало на мое настроеніе, но помню, что черезъ нѣсколько минутъ я стоялъ у раскрывшейся дверцы вагона, думая о томъ, не выпрыгнуть ли изъ поѣзда. Я рѣшилъ было моментально побѣжать къ ней, обличить ее, убѣждалъ себя, что это нужно сдѣлать,—но почему-то все-таки не рѣшился.

Когда поѣздъ остановился у слѣдующей станціи, я оставилъ всякую мысль о возвращеніи къ Нетти. Я сидѣлъ въ углу вагона, сжавъ другой рукой кисть правой руки, сильно разбитую ударомъ въ дверь. Но я почти не чувствовалъ боли, думая только объ одномъ: какъ излить овладѣвшее мною негодованіе.

XII.

— Эта комета задѣнетъ землю.

Такъ сказалъ одинъ изъ двухъ людей, сѣвшихъ въ мой вагонъ послѣ остановки.

— Да неужели?—сказалъ другой.

— Говорятъ, что комета состоитъ вся изъ газовъ. Надѣюсь, что мы не взлетимъ на воздухъ?

Что мнѣ было за дѣло до всего этого?

Я думалъ только о мести — о мести за нарушеніе моихъ правъ. Я думалъ о Нетти и ея возлюбленномъ, и твердо рѣшилъ, что она ему не достанется, хотя бы мнѣ пришлось убить обоихъ для предотвращенія этого. Мнѣ было все равно, что бы ни случилось потомъ, лишь бы только эта цѣль была достигнута. Поруганное чувство любви породило во мнѣ безразсудное бѣшенство. Я бы согласился тогда тотчасъ же переносить вѣчныя муки за увѣренность въ томъ, что месть удастся. Сотни всякихъ возможностей, сотня бурныхъ замысловъ носились въ моемъ взволнованномъ мозгу. Я могъ успокоиться только на мысли о жестокой мести.

А Нетти? Я любилъ ее попрежнему, но къ моей любви примѣшивались ревность, оскорбленное самолюбіе и горечь неудовлетворенной страсти.

XIII.

Когда я спускался съ холма, — на мой шиллингъ я могъ проѣхать только часть пути, а потомъ пришлось идти пѣшкомъ,— я услышалъ рѣзкій, тонкій голосъ маленькаго человѣка, который проповѣдывалъ, обращаясь къ толпѣ гуляющихъ. Онъ былъ низкаго роста, лысый, съ свѣтло-курчавой бородой, съ свѣтлыми водянистыми глазами, и доказывалъ близость конца міра.

Я слышалъ тогда въ первый разъ, что появленіе кометы связываютъ съ концомъ міра. Проповѣдникъ впутывалъ въ свою проповѣдь намеки на современную международную политику и пророчества изъ пророка Даніила.

Я остановился, чтобы послушать его, или, вѣрнѣе, мнѣ пришлось остановиться, потому что трудно было пробраться сквозь толпу, и его странный видъ, дикое выраженіе лица, палецъ, поднятый кверху, все это остановило мое вниманіе.

— Вотъ къ чему привели ваши грѣхи и пороки!—кричалъ онъ.—Вотъ, вотъ звѣзда суда Господня! Всѣмъ суждено умереть, всѣ умрутъ,—его голосъ перешелъ въ какой-то странный напѣвъ,— а послѣ смерти наступитъ судъ.

Я протолкался наконецъ черезъ толпу и продолжалъ свой путь, но звуки его голоса преслѣдовали меня. Я продолжалъ думать о томъ, что̀ занимало меня до того,—о томъ, гдѣ купить револьверъ, какъ научиться пользоваться имъ, и я, вѣроятно, забылъ бы про старика, еслибы онъ не приснился мнѣ подъ утро въ ужасномъ снѣ, когда я наконецъ заснулъ послѣ долгой безсонницы, съ мучительными мыслями о Нетти и ея возлюбленномъ.

Послѣ этого наступили три странныхъ дня, въ теченіе которыхъ я думалъ только объ одномъ — о томъ, гдѣ купить револьверъ. Я принялъ твердое рѣшеніе — или возстановить свое прежнее обаяніе въ глазахъ Нетти какимъ-нибудь необычайнымъ геройскимъ поступкомъ, или убить ее. Я ни за что не отступался отъ этого рѣшенія, считая, что иначе навсегда опозорю себя.

Но не легко было купить револьверъ.

Я боялся минуты, когда придется говорить съ продавцомъ оружія, и придумывалъ, что̀ ему отвѣтить, если онъ вздумаетъ спросить меня, на что̀ мнѣ понадобился револьверъ. Я рѣшилъ сказать, что отправляюсь въ Техасъ; тамъ, очевидно, нужно имѣть при себѣ оружіе. Такъ какъ я не имѣлъ никакого представленія о калибрахъ, то нуженъ былъ также предлогъ, чтобы спросить съ невозмутимымъ лицомъ, на какомъ разстояніи можно убить человѣка тѣмъ оружіемъ, которое мнѣ предложатъ купить. Я довольно хладнокровно обсуждалъ практическую сторону дѣла. Трудно было найти что-нибудь подходящее. Въ Клейтонѣ можно было достать охотничье ружье, но тѣ револьверы, которые тамъ продавались, были совершенно игрушечные. Наконецъ я увидѣлъ нѣчто подходящее въ окнѣ одной кассы ссудъ; револьверъ былъ довольно большой, и къ нему прицѣплена была надпись, гласившая: „по образцу револьверовъ американской арміи“.

Я взялъ изъ сберегательной кассы всѣ свои сбереженія — болѣе чѣмъ два фунта стерлинговъ, купилъ револьверъ, что̀ оказалось болѣе легкимъ, чѣмъ я предполагалъ. Продавецъ сказалъ мнѣ, гдѣ купить пули, и я вернулся домой вооруженнымъ.

Покупка револьвера была главнымъ моимъ занятіемъ въ эти дни, но все-таки я не былъ безучастенъ къ тому, что̀ происходило на улицахъ, когда я проходилъ по нимъ. Обычное теченіе жизни было нарушено. Люди стояли на улицѣ маленькими и

большими группами. У женщинъ былъ встревоженный видъ. Рабочіе въ желѣзномъ промыслѣ отказались работать по предложенной имъ уменьшенной платѣ, и начинался локаутъ. Усилія предупредить разрывъ между хозяевами и рабочими оказались тщетными; молодой лордъ Редкаръ, самый видный изъ нашихъ собственниковъ угольныхъ копей, и которому принадлежали весь Сватингли и половина Клейтона, дѣйствовалъ такимъ вызывающимъ образомъ, что разрывъ сталъ неизбѣженъ. Онъ былъ красивый молодой человѣкъ, очень смѣлый, и гордость его возмущалась при мысли, что рабочіе будутъ предписывать ему, какъ поступать съ ними; онъ рѣшилъ постоять за себя. Жизнь давала ему всѣ преимущества съ самыхъ раннихъ лѣтъ. Доходы огромнаго состоянія шли на его воспитаніе; у него развивали изысканные дорогіе вкусы и потребности. Въ Оксфордѣ онъ отличался презрительнымъ отношеніемъ къ демократіи. Его враждебность къ толпѣ могла даже показаться красивой для любителей живописныхъ контрастовъ: съ одной стороны, блестящій молодой аристократъ, совершенно одинокій; съ другой—уродливая толпа, неряшливо одѣтая, невоспитанная, голодная, завистливая, съ низменными инстинктами, безнравственная въ своемъ желаніи уклониться отъ работы и овладѣть благами, недоступными для нея... Тѣ, которые любовались этимъ красивымъ контрастомъ, не думали объ одной подробности — о полицейскихъ, защищающихъ лорда, и, быть можетъ, не знали того, что лордъ Редкаръ могъ непосредственно и законно лишить рабочихъ пріюта и хлѣба, а что рабочіе могли коснуться его, лишь нарушая этимъ законъ.

Онъ жилъ въ Лоучестеръ-Гаузѣ, въ пяти миляхъ отъ Чекшиля. Но чтобы показать, до чего онъ не боится своихъ противниковъ, и главнымъ образомъ для того, чтобы непосредственно слѣдить за длившимися еще переговорами, онъ каждый день появлялся въ чертѣ четырехъ городовъ, на своемъ автомобилѣ, который дѣлалъ по шестидесяти верстъ въ часъ.

Темная, молчаливая толпа, которая росла съ каждымъ днемъ и состояла наполовину изъ женщинъ, собиралась на площади около клейтонской ратуши, гдѣ происходило совѣщаніе.

Я смотрѣлъ на автомобиль лорда Редкара съ особой враждебностью, вызванной тѣмъ, что у насъ протекала крыша. Мы снимали нашъ домикъ въ аренду; собственникъ его былъ скупой старикъ Петигрю, который жилъ въ Оверкастлѣ, въ виллѣ, разукрашенной гипсовыми фигурами собакъ и козъ; несмотря на ясно выраженное въ контрактѣ условіе, онъ не соглашался ни

на какой ремонтъ въ домѣ. Онъ пользовался робкимъ характеромъ моей матери. Когда-то давно она не могла заплатить во-время платы, и онъ согласился подождать больше чѣмъ мѣсяцъ. Съ тѣхъ поръ она сдѣлалась его рабой, изъ боязни, что опять придется зависѣть отъ его доброй воли. Она даже не рѣшалась просить его исправить крышу, изъ боязни его разсердить. Но разъ ночью дождь сталъ лить въ ея постель, и она сильно простудилась. Тогда она заставила меня написать чрезвычайно вѣжливое письмо старику Петигрю, прося его, какъ одолженія, чтобы онъ исполнилъ свои обязательства. Въ то время бѣдные люди не довѣряли сами своимъ законнымъ правамъ и не надѣялись на справедливость. Старикъ пришелъ, сталъ говорить матери о своихъ всяческихъ недомоганіяхъ, осмотрѣлъ крышу и сказалъ, что она въ полномъ порядкѣ. Это случилось въ мое отсутствіе, и когда я объ этомъ узналъ, то возгорѣлъ негодованіемъ и написалъ письмо, требуя исправленія крыши, по условію, и прибавляя, что, въ противномъ случаѣ, мы примемъ законныя мѣры. Я не сказалъ матери объ этомъ письмѣ. Когда старикъ Петигрю пришелъ къ ней, сильно возбужденный, съ моимъ письмомъ въ рукахъ, она взволновалась не менѣе его.

— Какъ ты могъ написать ему такое письмо?—спрашивала она.

Я сказалъ ей, что старикъ Петигрю — безсовѣстный негодяй, и, кажется, наговорилъ ей дерзостей, когда она сказала, что уладила дѣло съ нимъ, и просила меня только больше не вмѣшиваться.

Я не обѣщалъ ей, а напротивъ того, сейчасъ же помчался къ старику, съ тѣмъ, чтобы поговорить съ нимъ какъ слѣдуетъ. Но онъ увидалъ меня изъ окна и велѣлъ служанкѣ сказать мнѣ, что онъ не желаетъ меня видѣть. Пришлось дѣйствовать перомъ.

Я въ сущности не зналъ, что слѣдовало предпринять, и у меня явилась блестящая мысль обратиться къ лорду Редкару, какъ къ собственнику земли и какъ бы нашему феодальному владѣльцу — и объяснить ему, что его собственность обезцѣнивается въ рукахъ старика Петигрю. Я, кстати, прибавилъ нѣсколько общихъ замѣчаній о поземельной рентѣ и частной собственности на землю. Лордъ Редкаръ былъ страшный врагъ демократіи и всегда обращался со своими подчиненными крайне презрительно; онъ вызвалъ во мнѣ ненависть на всю жизнь тѣмъ, что въ отвѣтномъ письмѣ, написанномъ секретаремъ, попросилъ меня, чтобы я занимался своими собственными дѣлами и не мѣ-

шался въ его дѣла. Я былъ такъ взбѣшенъ этимъ письмомъ въ нѣсколько строкъ, что разорвалъ его на маленькіе кусочки и разбросалъ по комнатѣ; — потомъ пришлось собирать кусочки, чтобы не причинять лишней работы матери.

Я все еще обдумывалъ, какъ наилучшимъ образомъ бороться противъ всей аристократіи, противъ ея экономическихъ и политическихъ преступленій. Но въ это время исторія съ Нетти заслонила всѣ другія, меньшія треволненія—не на столько, впрочемъ, чтобы я не взбѣсился при видѣ автомобиля, промчавшагося мимо меня, когда я шелъ покупать оружіе...

На улицахъ волненіе все болѣе росло; люди толпились, шушукаясь, лица полисмэновъ становились угрожающими, мѣстныя газеты отражали общее возбужденное состояніе. Но все это я замѣчалъ лишь урывками, только какъ фонъ для моего главнаго душевнаго состоянія. Я занятъ былъ выполненіемъ наиболѣе важной для меня цѣли.

Когда я ходилъ по темнѣющимъ улицамъ, среди угрюмой толпы, то мысль о Нетти, о моей Нетти и ея аристократическомъ возлюбленномъ, жгла мой мозгъ.

Съ англ. З. В.

СТИХОТВОРЕНІЯ

I.

Серенада Донъ-Кихота.

Ароматная ночь опустилась кругомъ
На могучіе зáмки Гренады—
Я стою предъ твоимъ распахнýтымъ окномъ
И слагаю тебѣ серенады.
О любви говоритъ молодой кипарисъ,
И стыдливо внимаетъ лилея;
Прозвучалъ поцѣлуй зеленѣющихъ тиссъ...
Дульцинея моя, Дульцинея!

Всѣ наивнымъ безумцемъ считаютъ меня...
Мѣсяцъ страстно ласкаетъ мимозы...
Ахъ, въ усталой груди, мелодично звеня,
Расцвѣтаютъ уснувшія грёзы:
Я лечу на высокомъ, орлиномъ конѣ
Противъ страшнаго, грознаго змѣя,
И глаза бирюзовые свѣтятся мнѣ...
Дульцинея моя, Дульцинея!

Я тоскую глубоко и ночи, и дни
Съ одинокою думой печальной,
И картоннымъ мечомъ называютъ они
Мой сверкающій мечъ идеальный,
Эти трезвые люди съ холодной душой...
Луннымъ свѣтомъ облита аллея;
Сальпиглоссисъ мечтаетъ—цвѣтокъ голубой...
Дульцинея моя, Дульцинея!

О, покинь этотъ скучный, нерадостный край,
Выглянь смѣло изъ зáмка въ оконце—
Мы съ тобою умчимся въ чарующій рай,
Гдѣ сіяетъ великое солнце,
Гдѣ о счастьи поетъ голубая волна,
Гдѣ моя торжествуетъ идея...
Но на страстный призывъ ты, какъ ледъ, холодна,
Дульцинея моя, Дульцинея!

II.

Въ дорогѣ.

Быстро мелькаютъ вагоны тяжелые,
Дружно колеса стучатъ...
Къ югу летятъ мои думы веселыя,
Къ морю—чертогу наядъ.
Осень дождливая, осень холодная—
Тамъ, далеко позади...
Море лазурное, море свободное,
Горы, цвѣты—впереди.
Вотъ остановка. Шаги торопливые.
Дѣвушка входитъ въ вагонъ—
Черные глазки... кóса горделивая...
И на груди медальонъ...
Тонкая цѣпь ожерелья жемчужнаго...
Яркія розы ланитъ...
Слышу мелодію говора южнаго,
Смѣхъ серебристый харитъ...
Станція. Насъ покидаетъ красавица.
Грустно сижу одинокъ:
Все мнѣ въ плѣнительной спутницѣ нравится...
Дрогнулъ послѣдній звонокъ.
Въ небѣ глубокомъ мечтательно свѣтится
Нѣжнаго юга звѣзда...
Съ милою спутницей снова не встрѣтиться
Намъ никогда, никогда!
Въ душу мнѣ счастье весеннее просится;
Въ сердцѣ немолчно поетъ...
Поѣздъ нашъ сѣрою лентой уносится
Къ свѣтлому югу впередъ.

III.

Передъ окномъ моимъ...

Передъ окномъ моимъ цвѣтущая сирень
Стоитъ, одѣтая въ нарядѣ бѣлоснѣжномъ,
И днемъ томительнымъ мнѣ посылаетъ тѣнь,
А вечеромъ даритъ благоуханьемъ нѣжнымъ.
Какъ риѳмы радуютъ, воздушны и легки,
Какъ грудь моя полна побѣднымъ чувствомъ гордымъ!
Сирень бросаетъ мнѣ игриво лепестки,
И пѣснь моя звучитъ чарующимъ аккордомъ...
...А тамъ, вдали всю ночь, какъ улей пчелъ, гудитъ,
Весной разбуженный, веселый городъ шумный,
И море бьетъ волной безтрепетный гранитъ,
И мчатся тамъ валы на смертный бой безумный.
Задумались и спятъ подъ звѣздною фатой
Тавриды радостной ласкающія горы,
И грезитъ Аюдагъ плѣнительной весной
О ласкахъ розовыхъ мечтательной Авроры.
...Въ синѣющую даль летитъ моя душа,
А ночь глядитъ въ окно безумно хороша...

Анатолій Доброхотовъ.

ПИРОГОВСКІЙ СЪѢЗДЪ
ВЪ
МОСКВѢ

Письмо въ Редакцію.

Состоявшееся въ Москвѣ, 25-го апрѣля, торжественное открытіе X-го съѣзда членовъ Общества русскихъ врачей въ память Н. И. Пирогова представляло собой зрѣлище не совсѣмъ обыкновенное. Уже самая внѣшняя обстановка, въ которой съѣзду пришлось дебютировать на этотъ разъ, обращала на себя вниманіе своей исключительностью. Такъ, съѣхавшіеся со всѣхъ концовъ Россіи представители медицинской науки, оказывается, нигдѣ не могли найти себѣ болѣе „приличнаго" помѣщенія, чѣмъ театръ „Буффъ" кафешантаннаго увеселителя Омона, хотя въ то же самое время въ большой залѣ Дворянскаго Собранія съ полнымъ удобствомъ и комфортомъ подвизались „господа монархисты", безпрепятственно учиняя открытый заговоръ противъ царскаго манифеста...

Но такова иронія судьбы! На тѣхъ самыхъ подмосткахъ, на которыхъ еще недавно исполнялся разухабистый „матчишъ" и пѣлись порнографическіе куплеты, теперь возвышалась декорированная лавровыми деревьями каѳедра и утонувшій въ зелени бюстъ великаго русскаго гражданина и ученаго, давшаго Обществу русскихъ врачей свое безсмертное имя; тамъ, гдѣ еще чудились нескромныя тѣлодвиженія полунагихъ шансонетныхъ дивъ и гдѣ, казалось, еще не смолкъ безстыдный гимнъ человѣческому сладострастью,—за длиннымъ зеленымъ столомъ размѣстились серьезные общественные дѣятели и люди науки.

Партеръ, амфитеатръ, ложи бель-этажа и верхняго яруса — все это было переполнено членами съѣзда и публикой, главный контингентъ которой составляла учащаяся молодежь обоего пола. Настроеніе въ зрительномъ залѣ чувствовалось приподнятое. Всѣ ожидали отъ этого съѣзда чего-то особеннаго, чего-то еще небывалаго, какъ потому, что онъ являлся нѣкоторымъ образомъ юбилейнымъ (десятымъ по счету), такъ и по той еще причинѣ, что это былъ первый съѣздъ русскихъ врачей въ конституціонной Россіи.

Всѣмъ памятна судьба предпослѣдняго, IX-го съѣзда, созваннаго въ Петербургѣ года три или четыре тому назадъ: неожиданно закрытый по распоряженію мѣстной администраціи, онъ не успѣлъ сдѣлать почти никакихъ постановленій. Между тѣмъ, по своему составу это былъ необыкновенно многолюдный съѣздъ, а по настроенію чрезвычайно бурный. Участники его были преисполнены жажды дѣятельности, и плодотворная работа на пользу родины могла бы закипѣть, но... безсильно опускались руки. Мысль, что при старомъ бюрократическомъ режимѣ никакая продуктивная дѣятельность въ области общественной медицины невозможна, тогда же получила общее признаніе, и въ этомъ смыслѣ съѣздомъ была принята резолюція, явившаяся отзвукомъ оппозиціоннаго настроенія всей страны. Увы, съѣзду пришлось прекратить свое существованіе до „лучшихъ дней“.

Казалось, что эти дни наступили, и X-му Пироговскому съѣзду, повидимому, предстояло работать при измѣнившихся условіяхъ новаго политическаго строя. Въ самомъ дѣлѣ, если, какъ справедливо замѣтилъ въ своей рѣчи проф. С. С. Салазкинъ, мы имѣемъ теперь въ Государственной Думѣ трибуну для широкаго свободнаго слова, раздающагося по всей Россіи и всему міру, то нашимъ съѣздамъ, въ томъ числѣ и Пироговскому, уже незачѣмъ играть роль форточки, черезъ которую, бывало, только и могли проникать въ русское общество смѣлыя мысли. Слѣдовательно, почти невозможно было сомнѣваться, что настоящій съѣздъ будетъ имѣть чисто дѣловой характеръ, и плодотворная научная работа его представлялась обезпеченной. Однако нельзя не признать, что, утративъ исключительное значеніе народной трибуны и потерявъ, такимъ образомъ, свою прежнюю остроту, X-ый Пироговскій съѣздъ вышелъ довольно таки блѣднымъ. Ораторы и докладчики, за рѣдкими исключеніями, говорили утомительно-вяло и расплывчато, нерѣдко отдѣлываясь общими мѣстами и избитыми положеніями, и, разумѣется, не могли захватить аудиторіи. Обиліе докладовъ, часто на одну и ту же тему, навѣвало удручающую скуку. Когда всходилъ на каѳедру какой-нибудь рядовой докладчикъ и, любезно оговорившись, что онъ будетъ краткокъ, принимался выпаливать одну фразу за другой, безпрестанно повторяясь и путаясь въ

лабиринтѣ ненужныхъ, лишнихъ словъ, совершенно затемняющихъ трактуемый предметъ, аудиторія разражалась нетерпѣливыми возгласами: „Кончайте же скорѣй!“—„Говорите ваши положенія!“—и смущенный ораторъ, скомкавъ свою рѣчь или, въ худшемъ случаѣ, окончательно запутавшись, начиналъ скороговоркой бормотать свои „положенія“.

Но стоило въ любомъ, даже ничтожномъ по содержанію докладѣ, прозвучать какому-нибудь политическому мотиву, какъ аудиторія тотчасъ же оживлялась. Достаточно было, напримѣръ, оратору лишь слегка коснуться вопроса о врачахъ, пострадавшихъ отъ административныхъ преслѣдованій, какъ его рѣчь немедленно покрывалась дружными рукоплесканіями. Когда предсѣдатель правленія Общества русскихъ врачей, проф. Ф. А. Рейнъ, въ своей вступительной рѣчи предложилъ, между прочимъ, выразить отсутствующимъ „по независящимъ обстоятельствамъ“ товарищамъ глубокое соболѣзнованіе и сердечный привѣтъ, въ залѣ поднялась такая буря рукоплесканій, какой ни разу, можетъ быть, еще не слышалъ ни одинъ театръ...

Кстати сказать, по имѣющимся въ правленіи Пироговскаго Общества статистическимъ даннымъ, за послѣдніе два года болѣе 1.300 врачей подверглось административной карѣ,—цифра весьма внушительная! Нѣтъ уѣзда, гдѣ бы не пострадалъ кто-либо изъ медицинскаго персонала за свои политическія убѣжденія. А есть и такія мѣста, гдѣ нѣтъ ни врачей, ни фельдшеровъ,—всѣ они унесены потокомъ реакціи: одни высланы, другіе арестованы. Такимъ образомъ, событіями послѣднихъ двухъ лѣтъ врачебно-санитарному дѣлу въ Россіи нанесенъ рѣшительный ударъ. И это печальное обстоятельство въ рѣчахъ большинства ораторовъ звучало, какъ лейтъ-мотивъ.

Интересно замѣтить, между прочимъ, какъ въ нѣкоторыхъ, наиболѣе выдающихся докладахъ отразилось современное политическое положеніе нашей родины. Въ этомъ отношеніи особаго вниманія заслуживаетъ докладъ извѣстнаго психіатра В. И. Яковенко по вопросу о здоровыхъ и болѣзненныхъ проявленіяхъ психики современнаго русскаго общества въ періодъ послѣдняго освободительнаго движенія.

Прежде, въ до-революціонную эпоху, по словамъ г. Яковенко, русское общество и личная жизнь вдвинуты были въ тѣсныя рамки бюрократическаго режима, яркими чертами котораго являются полное отсутствіе свободы слова, печати, научнаго преподаванія, всевозможныя ограниченія общественной самодѣятельности, жестокія, безчеловѣчныя преслѣдованія тѣхъ, кто пытался выйти изъ этого мертваго круга. Но въ глубинѣ общества таились силы, которыя при первомъ внѣшнемъ толчкѣ должны были съ неудержимой энергіей вырваться наружу. Такимъ толчкомъ послужила развязка дальневосточной авантюры, пре-

вратившей въ бурное море дотолѣ спокойную русскую жизнь, выдвинувшей такой запасъ силъ, на который съ удивленіемъ смотрѣла вся Европа. Общество сразу было охвачено новымъ кругомъ идей; вопросы политическіе, правовые и соціальные получили доминирующее значеніе. Идеи конституціонализма, избирательнаго права и т. п. проникли даже въ деревню, гдѣ за божницей вмѣсто святцевъ и псалтыри стали храниться брошюры о соціализмѣ, гдѣ разныя модныя слова и выраженія, какъ напримѣръ: „митингъ", „бойкотъ", „политическая партія", „аграрный вопросъ", сдѣлались ходячими. Разговоры о политикѣ слышатся на базарахъ, въ поѣздахъ желѣзныхъ дорогъ,— всюду. И въ то же время замѣчается почти полное отсутствіе идей религіи, преобладаетъ религіозный индифферентизмъ, вытѣснившій религіозное чувство. Старыя идеи самодержавія, деспотической власти вынуждены отчаянно бороться за свое существованіе съ новыми идеями о народномъ представительствѣ, народоправствѣ, демократической республикѣ. Нѣтъ недостатка даже въ идеяхъ анархизма. Этотъ новый ураганъ идей появился изъ глубины народной жизни.

Но чѣмъ же, собственно, объясняется такой исключительный интересъ къ соціально-политическимъ вопросамъ, пробудившійся въ русскомъ обществѣ послѣ войны? По мнѣнію г. Яковенко, явленіе это объясняется чувствомъ самосохраненія, одинаково присущимъ какъ отдѣльному человѣку, такъ и обществу. Несчастная война съ Японіей возбудила въ народной массѣ вопросъ о несостоятельности нашего государственнаго строя и привела къ убѣжденію, что въ политической и соціальной жизни нашей имѣются весьма крупные дефекты, благодаря чему существованіе общества и народа является далеко не обезпеченнымъ, что странѣ угрожаетъ опасность разложенія, которая всѣми мѣрами должна быть предотвращена. Отсюда явились порывы альтруизма, героизма, и идея общественнаго блага была поставлена выше личнаго существованія. Чувство соціальнаго равенства и справедливости столкнулось съ эгоистическимъ чувствомъ сохраненія тѣхъ благъ, которыя предоставляетъ отдѣльнымъ лицамъ и классамъ старый государственный строй. Завязалась жестокая борьба между сторонниками стараго и новаго государственнаго порядка.

Интересенъ дальнѣйшій ходъ мыслей оратора. Онъ утверждаетъ, что въ борьбѣ за измѣненіе существующаго режима на сторонѣ новаторовъ замѣчаются признаки здороваго проявленія психики, а на сторонѣ защитниковъ стараго порядка—болѣзненныя психическія явленія. Болѣзненный организмъ реагируетъ на событія отчаяніемъ, безсмысленнымъ разрушеніемъ, отсутствіемъ руководящихъ принциповъ. Ничего подобнаго не было въ бурномъ порывѣ современнаго освободительнаго движенія, гдѣ энергичная борьба за общее счастье смѣня-

лась великодушіемъ и переходила къ спокойной работѣ съ яснымъ сознаніемъ трудности предстоящаго пути. Если бывали случаи самоуправства, убійства, грабежа, воровства, то они происходили подъ вліяніемъ лицъ неуравновѣшенныхъ, неврастениковъ, дегенератовъ, лицъ съ болѣзненными психическими задатками, которые развиваются съ особенною силою во время общественныхъ потрясеній. Это лица ненормальныя и являются обыкновенно кандидатами въ психіатрическія больницы. Со стороны защитниковъ стараго режима, консерваторовъ, наблюдаются также всѣ признаки болѣзненной психики, выражающіеся въ умственной слабости, жестокости, стремленіи отстоять во что бы то ни стало отжившее старое. Развѣ не болѣзненныя явленія представляютъ распоряженія объ уничтоженіи домовъ, откуда были брошены бомбы, карательныя экспедиціи, заставляющія населеніе стоять на колѣняхъ по цѣлымъ часамъ въ снѣгу послѣ принесенія повинной, разстрѣлы ни въ чемъ неповинныхъ людей и всѣ прочіе ужасы варварства? Необходимо допустить, что среди лицъ, дѣлавшихъ эти жестокія распоряженія, много помѣшанныхъ, страдающихъ прогрессивнымъ параличомъ. Сами министры признавали, что нѣкоторыя распоряженія властей сдѣланы были въ состояніи невмѣняемости. Ораторъ закончилъ свой докладъ пожеланіемъ, чтобы русская жизнь скорѣе вошла въ нормальное русло, и чтобы исполнительная власть была передана въ руки лицъ, умѣющихъ бережно обходиться со всякимъ организмомъ.

Рѣчь В. И. Яковенко имѣла такой выдающійся, шумный успѣхъ, какой не выпалъ на долю ни одного изъ послѣдующихъ ораторовъ, хотя среди нихъ, по отдѣльнымъ секціямъ, все же попадались довольно интересные докладчики. Взять хотя бы Д. И. Орлова, затронувшаго въ своей рѣчи одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ фабричной медицины, стоящей, какъ извѣстно, на очень низкой ступени и требующей коренной реорганизаціи. По мнѣнію оратора, современныя условія жизни и труда рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ весьма вредно отражаются на ихъ здоровьѣ и ведутъ къ вырожденію. Смертность дѣтей фабричныхъ на первомъ мѣсяцѣ жизни значительно больше смертности въ деревнѣ; развитіе между дѣтьми золотушныхъ и рахитическихъ страданій также больше на фабрикахъ, нежели среди крестьянскихъ дѣтей; туберкулезъ лёгкихъ развитъ среди фабричныхъ рабочихъ вдвое и даже втрое болѣе, нежели среди крестьянъ, особенно среди мужчинъ. Смертность взрослаго населенія въ фабричныхъ волостяхъ, какъ среди мужчинъ, такъ и среди женщинъ, значительно выше, нежели въ земледѣльческихъ. Фабрика не только разрушаетъ тѣло, но и деморализуетъ душу. Среди фабрично-заводскихъ рабочихъ чрезвычайно распространено пьянство, спутникомъ котораго

является развратъ, ведущій къ развитію венерическихъ болѣзней. Всѣ три страшныхъ бича—туберкулезъ, сифилисъ, алкоголизмъ—особенно благопріятную почву находятъ въ условіяхъ фабрично-заводской жизни, гдѣ царитъ еще полное невѣжество, съ которымъ прежде всего необходимо бороться въ цѣляхъ оздоровленія рабочаго класса. Въ просвѣтительной дѣятельности среди фабричнаго населенія врачъ долженъ принимать самое близкое участіе, а для этого требуется, во-первыхъ, независимое отъ фабриканта положеніе врача; во-вторыхъ, уничтоженіе административно-полицейской опеки надъ просвѣщеніемъ; въ-третьихъ, гарантированіе конституціонныхъ свободъ со стороны закона. Широкое просвѣщеніе и санитарное законодательство, которое возлагало бы на фабриканта обязанности по доставленію рабочимъ здоровыхъ условій жизни и работы,—вотъ, по мнѣнію оратора, тѣ рычаги, которые способны оздоровить фабрично-заводскую среду и создать условія, благопріятствующія гармоническому развитію физическихъ и духовныхъ силъ народа.

Другой докладчикъ, д-ръ В. В. Экъ, яркими штрихами обрисовалъ тяжелое матеріальное положеніе, въ которомъ находятся фабричные врачи. Жалованье ихъ столь мизерно, что врачи стыдятся о немъ говорить. И за это жалкое вознагражденіе предприниматель покупаетъ не только работу фабричнаго врача, но и его душу. Фабричный врачъ находится въ полной зависимости отъ своихъ „хозяевъ“, которые не позволяютъ ему вмѣшиваться въ санитарное состояніе фабрикъ подъ страхомъ увольненія; за всякое желаніе способствовать, по мѣрѣ силъ, улучшенію условій жизни рабочаго класса онъ рискуетъ потерять мѣсто. Докладчикъ закончилъ свою рѣчь требованіемъ, чтобы фабричный врачъ ни отъ кого не зависѣлъ въ своей дѣятельности, кромѣ общественныхъ учрежденій, реформированныхъ на демократическихъ началахъ.

Интересно, между прочимъ, положеніе фабричной медицины въ шлиссельбургскомъ уѣздѣ, какъ оно выяснилось во время преній по докладу д-ра Эка. Тамъ врачи не столько находятся въ рукахъ фабриканта, сколько въ рукахъ полиціи, которая даже выдаетъ имъ жалованье. Все дѣло завѣдыванія медицины сосредоточено въ рукахъ урядниковъ и становыхъ приставовъ. Больницами служатъ полуразвалившіеся сараи и т. п.

Пироговскій съѣздъ, какъ водится, не обошелся безъ крупнаго скандала, который произошелъ на другой день послѣ открытія, на засѣданіи секціи земской и городской медицины, въ богословской аудиторіи университета. Сначала все шло спокойно; было тихо и смирно. Предсѣдатель секціи, Н. И. Тезяковъ, произнесъ нѣсколько скорбныхъ словъ по поводу того, что въ настоящее время „реакціонными зем-

ствами занесенъ мечъ надъ головой санитарныхъ организацій“: въ Курскѣ уничтожено санитарное бюро, воронежское земство устранило отъ службы всѣхъ санитарныхъ врачей и т. д. Рѣчь была ультра-минорная. Вслѣдъ затѣмъ, на каѳедрѣ появляется извѣстный врачъ Д. Н. Жбановъ и, встрѣченный дружными рукоплесканіями, дѣлаетъ сообщеніе о борьбѣ съ голодомъ по матеріаламъ московскаго комитета общественной помощи голодающимъ. Вся суть его рѣчи сводится къ восхваленію дѣятельности комитета, который еще больше сдѣлалъ бы, еслибъ на его пути не стояла администрація. Приходилось работать, по словамъ оратора, „въ атмосферѣ полицейскаго сыска“: въ столовыхъ систематически производились обыски, аресты и ихъ закрывали одну за другой. Случалось, что исправники своей властью закрывали рядъ столовыхъ и учиняли при посредствѣ отрядовъ стражниковъ форменную облаву на завѣдующихъ. Полиція въ нижегородской губ. провѣряетъ „политическую благонадежность“ даже стряпухъ и беретъ подъ подозрѣніе священника, оказывающаго помощь голодающимъ. Казанскій губернаторъ оффиціально запрещаетъ членамъ мусульманскаго комитета помощи голодающимъ поѣздку въ охваченныя голодомъ деревни и издаетъ приказъ по полиціи, въ случаѣ ихъ „самовольнаго“ выѣзда, принять „соотвѣтствующія мѣры“, и т. д., и т. д.

Административныя стѣсненія въ дѣлѣ организаціи помощи голодающимъ настолько велики, что общественнымъ организаціямъ ничего не остается дѣлать. Ораторъ видитъ только одинъ выходъ изъ этого тяжелаго положенія: надо, чтобы Государственная Дума взяла упорядоченіе продовольственнаго дѣла въ свои руки. При этомъ онъ сообщаетъ, что комитетомъ уже собранъ весь матеріалъ по продовольственному дѣлу, который и будетъ представленъ въ Думу.

Начинаются оживленныя пренія. Кто-то горячо доказываетъ, что въ Думу обращаться безполезно, что она ничего не можетъ сдѣлать, такъ какъ сама находится подъ постоянной угрозой роспуска. Можно только принять резолюцію, выражающую глубокое негодованіе по поводу дѣятельности правительства въ настоящей продовольственной кампаніи. Раздаются бурные аплодисменты и крики: „браво“! Вдругъ на каѳедру всходитъ д-ръ Мицкевичъ и категорически высказывается противъ обращенія въ Думу въ той формѣ, въ какой это предполагалось сдѣлать. „Въ Думѣ, — заявляетъ онъ, — образовалось прочное кадетско-черносотенное большинство...“

Не успѣлъ ораторъ произнести послѣднихъ словъ, какъ въ залѣ поднялся невообразимый шумъ: одни рукоплескали, другіе шикали, третьи стучали ногами и двигали стульями. Напрасно г. Мицкевичъ пытался выговорить еще разъ, крича что есть силы: „Это кадетско-черносотенное большинство...“ Увы. его голоса почти уже невоз-

можно было разслышать. Шумъ и гамъ все усиливались. Многіе повскакали со своихъ мѣстъ и съ угрожающими жестами бросились къ оратору. Энергичный звонокъ предсѣдателя не въ силахъ водворить порядка: стихія человѣческихъ страстей слишкомъ разбушевалась...

— Не хотимъ слушать! Вонъ! Долой!—вопитъ одна половина залы, и, кажется, болѣе многочисленная.

— Просимъ, просимъ! Продолжайте!—старается перекричать соперницу другая половина.

— Браво, браво! Подлецы-кадеты! Такъ ихъ и нужно... Такая же черная сотня! — кричитъ юноша въ студенческой тужуркѣ; какой-то визгливый женскій голосъ его поддерживаетъ, и тужурка,—очевидно, „соціалъ-демократическая",—отъ крика уже начинаетъ хрипѣть.

Кое-какъ предсѣдателю удается водворить нѣкоторое подобіе порядка, и тогда онъ ставитъ на баллотировку вопросъ: желаетъ ли собраніе слушать оратора или нѣтъ? Не желающіе слушать должны поднять руки.

— Поднявшихъ руки очевидное большинство! — громко, отчеканивая каждое слово, заявляетъ предсѣдатель.—Собраніе рѣшило не слушать оратора.

Снова поднимается шумъ.

— Неправильно! Неправильно!—раздаются протестующіе голоса.— Произведите новое голосованіе... Надо было сосчитать число поднятыхъ рукъ!

Опять гудитъ аудиторія, опять бушуютъ страсти... Не зная, что предпринять, предсѣдатель безпомощно разводитъ руками. Но вотъ его осѣнила счастливая мысль:

— Объявляю перерывъ на десять минутъ!

— Браво!—раздается чей-то комическій возгласъ изъ заднихъ рядовъ, и взволнованная аудиторія успокоивается...

Каковы же итоги X-го Пироговскаго съѣзда? Близкое будущее покажетъ, каковы они, насколько они значительны. Пока же выяснилось съ полной очевидностью, что для этихъ съѣздовъ не настало еще время спокойной, научной работы; что они все еще играютъ роль трибуны или „форточки", черезъ которую проникаетъ въ общество живое, протестующее слово. Когда окрѣпнетъ у насъ народное представительство, когда оно станетъ голымъ, непререкаемымъ фактомъ нашей политической жизни, тогда, конечно, „агитаціонное" значеніе Пироговскихъ и всякихъ другихъ съѣздовъ будетъ простымъ анахронизмомъ.

Князь Б. А. Щетининъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 іюня 1907.

Правительственное сообщеніе 7-го мая и резолюція Государственной Думы. — Московскій съѣздъ „объединеннаго русскаго народа".—Рѣчь предсѣдателя совѣта министровъ по аграрному вопросу.—Аграрные проекты трехъ думскихъ партій.—Роль думскаго центра.—Ошибка 15-го мая и ея послѣдствія.—Было ли бы цѣлесообразно порицаніе террористическихъ актовъ, и окончательно ли упущено для того время?

Въ засѣданіи Государственной Думы 7-го мая предсѣдателемъ совѣта министровъ, въ отвѣтъ на запросъ, внесенный тридцатью-тремя депутатами, прочитано было слѣдующее сообщеніе:

„Въ февралѣ текущаго года отдѣленіе по охраненію общественнаго порядка и безопасности въ Петербургѣ получило свѣдѣнія о томъ, что въ столицѣ образовалось преступное сообщество, поставившее ближайшею цѣлью своей дѣятельности совершеніе ряда террористическихъ актовъ.

„Установленное въ цѣляхъ повѣрки полученныхъ свѣдѣній продолжительное и обставленное большими трудностями наблюденіе обнаружило кругъ лицъ, какъ вошедшихъ въ составъ указаннаго сообщества, такъ и имѣвшихъ съ членами его непосредственныя сношенія. Сношенія, какъ выяснилось, происходили между нѣкоторыми изъ членовъ сообщества на конспиративныхъ квартирахъ, постоянно мѣнявшихся, при условіяхъ строгой таинственности, и были обставлены паролями и условными текстами въ тѣхъ случаяхъ, когда сношенія были письменныя.

„Установленный наблюденіемъ кругъ лицъ, прикосновенныхъ къ преступному сообществу, въ числѣ 28 человѣкъ, былъ 31-го марта подвергнутъ задержанію.

„Вслѣдъ за этимъ, отдѣленіе по охраненію общественнаго порядка

и безопасности 4-го апрѣля донесло прокурору с.-петербургской судебной палаты о данныхъ, послужившихъ къ задержанію 28 лицъ. Съ своей стороны прокуроръ судебной палаты, усмотрѣвъ въ этихъ данныхъ указанія на признаки составленія преступнаго сообщества, поставившаго своею цѣлью насильственныя посягательства на измѣненіе въ Россіи образа правленія (ст. 102 угол. улож.), того же 4-го апрѣля предложилъ судебному слѣдователю по особо важнымъ дѣламъ при с.-петербургскомъ окружномъ судѣ приступить къ производству предварительнаго слѣдствія, которое было начато немедленно, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ прокурорскаго надзора с.-петербургской судебной палаты, и производится безъ малѣйшаго промедленія.

„Въ настоящее время предварительнымъ слѣдствіемъ установлено, что изъ числа задержанныхъ лицъ значительное число изобличается въ томъ, что они вступили въ образовавшееся въ составѣ партіи соціалистовъ-революціонеровъ сообщество, поставившее цѣлью своей дѣятельности посягательство на Священную Особу Государя Императора и совершеніе террористическихъ актовъ, направленныхъ противъ великаго князя Николая Николаевича и предсѣдателя совѣта министровъ, при чемъ членами этого сообщества предприняты были попытки къ изысканію способовъ проникнуть во дворецъ, въ коемъ имѣетъ пребываніе Государь Императоръ, но попытки эти успѣха не имѣли".

Государственная Дума отозвалась на это сообщеніе принятіемъ, безъ преній, слѣдующей резолюціи: „Охваченная чувствомъ живѣйшей радости по поводу счастливо избѣгнутой опасности, грозившей Его Императорскому Величеству, и относясь съ глубокимъ негодованіемъ къ обнаруженному преступному замыслу, Государственная Дума переходитъ къ очереднымъ дѣламъ".

„Они хотятъ абсолютнаго монарха, единой господствующей религіи, проникнутаго нетерпимостью духовенства, опирающагося на родословныя дворянства, невѣжественнаго и безправнаго народа, безотвѣтственныхъ министровъ, а вмѣсто свободы печати—субсидируемыхъ газетъ, восхваляющихъ темное дѣло. Ихъ орудія—чрезвычайные суды, произвольное лишеніе свободы, извращенные выборы, расправа, производимая фанатизированной чернью... А между тѣмъ, не старымъ ли режимомъ, возстановленіе котораго составляетъ цѣль ихъ усилій, созданы народные пороки? Ужасами революціи измѣряются недостатки вызвавшихъ ее учрежденій. За нравственное состояніе націи отвѣчаетъ правительство, въ рукахъ котораго долго находилась ея судьба"...

Читая эти слова, можно подумать, что они сказаны сегодня или вчера, подъ вліяніемъ событій, совершающихся на нашихъ глазахъ. На самомъ дѣлѣ имъ скоро исполнится сто лѣтъ: ихъ написала madame де-Сталь, въ эпоху „бѣлаго террора", свирѣпствовавшаго во Франціи послѣ второй реставраціи Бурбоновъ. Участница надеждъ и разочарованій, ознаменовавшихъ конецъ XVIII-го вѣка, она выступила, въ своихъ „Considérations sur la révolution française", въ защиту всего великаго, къ чему стремилась и чего отчасти достигла революція. Враждебная насилію во всѣхъ его видахъ, чуждая крайностей, отрѣшившаяся отъ увлеченій, она одна изъ первыхъ съумѣла безпристрастно отнестись къ недавнему прошлому и вывести изъ него заключенія, бросающія свѣтъ на будущее. Справедливая оцѣнка до-революціонныхъ порядковъ заставила ее ополчиться, со всею силой убѣжденія и таланта, противъ фальшивой идеализаціи стараго режима, а слѣдовательно— и противъ реакціонныхъ поползновеній. Это была ея лебединая пѣснь: она умерла въ 1817-мъ году, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ выхода въ свѣтъ названной выше книги. По ея завѣтамъ — и отчасти ея ближайшими друзьями—была сдѣлана попытка соглашенія между монархіей и свободой. Къ чему привела неудача этой попытки, чѣмъ завершилось новое торжество ультра-роялистовъ, сначала въ лицѣ Виллеля, затѣмъ, послѣ короткаго антракта, въ лицѣ Полиньяка—это слишкомъ хорошо извѣстно. Взглядъ прозорливой писательницы нашелъ подтвержденіе въ историческомъ опытѣ.

Неумѣнье или нежеланіе видѣть очевидное—черта, общая реакціонерамъ всѣхъ странъ и всѣхъ временъ. Наши „viri obscuri" идутъ по стопамъ французскихъ ультра-роялистовъ, превосходя ихъ злобою и тупостью. Они желали бы воскресить все то, что привело Россію на край гибели. Чрезвычайно характерны, съ этой точки зрѣнія, постановленія недавно засѣдавшаго въ Москвѣ четвертаго „всероссійскаго съѣзда объединеннаго русскаго народа". Съѣздъ высказывается за неограниченность царской власти, какъ будто бы эта власть была ограниченною въ то время, когда слагались причины бѣдствій, теперь переживаемыхъ государствомъ. Онъ рекомендуетъ повсемѣстное учрежденіе *безотчетныхъ* генералъ-губернаторовъ, повсемѣстное введеніе военнаго положенія, какъ будто бы отъ недостатка, а не отъ избытка произвола страдалъ и страдаетъ русскій народъ. Онъ настаиваетъ на возстановленіи военно-полевыхъ судовъ, какъ будто бы полугодовымъ опытомъ не доказана ихъ полнѣйшая безплодность. Онъ требуетъ для православной церкви не только господства вообще, но и „соотвѣтствующаго внѣшняго выраженія" на окраинахъ имперіи, какъ будто бы наружный блескъ и матеріальная сила могли служить источникомъ и опорой духовнаго вліянія. Изъ „законосовѣщательнаго" собранія,

которымъ съѣздъ хотѣлъ бы замѣнить Государственную Думу, онъ устраняетъ людей политически неблагонадежныхъ (т.-е. „несогласно мыслящихъ“), какъ будто бы Россія недостаточно еще испытала вредъ вынужденнаго молчанія и кажущагося единодушія. Высшую школу онъ обрекаетъ на возвращеніе въ прежнія условія, какъ будто бы не при нихъ и не благодаря имъ началась эпоха студенческихъ волненій. Окраинная политика, по мнѣнію съѣзда, должна быть „неизмѣнно направлена къ объединенію окраинъ съ центромъ Россіи въ географическомъ (?), политическомъ и *культурномъ* отношеніяхъ“, какъ будто бы все еще не была доказана тщета обрусительныхъ тенденцій.

Реставрированіемъ наиболѣе мрачныхъ сторонъ стараго режима не исчерпывается программа московскаго съѣзда: въ ней есть и нововведенія, оставляющія за собою даже ея излюбленные образцы. Въ самый разгаръ контръ-реформъ у насъ уцѣлѣла земская и городская народная школа: ее предлагается упразднить, сосредоточивъ начальное обученіе въ рукахъ правительства и церкви. Уцѣлѣли, кое-гдѣ, выборные мировые судьи: московскій съѣздъ подаетъ голосъ за совершенное уничтоженіе этого института [1]), такъ какъ въ его средѣ встрѣчается „немало тайныхъ агентовъ революціонныхъ партій“. „Обузданіе“ революціонной (т.-е. оппозиціонной) печати, требуемое съѣздомъ, практиковалось всегда, практикуется, новыми способами, и теперь: съѣздъ прибавляетъ къ нему обязанность правительства „озаботиться созданіемъ органовъ печати, распространяющихъ въ народѣ національныя, патріотическія чувства и понятія“. Евреямъ, исповѣдующимъ іудейскую вѣру, издавна закрытъ доступъ на государственную службу и долго былъ затрудненъ доступъ въ присяжную адвокатуру: съѣздъ настаиваетъ на обращеніи факта въ законъ, съ распространеніемъ его и на *крещеныхъ* евреевъ, и рекомендуетъ не только запрещеніе евреямъ содержать банки, банкирскія конторы и ссудныя кассы, пріобрѣтать и арендовать землю въ селеніяхъ и *городахъ*, но и *всемѣрное ограниченіе* ихъ во *всѣхъ* отрасляхъ промышленности и торговли. Короче и проще было бы предложить евреямъ выселиться изъ Россіи, подъ опасеніемъ голодной смерти... Церковнымъ братствамъ, до сихъ поръ только случайно служившимъ орудіемъ преслѣдованія и притѣсненія, съѣздъ хочетъ дать *религіозно-государственный характеръ*, а всѣхъ вообще „насадителей русскаго дѣла“ на окраинахъ—поставить подъ охрану центральнаго учрежденія, на обязанности котораго лежала бы „защита интересовъ русской государственности и *вѣрныхъ слугъ* ея“.

---

[1]) Логически изъ уничтоженія выборныхъ судей вытекаетъ упраздненіе издавна ненавистнаго нашимъ реакціонерамъ „суда улицы“, т.-е. суда присяжныхъ.

(т.-е. расточеніе послѣднимъ великихъ и богатыхъ милостей). Заботу о созданіи такого учрежденія съѣздъ возлагаетъ на русское собраніе, надѣясь, очевидно, оказать рѣшающее вліяніе на составъ его и устройство.

Стремленіе съѣзда создать для своихъ единомышленниковъ воинствующее и мощное положеніе въ государствѣ выразилось съ особенною ясностью въ цѣломъ рядѣ постановленій, касающихся „союза русскаго народа" и другихъ подобныхъ ему „патріотическихъ" организацій. Охранныя (вооруженныя) ихъ дружины должны быть легализованы. „Губернскимъ управамъ" союза представляется руководство всѣми отдѣлами, находящимися въ предѣлахъ губерніи. Губернскими управами руководитъ „главный совѣтъ союза", сообщающій свои рѣшенія къ *исполненію* не только управамъ, но и непосредственно отдѣламъ. Чайныя, читальни и народные дома попечительствъ о народной трезвости должны быть переданы, *вмѣстѣ съ ассигнуемыми на ихъ содержаніе средствами,* въ завѣдываніе „патріотическихъ" организацій или лицъ „завѣдомо-благонадежныхъ". Итакъ, и оружіе, и денежныя средства, и централизація власти—все должно обезпечить за „союзниками" совершенно исключительную роль, какую иногда пріобрѣтали, путемъ долгихъ усилій и ухищреній, тайныя сообщества въ родѣ сицилійской мафіи, но какой никогда, кажется, не признавала за кѣмъ бы то ни было, кромѣ самой себя, правительственная власть. А какъ воспользовались бы „союзники" своими чрезвычайными привилегіями— объ этомъ можно судить, между прочимъ, по статьѣ одного изъ нихъ, напечатанной въ лейбъ-органѣ „союза" [1]. „Какъ бы мужественно"— читаемъ мы здѣсь — „*диктатура посредственностей* ни защищала конституціонную хартію, правые должны терпѣливо ждать, готовиться къ рѣшающимъ событіямъ осенью и, обернувшись налѣво, сказать: *не перебьете,* а къ правительству: *не переубѣдите.* Власть умѣла слушаться въ 1904 г. самозванной шайки земцевъ и не посадила ихъ въ тюрьму; *пусть слушаетъ теперь правыхъ.* Земцы заставили власть дать конституцію по проекту Струве. Мы заставлять не намѣрены дать диктатуру, мы *пока* просимъ ея, и давно просимъ и совѣтуемъ, и сдѣлаемъ свое дѣло и выполнимъ свой долгъ тогда, *когда наступитъ пора... Совѣсти нѣтъ у правительства,* у общества; будемъ еще ждать, мучительно ждать, есть ли, проснется ли совѣсть народная".

Таковы „страшныя слова", выкликаемыя наиболѣе беззастѣнчивымъ изъ числа „союзныхъ" публицистовъ. Стремленіе, въ нихъ выразившееся, широко распространено среди „патріотическихъ организацій". Ихъ общая цѣль — кого-то напугать, кому-то импонировать

[1]) См. статью: „Опыты" въ № 104 „Московскихъ Вѣдомостей".

представленіемъ о необыкновенно грозной силѣ, идущей справа. Не даромъ же онѣ присвоиваютъ себѣ громкое имя „объединеннаго русскаго народа". Почти вездѣ потерпѣвъ пораженіе на выборахъ, проведя въ Думу, несмотря на властную поддержку, лишь небольшую горсть своихъ единомышленниковъ, своеобразные „патріоты" говорятъ такимъ языкомъ, какъ будто бы за ними стоятъ несмѣтныя народныя массы. Если не всѣ „союзники", то во всякомъ случаѣ ихъ вожди очень хорошо сознаютъ свое реальное безсиліе. Долголѣтній опытъ пріучилъ ихъ всегда и вездѣ разсчитывать на помощь сверху—и на нее, въ сущности, они и теперь возлагаютъ всѣ свои надежды. Широко пользуясь ею, они хотятъ все бòльшаго и бòльшаго—и для того, чтобы достигнуть цѣли, прибѣгаютъ не только къ обѣщаніямъ, но и къ угрозамъ. Невелики, однако, шансы выигрыша ихъ въ этой игрѣ. Не нужно большого усилія, чтобы раскрыть ихъ карты. Страшилища, выдвигаемыя „союзниками", слишкомъ похожи на тѣхъ намалеванныхъ драконовъ, которыми китайцы нѣкогда пытались возбудить ужасъ въ непріятельскихъ войскахъ.

Авторитетъ политической партіи обусловливается, въ значительной степени, авторитетомъ людей, которыхъ она ставитъ у себя на первое мѣсто. Кого же признаетъ своими вождями „объединенный русскій народъ"? Объ этомъ даетъ понятіе составъ учрежденнаго московскимъ съѣздомъ „правленія всероссійскаго національнаго фонда". Членами правленія избраны кн. Щербатовъ, протоіерей Восторговъ и гг. Дубровинъ, Пуришкевичъ, Крушеванъ и Грингмутъ. Кн. Щербатовъ хорошо извѣстенъ по своей дѣятельности въ качествѣ предсѣдателя московскаго общества сельскаго хозяйства; г. Дубровинъ—по своимъ рѣчамъ въ михайловскомъ манежѣ; гг. Крушеванъ и Грингмутъ—по своимъ подвигамъ въ печати; г. Пуришкевичъ—по своему поведенію въ Думѣ. Менѣе знакомо широкой публикѣ имя протоіерея Восторгова, сравнительно недавно выступившаго на политическую сцену; но вотъ что мы узнаемъ изъ статьи г. Н. Дурново, свидѣтельство котораго, какъ бывшаго сотрудника „Московскихъ Вѣдомостей", можетъ считаться, въ данномъ случаѣ, особенно достовѣрнымъ [1]. Если въ крестныхъ ходахъ, устроенныхъ московскимъ съѣздомъ, принимали участіе—кромѣ епископовъ и архимандритовъ—не болѣе пяти или шести священниковъ, то это объясняется, по словамъ г. Дурново, не чѣмъ инымъ, какъ нежеланіемъ московскаго духовенства дѣйствовать вмѣстѣ съ о. Восторговымъ. „Отцу Восторгову"—пишетъ г. Дурново—„въ Москвѣ не мѣсто, и владыка московскій долженъ это знать [2])...

[1]) См. № 102 С.-Петербургскихъ Вѣдомостей".

[2]) Митрополитъ московскій Владиміръ былъ прежде экзархомъ Грузіи, а духовенству этой епархіи принадлежалъ въ то время о. Восторговъ.

Московское духовенство сильно смущено тѣмъ высокомѣріемъ и тою властью, которую проявляетъ надъ нимъ о. Восторговъ; его близость къ киръ-Владиміру заставляетъ духовенство сторониться любимца московскаго архипастыря и устраняться отъ общенія съ монархическими кружками"... Какова бы ни была, впрочемъ, репутація протоіерея Восторгова, для характеристики „союза русскаго народа" достаточна роль, которую играетъ въ немъ г. Грингмутъ. Она исключаетъ возможность утверждать, что „монархисты"—враги бюрократіи: въ эпоху своего всевластія она не имѣла болѣе усерднаго слуги, болѣе горячаго хвалителя, чѣмъ редакторъ „Московскихъ Вѣдомостей"...

Шумятъ „союзники" на московскомъ съѣздѣ, шумятъ и въ Думѣ, прерывая ораторовъ, нарушая порядокъ, вступая въ пререканія съ предсѣдателемъ. „Шумите вы—и только", можно было бы сказать имъ словами Чацкаго, еслибы не было основанія предполагать, что параллельно съ открытыми выступленіями идетъ закулисная работа. Въ думскихъ коммиссіяхъ „правые" блистаютъ своимъ отсутствіемъ; законодательной иниціативой они не пользуются, сколько-нибудь дѣловыя рѣчи, ими произнесенныя, насчитываются единицами. Не потому ли, что они разсчитываютъ на скорое вмѣшательство „превосходящей непреодолимой силы"? Если, въ настоящую минуту, съ ними не вполнѣ солидарно министерство, то въ ихъ рядахъ оказываются нерѣдко мѣстные представители власти, свѣтской и духовной. Что это—недоразумѣніе, случайность или, по англійскому выраженію, „тѣнь грядущихъ событій"? Можно ли спокойно смотрѣть впередъ, пока приведенныя нами слова madame де-Сталь примѣнимы не только къ „добровольцамъ", увивающимся около источниковъ силы, но и къ тѣмъ, кому они предлагаютъ свои услуги? „Чрезвычайные суды, произвольное лишеніе свободы, извращенные выборы, безотвѣтственность министровъ, субсидируемая пресса"—вѣдь это не только предметы реакціонныхъ вожделѣній, но и реальныя, слишкомъ реальныя черты современной дѣйствительности. „Союзъ русскаго народа" дѣлаетъ все отъ него зависящее, чтобы сохранить и обострить эти черты—но не имъ однимъ онѣ держатся, не въ немъ находятъ свою главную опору. Передъ напоромъ новыхъ стремленій и новыхъ силъ прошлое отступаетъ медленно и неохотно—и между его поклонниками естественно возникаетъ желаніе воспользоваться уцѣлѣвшими позиціями, чтобы вновь занять всѣ остальныя.

Въ безконечныя и давно прискучившія Думѣ пренія по земельному вопросу внесено было нѣкоторое оживленіе рѣчью, произнесенною, 10-го мая, предсѣдателемъ совѣта министровъ. Всего важнѣе и

интереснѣе въ ней то, что̀ касается принудительнаго отчужденія частновладѣльческихъ земель. Безсознательно наивная или намѣренно упрощенная аргументація противниковъ коренной аграрной реформы не идетъ, обыкновенно, дальше ссылки на первыя слова ст. 77-ой закон. основн.: *собственность неприкосновенна*; бѣдность доводовъ восполняется обиліемъ рѣзкихъ выраженій („всеобщее разграбленіе", „ограбный порядокъ", „грандіозное преступленіе" и т. п.). П. А. Столыпинъ избралъ другой, болѣе сложный способъ разсужденій—и вызвалъ этимъ неодобрительное замѣчаніе прямолинейныхъ сторонниковъ statu quo. Въ нынѣшней Думѣ, съ ихъ точки зрѣнія, неумѣстны „корректныя деклараціи": „съ нею слѣдуетъ говорить инымъ языкомъ, болѣе рѣшительнымъ, краткимъ и энергичнымъ" [1]). За критикою формы чувствуется здѣсь неудовольствіе содержаніемъ рѣчи—и для него, какъ мы сейчасъ увидимъ, „союзники" имѣютъ нѣкоторый поводъ.

„Обязательное отчужденіе"—сказалъ П. А. Столыпинъ—„можетъ явиться необходимымъ, но въ видѣ исключенія, а не общаго правила. Оно можетъ быть не количественнаго характера, а только качественнаго. Оно должно примѣняться, главнымъ образомъ, тогда, когда крестьянъ можно устроить на мѣстахъ, для улучшенія способовъ пользованія ими землей; оно представляется возможнымъ тогда, когда необходимо, при переходѣ къ лучшему способу хозяйства, устроить водопой, выгонъ, пастбища, дороги, наконецъ — избавиться отъ вредной черезполосицы". Сопоставимъ слова г. Столыпина со второю частью ст. 77-ой зак. основн. (заимствованною изъ ст. 575 т. X ч. I св. зак. гражд.): „принудительное отчужденіе недвижимыхъ имуществъ, когда сіе необходимо для какой-либо государственной или общественной пользы, допускается не иначе, какъ за справедливое и приличное вознагражденіе". Чтобы возвести это постановленіе на степень юридической преграды, устраняющей принудительное отчужденіе изъ числа средствъ разрѣшенія аграрнаго вопроса, нужно толковать его въ наиболѣе рестриктивномъ смыслѣ: нужно утверждать, что земля можетъ подлежать принудительному отчужденію только въ тѣхъ рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ, когда этого настоятельно требуетъ государственный или общественный (т.-е. *общій*) интересъ, и земля, послѣ отчужденія, поступаетъ въ собственность государства или общественнаго учрежденія (напр. желѣзной дороги). Предсѣдатель совѣта министровъ усвоилъ себѣ, очевидно, болѣе широкое пониманіе ст. 77-ой: онъ призналъ, что она допускаетъ принудительное отчужденіе въ пользу *отдѣльныхъ лицъ*. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что этимъ самымъ значительно съужено по-

---

[1]) См. передовую статью въ № 109 „Московскихъ Вѣдомостей".

нятіе о неприкосновенности собственности. Правомѣрность принудительнаго отчужденія не зависитъ отъ его размѣровъ. Если можно, не нарушая права и правды, примѣнить его къ нѣсколькимъ десятинамъ, предназначаемымъ для улучшенія быта одного крестьянскаго двора или одной крестьянской общины, то юридически столь же допустимо распространеніе его на милліоны десятинъ, въ видахъ обезпеченія милліоннаго населенія. Можно спорить о *цѣлесообразности* такой мѣры, о ея практической осуществимости и государственной необходимости—но нельзя отрицать ея легальность, ея юридическую корректность. Мы далеки отъ мысли, чтобы предсѣдатель совѣта министровъ *хотѣлъ* пойти на встрѣчу конституціонно-демократической партіи, хотѣлъ сдѣлать ей серьезную уступку; но онъ безспорно сошелъ съ той позиціи, на которой можно *принципіально* отвергать принудительное отчужденіе. Онъ устранилъ, фактически, безусловную „fin de non recevoir", за которую цѣплялись, полвѣка тому назадъ, противники освобожденія крестьянъ съ землею и цѣпляются до сихъ поръ прямолинейные защитники крупнаго землевладѣнія. Въ 1861-мъ году принудительное отчужденіе помѣщичьей земли было произведено въ размѣрахъ, далеко превосходящихъ обычную expropriation pour cause d'utilité publique, и на основаніяхъ, существенно отъ нея отличныхъ. Въ такихъ же — или еще большихъ — размѣрахъ, на такихъ же основаніяхъ и съ такимъ же правомъ оно можетъ быть повторено и въ настоящее время. Съ юридической почвы вопросъ долженъ быть всецѣло перенесенъ на почву политическую и экономическую.

Становясь на эту почву, предсѣдатель совѣта министровъ возстаетъ съ одинаковой энергіей и противъ аграрнаго проекта, внесеннаго въ Государственную Думу партіей к.-д., и противъ проектовъ, идущихъ отъ болѣе лѣвыхъ партій. Примыкая, въ существенномъ и главномъ, къ первому изъ этихъ проектовъ [1]), мы остановимся преимущественно на возраженіяхъ, противъ него направленныхъ. „Разъ признанъ принципъ отчуждаемости земли"—воскликнулъ П. А. Столыпинъ,—„кто же повѣритъ тому, что, если со временемъ понадобится отчудить земли крестьянъ, онѣ не будутъ отчуждены?.. Если признавать возможность отчужденія земли у того, у кого ея много, чтобы дать тому, у кого ея мало, то въ конечномъ выводѣ это приведетъ къ національзаціи земли. Вѣдь если теперь, въ 1907 г., у владѣльца, скажемъ, трехъ тысячъ десятинъ будетъ отнято двѣ тысячи пятьсотъ и за нимъ оста-

---

[1]) Основныя положенія этого проекта очень близко подходятъ къ тѣмъ, которыя еще раньше были развиты въ программѣ партіи демократическихъ реформъ, наиболѣе симпатичной нашему журналу.

нется пятьсотъ десятинъ культурныхъ, то съ измѣненіемъ понятія о культурности и съ ростомъ населенія онъ несомнѣнно подвергнется риску отнятія остальныхъ пятисотъ десятинъ. Мнѣ кажется, что и крестьянинъ не пойметъ, почему онъ долженъ переселяться куда-то вдаль, въ виду того только, что его сосѣдъ не разоренъ, а имѣетъ, по нашимъ понятіямъ, культурное хозяйство".—Законы пишутся и издаются въ виду ближайшаго, а не отдаленнаго будущаго. Если настоятельная крестьянская нужда можетъ быть удовлетворена принудительнымъ отчужденіемъ значительной доли частновладѣльческихъ земель, то противъ этой мѣры нельзя возражать указаніемъ на вѣроятную или хотя бы неизбѣжную недостаточность ея въ послѣдствіи времени. Съ измѣненіемъ условій измѣняются и потребности, и способы удовлетворенія потребностей. Улучшеніе сельскаго хозяйства, въ связи съ общимъ поднятіемъ культуры, неизбѣжно должно увеличить производительность земли и пріурочить тотъ же или еще бо̀льшій доходъ къ гораздо меньшему земельному участку. Неминуемо, притомъ, должны возникнуть новыя и широко раздвинуться существующія отрасли народнаго труда. Нѣтъ надобности, поэтому, жертвовать реальными интересами живущихъ ради предполагаемыхъ интересовъ еще не родившихся поколѣній... Пользу сохраненія культурныхъ хозяйствъ — если только они дѣйствительно достойны этого имени—безъ труда поймутъ сосѣди-крестьяне, находящіе въ нихъ и работу, и образцы для подражанія.

Предсѣдателю совѣта министровъ кажется, что проектомъ партіи народной свободы „отмѣняется право собственности на землю: она изъемлется изъ области купли и продажи. Никто не будетъ прилагать свой трудъ къ землѣ, зная, что плоды его трудовъ могутъ быть черезъ нѣсколько лѣтъ отчуждены". Въ примѣненіи къ тѣмъ землямъ, которыхъ, въ силу проекта партіи народной свободы, не должно коснуться принудительное отчужденіе, право собственности не отмѣняется и даже не ограничивается [1]. Что касается до земель отчуждаемыхъ, то ихъ предполагается отдать земледѣльческому населенію въ *постоянное пользованіе*. Это юридическое отношеніе исключаетъ, правда, возможность отчужденія земли, но вполнѣ обезпечиваетъ за владѣльцемъ плоды его трудовъ, допуская даже наслѣдственный переходъ земли. Во вслкомъ случаѣ постоянное пользованіе даетъ земледѣльцу несравненно больше, чѣмъ срочная—и въ особенности *краткосрочная*—аренда, столь распространенная въ настоящее время. Допустить сво-

[1]) Предсѣдатель совѣта министровъ упустилъ изъ виду, что *ограниченіе* права собственности не равносильно его *отмѣнѣ*. Право собственности можетъ быть полнымъ или неполнымъ. Владѣлецъ заповѣднаго имѣнія, напримѣръ, не можетъ ни продать, ни заложить его—и тѣмъ не менѣе является его собственникомъ.

бодную продажу земли, полученной путемъ принудительнаго отчужденія, значило бы идти прямо въ разрѣзъ съ его цѣлью и рисковать уничтоженіемъ его результатовъ... Другое недоумѣніе П. А. Столыпина касается проектируемаго „кадетами" распредѣленія расходовъ, сопряженныхъ съ принудительнымъ отчужденіемъ, между населеніемъ, имѣющимъ получить землю, и государствомъ. „Если признать принудительное отчужденіе"—спрашиваетъ министръ,—„то какъ же наряду съ этимъ признать необходимость для всего государства, для всѣхъ классовъ населенія придти на помощь самой нуждающейся его части"? Мы думаемъ, наоборотъ, что одно прямо вытекаетъ изъ другого. Помощь наиболѣе нуждающейся части населенія была бы неполна — а иногда даже фиктивна, — еслибы на самихъ нуждающихся была возложена всецѣло обязанность вознаградить владѣльцевъ отчуждаемыхъ земель. Интересы всего государства требуютъ принудительнаго отчужденія; на все государство должно, слѣдовательно, пасть, въ той или другой мѣрѣ, обусловливаемое принудительнымъ отчужденіемъ бремя.

Доказано ли, однако, что принудительное отчужденіе необходимо въ интересахъ всего государства, всего народа? Въ этомъ заключается, очевидно, центръ тяжести вопроса. Мы думаемъ, что утвердительный отвѣтъ подсказывается всѣмъ прошлымъ Россіи и всѣмъ ея настоящимъ. Нигдѣ нѣтъ такой тяги къ землѣ, какъ у насъ; нигдѣ не пустила такихъ глубокихъ и широко разросшихся корней мысль о правѣ на землю, тѣсно связанномъ съ работой надъ землею. Нигдѣ масса земледѣльческаго населенія не доходила до такого обѣднѣнія, близко граничащаго съ обнищаніемъ. Въ теченіе многихъ десятилѣтій самодѣятельность крестьянъ парализовалась близорукой и неумѣлой опекой, а помощь со стороны государства оказывалась имъ только по временамъ и въ недостаточныхъ размѣрахъ. Отсюда крайнее разстройство крестьянскаго хозяйства, требующее не палліативовъ, а рѣшительныхъ мѣропріятій. Ожидать перемѣны къ лучшему исключительно отъ подъема сельско-хозяйственной культуры пришлось бы слишкомъ долго: нужно *немедленное* облегченіе, а оно можетъ быть достигнуто только расширеніемъ площади землевладѣнія. Отчасти это сознаетъ и самъ предсѣдатель совѣта министровъ. „Придется"—читаемъ мы въ его рѣчи — „*всѣмъ* малоземельнымъ крестьянамъ, живущимъ земледѣліемъ, дать возможность воспользоваться изъ существующаго земельнаго запаса такимъ количествомъ земли, которое имъ необходимо, на льготныхъ условіяхъ". Въ другомъ мѣстѣ своей рѣчи г. Столыпинъ присоединяетъ къ малоземельнымъ крестьянамъ и тѣхъ, которые нуждаются въ землѣ „для улучшенія формы теперешняго землепользованія". Съ еще бо́льшимъ правомъ слѣдовало бы отнести сюда же крестьянъ безземельныхъ, не ра-

зорвавшихъ связи съ земледѣліемъ; но если и остановиться на двухъ категоріяхъ, намѣченныхъ г. Столыпинымъ, то можно ли быть увѣреннымъ въ томъ, что для нихъ хватитъ земли, пріобрѣтаемой въ земельный запасъ по добровольному соглашенію съ землевладѣльцами? Гдѣ основаніе думать, что поступать на рынокъ частновладѣльческая земля будетъ именно тамъ, гдѣ въ ней особенно велика надобность? Гдѣ основаніе думать, что не будетъ чрезмѣрно поднимаема цѣна на землю? „При массѣ земель, предлагаемыхъ въ продажу“—говоритъ г. Столыпинъ,—„цѣны на нихъ не возросли бы“; а если число предложеній пойдетъ на убыль? Если въ одной мѣстности земельный запасъ будетъ достаточно великъ, а въ другой, сосѣдней—несоразмѣрно малъ, что скажутъ крестьяне, остающіеся, за отсутствіемъ предложеній земли со стороны крупныхъ владѣльцевъ, при своихъ скудныхъ надѣлахъ?.. Много лѣтъ тому назадъ, при всеобщей тишинѣ, при слабомъ развитіи народнаго сознанія, средство, рекомендуемое г. Столыпинымъ, оказалось бы, можетъ быть, до извѣстной степени дѣйствительнымъ; но успокоитъ ли оно теперь голодную и взволнованную массу? Отказываясь вступить на средній путь, указываемый партіей народной свободы, не увеличиваетъ ли г. Столыпинъ шансы успѣха крайнихъ лѣвыхъ партій?

Что въ пользу послѣднихъ обращаются всѣ задержки въ движеніи аграрнаго вопроса, всѣ встрѣчаемыя имъ преграды—это видно, между прочимъ, изъ слѣдующаго характернаго факта. 6-го марта, группа трудовиковъ внесла въ Государственную Думу проектъ основныхъ положеній земельнаго закона, подписанный 99-ю депутатами. Два мѣсяца спустя, 3-го мая, въ Думу внесенъ другой проектъ, составленный группой соціалъ-революціонеровъ и подписанный 104-мя депутатами, изъ числа которыхъ *сорока тремя* раньше былъ подписанъ проектъ трудовиковъ. А между тѣмъ разница между обоими проектами весьма значительна. Проектъ трудовиковъ установляетъ, какъ общее правило, уплату вознагражденія за земли, принудительно отчуждаемыя и добровольно уступаемыя въ общенародный земельный фондъ. Проектъ соціалъ-революціонеровъ, предоставляя каждому владѣльцу удержать за собою количество земли, не превышающее принятой для данной мѣстности трудовой нормы, всю остальную землю признаетъ подлежащею отчужденію безъ выкупа, т.-е. безъ всякаго вознагражденія. По мысли трудовиковъ, земельное законодательство *должно стремиться* къ установленію такихъ порядковъ, при которыхъ вся земля принадлежала бы всему народу. Первый пунктъ проекта соціалъ-революціонеровъ гласитъ: „всякая собственность на землю въ предѣлахъ россійскаго государства *отнынѣ и навсегда отмѣняется*“. По проекту трудовиковъ земли, поступившія въ надѣлъ изъ общенароднаго фонда и превы-

шающія потребительную норму, подлежатъ особому земельному налогу; по проекту соціалъ-революціонеровъ за отводъ общественной земли въ частно-трудовое пользованіе не можетъ быть взимаемо никакой платы, ни въ видѣ поземельнаго налога, ни въ видѣ аренды. По проекту трудовиковъ надѣльныя земли остаются за нынѣшними ихъ владѣльцами всецѣло, по проекту соціалъ-революціонеровъ — только въ размѣрѣ, не превышающемъ трудовой нормы. При всемъ своемъ радикализмѣ, трудовики идутъ, слѣдовательно, не такъ далеко, какъ соціалъ-революціонеры; перемѣны, проектируемыя первыми, оказываются и менѣе порывистыми, и менѣе глубокими. Допуская вознагражденіе за отчуждаемыя изъ частнаго владѣнія земли, трудовики отвергаютъ, тѣмъ самымъ, внезапную, крутую ломку экономическихъ отношеній, отвергаютъ рѣзкое нарушеніе пріобрѣтенныхъ правъ, опрокидывающее всѣ понятія о справедливости и грозящее безконечными усложненіями въ будущемъ.

Оба проекта лѣвыхъ партій несвободны отъ яркихъ противорѣчій. Признавая, что земля, послѣ перехода ея къ народу, можетъ быть предоставляема въ пользованіе только тѣмъ, кто будетъ ее обрабатывать своимъ трудомъ, трудовики объявляютъ, что на такое пользованіе должны имѣть равное право всѣ граждане. Правда, въ очереди надѣленія землею преимущество отдается мѣстному населенію передъ пришлымъ, земледѣльческому — передъ неземледѣльческимъ; но *во всякомъ случаѣ* каждый трудящійся имѣетъ право на усадебную осѣдлость въ той мѣстности, въ которой онъ живетъ. Еще категоричнѣе выражаются соціалъ-революціонеры: по ихъ проекту „вся земля объявляется достояніемъ всего населенія россійскаго государства, и на пользованіе этимъ достояніемъ всѣ граждане и гражданки имѣютъ равное право". Очередь надѣленія установляется, однако, и этимъ проектомъ: провозглашенное въ одномъ пунктѣ равенство правъ ограничивается въ другомъ пунктѣ весьма существенно. Къ какимъ недоразумѣніямъ и столкновеніямъ можетъ подать поводъ такая двойственность — это понять нетрудно. Кто *во всякомъ случаѣ* можетъ требовать для себя кусокъ земли, и притомъ—именно въ данной мѣстности, тотъ не легко примирится съ отказомъ, мотивированнымъ ссылкою на ненаступленіе очереди. Какъ ни расходятся между собою мнѣнія о количествѣ земли, могущей войти въ составъ государственнаго земельнаго фонда, несомнѣнно одно: далеко не вездѣ ея хватитъ даже для того, чтобы довести хотя бы до потребительной нормы земельный надѣлъ всего мѣстнаго земледѣльческаго населенія. Какимъ же образомъ можно обѣщать ее всѣмъ и каждому?.. Право на землю, въ томъ видѣ, въ какомъ его декретируютъ проекты крайнихъ лѣвыхъ партій, кто-то сравнилъ съ правомъ всѣхъ петербуржцевъ на мѣсто на дум-

скихъ хорахъ. Опровергнуть это остроумное сравненіе пытался депутатъ, ознакомившій Думу, въ засѣданіи 3-го мая, съ аграрнымъ проектомъ соціалистовъ-революціонеровъ. Онъ спросилъ, какой же выводъ дѣлается изъ вышеприведеннаго сравненія? „Тотъ ли, что мѣста на думскихъ хорахъ должны продаваться и доступъ къ нимъ долженъ быть открытъ тѣмъ, кто больше за нихъ заплатитъ? Теперь землю получаетъ тотъ, кто дастъ за нее бо́льшую цѣну, покупную или арендную — а по мнѣнію соціалистовъ-революціонеровъ доступъ къ землѣ, *какъ бы мало ея ни было*, долженъ быть открытъ всѣмъ, долженъ быть свободный, подобно доступу на думскіе хоры!". Намъ кажется, что ораторъ говорилъ не по вопросу, а подлѣ вопроса. Сравненіе, ему не понравившееся, вовсе не касалось способа пріобрѣтенія — возмезднаго или безвозмезднаго — участка земли или мѣста на думскихъ хорахъ. Остріе сравненія заключалось въ томъ, что дать всѣмъ жаждущимъ земли земельный надѣлъ — столь же невозможно, какъ впустить на думскіе хоры всѣхъ желающихъ послушать думскія пренія. Еслибы двери думскихъ хоръ были всегда открыты для всѣхъ и каждаго, то въ дни особенно важныхъ засѣданій появлялись бы массы публики и мѣста брались бы чуть не съ бою, къ явной невыгодѣ для болѣе слабыхъ или менѣе энергичныхъ. Отсюда необходимость опредѣлить максимальное число лицъ, допускаемыхъ на хоры, и установить правила, регулирующія ихъ допускъ. Столь же необходимо регламентировать раздачу земли, разъ что ея не хватаетъ для всѣхъ желающихъ. Но здѣсь оканчивается аналогія. Попасть на думскіе хоры ни для кого не составляетъ насущной, жизненной потребности: не такъ ужъ трудно вовсе отказаться отъ посѣщенія Думы, еще легче примириться съ большими промежутками между посѣщеніями. Никому не придетъ въ голову говорить: такъ какъ входъ на думскіе хоры для всѣхъ свободенъ, то я хочу и могу пойти туда именно сегодня, хочу и могу ходить туда каждый день. Совсѣмъ не то — однажды провозглашенное право на землю: кому оно дано на бумагѣ, тотъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, потребуетъ немедленнаго осуществленія его на самомъ дѣлѣ, и ужъ конечно не согласится пользоваться имъ по очереди съ другими. Возбуждать, въ этой области, несбыточныя надежды, значило бы идти въ разрѣзъ съ самою простою осторожностью и самымъ элементарнымъ политическимъ смысломъ.

Единственный серьезный противовѣсъ земельнымъ проектамъ крайнихъ лѣвыхъ партій мы видимъ въ проектѣ партіи народной свободы. Конечно, онъ не свободенъ отъ недостатковъ—но они легко могутъ быть исправлены при детальной его разработкѣ. Радикально измѣняя распредѣленіе земельныхъ владѣній, онъ не игнорируетъ ничьихъ правъ, не

разрушаетъ культурныхъ центровъ, не вырываетъ съ корнемъ цѣлый общественный классъ, много сдѣлавшій и много еще могущій сдѣлать на общую пользу, не зоветъ на землю тѣхъ, кто до сихъ поръ оставался ей чуждымъ, не даетъ неисполнимыхъ обѣщаній. Мы видимъ въ немъ путь къ мирному разрѣшенію вопроса, отъ котораго всего больше зависитъ будущность Россіи. Время не терпитъ: каждый день увеличиваетъ опасность, которою грозитъ съ одной стороны упорство правительства, съ другой—нетерпѣніе народной массы.

Въ политической области положеніе дѣлъ обострено не меньше, чѣмъ въ соціальной. И здѣсь сталкиваются между собою крайности: на правомъ флангѣ стоятъ ультра-монархисты, на лѣвомъ — анти-монархисты. Приверженцамъ конституціонной монархіи—конституціонной не только по имени, но и въ дѣйствительности—приходится бороться и съ тѣми, и съ другими. При всей своей трудности, эта борьба ведется не безъ успѣха. Думскому центру, на долю котораго она преимущественно упадаетъ и въ которомъ главное мѣсто принадлежитъ конституціонно-демократической партіи, удалось достигнуть сравнительно многаго. Онъ настоялъ на приступѣ къ обсужденію бюджета, на утвержденіи контингента, на широкомъ развитіи дѣятельности коммиссій, на установленіи предѣловъ для общихъ, слишкомъ часто безпредметныхъ и безцѣльныхъ преній, на ограниченіи времени, посвящаемаго запросамъ. Онъ провелъ наказъ, въ значительной мѣрѣ обезпечивающій производительность и быстроту думской работы. Совершенно несправедливо обвиняютъ „кадетовъ" въ „виляніи" то туда, то сюда, въ угодливости передъ крайней лѣвой. Ихъ ораторы много разъ вступали въ открытую и весьма упорную борьбу съ лѣвыми всѣхъ оттѣнковъ: достаточно припомнить засѣданіе 11-го мая, въ которомъ думскому центру удалось, послѣ большихъ усилій, отстоять законопроектъ о добавочномъ ассигнованіи 17½ милліоновъ рублей на удовлетвореніе продовольственныхъ и сѣменныхъ нуждъ населенія. Депутатъ Родичевъ, въ отвѣтъ на негодующіе возгласы слѣва, воскликнулъ, обращаясь къ своимъ противникамъ: „если мнѣ не удастся васъ убѣдить, я затрону вашу совѣсть... Станьте передъ своею совѣстью, станьте передъ исторіей, которой не боится правительство, но должны бояться вы. Отбросьте тѣ рѣшенія, которыя вы заготовили дома, отбросьте рѣшенія, которыя заготовлены изъ-за самолюбія. Станьте не на партійную точку зрѣнія, а на національную" [1]). Такимъ языкомъ не говоритъ

---

[1]) Намъ кажется, что это послѣднее слово сорвалось у Ѳ. И. Родичева, въ пылу импровизаціи, вмѣсто другого, болѣе отвѣчающаго его мысли. Въ такомъ во-

представитель партіи, желающей ладить съ воинствующими сосѣдями.

Въ пассивъ партіи народной свободы мы должны поставить отношеніе ея къ вопросу о порицаніи террористическихъ актовъ. Мы говорили, мѣсяцъ тому назадъ, о формальныхъ препятствіяхъ, которыя постоянно встрѣчало обсужденіе этого вопроса. Когда, въ засѣданіи 7-го мая, Думѣ предстояло выслушать заявленіе предсѣдателя совѣта министровъ по поводу обнаруженія замысла на жизнь Государя Императора, въ формулу перехода къ очереднымъ дѣламъ, составленную партіей народной свободы, какъ нельзя болѣе умѣстно было бы включить общее осужденіе политическихъ убійствъ. Судя по газетнымъ свѣдѣніямъ, мысль объ этомъ возникла въ средѣ партіи и вызвала сочувствіе многихъ ея членовъ, но не была приведена въ исполненіе вслѣдствіе настойчивыхъ возраженій меньшинства. Пожалѣть объ этомъ слѣдуетъ тѣмъ болѣе, что при томъ составѣ, въ которомъ открылось засѣданіе 7-го мая, формула перехода къ очереднымъ дѣламъ несомнѣнно была бы принята безъ преній и въ такомъ случаѣ, еслибы она обнимала собою всѣ террористическіе акты. Въ засѣданіи 15-го мая на очереди стояло назначеніе дня, когда долженъ быть разсмотрѣнъ внесенный еще въ мартѣ мѣсяцѣ проектъ резолюціи, направленной противъ террора. Одинъ изъ лѣвыхъ депутатовъ предложилъ оставить этотъ проектъ безъ обсужденія. Согласно наказу, двумъ ораторамъ было дано слово за предложеніе, двумъ—противъ него. За разсмотрѣніе проекта подано было 146 голосовъ (правые, соціалъ-демократы, соціалъ-революціонеры, народные соціалисты), противъ—215 (центръ—за немногими исключеніями [1])—и трудовая группа); затѣмъ представители партій были допущены къ объясненію мотивовъ своего голосованія. І. В. Гессенъ, отъ имени конституціоналистовъ-демократовъ, ограничился заявленіемъ, что его партія руководствовалась, главнымъ образомъ „доводами дѣлового свойства". Судя по словамъ органа партіи („Рѣчь", № 113), эти доводы заключались, главнымъ образомъ, въ томъ, что вопросъ потерялъ свою остроту; всѣ фракціи его обсуждали, Дума выразила уже свое отношеніе къ одному изъ проявленій террора; возвращаться къ исчерпанной темѣ—значило бы класть камень на пути къ настоящимъ цѣлямъ Думы. Констатируя миролюбивое настроеніе партій въ слѣ-

---

просѣ, какъ продовольственный, можетъ идти рѣчь не о *національной*, а о *народной* точкѣ зрѣнія.

[1]) Отдѣлились отъ центра, на этотъ разъ, не только представитель партіи демократическихъ реформъ—В. Д. Кузьминъ-Караваевъ, но и конституціоналисты-демократы П. Б. Струве и С. Н. Булгаковъ.

дующемъ засѣданіи Думы (16-го мая), „Рѣчь“ продолжала радоваться благополучному устраненію „камня“, утверждая, что вопросъ, возбудившій такую тревогу, „выцвѣлъ“ и уже не привлекаетъ къ себѣ „обостреннаго интереса“.

Ожиданія газеты не оправдались; въ засѣданіи 17-го мая роковой вопросъ опять выдвинулся на сцену, съ прежнею остротою. На другой день сама „Рѣчь“ вынуждена была признать, что „предпочла бы случайнымъ и жалкимъ обрывкамъ полемики правильное обсужденіе вопроса о террорѣ, при которомъ всѣ стороны могли бы развить всю свою аргументацію“. Случилось вотъ что. Отвѣчая на запросъ объ истязаніи арестантовъ въ тюрьмахъ Прибалтійскаго края, товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ нарисовалъ картину террористическихъ актовъ, имѣвшихъ мѣсто въ Лифляндіи и Курляндіи. Депутатъ города Риги противопоставилъ ей картину насилій, совершенныхъ помѣщиками и карательными отрядами. Во время дальнѣйшихъ преній возбужденіе съ обѣихъ сторонъ расло все больше и больше. „Ваше нежеланіе слышать истину“ — сказалъ одинъ изъ правыхъ — „равносильно вашему нежеланію осудить политическія убійства; вамъ нравится кровь“. Епископъ Платонъ выразилъ опасеніе, что актъ 15-го мая (т.-е. отказъ обсудить заявленіе, порицающее терроръ) будетъ понятъ „какъ общее благословеніе политическимъ убійствамъ“. „Если будетъ продолжаться терроръ“—воскликнулъ депутатъ, всегда усиливающійся разжечь страсти, — „если мы не выразимъ ему порицаніе, то будутъ массовые погромы и никому не будетъ пощады. Дай Богъ, чтобы этого не было, но если будетъ, то кровь падетъ на позорное засѣданіе 15-го мая“. Само собою разумѣется, что въ приподнятомъ тонѣ говорили и ораторы крайней лѣвой. Съ разныхъ сторонъ, однако, сдѣланы были попытки пополнить пробѣлъ, оставленный засѣданіемъ 15-го мая. Не только въ формулу октябристовъ, предложенную депутатомъ Капустинымъ, но и въ формулу польскаго коло, и въ формулу конституціонно-демократической партіи включено было осужденіе террористическихъ актовъ. „Признавая“—гласила послѣдняя изъ этихъ формулъ,—„что объясненія, данныя товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ, окончательно устанавливаютъ незакономѣрныя дѣйствія полицейской власти въ Прибалтійскомъ краѣ, часть коихъ составляетъ предметъ судебнаго разслѣдованія, что совершавшіяся въ этомъ краѣ *многочисленныя убійства и другія возмутительныя преступленія не должны быть терпимы,* но вмѣстѣ съ тѣмъ не могутъ служить поводомъ для должностныхъ лицъ совершать нарушенія закона,—Государственная Дума переходитъ къ очереднымъ дѣламъ“. Оказалось, къ сожалѣнію, что не одно и тоже—сдѣлать осужденіе террора предметомъ особой самостоятельной резолюціи или включить его, какъ

составную часть, въ формулу, главнымъ предметомъ которой является оцѣнка образа дѣйствій тѣхъ или другихъ должностныхъ лицъ. Совершенно понятно, что при голосованіи 17-го мая имѣлась въ виду, больше всего, именно эта оцѣнка. Формулъ перехода къ очереднымъ дѣламъ было предложено восемь. Ни одна изъ нихъ не получила большинства голосовъ. Когда, послѣ перерыва засѣданія, предложено было продолжать пренія и вотировать вновь внесенную формулу, правые, умѣренные и центръ совершенно правильно усмотрѣли въ этомъ нарушеніе парламентскихъ порядковъ и воздержались отъ голосованія. Формула, принятая, затѣмъ, лѣвыми партіями, ограничивалась признаніемъ незакономѣрности дѣйствій властей въ Прибалтійскомъ краѣ.

Возвратимся теперь къ засѣданію 15-го мая и посмотримъ, что̀ помѣшало тогда приступить къ обсужденію вопроса о террористическихъ актахъ. Ораторы, возстававшіе противъ обсужденія, разсуждаютъ такъ: вопросъ въ принципіальномъ смыслѣ еще не выясненъ; предлагается выразить порицаніе лицамъ, которыхъ Дума не знаетъ, можетъ быть лицамъ, которыхъ уже нѣтъ въ живыхъ; такое порицаніе имѣло бы чисто митинговый характеръ. Если правительство, располагающее войскомъ и жандармами, не можетъ справиться съ ненормальнымъ явленіемъ русской жизни, то что̀ же могутъ сдѣлать пятьсотъ народныхъ представителей, находящихся подъ опекой начальника думской охраны? Нелогично обращеніе къ авторитету Думы со стороны тѣхъ, кто ежедневно втаптываетъ его въ грязь. Развѣ они считаютъ думскую каѳедру тѣмъ мѣстомъ, съ котораго достаточно сдѣлать заявленіе, чтобы положить конецъ террористическимъ актамъ? Сама Дума чувствуетъ ли въ себѣ нравственную мощь, способную остановить то или другое террористическое дѣйствіе? Еслибы постановленіе, котораго отъ нея ожидаютъ, и состоялось, то убійства должностныхъ лицъ продолжались бы по прежнему, потому что они вызываются правительственными репрессіями, которыя Дума прекратить не въ силахъ. Предложеніе осудить терроръ слѣдуетъ отклонить уже потому, что оно исходитъ изъ праваго лагеря... Печать, съ своей стороны, старалась доказать, что идти на обсужденіе вопроса, поднятаго съ явною цѣлью дискредитировать народное представительство, значило бы унизить достоинство Думы. „Своимъ отказомъ разговаривать съ обвинителями“—по словамъ „Рѣчи“—„Дума достойно отвѣтила на гнусную попытку заставить ее сдѣлать выборъ между революціей и реакціей. Ни революціи, ни реакціи: таковъ смыслъ гордаго отвѣта Думы“.

Убѣдительность всѣхъ этихъ аргументовъ кажется намъ крайне слабой. Слишкомъ велико значеніе, отводимое ими происхожденію вопроса. Что онъ былъ поднятъ съ цѣлью возстановить правительство

противъ Думы и подготовить ея распущеніе—это безспорно. Говоря, два мѣсяца тому назадъ, о первоначальномъ проектѣ резолюціи, предложенномъ крайней правой, мы назвали его ловушкой, неумѣлой, но коварной; мы нашли совершенно естественнымъ отказъ Думы тогда же сказать вымогаемое отъ нея слово, въ навязываемой редакціи — но вмѣстѣ съ тѣмъ мы выразили надежду, что Дума съумѣетъ, рано или поздно, найти надлежащую формулу отвѣта, столь же мало „митинговую", какъ и другія мотивированныя резолюціи о переходѣ къ очереднымъ дѣламъ. Рѣшенія Думы ожидали не одни только провокаторы, не одни только противники новыхъ порядковъ, новаго государственнаго строя: его ждали широкіе общественные круги, ждала народная масса. Терроръ, такъ долго тяготѣющій надъ Россіей, не принадлежитъ къ числу явленій, мимо которыхъ молча можетъ пройти народное представительство. Оно должно возвысить свой голосъ, возвысить его въ ту минуту и по тому поводу, которые найдетъ удобными. „Принципіальный смыслъ" вопроса о террорѣ установить не трудно: онъ одинаково ясенъ и совѣсти, и уму. Дѣло не въ лицахъ, а именно въ принципѣ. Болѣе чѣмъ странно было бы выражать порицаніе тѣмъ, кто уже навсегда сошелъ со сцены или ожидаетъ судебнаго приговора. Нужно только провозгласить во всеуслышанье, что терроръ, понижая цѣнность человѣческой жизни, заглушая нравственное чувство, пріучая разсчитывать на грубое насиліе, не приводитъ къ цѣли, даже не приближаетъ къ ней, и скорѣе укрѣпляетъ, чѣмъ ослабляетъ то зло, въ борьбѣ съ которымъ онъ видитъ свое оправданіе. Утверждать, что осужденіе террора, произнесенное Думой, оказалось бы безплоднымъ, значитъ относиться къ Думѣ съ такимъ скептицизмомъ, который былъ бы болѣе къ лицу ея противникамъ. Не нужно имѣть реальной власти, чтобы обладать нравственною мощью. Что̀ не по силамъ войску и жандармамъ, то можетъ быть достигнуто Думой, которой довѣряетъ народъ. Пускай ее стараются унизить систематическіе ея враги; старанія ихъ останутся тщетными, разъ что она сама вѣритъ въ свое призваніе. Какъ бы безсмысленна и докучлива ни была охрана, удручающая депутатовъ, свобода слова остается за Думой всецѣло... Еслибы даже резолюція, осуждающая терроръ, и прошла безслѣдно, авторитетъ Думы отъ этого бы не пострадалъ: его укрѣпило бы сознаніе исполненнаго долга.

Сомнѣніе въ цѣлесообразности подробнаго обсужденія вопроса о террорѣ можетъ возникнуть въ виду того, что за обсужденіе голосовали, 15-го мая, съ одной стороны—крайніе правые, съ другой—крайніе лѣвые. Какъ тѣ, такъ и другіе конечно не внесли бы въ дебаты примирительнаго, спокойнаго настроенія. Выходки правыхъ могли бы

оказаться слишкомъ тяжкимъ испытаніемъ терпѣнія лѣвыхъ; рѣзкости лѣвыхъ могли бы подлить немало воды на мельницу правыхъ. Не слѣдуетъ ли заключить отсюда, что, кромѣ извѣстныхъ уже намъ мотивовъ, центръ и трудовики руководились еще другими, прямо невысказанными, но достаточно вѣскими? Къ такому заключенію можно было бы придти развѣ въ такомъ случаѣ, еслибы роковой вопросъ, послѣ засѣданія 15-го мая, остался навсегда забытымъ и снятымъ съ очереди; но вѣдь мы уже знаемъ, что не дальше, какъ два дня спустя, онъ опять выступилъ на сцену, увеличивая, какъ всегда, сумму взаимнаго раздраженія. Нельзя быть увѣреннымъ въ томъ, что болѣе онъ не возникнетъ. Мы думаемъ, поэтому, что лучше было бы покончить съ нимъ разъ навсегда. Что большинствомъ голосовъ ему было бы дано правильное, желанное рѣшеніе—въ этомъ убѣждаетъ насъ, прежде всего, резолюція, принятая Думою 7-го мая. И раньше уже въ Думѣ слышались, не на одной только правой сторонѣ, голоса, враждебные террору [1]. Еще больше ихъ раздавалось въ засѣданіи 17-го мая—и они встрѣчали сочувственный, иногда восторженный откликъ. „Мы всѣ слишкомъ захвачены политикой“,—сказалъ В. Д. Кузьминъ-Караваевъ:—„я призываю васъ отдаться непосредственно своему чувству. Ни среди максималистовъ, ни среди крайнихъ членовъ союза русскаго народа нѣтъ людей, жаждущихъ жестокости ради жестокости. У нихъ мысль затуманена. Надо имъ сказать, что человѣческая жизнь должна цѣниться. Каждый изъ насъ долженъ отозваться велѣнію своего сердца. Пусть каждый скажетъ громко: долой насиліе, долой терроръ! Да здравствуетъ спокойствіе въ нашемъ отечествѣ!“ На эти слова Дума отвѣтила шумными и продолжительными рукоплесканіями. Въ томъ же духѣ говорилъ С. Н. Булгаковъ, членъ партіи народной свободы. „Мы живемъ“—воскликнулъ онъ—„въ ужасѣ, и нервы наши и чувства до того притупились, что мы его уже не замѣчаемъ. Выходъ долженъ быть найденъ не въ погибели той и другой стороны, а въ примиреніи. Мы должны вывести страну изъ того ужаса и кошмара, въ которомъ она находится. Долженъ вырваться единственный крикъ и стонъ—перестаньте, остановитесь!.. Можетъ быть, это только очистка передъ совѣстью, но мы должны это сдѣлать“. Даже графъ Бобринскій заявилъ, что осуждаетъ терроръ какъ слѣва, такъ и справа. Мы думаемъ, поэтому, что упущенное 15-го и 17-го мая можетъ еще быть сдѣлано Думой. Удобный для того моментъ наступитъ, напримѣръ, тогда, когда на очередь будетъ поставленъ вопросъ о смертной казни. Осуждая правительственный терроръ, Дума вправѣ выразить порицаніе террору революціонному. Никому не придетъ въ голову утвер-

[1] См. Внутр. Обозр. въ № 4 „Вѣстника Европы“, стр. 760.

ждать, что она уступаетъ, при этомъ, давленію правыхъ: вѣдь не отъ нихъ же, конечно, будетъ исходить резолюція, порицающая, съ одинаковою силой, *всѣ* виды кровавой расправы... Недостаточно воскликнуть: „ни революціи, ни реакціи“! Необходимо намѣтить дорогу, ведущую между ними; необходимо показать, что заграждающій ее тяжелый камень—не вопросъ о террорѣ, а самый терроръ, въ какой бы цвѣтъ онъ ни былъ окрашенъ: бѣлый, черный или красный.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 іюня 1907.

I.

— П. Кропоткинъ, Идеалы и дѣйствительность въ русской литературѣ. Съ англійскаго. Переводъ В. Батуринскаго, подъ редакціей автора. Единственное изданіе, разрѣшенное для Россіи авторомъ, пересмотрѣнное и дополненное имъ. Изданіе тов. „Знаніе". 1907. Стр. 367.

Въ оглавленіи на первомъ мѣстѣ указано „Предисловіе къ русскому изданію", но этого предисловія не оказалось ни въ одномъ изъ двухъ экземпляровъ книги, которые были у насъ въ рукахъ. Между тѣмъ книга г. Кропоткина безусловно нуждалась въ такомъ предисловіи; иначе, безъ помощи автора, невозможно понять ея цѣль и назначеніе.

Въ 1901 году г. Кропоткинъ прочиталъ въ Бостонѣ восемь лекцій по исторіи русской литературы, затѣмъ онъ обработалъ свой курсъ для печати и выпустилъ его въ 1905 году подъ заглавіемъ: *Russian literature* [1]); теперь эту свою англійскую книгу авторъ, „пересмотрѣвъ и дополнивъ" ее, предлагаетъ вниманію русскихъ читателей. „Пересмотрѣть" въ этомъ случаѣ должно было значить—переработать, потому что русской публикѣ очевидно нельзя разсказывать о ея писателяхъ того же, что̀ можно и нужно сообщать о нихъ англичанамъ. Но на протяженіи всей книги мы замѣтили только четыре строки, гдѣ дѣйствительно обнаружилась забота автора о *русскомъ* читателѣ; это—совершенно лишнее примѣчаніе на стр. 88-й,—объясненіе всѣмъ намъ извѣстнаго слова „джинго". Во всемъ остальномъ книга рѣшительно игнорируетъ нужды, интересъ и—смѣемъ сказать—терпѣніе русскихъ читателей.

---

[1]) См. отзывъ о ней въ „Научномъ Словѣ" 1905, кн. X.

Вполнѣ естественно, что, знакомя иностранцевъ съ русской литературой XIX столѣтія, г. Кропоткинъ треть своей книги удѣлилъ біографіямъ и пересказу содержанія главныхъ произведеній нашихъ писателей; но какой смыслъ имѣло сохранить все это въ русскомъ переводѣ? Вотъ на трехъ страницахъ изложеніе содержанія „Онѣгина". „...Вслѣдствіе различныхъ причинъ ему приходится провести лѣто въ собственномъ имѣніи, гдѣ въ близкомъ сосѣдствѣ живетъ молодой поэтъ, Ленскій, получившій образованіе въ Германіи и полный германскаго романтизма. Они дѣлаются большими друзьями и заводятъ знакомство съ семьей помѣщика, живущей по сосѣдству", — и т. д., въ томъ же тонѣ, съ выдержками (рѣчь Татьяны)! И такимъ же образомъ, точно въ учебникѣ для младшихъ классовъ, излагаются „Мцыри", „Герой нашего времени", „Ссора Ив. Ив. съ Ив. Никиф." (подробно, 1½ стр., съ цитатами!), „Ревизоръ" (съ предварительнымъ поясненіемъ, что „ревизоромъ въ Россіи называютъ обыкновенно какого-нибудь важнаго чиновника, посылаемаго" и т. д.), „Мертвыя души", „Горе отъ ума" и т. д. Для русскаго читателя все это, разумѣется, чрезвычайно скучно, а главное, совсѣмъ не нужно. Очевидно, все осталось „по-англійски"; и по-англійски же остались нерѣдкія указанія на англійскій переводъ того или другого произведенія, подробное поясненіе русскихъ цензурныхъ условій, извѣстныхъ каждому русскому гимназисту, и т. п. Авторъ не позаботился даже исправить въ русскомъ переводѣ свои многочисленныя ошибки и невѣрныя утвержденія, которыя и въ англійской книгѣ предосудительны, а въ русской книгѣ о русской литературѣ представляютъ непростительную небрежность. Пушкинъ уѣхалъ съ Раевскими не изъ Кишинева (стр. 47), онъ былъ убитъ не тридцати-пяти лѣтъ отъ роду (стр. 48), Лермонтовъ не былъ исключенъ изъ Московскаго университета за Маловскую исторію (стр. 58), Гоголь дебютировалъ разсказами изъ малороссійской жизни не въ 1829 году (стр. 74), дѣйствіе „Тараса Бульбы" происходитъ не въ XV вѣкѣ (стр. 78), и т. д., и т. д.; нельзя сказать, что „Пушкинъ началъ свою карьеру пересказомъ въ стихахъ сказокъ своей старой няни, которыя онъ любилъ слушать въ долгіе зимніе вечера" (здѣсь *все* невѣрно); нельзя сказать, по поводу пожалованія камеръ-юнкерства Пушкину: „Бѣдному Пушкину, такимъ образомъ, приходилось вести жизнь мелкаго чиновника при Зимнемъ дворцѣ", и т. д.

Не меньшее удивленіе вызываетъ и планъ книги. Если у насъ вообще смѣшиваютъ исторію художественной литературы и исторію умственныхъ движеній общества, достигая тѣмъ обычно лишь безнадежной путаницы, то г. Кропоткинъ въ этомъ отношеніи превзошелъ всѣхъ своихъ предшественниковъ. Его цѣль, казалось бы, представить анализъ русской художественной литературы; между тѣмъ у него

нѣтъ и намека на эволюцію художественныхъ формъ, и съ другой стороны, онъ вводитъ въ свое изложеніе рѣшительно всю область русскаго печатнаго слова — исторію, публицистику, этнографическія изслѣдованія и т. п. Въ результатѣ не оказывается ни исторіи поэтическаго творчества, ни исторіи общественной мысли, а большой ворохъ перемѣшанныхъ кусковъ той и другой, съ механическими добавленіями „для полноты" на придачу. Этой безсистемности соотвѣтствуетъ, конечно, и распредѣленіе матеріала. Почему Далю удѣлена цѣлая страница, Эртелю $2^1/_2$, Хвощинской 3, — а Баратынскому и Тютчеву *вмѣстѣ* столько же, сколько Козлову или Панаеву (а именно $^1/_2$ стр.), Марлинскому столько же, сколько Шевченкѣ, и обоимъ меньше, чѣмъ Мею? Почему отведено по нѣскольку строкъ даже Гербелю, Минаеву, Нарѣжному и т. п., а Слѣпцовъ только одинъ разъ *упомянутъ*, и притомъ такъ глубоко-невѣрно, что пріятнѣе было бы совсѣмъ не встрѣтить его въ книгѣ? Вотъ эта плачевная фраза: „Попытка воспользоваться народомъ лишь какъ матеріаломъ для смѣхотворныхъ разсказовъ, сдѣланная Николаемъ Успенскимъ и В. А. Слѣпцовымъ, имѣла лишь кратковременный успѣхъ"; и больше о Слѣпцовѣ ни слова.

Самое изложеніе отличается тою же безсистемностью и отнюдь не блещетъ ни глубиною, ни оригинальностью взглядовъ. За немногими исключеніями, авторъ даетъ лишь то, что̀ давно стало у насъ историко-литературнымъ шаблономъ: старыя несложныя (и въ сущности совершенно невѣрныя) оцѣнки, обобщенія въ духѣ А. М. Скабичевскаго, примитивныя эстетическія сужденія. Вы напрасно стали бы искать цѣльныхъ психологическихъ портретовъ или характеристики міровоззрѣній нашихъ корифеевъ. Невозможно неряшливѣе, и потому безсодержательнѣе, характеризовать писателя, чѣмъ это сдѣлано съ Бѣлинскимъ на стр. 317-ой разбираемой книги; то, что̀ сказано о Д. С. Мережковскомъ на стр. 339—340, представляетъ собою поистинѣ Геркулесовы столпы незнанія или непониманія, а оцѣнка глубокой и удивительной поэзіи Тютчева такова, что становится грустно. Какова вообще степень философски-психологической глубины анализа въ книгѣ г. Кропоткина, можно видѣть хотя бы на его отзывѣ о Тургеневскихъ „Довольно" и „Призраки". Въ этихъ потрясающихъ страницахъ, гдѣ человѣкъ стоитъ лицомъ къ лицу предъ грозной тайной бытія, предъ вѣчными загадками собственнаго духа, нашъ авторъ видитъ не что̀ иное, какъ результатъ „отчаянія въ будущности Россіи", вызваннаго крушеніемъ тѣхъ надеждъ, „которыя Тургеневъ и его лучшіе друзья возлагали на представителей реформаціоннаго движенія въ 1859—1863 годахъ"; и онъ прибавляетъ, что отъ „этого тягостнаго чувства", которымъ были порождены „Призраки" и „До-

вольно", Тургеневъ освободился „лишь тогда, когда увидѣлъ нарожденіе въ Россіи новаго движенія—„въ народъ",—начавшагося среди молодежи въ началѣ семидесятыхъ годовъ"! Какъ просто рѣшаются загадки вѣчныхъ судебъ, какъ легко заполняются бездны и провалы человѣческаго духа!

Надо однако замѣтить, что у г. Кропоткина есть вѣрная и значительная идея о характерѣ русской литературы. Главнымъ ея отличіемъ онъ считаетъ своеобразное соединеніе реализма съ идеализмомъ, „реалистическое описаніе характеровъ и событій, подчиненное идеалистическимъ цѣлямъ". Онъ справедливо противопоставляетъ ее западному реализму, который, довольствуясь только бездушнымъ воспроизведеніемъ существующаго, да и то не въ полномъ его объемѣ, а лишь въ его худшей, наиболѣе низменной части, совершенно искажаетъ картину дѣйствительности: истинный реализмъ воспроизводитъ всю жизнь въ цѣломъ, какъ сплетеніе низменнаго съ высокимъ, освѣщая ее сосредоточеннымъ свѣтомъ идеала; и таковъ именно реализмъ русскаго искусства.

Эту вѣрную мысль авторъ (судя по заглавію, которое онъ далъ русскому переводу своей книги) очевидно хотѣлъ положить въ основу всего своего изложенія. Къ сожалѣнію, онъ этого не сдѣлалъ: онъ нѣсколько разъ излагаетъ свой взглядъ теоретически, но почти нигдѣ не проводитъ его въ анализѣ произведеній нашей изящной словесности, а если и проводитъ, то чисто словесно (напримѣръ, въ главѣ о народникахъ). Въ единственномъ же случаѣ, гдѣ онъ попытался вплотную примѣнить свою мысль объ „идеалистическомъ реализмѣ",—въ главѣ о Горькомъ,—получилось своего рода недоразумѣніе. Горькій, по мнѣнію г. Кропоткина, „наконецъ нашелъ то счастливое соединеніе реализма съ идеализмомъ, за которымъ русскіе беллетристы-народники гнались столько лѣтъ"; но развѣ та нарочитая идеализація, которую сдѣлалъ своей привычкой Горькій, имѣетъ что-нибудь общее съ внутреннимъ свѣтомъ идеала, озаряющимъ и просвѣтляющимъ дѣйствительность интуитивно, почти безъ сознанія поэта? Вѣдь это такая же разница, какъ между *тенденціей* какого-нибудь романа Шеллера и *идеей* „Гамлета" или „Донъ-Кихота".

Въ общемъ намъ кажется, что г. Кропоткинъ сдѣлалъ серьезную ошибку, взявшись за несвойственное ему дѣло; онъ далъ книгу въ высокой степени безпорядочную и неряшливую, не вредную, но и не нужную, гдѣ новаго слишкомъ мало, а старое черезчуръ старо. Истинно-русская книга, возможная только у насъ; издай французъ въ Парижѣ такую книгу о французской литературѣ или нѣмецъ въ Германіи о нѣмецкой, печать осыпала бы ее насмѣшками.

Но само собою разумѣется, что глубоко-симпатичная личность

П. Кропоткина не могла не отразиться и въ этой неудачной книгѣ. Дѣйствительно, въ ней есть нѣсколько очаровательныхъ страницъ: это тѣ, гдѣ его перомъ водило его чуткое, нѣжное, сострадающее сердце. Какъ хороши, напримѣръ, слѣдующія строки о Толстовскомъ „Люцернѣ“: „Чувства Нехлюдова вполнѣ справедливы, но, читая повѣсть, страдаешь за бѣднаго музыканта и испытываешь чувство негодованія противъ русскаго дворянина, который пользуется музыкантомъ въ качествѣ розги для наказанія туристовъ, совершенно не замѣчая при этомъ, какъ страдаетъ бѣдный музыкантъ во время этого нагляднаго урока морали“. Трогательна своей теплотой и искренностью самая любовь г. Кропоткина къ нѣкоторымъ писателямъ,—къ Тургеневу, Хвощинской и др., какъ и причины его нелюбви къ другимъ. Онъ не любитъ Салтыкова за то, что его сатира только отпугивала людей отъ пошлости, но не вліяла положительно, не увлекала „въ станъ погибающихъ за великое дѣло любви“, „а тѣмъ болѣе — побѣждающихъ во имя этой любви“. Достоевскаго онъ совершенно не понимаетъ, и однако страницы, посвященныя Достоевскому, на нашъ взглядъ — лучшія въ его книгѣ. Многое претитъ ему въ Достоевскомъ; изложивъ содержаніе „Униженныхъ и оскорбленныхъ“, онъ замѣчаетъ: „Все это вполнѣ возможно; подобныя положенія встрѣчаются въ дѣйствительной жизни, и все это разсказано Достоевскимъ такимъ образомъ, что читатель чувствуетъ глубочайшее состраданіе къ униженнымъ и оскорбленнымъ; но даже въ этомъ романѣ удовольствіе, которое авторъ находитъ въ изображеніи безграничнаго униженія и рабства героевъ романа и наслажденія, которое они испытываютъ отъ причиненныхъ имъ страданій и униженій,—дѣйствуетъ отталкивающимъ образомъ на всякаго, обладающаго здоровымъ, неизвращеннымъ умомъ“. Еще рѣзче его отзывъ о „Братьяхъ Карамазовыхъ“, въ которыхъ онъ не видитъ ничего, кромѣ искусственныхъ эффектовъ моралистическаго или психо-патологическаго свойства, и вообще въ Достоевскомъ онъ цѣнитъ только одно: его великую любовь къ человѣку на самомъ днѣ паденія и реализмъ въ изображеніи нужды и горя; „его будутъ читать,—говоритъ онъ,—не ради художественной законченности, которая отсутствуетъ въ его произведеніяхъ, а ради разлитой въ нихъ доброты, ради реальнаго воспроизведенія жизни бѣдныхъ кварталовъ большихъ городовъ и ради той безконечной симпатіи, которую внушаютъ читателю такія существа, какъ Соня Мармеладова“. Въ этой оцѣнкѣ совсѣмъ нѣтъ Достоевскаго, потому что нѣтъ и намека на главное въ немъ — на его страстныя религіозныя исканія, — но зато въ ней вполнѣ отразился П. Кропоткинъ съ его любящей душою, и тѣмъ-то она хороша.

II.

— Записки И. И. Пущина о Пушкинѣ.—С.-Петербургъ. 1907. Стр. 96.

„Записки“ Пущина, написанныя имъ частью еще въ Сибири, частью по возвращеніи оттуда, въ концѣ 50-хъ годовъ, давно извѣстны: еще въ 1859 году Е. И. Якушкинъ, для котораго онѣ и писаны, напечаталъ значительную часть ихъ въ „Атенеѣ“, затѣмъ Герценъ въ „Полярной Звѣздѣ“ сообщилъ дополненія, и наконецъ въ 1899 г. Л. Н. Майковъ въ своей книгѣ о Пушкинѣ далъ, казалось, полный текстъ „Записокъ“. Оказывается, однако, что и онъ принужденъ былъ опустить послѣднія страницы, и вотъ, только теперь передъ нами первое полное изданіе „Записокъ“ съ подлинной рукописи.

Какъ извѣстно, Пущинъ былъ товарищемъ и ближайшимъ другомъ Пушкина въ лицеѣ; въ „Запискахъ“ Пущина и заключено самое цѣнное, что мы знаемъ о лицейской жизни Пушкина. Драгоцѣнно въ нихъ даже не столько обиліе фактическихъ данныхъ, хотя и въ этомъ отношеніи онѣ далеко превосходятъ всѣ остальные наши матеріалы: всего важнѣе ихъ тонъ и манера изложенія. Если въ мемуарахъ надо дорожить больше всего вѣрностью изображенія прошлаго, то „Записки“ Пущина—классическій образецъ воспоминаній. Какъ прибрежныя деревья и тающія облака отражаются въ тихой водѣ передъ закатомъ въ лѣтній день, такъ вѣрно и невозмутимо воспроизводитъ ясная душа Пущина далекіе лицейскіе годы. Горькій жизненный опытъ, тридцатилѣтняя сибирская ссылка не исказили его души; только еще глубже и яснѣе стали умъ и чувство, мягче стойкость убѣжденій, возвышеннѣй строгая и вмѣстѣ младенческая честность всего существа; такую удивительную простоту, такое совершенное отсутствіе тщеславія, фразы, рисовки даже среди его сверстниковъ рѣдко можно встрѣтить, — а то поколѣніе было богато кристальными характерами. И оттого все, о чемъ онъ разсказываетъ, встаетъ передъ нами такъ просто и осязательно и освѣщено такимъ ровнымъ яснымъ свѣтомъ, что незамѣтно вы переноситесь въ ту обстановку и видите жизнь, какою она была. Это—не художественное возсозданіе правды, но это не хуже его; даже можно сказать, что это и есть кратчайшій путь къ правдѣ.

И между тѣмъ — какой теплый колоритъ лежитъ на этихъ „Запискахъ“! Пущинъ свято хранитъ память о чудесныхъ лицейскихъ годахъ и о дружбѣ Пушкина. Онъ знаетъ величіе Пушкина, и однако въ немъ нѣтъ и тѣни идолопоклонства или тщеславія по поводу

блеска, который эта дружба бросаетъ на него самого. Онъ просто любитъ Пушкина за него самого и за совмѣстную юность, любитъ нѣжно и любуется его геніемъ, какъ старшій братъ. Такой любовью безъ зависти и корысти дышатъ еще письма Нащокина къ Пушкину. Описывая свой знаменитый пріѣздъ къ Пушкину въ Михайловское въ 1825 году и разсказавъ, какъ Пушкинъ выскочилъ къ нему нагишомъ на морозѣ и какъ они горячо обнялись, онъ говоритъ: „Наконецъ пробила слеза,—она и теперь“,—прибавляетъ онъ,—„черезъ тридцать-три года, мѣшаетъ писать въ очкахъ“. Но онъ знаетъ разницу между нимъ и собой и заднимъ числомъ преклоняется передъ неисповѣдимыми судьбами избраннаго. Когда Пушкинъ, послѣ курса лицея, увивался вокругъ аристократовъ—Орлова, Чернышева и др., которые съ покровительственной улыбкой выслушивали его остроты, честный Пущинъ страдалъ за него и старался образумить; но теперь онъ съ трогательнымъ смиреніемъ пишетъ объ этомъ: „Видно, впрочемъ, что не могло и не должно было быть иначе; видно, нужна была и эта разработка, коловшая намъ слѣпымъ глаза“.

„Записки“ Пущина цѣнны вдвойнѣ—ради Пушкина и Пущина, и потому мы радушно привѣтствуемъ это первое полное и первое отдѣльное изданіе ихъ, которое отнынѣ легко доступно всѣмъ. Къ „Запискамъ“ приложены двѣ замѣтки Е. И. Якушкина о Пущинѣ и неизданный прекрасный портретъ Пущина на акварели, рисованной Н. А. Бестужевымъ.

III.

— Проф. Евгеній Бобровъ. Дѣла и люди. Сборникъ статей. Юрьевъ, 1907. Стр. 209.

Въ книгѣ проф. Боброва два десятка статей, между которыми нѣтъ ничего общаго, кромѣ общей имъ всѣмъ, за немногими исключеніями, ненужности, случайности и скуки. Преобладаютъ по числу „переложенія“, гдѣ случайныя статьи, неизвѣстно зачѣмъ, излагаются по-ученически. Излагается статья одного краковскаго профессора „о значеніи восточной философіи“; тутъ же далѣе г. Бобровъ излагаетъ содержаніе „Путешествія“ Москотильникова изъ Казани въ Москву, напечатаннаго въ подлинникѣ имъ самимъ въ одномъ изъ предыдущихъ его сборниковъ (у г. Боброва множество сборниковъ, совершенно сходныхъ съ разбираемымъ); затѣмъ излагаются „Матеріалы“ г. Отто о гр. Аракчеевѣ; еще дальше излагаются безъ всякой внутренней связи всевозможныя чужія статьи о Л. Н. Толстомъ—Брандеса, Козлова, Гижицкаго и т. п. и сообщаются мысли самого г. Боброва объ этикѣ Толстого. Затѣмъ нѣсколько „статей“ представляютъ собою

отзывы о студенческихъ работахъ на соисканіе медалей, представленные г. Бобровымъ въ факультетъ,—о философіи Парменида, о философскихъ взглядахъ Бѣлинскаго, и пр.; еще дальше—совершенно безсодержательныя воспоминанія г. Боброва о Л. Е. Баратынскомъ, сынѣ поэта, гдѣ меньше всего говорится о поэтѣ, мелочи о Полежаевѣ (подъ заглавіемъ: „Полежаевіяна“), и т. д.

Среди того хлама, которымъ г. Бобровъ обычно наполняетъ свои многочисленные сборники, въ прежніе годы попадались иногда и полезныя вещи,—напримѣръ, сводка всѣхъ печатныхъ свѣдѣній объ извѣстномъ іезуитѣ Печеринѣ, матеріалы о Полежаевѣ, и проч. На этотъ разъ любопытнаго мало, но кое-что все-таки слѣдуетъ отмѣтить. Любопытенъ совершенно забытый эпизодъ изъ жизни Л. Н. Толстого, воспроизводимый г. Бобровымъ на основаніи современныхъ газетныхъ сообщеній. Въ іюлѣ 1866 года ротный писарь 65-го московскаго пѣхотнаго полка, расположеннаго по деревнямъ въ тульской губерніи, рядовой Шабунинъ въ пьяномъ видѣ пришелъ въ ротную канцелярію; вскорѣ затѣмъ сюда явился ротный командиръ, котораго онъ давно ненавидѣлъ за жестокость. Убѣдившись, что Шабунинъ пьянъ, ротный велѣлъ посадить его въ карцеръ и приготовить для него розогъ. Когда ротный вышелъ, Шабунинъ пошелъ за нимъ и сказалъ: „За что же меня въ карцеръ, поляцкая морда? вотъ я тебѣ дамъ!“ и сильно ударилъ ротнаго въ лицо, такъ что потекла кровь. На слѣдствіи Шабунинъ сначала показалъ, что былъ пьянъ и ничего не помнитъ, но потомъ онъ далъ второе, письменное показаніе, писанное его собственной рукою, гдѣ изложилъ все, какъ было: „онъ писалъ, что оскорбилъ офицера съ полнымъ сознаніемъ того, что онъ дѣлаетъ, и объяснилъ свой поступокъ жестокимъ обращеніемъ съ нимъ поляка—ротнаго командира. Ожидающую его участь онъ, разумѣется, зналъ, и хотѣлъ только облегчить свою совѣсть. Шабунинъ добавилъ, что распоряженія насчетъ розогъ онъ не слышалъ“.—Черезъ десять дней надъ Шабунинымъ въ Тулѣ былъ нарядженъ военно-полевой судъ; разбирательство было гласное, и защиту Шабунина принялъ на себя Л. Н. Толстой. Въ виду полнаго признанія подсудимаго защитникъ могъ просить только о смягченіи наказанія. Л. Н. Толстой въ своей защитительной рѣчи не отрицалъ тяжести вины Шабунина, но онъ пытался доказать, во-первыхъ, что Шабунинъ — душевно-больной, „лишенный одной изъ главныхъ способностей человѣка, способности соображать послѣдствія своихъ поступковъ“; во-вторыхъ, онъ указывалъ на общій духъ нашего уголовнаго законодательства, всегда склоняющій вѣсы правосудія на сторону милосердія. Успѣха Толстой, конечно, не достигъ: судъ приговорилъ Шабунина къ разстрѣлянію, и въ началѣ августа приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе.

Самое цѣнное, что̀ есть въ книгѣ г. Боброва, это—воспроизведенный по матеріаламъ университетскаго архива эпизодъ изъ жизни казанскихъ студентовъ 1815 года: дѣло „о шалости“ студента Бабановскаго, по бытовой живописности, можетъ выдержать сравненіе съ извѣстными описаніями жизни и подвиговъ средневѣковòго бродячаго студенчества, а сами дѣйствующія лица такъ и просятся на полотно по своей удивительной русской типичности. „Дѣло“ состояло въ томъ, что студентъ Бабановскій, подлинный Митрофанушка, высѣкъ крапивою по голому тѣлу 11-ти-лѣтнюю дочь сторожа при университетской обсерваторіи будто бы за то, что она крала въ университетскомъ саду крыжовникъ. На ея крикъ выбѣжалъ ея отецъ, и между нимъ и студентомъ завязался такой діалогъ. Сторожъ заявилъ, что пойдетъ жаловаться ректору; на это студентъ отвѣтилъ:

— Смѣешь ты со мною, съ благороднымъ, говорить!

— Всегда смѣю съ вами говорить объ дочери моей.

— Ты за это сквозь строй пройдешь!

— За свою дочь сквозь строй пройду. Но, пожалуйста, пойдемте къ Ивану Осиповичу (ректору)!

— Я самъ не хуже Ивана Осиповича! Я самъ благородный, а отецъ у меня полковникъ.

Это одна типичная фигура, а вотъ и другая: профессоръ-иностранецъ, директоръ обсерваторіи Литтровъ. Ему первому обиженный сторожъ принесъ жалобу, какъ своему непосредственному начальству. Литтровъ горячо принялъ къ сердцу его обиду и вступилъ въ переписку съ ректоромъ (натурально, по-нѣмецки); самъ же онъ, чрезъ того же сторожа, собралъ и справки о Бабановскомъ. Оказалось, что ему 15 лѣтъ, онъ изъ Тобольска, ходитъ въ зеленомъ камзолѣ, пропадаетъ цѣлыми днями и очень любитъ водку; болѣе подробныхъ свѣдѣній сторожу получить не удалось, такъ какъ питомцы музъ (die Musensöhne) выпроводили его изъ казеннаго общежитія палками.— Пока шло слѣдствіе, Бабановскій съ товарищами не дремали. Прежде всего они надѣлали дерзостей Литтрову, а затѣмъ, изловивъ несчастнаго сторожа, принялись нещадно бить его кулаками; напрасно онъ умолялъ отпустить его, ссылаясь на свои служебныя обязанности („теперь не время — звѣзды взошли“, — дѣло было къ вечеру); наконецъ, онъ принялся кричать „нездоровымъ матомъ“. Услыхавъ его крикъ, Литтровъ выглянулъ въ окно обсерваторіи и „по-своему“ сказалъ: „подите сюды“. При его появленіи часть студентовъ разбѣжалась, а нѣсколько человѣкъ съ самимъ Бабановскимъ погнались вслѣдъ за сторожемъ, ворвались въ обсерваторію и, встрѣченные Литтровымъ, вступили съ нимъ въ крупную перебранку на иностранномъ нарѣчіи; сторожъ показывалъ потомъ, что-де „господа студенты съ профессо-

ромъ чуть *бойко* не поступили". По дѣлу наряжено было форменное слѣдствіе, въ торжественной обстановкѣ, съ занесеніемъ показаній въ протоколъ и съ подписями допрашиваемыхъ подъ протоколомъ. Бабановскій съ товарищами изображали угнетенную невинность, всячески выпутывались и беззастѣнчиво лгали. Въ концѣ концовъ судъ (ректоръ, инспекторъ и пять профессоровъ) постарался смягчить вину озорниковъ: онъ нашелъ, что „дѣло, повидимому, не такъ позорно, какъ показалось сначала", и приговорилъ Бабановскаго къ заключенію въ карцеръ на три дня, а двухъ другихъ студентовъ отпустилъ „съ увѣщаніемъ и выговоромъ". Свои три дня Бабановскій просидѣлъ на хлѣбѣ и водѣ за принудительнымъ переводомъ съ латинскаго на русскій языкъ.

IV.

— Ник. Поярковъ. Поэты нашихъ дней (Критическіе этюды). Москва, 1907. Стр. 151.

Молодостью, одушевленіемъ и свободой вѣетъ отъ этой милой легкомысленной книги. Отъ нея не надо требовать бо̀льшаго, чѣмъ она даетъ: авторъ заранѣе предупреждаетъ, что она—только бѣглый конспектъ; но какова она есть, она имѣетъ полное право на существованіе. Не все же философствовать „напрягши умъ, наморщивши чело"; живая легкая бесѣда не менѣе законна, а въ данномъ случаѣ, гдѣ рѣчь идетъ о стихахъ и поэтахъ, талантливый эскизъ уже конечно надо предпочесть обстоятельному изслѣдованію, хотя бы потому, что послѣднія рѣдко бываютъ талантливы.

Въ 16-ти коротенькихъ главахъ г. Поярковъ обозрѣваетъ весь путь новой русской поэзіи, начиная съ первыхъ декадентскихъ сборниковъ („Русскіе символисты", 1894—95 гг.) и кончая послѣдними книгами стиховъ, вышедшими почти на-дняхъ. Нѣкоторые изъ этихъ очерковъ дѣйствительно носятъ конспективный характеръ, но большею частью они представляютъ какъ бы портреты-эскизы, быстрыя, непринужденныя, импрессіонистскія характеристики отдѣльныхъ поэтовъ. Не ищите у г. Пояркова ни широкихъ обобщающихъ идей, ни глубокихъ прозрѣній въ творчество того или другого художника; его сужденія не идутъ дальше формальной и чувственной эстетики. Но зато въ этой области онъ обнаруживаетъ незаурядную чуткость; у него вѣрный взглядъ, прямая и тонкая воспріимчивость и бездна вкуса; онъ такъ молодъ и искренно-одушевленъ, такъ любитъ красоту и красивые стихи, что его увлеченіе, переданное притомъ живою и гибкой рѣчью, часто образной, но всегда простою, увлекаетъ читателя, заражаетъ свѣтлымъ лирическимъ чувствомъ. Немножко досадно,

когда онъ съ разбѣга парой строкъ задѣнетъ вопросы объ исканіяхъ Бога, о мистическихъ безднахъ: это ему не къ лицу и не нужно; ему сродна не трагическая лирика, а лирика-игра, не лирика жизни, а лирика образовъ и словъ.

Книжка г. Пояркова—своего рода итогъ. Нѣтъ сомнѣнія, наше такъ называемое „декадентское" движеніе завершило свой циклъ, расцвѣло и оформилось. Давно ли Д. С. Мережковскій писалъ:

Дерзновенны наши рѣчи,
Но на смерть осуждены
Слишкомъ ранніе предтечи
Слишкомъ медленной весны, —

а теперь онъ же разсказываетъ о кружкѣ *матросовъ*, жадно слушающихъ эти дерзновенныя рѣчи! Скорѣе, чѣмъ можно было ожидать, новая русская поэзія завоевала себѣ мѣсто и въ печати, и въ обществѣ. И вотъ уже на смѣну ей поднимаются новые всходы, за Бальмонтомъ, Брюсовымъ, Сологубомъ выступаетъ новое поколѣніе, съ другими дерзновеніями и другими пѣснями. Пора оглянуться и уяснить себѣ, что̀ достигнуто.

Недавно Андрей Бѣлый, принадлежащій къ обѣимъ группамъ и потому видящій далеко, какъ человѣкъ, который стоитъ на хребтѣ двухъ склоновъ, Андрей Бѣлый высказалъ недавно такую мысль. Каждая эпоха имѣетъ свою особенную физіономію: наука, искусство, бытъ, общественныя отношенія — все носитъ особый отпечатокъ, особую коллективную окраску. На границѣ такихъ двухъ эпохъ, когда одна уже проходитъ, а вторая еще не успѣла выработать своихъ опредѣленныхъ признаковъ, часто развивается индивидуализмъ въ собственномъ смыслѣ: „Такъ возникаетъ бунтъ личности. Индивидуализмъ — только способъ оттолкнуться отъ стараго. Слѣдующая эпоха есть эпоха, когда въ глубинѣ индивидуальности открывается сверхъ-индивидуальное начало". Такой переходной ступенью, по мнѣнію А. Бѣлаго, и была наша поэзія послѣднихъ лѣтъ. „Только что мы пережили эпоху индивидуализма въ искусствѣ. Теперь всюду въ сферѣ искусства возникаютъ школы, корни которыхъ убѣгаютъ въ индивидуализмъ, но которыя призваны начать новую эпоху".

Еслибы г. Поярковъ могъ предпослать своей книгѣ эти строки, вѣрнѣе и глубже которыхъ у насъ ничего не было написано о новомъ искусствѣ, онъ далъ бы своимъ читателямъ Аріаднину нить, недостающую теперь въ его книгѣ. Это опредѣленіе далеко не исчерпываетъ вопроса, но оно вдругъ освѣщаетъ цѣлую важную сторону дѣла, и именно ту, которая такъ важна для г. Пояркова,—формально-эстетическую. Въ этой области дѣйствительно пышно расцвѣлъ субъек-

тивизмъ, и историка ждетъ благодарная задача—показать все богатое разнообразіе индивидуальныхъ особенностей въ нашей новой поэзіи и опредѣлить специфическое каждаго изъ этихъ дарованій. Но самый этотъ субъективизмъ, о которомъ говоритъ Андрей Бѣлый, разумѣется, уже и составляетъ коллективное отличіе эпохи, и не только въ своемъ отрицательномъ значеніи, какъ „способъ оттолкнуться отъ стараго", но и въ положительномъ, потому что въ концѣ концовъ онъ все-таки былъ однороденъ, всѣ эти отдѣльные ручьи текли съ одного склона, въ одномъ и томъ же направленіи. И тутъ встаетъ вторая задача изслѣдованія: проникнуть глубоко въ міроотношеніе каждаго изъ этихъ поэтовъ и затѣмъ вскрыть то общее, что лежитъ въ основѣ ихъ міровоззрѣній и что, очевидно, и обусловило ихъ крайній субъективизмъ. Г. Поярковъ, повторяемъ, не рѣшилъ ни того, ни другого вопроса, да и не задавался ими. Онъ просто хотѣлъ дать „бѣглый конспектъ, въ которомъ можно найти общія замѣчанія о наиболѣе интересныхъ представителяхъ современной русской поэзіи", и онъ далъ больше, чѣмъ обѣщаетъ, потому что иныя его главы, какъ, напр., о Бальмонтѣ, по тонкости, изяществу и пылкому одушевленію далеко оставляютъ за собою уровень и рамки бѣглаго обзора. Его книга тѣмъ цѣннѣе, что она представляетъ собою первый опытъ обозрѣнія всей нашей новой поэзіи. Именно потому, что она пока—единственная въ своемъ родѣ, было бы желательно, чтобы въ новомъ изданіи, если оно потребуется, авторъ прибавилъ главу чисто-фактическаго содержанія—внѣшнюю исторію движенія—для библіографическихъ и хронологическихъ справокъ.

V.

— Н. Романовъ. Александръ Андреевичъ Ивановъ и значеніе его творчества. Съ портретомъ и 5 рисунками. Москва. 1907.

Есть нѣчто странно-общее въ судьбѣ Гоголя и Иванова, непосредственно видное всякому, но еще не изслѣдованное. Сверстники, художники оба и люди близкіе въ жизни, они оба на половинѣ жизненнаго пути заболѣли тяжелымъ духовнымъ недугомъ, и этотъ нравственный переломъ наложилъ рѣзкій отпечатокъ на художественное творчество каждаго изъ нихъ. Въ этомъ общемъ заболѣваніи сказалось, разумѣется, и родство натуръ обоихъ художниковъ, и дѣйствіе на обоихъ одной общей силы—духа времени, въ которое они жили. Мы еще очень далеки отъ того, чтобы понять это общее имъ. Нравственный кризисъ, пережитый Гоголемъ, только въ послѣднее время сдѣлался предметомъ изслѣдованія и еще отнюдь не можетъ считаться выясненнымъ; достаточно сказать, что еще никто не далъ себѣ труда

пристально изучить богатый матеріалъ Гоголевскихъ писемъ, тогда какъ только они одни и представляютъ твердую почву для воспроизведенія картины его внутренней жизни. Еще меньше сдѣлано по отношенію къ Иванову. Какъ и вообще историки русской мысли до нашихъ дней почти преднамѣренно игнорировали нравственно-философскій элементъ, такъ и біографы Иванова безъ вниманія проходили мимо тяжелаго моральнаго кризиса, перевернувшаго его мышленіе и жизнь. Они всѣ ограничивались сухимъ установленіемъ факта, всѣ приводили однѣ и тѣ же безъ мысли сопоставленныя цитаты, но никто не дѣлалъ попытки разобраться въ этихъ свидѣтельствахъ и дать цѣльную психологическую картину. Первой такой попыткой является книжка прив.-доц. Н. Романова, и потому, даже не соглашаясь съ его выводами, мы должны ее привѣтствовать.

Начало душевнаго кризиса, пережитаго Ивановымъ, г. Романовъ совершенно справедливо ведетъ отъ революціи 1848 года: видя крушеніе старыхъ формъ общественной и религіозно-нравственной жизни, Ивановъ постепенно сталъ подвергать критическому пересмотру и собственные старозавѣтные взгляды и вѣрованія. Онъ увидалъ ихъ несоотвѣтствіе съ обновляющейся жизнью. Этотъ пересмотръ былъ труденъ и мучителенъ; при глубокой серьезности и искренности, которыя отличаютъ Иванова, эта переоцѣнка неминуемо должна была тотчасъ захватить то, что̀ составляло смыслъ его жизни, что̀ было почти тождественно съ нею,—вопросъ о цѣли и направленіи искусства. Въ 1851 г. онъ пишетъ Гоголю: „Все, что̀ вы разумѣли о моихъ страданіяхъ, написавъ статью обо мнѣ, составляетъ, можетъ быть, четвертую долю того, что̀ случилось послѣ,—такъ что, выражаясь языкомъ переходнаго человѣка, я уже начинаю чувствовать какія-то права на художническую самостоятельность,—и можетъ ли что̀ быть этого справедливѣе? Вѣдь мы уже подходимъ мало-по-малу къ послѣднему вопросу: быть ли живописи, или не быть“.

Быть ли живописи или не быть, это значило—что̀ замѣнить въ новомъ мірѣ ту силу религіознаго чувства, которая до сихъ поръ являлась душой искусства? есть ли вообще въ этомъ новомъ мірѣ, у его творцовъ и пророковъ, такая могучая нравственная идея, способная властвовать надъ умами и одушевлять искусство,—и если есть, то какова она? Потому что для Иванова было одинаково ясно и то, что безъ такой всевластной идеи искусство существовать не можетъ, и то, что вдохновляющая идея, которою искусство жило до сихъ поръ, — именно, религіозная идея — утратила свою власть надъ умами.

Извѣстно, что Ивановъ долго и упорно искалъ отвѣта на свой вопросъ, ѣздилъ за этимъ и къ Штраусу, чья книга о жизни Христа

произвела на него сильное впечатлѣніе, и къ Герцену въ Лондонъ. Удалось ли ему рѣшить задачу? Г. Романовъ думаетъ, что да, и рѣшеніе это видитъ въ тѣхъ знаменитыхъ рисункахъ къ Библіи, которые относятся къ послѣднимъ десяти годамъ жизни Иванова. Онъ полагаетъ, что религіозная вѣра не умерла въ душѣ Иванова, но только углубилась и нашла себѣ новыя, болѣе объективныя формы художественнаго выраженія. „Эскизы Иванова къ Библіи,—говоритъ онъ,—были естественнымъ и побѣдоноснымъ завершеніемъ долгаго и полнаго страданій пути, которымъ шелъ Ивановъ, какъ художникъ. Въ нихъ-то, наконецъ, его освободившейся отъ старыхъ путъ душѣ удалось въ свободномъ творческомъ порывѣ создать ту самобытную и отвѣчающую духу времени школу, къ выясненію которой онъ стремился съ самаго начала своей художественной дѣятельности".

Дѣло едва-ли обстоитъ такъ благополучно, какъ изображаетъ его г. Романовъ; напротивъ, все заставляетъ думать, что отвѣта на свой вопросъ Ивановъ не нашелъ и только смертью былъ избавленъ отъ мукъ незнанія, отъ ужаса предъ пустотою, готовой безвозвратно поглотить искусство. Г. Романовъ слишкомъ легко отдѣлался отъ показанія Герцена, которое не оставляетъ на этотъ счетъ никакихъ сомнѣній. Довольно уже и того, что Ивановъ въ концѣ 1857 года ѣдетъ къ Герцену; въ это время уже были готовы всѣ его эскизы къ Библіи, дошедшіе до насъ: очевидно, Ивановъ не нашелъ въ нихъ успокоенія, если онъ предпринимаетъ трудное для него путешествіе въ надеждѣ „зачерпнуть разъясненіе мыслей своихъ", а по словамъ Герцена, Ивановъ прямо заявилъ ему, что утратилъ религіозную вѣру. У насъ есть еще одно показаніе (оно осталось неизвѣстнымъ г. Романову, какъ раньше Боткину, Новицкому и другимъ біографамъ Иванова): статья Н. П. Огарева „Памяти художника" въ „Полярной Звѣздѣ" за 1859 г. (кн. V, стр. 238—261). Огаревъ такъ формулируетъ вопросъ, съ которымъ пріѣхалъ въ Лондонъ Ивановъ: „Дайте мнѣ живую мысль, дайте мнѣ живую вѣру, дайте мнѣ живую тему для картины,—или скажите: что—искусство погибло въ наше время? погибло безвозвратно отъ недостатка жизни въ современномъ человѣчествѣ, или отъ того, что жизнь не нуждается въ искусствѣ и всѣ интересы дѣятельности движутся внѣ художественнаго міра?"—На этотъ запросъ,—говоритъ Огаревъ,—отвѣчать было нелегко; а запросъ былъ страшно искрененъ, въ немъ слышался крикъ сердечной боли, дѣйствительнаго, глубокаго отчаянія. И какъ всѣ безвыходные страдальцы, художникъ сталъ искать себѣ маленькую лазейку, въ которую толкался съ упорствомъ больного. Эта лазейка была *усовершенствованная* историческая живопись". Очевидно, Ивановъ говорилъ Герцену и Огареву о своихъ реалистическихъ рисункахъ къ Ветхому и Новому Завѣтамъ. Это была

если и не лазейка, какъ думалъ Огаревъ, то во всякомъ случаѣ и не выходъ; выхода Ивановъ вообще не нашелъ.

Остановившись на эскизахъ, какъ на найденномъ рѣшеніи, г. Романовъ этимъ чрезвычайно съузилъ горизонтъ Иванова. Исканія Иванова были гораздо шире и гораздо сложнѣе. Было бы въ высшей степени любопытно собрать его мысли о новомъ искусствѣ, объ искусствѣ будущаго, разсѣянныя по его письмамъ пятидесятыхъ годовъ и по воспоминаніямъ о немъ. Наравнѣ съ техникой онъ требовалъ отъ художника широкой образованности; художникъ, по его мнѣнію, долженъ пропитаться идеями своей эпохи и быть выразителемъ ихъ, и когда это будетъ достигнуто, тогда искусство, говорилъ онъ, вернетъ себѣ былое значеніе въ общественной жизни, котораго не имѣетъ теперь, потому что не удовлетворяетъ потребности людей; у него явятся и враги, которыхъ оно теперь не имѣетъ, такъ какъ оно будетъ содѣйствовать преобразованію жизни и будетъ подкапываться подъ преданія и предразсудки [1]).

Въ этихъ исканіяхъ Иванова, повидимому, большую роль играли идеи соціализма. Это видно уже изъ того, что со своими сомнѣніями онъ рѣшилъ обратиться именно къ Герцену. Вообще, въ мысляхъ Иванова теперь на первый планъ выступила общественная роль искусства. Его рисунки къ Библіи стояли въ связи съ грандіознымъ планомъ, сложившимся въ его головѣ: по нимъ онъ предполагалъ исполнить рядъ эскизовъ изъ жизни Христа, которые должны были украсить стѣны особаго, посвященнаго этой цѣли зданія. Онъ смутно усвоилъ идею славянофиловъ о всемірно-историческомъ предназначеніи Россіи: она-де призвана „силой божественныхъ откровеній установить вѣчный миръ на землѣ"; и вотъ, ничѣмъ она не можетъ успѣшнѣе содѣйствовать нравственному просвѣтлѣнію людей, какъ устроеніемъ такого христіанскаго пантеона, гдѣ были бы наглядно воспроизведены въ изящныхъ формахъ всѣ книги откровенія. Г. Романовъ приводитъ другой проектъ Иванова, еще болѣе трогательный и нелѣпый: онъ, художникъ, долженъ быть приближенъ къ царю; въ часъ, когда царь грустенъ или разгнѣванъ, художникъ разсказываетъ ему какой-нибудь „эпохическій" фактъ изъ Библіи и подъ конецъ показываетъ оконченный эскизъ, который до этого держалъ въ величайшемъ секретѣ; художникъ живетъ подаяніемъ — для этого у него въ домѣ стоитъ кружка, и царь можетъ только быть однимъ изъ милостыно-даятелей; художникъ носитъ бороду и одѣвается въ кафтанъ, чтобы самой внѣшностью своей служить посредникомъ между царемъ и народомъ. „Та-

[1]) См. М. П. Боткинъ, А. А. Ивановъ, его жизнь и переписка, 1880, стр. XXXI—XXXIV.

кимъ образомъ смягчается нравъ царя посредствомъ искусства живописи и располагаетъ его къ благотвореніямъ для своего народа". Тутъ все есть: и славянофильское представленіе о царѣ-отцѣ народа, и мечты Платона о философѣ, какъ руководителѣ тирана, и жажда вмѣшаться въ жизнь, и пламенная вѣра въ просвѣтляющую силу искусства. Эта послѣдняя черта всего поразительнѣе, и она болѣе всего сближаетъ Иванова съ Гоголемъ; оба они подъ конецъ почувствовали себя и призванными, и способными на нравственное руководительство именно въ качествѣ художниковъ. Въ этомъ отношеніи они безпримѣрны не только въ исторіи западнаго искусства, но и у насъ, гдѣ понятіе художника болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, приближается къ понятію учителя жизни, vates. Такого органическаго самосознанія всемогущей *дѣйственной*, реальной силы искусства, какъ у Гоголя и Иванова, мы не встрѣтимъ ни у Гёте, ни у Достоевскаго или Толстого.

Поэтому г. Романовъ совершенно правъ, когда одной изъ главныхъ заслугъ Иванова признаетъ то, что онъ первый выдвинулъ вопросъ о цѣнности идей, выражаемыхъ искусствомъ. Какъ разъ эта его вѣра въ могучее жизненное дѣйствіе искусства, о которой сейчасъ была рѣчь, заставляла его, какъ и Гоголя, предъявлять чрезвычайныя требованія къ душѣ самого художника. Онъ долженъ помнить, что въ его рукахъ—могучее, но вмѣстѣ и опасное оружіе; онъ можетъ и губить, и животворить человѣческія души, — и для того, чтобы его вліяніе было благотворно, ему надлежитъ самому подняться на высшую ступень нравственности и пониманія, напитать свою собственную душу передовыми идеями своего времени. Такое же самое требованіе предъявлялъ къ художнику (и по этой же причинѣ) и Гоголь, и надо признать, что это установленіе глубокаго и единственно-правильнаго взгляда на художника является однимъ изъ драгоцѣннѣйшихъ завоеваній русскаго духа. Ни Гоголь, ни Ивановъ изъ пережитого ими нравственнаго кризиса не вышли побѣдителями, не вынесли новыхъ, совершенныхъ формъ творчества; но оба цѣною тяжкихъ страданій выработали новый идеалъ художника и указали, въ какомъ направленіи слѣдуетъ искать этихъ формъ. Ивановъ, какъ и Гоголь, прекрасно сознавалъ это; за три мѣсяца до смерти онъ писалъ брату: „Еслибы мнѣ даже не удалось пробить или намекнуть на высокій и новый путь, — стремленіе къ нему все-таки показало, что онъ существуетъ впереди, и это уже много, и даже все, что можетъ дать въ настоящую минуту живописецъ". Эти строки, кстати, могли бы и однѣ, даже безъ свидѣтельства Герцена и Огарева, служить достаточнымъ опроверженіемъ мысли г. Романова, будто рисунки къ Библіи были для Иванова рѣшеніемъ его задачи.

Исторія душевнаго кризиса, наполнившаго послѣднія десять лѣтъ

жизни Иванова, принадлежитъ къ интереснѣйшимъ страницамъ въ нравственной исторіи нашего общества. Ничего не можетъ быть увлекательнѣе и нужнѣе, какъ видѣть и изучить процессъ образованія хотя бы одного творческаго міровоззрѣнія, процессъ, какимъ и былъ этотъ кризисъ Иванова. Попытка г. Романова разобраться въ этомъ эпизодѣ цѣнна уже тѣмъ, что она поставила вопросъ въ полномъ объемѣ; разумѣется, она не будетъ послѣдней.

VI.

— Модестъ Чайковскій. Катерина Сіенская. Мистерія. Москва. 1907.

Въ этой „мистеріи“ есть одна хорошая страница—именно та, гдѣ самая мистерія еще не начиналась: посвященіе „непорочной памяти М. Е. Фоссъ и Е. В. Давыдовой“; его стоитъ привести.

Я никогда бы не посмѣлъ
Коснуться дерзостно святыни;
Но я васъ зналъ. Мой духъ созрѣлъ
Подъ сѣнью вашей благостыни
И святость видѣлъ. Какъ Ѳома,
Не вѣрой я постигъ—но знаньемъ,
Что къ намъ на землю иногда
Есть доступъ ангельскимъ сіяньямъ.
Вы путеводною звѣздой
Вели меня на кручъ стремнины
И, укрѣпляя духъ больной
Въ пути намѣченной вершины,
Сливали свѣтъ вашъ предо мной
Въ лучи сіянья Катерины.

Это, конечно, не поэзія, но здѣсь есть, по крайней мѣрѣ, подкупающая задушевность и благоговѣніе передъ горней красотой. Въ „мистеріи“ нѣтъ ни того, ни другого; вся она—одно добросовѣстное, но, увы, безуспѣшное усиліе.

Ея внѣшняя фабула, какъ и подобаетъ мистеріи, ничтожна. Въ Сіену пріѣзжаетъ девятнадцатилѣтній, жезнерадостный, преданный земной красотѣ дворянинъ изъ Перуджіи, Тульдо; на пирушкѣ онъ оскорбляетъ правителей Сіены и ранитъ одного изъ ихъ слугъ, и вотъ онъ въ тюрьмѣ, его ждетъ казнь. Монаховъ, которые приходятъ къ нему съ Распятіемъ и словами вѣры, онъ гонитъ вонъ; объ этомъ узнаетъ Екатерина, сіенская святая; она идетъ къ нему въ тюрьму и силою своей всевластной любви покоряетъ, преображаетъ его; онъ отрекается отъ гордости, его душа наполняется смиреніемъ и чистой радостью, земныя страсти и утѣхи померкли въ его глазахъ предъ

яркимъ свѣтомъ духовной красоты. Это первая побѣда — надъ страстями; для полнаго преображенія остается одержать еще вторую— надъ самой жизнью; и вотъ Тульдо приводятъ на казнь; Катерина стоитъ на колѣняхъ передъ плахою, на которую онъ кладетъ голову, чтобы принять смертельный ударъ, — и тутъ въ послѣднюю минуту совершается въ немъ окончательное преображеніе — онъ радостно и добровольно принимаетъ смерть.

Какъ видитъ читатель, здѣсь есть матеріалъ для настоящей мистеріи. Безплодно спорить о возможности такихъ преображеній: они— вопросъ факта; никто не можетъ отрицать, что огромное напряженіе духа, всецѣло сосредоточенное въ любви и состраданіи, *способно* вызвать въ другомъ человѣкѣ нравственный переломъ; такіе люди, какъ Францискъ Ассизскій, Бернардъ Клервосскій, Екатерина Сіенская, безъ сомнѣнія оказывали могущественное и именно бурное вліяніе на людей, съ которыми сталкивались. Утвердительно надо отвѣтить и на другой встающій здѣсь вопросъ: изобразимо ли такое превращеніе средствами драмы? Конечно, да,—и это съ успѣхомъ дѣлалось неоднократно. Но при этомъ должно быть соблюдено одно условіе, вытекающее изъ самой сущности драмы. Того, что̀ дѣлается въ душѣ человѣческой, драма, какъ таковая, непосредственно изобразить не можетъ (это—дѣло музыки и лирики); драма изображаетъ только поступки человѣка, въ которыхъ отражается душевный процессъ. Противъ этого-то условія погрѣшилъ г. Чайковскій, и тѣмъ свелъ свою мистерію къ нулю: въ ней нравственный переломъ, переживаемый героемъ, ничѣмъ не проявляется и не можетъ проявиться во-внѣ, кромѣ какъ словами, по той простой причинѣ, что герой — Тульдо—силою вещей (какъ заключенный въ тюрьмѣ) обреченъ исключительно на пассивное положеніе. И вотъ, обѣ побѣды, которыя духъ одерживаетъ въ немъ надъ плотью, остаются по-неволѣ чисто психическими, и слѣдовательно лежатъ внѣ компетенціи драмы. Изобразить ихъ могъ бы только лирическій поэтъ — и, прибавимъ, только большой, а г. Чайковскому это оказалось, разумѣется, не подъ силу. Въ самомъ дѣлѣ, могутъ ли сдѣлать для насъ осязательнымъ бурный переворотъ, совершившійся въ Тульдо подъ вліяніемъ встрѣчи съ Катериной, такія блѣдныя, гладкія строки:

Ничто и никогда, ни даже
Восторги созерцанья красоты,
На эту высь меня не возносили!
Все, чѣмъ я жилъ, что страстно такъ любилъ,
Чѣмъ дорожилъ, какъ лучшимъ даромъ жизни,—
Ты, свѣтлая, въ мгновенье затемнила
И мнѣ дала такой великій свѣтъ,
Передъ которымъ все, что зналъ я,—тьма.

И точно также второй, конечный переворотъ, на плахѣ, авторъ думаетъ изобразить словами, да, вѣроятно, еще мимической игрой актера. „Катерина обходитъ плаху и становится противъ Тульдо. Палачи схватываютъ его и хотятъ заставить встать на колѣни. Тульдо, кротко отстраняя ихъ: „Я самъ". Становится на колѣни, не отрывая глазъ съ Катерины и Распятія, которое держитъ Фра Гульельмо. „Іисусъ... Катерина..." Катерина опускается противъ него на колѣни. „Іисусъ! Катерина! Іисусъ! Катерина!" Восторженно: „Хочу!" Опускаетъ голову на плаху".—И все; въ этомъ „хочу" долженъ быть выраженъ весь переворотъ—отъ страха смерти къ радостному принятію ея, переворотъ, почти равный чуду.

Коренная ошибка замысла лишила бы драму г. Чайковскаго художественной цѣнности даже въ томъ случаѣ, еслибы она была художественна въ деталяхъ. Но и этого нѣтъ; въ ней нѣтъ ни живыхъ лицъ, ни живыхъ чувствъ, ни живого языка; ея діалоги и въ особенности безконечные монологи въ риѳмахъ банальны и некрасивы, стихи прозаичны до крайности, риѳмованные вирши ужасны. А главное—авторъ не съумѣлъ даже въ самой слабой степени дать почувствовать то, что̀ составляетъ ядро его „мистеріи", — мистическую мощь этой чистой сосредоточенной духовной силы, которая воплощена въ св. Екатеринѣ Сіенской, реальность „ангельскихъ сіяній", такъ тепло воспѣтыхъ имъ во вступительномъ сонетѣ.—М. Г.

VII.

— Сервантесъ. Остроумно-изобрѣтательный идальго Донъ-Кихотъ Ламанчскій. Ч. I и II. Полный переводъ съ испанскаго М. В. Ватсонъ. Изд. Ф. Павленкова. 1907. Рисунки Рикардо Балака.

Мы уже имѣли случай представить характеристику главнѣйшихъ переводовъ „Донъ-Кихота" на русскій языкъ (см. книгу: „Донъ-Кихотъ", Сервантеса. Спб. 1903). Въ общемъ, полная неудовлетворительность почти всѣхъ переводовъ, особенно же распространеннаго перевода Басанина, намъ кажется вполнѣ доказанной. Въ виду указаннаго, любитель литературы можетъ привѣтствовать появленіе новаго перевода М. В. Ватсонъ.

Уже по предисловію можно судить о степени компетентности переводчицы; ей извѣстно положеніе литературы о Сервантесѣ, и въ основу своего перевода она кладетъ текстъ Фицмориса-Келли, близкій къ критическому. Небольшая біографія составлена съ знаніемъ дѣла.

Что касается до основныхъ пріемовъ переводчицы, то, не въ примѣръ своимъ предшественникамъ, она относится вполнѣ сознательно

къ своей задачѣ. Главнымъ условіемъ хорошаго перевода она основательно считаетъ *точность* передачи текста, и этого принципа придерживается весьма послѣдовательно. Первая часть романа представляетъ сравнительно гораздо менѣе техническихъ трудностей, нежели вторая. Обиліе въ послѣдней многочисленныхъ пословицъ, поговорокъ, спеціально испанскихъ оборотовъ рѣчи часто ставитъ переводчика въ затрудненіе. Въ общемъ, переводъ вполнѣ хорошо выполнилъ свою задачу, и хотя иногда можно предложить разночтенія, лучшія, на нашъ взглядъ, по литературной формѣ, но ни въ одномъ нельзя указать на ошибки или невѣрное пониманіе текста.

Примѣчанія составлены тщательно и поясняютъ темные намеки испанскаго текста.

Иллюстраціи исполнены хорошо. Внѣшность изданія приличная. Нельзя не привѣтствовать этотъ солидный вкладъ въ нашу переводную литературу.—Л. Ш.

VIII.

— Я. М. Бѣлый. Изъ недавней старины. Воспоминанія земскаго врача 70-хъ годовъ. Новгородъ. 1907. Ц. 75 к.

Послѣдніе два года наша литература изобилуетъ воспоминаніями о недавнемъ прошломъ, стараясь какъ бы наверстать утерянное время вынужденнаго молчанія о весьма важномъ въ исторіи нашего общественнаго развитія движеніи семидесятыхъ и начала восьмидесятыхъ годовъ. Эти воспоминанія представляютъ тѣмъ болѣе важный матеріалъ для характеристики указанныхъ движеній, что, по причинѣ лихорадочной и вмѣстѣ съ тѣмъ конспиративной работы того времени, отъ него не могло сохраниться сколько-нибудь значительнаго документальнаго матеріала, въ видѣ дневниковъ, записокъ, переписки и т. п.: всякія такія внѣшнія выраженія кипучей жизни и работы безпощадно истреблялись, чтобы они не попадали въ руки врага и не наводили его на слѣды преслѣдуемой имъ дѣятельности. Между тѣмъ, изученіе этого періода представляетъ большой интересъ, такъ какъ семидесятые годы являются очень важнымъ моментомъ въ развитіи политическаго самосознанія нашего общества. Какіе бы упреки ни раздавались по адресу первой половины семидесятыхъ годовъ за игнорированіе, будто бы, политической стороны общественнаго движенія, нельзя, тѣмъ не менѣе, не признать, что осуществленіе основной тактической идеи движенія того времени—развитія политическаго сознанія и организаціи народныхъ массъ — представило бы самое надежное основаніе для политическихъ преобразованій; и если, несмотря на

весь разгулъ въ переживаемое нами время административнаго произвола и беззаконія, никто не сомнѣвается въ томъ, что старый политическій строй погибъ безвозвратно, то эта увѣренность покоится главнымъ образомъ на фактѣ пробужденія политическаго сознанія въ широкихъ массахъ населенія. А лозунгъ семидесятыхъ годовъ—„въ народъ"—и былъ выраженіемъ созрѣвающаго сознанія того, что безъ участія народныхъ массъ нельзя теперь ожидать осуществленія широкихъ общественно-политическихъ преобразованій.

Лозунгъ „въ народъ", для пропаганды, выражаетъ одну струю теченія семидесятыхъ годовъ. Другую его струю можно выразить словами: „для народа". Двѣ эти струи являются выраженіемъ одного и того же строя мысли и чувства, центральнымъ пунктомъ которыхъ служитъ идея народа, почему онъ и получилъ наименованіе „народничества". Кто считалъ, что реформа общественнаго быта въ интересахъ массы населенія полнѣе всего осуществится, когда самъ народъ выступитъ въ качествѣ активной стороны, тотъ шелъ *въ народъ* въ качествѣ пропагандиста, агитатора, „бунтаря" и т. д. Кто хотѣлъ сдѣлать что-нибудь сейчасъ же для народа, тотъ шелъ *къ народу* врачомъ, учителемъ, земскимъ гласнымъ и т. п.

Книга, составляющая предметъ настоящей замѣтки, есть воспоминанія врача, пошедшаго *къ народу* для того, чтобы служить ему своими спеціальными знаніями.

„Подъ народомъ, которому мы собирались служить, *отдавать долгъ*, какъ любили тогда выражаться, разумѣли всю трудящуюся массу населенія, неустанному труду которой мы обязаны своимъ образованіемъ и развитіемъ. Мы знали, что на Западѣ существуетъ рабочее движеніе среди городскихъ, фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ, но у насъ, въ провинціи, по крайней мѣрѣ, никакихъ фабрикъ не было. Такимъ образомъ, выходило, естественно, что подъ трудящейся массой мы могли разумѣть почти исключительно деревенскій людъ. Подъ служеніемъ ему мы понимали обезпеченіе всякихъ его нуждъ... Мы считали, что всѣ заботы интиллигенціи должны быть направлены на просвѣщеніе народа, поднятіе его личности, облегченіе его матеріальныхъ нуждъ, леченіе физическихъ недуговъ и т. д.". Осуществленіе этого началось еще на университетской скамьѣ. Студенты сходились съ городскими ремесленниками и артелями пришлыхъ рабочихъ, обучали ихъ грамотѣ, читали вслухъ дозволенныя книги и т. д. „Такимъ образомъ, оканчивая университетъ, мы знали, куда намъ идти и что дѣлать. Никакихъ колебаній и сомнѣній на этотъ счетъ не было".

„Громадное число врачей того времени, — говоритъ г. Бѣлый въ другомъ мѣстѣ своей книги,—шло въ деревню не по матеріальнымъ соображеніямъ, такъ какъ въ Россіи тогда было не много врачей, и

спросъ на нихъ въ городахъ, при лучшихъ условіяхъ личной жизни, былъ немалый. Деревня же, и теперь бѣдная и только-что начинающая тянуться къ свѣту, въ то время, едва освободившаяся отъ крѣпостной зависимости, была еще темнѣе и забитѣе. И, не смотря на это, въ нее шло все, въ комъ жива была душа, и, мало того, для работы выбирались наиболѣе глухіе уголки. Страннымъ покажется теперь, что городскія земскія больницы, напр., въ которыхъ лечились тѣ же крестьяне, никто изъ молодежи не бралъ, и больницы эти, находясь въ завѣдываніи старыхъ врачей, влачили жалкое дореформенное существованіе".

Въ воспоминаніяхъ г. Бѣлаго, касающихся и его частной жизни въ деревнѣ, и его общественной дѣятельности, встрѣчаются указанія на многихъ лицъ, съ кѣмъ его сталкивала судьба, бросившихъ городъ ради работы въ деревнѣ. Вотъ сельскій учитель Я., окончившій семь классовъ гимназіи, но вышедшій изъ нея, не дождавшись аттестата зрѣлости, потому что „хотѣлъ поскорѣе поселиться въ деревнѣ и посвятить себя просвѣщенію простого деревенскаго люда". Вотъ ученикъ послѣдняго класса гимназіи, вотъ студентъ-технологъ, студенты университета, ушедшіе въ сельскіе учителя „по идейному влеченію". Учительница Надежда Петровна С. могла бы получать деньги отъ своей семьи, но изъ принципа ограничивается скуднымъ жалованьемъ въ десять рублей, причемъ умудряется еще выписывать книги и газету. Хожденіе молодежи семидесятыхъ годовъ къ народу не имѣло значенія лишь нравственнаго, такъ сказать, самоудовлетворенія. Деревня тогда крайне нуждалась въ культурныхъ работникахъ всякаго рода, а заведеній для подготовки таковыхъ было очень мало. Учащаяся въ гимназіяхъ и университетахъ молодежь старалась на-скоро познакомиться съ новѣйшими пріемами преподаванія и занимала мѣста сельскихъ учителей, вполнѣ сознавая недостаточность такой подготовки. Необходимо открыть учительскія семинаріи, разсуждаетъ, напр., одинъ изъ такихъ встрѣченныхъ авторомъ студентовъ-учителей, „безъ чего дѣло народнаго образованія будетъ развиваться медленно, какъ ни сочувствуетъ этому молодежь, учащаяся въ высшихъ и среднихъ заведеніяхъ; на одну молодежь въ такомъ громадномъ дѣлѣ разсчитывать нельзя".

Главный интересъ воспоминаній д-ра Бѣлаго заключается, впрочемъ, не въ этихъ краткихъ замѣткахъ о встрѣчахъ съ народнической молодежью. Мы знакомимся въ этихъ воспоминаніяхъ съ первыми шагами земской медицины и процессомъ ея прогрессивнаго развитія. Въ этомъ процессѣ огромную роль сыграли тѣ же народолюбивыя тенденціи земскихъ работниковъ,—въ томъ числѣ врачей,—на которыхъ лежало, съ одной стороны, привлеченіе къ научной медицинѣ насе-

ленія, съ другой—побужденіе земскихъ собраній къ затратѣ средствъ на расширеніе и опредѣленную организацію медицинскаго дѣла. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи, впрочемъ, авторъ находился въ особенно счастливыхъ условіяхъ, такъ какъ районъ его дѣятельности (ч-ская губернія) выдѣлялся въ это время прогрессивнымъ характеромъ земства. Нѣкоторыхъ тогдашнихъ земскихъ дѣятелей этой губерніи онъ называетъ полными именами (Карпинскій, Константиновичъ, Линдфорсъ), другихъ (напр., Ивана Ильича П—ича) нетрудно послѣ того узнать, несмотря на накинутый на нихъ флёръ. При такихъ руководителяхъ земскимъ дѣломъ можно было бодро и съ большой надеждой на успѣхъ трудиться для организаціи земской медицины, и врачи, напр., бор—скаго уѣзда настолько связали свое личное дѣло съ общественнымъ, что предложили урѣзку своего жалованья, чтобы имѣть средства для скорѣйшаго осуществленія желательной организаціи медицины, и осудили гонорары за леченіе, чтобы „у врачей не явилось соблазна отдавать предпочтеніе дворянамъ и другимъ зажиточнымъ людямъ".

При такомъ интересѣ къ общественному дѣлу земскимъ врачамъ не представляло большого труда разрушить народное предубѣжденіе противъ оффиціальной медицины, хотя это предубѣжденіе и доставляло имъ немало горькихъ минутъ. Дѣйствительно, автору воспоминаній пришлось начать медицинскую дѣятельность при условіяхъ, когда населеніе не знало даже наименованія „докторъ", и называло послѣдняго „старшимъ фершаломъ", когда больные стыдились передъ сосѣдями идти за совѣтомъ къ врачу, и дѣлали это тайкомъ, и преимущественно послѣ того, какъ искусство мѣстныхъ знахарей и знахарокъ оказалось безсильнымъ излечить ихъ недуги; когда врача призывали одновременно съ знахаремъ: перваго—для того, чтобы опредѣлить, будетъ ли больной жить, второго—чтобы оказывать ему медицинское пособіе. Соотвѣтственно такому отношенію къ медицинѣ населенія, и оборудованіе медицинскихъ пунктовъ было самое первобытное. Лекарствъ было очень немного, хирургическихъ инструментовъ у фельдшеровъ не было, пріемныхъ покоевъ—тоже, акушерки отсутствовали. Даже пути сообщенія врача съ его паціентами гармонировали съ указанными условіями, и временами бывала такая грязь, что къ больному, въ предѣлахъ даже селенія, можно было добраться лишь въ сапогахъ по колѣни или верхомъ на лошади.

Много работалъ и много сдѣлалъ для земскаго дѣла д-ръ Бѣлый, его товарищи и сотрудники; но описываемый имъ періодъ земской жизни закончился событіями, достойными того времени. Прогрессивная часть земскихъ дѣятелей потерпѣла полный разгромъ. Первымъ отправился въ мѣста болѣе или менѣе отдаленныя выдающійся земецъ

Иванъ Ильичъ П—ичъ „за вредную дѣятельность въ земствѣ, за злополучный адресъ Че—скаго губернскаго земства въ отвѣтъ на призывъ правительства помогать въ борьбѣ съ крамолой". Второй жертвой реакціи былъ самъ д-ръ Бѣлый; послѣдующаго разгула произвола автору воспоминаній наблюдать не пришлось. Какъ относилось населеніе къ разгрому силъ, радѣвшихъ о его интересахъ? Авторъ приводитъ по этому предмету два характерныхъ факта. Арестъ Ивана Ильича, мѣстнаго помѣщика,—вѣроятно, мало извѣстнаго населенію, потому что онъ стоялъ вдалекѣ отъ него, въ центрѣ, гдѣ игралъ руководящую роль,—вызвалъ толки такого рода: „паны, недовольные на императора Александра II за освобожденіе крестьянъ, подкупили Соловьева убить царя, за что дали ему „мишокъ грошей". Въ числѣ подкупавшихъ былъ и Иванъ Ильичъ. Объ учителѣ же Франжоли, жившемъ среди самого народа, арестованномъ, впрочемъ, ранѣе по обвиненію въ пропагандѣ, школьный сторожъ разсказывалъ автору, „что когда онъ съ нѣсколькими односельчанами были вызваны въ Петербургъ свидѣтелями по дѣлу Франжоли, то на вопросы суда о личности послѣдняго давали единодушный отвѣтъ, что Франжоли былъ человѣкъ святой жизни!".

IX.

— А. Коровинъ. Опытъ анализа главныхъ факторовъ личнаго алкоголизма. Москва. 1907. Ц. 1 р. 50 к.

Въ послѣднее время общественное вниманіе цивилизованнаго міра болѣе и болѣе обращается на вопросъ о пагубномъ вліяніи алкоголизма, какъ фактора соціальнаго быта, и вмѣстѣ съ тѣмъ распространяется убѣжденіе, что борьба съ развившимися формами алкоголизма малопроизводительна, и что для возможнаго ослабленія вліянія этого вредоноснаго элемента центръ борьбы долженъ быть перенесенъ „со взрослыхъ, заржавѣвшихъ въ алкоголизмѣ, на молодое поколѣніе". Для научнаго обоснованія этого рѣшенія, нужно имѣть доказательства того, что алкоголизмъ создается или подготовляется условіями дѣтской и юношеской жизни; и авторъ книги, составляющей предметъ настоящей замѣтки, полагаетъ, что въ изданномъ имъ трудѣ имѣются такія доказательства и что онъ можетъ дать, поэтому, „реальное обоснованіе вышеуказанному теоретическому выводу".

Работа автора — чисто статистическая: на протяженіи 90 страницъ его книги помѣщено сто таблицъ, не всегда правильно истолковываемыхъ, но представляющихъ весьма тщательную разработку матеріаловъ о 67-ми больныхъ алкоголикахъ (мужчинахъ, принадлежащихъ къ среднимъ классамъ общества), находившихся подъ близкимъ наблю-

деніемъ автора (врача-директора лечебницы для алкоголиковъ), и о ихъ роднѣ,—общимъ числомъ болѣе тысячи лицъ. Матеріалы заключаются въ свѣдѣніяхъ, полученныхъ докторомъ Коровинымъ отъ своихъ паціентовъ о состояніи здоровья ихъ родныхъ, живыхъ и мертвыхъ, до дѣдовъ и бабокъ включительно, и о плодовитости ихъ семей. Различными комбинаціями этихъ данныхъ авторъ пытается болѣе точно установить значеніе наслѣдственности въ дѣлѣ происхожденія алкоголизма, роль отцовскаго и материнскаго элементовъ въ передачѣ предрасположенія къ этой болѣзни и другія біологическія условія развитія послѣдней. Авторъ производитъ очень детальное расчлененіе своего матеріала, а такъ какъ количественно послѣдній ограниченъ, то образованныя имъ элементарныя группы состоятъ въ большинствѣ даже не изъ десятковъ, а изъ простыхъ единицъ, и тому, что̀ называется „случаемъ", открытъ широкій доступъ въ его таблицы. Поэтому, выводы автора далеко нельзя считать достаточно обоснованными; ихъ слѣдуетъ въ большинствѣ случаевъ принимать лишь за первоначальныя развѣдки въ области, еще нуждающейся въ изслѣдованіи. Дальнѣйшія наблюденія автора, безъ сомнѣнія, позволятъ и ему самому принять участіе въ подтвержденіи или измѣненіи его настоящихъ предположеній.

Въ особенности требуетъ дальнѣйшаго изслѣдованія весьма важное, въ научномъ и практическомъ отношеніяхъ, заключеніе автора о томъ, что, въ противоположность отцовскому (мужскому) организму, служащему главнымъ передатчикомъ патологической наслѣдственности—материнскій (женскій) организмъ обладаетъ свойствами, „заключающимися, съ одной стороны, въ защитѣ и оздоровленіи зародыша отъ патологической наслѣдственности отца, съ другой—въ стремленіи парализовать собственную свою патологическую наслѣдственность (т.-е. материнскаго рода)". Это предположеніе, впрочемъ, находится въ нѣкоторомъ согласіи съ выводами другихъ авторовъ о томъ, что патологическая наслѣдственность со стороны отца передается легче, чѣмъ со стороны матери. Очень важно заключеніе автора, что рѣшающая роль въ дѣлѣ развитія алкоголизма принадлежитъ не наслѣдственности, а внѣшнимъ условіямъ, окружающимъ ребенка, юношу и взрослаго человѣка, и этихъ условій слѣдуетъ искать главнымъ образомъ въ обстановкѣ жизни мужской части населенія. Дѣйствительно, характернымъ слѣдуетъ признать фактъ, что, не считая даже больныхъ врача самого Коровина (принадлежащихъ, какъ мы видѣли, къ мужскому полу), изъ ста ихъ братьевъ алкоголизмомъ страдали 38%, а изъ 123 сестеръ—всего 2,4%. Если принять въ разсчетъ и паціентовъ доктора Коровина, то процентъ алкоголиковъ среди братьевъ подымется до 62. Причины этого различія авторъ видитъ въ томъ, что взрослый, юноша, а иногда и мальчикъ культурнаго общества

находится въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ для развитія разнаго рода эксцессовъ, въ томъ числѣ и употребленія спиртныхъ напитковъ, чѣмъ особы женскаго пола. Подтвержденіемъ сказаннаго служитъ фактъ гораздо бо̀льшаго развитія алкоголизма среди женщинъ рабочихъ классовъ, „гдѣ условія воспитанія и среды, въ силу экономическихъ требованій, уравниваютъ въ соціальныя отношенія женщину съ мужчиной; гдѣ, слѣдовательно выдвигаются на сцену женской жизни моменты, играющіе такую важную роль въ бытѣ мужчинъ-работниковъ". На основаніи показаній своихъ паціентовъ, г. Коровинъ пытается даже измѣрить значеніе различныхъ моментовъ въ дѣлѣ возникновенія алкоголизма въ обезпеченномъ классѣ общества, причемъ на долю вліянія домашней жизни приходится, будто бы, 15% алкоголиковъ, школьной жизни—44%, и общественной—37%. Цифры эти, конечно, совершенно случайны. Тѣмъ не менѣе, нельзя не присоединиться къ заключенію автора, что профилактическія мѣры противъ личнаго алкоголизма обезпеченныхъ классовъ заключаются между прочимъ „въ оздоровленіи главнымъ образомъ мужской молодежи въ ея домашней, школьной жизни и отчасти общественной". По отношенію домашней жизни можно замѣтить, что родителямъ (и дѣтскимъ врачамъ?) слѣдовало бы быть болѣе осторожными въ томъ, что̀ касается употребленія ихъ дѣтьми спиртныхъ напитковъ, потому что на почвѣ создавшагося такимъ образомъ обыкновенія употреблять вино или вкуса къ нему—нерѣдко при неблагопріятныхъ условіяхъ школьной жизни—развивается настоящій алкоголизмъ.

X.

— Изданіе кн. П. П. Долгорукова и И. И. Петрункевича. Вопросы государственнаго хозяйства и бюджетнаго права. Выпускъ 1-й. Спб. 1907. Ц. 1 р. 25 к.

Новый періодъ исторіи русскаго государства, — начало котораго можно вести съ 17-го октября 1905 г., когда было объявлено объ упраздненіи неограниченной монархіи и призваніи народа къ участію въ законодательной дѣятельности,—характеризуется, между прочимъ, большимъ оживленіемъ интереса къ экономическимъ и финансовымъ вопросамъ, обусловленнымъ всѣми сознаваемой необходимостью крупныхъ преобразованій въ области соотвѣтствующихъ явленій нашей жизни. „На Государственной Думѣ лежитъ тяжелая задача реформировать экономическій и финансовый строй великой страны и дать новое направленіе ея государственному хозяйству", говорится по этому вопросу въ книгѣ, названной въ заголовкѣ настоящей замѣтки. Преобразованіе различныхъ сторонъ государственнаго строя можетъ про-

исходить съ большей или меньшей быстротой и рѣшительностью; и тогда какъ, напримѣръ, земельные законы, вслѣдствіе сравнительной простоты и самостоятельности соотвѣтствующихъ отношеній, могутъ быть выработаны въ опредѣленный, короткій срокъ,—финансы страны и государственное хозяйство могутъ быть приведены въ благоустроенное состояніе лишь постепенно, и не иначе, какъ послѣ предварительныхъ многочисленныхъ изслѣдованій. Именно къ области государственнаго хозяйства прежде всего и приложима высказанная редакторомъ разсматриваемаго нами изданія, И. И. Петрункевичемъ, мысль, что задача реформы можетъ быть выполнена лишь „при дѣятельномъ и постоянномъ сотрудничествѣ всѣхъ общественныхъ силъ".

„Чтобы положить начало такому сотрудничеству, задумана организація общества финансовыхъ реформъ, въ задачу котораго входило бы, во-первыхъ, изученіе финансовыхъ вопросовъ, имѣющихъ по преимуществу прямое отношеніе къ государственному хозяйству; во-вторыхъ, возможно полное и подробное изслѣдованіе государственныхъ росписей доходовъ и расходовъ и смѣтъ отдѣльныхъ министерствъ; въ-третьихъ, изслѣдованіе хозяйства и смѣтъ мѣстныхъ самоуправленій, и въ-четвертыхъ, распространеніе этого рода свѣдѣній въ широкихъ кругахъ населенія, путемъ печати, публичныхъ чтеній и т. п. способовъ". Изданіе, названное въ заголовкѣ нашей замѣтки, находится въ связи съ образованіемъ указаннаго общества и составляетъ первый выпускъ матеріаловъ по финансовымъ вопросамъ. Первой статьей этого выпуска является статья М. И. Фридмана о нашемъ бюджетномъ законодательствѣ, а послѣдней—замѣтка П. Б. Струве, по этому же предмету. Статья г. Фридмана составляетъ перепечатку его статьи, помѣщенной въ видѣ приложенія къ книгѣ Штурма „Бюджетъ", о которой въ нашемъ журналѣ уже была рѣчь. Мы ограничимся поэтому лишь изложеніемъ мнѣнія автора о ст. 116 основныхъ законовъ, согласно которой „если государственная роспись не будетъ утверждена къ началу смѣтнаго періода, то остается послѣдняя установленнымъ порядкомъ утвержденная роспись". На основаніи этой статьи, въ 1907 г., впредь до утвержденія бюджета Государственной Думой, примѣняется роспись 1906 года. Между тѣмъ, въ мотивахъ изданія этой статьи не имѣется указаній на ея примѣненіе въ случаяхъ невнесенія въ свое время проекта росписи на разсмотрѣніе народныхъ представителей. Примѣненіе указаннаго въ немъ порядка „по примѣру нѣкоторыхъ иностранныхъ государствъ" предполагается въ случаяхъ „*такого замедленія въ ходѣ разсмотрѣнія росписи*, при которомъ окажется немыслимымъ представить ее на Высочайшее утвержденіе ранѣе наступленія смѣтнаго періода". Распустивъ первую Думу и положивъ созвать новую лишь въ 1907 году,

правительство, тѣмъ самымъ, лишало себя средствъ для выполненія государственныхъ расходовъ въ первые мѣсяцы текущаго года, такъ какъ законъ не давалъ ему права примѣнять старыя смѣты въ случаяхъ *невнесенія* въ узаконенный срокъ росписи въ Государственную Думу. Но правительство не остановилось передъ этимъ затрудненіемъ и, не отрицая разъясненнаго выше назначенія, по мысли законодателя, 116-ой статьи,—рѣшило, что такъ какъ она помѣщена нынѣ въ сводѣ основныхъ законовъ, то ей слѣдуетъ дать самое широкое толкованіе.

Вопросы современнаго бюджета служатъ прямымъ предметомъ двухъ статей разсматриваемаго сборника: А. В. Васильева: „Военный бюджетъ и реорганизація армій", и А. Н. Рутцена: „Винная монополія". Первая статья начинается приведеніемъ мнѣнія Л. Штейна, оправдывающаго крупные военные бюджеты тѣмъ, что „самый большой военный бюджетъ обходится дешевле войны". Рядомъ съ этимъ мнѣніемъ авторъ приводитъ и мнѣніе Р. Кауфмана, согласно которому, если цѣль военныхъ расходовъ—самосохраненіе государства и побѣда въ войнѣ—„не удовлетворена вполнѣ, то все, что израсходовано на военныя цѣли, растрачено понапрасну". Такими напрасными тратами являются огромные военные расходы русскаго правительства. „Около тридцати лѣтъ со времени послѣдней турецкой кампаніи приводили мы наши армію и флотъ въ боевую готовность, ничего для этого не щадя и не жалѣя, а японская война съ поразительной очевидностью доказала, что вся наша боевая готовность была чисто бумажнымъ дѣломъ, что народныя средства были растрачены съ непростительной легкостью, граничащей съ преступленіемъ". Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что Россія нуждается въ полномъ преобразованіи ея боевыхъ силъ, но, конечно, не путемъ увеличенія расходовъ, такъ какъ и нынѣшній бюджетъ непосиленъ для народа. Но преобразованіе и не требуетъ увеличенія расходовъ, такъ какъ, согласно мнѣнію французской бюджетной парламентской коммиссіи, даже французская армія „страдаетъ отъ избытка организмовъ прежде живыхъ, но нынѣ недѣйствующихъ, не приносящихъ никакой пользы". Поэтому, „если желаютъ путемъ значительныхъ сокращеній изыскать средства на неотложныя нужды арміи, слѣдуетъ кореннымъ образомъ пересмотрѣть весь организмъ послѣдней". Сказанное о французскомъ военномъ бюджетѣ тѣмъ болѣе примѣнимо къ бюджету русскому, создаваемому „въ канцелярскихъ тайникахъ и основанному не на фактическихъ данныхъ, а на штатахъ, табеляхъ, положеніяхъ и т. п." и допускавшему „полную безконтрольность въ производствѣ военныхъ расходовъ".

Разсмотрѣніе расходныхъ статей винной монополіи приводитъ г. Рут-

щена къ заключенію, что увеличеніе питейнаго дохода послѣ введенія казенной продажи питей обязано своимъ происхожденіемъ не выгодамъ торговой операціи, какъ таковой, а возвышенію цѣны вина, продаваемаго казною: обращеніе въ казну прибылей торговцевъ, на что разсчитывали при введеніи винной монополіи, не могло осуществиться уже потому, что „значительные барыши частныхъ торговцевъ и кабатчиковъ зависѣли главнымъ образомъ отъ отпуска потребителямъ вина, подмѣшаннаго водою, спаиванія потребителей и т. п. пріемовъ".

Статья проф. Мигулина „Русскій государственный долгъ" даетъ краткую исторію наростанія послѣдняго, отъ времени Екатерины II до 1-го января 1907 г. Она составляетъ какъ бы резюме пятаго выпуска третьяго тома обширнаго изслѣдованія автора о государственномъ долгѣ России. Статья Л. Н. Яснопольскаго „Государственный банкъ", разсматривающая дѣятельность этого учрежденія въ историческомъ порядкѣ, показываетъ, какимъ образомъ нашъ государственный банкъ, основанный „для оживленія торговыхъ оборотовъ и упроченія кредитной денежной системы", не могъ удовлетворительно выполнять ни того, ни другого назначенія, ибо, находясь въ распоряженіи министра финансовъ, постоянно отвлекался отъ прямыхъ своихъ задачъ къ служенію тѣмъ или другимъ цѣлямъ государственнаго казначейства и финансовой политики. Кредитные билеты выпускались имъ, главнымъ образомъ, для военныхъ и другихъ надобностей, а не для нуждъ торговли; его капиталы отвлекались отъ естественныхъ коммерческихъ операцій на нужды же государственнаго казначейства, на укрѣпленіе металлической валюты, а съ наступленіемъ (въ 1899 г.) промышленнаго кризиса—послѣ вздутаго министромъ финансовъ промышленнаго оживленія—на поддержаніе, вопреки уставу, падающихъ промышленныхъ предпріятій, принесшее уже банку многомилліонныя потери. Къ статьѣ приложена не опубликованная до сихъ поръ вѣдомость о движеніи выдаваемыхъ такимъ образомъ ссудъ въ 1905 году.

Статья М. П. Федорова: „Пути сообщенія въ Россіи", касается, между прочимъ, и вопроса о финансовой сторонѣ желѣзныхъ дорогъ. Хотя въ послѣдніе годы желѣзныя дороги приносятъ казнѣ убытокъ въ нѣсколько десятковъ милліоновъ рублей, но, кромѣ доходовъ эксплоатаціи, казна извлекаетъ изъ желѣзныхъ дорогъ дополнительные доходы, въ видѣ сборовъ съ пассажирскихъ билетовъ и грузовъ большой скорости, сбереженій по перевозкѣ войскъ, арестантовъ и т. п., безплатной перевозки почты и т. д., и сумма этихъ доходовъ и сбереженій достигаетъ нѣсколькихъ десятковъ милліоновъ рублей. Но значеніе желѣзныхъ дорогъ болѣе, чѣмъ финансовыми результатами ихъ эксплоатаціи, опредѣляется общимъ ихъ вліяніемъ на экономическую жизнь; и дальнѣйшее ихъ сооруженіе можетъ быть поэтому про-

должаемо, несмотря на видимые финансовые убытки казны. Но это сооруженіе должно производиться осторожно и планомѣрно, причемъ особенное вниманіе должно быть обращено на развитіе дорогъ мѣстнаго значенія. Что же касается современныхъ правительственныхъ предположеній о новыхъ затратахъ на желѣзнодорожное дѣло, причемъ одни только расходы на усиленіе пропускной и провозной способности казенныхъ дорогъ исчислены въ 832 милл. руб., то рѣшенію этого вопроса, по мнѣнію г. Федорова, должно предшествовать „общее обслѣдованіе желѣзнодорожнаго дѣла въ Россіи черезъ особую коммиссію Государственной Думы". Особенную важность въ постановкѣ желѣзнодорожнаго дѣла авторъ приписываетъ желѣзнодорожной политикѣ нашего правительства, обращавшаго желѣзныя дороги, какъ и все прочее, на служеніе своимъ экономическимъ и финансовымъ предположеніямъ. Въ этой политикѣ рѣзко проявляется покровительство крупному капиталу, крупному отправителю и вывозному сообщенію въ ущербъ мелкой промышленности, мелкой торговлѣ и внутреннему потребителю. Такая односторонняя политика должна рѣзко измѣниться. „Совокупность разнообразныхъ и сложныхъ интересовъ, замѣшанныхъ въ эксплоатаціи существующей сѣти и въ дальнѣйшемъ развитіи послѣдней, требуетъ планомѣрной желѣзнодорожной политики, согласованной съ общей программой правительства, экономической, административной и международной".

XI.

— Центральный Статистическій Комитетъ М. В. Дѣлъ. Статистика землевладѣнія 1905 г. Сводъ данныхъ по 50 губерніямъ Европейской Россіи. Спб. 1907.

Нѣсколько времени тому назадъ, мы сообщали о выходѣ въ свѣтъ — отдѣльными выпусками—новаго изданія центральнаго статистическаго комитета, подъ общимъ заголовкомъ, указаннымъ въ началѣ этой замѣтки, и высказали нѣсколько замѣчаній о системѣ разработки матеріаловъ предпринятаго комитетомъ изслѣдованія. Теперь это изданіе закончено и, кромѣ пятидесяти выпусковъ, посвященныхъ отдѣльнымъ губерніямъ Европейской России, явился въ свѣтъ сводный томъ. Этотъ томъ повторяетъ ошибки отдѣльныхъ выпусковъ, и поэтому, казалось бы, нѣтъ основаній возвращаться къ данному изданію. Мы тѣмъ не менѣе считаемъ себя обязанными посвятить ему нѣсколько словъ, потому что именно сводныхъ томомъ, а не отдѣльными выпусками, будетъ пользоваться большинство лицъ, интересующихся аграрнымъ вопросомъ, и что данное изданіе уже успѣло ввести въ заблужденіе даже такихъ писателей, которые сами занимаются статистикой на-

шего землевладѣнія. Мы здѣсь обратимъ вниманіе на одинъ отдѣлъ: „Сводъ данныхъ по 50 губерніямъ“, на надѣльное землевладѣніе, и лишь на ту его часть, гдѣ разсматривается вопросъ о степени обезпеченія крестьянъ надѣльной землей. Данныя объ этомъ сгруппированы въ таблицѣ IV, въ приложеніи № 24; и хотя въ обѣихъ таблицахъ идетъ рѣчь о совершенно одномъ и томъ же предметѣ,—количествѣ земли на крестьянскій дворъ, — и таблицы различаются лишь степенью детализаціи цифръ, но заголовки ихъ неодинаковы: въ таблицѣ № 24 рѣчь идетъ, будто бы, о „*среднемъ* размѣрѣ надѣльной земли на дворъ“, а въ таблицѣ IV—просто о „количествѣ земли на дворъ“. О томъ, что въ послѣдней таблицѣ рѣчь идетъ также о среднемъ надѣлѣ, можно, впрочемъ, догадаться потому, что противъ заголовка: „1 дес. на дворъ“, „2 дес. на дворъ“ и т. д. стоитъ прежде всего отвѣтъ: „столько-то общинъ“. Такъ какъ не можетъ же цѣлая община состоять изъ домохозяевъ съ совершенно одинаковымъ количествомъ земли, то нетрудно догадаться, что въ данномъ случаѣ идетъ рѣчь объ общинахъ съ той или съ другой средней площадью надѣльной земли, приходящейся на одинъ дворъ. Еще труднѣе опредѣлить предметъ рѣчи по заголовкамъ таблицы № 24, въ которой отсутствуютъ указанія, косвенно наводящія на истину. Здѣсь вы имѣете заголовокъ: „число дворовъ, имѣющихъ въ *среднемъ* на дворъ до 5 дес., отъ 5 до 10 дес., свыше 10 дес.“. Заголовокъ этотъ ни съ чѣмъ несообразенъ, потому что если рѣчь идетъ о среднемъ надѣлѣ на дворъ, то нужно указать единицу, состоящую изъ нѣсколькихъ дворовъ, къ которой это среднее относится. Чтобы сдѣлать эту несообразность болѣе ясной для читателя-неспеціалиста,—предположимъ, что при переписи г. Петербурга читатель получилъ листокъ съ заголовкомъ: „число дѣтей, имѣющихъ въ *среднемъ* до 5 лѣтъ, отъ 5 до 10 лѣтъ и свыше 10 лѣтъ“. Въ какія группы долженъ онъ помѣстить своихъ дѣтей въ возрастѣ 2 лѣтъ, 8 и 14 лѣтъ? Размѣстить ихъ по всѣмъ тремъ группамъ нельзя, хотя они и находятся въ возрастѣ до 5 лѣтъ, отъ 5 до 10 лѣтъ и выше 10 лѣтъ, потому что въ вопросномъ листкѣ идетъ рѣчь не о *дѣйствительномъ*, а о *среднемъ* возрастѣ вашихъ дѣтей. Вы станете строить догадки, что означаетъ предложенный вамъ вопросъ, и остановитесь на единственно подходящемъ предположеніи, что таблица интересуется вопросомъ о томъ, какое число дѣтей находится въ семьяхъ со среднимъ дѣтскимъ возрастомъ въ 5 лѣтъ, 5—10 лѣтъ и выше 10 лѣтъ; и такъ какъ средній возрастъ вашихъ дѣтей — 8 лѣтъ, то всѣхъ ихъ вы помѣстите во вторую группу. Но вы съ полнымъ основаніемъ выразите претензію на то, что васъ заставляютъ напрасно ломать голову, и зададите вопросъ: почему въ заголовкѣ не указана та сложная единица, — будь то семья, школа

или что другое,—къ которой относится средній возрастъ, интересующій перепись; почему, если эта единица—семья,—заголовокъ не получилъ такой видъ: „число дѣтей въ семьяхъ со среднимъ дѣтскимъ возрастомъ до 5 лѣтъ, отъ 5 до 10 лѣтъ, выше 10 лѣтъ"? Вопросъ о томъ, къ какой единицѣ относятся данныя таблицы 24-ой разсматриваемаго нами изданія о „числѣ дворовъ, имѣющихъ въ среднемъ на дворъ до 5 дес." и т. д., мы можемъ разрѣшить, руководствуясь таблицей IV, указывающей, что эта единица есть община, пользующаяся надѣльной землей. Послѣ этого въ своемъ экземплярѣ „Сводъ данныхъ по 50 губерніямъ" мы замѣнимъ заголовокъ въ таблицѣ № 24 слѣдующимъ: „Число дворовъ въ *общинахъ*, имѣющихъ въ среднемъ на дворъ: до 5 дес., отъ 5 до 10 дес., выше 10 дес.", и обратимся къ центральному статистическому комитету съ вопросомъ: почему онъ самъ не далъ точнаго заголовка въ таблицѣ и вынуждаетъ читателя строить на этотъ счетъ различныя догадки?

Кромѣ двухъ вышеназванныхъ таблицъ, о степени обезпеченія населенія надѣльной землей говорится еще въ текстѣ на стр. 175 и слѣдующихъ. И хотя рѣчь идетъ здѣсь о томъ же самомъ предметѣ, но терминологія, а съ нею и смыслъ цифровыхъ данныхъ представляются совершенно въ иномъ значеніи. Здѣсь нѣтъ уже термина „средній", а говорится просто о „надѣлѣ"; не упоминается и объ общинахъ, къ которымъ въ сущности относятся разрабатываемые въ данномъ отдѣлѣ матеріалы; и кто будетъ понимать читаемое такъ, какъ оно написано, тотъ вынесетъ изъ даннаго труда представленіе, что „изъ всего числа 11.998.705 дворовъ" (въ 50-ти губерніяхъ) „свыше $^2/_5$ числа крестьянъ, владѣющихъ надѣльной землей, имѣютъ ее отъ 5 до 10 дес. на дворъ, около $^1/_4$ имѣютъ менѣе 5 дес.—и $^1/_3$ имѣютъ свыше 10 дес. на дворъ". Такое представленіе вынесли, повторяемъ, даже лица, спеціально пишущіе объ аграрномъ вопросѣ. А представленіе это, прямо вытекающее изъ текста разсматриваемой книги, имѣющаго задачей языкъ цифръ перевести на языкъ словъ, совершенно извращаетъ смыслъ собранныхъ центральнымъ статистическимъ комитетомъ матеріаловъ и реальную дѣйствительность. Оно извращаетъ смыслъ собраннаго матеріала, потому что подворнаго опроса относительно размѣровъ землевладѣнія отдѣльныхъ дворовъ никѣмъ не производилось, и доставленныя комитету свѣдѣнія относились къ площади владѣнія цѣлаго селенія. И насколько ошибочно было бы считать всѣхъ вашихъ, читатель, дѣтей, занесенныхъ въ группу *средняго* возраста выше 10 лѣтъ, находящимися именно въ этомъ возрастѣ, настолько неправильно производить аналогичную операцію со средними надѣлами крестьянскихъ дворовъ. Насколько такая операція приводитъ къ заключеніямъ, расходящимся съ дѣйстви-

тельностью—видно изъ газетной замѣтки земскаго статистика г. Севрюгина, согласно которой дворы крестьянъ кіевской губерніи, имѣющіе надѣлъ выше 5 дес., составляютъ не 44,5 % общаго числа надѣльныхъ дворовъ, какъ это значится въ разсматриваемомъ изданіи, обратившемъ фиктивные, средніе надѣлы въ реальные, а 4,6 %. И эти-то фиктивныя цифры принимаются за основаніе для опредѣленія степени нужды крестьянъ въ землѣ. Немудрено, что пользующіеся такими оффиціальными данными наши правители отрицаютъ высокую степень развитія крестьянскаго малоземелья и считаютъ возможнымъ побѣдить послѣднее при помощи казенныхъ, удѣльныхъ и добровольно отчуждаемыхъ частныхъ владѣній. Но правильныя свѣдѣнія о землевладѣніи представляютъ огромную важность не только для бюрократіи, но и для общества, для молодого нашего „парламента“. То же самое слѣдуетъ сказать и относительно другихъ данныхъ, собираніе и разработка которыхъ лежатъ на обязанности центральнаго статистическаго комитета. И пусть новѣйшая работа этого комитета послужитъ толчкомъ къ тому, чтобы въ Государственной Думѣ поднятъ былъ вопросъ о полномъ преобразованіи этого важнаго государственнаго учрежденія. Безъ сколько-нибудь правильныхъ и правильно разработанныхъ статистическихъ свѣдѣній по различнымъ предметамъ народнаго хозяйства невозможна цѣлесообразная, планомѣрная работа государственныхъ учрежденій, имѣющая въ виду удовлетвореніе потребностей народнаго быта.—В. В.

Въ маѣ мѣсяцѣ въ Редакцію поступили слѣдующія новыя книги и брошюры:

Алексѣевъ, А. С. проф.—Безотвѣтственность монарха и отвѣтственность правительства. М. 907. Ц. 20 к.

Барсуковъ, Николай.—Жизнь и труды М. П. Погодина. Книга XXI. Спб. 907. Ц. 2 р. 50 к.

Бартлеттъ, Эллисъ.—Осада и сдача Портъ-Артура. Съ англ., п. р. и съ примѣч. полковн. Хвостова. Спб. 907. Ц. 3 р.

Башкинъ, Б. — Стихотворенія: Гражданскіе мотивы — Лирика. Спб. 907. Ц. 50 к.

Бентовинъ, д-ръ. Б.—Торгующія тѣломъ. Очерки современной проституціи. М. 907. Ц. 80 к.

Берлинъ, П. А.—Политическія партіи на Западѣ, ихъ доктрины, организація и дѣятельность. Спб. 907. Ц. 1 р. 25 к.

Бирманъ.—Коммунизмъ и анархизмъ. Съ нѣм. Спб. 907. Ц. 40 к.

Блументаль, О. — „Стеклянный домъ“. Ком. въ 3 д. Съ нѣм. П. Кузминскій. Спб. 907. Ц. 40 к.

Бородкинъ, М.—Современныя бесѣды. I. О революціи. Спб. 907.

Бюхеръ, Карлъ.—Возникновеніе народнаго хозяйства. Публичныя лекціи и очерки. Перев. съ 5-го изд., п. р. І. Кулишера. Вып. 1. Спб. 907. Ц. 1 р.

Бѣлый, Я.—Изъ недавней старины. Воспоминанія земскаго врача 70-хъ годовъ. Новг. 907. Ц. 75 к.

Бычковъ, К.—Государственные расходы на народное образованіе въ 1886—1906 гг. М. 907.

Врангель, бар. Ф. Ф.—Остзейскій вопросъ въ личномъ освѣщеніи. Спб. 907.

Гельдъ.—Соціальная исторія Англіи. Пер. П. Шутякова, вып. 1. Спб. 907. Ц. 50 к.

Генигинъ, Ив.—Зарницы. Рига. 907. Ц. 45 к.

Герасимовъ, А.—Геологическая карта Ленскаго золотоноснаго района. Съ 2 табл. Спб. 907.

Гинцбургъ, В. — Къ разъясненію загадокъ въ цусимскомъ бою. Спб. 907. Ц. 50 к.

Грумъ-Гржимайло, Г. Е. — Описаніе путешествія въ Западный Китай. Т. III. Спб. 907.

Данчакова, Вѣра.—Къ вопросу о нейрофибиллярномъ аппаратѣ нервныхъ клѣтокъ и его измѣненіяхъ при бѣшенствѣ. Диссерт. на степ. д-ра медицины. Спб. 907.

Дилевская, Н.—Черноморскія степи. М. 907. Ц. 40 к.

Диллетантъ.—Попытка сказать правдивое слово о земельномъ вопросѣ. М. 907.

Дингенъ, Іос.—Сущность головной работы человѣка. Новая критика чистаго и практическаго разума. Съ біографич. очерк. автора, Евгеніи Дингенъ, съ предисловіемъ Паннекука, перев. съ нѣм. Б. Вейнберга, п. р. П. Дауге. М. 907. Ц. 80 к.

Добрынинъ и *Бѣлугинъ.*—Прикаспійскія степи. М. 907. Ц. 40 к.

Дунинъ-Герковичъ, А. А.—Необходимость открытія порто-франко въ устьяхъ рѣкъ Оби и Енисея. Тобольскъ. 907.

Евздинъ, П.—Бюджетный контроль и Система государственной отчетности при конституціонномъ образѣ правленія. Спб. 907. Ц. 1 р.

Елпатьевскій, К. В.—Подробный конспектъ учебнаго курса русской исторіи. Пособіе для учащихся. 2-е изд. Спб. 907. Ц. 50 к.

Ильменскій, А.—Статистическій очеркъ о глухонѣмыхъ въ Россіи. Спб. 906.

Исаакянъ, Австпкъ.—Пѣсни.—М. 907. Вып. 1.

Карѣевъ, Н. — Исторія Западной Европы въ новое время. Т. IV. Первая треть XIX-го вѣка. Консульство, Имперія, Реставрація. Изд. 3-ье. Спб. 907. Ц. 3 р. 50 к.

——— Теорія личности П. Л. Лаврова. Съ фототипич. портретомъ Лаврова. Стр. 64. (Библіот. „Свѣточа" подъ ред. С. А. Венгерова). Спб. 907. Ц. 30 к.

Крашенинниковъ, И. — Угасающая Башкирія. М. 907. Книгоизд. „Новое Слово". Съ иллюстраціями. Стр. 134. Ц. 1 р.

Кречетовъ, С.—Алая книга. Стихотворенія. М. 907. Ц. 60 к.

Лагарделль, Г.— Всеобщая стачка и соціализмъ. Съ франц. Г. Оленевъ. Спб. 907. Ц. 1 р.

Левинъ, А.—Финляндія. М. 907. Ц. 45 к.

Лонткевичъ, Е.—Таганрогская Коммерческая гимназія. Къ ея столѣтнему юбилею. Таганр. 906. Ц. 50 к.

Маклецова, Н. (Дегаева). — Предатель. Повѣсть изъ жизни „Народной воли". Спб. 907. Ц. 75 к.

Метерлинкъ.—Переводъ Л. Вилькиной, съ иллюстраціями. Т. II. Спб. 907. Ц. 2 р.

Мигулинъ, П. — Настоящее и будущее русскихъ финансовъ. Харьк. 907. Ц. 1 р. 50 к.

Миклашевскій, Ал. — Земельная реформа и организація труда. Юрьевъ-Дерптъ. 906. Ц. 40 к.

Овсянико-Куликовскій, Д. Н., проф.—Гоголь, 2-ое дополн. изд. Съ фототипич. портретомъ Гоголя. (Библіотека „Свѣточа" подъ ред. С. А. Венгерова). Спб. 907. Стр. 231. Ц. 1 р.

——— Руководство къ изученію синтаксиса русскаго языка. М. 907. Ц. 75 к.

Павловскій, Е.—Къ анатоміи половыхъ органовъ. Съ таблицами. Спб. 907.

Петрутевскій, Дм. — Очерки изъ исторіи средневѣковаго общества и государства. М. 907. Ц. 1 р. 70 к.

Пироговъ, Н. И.—Севастопольскія письма. 1854—55 гг. П. р. и съ примѣч. Н. Г. Малиса. Спб. 907. Ц. 1 р. 50 к.

Подвинскій, Ю.—Сто лѣтъ борьбы польскаго народа за свободу. Составл. по Б. Лимановскому, Л. Кульчицкому и др. М. 907. Ц. 1 р.

Пушкинъ.—Собраніе сочиненій. Вып. II. (Библіотека великихъ писателей подъ ред. С. А. Венгерова). Стр. 161—320. Съ иллюстраціями. Изд. Брокгаузъ-Ефрона. Спб. 907.

Пясецкій, Л. Я.—Алгебра для среднихъ учебныхъ заведеній. Ч. IV: Рѣшеніе уравненій.—Мнимыя величины; комплексныя количества.—Извлеченіе кубическаго корня.—Ариѳметическая и геометрическая прогрессія.—Логариѳмы. Спб. 907. Ц. 35 к.

Пыпинъ, А. Н.—Исторія русской литературы. Т. I: Древняя письменность. Изд. 3-ье. Спб. 907. Ц. 3 р. (Четыре тома—10 р.).

Рейнгардтъ, Н. В.—Радикальный переворотъ въ русскомъ госуд. строѣ мирнымъ путемъ. Изд. Д. Чичинадзе. Стр. 42. Спб. 907. Ц. 25 к.

Роничъ, Н.—Ночь слезъ. Черноморская быль. Од. 907. Ц. 15 к.

Сологубъ, Ѳ. — Истлѣвающія личины. Книга разсказовъ. М. 907. Ц. 1 р.

Сибиряковъ, А.—О путяхъ сообщенія Сибири и морскихъ сношеніяхъ ея съ другими странами. Спб. 907. Ц. 90 к.

Спекторскій, Е.—Очерки философіи общественныхъ наукъ. Вып. 1: Общественныя науки и теоретическая философія. Варш. 907. Ц. 1 р. 75 к.

Степнякъ-Кравчинскій, С. М.—Собраніе сочиненій. Ч. I. Штундистъ Павелъ Руденко. Дополнено по рукописи. Съ написанными для этого изданія воспоминаніями П. А. Кропоткина и фототипич. портретомъ Степняка. Единственное разрѣш. вдовою автора изданіе. (Библіот. „Свѣточа" подъ ред. С. А. Венгерова). Спб. 907. Стр. XXX+224. Ц. 1 р.

Субботинъ, И.—Тактика трудовой группы. Роспускъ Государственной Думы. Спб. 907. Ц. 10 к.

Сугорскій, Н. Н.—Въ туманахъ сѣдой старины. Къ варяжскому вопросу. Англо-русская связь въ давніе вѣка. Спб. 907.

Талелай, А.—Таблицы дѣйствительной доходности всѣхъ процентныхъ бумагъ. 100 таблицъ и 36 статей текста. Руководство для болѣе вѣрнаго и выгоднаго помѣщенія капиталовъ. М. 907. Ц. 5 р.

Тардье.—Скука. Психологическое изслѣдованіе. Спб. 907. Ц. 75 к.

Теннисъ, Л.—Изъ архива генералъ-майора и кавалера И. Ѳ. Дитятина 2-го. Мемуары и переписка. Спб. 907. Ц. 75 к.

Филипповъ, Ю. Д.—Стадіи экономической эволюціи. Спб. 907.

Франческо-Рачіоппи.—Госуд. устройство свободныхъ державъ. Съ приложеніемъ сравнительной таблицы конституцій. Перев. съ итальянскаго. Доп. и ред. Н. В. Рейнгартда. Спб. 906. Стр. 175. Ц. 40 к.

Хитрово, Т. Л.—Уралъ. М. 907. Ц. 40 к.

Ходскій, проф. Л. В.—Государственное хозяйство. Курсъ финансовой науки. Изд. 3-ье, пересмотр. и дополн. Вып. 1. Спб. 907. Ц. 1 р. 50 к.

Цебрикова, М. К.—Письмо къ Александру III. Съ приложеніемъ написанныхъ для этого изданія воспоминаній автора. Стр. 48. — Каторга и ссылка. Стр. 48. — Ц. по 20 к. (Библіотека „Свѣточа" подъ ред. С. А. Венгерова). Спб. 907.

Чайковскій, Мод.—Катерина Сіенская. Мистерія. М. 907.

Чернышевъ, Н., *Лясицкій,* А., П. *Масловъ.*—Крестьянское право и община предъ Государственной Думой. Къ ликвидаціи законодательства по 37 статьѣ. Спб. 907. Ц. 25 к.

Чуковскій, Б. — Поэтъ-анархистъ Уотъ-Уитманъ. Переводъ въ стихахъ и характеристика. Спб. 907. Ц. 50 к.

Шмелевъ, Г.—Акты царствованія Екатерины II: Учрежденія для управленія губерній и Жалованныя грамоты дворянству и городамъ. М. 907. Ц. 50 к.

Шницлеръ, Арт. — Діалоги: 1. Анатоль. 2. Хороводъ. Съ нѣм. Спб. 907. Ц. 1 р.

Штирнеръ, Максъ. — Единственный и его собственность. Съ нѣм. Г. Федеръ. Спб. 907. Ц. 80 к.

Garski, Stanisław.—System Filozofii. Tom. I. Warszawa. 1907.

— Библіотека „Просвѣщеніе": 1) Интернаціоналъ. Международн. Общ. рабочихъ. Соч. Г. Іекка. Ц. 80 к. 2) Соціальная реформа или революція? Соч. Розы Люксенбургъ. Ц. 30 к. 3) Восемнадцатое Брюмера Наполеона III, соч. К. Маркса. Ц. 30 к. 4) Антидюринсъ, соч. Энгельса. Спб. 907. Ц. 1 р.

— Ежегодникъ внѣшкольнаго образованія. Вып. 1. П. р. В. Чернолусскаго. М. 907. Ц. 1 р.

— Записки Классическаго Отдѣленія Имп. Русск. Археологическаго Общества. Т. IV.

— Изданія Ф. Павленкова: 1) Н. Николина. Древнѣйшіе жители Европы, ц. 20 к. 2) Его же, Древній Римъ, ц. 40 к. 3) Его же, Древняя Греція, ц. 40 к. 4) Г. Гауптманъ, Ткачи, драма, съ нѣм., ц. 25 к. 5) Искандеръ (А. И. Герценъ), Кто виноватъ? ц. 50 к. 6) Его же, Съ того берега, ц. 40 к. 7) Л. Бухъ, Краткій курсъ политической экономіи, ц. 70 к. 8) А. Уоллеса, Научныя и соціальныя изслѣдованія, т. II, съ англ. Л. Лакіеръ, ц. 80 к. 9) А. Герценъ, Княгиня Ек. Ром. Дашкова, ц. 20 к. 10) Его же, Русскій народъ и соціализмъ, ц. 10 к. 11) Его же, Робертъ Оуэнъ, ц. 12 к. 12) Его же, Крещеная собственность, ц. 8 к. 13) Его же, Старый міръ и Россія, ц. 10 к. Спб. 906.

— Изъ Мюссе и Верлена. Пер. Зинанды Ц. Спб. 907. Ц. 75 к.

— Изданія Товарищества „Знаніе": 1) Сборникъ, за 1907 г., кн. XVI, ц. 1 р. 2) К. Каутскій, Эрфуртская программа, ц. 30 к. 3) С. Юшкевичъ, Человѣкъ, ц. 30 к. 4) Шелли, Ченчи, траг. 5) С. Гуревичъ, Радикальная буржуазія и профессіональные союзы, ц. 20 к. 6) І. Штернъ, Государство будущаго. Соціализмъ, его сущность, осуществимость и цѣлесообразность. Съ нѣм. перев. А. Ратнеръ. Спб. 907. Ц. 8 к.

— Источники по исторіи реформаціи. Вып. II: „Письма темныхъ людей",

перев. Н. Куна, п. р. Д. Егорова. Изд. Высшихъ женск. курсовъ. М. 907. Ц. 1 р. 50 к.

— Краткій обзоръ дѣятельности Рижской Городской Управы за 1906 годъ. Рига, 907.

— Отчетъ Государственныхъ Сберегательныхъ Кассъ за 1905 годъ. Спб. 907.

— Сборникъ стихотвореній и разсказовъ для дѣтей младшаго возраста (отъ 9 до 14 л.). Кіевъ. 907. Ц. 75 к.

— Труды перваго всероссійскаго Съѣзда фельдшеровъ, фельдшерицъ и акушерокъ съ 20 по 25 января 1907 г. въ г. Москвѣ. М. 907. Ц. 1 р. 50 к.

ЗАМѢТКА

По поводу новой книги А. Я. Ефименко: „Исторія украинскаго народа". Спб. 906.

Шестьдесятъ лѣтъ прошло съ того времени, какъ издана была компилятивная и даже для своего времени устарѣлая, но все же связная и цѣльная „Исторія Малороссіи" Н. Маркевича (1842—1843 гг.). За послѣдующее время появился цѣлый рядъ изслѣдованій, множество отдѣльныхъ монографій, опубликовано огромное количество новыхъ матеріаловъ, совершенно измѣнилось пониманіе историческихъ судебъ малорусскаго народа, рѣшительно по всѣмъ вопросамъ южнорусской исторіи высказаны новыя точки зрѣнія и обозначены, при пособіи новыхъ и дѣйствительно научныхъ методовъ, новыя перспективы, указаны новыя объясненія темныхъ и загадочныхъ историческихъ фактовъ. А въ то же время приходилось для удовлетворенія законной любознательности читателей перепечатывать связный очеркъ „Исторіи Малой Россіи" Карамзинскаго типа, появившійся еще въ 1822 году, т.-е. до самаго ранняго періода критически-научной разработки русской исторіи: мы говоримъ о сочиненіи Бантыша-Каменскаго, переизданномъ года четыре тому назадъ. По данному вопросу ощущался такой недостатокъ и такая потребность, что даже негодное историческое старье имѣло успѣхъ и распространеніе среди читающей публики. Но за послѣдніе два года необыкновенно посчастливилось южнорусской исторіи: въ концѣ 1904-го года появилось первое изданіе полнаго и цѣльнаго „Очерка исторіи Украинскаго народа" проф. М. Грушевскаго (см. „Вѣстникъ Европы" 1905 г., № 3), а въ концѣ прошлаго года—систематическая „Исторія украинскаго народа", А. Я. Ефименко.

Авторъ этой исторіи—довольно извѣстная писательница въ области изслѣдованій о правовыхъ и культурныхъ вопросахъ, не лишенная идеализаціи всего того, что создано народомъ, что имѣетъ къ нему какое-нибудь близкое отношеніе,—но въ этомъ и сила, и слабость ея историческихъ и этнографическихъ работъ, изъ которыхъ наиболѣе извѣстна: „Трудовое начало въ русскомъ народномъ правѣ". Сочиненія А. Ефименко часто бываютъ болѣе цѣнны не своей научною обоснованностью и объективностью, а тѣмъ, что вызываютъ хорошія и бодрыя настроенія, возбуждаютъ любовь ко всему, что соприкасается съ на-

роднымъ творчествомъ въ социологически-правовыхъ движеніяхъ и видоизмѣненіяхъ, въ культурныхъ и экономическихъ отношеніяхъ. Спеціально исторіи южной Руси посвящены авторомъ довольно многочисленные очерки и статьи, собранные въ двухтомномъ сборникѣ „Южная Русь", изданномъ въ 1905 году.

Новый трудъ г-жи Ефименко, разсматриваемый въ настоящей замѣткѣ, имѣетъ и общую, и частную, объединенныя между собою, задачи. Общая задача мотивируется ненормальнымъ положеніемъ до сихъ поръ вопроса объ исторіи „двухъ русскихъ народностей". А. Я. Ефименко справедливо указываетъ, что „въ русской научной литературѣ принято понимать (мы не могли бы, впрочемъ, сказать этого такъ ужъ безусловно и категорично) подъ выраженіемъ „русская исторія" лишь исторію сѣверо-восточной ея половины; все это производитъ такую односторонность историческаго пониманія, которая граничитъ въ иныхъ случаяхъ съ фальсификаціей общественнаго самосознанія, хотя въ большинствѣ случаевъ невольной и безсознательной". Изслѣдовательница судебъ украинскаго народа болѣе имѣетъ цѣлью представить результаты изученія другой, южной половины Руси, чѣмъ установить болѣе правильное пониманіе русской исторіи и „истинныхъ національныхъ особенностей, коренящихся не въ одних лишь относительно позднихъ условіяхъ и особенностяхъ исторіи Руси сѣверо-восточной". Болѣе частная задача автора обусловливается, во-первыхъ, программой *научно-популярной* „Исторіи Южной Руси", предложенной редакціей историческаго украинскаго журнала „Кіевская Старина" (мы не имѣемъ вѣрныхъ и точныхъ свѣдѣній, почему эта работа не выполнена и не была издана, какъ предполагала редакція); во-вторыхъ, опредѣляется индивидуальными чертами, характеризующими общественныя и научныя воззрѣнія А. Ефименко и соотвѣтствующими отношеніями ея къ историческимъ вопросамъ. Авторъ говоритъ, что не оставилъ въ пренебреженіи фактовъ исторіи внѣшней, политической, но отводитъ имъ относительно скромное мѣсто по сравненію съ фактами исторіи внутренней; по отношенію къ внутренней жизни южнорусскаго народа, авторъ менѣе останавливался на описаніи отдѣльныхъ явленій этой жизни, чѣмъ на уясненіи того соціально-историческаго процесса, которымъ обусловливаются эти явленія.

Съ точки зрѣнія данныхъ задачъ мы и сдѣлаемъ самый краткій обзоръ новой работы А. Ефименко, попутно указывая на достоинства труда, его недостатки и нѣкоторые промахи.

Изъ восьми главъ двѣ первыя затрагиваютъ вопросы о доисторической эпохѣ, народахъ, обитавшихъ въ южной Руси въ древности, до-исторической Руси и славянахъ, о первыхъ русскихъ князьяхъ. А. Ефименко, къ сожалѣнію, придерживается своеобразной норманской

теоріи. Для нея „*ясно*, что Русь первой половины IX в. жила не за моремъ Варяжскимъ, а гдѣ-то на берегахъ Чернаго моря"; этотъ народъ—„*несомнѣнно* жилъ около Чернаго моря". Гдѣ же находилось его мѣсто жительства? „Невольно напрашивается въ отвѣтъ", что это—„Таманскій полуостровъ, Фанагорія, пресловутая Тмутаракань". Эти „русы", живя въ X в. уже среди славянъ, „еще говорили своимъ собственнымъ языкомъ, т.-е. германскимъ" (стр. 13). Далѣе мы слышимъ оговорку въ словахъ: „Загадочная Русь, пришла ли она съ береговъ Чернаго моря,—какъ полагаемъ мы, — или съ береговъ моря Балтійскаго, по принятой гипотезѣ" и т. д. (стр. 23). Теорія эта, собственно говоря, автору не принадлежитъ; она была высказана еще проф. Голубинскимъ, поддержана проф. Будиловичемъ и Васильевскимъ, но и толкованіе житій Стефана Сурожскаго и Георгія Амастридскаго не внесло достаточной убѣдительности въ черноморское происхожденіе норманской руси. А. Я. Ефименко ничего новаго доказательнаго не даетъ въ своемъ утвержденіи; въ книгѣ же, подобной ея очерку, разсчитанному на широкую публику, субъективныя утвержденія не должны имѣть мѣста. Автору слѣдовало бы лучше остаться при „принятой" и достаточно обоснованной „гипотезѣ", которая такъ ясно и обстоятельно изложена въ новой, наиболѣе убѣдительной редакціи проф. Ключевскаго.

Домонгольскій періодъ русской исторіи изложенъ А. Ефименко въ третьей главѣ—„Удѣльная смута и степные кочевники". Это—очень хорошо написанный общій, краткій обзоръ событій за два вѣка въ которомъ выдѣлены изъ безчисленнаго множества мелкихъ происшествій, столкновеній и неурядицъ важнѣйшіе и существенные факты исторіи южныхъ земель, достаточное мѣсто удѣлено вопросамъ внутренняго быта, выдвинута формація Галицко-Владимирскаго княжества и разсказаны судьбы его до половины XIV в.

Мы только не можемъ согласиться съ нѣкоторыми малообоснованными положеніями автора въ нѣсколькихъ отдѣльныхъ, впрочемъ второстепенныхъ, вопросахъ. Такъ, по мнѣнію А. Ефименко, „за р. Десной, южной границей Черниговской земли, уже начиналась степь", а „Переяславльское княжество даже трудно и назвать областью или землею; это скорѣе сторожевая линія". О томъ, что это не такъ, что и граница Черниговскаго княжества несовсѣмъ вѣрна, и о лѣсныхъ мѣстностяхъ на юго-востокъ отъ Черниговщины, и о судьбахъ Переяславльской земли и княжества авторъ могъ бы все нужное найти въ книгѣ В. Ляскоронскаго („Ист. Переяславльской земли до половины XIII в.", 2-е изд. 1903 г.), книгѣ, помѣщенной въ библіографическихъ примѣчаніяхъ, какъ одинъ изъ „главныхъ источниковъ, но, очевидно, авторомъ не использованной. — До крайности узкимъ кажется намъ

такое, напримѣръ, толкованіе А. Ефименко: „причина (того, что Чернигово-Сѣверскому княжеству не удалось сложиться въ сильный и самостоятельный политическій организмъ)—въ томъ же, повидимому, въ чемъ заключается причина исчезновенія съ политическаго горизонта Туровской земли: *въ большомъ размноженіи княжескаго рода* (стр. 62). Весьма сомнительно также существованіе въ Кіевской землѣ особаго Трипольскаго удѣла. Всѣ извѣстныя по первоисточнику данныя говорятъ за то, что Триполье или входило въ область Поросья (временами Торческій удѣлъ), или было придаткомъ къ другимъ удѣламъ и переходило изъ рукъ въ руки и т. п.

Очеркъ исторіи южной Руси въ составѣ Литовскаго государства—одна изъ наиболѣе обширныхъ главъ книги А. Ефименко. Въ этомъ очеркѣ сразу бросаются въ глаза два недостатка. Передъ нами лежитъ книга, опредѣленно озаглавленная—„Исторія украинскаго народа“. Старое заглавіе: еще со времени Н. Полевого мы знаемъ эти „исторіи народа“. Украинскій народъ не создалъ государственности, и авторъ правильно озаглавилъ свою книгу, но, къ сожалѣнію, у него—нѣтъ-нѣтъ—да и появится помимо воли какой-то совсѣмъ иной мотивъ, что-то какъ будто изъ иной „исторіи“. На первыхъ страницахъ указаннаго очерка можно прочесть, что „въ XIV в. мы какъ бы заново присутствуемъ при началѣ русской исторіи, вторично наблюдаемъ процессъ созиданія русской государственности... Историческая жизнь снова начинается (для самоуправляющихся городскихъ общинъ на кіевской территоріи) только тогда, когда ходъ событій опять затягиваетъ ихъ въ государственную связь... Области южной Руси какъ бы ждали лишь сильной руки, чтобы высвободиться изъ-подъ вліянія татаръ и посредствомъ новой государственной связи втянуться въ общее культурное движеніе.—Другое, что вызываетъ нѣкоторое недоумѣніе при чтеніи данной главы (иногда и въ другихъ отдѣлахъ), это—излишнее подчеркиваніе роли „историческихъ случайностей“ въ народныхъ судьбахъ: „не будь брака Ядвиги и Ягелло, — не было бы уніи Литовско-русскаго государства съ Польшей“,—говоритъ А. Ефименко. Такое же „стеченіе обстоятельствъ“ (смерть королей польскихъ Владислава III и Яна-Альбрехта болѣе ранняя, чѣмъ ихъ братьевъ, литовскихъ великихъ князей Казимира и Александра) подчеркнуто и при вопросѣ о полномъ политическомъ сліяніи Литвы и Польши въ послѣдующее время.

Кромѣ этихъ общихъ указаній, мы должны отмѣтить въ четвертой главѣ и нѣкоторыя фактическія неточности. Надо сказать, что А. Ефименко обладаетъ очень значительными и солидными фактическими знаніями по исторіи литовской и южно-русской, но они, очевидно, не всегда и не вездѣ вполнѣ достаточны для трудной работы изложенія

въ общедоступной и сравнительно краткой формѣ исторіи Украины за все истекшее тысячелѣтіе. При такой работѣ авторъ долженъ, обладая глубокимъ обобщающимъ талантомъ, имѣть самую обширную фактическую эрудицію вплоть до знанія мельчайшихъ фактовъ историческаго прошлаго, чтобы изъ „многаго" выбрать „немногое" необходимое и существенное. Г-жа А. Ефименко иногда не бываетъ полнымъ хозяиномъ тѣхъ историческихъ данныхъ, надъ которыми работаетъ— отсюда рядъ, хотя и не крупныхъ, но досадныхъ фактическихъ неточностей. Такъ, напримѣръ, она утверждаетъ (стр. 90), что на извѣстномъ съѣздѣ 1429-го года въ Луцкѣ у Витовта были „германскій императоръ Сигизмундъ, польскій король Ягелло, вел. кн. московскій Василій II Васильевичъ съ митрополитомъ Фотіемъ" и т. д. Ни въ главномъ источникѣ о съѣздѣ, въ письмѣ очевидца Яна Штейнекеллера, ни у Długosz'a, ни въ „Ostat. lata Witolda" Prochaska о присутствіи въ Луцкѣ Василія Васильевича свѣдѣній нѣтъ. Правдоподобно, что авторъ смѣшалъ луцкій съѣздъ съ приготовленіями къ коронаціи передъ смертью Витовта, когда, дѣйствительно, пятнадцатилѣтній московскій князь, вмѣстѣ съ другими князьями и митрополитомъ Фотіемъ, былъ въ Вильнѣ и Трокахъ. Это событіе относится къ концу лѣта 1430 г.—Упоминая о Таваньскомъ перевозѣ на нижнемъ Днѣстрѣ, А. Ефименко называетъ тамъ крѣпость-городокъ Инкерманъ (стр. 103), въ дѣйствительности расположенный на югѣ Крымскаго полуострова. Таваньскій перевозъ находился приблизительно на полпути между нынѣшними городами Бериславомъ и Херсономъ, противъ с. Тяганки, гдѣ въ давнія времена была крѣпостца „Исламово городище", разрушенная въ 1700 г., возстановленная вскорѣ и окончательно уничтоженная въ 1720 г., и т. д.

„Южная Русь подъ польскимъ владычествомъ" (со времени Люблинской Уніи до возстанія Б. Хмельницкаго), пожалуй, самая удачная глава по изложенію и группировкѣ матеріала въ книгѣ А. Ефименко, если не считать нѣсколько блѣднаго разсказа о происхожденіи украинскаго козачества. Авторъ съ достаточнымъ вниманіемъ и выразительностью слѣдитъ за обоими типами жизни въ южной Руси со второй половины XVI-го вѣка. Съ одной стороны, это была жизнь земель стараго заселенія, старой культуры, гдѣ всѣ общественныя отношенія уже пришли въ извѣстное равновѣсіе,—съ другой стороны, жизнь земель, заселяющихся заново, гдѣ общественный строй еще не успѣлъ окристаллизоваться въ опредѣленныя формы, гдѣ все находится въ хаотическомъ броженіи. Первый типъ представляетъ собою Волынь, Кіевское Полѣсье и западное, поднѣстровское Подолье; ко второму относится вся та масса земель съ неопредѣленными, уходящими къ югу, въ дикія поля, границами, которымъ подъ именемъ

Украины пришлось сдѣлаться кровавой ареной такой ужасающей исторической драмы (стр. 150—151). Въ этой драмѣ видную роль сыграло козачество, окончательно съорганизовавшееся, въ первой четверти XVII-го в., въ гетманство Сагайдачнаго. Выдающееся значеніе для украинско-польскихъ отношеній сыграло „смутное время“ въ Московскомъ государствѣ и вмѣшательство въ дѣла сѣверной Руси и поляковъ, и южноруссовъ. Правда, вопросъ этотъ малорусскими историками разработанъ мало, и ему не всегда удѣляютъ достаточно вниманія, но отношеніе къ нему нашего автора прямо незаслуженно пренебрежительное. Вотъ все, что мы нашли о данномъ вопросѣ въ „Исторіи украинскаго народа“: „какъ низовцы водили господарчиковъ-самозванцевъ въ Молдавію, такъ (!) повели польскіе паны, съ Мнишками во главѣ, царевича-самозванца въ Московское царство. Конечно, при этомъ былъ кликнутъ кличъ на охотниковъ, и украинскому своеволію открыто было новое русло еще до того, пока въ войну вмѣшалось государство, и гетманъ самъ повелъ козаковъ на православный сѣверъ. Достаточно извѣстно (кому?), какъ показали здѣсь себя украинцы, и какая доля участія въ тяжелой эпопеѣ „Смутнаго времени“ относится на счетъ низового козачества? Подобные, брошенные вскользь, намеки, прежде всего, полагаемъ, недопустимы въ систематическомъ, полномъ и популярномъ очеркѣ исторіи.

„Хмельнищина и Руина“, заканчивающіяся борьбой Петра I съ украинской автономіей послѣ „Мазепинской авантюры“, представляютъ въ книгѣ А. Ефименко довольно вѣрную оцѣнку историческихъ событій, и если знать фактическую исторію, то можно съ большимъ интересомъ прочесть данную главу. Особенно это надо сказать про время Хмельнищины. Однако, странными звучатъ слова автора о томъ, какъ „все, что происходитъ послѣ смерти Хмельницкаго на политической сценѣ Украинской земли, имѣетъ видъ какой-то безпорядочной и безсмысленной игры случайностей“. Имѣло ли это „все“ только *видъ*, или такъ было въ дѣйствительности, авторъ не даетъ на это прямого отвѣта, но, по всему замѣтно, склоняется къ тому мнѣнію, что дѣйствительно исторія украинскаго народа вслѣдъ за Хмельнищиной представляетъ „безпорядочную и безсмысленную игру случайностей“. Не успѣетъ появиться, по словамъ автора, какой-нибудь фактъ и выяснить свое содержаніе, какъ исчезаетъ подъ напоромъ иныхъ фактовъ, также, въ свою очередь, быстро исчезающихъ. Смѣняющіе другъ друга гетманы, возникающія и исчезающія партіи, перекрещивающіяся вліянія, походы, битвы и миры, политическіе договоры и компромиссы—мелькаютъ передъ нами, какъ въ калейдоскопѣ (стр. 247). Съ этими словами мы рѣшительно не можемъ согласиться.

Нельзя признать вѣрной и характеристику Мазепы, и оцѣнку его дѣятельности въ работѣ А. Ефименко. Далеки мы отъ мысли идеализировать Мазепу, какъ это дѣлаетъ авторитетный составитель „Бесід про часи козацькі на Україні“ (Галицкое изд. 1897 г.), видящій въ немъ самаго талантливаго дѣятеля, особенно великаго политика, Украины. Это тотъ самый Мазепа, который наибольшую ставку въ своей дѣятельности проигралъ именно потому, что возлагалъ всѣ надежды, создавая планъ украинской автономіи, на обласканную и одаренную имъ козацкую старшину, проглядѣвши единственную силу, на каковую могъ опираться въ вопросахъ о борьбѣ съ московской централизаціей, такъ какъ онъ „цілком не вважав на демократичні ідеали маси народньоі, не дбав про прихільність еі“ (стр. 108). При всемъ этомъ невозможно согласиться съ тѣмъ приниженіемъ Мазепы, какое мы находимъ въ разсматриваемой книгѣ, его личности и талантовъ, о которыхъ характерно высказался самъ народъ въ присловьѣ: „отъ Богдана (Хмельницкаго) до Ивана (Мазепы) не було гетьмана“. Авторъ же „Исторіи украинскаго народа“ говоритъ, что „популярность Мазепы—заимствованная: она опредѣляется главнымъ образомъ тою связью, какой историческая личность Мазепы связана съ личностью Петра...; въ его исторической роли, включая и послѣдній ея актъ—измѣну со всей ея якобы (?) неожиданностью, странностью, загадочностью,—все-таки нѣтъ ничего оригинальнаго, отмѣченнаго печатью высшей индивидуальности“.

Надо обратить вниманіе на одну особенность въ изложеніи А. Ефименко. Пишетъ она „исторію *украинскаго* народа“, очевидно, полагая, что это исторія южнорусской народности отъ Карпатъ до Слобожанщины, однако исторію Галицкой Руси всегда выдѣляетъ въ особыя рубрики и подзаголовки и ведетъ о ней рѣчь отдѣльно отъ изложенія украинской [1]) исторіи. Положимъ, исторія Галицкой земли въ старину и въ новѣйшее время (съ 1772 г.) требуетъ выдѣленія ея изъ общей украинской исторіи, но этого мы не можемъ сказать о другихъ періодахъ, особенно о XVII вѣкѣ. Въ главѣ же о Хмельнищинѣ и Руинѣ—Галиція почти позабыта авторомъ.

Еще одно замѣчаніе: и въ данной главѣ (до извѣстной степени и во всей книгѣ) авторъ очень немногое сообщаетъ о роли духовенства и литературы въ общемъ ходѣ историческихъ судебъ украинскаго народа. Вскользь упоминается о Сильв. Коссовѣ (стр. 242), о выбо-

[1]) Терминами „малорусскій“, „южнорусскій“, „украинскій“ мы пользуемся въ данной замѣткѣ безразлично, но имѣемъ особое мнѣніе объ этихъ терминахъ, особенно послѣднемъ, заключающемъ въ себѣ, несомнѣнно, болѣе публицистическое и политическое значеніе, чѣмъ научное и историческое. Но объ этомъ—въ свое время и не въ настоящей рецензіи.

рахъ священниковъ народомъ (стр. 270), объ участіи духовныхъ лицъ въ „кіевскихъ пунктахъ“ (глава 7-я)—вотъ и все почти изъ долгой исторіи борьбы малорусскаго духовенства за свою самостоятельность, выборное начало и автономію края со времени Хмельницкаго до второй половины XVIII в., борьбы, далеко не лишенной и драматическихъ моментовъ, и историческаго значенія. Не лучше, если не хуже, обстоитъ дѣло съ вопросами литературы и просвѣщенія въ XVI—XVII вв.,—о нихъ мы находимъ въ книгѣ объ исторіи украинскаго народа такія бѣглыя замѣчанія въ нѣсколько строкъ, какія могутъ вызвать скорѣе недоумѣніе читателя, чѣмъ удовлетворить его справедливую любознательность.

Отчасти въ пренебреженіи къ нѣкоторымъ важнымъ культурнымъ и идейнымъ вопросамъ исторіи украинскаго народа, отчасти благодаря непланомѣрному распредѣленію историческаго матеріала и преобладанію въ изложеніи архаическихъ вопросовъ передъ обстоятельнымъ выясненіемъ болѣе новыхъ соціально-историческихъ процессовъ и объясняются самые существенные недостатки послѣднихъ двухъ главъ книги А. Ефименко, гдѣ на сотнѣ страницъ разсказывается о судьбахъ Украины въ XVIII и XIX вѣкахъ. А между тѣмъ читатель въ правѣ предъявить самое рѣшительное желаніе, чтобы въ популярной „Исторіи украинскаго народа“ были наиболѣе сильно освѣщены послѣдніе три вѣка народной борьбы, сословной группировки и національной трансформаціи, а вся предыдущая историческая перспектива была сжата и изложена, какъ введеніе въ эту исторію народа. Авторъ поступилъ обратно: онъ, напримѣръ, особое вниманіе удѣлилъ литовскому періоду южнорусской исторіи. Это понятно, потому что авторъ „много пота утеръ“ въ своихъ предшествующихъ изслѣдованіяхъ надъ вопросами литовско-русской исторіи XIV—XVI вв., но непонятно въ научно-популярной украинской исторіи. Благодаря такой постановкѣ дѣла съужены рамки и интересы исторіи новой, бѣглое, отрывочное и неполное изложеніе которой вызываетъ невольную досаду на автора, предпочитающаго мелочное и отдаленное важному и близкому. Ну, зачѣмъ, скажемъ для примѣра, понадобилось перечисленіе всѣхъ этихъ терминовъ, часто не поясненныхъ въ изложеніи, зачѣмъ вся эта утомительная „эрудиція“ обыкновенному читателю или любителю украинской исторіи: „князья, попы, земяне, бояре, рыцарство, шляхта, дворяне, слуги, мѣстичи, люди черные, волостные, тяглые, данники, вотчичи, путники, бобровники и непохожіе, закладни“... Зачѣмъ перечень всѣхъ этихъ названій, когда самъ авторъ говоритъ, что за ними не скрывается разнообразія ни формъ, ни понятій (стр. 109)? Что мнѣ, если я не историкъ по спеціальности, до того, знаю ли я, или не знаю въ подробностяхъ „дворищную“ систему

„до живота“ или „до двухъ животовъ“, какое различіе между „похожими“ и „непохожими“ людьми, или какъ „слободичи“ дѣлались людьми „засѣлыми“, какія подати назывались „дякло“, какія—„мезлево“, какіе „гнала слѣды“ „горячая копа“ и какова была компетенція „великой копы“ въ XV и XVI вѣкахъ, что мнѣ до всего этого, когда я послѣ прочтенія книги „Исторія украинскаго народа“ не могу отчетливо представить того, какой историческій процессъ пережила моя родина отъ Хмельницкаго до послѣдняго времени, какъ это—„була колись Украина, та стала Россія“? Что мнѣ до всего этого, когда я не могу дать яснаго отвѣта на вопросы, откуда же взялось національное возрожденіе послѣдняго вѣка на Украинѣ, какъ шелъ параллельно—одинъ процессъ нивеллировки, а другой процессъ такого идейнаго развитія, какой нынѣ вызываетъ уже широкій интересъ къ украинскимъ вопросамъ на той же Украинѣ, какой оправдываетъ появленіе и успѣхъ хотя бы и данной книги „Исторія украинскаго народа“ нашего автора? И А. Ефименко не можетъ сказать, что это не должно входить въ задачи ея работы, что здѣсь уже выступаютъ „непріемлемые“ вопросы, что автору надо поставить точку, такъ какъ „передъ волнующимся океаномъ современности, надъ которымъ рѣютъ неясныя тѣни будущаго, прекращается дѣло историка“. Нѣтъ... Самъ авторъ ставитъ вопросы, о которыхъ мы говоримъ, ставитъ, даетъ намеки, но не рисуетъ опредѣленной перспективы, не представляетъ достаточныхъ и полныхъ объясненій. „Дѣлу спасенія украинской народности, ея выведенія на широкую арену общечеловѣческой дѣятельности, общечеловѣческой мысли, общечеловѣческихъ идеаловъ, послужило то же самое просвѣщеніе, которое было для нея въ извѣстномъ отношеніи столь гибельно въ силу своего односторонняго и искусственнаго направленія“ (стр. 371). Но—какъ? По поводу славянофильства сѣверянъ и южанъ и дѣятельности Максимовича, какъ автора „Букваря“ и „Книги Наума о Божьемъ мірѣ“, А. Ефименко говоритъ: „само положеніе украинской народности подсказывало южнорусскимъ дѣятелямъ *кое-что* такое, до чего сѣвернорусскимъ надо было доходить длиннымъ путемъ накопленія мысли и историческаго опыта“. Но—почему? И тщетно будетъ ждать отъ автора обстоятельнаго отвѣта на эти и многіе подобные имъ вопросы пытливый, неудовлетворенный читатель...

Таковъ общій характеръ новой книги по малорусской исторіи. Къ достоинствамъ ея надо отнести хорошее, вполнѣ литературное изложеніе, языкъ—легкій и простой, умѣнье автора заинтересовать читателя тѣми сторонами историческаго прошлаго, которыми интересуется и самъ авторъ. На ряду съ книгой проф. Грушевскаго, трудъ А. Ефименко составляетъ довольно цѣнный вкладъ въ украинскую исторіо-

графію, и мы не можемъ не пожелать новой работѣ почтенной писательницы самаго широкаго распространенія среди читателей не только украинцевъ, но и вообще всѣхъ интересующихся русской исторіей не въ однихъ предѣлахъ прошлой жизни сѣвернорусской народности.

Игн. Житецкій.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 іюня 1907 г.

Парламентскія пренія во Франціи. — Семидневный ораторскій турниръ. — „Митинговыя“ рѣчи и ихъ значеніе. — Французскіе соціалисты въ роли государственныхъ людей. — Внутреннія реформы въ Англіи. — Результаты всеобщаго голосованія въ Австріи.

Французская палата депутатовъ посвятила значительную часть прошлаго мѣсяца обсужденію запросовъ объ „общей политикѣ правительства“: министры, съ Клемансо во главѣ, подверглись весьма обстоятельной систематической аттакѣ крайнихъ лѣвыхъ и должны были упорно защищаться отъ нападеній и обличеній своихъ недавнихъ единомышленниковъ и союзниковъ, руководимыхъ Жоресомъ. Правая сторона палаты обыкновенно воздерживается отъ участія въ этихъ ораторскихъ турнирахъ между различными элементами республиканскихъ группъ, такъ какъ малѣйшее активное вмѣшательство клерикаловъ и націоналистовъ могло бы сразу измѣнить настроеніе большинства и направить удары обѣихъ борющихся сторонъ противъ скрытыхъ или явныхъ враговъ республики. Правыя партіи благоразумно молчатъ и стараются какъ будто заставить всѣхъ забыть о своемъ существованіи, пока происходитъ эта утѣшительная для нихъ внутренняя борьба между передовыми республиканцами.

Перестрѣлка начата была въ засѣданіи 7 мая умѣренно-либеральнымъ депутатомъ Готье, указавшимъ на безплодность всей дѣятельности министерства. „Пятнадцать мѣсяцевъ находитесь вы у власти,— говорилъ Готье,—и мы имѣемъ право спросить васъ, какими проектами, какими реформами ознаменовали вы свое господство. Правда, внесены законопроекты о подоходномъ налогѣ, о страхованіи рабочихъ, объ упраздненіи военныхъ судовъ, но эти мѣры вызываютъ много принципіальныхъ споровъ и не скоро еще дождутся своего практическаго осуществленія. Религіозныя распри обострились, общественный миръ нарушается волненіями рабочихъ, чиновники участвуютъ въ рабочихъ синдикатахъ и угрожаютъ государству забастовкою, и публика поневолѣ теряетъ довѣріе къ правительству. Министры должны сдѣлать выборъ—или идти заодно съ крайними лѣвыми, съ приверженцами насилій и анархіи, или рѣшительно отречься отъ нихъ“. Пренія сосредоточились затѣмъ на вопросѣ о синдикатахъ и объ участіи въ нихъ должностныхъ лицъ, особенно преподавателей учебныхъ заведеній.

Депутатъ Бюиссонъ горячо упрекалъ правительство за увольненіе нѣкоторыхъ учителей, присоединившихся къ „конфедераціи рабочихъ" и высказывавшихся публично въ оппозиціонномъ духѣ. Извѣстный Поль Дешанэль, академикъ и бывшій президентъ палаты, отмѣтилъ одну характерную черту рабочихъ организацій—подчиненіе ихъ немногимъ самозваннымъ вождямъ и агитаторамъ, которые вовсе не принимаютъ въ разсчетъ интересовъ и желаній большинства самихъ рабочихъ. Эти проповѣдники анархическаго соціализма отвергаютъ понятіе отечества и существованіе постоянной арміи; они создаютъ опасность для республики, и всякое правительство должно бороться съ ними. Соціалистъ Вальянъ, напротивъ, думаетъ, что министры не имѣютъ права вмѣшиваться въ рабочее движеніе и ограничивать свободу гражданъ. Кабинетъ Клемансо „превратился въ правительство полиціи; самъ онъ назвалъ себя первымъ изъ городовыхъ";—нужно отдѣлаться отъ этого министерства, ведущаго борьбу противъ синдикальной свободы рабочаго класса. Правительственныя мѣры осуждаются и депутатами Стегомъ и Массабюо. Старый соціалистъ Аллеманъ протестуетъ противъ „разрушенія всѣхъ свободъ" министрами, которые вчера еще выступали на защиту слабыхъ и угнетенныхъ; его бывшій другъ, Бріанъ, измѣнилъ своимъ прежнимъ убѣжденіямъ и сталъ преслѣдовать тѣхъ, кого защищалъ еще недавно; „одна рука его одѣта въ желѣзную перчатку, чтобы наносить удары скромнымъ труженикамъ, а другая покрыта шолкомъ для воздѣйствія на священниковъ".

Три засѣданія палаты были заняты этими обличительными рѣчами, большею частью безцвѣтными и малосодержательными; наконецъ, 10 мая, вступилъ на трибуну Жоресъ и произнесъ одну изъ своихъ самыхъ продолжительныхъ рѣчей: онъ закончилъ ее только на слѣдующій день, въ засѣданіи 11 мая. Это была обширная, красиво сказанная, но утомительная въ чтеніи публичная лекція о соціальныхъ задачахъ республики, о безусловномъ правѣ чиновниковъ участвовать въ общей эволюціи труда и въ возможныхъ будущихъ забастовкахъ, о благотворномъ значеніи „всеобщей конфедераціи рабочихъ", объединяющей крупныя массы французскаго пролетаріата, и о важныхъ принципіальныхъ погрѣшностяхъ и ошибкахъ министерства Клемансо. Французскіе рабочіе впервые организуются вполнѣ самостоятельно, безъ участія политическихъ дѣятелей, связывая между собою разнородныя направленія, доктрины и тенденціи; они идутъ впередъ ощупью, увлекаются общими идеями и нерѣдко поддаются вліянію заманчивыхъ утопій, но ставить имъ это въ вину значило бы забывать основныя свойства французскаго генія. „Зачѣмъ же — спрашиваетъ Жоресъ — придираться къ случайнымъ, преходящимъ формуламъ, болѣе

или менѣе крайнимъ? Можно ли серьезно предполагать, что французскіе пролетаріи въ глубинѣ своей совѣсти готовы предать отечество и отказаться отъ участія въ національной оборонѣ? Пропаганда дезертирства кажется мнѣ настолько же отвратительною, насколько она, къ счастію, безплодна. Дезертиръ отрекается отъ выполненія существеннаго долга каждаго гражданина защищать неприкосновенную свободу націи отъ внѣшняго нападенія; онъ отказывается дѣйствовать какъ гражданинъ въ соціальномъ общежитіи, гдѣ онъ можетъ пользоваться реальнымъ вліяніемъ, и, гордясь своимъ космополитизмомъ, онъ становится лишь ничтожной пылинкой на пыльной дорогѣ. Рабочій съумѣетъ самъ предохранить себя отъ этой пропаганды, безъ помощи репрессивныхъ мѣръ. Репрессія притомъ невозможна, ибо вы не посмѣете преслѣдовать въ книгахъ то, что вы преслѣдуете иногда въ газетахъ и брошюрахъ,—вы не пойдете такъ далеко въ нарушеніи свободы печати, а между тѣмъ призывы къ дезертирству достойны порицанія не только въ брошюрахъ извѣстнаго рода, но и въ книгахъ Толстого, восхваляемыхъ Клемансо. Нѣтъ, рабочіе не собираются бросить отечество на произволъ судьбы; напротивъ, изъ глубинъ пролетаріата выйдутъ неисчислимыя силы для защиты страны. Франція, тяжело раненая въ 1870 году, не можетъ безъ опасности для себя допустить приближеніе меча къ своему сердцу; но какъ бы мрачно ни смотрѣли мы на міръ, люди никогда не увидятъ этого чудовищнаго зрѣлища—смерти Франціи". По мнѣнію Жореса, нападки на отечество представляютъ опасность не для отечества, а для пролетаріата, скрывая и отдаляя отъ него отвѣтственныя насущныя задачи. Въ бурѣ будущихъ войнъ выдвинется одинъ только вопросъ: какое направленіе приметъ національная независимость — олигархическое и буржуазное, или соціалистическое и революціонное? „Имѣя за собою численность, пролетаріатъ обладаетъ законнымъ средствомъ расширить свои права и вольности; онъ можетъ сдѣлать изъ отечества свое отечество, а для этого онъ долженъ приступить къ его завоеванію".

Перейдя къ обсужденію практикуемыхъ рабочими способовъ борьбы съ капиталистами, Жоресъ остановился на теоріи саботажа или умышленной порчи товара; этотъ способъ — говоритъ онъ — противенъ французскому рабочему, привыкшему дорожить своимъ техническимъ искусствомъ и своей репутаціей, и примѣняется чаще всего хозяевами съ цѣлью уменьшенія издержекъ производства: вспомнимъ фальсификацію винъ, поддѣлку удобреній, примѣси къ хлѣбному зерну, и т. п. Такая постоянная порча товара капиталистами не обращаетъ на себя вниманія печати, а сколько шуму поднято было газетами по поводу случаевъ нахожденія камешковъ въ печеномъ

хлѣбѣ во время недавней стачки булочниковъ! Къ „саботажу“ прибѣгаютъ и рабочіе-повара: они рѣшились приготовлять хорошія кушанья, тогда какъ большіе рестораны славятся своею плохою, неопрятною кухнею; „въ подаваемыхъ блюдахъ столь же мало искренности, какъ и въ политическихъ программахъ“, и чтобы повредить хозяевамъ, соединившіеся работники поварского дѣла стали заботиться о доброкачественности продуктовъ, что̀ и составляетъ порчу съ точки зрѣнія интересовъ крупныхъ рестораторовъ. „Конфедерація рабочихъ“, объединяя различные рабочіе синдикаты, неизбѣжно смягчаетъ способы борьбы на практикѣ, хотя и обостряетъ ихъ въ теоріи; синдикаты собираютъ взносы съ участниковъ, и если центральная касса обильно снабжена деньгами, то стачка или забастовка рабочихъ проходитъ спокойно, безъ излишнихъ волненій, тогда какъ при бѣдности отдѣльныхъ синдикатовъ рабочіе, побуждаемые нуждою и страхомъ голода, легко доходятъ до преступныхъ насилій. Такимъ образомъ общая организація рабочаго движенія выгодна для всего общества, и репрессивныя мѣры противъ „конфедераціи“ были бы совершенно неумѣстны. Чѣмъ больше разнородныхъ синдикатовъ войдетъ въ составъ конфедераціи, тѣмъ правильнѣе и увѣреннѣе будетъ ея дальнѣйшее развитіе, и въ этомъ отношеніи было бы особенно полезно участіе интеллигентныхъ синдикатовъ должностныхъ лицъ, по примѣру Англіи и Соединенныхъ штатовъ. Республиканское правительство могло бы отнестись къ французскимъ рабочимъ и чиновникамъ съ такимъ же довѣріемъ, какое обнаруживаетъ монархическое англійское правительство относительно своихъ чиновниковъ и рабочихъ. „Послѣ суровыхъ мѣропріятій противъ церкви и буржуазіи, Клемансо берется теперь за организованный рабочій классъ. Если продолжать эту очистительную работу надъ Франціею, то что̀ же останется въ ней? Останется Клемансо. Это, конечно, много, но все-таки это недостаточно“. Политика репрессій могла быть предпринята какимъ угодно министерствомъ, но не настоящимъ: нынѣшніе министры не имѣли на нее никакого нравственнаго права. Клемансо возмущается открытымъ письмомъ, адресованнымъ къ нему чиновниками; онъ негодуетъ во имя авторитета власти,— но онъ самъ былъ увлекающимся журналистомъ, и теперь еще онъ употребляетъ свои министерскіе досуги на писаніе отличныхъ газетныхъ статей; какъ глава правительства, онъ не перестаетъ вести полемику и даетъ этимъ соблазнительный примѣръ своимъ подчиненнымъ. Клемансо въ свое время блистательно защищалъ и примѣнялъ широкое право протеста противъ авторитета власти, а теперь онъ не допускаетъ критики, направленной противъ него лично. Если Клемансо и нѣкоторые изъ его коллегъ поступали въ этомъ смыслѣ несправедливо и несогласно съ своею прошлою дѣятельностью, то пря-

мая обязанность удержать ихъ отъ ложнаго шага лежала на двухъ министрахъ, связанныхъ съ соціалистической партіей и участвовавшихъ нѣкогда въ ея борьбѣ,—это была естественная роль Бріана и Вивіани. Оба они въ свое время принадлежали къ синдикальному движенію, оба признавали право должностныхъ лицъ образовать синдикаты и присоединяться къ общей конфедераціи труда; Вивіани даже назначилъ начальникомъ своей канцеляріи главнаго проповѣдника синдикализма, Поля Бонкура. Бріанъ былъ краснорѣчивымъ сторонникомъ всеобщей забастовки; онъ объяснялъ рабочимъ ея силу и значеніе, а теперь, сдѣлавшись министромъ народнаго просвѣщенія, онъ увольняетъ чиновниковъ, которые прониклись его идеями. Вся заключительная часть рѣчи Жореса была жестокимъ обвинительнымъ актомъ противъ его „бывшаго друга", Бріана.

Въ теченіе всего засѣданія 11 мая говорилъ одинъ Жоресъ, съ небольшимъ перерывомъ; пренія возобновились въ понедѣльникъ, 13 мая, когда Бріанъ отвѣчалъ своимъ противникамъ. Бріанъ говорилъ также очень долго и подробно, также блестяще и остроумно, быть можетъ, даже болѣе содержательно, и имѣлъ въ палатѣ шумный успѣхъ; онъ не спорилъ противъ того, что положеніе министра существенно отличается отъ положенія свободнаго оппозиціоннаго дѣятеля и что чувство отвѣтственности предъ страною заставляетъ его поступать иначе, чѣмъ онъ предполагалъ въ своихъ теоретическихъ разсужденіяхъ; онъ остался вѣренъ своимъ руководящимъ принципамъ и будетъ проводить ихъ по мѣрѣ возможности, считаясь съ фактическими обстоятельствами и условіями, надъ которыми не властно никакое министерство. Разумѣется, было бы несравненно проще и удобнѣе выйти въ отставку при первомъ серьезномъ затрудненіи, чтобы сохранить чистоту своей репутаціи; но это не было бы доказательствомъ мужества. Онъ желаетъ, чтобы его судили не по его прошлымъ рѣчамъ, а по его дѣйствіямъ; онъ не могъ допустить, чтобы чиновники и въ частности преподаватели относились къ государству, какъ рабочіе—къ своимъ случайнымъ хозяевамъ-капиталистамъ, эксплуатирующимъ рабочую силу для цѣлей наживы,—и онъ увѣренъ, что такъ же точно поступитъ на его мѣстѣ и Жоресъ, когда онъ будетъ министромъ. Извѣстная эволюція идей, въ смыслѣ приспособленія ихъ къ реальной обстановкѣ государственной жизни, не можетъ быть избѣгнута, и она вовсе не означаетъ измѣны личнымъ убѣжденіямъ. Для успѣшнаго развитія и процвѣтанія рабочихъ синдикатовъ безусловно необходимо, чтобы они избѣгали всякихъ эксцессовъ и правонарушеній; въ противномъ случаѣ они вызовутъ реакцію, которая можетъ оказаться опасною для всего рабочаго класса. Бріанъ говорилъ какъ практическій государственный человѣкъ, и этотъ тонъ его

министерскихъ рѣчей возбуждаетъ наибольшее сочувствіе въ умѣренной французской печати. Въ засѣданіи 14 мая высказался авторитетный вождь либераловъ, извѣстный ораторъ стараго декламаторскаго стиля, Рибо; онъ въ общемъ одобрилъ заявленія Бріана и выразилъ готовность поддержать политику правительства. Соціалистъ Самба̀ пытался уличить Бріана въ логическихъ противорѣчіяхъ и въ непослѣдовательности; еще разъ говорилъ Жоресъ, и наконецъ самъ Клемансо закончилъ немногими словами этотъ семидневный ораторскій турниръ. Было предложено шестнадцать формулъ перехода къ очереднымъ дѣламъ; отъ результата голосованія зависѣла судьба всего кабинета, и какъ и слѣдовало ожидать, значительное большинство палаты приняло формулу, на которую заранѣе согласилось правительство.

Стенографическіе газетные отчеты объ этихъ любопытныхъ засѣданіяхъ даютъ намъ чрезвычайно интересную и поучительную картину французскихъ парламентскихъ преній, — особенно поучительную для обычныхъ строгихъ критиковъ нашего юнаго русскаго парламента. Прежде всего мы видимъ здѣсь полное отсутствіе какихъ бы то ни было ограниченій или стѣсненій для отдѣльныхъ ораторовъ и для ихъ слушателей; каждый говоритъ все, что̀ находитъ нужнымъ, и занимаетъ трибуну столько времени, сколько хочетъ и можетъ; ораторовъ постоянно прерываютъ разными возгласами, фразами и краткими возраженіями, на которыя тутъ же получается отвѣтъ, и нѣкоторыя рѣчи имѣютъ даже видъ быстрой остроумной бесѣды съ оппонентами; никто не держится опредѣленной темы, и подъ флагомъ запроса объ общей политикѣ подробно обсуждаются факты, касающіеся прошлой дѣятельности министровъ и не имѣющіе ничего общаго съ политическими вопросами и задачами даннаго момента. Предсѣдатель палаты ограничивается только чисто формальною ролью и совершенно не вмѣшивается въ ходъ преній; онъ никого не останавливаетъ, никому не дѣлаетъ замѣчаній и предоставляетъ депутатамъ вступать даже въ личныя пререканія, насколько послѣднія не нарушаютъ свободы слова оратора, занимающаго каѳедру. Только одинъ разъ президентъ Бриссонъ далъ знать о своемъ присутствіи,—когда Жоресъ, замѣтивъ вызванное его словами движеніе среди слушателей, обратился къ палатѣ съ просьбою удѣлить ему свое вниманіе: Бриссонъ сказалъ тогда, что именно это движеніе показываетъ, съ какимъ интересомъ палата слѣдитъ за рѣчью Жореса. Благодаря давнишнимъ парламентскимъ навыкамъ и традиціямъ, регулируются сами собою тѣ живыя проявленія общественнаго темперамента, которыя въ другомъ мѣстѣ казались бы безпорядкомъ или считались бы несовмѣстимыми съ правильнымъ ходомъ засѣданій; оттого во французской палатѣ активное участіе президента становится какъ бы ненужнымъ и

малозамѣтнымъ, причемъ общій порядокъ преній не терпитъ, однако, никакого ущерба.

По существу произнесенныя рѣчи не имѣютъ никакой связи съ текущими законодательными работами и носятъ именно тотъ характеръ, который принято у насъ называть „митинговымъ"; самое обсужденіе спорныхъ вопросовъ о синдикатахъ не могло привести ни къ какому положительному результату, съ одной стороны потому, что никакого новаго законопроекта по этому предмету не предполагалось, а съ другой — потому, что заранѣе было извѣстно существованіе прочнаго обезпеченнаго республиканскаго большинства въ пользу Клемансо-Бріана. Тѣмъ не менѣе, никому во Франціи не приходитъ въ голову жаловаться на то, что палата напрасно тратитъ такъ много времени на ненужныя и длинныя рѣчи; напротивъ, подобныя парламентскія засѣданія признаются весьма важными и цѣнными; они привлекаютъ общій интересъ, дѣятельно обсуждаются въ газетахъ и даютъ матеріалъ для полезныхъ разсужденій и выводовъ среди представителей различныхъ классовъ населенія. То, что у насъ пренебрежительно относятъ къ области безцѣльной и безплодной агитаціи, составляетъ обычную принадлежность всякаго западно-европейскаго парламента и входитъ въ программу дѣйствій каждой политической партіи; эта агитаціонная сторона парламентаризма образуетъ ту живую силу, которая связываетъ народное представительство съ общественнымъ и народнымъ мнѣніемъ и подготовляетъ разумное пониманіе и рѣшеніе стоящихъ на очереди трудныхъ и сложныхъ вопросовъ. Двухдневная рѣчь Жореса заключаетъ въ себѣ не только обстоятельное разъясненіе роли рабочихъ синдикатовъ и ихъ централизаціи съ точки зрѣнія интересовъ пролетаріата, но и практическую программу будущаго въ этой области; многочисленныя остальныя рѣчи выдвигаютъ другія важныя черты и особенности того же вопроса, а рѣчь Бріана ярко и убѣдительно оттѣняетъ обязательное отношеніе всякаго республиканскаго правительства къ способамъ дѣйствій рабочаго класса; вмѣстѣ съ тѣмъ рѣзко подчеркивается особое положеніе должностныхъ лицъ—хотя бы соціалистовъ по убѣжденіямъ—въ такомъ централизованномъ государствѣ, какъ Франція. Далеко не безполезны также замѣчанія Жореса и другихъ ораторовъ по поводу пропаганды идей, отрицающихъ отечество и милитаризмъ въ примѣненіи къ какой-нибудь опредѣленной странѣ, безъ соотвѣтственныхъ реформъ въ другихъ могущественныхъ государствахъ. Такого рода руководящія и исчерпывающія для даннаго времени практическія указанія могутъ быть даваемы только парламентомъ или черезъ его посредство, и въ этомъ выражается, между прочимъ, великая воспитательная роль народнаго представительства.

Французскія парламентскія пренія 7—14 мая представляютъ общій интересъ еще и съ другой стороны: въ нихъ наглядно обрисовывается обычная судьба крайнихъ направленій, получающихъ свободный доступъ къ реальной государственной практикѣ. Въ былое время французская буржуазія приходила въ ужасъ отъ одной мысли о переходѣ власти въ руки соціалистовъ; она готова была проливать потоки крови для предотвращенія подобной катастрофы, и „красный призракъ“ служилъ пугаломъ для зажиточныхъ классовъ французскаго населенія въ теченіе многихъ десятилѣтій. Современные французы знаютъ уже по опыту, что можно смѣло предоставить соціалистамъ управлять государствомъ, безъ малѣйшаго риска для существующаго экономическаго строя и связанныхъ съ нимъ интересовъ; министры-соціалисты даютъ только лишнюю гарантію прочности соціальнаго мира, такъ какъ они сдерживаютъ рабочій классъ силою внутренняго убѣжденія и перспективою будущихъ широкихъ реформъ, что̀ было бы немыслимо при министрахъ-консерваторахъ. Клемансо былъ и остается передовымъ радикаломъ-соціалистомъ, а какъ глава кабинета онъ лучше охраняетъ внѣшній порядокъ и безопасность, чѣмъ любой реакціонный министръ, считающій единственной задачею управленія строгую охрану правительственнаго авторитета. Соціалисты Бріанъ и Вивіани, допускавшіе прежде и всеобщую забастовку и синдикаты чиновниковъ, являются теперь ревностными популярными защитниками интересовъ государства, и въ ихъ рукахъ эта защита оказывается гораздо болѣе цѣлесообразною и дѣйствительною, чѣмъ при господствѣ сановниковъ, возбуждавшихъ къ себѣ общее недовѣріе и раздраженіе. Каждый оппозиціонный дѣятель невольно становится консервативнымъ, когда ему приходится примѣнять свои взгляды въ сложной области государственныхъ отношеній, и для буржуазіи нѣтъ болѣе вѣрнаго способа обезвредить проповѣдниковъ соціализма, какъ сдѣлать ихъ министрами. Само собою разумѣется, что искренняя убѣжденность такихъ людей, какъ Бріанъ, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, и эта безупречность мотивовъ придаетъ особую цѣну талантамъ новыхъ государственныхъ дѣятелей, прошедшихъ школу свободнаго идейнаго соціализма. Французскіе соціалисты имѣютъ въ этомъ отношеніи огромное преимущество предъ германскими: они дѣйствительно сохраняютъ свободный умъ и не чувствуютъ себя рабами узкой книжной доктрины, налагающей отпечатокъ какой-то схоластической тупости на соціалъ-демократію нѣмецкаго типа.

Въ Англіи предпринимаются серьезныя попытки внутреннихъ политическихъ реформъ, но пока безъ большого успѣха. Щекотливый вопросъ о преобразованіи палаты лордовъ, составляющій одинъ изъ

существенныхъ пунктовъ либеральной программы, не выходитъ еще изъ области теоретическихъ обсужденій, и консерваторы надѣются обойти его или разрѣшить его по-своему, взявъ на себя иниціативу реформы. Лордъ Ньютонъ внесъ въ палату лордовъ выработанный имъ проектъ частичнаго преобразованія этой палаты и изложилъ его главныя черты въ засѣданіи 6 мая: во-первыхъ, наслѣдственный элементъ въ палатѣ долженъ быть ограниченъ привлеченіемъ только тѣхъ пэровъ, которые удовлетворяютъ извѣстнымъ спеціальнымъ условіямъ или же будутъ избраны для этого въ качествѣ представителей на срокъ парламентскихъ полномочій; во-вторыхъ, коронѣ предоставляется право назначать пожизненныхъ пэровъ въ числѣ не болѣе ста, а число епископовъ въ палатѣ должно быть сокращено соотвѣтственно уменьшенію числа наслѣдственныхъ пэровъ; въ-третьихъ, способъ избранія ирландскихъ и шотландскихъ представительныхъ пэровъ будетъ такой же, какъ и при выборѣ англійскихъ пэровъ; и въ-четвертыхъ, наслѣдственные пэры, не желающіе сдѣлаться представителями въ верхней палатѣ или засѣдать въ ней, могутъ выступать кандидатами на выборахъ въ палату общинъ. Лордъ Ньютонъ предлагалъ передать этотъ билль на разсмотрѣніе выборнаго комитета палаты; лордъ Каудоръ находилъ нужнымъ придумать средства для возвышенія законодательной работоспособности верхней палаты, причемъ совѣтовалъ дѣйствовать съ большою осторожностью; лордъ Кру высказалъ мнѣніе, что прежде всего слѣдовало бы выяснить предѣлы полномочій палаты и характеръ ея отношеній къ нижней палатѣ; другіе лорды критиковали билль по существу, какъ слишкомъ неясный и поверхностный: партійный составъ можетъ остаться прежнимъ, и принадлежность большинства палаты къ одной консервативной партіи не предупреждается ни выборомъ представителей изъ среды самихъ пэровъ, ни назначеніемъ пожизненныхъ пэровъ по выбору короны при разныхъ партійныхъ кабинетахъ. Въ сущности палата лордовъ — такое дряхлое учрежденіе, что преобразовать ее на разумныхъ началахъ представляется почти невозможнымъ; это наслѣдіе далекой старины распадется при первомъ прикосновеніи къ нему реформаторской руки, а такъ какъ англичане не любятъ колебать или передѣлывать свои старинные національные институты безъ крайней необходимости, то они, вѣроятно, ограничатся болѣе точнымъ опредѣленіемъ функцій верхней палаты относительно поступающихъ изъ нижней палаты законопроектовъ. По этому вопросу либеральный кабинетъ сэра Кемпбелль-Баннермана не выработалъ еще предположеннаго проекта реформы, и для палаты лордовъ было бы преждевременно принимать какія-либо опредѣленныя рѣшенія; въ засѣданіи 7 мая, послѣ оживленныхъ преній, палата согласилась съ предложеніемъ лорда Кау-

дора о передачѣ возбужденнаго вопроса въ выборный комитетъ, причемъ лордъ Ньютонъ взялъ свой проектъ обратно.

Въ палатѣ общинъ, въ тотъ же день 7 мая, министръ по дѣламъ Ирландіи Биррель представилъ обширный законопроектъ о новомъ ирландскомъ самоуправленіи. Въ своей вступительной рѣчи министръ объяснилъ, что дѣло идетъ не объ автономіи и не о предоставленіи мѣстнымъ выборнымъ законодательной власти, а объ учрежденіи высшаго административнаго совѣта для завѣдыванія чисто-ирландскими дѣлами. Управленіе черезъ посредство Дублинскаго замка должно быть признано неудачнымъ; оно отдаляло народъ отъ короны, создавало атмосферу взаимнаго недовѣрія и натянутости и дѣлало скрытою и недоступною для метрополіи національную жизнь Ирландіи, съ ея мѣстными интересами и желаніями. Въ странѣ существовало, подъ общимъ руководствомъ и надзоромъ намѣстника, сорокъ пять различныхъ административныхъ учрежденій, и изъ нихъ восемь главныхъ предположено теперь подчинить контролю центральнаго представительнаго совѣта изъ 82 выборныхъ и 24 назначенныхъ членовъ. Выборные члены избираются лицами, обладающими избирательными правами при выборахъ мѣстныхъ органовъ самоуправленія; назначенные члены выбираются на первый разъ короною, а впослѣдствіи намѣстникомъ, причемъ имѣется въ виду обезпечить такимъ способомъ права меньшинства. Предсѣдатель совѣта выбирается членами изъ ихъ среды; главный секретарь по дѣламъ Ирландіи можетъ присутствовать въ засѣданіяхъ совѣта и давать объясненія въ случаѣ надобности. Совѣту предоставлено полное право контроля по всѣмъ дѣламъ, подлежащимъ компетенціи упомянутыхъ пяти административныхъ вѣдомствъ; этотъ контроль осуществляется путемъ постановленій, обязательныхъ для администраціи, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда лордъ-лейтенантъ останавливаетъ ихъ для вторичнаго разсмотрѣнія или для отмѣны; такое вмѣшательство намѣстника входитъ въ кругъ общей правительственной политики и можетъ быть оспариваемо въ парламентѣ. Совѣтъ получаетъ въ свое распоряженіе довольно крупныя финансовыя средства—около $6^1/_2$ милл. рублей въ годъ на наши деньги. Весь законопроектъ производитъ впечатлѣніе крупной прогрессивной мѣры, могущей послужить первымъ шагомъ на пути къ ирландской автономіи; такъ былъ понятъ и встрѣченъ этотъ билль въ палатѣ вождемъ ирландскихъ патріотовъ, Джономъ Редмондомъ. Двѣ недѣли спустя, общее собраніе делегатовъ отъ ирландскихъ націоналистовъ въ Дублинѣ, 21 мая, рѣшительно отвергло проектъ Бирреля и подтвердило традиціонныя стремленія ирландцевъ къ дѣйствительному и полному самоуправленію,—и это единодушное рѣшеніе состоялось по формальной инціативѣ самого

Редмонда. Настроеніе въ Ирландіи было таково, что о сочувствіи къ попыткѣ либеральнаго кабинета не могло быть и рѣчи и что Редмонду пришлось оправдывать предъ ирландцами свою ошибочную тактику въ парламентѣ. Ирландцы предпочитаютъ остаться при старомъ режимѣ и довольствоваться частичными реформами, въ ожиданіи лучшихъ временъ,—такъ что министерскій законопроектъ, возбуждавшій столько смѣлыхъ надеждъ, сразу потерялъ практическое значеніе.

Въ Австріи состоялись первые парламентскіе выборы по новому избирательному закону, основанному на принципѣ всеобщаго народнаго голосованія: съ 13 по 23 мая различныя австрійскія области переживали сильнѣйшее политическое волненіе, такъ какъ исходъ избирательной кампаніи никѣмъ не могъ быть предусмотрѣнъ даже приблизительно, а между тѣмъ отъ результата выборовъ зависѣла судьба многочисленныхъ національныхъ группъ, входившихъ въ составъ стараго рейхсрата. Можно было предвидѣть заранѣе, что прежняя группировка партій по народностямъ подвергнется значительнымъ измѣненіямъ или уступитъ мѣсто новымъ комбинаціямъ въ демократическомъ духѣ; но даже ближайшіе участники выборной агитаціи, кажется, не предвидѣли того крушенія, которое постигло прежнія австрійскія партіи. Значительныя группы нѣмецкихъ либераловъ, германскихъ централистовъ, младочеховъ и аграріевъ совершенно потонули въ новомъ движеніи, и вмѣсто нихъ выступили на первый планъ соціалъ-демократы, получившіе 85 мѣстъ въ парламентѣ; затѣмъ либеральные прогрессисты, христіанскіе соціалисты или антисемиты, клерикалы и свободомыслящіе. Подъ этими рубриками смѣшаны представители различныхъ національностей, и дѣйствительный составъ парламента выяснится только впослѣдствіи. Любопытно, что передовые либералы при соперничествѣ съ клерикалами и антисемитами дѣйствовали заодно съ соціалъ-демократами, несмотря на всѣ старанія правительства достигнуть соглашенія буржуазныхъ партій для совмѣстныхъ дѣйствій противъ соціалистовъ;—очевидно, угрожающее господство „черныхъ" представляло для свободомыслящей буржуазіи болѣе близкую и чувствительную опасность, чѣмъ появленіе въ австрійскомъ парламентѣ многочисленной партіи представителей доктринерскаго соціализма по германскому образцу. Во всякомъ случаѣ, политическій опытъ, произведенный теперь въ Австріи, долженъ дать новый толчокъ политическому развитію и оживленію монархіи на новыхъ демократическихъ началахъ, и можно сказать, что для австрійскихъ народностей начинается нынѣ новая историческая эпоха, полная глубокаго интереса...

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

Oscar Wilde. Trois Comédies. Стр. 424. Paris, 1906. Dujarric édit.

Оскаръ Уайльдъ извѣстенъ у насъ своими смѣлыми, парадоксальными произведеніями, въ которыхъ онъ замѣнялъ эстетическими критеріями требованія общественной и личной морали. Многое измѣнилось съ тѣхъ поръ какъ онъ скандализировалъ англійское общество своими насмѣшками и парадоксами. Съ тѣхъ поръ въ жизнь вошла проповѣдь Ницше и видоизмѣнила во многомъ прежнее представленіе о морали. Ницшеанство тоже теперь утратило исключительную власть надъ умами, но все же его критика условной нравственности сдѣлала свое, и есть сужденія, къ которымъ уже теперь не возвращаются. Поэтому Оскаръ Уайльдъ менѣе поражаетъ теперь своей парадоксальностью,—но тѣмъ болѣе его цѣнятъ какъ поэта и какъ эстетика съ острымъ, вѣрнымъ чутьемъ. Его „Портретъ Доріана Грэя", его драма „Саломея" и его обаятельная по уму, смѣлости, по высказаннымъ въ ней впервые эстетическимъ истинамъ, книга „Намѣренія" (Intentions) остались въ числѣ несомнѣнныхъ пріобрѣтеній въ новѣйшей литературѣ и послѣ того какъ Оскаръ Уайльдъ пересталъ быть только моднымъ писателемъ.

Литературная судьба Оскара Уайльда—не обыкновенная уже потому, что онъ долго былъ подъ запретомъ, въ виду трагическихъ обстоятельствъ его личной жизни. Послѣ того какъ онъ приговоренъ былъ къ тяжкому тюремному заключенію, вся Англія отвернулась отъ него, забывъ въ осужденномъ большого поэта, и то, что тяжесть англійскаго тюремнаго режима убила его, что онъ умеръ черезъ годъ послѣ освобожденія, все же не казалось достаточнымъ искупленіемъ въ глазахъ строгаго общества, которое не прощаетъ никогда оглашенную вину. И послѣ смерти Уайльда сочиненія его не доходили до публики, не издавались, и только въ самое послѣднее время они понемногу снова появляются въ печати, и выходятъ въ свѣтъ также книги о немъ біографическаго и критическаго содержанія. И все же съ его сочиненіями приходится знакомиться часто по иностраннымъ изданіямъ. Такъ, его поразительная „Исповѣдь", написанная въ тюрьмѣ, появилась впервые по-нѣмецки. И до сихъ поръ продолжаютъ по-

являться его неизданныя произведенія или перепечатки и переводы его прежнихъ забытыхъ въ Англіи книгъ.

Передъ нами теперь французскій переводъ трехъ комедій Оскара Уайльда: „Вѣеръ", „Незначительная женщина" и „Идеальный мужъ". Первыя двѣ болѣе извѣстны и въ англійскихъ изданіяхъ, а третья— „Идеальный мужъ",—хотя и шла въ свое время въ Лондонѣ, но съ тѣхъ поръ забыта. Ее въ послѣднее время съ большимъ успѣхомъ играли въ Германіи, и она представляетъ интересъ для общей характеристики блестящаго и смѣлаго ума автора. Комедіи этого рода, въ которыхъ Оскаръ Уайльдъ главнымъ образомъ вышучиваетъ чопорность и лицемѣріе высшаго англійскаго общества, отдавая въ то же время дань его умственнымъ качествамъ, его изящному скептицизму, очень своеобразны. Въ нихъ доведена до крайности ироническая манера Оскара Уайльда. По фабулѣ и, главное, по нравоучительнымъ, совершенно въ духѣ условной англійской морали, развязкамъ, эти комедіи, казалось бы, ничѣмъ не напоминаютъ парадоксальнаго автора „Intentions". Въ нихъ прегрѣшенія противъ свѣтскихъ приличій возводятся въ дѣйствительную вину, и дѣйствіе построено главнымъ образомъ на подозрѣніяхъ въ „безнравственномъ поведеніи", на козняхъ зловредныхъ интриганокъ,—причемъ въ концѣ торжествуетъ мораль, которая удовлетворила бы самую чопорную англійскую даму изъ общества и самаго строгаго англійскаго пастора. Но фабула и мораль для Оскара Уайльда—только удобная маска, за прикрытіемъ которой онъ съ блестящимъ остроуміемъ кидаетъ въ лицо своимъ добродѣтельнымъ соотечественникамъ самыя дерзкія насмѣшки, самыя безпощадныя истины. На діалогѣ сосредоточивается весь интересъ его сатирическихъ комедій съ добродѣтельной развязкой.

Самая интересная изъ трехъ комедій во французскомъ изданіи— „Идеальный мужъ". Въ ней замыселъ достоинъ аналитической мысли Оскара Уайльда, а по выполненію—это одинъ изъ блестящихъ образцовъ легкаго комедійнаго жанра по остроумію и по сценической выдумкѣ. Комедія касается въ игривомъ тонѣ самыхъ болѣзненныхъ вопросовъ жизненной морали,—вопроса о лжи и правдѣ въ жизни, объ отвѣтственности за совершенную вину, о столкновеніяхъ живого чувства съ отвлеченными, сухими требованіями долга. До нѣкоторой степени замыселъ „Идеальнаго мужа" напоминаетъ „Нору" Ибсена. У Ибсена мужъ узнаетъ о нечестномъ поступкѣ жены и, отказываясь вникать въ мотивы, руководившіе ею, судитъ и осуждаетъ ее—пока измѣнившіяся обстоятельства не уничтожаютъ послѣдствій ея вины и не смягчаютъ тѣмъ самымъ корыстной строгости лицемѣрнаго человѣческаго суда. Приблизительно таково же исходное положеніе въ комедіи Оскара Уайльда, причемъ виновнымъ является мужъ. Жена

считаетъ его образцомъ благородства и честности, преклоняется передъ нимъ, не зная, что на его совѣсти—нечестный поступокъ, совершенный въ молодости, и въ которомъ онъ ей не признался. Онъ, когда-то, будучи секретаремъ министра, продалъ государственную тайну крупному биржевику, который нажилъ этимъ милліоны и въ свою очередь заплатилъ цѣлое состояніе за сообщенную ему тайну. Тогдашній секретарь министра, Робертъ Чильтернъ, составилъ на этомъ свою дальнѣйшую блестящую карьеру. Онъ теперь колоссально богатъ, видный членъ парламента и пользуется безупречной репутаціей, оправдываемой и его общественной дѣятельностью, и его личной жизнью. Изъ-за совершеннаго имъ въ молодости предательства никто не пострадалъ; деньги, полученныя имъ тогда, онъ вдвое вернулъ въ суммахъ, данныхъ на благотворительныя дѣла, и самъ уже забылъ о грѣхѣ молодости. Жена его не знаетъ объ источникѣ его богатства и его карьеры,—онъ не рѣшался признаться ей, зная ея пуританскую строгость и слишкомъ любя ее, чтобы рисковать потерей ея взаимности. Въ томъ, что̀ важнѣе,—нравственный ли судъ, совершенно отвлеченный, поскольку онъ относится къ забытому прошлому, или же любовь, связанная со всѣмъ смысломъ жизни въ настоящемъ и дальнѣйшемъ ея теченіи,—и заключается вопросъ, который ставитъ Уайльдъ въ своей комедіи. Развитіемъ событій управляетъ введенная въ дѣйствіе коварная интриганка, м-ссъ Шевли. Она—наименѣе живое лицо въ комедіи, и авторъ представляетъ ее скорѣе условнымъ сценическимъ типомъ. Во всѣхъ его пьесахъ встрѣчаются такія интриганки, нужныя ему какъ сценическое средство для проявленія другихъ характеровъ, достаточно жизненныхъ и правдивыхъ, чтобы возмѣстить условность одной фигуры, приводящей въ дѣйствіе всю интригу. И въ этой комедіи еще больше, чѣмъ въ другихъ, главный интересъ сосредоточенъ на блестящемъ діалогѣ, въ которомъ попутно высмѣивается свѣтская мораль, пустота жизни и высказываются блестящія парадоксальныя истины.

М-ссъ Шевли—авантюристка изъ высшаго общества. Она пріѣзжаетъ въ Лондонъ среди сезона, не для того, чтобы легкомысленно веселиться, какъ другія свѣтскія дамы, а для того, чтобы провести интересующее ее дѣло. Она давно не была въ Лондонѣ, живя постоянно въ Вѣнѣ, гдѣ у нея большія дипломатическія связи, и пріѣздъ ея менѣе всего радуетъ тѣхъ, кто знаетъ ее. Она встрѣчается со своими бывшими поклонниками, увлеченными въ свое время ея красотой и умомъ, въ томъ числѣ съ молодымъ лордомъ Горингомъ, которому встрѣча съ ней непріятна. Онъ прежде сильно увлекался ею и даже собирался жениться на ней, но потомъ понялъ, что она простая авантюристка, и очень недоволенъ ея появленіемъ. Къ тому же, онъ

сильно увлеченъ сестрой своего друга, Чильтерна, остроумной, хорошенькой Мабель, и тѣмъ болѣе недоволенъ присутствіемъ интриганки, могущей напомнить ему о прежнихъ своихъ правахъ и повредить ему въ глазахъ молодой дѣвушки. Но м-ссъ Шевли не думаетъ пока о своемъ прежнемъ поклонникѣ. Она пріѣхала не для него, а для сэра Роберта Чильтерна. Въ его салонѣ она появляется, попавъ туда черезъ общую знакомую, причемъ всѣ встрѣчаютъ ее съ обычной свѣтской учтивостью и равнодушной любезностью, за исключеніемъ хозяйки дома, лэди Чильтернъ. Она узнаетъ въ м-ссъ Шевли свою пансіонскую подругу, изгнанную изъ заведенія за кражу. Выставляя интриганку къ тому же еще вульгарной воровкой, Оскаръ Уайльдъ иронически показываетъ, что всякое прошлое возможно въ посѣтителяхъ и посѣтительницахъ лондонскихъ аристократическихъ салоновъ. Оставшись наединѣ съ хозяиномъ дома, м-ссъ Шевли излагаетъ свое дѣло. Она разсказываетъ, что заинтересована въ предпріятіи, которое должно обсуждаться на дняхъ въ парламентѣ, въ постройкѣ аргентинскаго канала. И такъ какъ докладъ объ этомъ въ парламентѣ долженъ сдѣлать именно сэръ Робертъ Чильтернъ, то она проситъ его сдѣлать докладъ въ благопріятномъ для компаніи свѣтѣ. Сэръ Робертъ пораженъ этой просьбой и отказывается, говоря, что намѣренъ, напротивъ того, показать, что это—мошенническая спекуляція. Тогда м-ссъ Шевли открываетъ свои козыри. У нея въ рукахъ письмо Чильтерна, раскрывающее проступокъ его молодости—продажу за деньги государственной тайны. Тотъ, кому онъ ее продалъ, былъ другомъ м-ссъ Шевли, завѣщалъ ей, умирая, свое состояніе, и у нея же письмо Чильтерна. Такимъ образомъ, Чильтернъ уже не имѣетъ права читать ей мораль,—его жизнь ничѣмъ не выше ея. Мало того, онъ не можетъ отказать ей въ содѣйствіи, потому что иначе она предастъ гласности его письмо и погубитъ всю его карьеру. Въ этомъ конфликтѣ ярко отражена вся призрачность устоевъ, которыми гордится и держится общественная мораль. Сэръ Робертъ—образецъ благородства, м-ссъ Шевли—интриганка, авантюристка, и, какъ выясняется въ дальнѣйшемъ дѣйствіи, продолжаетъ быть воровкой; къ ней всѣ относятся съ презрѣніемъ, а между тѣмъ и его жизнь построена на безчестномъ поступкѣ: этимъ онъ связанъ съ нею. И еще знаменательнѣе, что жизнь требуетъ отъ него, чтобы онъ оставался во лжи и былъ сообщникомъ м-ссъ Шевли; правда окончательно погубила бы его. Пусть откроется его забытое прошлое, никому не причинившее вреда,—и все его настоящее, какъ бы прекрасно и благотворно оно ни было, пойдетъ на смарку. Общество жаждетъ прежде всего комфорта для души, какъ и для тѣла. Откровенная правда нарушаетъ комфортъ, заставляетъ разбираться въ сущности поступковъ, вмѣсто того, чтобы обходиться удобными про-

писями. Поэтому отъ человѣка требуется только, чтобы онъ скрывалъ все, что можетъ быть темнаго въ его жизни, чтобы показная сторона его дѣйствій была корректна. Общество создаетъ ложь, вынуждая къ ней во всѣхъ сложныхъ положеніяхъ жизни; эту общественную ложь и обличаетъ Оскаръ Уайльдъ въ своей сатирѣ. Сэръ Робертъ принужденъ стать сообщникомъ авантюристки; онъ былъ бы героемъ, еслибы этого не сдѣлалъ, а общество признаетъ героевъ только на полѣ битвы или въ какихъ-нибудь эффектныхъ условіяхъ для подвига. Сэръ Робертъ обѣщаетъ сдѣлать благопріятный для предпріятія докладъ въ палатѣ, съ тѣмъ, чтобы получить послѣ засѣданія обратно позорное для него письмо, и на этомъ обѣщаніи бесѣда кончается. Но планы сэра Роберта разрушаетъ его жена. М-ссъ Шельви, которую она очень не любила, когда она еще была ея подругой по пансіону, теперь еще болѣе непріятна ей своимъ фамильярнымъ обращеніемъ. Послѣ разговора съ сэромъ Робертомъ, м-ссъ Шевли успѣваетъ еще передъ уходомъ разсказать лэди Чильтернъ, что сэръ Робертъ будетъ поддерживать интересующій ее проектъ аргентинскаго канала, но что это пока секретъ между нею и сэромъ Робертомъ. Лэди Чильтернъ совершенно теряется отъ ея словъ. Она знаетъ, что предпріятіе считается мошенническимъ, и увѣрена, что ея мужъ не можетъ поддерживать его, а фамильярный тонъ ненавистной ей интриганки о ея мужѣ оскорбляетъ ее. Проводивъ гостей, она спрашиваетъ у мужа объясненій; онъ старается отвѣчать уклончиво, говоритъ о силѣ обстоятельствъ, но она настаиваетъ, спрашиваетъ о причинахъ, могущихъ побудить его на безчестный поступокъ—таковымъ она считаетъ содѣйствіе завѣдомо мошенническому предпріятію—и требуетъ, чтобы онъ открылъ ей позорную тайну его жизни, если таковая есть. „Тогда я уйду отъ тебя", прибавляетъ она. Этими словами она останавливаетъ всякую попытку откровенности со стороны мужа. Это объясненіе проведено въ комедіи съ тонкимъ ироническимъ отношеніемъ къ людямъ, укрѣпившимся въ своей категорической морали и творящимъ судъ надъ другими, не вдумываясь въ ихъ души. Подъ давленіемъ жены сэръ Чильтернъ пишетъ письмо къ м-ссъ Шевли съ отказомъ отъ ея предложенія. Онъ знаетъ, что этимъ губитъ себя, что м-ссъ Шевли будетъ мстить, но онъ не можетъ рисковать любовью жены даже для спасенія своей карьеры.

Чильтернъ прибѣгаетъ къ совѣту своего друга, лорда Горинга, аффектирующаго легкомысліе въ жизни, и разсказываетъ ему о своемъ прошломъ. Его соблазнилъ тогда его тогдашній знакомый, предлагавшій ему сдѣлку съ совѣстью, говоря ему о власти, которую даетъ большое богатство. Въ этомъ разговорѣ Оскаръ Уайльдъ блестяще раскрываетъ условность и ложь англійскаго свѣтскаго общества.

Устами Чильтерна онъ повторяетъ софизмы, принятые въ обществѣ. Чильтернъ говоритъ, что онъ не продалъ себя за деньги, а только купилъ успѣхъ дорогой цѣной, что люди преклоняются только передъ деньгами, что нужно, во что̀ бы то ни стало, имѣть деньги, и что въ нѣкоторыхъ случаяхъ поддаться соблазну—признакъ не слабости, а смѣлости и т. д. Горингъ, который носитъ только маску свѣтскаго равнодушія ко всему въ жизни, понимаетъ, что легко было бы осудить друга, но гораздо труднѣе помочь ему; онъ избираетъ трудное и поддерживаетъ въ немъ бодрость духа, берется помочь ему, поговоривъ съ его женой. Чильтернъ, однако, правъ, не вѣря въ возможность подѣйствовать на пуританскую строгость его жены. Съ первыхъ же словъ Горингъ убѣждается, что она не допускаетъ возможности компрометирующихъ обстоятельствъ въ жизни мужа, не понимаетъ проповѣди Горинга о томъ, что нужно понимать слабости людей, что практическая жизнь иногда требуетъ компромиссовъ и т. д. Она не понимаетъ никакихъ намековъ. Ихъ бесѣду прерываетъ появленіе Мабель, увлекающей Горинга на турниръ остроумія, въ которомъ оба подъ масками равнодушія ко всему серьезному въ жизни скрываютъ искреннее взаимное чувство; выдать его—значило бы рисковать репутацiей свѣтскости съ ея аттрибутами скептицизма и даже душевнаго цинизма. Появленіе новаго лица прерываетъ бесѣду Горинга съ двумя дамами—докладываютъ о приходѣ м-ссъ Шевли, не неожиданномъ для лэди Чильтернъ. Оказывается, что она заѣхала вмѣстѣ со своей пріятельницей, которая уѣзжаетъ куда-то по нужному благотворительному дѣлу и оставляетъ м-ссъ Шевли, до своего возвращенія, у лэди Чильтернъ. Послѣдняя довольна тѣмъ, что случай далъ ей возможность поговорить наединѣ съ своей бывшей подругой, и заявляетъ ей, что не желаетъ принимать ее у себя въ домѣ, узнавъ, что она такая же безчестная, какъ и прежде. Разговоръ между ними, какъ и предшествующій между сэромъ Робертомъ и его другомъ, изобилуетъ опредѣленіями общественныхъ добродѣтелей и сужденій. М-ссъ Шевли говоритъ, что равнодушна къ порицаніямъ лэди Чильтернъ. „Мораль,—говоритъ она,—это наше отношеніе къ людямъ, которыхъ не любимъ"; она рада, когда лэди Чильтернъ, въ своей жизненной слѣпотѣ, заявляетъ, что человѣкъ, совершившій разъ нѣчто безчестное, погибъ навсегда. М-ссъ Шевли пользуется этой фразой и заявляетъ своей подругѣ дѣтства, что ея мужъ именно въ такомъ положеніи, которое равняетъ его съ нею; она разсказываетъ о происхожденіи его богатства. Сэръ Робертъ входитъ среди ея объясненій, молчитъ въ отвѣтъ на вопросы жены и, призвавъ слугу, говоритъ ему, чтобы онъ проводилъ м-ссъ Шельви. Прогнавъ такимъ образомъ интриганку изъ своего дома, онъ заявляетъ женѣ, что все, что̀ она ска-

зала,—правда. Лэди Чильтернъ говоритъ все, что̀ полагается въ такихъ случаяхъ, выражая свое отчаяніе, свое разочарованіе въ немъ, считаетъ, что все между ними порвано. Сэръ Робертъ, давая волю горькому чувству въ душѣ, говоритъ ей о слѣпотѣ любви, предъявляющей опредѣленныя требованія и мѣрящей чувства предполагаемыми въ человѣкѣ качествами. „Зачѣмъ вы, женщины, ставите насъ на такой пьедесталъ недосягаемыхъ добродѣтелей,—спрашиваетъ онъ,—вмѣсто того, чтобы любить, какъ мы любимъ васъ со всѣми вашими слабостями, недостатками, безуміями? Любовь нужна именно, когда человѣкъ раненъ, хотя бы по своей винѣ, но больно раненъ другими и ищетъ опоры въ близкомъ, любимомъ существѣ. Любовь должна прощать всѣ грѣхи, кромѣ грѣха противъ себя самой". Онъ объясняетъ женѣ, что своимъ отношеніемъ она удержала его отъ признанія правды, и теперь погубила его, предоставивъ его мести злой женщины. Когда онъ уходитъ, его жена остается смущенной,—ей открылась какая-то болѣе широкая правда.

Добрымъ геніемъ, возстановляющимъ благополучіе Чильтерна и его жены, становится легкомысленный Горингъ. Къ нему рѣшаетъ обратиться лэди Чильтернъ въ своемъ отчаяніи и пишетъ ему письмо, предупреждая о своемъ приходѣ. Горингъ ждетъ ее, и такъ какъ въ это же время приходитъ его отецъ, велитъ слугѣ провести даму, которая придетъ, въ сосѣднюю комнату. Но приходитъ м-ссъ Шевли, у которой явилась мысль отдать компрометирующее сэра Роберта письмо Горингу, если онъ согласится жениться на ней. Съ этимъ предложеніемъ она явилась, и по словамъ слуги поняла, что Горингъ ждетъ какую-нибудь другую женщину. Она все-таки остается, и, увидавъ на столѣ письмо лэди Чильтернъ, беретъ его съ собой, рѣшивъ, что письмо можно эксплоатировать, какъ доказательство интимности Горинга и лэди Чильтернъ. Услышавъ голоса изъ другой комнаты, она проходитъ въ сосѣдній салонъ. Входитъ Горингъ съ сэромъ Робертомъ, неожиданно явившимся къ нему, и котораго Горингъ хочетъ спровадить, увѣренный, что въ сосѣдней комнатѣ его жена. Чильтернъ говоритъ о своемъ безвыходномъ положеніи, но, по смущенію Горинга, подозрѣваетъ, что кто-нибудь ихъ подслушиваетъ. Вопреки запрету Горинга, онъ бѣжитъ туда и возвращается возмущенный, говоритъ съ презрѣніемъ о находящейся тамъ женщинѣ—его женѣ, какъ полагаетъ Горингъ, а въ дѣйствительности о м-ссъ Шевли. Дѣйствіе комедіи въ этомъ актѣ очень живое, соединяющее сценическую выдумку съ содержательнымъ діалогомъ. Чильтернъ уходитъ возмущенный; является м-ссъ Шельви со своимъ предложеніемъ. Но Горингъ имѣетъ теперь другое оружіе противъ нея. Она наканунѣ обронила брошь у Чильтерновъ; Горингъ нашелъ ее и увидалъ, что это—пода-

рокъ, который онъ нѣкогда сдѣлалъ одной знакомой дамѣ ко дню ея свадьбы. Происхожденіе этой драгоцѣнной броши у м-ссъ Шевли—ясное: она украла ее. Но она не знаетъ, что брошь раздвигается въ браслетъ, и теперь Горингъ надѣваетъ на нее браслетъ; снять она его не можетъ, не зная потайной пружины украденной вещи,—и Горингъ грозитъ выдать ее полиціи. Во избѣжаніе скандала, она отдаетъ ему письмо сэра Роберта, которое онъ тутъ же сжигаетъ. М-ссъ Шевли дѣлаетъ еще одну попытку мести—отсылаетъ письмо лэди Чильтернъ къ Горингу сэру Роберту, чтобы вызвать въ немъ подозрѣнія относительно вѣрности жены. Но, получивъ письмо уже тогда, когда уладились всѣ волненія, сэръ Робертъ увѣренъ, что жена написала то письмо ему (обращенія въ письмѣ нѣтъ), взывая къ его помощи послѣ ихъ бурной сцены. Въ концѣ разъясняется и это послѣднее недоразумѣніе, и все кончается благополучно. Лэди Чильтернъ требовала отъ мужа, чтобы онъ ушелъ и отказался отъ всей своей общественной дѣятельности, чтобы искупить вину прошлаго, но Горингъ отговариваетъ ее отъ этого требованія, доказывая, что горизонты дѣятельности человѣка шире всего эмоціональнаго въ жизни. Самъ Горингъ благополучно женится на Мабель, не обѣщая, впрочемъ, быть идеальнымъ мужемъ, какъ требуетъ его отецъ. И невѣста его тоже говоритъ, что боится всего идеальнаго и слишкомъ совершеннаго.

II.

Karl von Levetzow. Louise Michel (la vierge rouge). Eine Charakterskizze. Стр. 100 (Leipzig, Verl. Rothbarth).

Въ 1905 году, въ Марселѣ, умерла отъ случайной болѣзни женщина, имя которой имѣло громкую, міровую извѣстность—Луиза Мишель. Ей было шестьдесятъ-пять лѣтъ, но она была еще полна силъ и энергіи, и смерть застигла ее среди работы: она объѣзжала югъ Франціи, читая лекціи по рабочему вопросу, проповѣдуя обновленіе жизни, проникнутая фанатической вѣрой въ добрую природу человѣка, которая восторжествуетъ и преобразитъ жизнь, — когда исчезнетъ извращающая злая сила—власть. Луиза Мишель пользовалась громкой извѣстностью и далеко за предѣлами своей родины, Франціи,—но въ сущности о ней распространены лишь пристрастныя партійныя сужденія; безпристрастнаго представленія о ея духовной личности почти никто не давалъ. Она была долго пугаломъ буржуазной Франціи, пресловутой „красной дѣвой“ (vierge rouge), а среди единомышленниковъ ее или слѣпо прославляли, какъ героиню революціи, или, какъ

нѣкоторые исторіографы коммуны, относились къ ней скорѣе снисходительно, отрицали значительность ея роли при коммунѣ и видѣли въ ней фанатичку, подвиги которой разрослись въ народной фантазіи до легендарнаго мученичества. Существовало о ней также довольно распространенное мнѣніе, что она „добрая, но сумасбродная женщина“ (une bonne fille, mais toquée). Но все это мнѣнія, которыя высказывались непосредственно по поводу ея участія въ разныхъ событіяхъ,— и такъ какъ она до самой смерти, въ теченіе долгихъ лѣтъ послѣ возвращенія изъ ссылки въ Новую Каледонію, не переставала дѣятельно проявлять свои теоріи и чувства, то только теперь, когда ея жизнь и дѣятельность отошли въ историческое прошлое, возможно составить себѣ вѣрное и безпристрастное представленіе о Луизѣ Мишель. И теперь образъ ея вырисовывается во всей его психологической полнотѣ и со всѣмъ его обаяніемъ. Луиза Мишель по своему душевному складу принадлежитъ къ тѣмъ чистымъ натурамъ, которыя встрѣчаются среди теоретиковъ анархизма. Въ нихъ сочетаются два, казалось бы, непримиримыхъ, но на самомъ дѣлѣ родственныхъ начала— безграничное любвеобиліе и стихійное чувство мятежа во имя вѣры въ человѣка. Это сочетаніе даетъ очень разныя комбинаціи—преобладаніе той или другой силы ведетъ иногда къ крайне печальнымъ явленіямъ фанатическаго духа разрушенія, а иногда къ чрезмѣрному увлеченію непротивленіемъ злу; но въ гармоніи этихъ двухъ началъ большое обаяніе—и, можетъ быть, большая правда. Психологически, т.-е. въ натурѣ, а не въ дѣйствіяхъ, такая гармонія противорѣчивыхъ силъ осуществлялась въ отдѣльныхъ людяхъ. Она составляетъ привлекательность одного изъ самыхъ крупныхъ представителей современнаго теоретическаго анархизма, Петра Кропоткина. Она же проявилась въ Луизѣ Мишель, которую нельзя сравнить съ Петромъ Кропоткинымъ по идейной значительности, но которая по духу очень близка ему.

Недавно появившаяся небольшая нѣмецкая книжка о Луизѣ Мишель, Карла фонъ-Левецова представляетъ собой интересный очеркъ ея жизни и характеристику „красной дѣвы“ въ сочувственномъ къ ней тонѣ; очеркъ Левецова имѣетъ психологическій характеръ—что и составляетъ его преимущество передъ партійными агитаціонными характеристиками Луизы Мишель. Левецовъ пользуется въ значительной степени автобіографическимъ матеріаломъ, содержащимся въ запискахъ Луизы Мишель, дополняя его фактическими данными изъ другихъ источниковъ. Самые факты настолько краснорѣчивы, и психологія Луизы Мишель такъ прозрачно выражается въ ея простыхъ, безхитростныхъ мемуарахъ, что получается—независимо отъ большей или меньшей значительности ея активной революціонной роли—образъ исключительно чистой, сильной личности, какъ-то особенно легко, безъ ко-

лебаній, безъ личныхъ бурь идущей къ своей цѣли. Всюду, гдѣ появляется „красная дѣва“, на баррикадахъ, въ странѣ изгнанія, на улицахъ и площадяхъ, на сборищахъ, гдѣ она просто и вразумительно говоритъ о нуждахъ и правахъ каждаго человѣка,—всюду за ней шествуетъ любовь, и—такова горькая участь активно любящихъ людей—всюду слова любви сплетаются съ призывами къ мятежу.

Луиза Мишель родилась въ 1830 году, въ Вронкурѣ, и біографъ отмѣчаетъ съ особымъ вниманіемъ смѣшанное происхожденіе. Она была незаконной дочерью матери крестьянки и аристократа отца, по всей вѣроятности владѣльца вронкурскаго зàмка; по ея мемуарамъ видно, что отецъ ея принадлежалъ къ старинному феодальному роду. „Исторія анархизма“—говоритъ по этому поводу Левецовъ—„указываетъ на то, что нужна по крайней мѣрѣ значительная примѣсь деспотической крови для того, чтобы создать истиннаго анархиста“. Этотъ афоризмъ дѣйствительно оправдывается и на примѣрахъ русскихъ творцовъ анархизма. Въ характерѣ Луизы Мишель ея біографъ видитъ упрямство „рыцарей - грабителей“, предковъ отца, усугубленное „мужицкимъ упрямствомъ“ со стороны матери,—и это свойство она проявила въ борьбѣ за права обездоленныхъ и отверженныхъ, съ которыми чувствовала глубокую связь до самой смерти.

Наслѣдственность и среда, въ которой она выросла, имѣли большое вліяніе на развитіе Луизы Мишель. Домъ ея матери, жившей у своихъ родителей, былъ скорѣе помѣщичьимъ, нежели крестьянскимъ. Вся семья была очень интеллигентная, много читавшая, и будущая революціонерка, одаренная съ дѣтства исключительнымъ умственнымъ развитіемъ, жадно прислушивалась къ разговорамъ старшихъ. Дѣдъ ея былъ вольтеріанецъ, убѣжденный революціонеръ и республиканецъ, сестра матери—пламенная католичка, и Луиза Мишель говоритъ въ своихъ запискахъ о странномъ взаимодѣйствіи этихъ противорѣчивыхъ вліяній, воспитавшихъ въ ней революціонный духъ. Въ семьѣ матери было много оригиналовъ. Такъ, отецъ ея дѣда, по странному для крестьянина капризу, купилъ огромную библіотеку „на вѣсъ“, и эта библіотека повліяла на судьбу всего его потомства. Луиза помнила братьевъ своего дѣда, удивительно сохранившихся стариковъ, поражавшихъ своими знаніями и умѣньемъ обо всемъ толково и интересно разсуждать; вся семья отличалась умственнымъ развитіемъ, хотя всѣ въ ней были самоучками, такъ какъ ни у кого не было средствъ для пріобрѣтенія правильнаго образованія. Библіотека прадѣда стала источникомъ гуманитарныхъ и чисто научныхъ знаній многихъ членовъ семьи, и въ нѣкоторыхъ своихъ старшихъ родственникахъ Луиза Мишель отмѣчаетъ безсознательно анархическій складъ мыслей; она увѣрена сама, что зародыши ея позднѣйшихъ идей и дѣйствій лежали

въ традиціяхъ ея семьи. Родители ея матери, кромѣ того, отличались художественными наклонностями, вели поэтическіе дневники, такъ что и литературное дарованіе Луизы Мишель, сказавшееся въ ея стихахъ и драмахъ, тоже наслѣдственное. Еще одна черта Луизы Мишель, ея сентиментальная любовь къ животнымъ, которая часто служила предметомъ насмѣшекъ ея недоброжелателей, укрѣпилась у нея съ дѣтства. Домъ ея матери служилъ всегда кровомъ для безчисленныхъ кошекъ и собакъ, подбираемыхъ изъ жалости. Впослѣдствіи „красная дѣва", жившая всегда въ крайней бѣдности, тоже окружена была кошками и собаками, всегда самыми жалкими и несчастными.

Эту черту ея біографъ считаетъ единственнымъ проявленіемъ женской чувствительности у Луизы Мишель, такъ какъ въ остальномъ она была лишена всякой женственности. Она съ дѣтства и потомъ въ молодости была не только чужда женскаго кокетства, но тяготилась всякими заботами о своей наружности; она очень рано сдѣлалась противницей замужества, какъ цѣли женской жизни, и сначала инстинктивно, а потомъ сознательно боролась за эмансипацію женщинъ. Можетъ быть, это связано было съ природнымъ преобладаніемъ въ ней мужскихъ чертъ, съ ея непривлекательной въ смыслѣ женственности наружностью; ея біографъ не упоминаетъ объ этомъ обстоятельствѣ, но о немъ свидѣтельствуютъ всѣ знавшіе ее молодой, а тѣмъ болѣе въ позднѣйшіе годы. И на портретахъ ея лицо кажется очень одухотвореннымъ, но не женственнымъ, некрасивымъ. Оно соотвѣтствовало ея натурѣ, не знавшей женскихъ привязанностей. Въ своихъ мемуарахъ Луиза Мишель разсказываетъ, какъ ее возмутили первые два человѣка, просившіе ея руки въ ранней молодости. Оба они хотѣли пріобрѣсти примѣрную жену, которая была бы для нихъ „жизненнымъ удобствомъ", и обоимъ она отвѣтила цитатами изъ Мольера, высмѣивая ихъ и пугая грядущими разочарованіями въ своей „примѣрности". И съ тѣхъ поръ ее началъ возмущать институтъ брака, не связываемый въ буржуазной Франціи съ вопросомъ о любви. „Je ne veux pas être le potage de l'homme", говоритъ она фразой изъ Мольера, объясняя свой протестъ противъ обычной женской судьбы. Она съ молодыхъ лѣтъ возмущалась тѣмъ, что французскимъ молодымъ дѣвушкамъ навязываютъ замужество изъ практическихъ цѣлей, и стала ярой защитницей женской эмансипаціи. Про себя она говоритъ, что всегда питала только дружескія и товарищескія чувства къ своимъ сверстникамъ или единомышленникамъ, и не переживала никогда романтическихъ увлеченій. Эта особенность ея натуры объясняетъ въ значительной степени ея стойкую преданность дѣлу, отъ котораго ее никогда не отвлекали осложненія личной жизни. Общечеловѣческія черты преобладали въ ней надъ чисто женскими.

Луиза Мишель вступила въ дѣйствительную жизнь послѣ смерти родителей ея матери; пришлось заботиться о пропитаніи себя и матери. Ее влекло къ научнымъ занятіямъ, ей хотѣлось ѣхать учиться въ Парижъ, но природная доброта и активное чувство любви заставили ее принести уже въ молодости—ей было тогда двадцать-три года—первую тяжелую жертву. Она отказалась—по крайней мѣрѣ на время—отъ дальнѣйшихъ научныхъ занятій и приняла мѣсто младшей учительницы въ Ecole libre въ Оделонкурѣ, вблизи Вронкура, гдѣ продолжала жить въ своемъ домѣ ея мать—единственная ея сердечная привязанность въ жизни. Должность учительницы была первымъ шагомъ Луизы Мишель на общественномъ поприщѣ; съ этого началась ея революціонная дѣятельность, къ которой ее подготовили и ея индивидуальность, и вліянія, среди которыхъ она выросла. Она начала съ того, что внесла революціонный духъ въ свою школу. Общеніе съ дѣтьми, воспитаніе дѣтей въ духѣ своихъ убѣжденій, было дѣломъ близкимъ ея душѣ, въ которое она внесла всю свойственную ей любовь и энергію; впослѣдствіи она вела за собой толпу такъ же убѣжденно и твердо, какъ подчиняла своему обаянію школьныхъ дѣтей, будучи молодой дѣвушкой. Какъ тогда дѣти, такъ потомъ вѣрившая ей толпа чувствовала въ ней преданную себѣ и страдающую ея страданіями защитницу. Луиза Мишель не скрывала въ школѣ своихъ политическихъ убѣжденій, своего презрѣнія ко второй имперіи, къ Наполеону III, котораго не называла иначе, чѣмъ „Бадингé", и ея школьное начальство сразу отнеслось недоброжелательно къ неблагонамѣренной учительницѣ, которая, къ тому же, говорила открыто о своемъ стремленіи въ Парижъ, гдѣ уже началось революціонное броженіе. Вскорѣ стали обнаруживаться прямые признаки ея революціонности. Возмущаясь тѣмъ, что дѣтямъ старались привить въ школѣ лойяльныя чувства и заглушить въ нихъ естественное влеченіе къ свободѣ, она стала учить ихъ марсельезѣ, внушать имъ любовь къ свободѣ, а однажды, когда въ церкви, послѣ окончанія службы, началась молитва за благоденствіе императора Наполеона, всѣ дѣти école libre, по ея знаку, шумно вышли изъ церкви. Кромѣ того, она писала зажигательныя статьи въ мѣстной газетѣ; за одну изъ нихъ, въ которой проводилась прозрачная параллель между царствованіемъ римскаго императора Домиціана, покровителя преторіанцевъ и гонителя философовъ и ученыхъ, котораго обожали, пока его не убили, и правленіемъ Наполеона III, ее обвинили въ оскорбленіи величества. Она разсказываетъ объ этомъ эпизодѣ въ своихъ запискахъ, прибавляя, что обвиненіе было вполнѣ основательнымъ. Ее призвали къ префекту, который заявилъ, что она оскорбила императора сравненіемъ съ Домиціаномъ, и что не будь она такъ молода, ее за это слѣдовало

бы сослать въ Кайенну. Она отвѣтила, что тѣ, которые усматриваютъ въ ея портретѣ Домиціана сходство съ господиномъ Бонапартомъ, очевидно сами его оскорбляютъ, но что она лично ничего не имѣетъ противъ ссылки въ Кайенну. Она съ удовольствіемъ устроила бы тамъ школу, но не имѣетъ средствъ, чтобы туда поѣхать; правительство, поэтому, окажетъ ей только услугу, взявъ путевые расходы на себя. Дѣлу не было дано дальнѣйшаго хода, но оставаться въ Оделонкурѣ она послѣ этого не могла, и уѣхала—въ 1855 году—въ Парижъ. Тамъ она получила мѣсто учительницы въ одной школѣ на Монмартрѣ, и съ этихъ поръ вошла въ близкія сношенія съ революціонными кружками. Первое время она, помимо своихъ профессіональныхъ занятій, слушала вечерніе курсы по философіи и естественнымъ наукамъ, занималась математикой, а также писала романы, публицистическіе этюды и занималась, сверхъ того, музыкой, такъ какъ обладала выдающимися музыкальными способностями и даже написала оперу. Жизнь ея въ Парижѣ была поразительной по разнообразію; она умѣла сочетать художественную продуктивность не только съ педагогической дѣятельностью, но и съ усиленной политической, организаціонной работой, причемъ она жила въ крайней бѣдности, и еще ухитрялась помогать своимъ еще болѣе нуждающимся друзьямъ. Но вскорѣ она поняла, что ея истинное призваніе—служить страждущему человѣчеству, и рѣшила посвятить всѣ свои силы революціи, пожертвовавъ для этого своими художественными влеченіями. Она разсказываетъ въ своихъ запискахъ объ этомъ поворотномъ пунктѣ своей жизни, въ связи съ тѣмъ, какъ одна старая дама услышала исполненные ею въ школѣ отрывки своей оперы, „Le rêve des sabbats“; она ужаснулась „чудовищности“ бурныхъ эффектовъ, но прибавила: „самое печальное—что въ этомъ есть задатки чего-то настоящаго“. На это Луиза Мишель со свойственнымъ ей задоромъ отвѣтила: „Еслибы въ этомъ ничего не было, неужели бы я была столь глупа, что занималась бы своей музыкой“. Благожелательная дама стала ей тогда доказывать, что для выработки таланта нужно посвятить себя ему, и Луиза Мишель серьезно объяснила ей, что она это знаетъ, и потому занимается только своими школьными занятіями, и не работаетъ надъ оперой, которая останется мечтой,—какъ многое другое, отъ чего она тоже отказалась. „Ну, а ваше сердце, куда вы его бросили?“—спросила дама. „Я его отдала революціи“,—отвѣтила Луиза Мишель.

Въ такомъ душевномъ состояніи застали ее событія 1870—71 года, и съ самаго начала коммуны она стала въ центрѣ движенія. Ссылаясь на свидѣтельства авторитетныхъ историковъ коммуны и иллюстрируя отдѣльные эпизоды собственными воспоминаніями Луизы Мишель, ея нѣмецкій біографъ показываетъ, въ чемъ заключалось активное уча-

стіе Луизы Мишель въ коммунѣ. Она проявила пламенную энергію, поддерживая единомышленниковъ своимъ нравственнымъ вліяніемъ—своимъ присутствіемъ вездѣ, гдѣ замѣчался упадокъ духа у членовъ партіи, а также своимъ безстрашіемъ, тѣмъ, что она подъ градомъ пуль поддерживала духъ сражающихся на баррикадахъ, оставаясь до самой послѣдней минуты среди сражающихся. Послѣ пораженія Наполеона, она, во главѣ народа, ворвалась въ палату депутатовъ и провозгласила республику; она поддерживала духъ сопротивленія въ парижскомъ населеніи, убѣждая сражаться до послѣдней капли крови противъ версальскаго правительства. Послѣ того, какъ 17 марта на сторону коммуны перешла національная гвардія и часть арміи, и началась открытая междоусобная война, Луиза Мишель примкнула къ 61-му батальону уже не какъ сестра милосердія въ организованномъ ею санитарномъ отрядѣ, а какъ воинъ, и обнаруживала исключительное безстрашіе. Въ ея запискахъ разсказаны разные эпизоды этихъ дней, въ томъ числѣ сцена, какъ она, вмѣстѣ съ однимъ русскимъ студентомъ, примкнувшимъ къ движенію, пила кофе на баррикадѣ, разговаривая о Бодлэрѣ и не замѣчая въ увлеченіи споромъ, что вокругъ нихъ лопаются разрывные снаряды. Они ушли только послѣ сердитыхъ окриковъ товарищей, спрятавшихся въ защищенныя мѣста, и едва только они ушли, какъ упала бомба прямо въ оставленныя ими чашки кофе. Разсказывая объ этой и другихъ подобныхъ сценахъ, Луиза Мишель говоритъ въ своихъ запискахъ: „Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что никто не заслуживаетъ похвалы за свои дѣйствія, ибо всякій поступаетъ по своему усмотрѣнію. Героизма не существуетъ, ибо человѣка увлекаетъ всегда только величіе дѣла, которое онъ долженъ совершить, и всегда остаешься ниже своей задачи... Меня считали смѣлой, но смѣлость моя вызывалась только тѣмъ, что обстановка опасности увлекала мое художественное чутье. Величественныя картины захватывали мою душу. И такъ какъ величіе идеи такъ сильно дѣйствуетъ на меня, то нѣтъ никакой заслуги съ моей стороны въ томъ, что я презираю опасность. Она для меня не существуетъ. Меня увлекаетъ общая картина, я смотрю и запоминаю“...

Послѣ вступленія версальскихъ войскъ въ Парижъ и занятія предмѣстій, Луиза Мишель организовала защиту внутренняго города, сооруженіе баррикадъ, и сражалась на нихъ. Въ ея запискахъ описаны взятіе баррикадъ, трогательная сцена ея послѣдней встрѣчи съ генераломъ коммуны, Домбровскимъ, котораго она поддерживала своимъ мужествомъ послѣ пораженія, а также ея участіе въ столкновеніи на Пэръ-Лашэзѣ. Она разсказываетъ также о томъ, какъ ее захватили, и ея біографъ приводитъ этотъ характерный во всѣхъ отношеніяхъ

для Луизы Мишель разсказъ. Она давно не видѣла свою мать и была въ сильной тревогѣ за нее, въ виду продолжавшагося кровопролитія на Монмартрѣ. Взявъ у одного изъ товарищей сѣрую шинель—ея одежда была вся разорвана на куски пулями,—она незамѣтно пробралась на улицу, гдѣ жила ея мать, но, придя въ зданіе школы, она застала полное опустошеніе — и матери не было. Консьержка долго уклонялась отъ ея разспросовъ и наконецъ сказала ей, что мать ея увели, чтобы разстрѣлять. Постъ регулярной арміи находился въ кафэ напротивъ, и она побѣжала туда и стала спрашивать, гдѣ мать, которую, очевидно, забрали вмѣсто нея. Ей холодно отвѣтили, что ее сейчасъ разстрѣляютъ и что она находится среди другихъ захваченныхъ въ плѣнъ въ 37-мъ бастіонѣ. Она бѣжитъ туда, и тамъ требуетъ отъ коменданта освобожденія матери, въ виду того, что она пришла сама сдаться въ плѣнъ. Мать наконецъ отпустили, причемъ та долго отказывалась уйти и оставить дочь; наконецъ она согласилась послѣ просьбъ дочери и успокаивающихъ словъ товарищей, которые пришли на помощь Луизѣ, причемъ послѣдней позволено было сопровождать мать часть дороги. По дорогѣ Луиза Мишель постаралась убѣдить мать, что женщинъ не разстрѣливаютъ, что ей грозитъ только нѣсколько мѣсяцевъ тюрьмы и т. д., а затѣмъ вернулась и заняла мѣсто среди плѣнныхъ. Ее не разстрѣляли, но она испытала на себѣ жестокость побѣдителей при перевозѣ въ Версаль и во все дальнѣйшее время вплоть до суда и до высылки въ Новую Каледонію.

Десять лѣтъ, проведенныхъ въ ссылкѣ въ странѣ людоѣдовъ, имѣли сильное вліяніе на дальнѣйшее идейное развитіе Луизы Мишель. До того она была по своимъ убѣжденіямъ соціалъ-революціонеркой, тамъ она сдѣлалась анархисткой. Всѣ пережитые ею ужасы укрѣпили въ ней увѣренность въ разрушительномъ вліяніи государственной власти. Она вѣрила въ природную доброту человѣка, и, видя жестокость главнымъ образомъ на сторонѣ торжествующей силы, пришла къ твердому убѣжденію, что власть и есть тотъ ядъ, который извращаетъ природно добрую натуру человѣка. Эта мысль сдѣлалась исходнымъ пунктомъ ея дальнѣйшихъ теорій и дѣйствій, сопровождавшихся всегда вѣрой въ возможность исхода, въ возможность преображенія жизни въ духѣ безначалія. Въ Новой Каледоніи она не утратила своей энергіи, несмотря на ужасныя условія жизни, и занялась обученіемъ туземцевъ, устроила школы и полюбила дикарей-канаковъ, которые въ свою очередь такъ привязались къ ней, что послѣ амнистіи и отъѣзда Луизы Мишель на родину, провожали ее тысячной толпой на берегъ и съ плачемъ разставались съ ней. Ея власть надъ толпой, создаваемая

исключительно ея безграничной любовью ко всѣмъ живымъ существамъ, покорила ей и сердца дикарей.

Послѣ возвращенія во Францію, Луиза Мишель снова вернулась къ революціонной дѣятельности. Она участвовала въ манифестаціи Бланки въ 1882 году и поплатилась за это короткимъ тюремнымъ заключеніемъ. Въ 1883 году она была участницей манифестаціи на Эспланадѣ Инвалидовъ и подняла черное знамя—знамя голода, идя во главѣ стачечниковъ. Такъ какъ при этомъ произошло разгромленіе нѣсколькихъ булочныхъ, то участниковъ—въ томъ числѣ и Луизу Мишель—предали суду. Она была приговорена къ шести годамъ тюремнаго заключенія, и мать ея умерла отъ горя два года спустя; это было наиболѣе тяжкимъ горемъ въ жизни Луизы Мишель.

По выходѣ изъ тюрьмы, она продолжала работать съ неустанной энергіей, выступая на собраніяхъ, читая лекціи, пропагандируя свое ученіе. На одной изъ лекцій, въ Гаврѣ, въ нее выстрѣлилъ какой-то фанатикъ реакціи. Она была довольно тяжело ранена, но не потеряла присутствія духа, спокойно подверглась операціи, а потомъ главнымъ образомъ хлопотала о томъ, чтобы избавить отъ суда стрѣлявшаго въ нее. Безстрашная до конца, она только разъ спаслась отъ опасности, уѣхавъ въ Англію, когда ее хотѣли признать сумасшедшей и запрятать въ психіатрическую лечебницу. Только уже въ послѣдніе годы жизни она снова вернулась на родину, когда доктора убѣдили ее поѣхать на югъ Франціи для поправки здоровья, расшатаннаго наконецъ всѣми лишеніями, тюрьмой и ссылкой. Но и тамъ она не отдыхала, а стала ѣздить изъ города въ городъ, читая лекціи. Во время одной изъ этихъ поѣздокъ она и умерла въ Марселѣ, 21-го февраля 1905 года.

Нѣмецкій біографъ Луизы Мишель говоритъ также о ея литературномъ талантѣ, который не расцвѣлъ—романы, драмы и стихи Луизы Мишель очень посредственны—только благодаря ея исключительной преданности дѣлу свободы.—З. В.

НЕДУГИ РУССКАГО НАРОДА И ИХЪ ПРИЧИНЫ

Очерки и замѣтки.

I.

На пути исторической жизни русскаго народа выпала на его долю такая масса разнообразныхъ невзгодъ и недуговъ, что надо прямо удивляться и его безропотному терпѣнію, и его живучести.

Какъ живетъ народъ, какъ онъ болѣетъ, умираетъ и почему, — все это—вопросы капитальной важности, но они остаются для большинства „terra incognita“! Между тѣмъ, при поверхностномъ даже ознакомленіи съ этими вопросами, отвѣтъ на нихъ получается и серьезный, по своему значенію, и грустный—по содержанію. Свѣтлаго и отраднаго въ жизни нашего народа очень мало; онъ часто только влачитъ свое существованіе, гдѣ голодъ, болѣзни и усиленная смертность являются неотъемлемыми аттрибутами.

Какъ показываетъ статистика, ежегодно болѣетъ и умираетъ у насъ такое огромное число людей, что нѣтъ другой страны въ Европѣ, гдѣ бы % заболѣваемости и смертности населенія былъ равенъ нашему.

Если болѣзни и смерть составляютъ, помимо всего прочаго, и матеріальную потерю для общества и государства, то на долю русскаго народа выпадаетъ такимъ образомъ огромная доза такихъ потерь. Сумму послѣднихъ можно приблизительно опредѣлить на основаніи санитарной статистики. Предположимъ, что въ С.-Петербургѣ, при полутора-милліонномъ его населеніи, смертность понизилась на 1%, т.-е., что ежегодно стало умирать на 15.000 человѣкъ меньше, чѣмъ прежде. Съ пониженіемъ смертности уменьшится и число заболѣваній. Изъ многочисленныхъ статистическихъ изслѣдованій получается такой выводъ, что на одинъ случай смерти падаетъ, въ среднемъ, 34 случая заболѣваній, слѣдовательно, число послѣднихъ, при пониженіи смертности на 1%, уменьшится на 510.000. Хотя различныя болѣзни имѣютъ, какъ извѣстно, различную продолжительность и различный періодъ выздоровленія, но статистика устанавливаетъ и въ этомъ отношеніи среднія цифры, показывая, что потеря работоспособности вслѣдствіе болѣзни продолжается, въ среднемъ, 20 дней. Въ нашемъ примѣрѣ получится, значитъ, ежегодно уменьшеніе потери рабочихъ дней на $510.000 \times 20 = 10.200.000$. Остается теперь выразить потерю рабочаго дня въ деньгахъ. Если взять самую минимальную оцѣнку

отсутствія заработка и стоимости леченія, хотя бы одинъ рубль въ день, то и тогда окончательный подсчетъ покажетъ, что, при пониженіи смертности въ Петербургѣ только на 1%, наступающее при этомъ пониженіе заболѣваемости сбережетъ ежегодно капиталъ, равный 10.200.000 × 1 р. = 10.200.000 р.!

Зная цифры заболѣваемости и смертности въ Россіи, возможно положительно утверждать, безъ математическихъ вычисленій, что мы каждый годъ совершенно непроизводительно теряемъ огромный капиталъ.

Печальное прошлое въ жизни нашего народа и грустное настоящее не являются, понятно, прирожденными его особенностями, а лишь результатомъ неправильно сложившихся для него условій жизни, благодаря которымъ онъ всегда былъ нищъ и душевно, и тѣлесно. Проходили вѣка, мѣнялись событія, росла культура, прогрессъ, увеличивались научныя знанія и блага жизни для „избранныхъ", но народъ стоялъ внѣ этихъ благодѣтельныхъ вліяній, и какъ прежде, такъ и теперь, онъ постоянно не доѣдаетъ, очень нерѣдко голодаетъ и вѣритъ въ „нечистаго" и „домового"... Едва-ли нужно много мудрствовать, чтобы выяснить, какими причинами обусловливается настоящее состояніе народнаго здравія въ Россіи. Причины эти, по моему, ясны и просты: первая—*отсутствіе образованія* и *воспитанія у народа;* вторая—*экономическая его нищета.* На почвѣ указываемыхъ „недуговъ" и расцвѣтаютъ прочіе народные „тѣлесные и душевные" недуги.

Что это такъ, доказывается фактами, которые я беру изъ оффиціальнаго источника — „Отчета Министерства Внутреннихъ Дѣлъ за 1903 годъ".

Цифры министерскаго отчета наглядно доказываютъ прямую зависимость заболѣваемости и смертности населенія отъ бытовыхъ и жизненныхъ условій его существованія. Въ отчетѣ говорится, напр., что и въ 1903 году всѣхъ заболѣваній органовъ пищеваренія было 9.806.393, и первое мѣсто среди этой группы болѣзней принадлежитъ желудочно-кишечному каналу, т.-е. болѣзни, происходящей отъ неправильнаго питанія. Крайне интересно и слѣдующее обстоятельство, констатируемое отчетомъ: цифра заболѣваній органовъ пищеваренія въ 1903 году увеличилась на 19% по сравненію съ 1902 годомъ. Смертность отъ указываемой болѣзни—587,2 на 100.000.

Едва-ли гдѣ-нибудь въ Западной Европѣ можно найти подобную цифру смертности: тамъ она вовсе немыслима, и является нашимъ преимуществомъ. Какая разница въ % смертности отъ желудочно-кишечнаго катарра въ Россіи и Западной Европѣ—показываютъ слѣдующія цифры:

а) въ теченіе года въ С.-Петербургѣ умерло на
100.000 жителей . . . . 327,4 челов.

б) въ Москвѣ на 100.000 жителей	459,2	„
в) въ Одессѣ на 100.000 жителей	294,6	„
г) въ Лондонѣ на 100.000 жителей	83,4	„
д) въ Парижѣ на 100.000 жителей	84	„
е) въ Берлинѣ на 100.000 жителей	186,2	„

Приводимыя свѣдѣнія не могутъ быть безусловно точными, такъ какъ статистика наша, какъ извѣстно, далеко еще не находится на высотѣ своего призванія. Надо полагать, что при болѣе точномъ и всестороннемъ обслѣдованіи жизни русскаго народа картина ея обрисуется еще печальнѣе.

Рѣзкимъ доказательствомъ „голоднаго, холоднаго и грязнаго" прозябанія нашего населенія, приносящаго за подобное „счастливое" существованіе на землѣ огромныя жертвы, служитъ слѣдующій, достойный глубокаго вниманія, фактъ. Есть болѣзнь, называемая цингой или скорбутомъ. Происходитъ она отъ хроническаго голоданія, когда люди становятся вынужденными, за неимѣніемъ нормальной пищи, питаться лебедой или дубовой корой. Казалось бы, что въ XX-мъ столѣтіи, столь богатомъ культурой и вообще прогрессомъ, не могли бы тысячи людей страдать отъ голода, а между тѣмъ цинга у насъ есть и была... Въ 1902 году такихъ больныхъ было зарегистрировано 100.992 чел.; а въ 1903 г. — 60.000 чел. Въ Западной Европѣ объ этой болѣзни забыли и она тамъ почти не встрѣчается, а мы разстаться съ ней не съумѣли до сихъ поръ.

Едва-ли необходимы, помимо указанныхъ цифровыхъ данныхъ, еще другія доказательства той понятной истины, что до тѣхъ поръ, пока русскій народъ не выйдетъ изъ экономической нищеты и не перестанетъ голодать, % заболѣваемости и смертности его отъ болѣзней, стоящихъ въ зависимости отъ неправильнаго питанія, не понизится.

Въ тѣсной связи съ матеріальною бѣдностью нашего населенія находится и низкая степень его культуры, что, въ свою очередь, служитъ также серьезнымъ факторомъ и въ поясненіи, и въ распространеніи болѣзней.

О степени культуры народа и общемъ его благосостояніи можно судить по количеству острозаразныхъ болѣзней, ежегодно наблюдаемыхъ въ странѣ, и не будетъ несправедливо сказать, что народное благосостояніе, понимаемое въ широкомъ смыслѣ этого слова, обратно пропорціонально % заболѣваемости и смертности отъ заразныхъ болѣзней. Цифры министерскаго отчета за 1903 годъ показываютъ слѣдующее: въ теченіе указаннаго года изъ 80.000.000 жителей Европейской Россіи (только относительно этой цифры имѣются статистическія свѣдѣнія) умерло отъ главныхъ (?) острозаразныхъ болѣзней 449.762 чело-

вѣка, т.-е. болѣе 50 pro mille! Ничего подобнаго нигдѣ въ Западной Европѣ нѣтъ!

Развѣ же указываемый фактъ не служитъ доказательствомъ непозволительнаго убожества нашего народа? Лишенный средствъ для самостоятельной борьбы съ житейскими невзгодами, народъ мало, къ сожалѣнію, ощущалъ на себѣ и пользу со стороны тѣхъ лицъ и учрежденій, которыя de jure обязаны были „пещись о немъ".

Становится и обидно, и совѣстно, когда посмотришь на жизнь культурныхъ людей на Западѣ и сравнишь ее съ нашей: тамъ народъ живетъ сознательной жизнью, а у насъ... влачитъ существованіе.

Къ характеристикѣ „россійской жизни" нельзя не добавить и слѣдующаго факта. Западные европейцы, оцѣнивъ давно уже по достоинству значеніе общенароднаго здоровья, съумѣли повести борьбу и принять всѣ научныя мѣры противъ заразныхъ болѣзней, благодаря чему они почти совсѣмъ изгнали отъ себя такія болѣзни, какъ сыпной и возвратный тифы, и если онѣ встрѣчаются въ Западной Европѣ, то изрѣдка и въ видѣ заносныхъ случаевъ. Въ Россіи же въ 1903 году заболѣвшихъ сыпнымъ тифомъ было 70.402 человѣка, а возвратнымъ 17.015, и при этомъ слѣдуетъ еще добавить, что „заболѣванія сыпнымъ тифомъ", по словамъ отчета, *„рѣзко повышаются"*. Постоянно наблюдаясь среди населенія и варьируя лишь годъ отъ года въ количествѣ и качествѣ, сыпной и возвратный тифы служатъ лучшими показателями народной нищеты.

Насколько тѣсна связь между бытовыми условіями жизни народа и его болѣзнями—показываютъ и слѣдующіе факты. Есть болѣзни—*чесотка* и брюшной тифъ. И та, и другая—заразныя и широко распространены среди нашего населенія; причемъ *чесотка*, давая огромныя цифры заболѣваній, безусловно зависитъ отъ бѣдности, грязи и некультурности народа. Въ Западной Европѣ этой болѣзни нѣтъ; у насъ же не только она существуетъ, но годъ отъ года число заболѣвающихъ ею увеличивается. Въ 1903 году было, напр., больныхъ чесоткой 3.600.781, на 300.000 больше, чѣмъ въ 1902 году. Что касается брюшного тифа, то я позволю себѣ привести изъ отчета министерства внутреннихъ дѣлъ лишь таблицу сравнительной смертности отъ этой болѣзни въ нѣсколькихъ европейскихъ городахъ. Въ 1903 году въ Берлинѣ на 100.000 жителей умерло отъ брюшного тифа 3,3 челов.; въ Лондонѣ—8,6; въ Парижѣ—11,2; въ Петербургѣ же—*51,6!*

Рекордъ такимъ образомъ побитъ нами, и столичное общественное самоуправленіе имѣетъ полное право на „grand prix".

Резюмируя сказанное, получимъ такой выводъ: вслѣдствіе тяжелыхъ и неправильныхъ условій всего уклада жизни русскаго государства, населеніе его, обездоленное матеріально и духовно, не можетъ

противодѣйствовать жизненнымъ невзгодамъ, а потому и болѣетъ, и умираетъ въ такомъ количествѣ, какъ нигдѣ въ мірѣ. Хроническое же голоданіе народа и отсутствіе его образованія и воспитанія являются главными и непосредственными причинами появленія и распространенія болѣзней.

Вопросъ о томъ, какъ устранить или измѣнить къ лучшему указываемыя причины, не входитъ въ рамки настоящей статьи, имѣющей иную цѣль. Нельзя не высказать лишь искренняго пожеланія, чтобы люди, призванные для переустройства нашей общественной жизни, отнеслись съ полнымъ вниманіемъ къ „недугамъ" населенія и—sine ira et studio—изыскали пути и средства къ ихъ устраненію. Не слѣдуетъ, по моему, съуживать только предстоящую задачу и искать спасенія въ разрѣшеніи одного какого-нибудь вопроса, хотя бы аграрнаго.

Насколько бы послѣдній ни былъ серьезенъ, имъ не исчерпываются, однако, причины, приведшія народъ къ настоящему его состоянію, и благопріятное даже разрѣшеніе этого вопроса едва-ли внесетъ быстрое и замѣтное улучшеніе въ народную жизнь. Послѣдняя оцѣплена, выражаясь фигурально, крѣпко скованною цѣпью, причемъ каждое звено ея составляетъ само по себѣ уже „препону" на пути дѣйствительнаго прогресса народной жизни, и до тѣхъ поръ, пока эта цѣпь не будетъ порвана, едва-ли улучшится благосостояніе народа.

II.

Вполнѣ естественно, что неблагопріятныя условія, при которыхъ сложилась жизнь русскаго государства, не могли не вліять и на характеръ дѣятельности тѣхъ у насъ установленій, которыя призваны заботиться о народномъ благѣ. Десятки уже лѣтъ мы пользуемся, напр., преимуществами земскихъ и городскихъ самоуправленій; несемъ въ общественный сундукъ опредѣленную дань и ежегодно отдаемъ въ распоряженіе нашихъ „patres conscripti" немалыя суммы на устраненіе „нашихъ нуждишекъ и проторей", а въ результатѣ — тотъ же минусъ и все тѣ же поразительныя черты нищеты и косности... Несмотря такимъ образомъ на кажущееся „самоуправленіе", все въ укладѣ нашей жизни идетъ какъ-то странно, уродливо, и разумныя народныя требованія или остаются совсѣмъ безъ отвѣта, или удовлетворяются нелѣпостями. Грѣшно было бы сказать, что Господь разгнѣвался на Россію и отнялъ разумъ у ея сыновъ, — нѣтъ: умные люди и были, и есть на Руси, и они могли бы серьезно и плодотворно работать на общую пользу, но, къ сожалѣнію, не пришло еще время для ихъ дѣятельности.

Существуетъ ли у насъ на самомъ дѣлѣ „общественное здравоохраненіе“, или мы забавляемся игрой въ санитарію? Судя по даннымъ заболѣваемости и смертности въ Россіи, указаннымъ въ началѣ настоящей статьи, невольно приходится сказать, что правильно организованнаго у насъ „общественнаго здравоохраненія“ нѣтъ.

Для отдѣльнаго частнаго лица, какъ извѣстно, далеко не всегда представляется возможнымъ оградить себя отъ заболѣваній и поставить свой организмъ въ условія, способствующія благопріятному развитію его. Конечно, это лицо можетъ позаботиться, напр., объ одеждѣ, чтобы она защищала его отъ вредныхъ вліяній, о пищѣ, чтобы послѣдняя была безвредна и достаточна для питанія, но оно не въ состояніи помѣшать тому, чтобы воздуха, которымъ всѣ дышатъ, не загрязняли другіе, чтобы вода, которую пьютъ, не была испорчена его сосѣдомъ,—словомъ, отдѣльный индивидуумъ не можетъ предотвратить опасностей, возникающихъ въ громадномъ числѣ какъ для всего общества, такъ и для него самого, благодаря скученію людей. Вотъ эта въ высокой степени серьезная и отвѣтственная задача и должна выполняться „общественнымъ здравоохраненіемъ“, котораго у насъ нѣтъ, но которое существовало въ глубокой уже древности. Интересъ къ общественному здравоохраненію у древнѣйшихъ культурныхъ народовъ (индусовъ и египтянъ) былъ развитъ очень сильно. Они прекрасно сознавали значеніе надлежащаго устройства открытыхъ, богатыхъ воздухомъ улицъ и жилищъ; обращали вниманіе на чистоту тѣла, жилья и окружающей среды и знали, что для сохраненія здоровья необходима чистая, прозрачная вода и неиспорченные пищевые продукты. У древнихъ римлянъ общественная гигіена стояла тоже очень высоко. Сохранившіеся и донынѣ остатки санитарныхъ установленій, возникшихъ во времена царей, а также и въ послѣдующую эпоху республики и имперіи, достойны и теперь глубокаго вниманія.

Устройство канализаціи Рима начато было въ VI-мъ в. до Р. Хр. Уже въ IV-мъ вѣкѣ до Р. Хр., Римъ позаботился о проведеніи чистой, прозрачной воды, запасъ которой достигалъ громадныхъ размѣровъ и, помимо питанія колодцевъ, очищенія улицъ, каналовъ, расходовался въ обильномъ количествѣ на снабженіе многочисленныхъ и прекрасно устроенныхъ бань. Съ теченіемъ времени устроены были различные водопроводы, доставлявшіе въ городъ горную воду и снабжавшіе его въ такомъ изобиліи, что на долю каждаго человѣка приходилось до 1.000 литровъ воды. Что же сдѣлали мы и наши самоуправленія для общественнаго здоровья? Гдѣ и въ чемъ видна забота о народномъ благосостояніи? Подумали ли у насъ о чистой, прозрачной водѣ для питья; о жилищахъ, богатыхъ воздухомъ и свѣтомъ; о без-

вредности пищевыхъ продуктовъ, о прекрасно устроенныхъ баняхъ, о канализаціи,—словомъ, о томъ, что̀ даетъ силу и крѣпость народную и что̀ прекрасно понимали и о чемъ заботились люди глубокой древности? Ничего путнаго и полезнаго мы, къ сожалѣнію, не сдѣлали...

Каждое явленіе имѣетъ, конечно, свои причины... Убожество и нищета, царящія въ нашемъ общественномъ санитарномъ состояніи, объясняются тѣмъ непробуднымъ сномъ, въ который Россія погружена была за послѣдніе десятки лѣтъ, и когда спали мы не только крѣпко, но намъ было запрещено и говорить во снѣ. Подобное состояніе не могло благопріятствовать, конечно, общественной работѣ, и если дѣлалось что-нибудь на общую пользу, то все это выходило какъ-то неуклюже, мало-цѣлесообразно, а нерѣдко и безполезно. Въ замѣнѣ настойчиваго и послѣдовательнаго проведенія въ жизнь требованій общественной гигиены и надлежащей заботы о воспитаніи и развитіи народныхъ массъ, у насъ и средства на нужды очень нерѣдко расходуются не только на палліативныя, но и мало полезныя мѣры. Одной рукой мы какъ будто хотимъ „спасать народъ“, а другой — его же топимъ. Стараемся, словомъ, изобразить изъ себя „двуликаго Януса“. Примѣровъ такихъ у насъ немало — и вотъ одинъ такой. Безшабашное пьянство растетъ, какъ извѣстно, у насъ изъ года въ годъ, и министерство финансовъ, широко идя навстрѣчу народной потребности, ежегодно увеличиваетъ количество вырабатываемаго спирта. А такъ какъ пьянство есть страшный недугъ, влекущій за собой не только нищету, болѣзни, но и вырожденіе населенія, то и министерство не осталось глухимъ къ „народному недугу“. Собирая милліоны „пьяныхъ доходовъ“ и пропагандируя „монопольку“, оно въ то же время устроило и даетъ средства на „попечительства о народной трезвости“, приказавъ этимъ учрежденіямъ—sui generis—„увеселять“ народъ и воздерживать его такимъ лекарствомъ отъ „зловреднаго порока—пьянства“. Что̀ же вышло?—Да ничего! Попечительства существуютъ, тратятъ деньги на увеселенія народа, а послѣдній усиленно пьетъ. Вотъ реальная польза хитроумнаго изобрѣтенія, выдуманнаго въ тиши кабинета и внѣ яснаго представленія о сущности дѣла. Между тѣмъ, вопросъ о борьбѣ съ пьянствомъ поистинѣ насущный, животрепещущій и требуетъ серьезнаго вниманія, но до тѣхъ поръ, пока само общество не завладѣетъ этимъ вопросомъ и средствами для его разрѣшенія, онъ навѣрное останется или въ настоящемъ своемъ положеніи, или еще болѣе ухудшится.

Нѣтъ ли „нѣкоей странности“ и въ слѣдующихъ фактахъ? На Васильевскомъ - Островѣ — въ С.-Петербургѣ — красуется богатѣйшее зданіе—Повивальный институтъ, постройка и оборудованіе котораго обошлись болѣе двухъ милліоновъ рублей. Все въ этомъ учрежденіи

богато и роскошно, начиная съ обширной квартиры директора и кончая помѣщеніемъ для очень ограниченнаго числа больныхъ и притомъ самыхъ избранныхъ, обладающихъ большими средствами, которыя и открываютъ двери института. Войдя въ институтскій залъ, вы можете слушать чудныя музыкальныя мелодіи, разыгрываемыя на превосходномъ органѣ, поставленномъ въ институтѣ съ „спеціальною лечебною цѣлью“. Подъ звуки этого органа, къ которому изъ комнаты больныхъ проведены телефоны, и появляются на свѣтъ Божій младенцы мужского и женскаго пола. Первые, говорятъ, выходятъ изъ материнскаго чрева подъ звуки Вагнера, подъ увертюру изъ „Тангейзера“, а вторые—подъ чарующіе звуки Шопена. Поистинѣ—умилительно! Жаль только одно, что тутъ же въ Петербургѣ, рядомъ съ зданіемъ для „избранныхъ“, бѣдныя женщины рожаютъ въ подвалахъ, на чердакахъ и рожаютъ не только безъ музыки, но и безъ всякой раціональной помощи. Найти эту помощь въ городскихъ родильныхъ пріютахъ, напр., далеко не всегда удается, такъ какъ пріютовъ очень мало и мѣста въ нихъ берутся съ бою. Вслѣдствіе этого бывали и бываютъ случаи, когда, за невозможностью попасть въ пріютъ, роды совершались на улицѣ и городовой являлся въ роли акушера.

Такіе факты происходятъ въ столицѣ. Что̀ же дѣлается въ селахъ и деревняхъ? Подъ какую музыку тамъ рожаютъ? Очень можетъ быть, что я ошибаюсь, относясь критически къ затратѣ изъ государственной казны милліоновъ рублей на устройство больничнаго учрежденія, не имѣющаго характера общедоступнаго: мнѣ могутъ говорить о „великомъ значеніи института“ въ научномъ смыслѣ и рисовать его, какъ „священный храмъ науки“, для котораго нельзя жалѣть матеріальныхъ затратъ. На такое возраженіе можно отвѣтить изреченіемъ à la Кузьма Прутковъ: „не чеши языка твоего напрасно“ и „оставь науку въ покоѣ“... Затрачивая милліонъ народныхъ денегъ, да изъ тощей его казны, надо было, мнѣ думается, имѣть въ виду благо народа, а не что-либо иное...

Имѣются еще и такіе контрасты въ нашей столицѣ. На Выборгской-Сторонѣ находится клиника для душевно-больныхъ, преимущественно для лицъ военнаго вѣдомства. Построена она нѣсколько лѣтъ тому назадъ и, конечно, согласно „послѣднему слову науки“, причемъ каждая кровать обошлась при постройкѣ чуть ли, если я не ошибаюсь, не около 10-ти тысячъ руб.! Затѣмъ, при Николаевскомъ военномъ госпиталѣ есть зданіе, прекрасно оборудованное и дорого сто̀ящее, также для психическихъ больныхъ военнаго вѣдомства. Какъ въ клиникѣ, такъ и въ зданіи при госпиталѣ, повсюду виденъ образцовый порядокъ, чистота, обиліе свѣта, воздуха; паркетные полы, залы, мраморъ, зеркала, билліарды, музыкальные инструменты, и пр., и пр...

Но въ томъ же Петербургѣ, на р. Пряжкѣ, стоитъ сѣрое, промозглое и убогое зданіе—городская больница св. Николая Чудотворца, предназначенная тоже для душевно-больныхъ. Въ этой больницѣ есть все: и грязь, и скученность, и плачъ, и скрежетъ зубовный, но нѣтъ лишь мѣстъ для больныхъ, свѣта и воздуха. Мнѣ думается, что только горькая нужда заставляетъ пользоваться этой негодной общественной больницей. Если же мы выйдемъ только за черту Петербурга, въ предѣлы уѣзда, то натолкнемся на еще болѣе поразительный фактъ: на полное отсутствіе какой бы то ни было больницы для жителей петербургской губерніи, заболѣвшихъ душевною болѣзнью. Тутъ вступаютъ уже въ права: цѣпь, веревка, погребъ и т. д.

Сопоставляя, съ одной стороны, милліонныя затраты на постройку больничныхъ зданій, предназначенныхъ для десятковъ и maximum сотенъ больныхъ, а—съ другой—огромный недостатокъ у насъ вообще больницъ и спеціальныхъ въ особенности, — невольно подумаешь: да не слѣдуетъ ли, въ интересахъ общенародной пользы, умѣрить пылъ къ возведенію „дворцовъ“ и „каменныхъ палатъ“ и строить просто больницы, удовлетворяющія разумнымъ требованіямъ? Не есть ли, на самомъ дѣлѣ, злая иронія, когда больной, пробывши нѣкоторое время въ богато обставленыхъ больницахъ столицы (понятно, не общественныхъ, а, напр., въ клиникѣ или въ отдѣленіи Николаевскаго госпиталя) и будучи уволенъ, по неизлечимой болѣзни, въ отставку, попадаетъ затѣмъ въ деревню, гдѣ не только нѣтъ никакихъ больницъ, но и всякаго мало-мальски сноснаго ухода?—Строить больницы обязательно нужно; но увлекаться роскошью постройки и грандіозностью—преступно. Народныя деньги должны идти на пользу народа, а отъ мрамора, бронзы, зеркальныхъ стеколъ и органовъ ничего путнаго для народа не выйдетъ.

Больницы — не дворцы и не музеи, а общественныя учрежденія и должны разсматриваться лишь съ утилитарной точки зрѣнія. Предназначаемыя для широкаго ихъ использованія населеніемъ и преимущественно бѣднымъ, онѣ должны давать послѣднему все, что требуется для больного, т.-е. тепло, свѣтъ, воздухъ, пищу, чистоту, правильное леченіе и сердечно-разумный уходъ. Чтобы выполнить подобныя требованія, не увлекаясь желаніемъ „удивить Европу“, совсѣмъ не слѣдуетъ затрачивать на постройку больницъ такихъ, напр., суммъ, какія ухитрилась употребить столичная дума на постройку дѣтской больницы.

Сваливать всѣ затѣи, роскошь и другія „благоглупости“, когда строятъ общественныя больницы, на требованія науки — прямо непозволительно. Наукѣ, право, не нужны мраморныя лѣстницы, стеклянные стѣны и потолки, дорогіе изразцы и мудро-лукавыя системы отопленія и вентиляціи. Наука требуетъ для больного гигіеническаго

помѣщенія, разумнаго леченія и ухода, а для выполненія этихъ требованій совсѣмъ не нужны „дворцы“ и „каменныя палаты“.

Приведенные примѣры,—которыхъ, при желаніи, можно было бы набрать и еще немало,—вполнѣ, мнѣ кажется, подтверждаютъ высказанное выше мнѣніе, что, при неправильно сложившемся строѣ общественной жизни, народное благосостояніе не увеличивается даже и при большой затратѣ государственныхъ суммъ на „якобы“ полезныя учрежденія.

III.

Безъ вѣры въ лучшее будущее жизнь теряетъ свой интересъ, пропадаетъ энергія и охота къ труду, а потому и слѣдуетъ быть оптимистомъ—въ извѣстной дозѣ—и вѣрить, что, путемъ эволюціи, русскій народъ обязательно достигнетъ иныхъ, лучшихъ условій своей жизни. Исчезнутъ „препоны“, сгладятся „неровности“, и каждый гражданинъ земли россійской будетъ дѣятельнымъ членомъ огромной государственной семьи, тѣсно сплоченной и основанной на принципѣ — *viribus unitis.* Но это желанное будущее само, конечно, къ намъ не придетъ, а его нужно добывать и притомъ энергичной и упорной работой. Надѣяться же на благодѣтельные результаты работы возможно только при условіи—свободной и широко поставленной общественной самодѣятельности, когда для каждаго члена общества откроется широко поле труда, а оцѣнкой послѣдняго станетъ общественный контроль. При такомъ укладѣ жизни исчезнутъ, путемъ постепенности, тѣ причины, которыми вызываются теперь народные недуги: онѣ будутъ побѣждены не „усмотрѣніемъ“ и „опекой“ начальства, а самимъ обществомъ, знающимъ, гдѣ и въ чемъ, дѣйствительно, коренится зло и какъ его устранить. Съ измѣненіемъ строя теперешней нашей жизни, видоизмѣнится и организація медицинскаго дѣла. Прежде всего уничтожится, надо полагать, дробленіе медицины, существующее теперь, когда мы имѣемъ медицину правительственную, городскую, земскую, фабричную и т. д., и когда, несмотря на видимое ея богатство,—полезнаго на дѣлѣ все-таки мало. Взамѣнъ этого разнообразія, должна быть одна „общественная медицина“ и „общественное здравоохраненіе“, во главѣ котораго станутъ люди ума, знаній и опыта. Работы предстоитъ немало въ реорганизаціи медицинскаго и санитарнаго дѣла, но ея плодотворность послужитъ импульсомъ для проявленія энергіи и любви къ дѣлу со стороны людей, которые будутъ призваны довѣріемъ общества заботиться о народномъ благосостояніи. Основой будущей общественной медицины должна быть взаимная помощь, т.-е. чтобы каждый членъ общества, принимая участіе въ охраненіи общественнаго здо-

ровья, сознательно относился къ требованіямъ санитаріи и понималъ, что благосостояніе его сочленовъ служитъ источникомъ и его личнаго благосостоянія. Близкое будущее измѣнитъ, вѣроятно, и наши теперешнія понятія о взаимныхъ вообще людскихъ отношеніяхъ, а въ силу этого и вопросъ о заболѣваемости и смертности населенія получитъ свою настоящую оцѣнку.

Наблюдаемый въ настоящее время индифферентизмъ къ народнымъ недугамъ долженъ исчезнуть и замѣниться яснымъ представленіемъ о нихъ, какъ о крупномъ злѣ, разрушающемъ государственное наше благосостояніе и требующемъ, слѣдовательно, настойчивой съ нимъ борьбы.

Какъ только значеніе народнаго здоровья для государства будетъ понято и оцѣнено по его достоинству, такъ сейчасъ же должны исчезнуть всѣ соображенія, благодаря которымъ мы или ничего не дѣлаемъ для оздоровленія Россіи, или затыкаемъ дыры тамъ, гдѣ слѣдуетъ потратить большія суммы. Какъ бы ни были велики затраты на сбереженіе народнаго здоровья, онѣ всегда окупятся сторицею, а потому надо надѣяться, что будущая общественная медицина не убоится затратъ и выполнитъ largo manu предъявляемыя къ ней два кардинальныя требованія: *первое* — предупрежденіе болѣзней и *второе* — широкое, доступное и разумное леченіе заболѣвшихъ. Проводя строго и послѣдовательно указываемыя требованія, несомнѣнно получится и желанный результатъ, т.-е. общее оздоровленіе Россіи и крѣпкое, здоровое ея населеніе, у котораго „in corpore sano“ будетъ и „mens sana“.

Рисуемыя блага будущаго — совсѣмъ не утопія, а они вполнѣ естественны и подтверждаются общественнымъ закономъ, по которому все, живущее на землѣ, растетъ, крѣпнетъ и множится лишь при благопріятныхъ условіяхъ его жизни. Русскій народъ, обладая большимъ запасомъ жизненныхъ силъ, находится, какъ мы видѣли, въ положеніи, лишающемъ его ингридіентовъ, столь необходимыхъ для его жизни, роста и крѣпости. Измѣните это положеніе къ лучшему — и вы получите племя Голіаѳовъ.

Время экспериментовъ съ народомъ прошло, и прямое его участіе въ устроеніи своей судьбы дастъ иные результаты.

Разрѣшая самъ вопросы о насущныхъ своихъ нуждахъ, народъ не потребуетъ для себя прежде всего открытія новыхъ университетовъ и преподаванія ему высшей математики. Едва-ли способны будутъ заинтересовать его и разнообразныя политическія системы государственнаго устройства. Все это — въ будущемъ; теперь же народу нужно быть сытымъ, здоровымъ и пользоваться *всѣми правами человѣка*.

А. К—овъ.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 іюня 1907.

Партіи и партійность внѣ Думы и въ Думѣ.—Численный составъ и общая характеристика думскихъ фракцій.—Думскія коммиссіи.—Трагическое положеніе въ Думѣ православныхъ священниковъ.—Ликвидація чрезвычайныхъ законодательныхъ мѣръ.

Гонимая событіями, смѣна общественныхъ явленій происходила въ послѣднее время и происходитъ до сихъ поръ съ такой быстротой, что когда оглядываешься назадъ, то не вѣрится, что корни того или другого явленія, кажущагося прочно сложившимся, идутъ вглубь прошлаго всего на какихъ-нибудь годъ или самое бо̀льшее—два. Въ ряду этихъ явленій одно изъ первыхъ мѣстъ занимаетъ политическая партійность.

И двухъ лѣтъ не минуло съ тѣхъ поръ, когда понятіе политической партіи у насъ совпадало съ понятіемъ преступнаго сообщества. Получившее 17 октября 1905 г. право начать новую жизнь, общество немедленно, съ лихорадочной энергіей, стало формироваться въ партіи. Это было первымъ слѣдствіемъ манифеста. За активными слоями, не отставая, шли тогда пассивные—не пробудившіеся, а пробужденные. Сонные обыватели губернскихъ и глухихъ уѣздныхъ городовъ, никогда не думавшіе о политикѣ и коротавшіе вѣкъ въ спокойномъ сознаніи, что за нихъ обязано думать попечительно бдительное и всемогущее „начальство“—и они бросили карты и сплетни, и у нихъ заработала мысль. Вопросъ: къ какой партіи примкнуть?—ихъ мучилъ, и они жадно искали на него отвѣта, ибо примкнуть къ партіи значило успокоиться: получить возможность не думать и спокойно спать за спиной партійнаго начальства. Крестьянской деревнѣ тогда не приходилось искать отвѣта на политическіе запросы. Надъ ней сразу началась усиленная агитаціонная работа. Отражая наиболѣе интенсивное вліяніе крайнихъ полюсовъ, деревня заговорила прямо противоположными, но одинаково искусственными приговорами и резолюціями. То—составленными по стародавнему „истинно-русскому“ рецепту, то—воспроизводившими соціалистическія программы со ссылками на „политическую конъюктуру“, съ требованіемъ упразднить „институтъ“ земскихъ начальниковъ, ввести „прогрессивный подоходный налогъ“ и т. д. Какъ вырвавшаяся изъ береговъ стихія, деревня кое-гдѣ сметала и сжигала помѣщичьи усадьбы, рѣзала скотъ, увозила и уничтожала запасы зерна и корма. Въ другихъ мѣстахъ—такъ же стихійно-дико рас-

правлялась съ подстрекавшими ее на грабежъ и насилія. Непосредственно же и самостоятельно деревня въ первое время обнаружила себя въ одномъ дѣйствіи, точнѣе—бездѣйствіи: перестала платить деньги—въ казну, въ земство и за арендныя земли.

Параллельно съ политической группировкой, шла одновременно возникшая группировка профессіональная. Первая внѣдрялась во вторую, вторая—въ первую. Съ обѣими переплетались классовые союзы, національные или образованные по какому-либо одному соціальному или политическому признаку,—напр., союзъ равноправія женщинъ. Въ результатѣ естественно получился хаосъ, разобраться въ которомъ съ каждымъ днемъ становилось труднѣе и труднѣе. Безконечно длинныя, недоговоренныя въ главномъ и мелочно-деталированныя во второстепенномъ, партійныя программы, стремившіяся обнять вмѣстѣ съ ближайшими практическими задачами отвлеченные идеалы далекаго будущаго, излагавшія рядомъ съ основными формулами государственнаго и соціальнаго строя техническія поправки дѣйствующаго законодательства,—не только не помогали дѣлу, но вносили еще бо́льшую путаницу. Въ общемъ, все тянулось влѣво. Конституціонныя программы, рѣшительно отграничиваясь отъ реакціонныхъ и одна отъ другой, почти полностью воспроизводили конкретныя требованія соціалистическихъ. Скрыто-реакціонныя—во главу угла ставили заявленія о вѣрности манифесту 17 октября. Сто́итъ вспомнить одни названія погибшихъ теперь гораздо болѣе правыхъ, нежели лѣвыхъ по духу и по составу членовъ, партій: „правовой порядокъ",—которая флагомъ права покрывала черту еврейской осѣдлости и сохраненіе системы русификаціи Польши; или „прогрессивно-экономическая",—которая подъ экономическимъ прогрессомъ разумѣла покровительство крупной промышленности. „Свобода и порядокъ"—писала на своемъ знамени партія, предвосхитившая идеалы нынѣшнихъ союзовъ „русскаго народа" и „активной борьбы съ революціей".

Подъ ударами правительственныхъ репрессій, профессіональныя и классовыя организаціи скоро прекратили свое существованіе. Въ политическихъ же партіяхъ процессъ дифференціаціи развивался безпрерывно до момента выборовъ въ первую Государственную Думу. Новыя партіи появлялись, какъ грибы послѣ дождя. Не успѣвалъ выйти въ свѣтъ одинъ „полный" сборникъ программъ партій, какъ онъ уже оказывался далеко не полнымъ, и издателямъ приходилось прибѣгать къ новому изданію. Всего труднѣе было оріентироваться въ новыхъ условіяхъ и на чемъ-либо остановиться умѣренно-консервативнымъ элементамъ общества. И потому естественно среди нихъ было наиболѣе сильное дробленіе. Имъ приходилось найти либеральныя формулы, дабы влить въ нихъ реакціонныя симпатіи и изыскать хорошія слова для

оправданія своекорыстныхъ вожделѣній. Передъ нами сейчасъ сборникъ программъ А. Е. Богдановскаго, изданный въ январѣ 1906 г. Заимствуемъ изъ него любопытный списокъ безслѣдно исчезнувшихъ партій: „умѣренно-прогрессивная“, „торгово-промышленная“, „всероссійскій торгово-промышленный союзъ“, „прогрессивно-экономическая“, „прогрессивная русскихъ промышленниковъ и торговцевъ“, „демократическій союзъ конституціоналистовъ“. Такъ же безслѣдно исчезли партіи: „свободомыслящихъ“, „радикальная“, „крестьянская“—всѣхъ не перечесть.

Партійную дробность погубили выборы. Испытаніе выборовъ выдержали только двѣ организованныя партіи: конституціоналистовъ-демократовъ, переименовавшаяся затѣмъ въ партію народной свободы, и октябристовъ. Отъ остальныхъ прошли въ первую Думу единицы. Соціалистическія партіи, какъ извѣстно, въ выборахъ не участвовали. Но кромѣ партійныхъ представителей народъ послалъ въ первую Думу многіе десятки депутатовъ, политически неопредѣленной окраски съ совершенно опредѣленнымъ, однако, общимъ настроеніемъ — преимущественно крестьянъ. Это были представители труда—тяжелаго физическаго труда деревенскаго мужика, въ глазахъ котораго фабричный рабочій—„котлетникъ“, и не менѣе тяжелаго и столь же малоблагодарнаго полу-физическаго и полу-интеллектуальнаго труда народнаго учителя, мелкаго земскаго служащаго, провинціальнаго газетнаго корреспондента или сельскаго священника. Они быстро объединились и весьма удачно назвали себя трудовой группой. Отсутствіе политической программы и политическаго пониманія, грубые пріемы парламентской борьбы, рѣзкій тонъ, духъ протеста голоднаго желудка и усталыхъ мозолистыхъ рукъ и стадность въ повиновеніи вожакамъ—составляли характерныя черты трудовиковъ въ первой Думѣ. Съ теченіемъ времени изъ нихъ могла образоваться партія въ истинномъ смыслѣ слова, притомъ партія своеобразно-русская, компактная и сильная, но роспускъ Думы положилъ конецъ ея формированію.

Періодъ междудумья былъ временемъ расцвѣта революціонно-черносотенныхъ организацій, съ одной стороны, и концентраціи оппозиціонныхъ элементовъ—съ другой. Число партій уменьшилось. Передъ самыми вторыми выборами оно опять начало было расти, но послѣ выборовъ осталась изъ вновь образовавшихся только одна партія—народныхъ соціалистовъ. Какъ ни развита политическая жизнь въ странѣ, съ окончаніемъ выборовъ она естественно замираетъ. Выборы — это конкретная цѣль, и разъ они закончены, партійная страстность въ обществѣ понижается, и борьба партій сосредоточивается въ парламентѣ. У насъ наблюдаемому сейчасъ паденію тона политической жизни общества къ тому же способствовали всѣ дѣйствующіе цирку-

ляры, разъясненія и охраны, фактически упразднившіе возглашенныя свободы — слова, печати и собраній. Единственно гдѣ стало возможнымъ видѣть партійную группировку и партійную жизнь — Государственная Дума.

По списку, составленному распорядительной коммиссіей Думы и датированному 13 апрѣля, депутаты дѣлятся на одиннадцать группъ, не считая партіи демократическихъ реформъ, которая имѣетъ всего двухъ представителей и изъ нихъ одинъ входитъ въ составъ казачьей группы. Въ порядкѣ списка, группы членовъ Думы суть: соціалъ-демократы — 65 членовъ, соціалисты-революціонеры—36, народные соціалисты — 15, трудовики — 101, польское коло—46, мусульманская фракція—28, партія народной свободы—91, казачья группа—17, безпартійные—50, октябристы и умѣренные — 43, правые и монархисты—12. Послѣ составленія списка переходы депутатовъ изъ группъ въ группы были, но единичные. Кромѣ того, нѣкоторыя группы нѣсколько увеличились за счетъ вновь прибывшихъ представителей Сибири.

Такимъ образомъ, члены Думы, оказывается, объединились далеко не по однимъ политическимъ различіямъ. Сорокъ-шесть поляковъ— по національному признаку; двадцать-восемь мусульманъ — по вѣроисповѣдному; семнадцать казаковъ—по бытовому. Готовится еще образованіе сибирской группы. И, какъ показываютъ наблюденія, эта группировка не только не слабѣе политической, а напротивъ, наиболѣе прочная въ Думѣ. Едва-ли это можно считать загадочнымъ. Политическіе и соціальные идеалы отвлеченны. Національныя же нужды лишенныхъ полноправія народностей, равно мѣстныя нужды далекихъ окраинъ, а также вѣроисповѣдные и обособленные бытовые интересы—реальны. Чтобы люди могли подняться надъ ними, нужно предварительное ихъ удовлетвореніе, хотя бы въ той мѣрѣ, въ какой удовлетворяются нужды, потребности и интересы полноправныхъ народностей, центральныхъ областей и господствующаго религіознаго единенія. Цѣлое столѣтіе подготовляло то, что полякъ въ русской Государственной Думѣ не можетъ быть правымъ или лѣвымъ, индивидуалистомъ или соціалистомъ, консерваторомъ или либераломъ, а долженъ быть полякомъ. На что велика рознь между татарами и армянами въ Закавказьѣ—въ Думѣ же эта рознь ничѣмъ не проявляется. Татаринъ ли, армянинъ ли говоритъ съ трибуны — слышится одинаково представитель растерзанной и разоренной междоусобіемъ страны. Еслибы въ Думѣ были не единицами представлены евреи, латыши, литовцы—они навѣрное тоже не принадлежали бы къ политическимъ фракціямъ, а образовали бы самостоятельныя группы.

Мусульмане слабы интеллектуальными силами—среди нихъ немало едва знающихъ русскій языкъ. Поэтому они замѣтной роли въ Думѣ не играютъ. Голосуютъ почти всегда съ кадетами. Польское же коло, наоборотъ, чрезвычайно сильное разносторонними знаніями своихъ сочленовъ и располагающее талантливыми ораторами, при полной своей солидарности, голосуетъ всегда самостоятельно и отъ него нерѣдко зависятъ рѣшенія Думы. Такъ было въ вопросѣ о контингентѣ новобранцевъ и повторилось 17 мая, когда расколъ между кадетами и поляками привелъ къ ряду нарушеній наказа и къ принятію уже разъ отвергнутой подавляющимъ большинствомъ голосовъ формулы перехода къ очереднымъ дѣламъ. Представители польскаго кола энергично работаютъ въ коммиссіяхъ, не допуская и тамъ разнорѣчія между собой. Еще характерная черта: поляки—одни изъ наиболѣе аккуратныхъ участниковъ думскихъ засѣданій, они почти всегда въ полномъ составѣ на-лицо.

Вся главная отвѣтственная работа въ Думѣ лежитъ на кадетахъ. За исключеніемъ двухъ или трехъ коммиссій, во всѣхъ остальныхъ предсѣдатели принадлежатъ къ партіи народной свободы. Кадеты—неизмѣнные докладчики и дѣловые ораторы. Когда по тому или другому вопросу кадеты не выступаютъ и состязаніе ведется безъ нихъ, съ трибуны несутся бойкія слова, но сильнаго впечатлѣнія не остается. Помнимъ, по поводу одного запроса намъ пришлось слышать въ кулуарахъ, какъ лѣвые тщетно просили кадетскихъ лидеровъ, чтобы они поддержали запросъ. Въ тотъ разъ запросъ былъ внесенъ соціалъ-демократами, которые, несмотря на явно несостоятельную его формулировку, добились немедленнаго его обсужденія. Кадеты раздѣляли требованія запроса по существу, но справедливо находили, что ему необходимо ранѣе придать въ коммиссіи юридически-грамотную форму. Ихъ предложеніе было отвергнуто, и они своимъ молчаніемъ жестоко отомстили авторамъ запроса. Была шумиха рѣзкихъ словъ—и только.

Въ общемъ, положеніе партіи народной свободы во второй Думѣ чрезвычайно тяжелое. Ей приходится разсчитываться за ту тактику, которой она держалась въ первой Думѣ и которую теперь, по ея примѣру, усвоили соціалистическія группы и трудовики. Въ основѣ этой тактики лежатъ партійный субъективизмъ и стремленіе къ партійной диктатурѣ, опирающееся на предварительно принимаемыя внѣпарламентскія рѣшенія. Въ прошломъ году заявленіе конституціоналистовъ-демократовъ: „мы рѣшили во фракціи"—было безапелляціоннымъ. И такъ какъ въ прошломъ году имъ принадлежало обезпеченное большинство, то въ сущности главнѣйшіе вопросы рѣшались не столько въ Таврическомъ дворцѣ, сколько въ клубѣ на Сергіевской.

На всѣ возраженія кадеты неизмѣнно отвѣчали: „только при этихъ условіяхъ возможна правильная и планомѣрная парламентская дѣятельность". Теперь, въ засѣданіи Думы 11 мая, Ѳ. И. Родичевъ, послѣ оглашенія лѣвыми фракціями принятаго ими рѣшенія отказать въ ассигнованіи денегъ на расплату за поставленный въ голодающія губерніи хлѣбъ, съ обычнымъ ему паѳосомъ говорилъ: „Станьте передъ своей совѣстью, станьте передъ той исторіей, которой, яко бы, боится правительство, и которой должны бояться вы. *Отбросьте тѣ рѣшенія, которыя заготовлены дома*, отбросьте тѣ рѣшенія, которыя заготовлены самолюбіемъ. Станьте *не на партійную точку зрѣнія*, а на національную. И если вамъ совѣсть скажетъ: не даемъ денегъ за доставленный хлѣбъ, не даемъ денегъ на ассигновку земствамъ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, — на насъ за это отвѣтъ, — если сердце и совѣсть вамъ это скажутъ—дѣйствуйте такъ! Я передъ вами умолкну"... По свидѣтельству стенографическаго отчета, слова оратора вызвали „сильные аплодисменты центра и правыхъ". Да, онъ сказалъ безспорную истину! Онъ призывалъ къ тому, чтобы члены Думы голосовали по совѣсти, а не во исполненіе партійнаго рѣшенія, чтобы представитель народа стоялъ въ ихъ глазахъ выше члена партіи... Но кто повиненъ въ томъ, что къ этому нужно призывать?!...

Воочію увидѣли кадеты плоды своей тактики и въ рядѣ другихъ вопросовъ. Въ прошломъ году нигдѣ не было болѣе рѣзкаго и крупнаго нарушенія положенія о выборахъ, чѣмъ въ Харьковѣ. Избранный членомъ Думы, г. Гредескулъ не значился въ спискѣ выборщиковъ. Правда, онъ неправильно былъ исключенъ изъ списка. Но не въ этомъ заключался вопросъ. Въ моментъ выборовъ имени его въ спискѣ не стояло, притомъ по рѣшенію авторитетной власти. Слѣдовательно, предсѣдатель избирательнаго собранія не имѣлъ права допускать его до баллотировки. А потому избраніе несомнѣнно подлежало отмѣнѣ. Но кадеты взглянули на дѣло иначе. Подробно докладывавшій заключеніе отдѣла по выборному производству по г. Харькову, г. Шершеневичъ откровенно сошелъ съ юридической почвы на политическую. Онъ доказывалъ, что Дума должна „смотрѣть въ корень" и что выборы должны быть утверждены, такъ какъ избраніе г. Гредескула, хотя формально и грубо неправильное, вполнѣ соотвѣтствовало волѣ избирателей. Потомъ намъ случилось говорить по этому поводу съ однимъ изъ главныхъ руководителей партіи, и отъ него мы услышали принципіальное оправданіе системы смотрѣнія въ корень. Думалъ ли онъ, что черезъ годъ ему придется считаться съ системой въ прямой ущербъ интересамъ своей партіи? Первымъ изъ спорныхъ выборныхъ производствъ по выборамъ во вторую Думу разсматривалось производство по тамбовской губерніи. Нарушенія при выборахъ

были допущены очевидныя, и жалобы ясно доказывали, что эти нарушенія отразились на результатѣ. Докладчикъ и предсѣдатель отдѣла—кадеты—требовали отмѣны выборовъ. Имъ возражали тамбовскіе депутаты — трудовики и соціалисты, — что формальности — дѣло пустое, а главное—то, что именно ихъ и желало видѣть населеніе своими избранниками. И Дума признала выборы произведенными правильно, ибо —разсуждало большинство—тамбовскіе депутаты „наши". То же большинство едва не отмѣнило выборовъ по полтавской губерніи, произведенныхъ при аналогично противозаконныхъ условіяхъ— для требуемаго закономъ большинства двухъ третей не хватило всего семи голосовъ. Мотивомъ же въ глазахъ баллотировавшихъ за отмѣну служило: полтавскіе депутаты—правые, „не наши". Справедливость, впрочемъ, требуетъ сказать, что въ данномъ случаѣ кадеты—или нѣкоторые изъ нихъ—голосовали противъ отмѣны. По крайней мѣрѣ, А. А. Стаховичъ прямо заявилъ, что, въ виду утвержденія выборовъ по тамбовской губерніи, онъ не можетъ подать голосъ за отмѣну по полтавской.

Изъ соціалистическихъ партій самая большая по числу членовъ— партія соціалъ-демократовъ. Считающіе себя представителями всемірной соціалъ-демократіи, думскіе члены партіи, повидимому, всего болѣе опасаются, какъ бы не позабыть чего изъ всемірнаго партійнаго катехизиса. Голосуя противъ контингента новобранцевъ, они особенно подчеркивали, что соціалъ-демократы во всѣхъ парламентахъ міра всегда подаютъ голоса противъ закона о новобранцахъ и противъ военнаго бюджета. Въ одномъ случаѣ бѣдные позабыли тактику всемірной соціалъ-демократіи и попали въ просакъ. При примѣненіи въ первый разъ къ г. Пуришкевичу и затѣмъ къ г. Шульгину 38 статьи учрежденія Думы, они не только голосовали „за", но, если не ошибаемся, были даже иниціаторами удаленія скандалившихъ депутатовъ. Когда же баллотировалось вторичное удаленіе г. Пуришкевича и совмѣстно съ нимъ гг. Келеповскаго и Созоновича, ихъ представитель торжественно заявилъ: „соціалъ-демократическая фракція воздерживается отъ голосованія". Недоумѣвавшимъ членамъ другихъ партій онъ объяснилъ: „въ парламентахъ всего міра соціалъ-демократы никогда не подаютъ голосовъ за удаленіе депутатовъ". Въ этой вѣрности партійнымъ правиламъ есть много свѣжаго, молодого и подкупающаго,—какъ подкупаютъ прямолинейная стойкость и фанатическая вѣра въ религіозныхъ сектантахъ. Но какъ съ сектантами-фанатиками невозможно вести общаго дѣла людямъ другихъ убѣжденій, такъ трудна и совмѣстная съ соціалъ-демократами дѣятельность въ Думѣ рѣшительно для всѣхъ партій. Они всегда сами по себѣ, ни въ какія соглашенія не входятъ и по каждому вопросу непремѣнно говорятъ длинныя и скучныя програмныя рѣчи.

Соціалисты-революціонеры намѣренно именуютъ себя не фракціей, а группой, подчеркивая этимъ отсутствіе органической связи членовъ партіи въ Думѣ съ членами ея внѣ Думы. Въ отличіе отъ социалъ-демократовъ, соціалисты-революціонеры не обособляются и въ лицѣ нѣкоторыхъ членовъ группы энергично участвуютъ въ общей работѣ. Народнымъ соціалистамъ передъ созывомъ Думы многіе предвѣщали широкій успѣхъ. Дѣйствительно, было основаніе ожидать, что съ ними сольются трудовики и что они явятся руководителями крестьянъ. Ожиданія не оправдались. Трудовики во второй Думѣ отнюдь не проявляютъ склонности съ кѣмъ бы то ни было сливаться и кого бы то ни было возводить въ свои руководители. Отъ трудовиковъ въ первой Думѣ они отличаются сдержанностью и внѣшней выдержкой. Отражая на себѣ господствующее въ данную минуту настроеніе крестьянства, они не экспансивны, ни въ одномъ вопросѣ не идутъ на проломъ и, если хотите, нѣсколько трусливы. Въ то же время они подозрительны. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ нихъ чувствуется сознаніе своей силы и стремленіе не принимать условія, а самимъ ихъ диктовать. Трудовики-крестьяне принесли съ собою въ Думу то, что́ такъ характерно отличало роль крестьянъ-избирателей при вторыхъ выборахъ отъ ихъ роли при первыхъ. На выборахъ чувствовалось, что они поняли возможность рѣшать судьбу избранія по своему усмотрѣнію. Такъ точно и въ Думѣ они стремятся подчинять своему усмотрѣнію другихъ, а отнюдь не слѣдовать слѣпо за этими другими, кадетами ли, соціалистами ли — все равно. Но для торжества такого стремленія у нихъ, конечно, не хватаетъ ни знаній, ни опытности, ни умѣнья находиться въ создаваемыхъ партійностью и вообще парламентской жизнью осложненіяхъ. Въ результатѣ получается неопредѣленность дѣйствій, нерѣдко переходящая въ противорѣчивость. Можетъ быть, въ этомъ отношеніи одною изъ причинъ является отсутствіе среди трудовиковъ энергичныхъ и талантливыхъ вожаковъ. Но можетъ быть—и это, пожалуй, вѣрнѣе — у нихъ именно потому и нѣтъ вожаковъ, что при общемъ ихъ настроеніи пріобрѣсти авторитетъ среди нихъ чрезвычайно трудно, почти невозможно. Для этого самому вожаку надо стоять на томъ же уровнѣ мало-культурнаго отношенія къ задачамъ соціальнаго и государственнаго переустройства и, въ частности, къ задачамъ представительства. А кто стоитъ на этомъ уровнѣ, тотъ органически лишенъ возможности быть идейнымъ или дѣловымъ вожакомъ.

Трудовики боятся соціалистовъ, опасаясь изъ-за нихъ разгона Думы. Кадетамъ — не довѣряютъ, какъ „господамъ“. Въ правыхъ видятъ провокаторовъ, намѣренно ставящихъ ихъ въ затрудненіе. Къ послѣднимъ и ко всему идущему справа они всегда относятся безусловно отрицательно. Въ Думѣ создалось такое положеніе, что не

только инціатива справа по какому бы то ни было вопросу заранѣе обрекаетъ вопросъ на гибель, но и защита правыми любого законопроекта, хотя бы пришедшаго слѣва, заставляетъ сомнѣваться въ успѣхѣ голосованія. Истинная внутренняя причина, почему 7-го мая трудовики не были въ залѣ засѣданій въ то время, когда П. А. Столыпинъ читалъ сообщеніе по поводу слуховъ о раскрытомъ заговорѣ на цареубійство, именно въ томъ и заключалась, что обращеніе къ предсѣдателю совѣта министровъ исходило отъ правыхъ депутатовъ и что рѣчь долженъ былъ сказать графъ Бобринскій. Это отнюдь не была демонстрація противъ монархической идеи—трудовики не республиканцы,—а только протестъ противъ провокаціи, какъ они сами говорили. И еслибы графъ Бобринскій отказался отъ слова и вмѣсто него говорилъ кто-либо изъ кадетовъ, трудовики навѣрное были бы въ залѣ. Они опасались услышать изъ устъ графа Бобринскаго: „ага, испугались!“ — ибо считали, что это былъ бы намѣренный возгласъ, дабы ихъ вызвать на рѣзкую отповѣдь. По тому же мотиву они всячески противодѣйствовали обсужденію заявленія правыхъ о террорѣ и насиліяхъ и вмѣстѣ съ кадетами добились, противъ правыхъ и соціалистовъ, того, что заявленіе было снято съ очереди.

Октябристы, они же умѣренные, и монархисты, они же правые, составляютъ едва отличимыя одна отъ другой группы. Среди первыхъ —г. Балло, гр. Бобринскій, Ветчининъ, Клюжевъ, Крупенскій, Созоновичъ и т. д., ничѣмъ не отдѣляющіе себя отъ г. Шульгина, кн. Святополкъ-Мирскаго и Крушевана. Одинъ М. Я. Капустинъ не можетъ быть по ошибкѣ принятъ за члена союза русскаго народа. Обѣ группы вмѣстѣ сидятъ, вмѣстѣ вносятъ заявленія и вмѣстѣ голосуютъ. Къ этой же общей неопредѣленной группѣ правыхъ принадлежатъ и нѣкоторые изъ безпартійныхъ. Уже намъ случалось отмѣчать кое-какія характерныя ихъ черты: склонность къ нарушенію порядка, небрежное посѣщеніе засѣданій, бездарность рѣчей, неспособность къ органической законодательной работѣ и нетерпимость къ чужимъ мнѣніямъ. Слѣдуетъ прибавить стремленіе всегда, во что бы то ни стало, поддерживать аплодисментами рѣчи министровъ и выступать съ защитой этихъ рѣчей,—съ защитой, отъ которой защищаемые навѣрное предпочитали бы отказываться. Правые больше всѣхъ говорятъ въ Думѣ и чаще всѣхъ требуютъ, чтобы разговоровъ было какъ можно менѣе. Въ послѣднее время ихъ ораторскіе порывы сильно сократилъ наказъ и вошедшая въ обычай гильотина преній, которою трудовики и особенно кадеты не только широко пользуются, но нерѣдко злоупотребляютъ.

Набросанная общая характеристика думскихъ партій и группъ можетъ, пожалуй, оказаться на руку врагамъ Государственной Думы— вообще и даннаго ея состава въ особенности. Можно, пожалуй, сдѣ-

лать выводъ, что отъ такого представительства нельзя ожидать какъ общей законодательной работоспособности, такъ и разрѣшенія съиздавна накопившихся и мучительно повисшихъ надъ страною соціально-политическихъ проблемъ. Мы считали бы такой выводъ глубоко ошибочнымъ. Развѣ возможно, чтобы въ странѣ, никогда не жившей политической жизнью, къ тому же въ революціонную эпоху и при явно недоброжелательномъ отношеніи къ коренным реформамъ со стороны правящей власти, скоро—въ какихъ-нибудь три мѣсяца—наладился и сталъ на правильный ходъ сложный законодательный механизмъ представительнаго правленія? Парламентъ долженъ отражать, какъ въ зеркалѣ, народъ. Въ этомъ—задача выборовъ. И чѣмъ онъ вѣрнѣе отражаетъ психологію народныхъ массъ, тѣмъ, значитъ, правильнѣе избирательная система. Хаосъ въ мысляхъ, рознь, всеобщее недовѣріе, классовое и партійное обособленіе, стремленіе къ неосуществимому и къ конкретно неопредѣленнымъ идеаламъ составляютъ основныя черты настроенія русскаго народа въ настоящую минуту. Можно ли было мечтать, что посланные народомъ представители не принесутъ съ собою въ Думу этихъ отрицательныхъ чертъ?

Если съ такой точки зрѣнія взглянуть на вторую Думу, то скорѣе можно удивляться не тому, что она не проявила еще полной работоспособности, а тому, что въ три мѣсяца она уже успѣла коечто сдѣлать. Для близко стоящаго къ думской дѣятельности совершенно очевидны признаки, на основаніи которыхъ можно утверждать, что Дума, какъ говорятъ крестьяне, „образуется“,—конечно, если ей не суждено быть распущенной ранѣе, напримѣръ, года. Главный изъ этихъ признаковъ—работа въ коммиссіяхъ. Кромѣ коммиссіи аграрной, тамъ она уже наладилась, несмотря на исключительно неблагопріятныя условія: поразительно малое число депутатовъ, технически подготовленныхъ къ разсмотрѣнію законопроектовъ, отсутствіе канцеляріи, свободнаго времени и даже комнатъ, гдѣ можно было бы съ удобствомъ вести занятія. Аграрной коммиссіи, какъ по жгучести порученнаго ей вопроса, по его необъятной широтѣ, такъ и по ея составу изъ ста человѣкъ, еще предстоитъ пережить митинговый періодъ. Другія же коммиссіи его пережили. Въ нихъ уже не говорятъ програмныхъ рѣчей, и если дѣлаютъ отвлеченно-програмныя заявленія, то только соціалъ-демократы. Въ коммиссіяхъ партійность уже сгладилась. Тамъ на мѣстѣ слагаются рѣшенія и туда рѣшеній изъ дома не приносятъ. Это, во всякомъ случаѣ, крупный фактъ. Другой признакъ—вечернія засѣданія, которыя происходятъ два раза въ недѣлю и посвящаются спеціально дѣловымъ вопросамъ. Только бы угроза роспуска исчезла—вотъ что̀ всего болѣе препятствуетъ тому, чтобы Дума окончательно обратилась въ парламентъ западнаго образца...

Эпизодъ 7 мая неожиданно создалъ чрезвычайно тяжелый конфликтъ для состоящихъ членами Думы православныхъ священниковъ и поставилъ ихъ въ безвыходное положенiе.

Черезъ недѣлю послѣ того въ газетахъ появился слѣдующiй указъ синода:

„Святѣйшiй правительствующiй синодъ 12-го мая имѣлъ сужденiе по поводу того обстоятельства, что нѣкоторые священники, состоящiе членами Государственной Думы и принадлежащiе къ крайнимъ революцiоннымъ партiямъ, дозволили себѣ показно отсутствовать въ засѣданiи 7 мая при обсужденiи запроса по поводу заговора, угрожавшаго жизни Государя Императора, и этимъ дѣйствiемъ явно уклонились отъ порицанiя замысловъ цареубiйства.

„Святѣйшiй синодъ, исходя изъ положенiя, что по существу пастырскаго служенiя со священнымъ саномъ неразрывно связано уваженiе къ существующей государственной власти и государственному строю, а тѣмъ болѣе уваженiе и нелицемѣрная преданность Государю Императору, какъ Помазаннику Божiю, на вѣрность которому священнослужители не только присягаютъ сами, но и обязаны приводить другихъ къ присягѣ, нашелъ недопустимою принадлежность священниковъ къ политическимъ партiямъ, забывшимъ долгъ присяги и стремящимся къ ниспроверженiю государственнаго и общественнаго строя и даже Царской власти. А потому опредѣлилъ: поручить высокопреосвященнѣйшему Антонiю, митрополиту с.-петербургскому, по вызовѣ священниковъ, причисляющихъ себя къ названнымъ партiямъ Думы, объявить имъ: 1) что они должны дать объясненiе своего отсутствiя въ упомянутомъ засѣданiи Думы и немедленно оставить тѣ партiи, къ которымъ они себя причисляютъ, причемъ, если они согласны на сiе, то должны сдѣлать объ этомъ заявленiе публично; 2) въ случаѣ нежеланiя исполнить это требованiе, они должны добровольно сложить съ себя священный санъ, какъ рѣшительно несовмѣстный съ революцiонными взглядами и разрушительною дѣятельностью тѣхъ партiй, и 3) что въ случаѣ неисполненiя ими сего предложенiя, сужденiе объ ихъ поступкѣ будетъ передано на усмотрѣнiе ихъ епархiальныхъ начальствъ, изъ подчиненiя которымъ они, какъ продолжающiе быть священниками, не освобождены и въ ихъ положенiи членовъ Государственной Думы“.

Объявляя этотъ указъ вызваннымъ имъ священникамъ, митрополитъ Антонiй разъяснилъ, что они обязаны въ теченiе трехъ дней „по совѣсти“ перемѣнить убѣжденiя и „встать на сторону или правыхъ монархистовъ, но не лѣвѣе октябристовъ, или же примкнуть къ правымъ безпартiйнымъ“, и что одинъ формальный выходъ изъ лѣвыхъ фракцiй „будетъ зачтенъ въ бо̀льшую вину, какъ лицемѣрiе“

(заимствуемъ изъ напечатанныхъ въ газетахъ объясненій свящ. Тихвинскаго).

Такимъ образомъ, передъ священниками членами Думы оказалась альтернатива: или перемѣнить убѣжденія, или сложить санъ, съ угрозою при неисполненіи быть лишенными сана и вслѣдствіе того подвергнуться правоограниченіямъ. Синодъ сталъ на каноническую точку зрѣнія: имѣющій священный санъ, въ какомъ бы званіи онъ сверхъ того ни состоялъ, есть священникъ. Но вѣдь съ одинаковымъ правомъ можно стать и на другую: членъ Государственной Думы, въ какомъ бы званіи онъ сверхъ того ни состоялъ, есть членъ Думы, т.-е. лицо, избранное народнымъ представителемъ именно вслѣдствіе своихъ убѣжденій и формально огражденное закономъ отъ всякаго сторонняго воздѣйствія на свободу его сужденій и мнѣній. Законъ считаетъ, что этой свободѣ противорѣчитъ, напримѣръ, состояніе на дѣйствительной военной службѣ и потому устраняетъ военнослужащихъ отъ всякаго участія въ выборахъ. Противъ такой постановки вопроса можно спорить или нѣтъ, но она, во всякомъ случаѣ, послѣдовательна и логична. Законъ не можетъ допускать абсурда, чтобы человѣку предъявлялись два діаметрально противоположныхъ и одинаково авторитетныхъ требованія. Если священнослужители не устранены отъ участія въ выборахъ и могутъ состоять членами Думы, то, значитъ, они могутъ и осуществлять обязанности этого своего званія на одинаковыхъ основаніяхъ съ другими представителями.

Синодъ покрываетъ свое рѣшеніе предложеніемъ добровольно снять священный санъ и тѣмъ показываетъ, что онъ далекъ отъ мысли насиловать убѣжденія. Но, во-первыхъ, и добровольное сложеніе священнаго сана влечетъ за собой правоограниченія. А во-вторыхъ, насколько это не безразлично для священника по призванію, ярко показываютъ объясненія о. Тихвинскаго: „Не могу перемѣнить своихъ убѣжденій, не могу и сана священническаго сложить съ себя, для сего нужно перестать быть въ душѣ священникомъ. Предстоять престолу Божію если я скажу, что это доставляетъ мнѣ радость и утѣшеніе, этого будетъ мало: оно составляетъ мою жизнь. Отказаться отъ сана—значитъ отказаться отъ жизни“.

Не споримъ, что намѣренное уклоненіе православнаго священника, по чину церковнаго служенія молящагося за царя и приводящаго къ присягѣ на вѣрное подданство, отъ порицанія замысловъ цареубійства служитъ достаточнымъ свидѣтельствомъ того, что въ душѣ такого священника наступилъ разладъ. Но въ-томъ то и дѣло, что въ данномъ случаѣ былъ внѣшній фактъ отсутствія священниковъ въ засѣданіи Думы 7 мая и отнюдь не было намѣренной демонстраціи противъ порицанія замысловъ цареубійства. Тотъ же священникъ

Тихвинскій пишетъ: „Парламентская фракція трудовой группы и крестьянскаго союза, къ которымъ я принадлежу, постановила: на засѣданіе 7 мая, когда будетъ обсуждаться заявленіе правыхъ, не ходить, такъ какъ заявленіе правыхъ не обосновано никакими фактическими данными, а построено лишь только на слухахъ, неясныхъ, неопредѣленныхъ и настолько разнорѣчивыхъ, что самый фактъ покушенія подвергался весьма большому сомнѣнію и даже отрицался. Фракція была убѣждена, что заявленіе правыми внесено было съ провокаціонной цѣлью, чтобы устроить только скандалъ, вызвать страсти, дискредитировать Государственную Думу въ глазахъ населенія, чѣмъ правые обыкновенно и заявляютъ себя въ Думѣ. Не желая быть участникомъ скандала и не находя въ рѣшеніи фракціи ничего, что было бы противно моей совѣсти или свидѣтельствовало бы о неуваженіи къ Монарху, а тѣмъ болѣе о сочувствіи къ террору, я согласился съ рѣшеніемъ фракціи и весь день 7 мая на засѣданіи Государственной Думы не былъ".

23 мая, синодъ отказалъ въ признаніи объясненій священниковъ Архипова, Колокольникова и Тихвинскаго уважительными, а потому опредѣлилъ ихъ, равно не представившаго объясненій священника Брилліантова, предать суду епархіальныхъ начальствъ.

Какъ видно изъ списка, который былъ распубликованъ въ „собраніи узаконеній" 20-го апрѣля, всего въ теченіе междудумскаго періода было издано въ порядкѣ 87 ст. основныхъ законовъ 60 чрезвычайныхъ законодательныхъ мѣръ. Изъ нихъ дѣйствіе семи мѣръ 20-го апрѣля прекратилось само собою, за невнесеніемъ въ Государственную Думу соотвѣтствующихъ имъ законопроектовъ. А дѣйствіе остальныхъ пятидесяти-трехъ — было, путемъ внесенія законопроектовъ въ двухмѣсячный срокъ съ открытія Думы, продолжено, впредь до отклоненія этихъ законопроектовъ законодательными учрежденіями или до обращенія ихъ въ постоянныя правовыя нормы.

Въ засѣданіяхъ 18-го, 21-го и 22-го мая Государственная Дума разсмотрѣла пять такого рода законопроектовъ и одинъ приняла, а четыре отклонила. Принята отмѣна правилъ о взысканіяхъ за тайное обученіе въ губерніяхъ Западнаго края и Царства Польскаго. Отклонены: объ установленіи уголовной отвѣтственности за восхваленіе преступныхъ дѣяній въ рѣчи или печати, о мѣрахъ предупрежденія побѣговъ арестантовъ внѣ тюремныхъ зданій, о дополненіи устава о воинской повинности правилами о порядкѣ исполненія повинности лицами, привлеченными къ дознаніямъ по государственнымъ преступленіямъ, а равно подвергнутыми гласному надзору полиціи, и объ

усиленіи отвѣтственности за пропаганду въ войскахъ, съ передачею дѣлъ въ вѣдомство военныхъ судовъ.

Всѣ отклоненные законопроекты буквально воспроизводили мѣропріятія, которыя въ свое время, при введеніи въ дѣйствіе, были встрѣчены единодушнымъ осужденіемъ. Каждымъ предлагалось внести въ законодательство нормы, рѣзко неудовлетворительныя, какъ въ принципіальномъ, такъ и въ техническомъ отношеніи. Вмѣсто того, чтобы придать силу дѣйствующаго закона 133 статьѣ уголовнаго уложенія, воспрещающей подъ угрозой ареста восхваленіе наиболѣе тяжкихъ правонарушеній, совѣтъ министровъ, закономъ 24-го декабря 1906 г., создалъ наказуемость восхваленія всякаго рода преступныхъ дѣяній и назначилъ за него, какъ высшее наказаніе—заключеніе въ тюрьмѣ до 8 мѣсяцевъ. Такимъ образомъ, подъ угрозой уголовной кары, съ правомъ суда подвергнуть виновнаго тюремному заключенію, оказалось восхваленіе самыхъ мелочныхъ проступковъ, совершеніе которыхъ не можетъ влечь бо̀льшаго наказанія, чѣмъ ничтожный денежный штрафъ. Этотъ явный недостатокъ проекта во время преній призналъ и министръ юстиціи. Онъ предлагалъ Думѣ проектъ измѣнить, какъ въ опредѣлительной части закона, такъ и въ карательной. Дума на это не согласилась, ибо въ такомъ случаѣ, впредь до прохожденія измѣненнаго проекта черезъ Государственный Совѣтъ и полученія имъ санкціи, законъ 24-го декабря оставался бы въ силѣ. Дума предпочла воспользоваться своимъ правомъ его отмѣны, не закрывая тѣмъ министру юстиціи возможности войти на общемъ основаніи съ новымъ представленіемъ по данному предмету.

По дѣйствующему закону, мѣрами предупрежденія побѣговъ арестантовъ внѣ тюремныхъ зданій служатъ оковы, которыя отнесены къ категоріи тѣлесныхъ наказаній и которыя потому не могутъ быть налагаемы ни на женщинъ, ни на лицъ привилегированныхъ сословій, ни на задерживаемыхъ по одному подозрѣнію. Министерство 30-го сентября, взамѣнъ оковъ, установило наложеніе предупредительныхъ связокъ на всѣхъ препровождаемыхъ и по ничѣмъ неограниченному усмотрѣнію конвоирующихъ, т.-е. низшихъ служителей власти. Министръ юстиціи доказывалъ, что „легкіе браслеты“ и „цѣпочки“ не имѣютъ ничего общаго съ „наручниками“ и „кандальными цѣпями“ и что оцѣнивать первые, какъ простое техническое усовершенствованіе вторыхъ, нельзя. Но Дума его доводами не убѣдилась. Что касается нововведеній, предлагавшихся для дополненія устава о воинской повинности, то Дума не сочла возможнымъ нарушать одно изъ коренныхъ началъ существующей системы комплектованія арміи: поступленіе на военную службу есть не только обязанность, но и право, ограниченіе котораго допустимо исключительно

въ судебномъ порядкѣ, т.-е. или въ силу судебнаго приговора, или въ силу привлеченія лица къ слѣдствію, но отнюдь не къ дознанію. Въ отношеніи отклоненія послѣдняго законопроекта, необходимо помнить, что вопросъ касался не установленія отвѣтственности за пропаганду въ войскахъ, а только ея усиленія—отъ ссылки на поселеніе и отдачи въ исправительный домъ до обязательнаго назначенія каторги. Въ случаѣ принятія законопроекта, получилось бы, что преступная агитація въ войскахъ, хотя бы не имѣвшая послѣдствій, карается суровѣе шпіонства въ мирное время и даже захвата орудійнаго или оружейнаго завода, укрѣпленнаго мѣста, военнаго судна и т. п. Едва-ли можно оправдать карательную систему, при которой подготовительная дѣятельность къ мятежу наказывается строже, чѣмъ самъ мятежъ.

ИЗВѢЩЕНІЯ

I. — Отъ Русскаго Общества охраненія народнаго здравія.

Воззваніе Соединенной Организаціи С.-Петербургскихъ Обществъ для помощи голодающимъ отъ неурожая.

Къ пережитымъ нашею родиною бѣдствіямъ присоединилось новое: *неурожай*, отъ котораго пострадало слишкомъ 138 уѣздовъ въ 23 губерніяхъ съ населеніемъ около 25 милліоновъ, на пространствѣ въ 600 тысячъ квадратныхъ верстъ. Отъ лѣтней жары высохли хлѣба и травы въ центральной черноземной полосѣ, отъ чрезмѣрныхъ дождей вымокли поля во многихъ мѣстностяхъ сѣвера. Недоборъ въ 12 наиболѣе пострадавшихъ губерніяхъ превышаетъ полъ-милліарда пудовъ хлѣба. Населеніе этого района не можетъ покрыть свою нужду даже при содѣйствіи земства и правительства.

Въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ населеніе дошло уже до такой грани, гдѣ кончается голодная жизнь и начинается голодная смерть. *Нѣтъ пищи, нѣтъ корма для скота, нѣтъ соломы на топливо.* Ожидаются цынга, голодный тифъ, холера, надвигается грозный призракъ чумы.

Вспомнимъ 1892 годъ, въ теченіе котораго отъ болѣзней, спутниковъ голода 1891 года, только въ губерніяхъ Европейской Россіи смертность противъ трехлѣтней средней увеличилась на 600.000 человѣкъ. *Нужна неотложная общественная помощь.* Только при сочувствіи общества народной нуждѣ могутъ быть собраны средства, необходимыя для изголодавшагося населенія.

Уже возникло съ этою цѣлью нѣсколько общественныхъ организацій. Но бѣдствіе такъ велико, что необходимо создавать новые и новые кружки, собирать новыя силы и средства.

Русское Общество охраненія народнаго здравія сочло своимъ долгомъ помочь голодающимъ и объединило для этой цѣли многія С.-Петербургскія Общества.

Въ твердой надеждѣ на общее сочувствіе *Соединенная Организація С.-Петербургскихъ Обществъ* обращается ко всѣмъ, въ комъ живо, въ комъ теплится чувство любви къ страждущему ближнему, *съ просьбою оказать посильную помощь*—и малая лепта отъ многихъ доброжелателей можетъ спасти голодающихъ.

Всѣ накладные расходы будутъ выполнены на средства Русскаго Общества охраненія народнаго здравія, а потому *каждая пожертвованная копѣйка найдетъ себѣ производительное употребленіе исключительно на нужды голодающихъ отъ неурожая.* Спѣшите помогать, ибо опасность—въ промедленіи.

Списки пожертвованій и отчеты будутъ публиковаться въ газетахъ и журналѣ Общества охраненія народнаго здравія; дѣятельность орга-

низаціи будетъ доступна самой широкой гласности и общественному контролю.

Для завѣдыванія всѣми дѣлами Соединенная Организація избрала *Исполнительный Комитетъ*: предсѣдатель прив.-доц. В. О. Губертъ, секретари: гражд. инж. С. В. Покровскій и д-ръ мед. Г. И. Дембо, казначей д-ръ Б. И. Хабловскій; члены—д-ръ мед. А. А. Владиміровъ, женщ.-врачъ З. Я. Ельцина, гражд. инж. В. В. Старостинъ и Вас. Ив. Покровскій.

Пожертвованія въ фондъ Соединенной Организаціи С.-Петербургскихъ Обществъ для помощи голодающимъ отъ неурожая принимаются:

а) въ Обществѣ охраненія народнаго здравія (Мойка, 85, у Синяго моста);

б) во всѣхъ соединенныхъ съ нимъ Обществахъ, а именно: 1) въ „Обществѣ архитекторовъ“ (Мойка, 83); 2) въ „Обществѣ архитекторовъ-художниковъ“ (Императорская Академія Художествъ); 3) въ „Обществѣ борьбы съ заразными болѣзнями“ (Театральная ул., 3); 4) въ „Россійскомъ Ветеринарномъ Обществѣ“ (Театральная ул., 1—3); 5) въ „С.-Петер. Врачебномъ Обществѣ взаимной помощи“ (9 Рожд., № 18); 6) въ „Географическомъ Обществѣ“ (Чернышевская площ., 2); 7) въ „Обществѣ гражданскихъ инженеровъ“ (Серпуховская ул., 10); 8) въ „Обществѣ инженеръ-электротехниковъ“ (Песочная ул., 5); 9) въ „Медицинскомъ Обществѣ“ (Инженерная ул., 9); 10) въ „Обществѣ морскихъ врачей“ (зданіе Адмиралтейства); 11) въ „Обществѣ нѣмецкихъ врачей“ (Моховая, 38); 12) въ „Политехническомъ Обществѣ“ (Мойка, 83); 13) въ „Обществѣ русскихъ врачей“ (Б. Сампсоніевскій пр., 2); 14) въ „Собраніи экономистовъ“ (Адмиралтейская наб., 4); 15) въ „Обществѣ содѣйствія русской промышленности и торговли“ (Мойка, 83); 16) въ „Обществѣ С.-Петербургскихъ врачей“ (Б. Конюшенная, 10); 17) въ „Обществѣ технологовъ“ (Англійскій пр., 45).

II. — Отъ Комитета Литературнаго Фонда.

Переживаемыя страной за послѣднее время тяжелыя событія отразились очень сильно и на дѣятельности Литературнаго Фонда: сперва война, а потомъ глубокія потрясенія нашей внутренней жизни неблагопріятно повліяли на притокъ пожертвованій и другія случайныя поступленія въ Фондъ; вмѣстѣ съ тѣмъ увеличились затрудненія по устройству предпріятій Фонда—лекцій, литературныхъ вечеровъ, спектаклей и т. д., дававшихъ всегда довольно значительный доходъ.

Тѣ же обстоятельства, которыя вызвали весьма значительное уменьшеніе поступленій въ Фондъ, настойчиво требовали увеличенія выдачъ изъ него. Война заставила журналы и почти всѣ газеты сократить многіе отдѣлы литературнаго и научнаго характера и тѣмъ повлекла пониженіе и даже прекращеніе заработка очень многихъ литераторовъ; война тоже сильно уменьшила сбытъ произведеній печати. Далѣе, множество литературныхъ дѣятелей приняло участіе въ движеніи, такъ глубоко охватившемъ всю Россію, и тяжкія репрессіи, которымъ подверглись эти лица, еще болѣе расширили кругъ писа-

телей, нуждавшихся въ помощи Фонда. Такое стеченіе неблагопріятныхъ обстоятельствъ повлекло за собою уже въ 1905 году крупное превышеніе расходовъ надъ доходами, и Литературный Фондъ имѣлъ на 1 января сего года *по расходному капиталу—изъ котораго, по Уставу, только и можетъ быть производима большая часть выдачъ Фонда*—дефицитъ въ 7.800 руб. Въ текущемъ году не только не оказалось возможнымъ покрыть этотъ дефицитъ, но напротивъ, даже самое умѣренное удовлетвореніе потребностей обращавшихся въ Фондъ за пособіемъ просителей вновь повлекло за собой превышеніе расходовъ надъ поступленіями. Еслибы Фондъ прекратилъ совершенно выдачу одновременныхъ пособій, производя, однако, полностью уплату назначенныхъ пенсій и продолжительныхъ пособій, то дефицитъ составитъ уже теперь около 2.000 руб.

Такое положеніе дѣла побудило Комитетъ Фонда принять экстренныя мѣры къ уменьшенію наростанія дефицита и съ этой цѣлью прежде всего сократить, до улучшенія финансоваго положенія Фонда, выдачи, ограничивъ ихъ только безусловно крайними случаями острой нужды; считая долгомъ поставить общество въ извѣстность относительно всего вышеизложеннаго, Комитетъ вмѣстѣ съ тѣмъ обращается къ лицамъ, сочувствующимъ задачамъ Литературнаго Фонда, съ усердной просьбой приходить ему на помощь посильными пожертвованіями, устройствомъ предпріятій, могущихъ увеличивать расходный капиталъ (каковы спектакли, литературные вечера, публичныя лекціи), привлеченіемъ новыхъ членовъ общества и т. п. мѣрами. Слѣдуетъ имѣть въ виду, что членами Литературнаго Фонда могутъ быть не только литераторы и ученые, но и лица всѣхъ сословій, сочувствующія литературѣ и просвѣщенію; заявленія о желаніи вступить въ члены дѣлаются или Комитету (Фонтанка, 25), или одному изъ членовъ Фонда, который передаетъ это заявленіе Комитету; избраніе производится посредствомъ баллотировки въ одномъ изъ общихъ собраній, при чемъ лица женскаго пола принимаются безъ такой баллотировки, по одобренію Комитета. Размѣръ членскаго взноса—начиная отъ 10 р. въ годъ.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

СОДЕРЖАНІЕ
ТРЕТЬЯГО ТОМА

Май—Іюнь, 1907.

Книга шестая.—Іюнь. стр.

